Горовая Ольга

Любовь как закладная жизни

Роман о страстной любви

Annotation

Десять лет назад их объединил случай, ее беда и чужая жадность. А разъединяла целая жизнь. Два человека из разных миров: Вячеслав Боруцкий — бандит, заправляющий криминалом города, и Агния Сотенко — сирота, собирающаяся стать оперной певицей. Они нашли друг в друге то, чего никто из них не искал и не мог предположить. А спустя несколько лет — потеряли столько, что не каждый сможет вынести. Можно ли забыть о боли и собственной вине? Можно ли исправить чужое зло, переломившее жизнь надвое? И можно ли победить в себе зависимость, которую никогда и не думал начинать? Кто-то бы сдался и опустил руки, но эти двое слишком упрямы, чтобы хотя бы не попробовать.

- Ольга Горовая
  - Любовь как закладная жизни
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29

- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2

Ольга Горовая

Любовь как закладная жизни

Пролог

Наши дни

Весенний дождь оказался нежданно теплым. Не зная, что сейчас на улице конец апреля, вполне можно было бы решить, что наступил июнь. Именно в этот месяц лета самые красивые дожди, самые сильные, мощные, полные жизни и эмоций.

Так ей всегда казалось.

И вот этот дождь походил на те ливни. Впрочем, Агния была не очень в этом уверена. Ей не хотелось ни о чем думать или что-то вспоминать, даже дожди. Ноги сами собой брели по стремительным, бурлящим потокам, в которые превратились тротуары из-за этого дождя. Дорогие туфли, наверняка, пришли в полную негодность, но ей не имелось до этого дела. Все на Агнии было дорогим: свободное, струящееся платье из бледно-зеленого шелка, туфли ему в тон, украшения, дурацкая сумочка, болтающаяся на уровне бедра, с золотистой цепочкой вместо ручки. Эта цепочка давила на плечо и раздражала, отвлекая от бесцельного блуждания по улицам, а Агния не хотела отвлекаться. Она не хотела ничего. Ни ощущать этот дождь, хлещущий ее потоками воды по лицу, ни ветер, раздувающий мокрые длинные волосы. Ни лужи, в которые наступала. Она ничего не желала. Только забыть обо всем на свете. И особенно о том, что у нее отобрали.

Голова просто раскалывалась, во рту пересохло, а дождевая вода казалась то горячей, то холодной. Она была уверена, что они уже давно что-то ей подмешивают, куда, как и когда — не знала, но не сомневалась. Только ее это уже не волновало. Понятно, им она очень даже нужна зависимой.

В наушниках, перекрывая шум падающей с неба воды, с достоинством и пониманием звучало трио. Певцы исполняли песню, которая сейчас так подходила под настроение Агнии.

Сегодня была годовщина.

У нее отобрали все, все, что имело значение для Агнии. Все, кроме этих долбанных денег. Тех, как раз, ей оставили в избытке. Даже смешно, ведь когда-то ей казалось, что все проблемы исчезнут, как только она сможет себя обеспечить. И к *нему* она тогда ведь именно за этим, за деньгами пошла. А теперь…

Теперь ей ничего не надо. И денег этих век бы не видеть. Лишь бы *его* вернули, *его* и их ребенка. Только таких чудес и за все деньги на свете не купишь.

Безумно тяжело быть той, кто остался. И, в принципе, уже не важно, что с тобой сейчас делают, как мучают тело. Душа сильнее болит от воспоминаний о том счастье, которое уже не вернуть.

Новый порыв ветра снова бросил волосы в лицо. Это раздражало не меньше, чем трение ремешка-цепочки. Может быть, даже сильнее. Отбросив надоевшие локоны, давно ставшие мокрой мочалкой, за спину, она подняла голову и осмотрела улицу. Поддавшись минутному порыву, прошла еще половину квартала, до первого попавшегося салона, которых нынче стало так много, и зашла внутрь, не заботясь о том, сколько воды мигом оказалось на полу по ее милости. Агнию узнали. Пусть она была не так популярна, как попсовые певицы, и выступала для иного круга слушателей, но и ее лицо было известно и узнаваемо.

Не вынув из ушей бусинок-наушников, она опустилась в ближайшее свободное кресло, не обратив никакого внимания на суматоху, вызванную ее появлением. И выразительным жестом

показала, чего хочет.

— Вы уверены? — прочла по губам удивленной девушки.

Агния ограничилась кивком. И так же молча наблюдала за тем, как падают на кафельный пол длинные светлые волосы.

Было больно так, словно бы отрезали ее живые части. Будто пальцы, а не волосы резали. Больно от воспоминаний, как он перебирал эти пряди, как гладил те, успокаивая ее или сам ища покоя, как опускал в ее волосы свое лицо.

Господи! До чего же сильно ей не хватало *его*! До сих пор…

Девушка замерла с занесенными в руке ножницами, видимо, испуганная ее слезами, тихо струящимися по щекам Агнии. Она махнула, чтобы та не обращала внимания.

За полтора часа, что Агния провела в салоне, платье успело высохнуть. У нее теперь была новая прическа, да и дождь прекратился. Поменялось почти все, кроме песни, поставленной на цикл, и надрывной боли внутри.

Расплатившись, она вышла из салона, поймала первое такси и назвала название одного из наиболее дорогих и закрытых в столице ресторанов.

Здесь ее знали куда лучше, чем в том салоне. В конце концов, этот ресторан принадлежал ее хозяину, и Агния даже иногда выступала здесь, по «личной просьбе». Пока она, следуя за официантом, пересекала зал, немногочисленные из-за дневного времени посетители приветствовали Агнию кто взмахом руки, кто кивком. Она так же сдержанно отвечала, не желая ничьей компании.

Сев за небольшой круглый столик у самой сцены, Агни молча поздоровалась с музыкантами и, отказавшись от меню, заказала графин водки и рюмку. Она не любила алкоголь. Но… поминать, так по правилам.

И когда холодная, горькая и тягучая жидкость покатилась по горлу, закрыла глаза, вспоминая.

Десять лет назад

«Он был старше ее,
Она была хороша,
В ее маленьком теле
Гостила душа…»

Машина времени.

Он был ужасно некрасивым. Вроде и не урод. Два глаза, два уха, нос. Все нормальное и даже обычное само по себе. Но вместе это все как-то не складывалось. Не звучало. Нос, кстати, выглядел, вообще, как-то криво. Наверное, ему тот ломали. А может, и не раз. Жесткий ежик волос венчал все это «великолепие», однако его высота не позволяла даже нормально определить цвет шевелюры. Впрочем, кажется, волосы были седыми. Наверное, он довольно стар. И седина, и морщины указывают на это.

Пожалуй, самыми запоминающимися деталями этого лица были: широкий лоб, изборождённый несколькими глубокими горизонтальными и вертикальными морщинами, тот самый, переломанный нос, и тяжелый, массивный подбородок, с грубой кожей, синеватой от пробивающейся черной щетины. И еще — скулы. Они буквально выпирали, делая это лицо еще

более гротескно рельефным и негармоничным.

Разумеется, делиться своими наблюдениями с кем бы то ни было, Агния не собиралась. На самом деле, она до ужаса, до дрожащих сейчас коленок, боялась этого старого человека с нескладным и хаотичным лицом. И потому, стараясь взять себя в руки и подавить панику, Агния попыталась сосредоточиться на обстановке и том, что происходило в зале.

Мужчина сидел за столиком и с кем-то разговаривал. Одет он был в джинсы и темную рубашку с закатанными рукавами, но Агния не сомневалась, что эти, простые с виду вещи, стоили очень много.

Руки, которые этот мужчина нагло, вопреки всем приличиям, положил на бордовую с белым скатерть, казались ей огромными и грубыми. Такими же нескладными и хаотичными, как и его лицо. Длинные пальцы, с загрубевшей, потертой и темной кожей на сгибах, медленно и лениво постукивали по столу, пока он слушал своего собеседника, почти незаметного из-за сумрака в пустом зале ресторана. А из-за того, что на все помещение горела лишь одна лампа, на том самом столе, за которым эти двое и сидели — становилось еще темней.

Странно даже, вокруг стоит тишина, зал пустой, а ей не слышно ни слова из того, о чем говорят эти двое. Это вам не залы и аудитории консерватории, где каждый звук многократно умножается и разносится ясным и неизменным. Нет, это совсем другое место.

Она посмотрела направо от себя, где, переминаясь с ноги на ногу и отчаянно потея, стояла Зоя Михайловна, ее преподаватель по вокалу. Это была ее идея привести Агнию сюда, но, походила на то, что нынче Зоя Михайловна не очень-то и уверена в своем решении. Рядом с пожилой женщиной стоял невысокий, щуплый мужчина. Невзрачный и неприметный. Таких неимоверно много в любой толпе. Собственно, подобные личности толпы и создают, безликие и невыразительные, неприметные. Разительно отличающиеся от личностей, выделяющихся на общем фоне. Как тот хаотичный мужчина, к примеру.

Отвернувшись от нервничающего преподавателя и их «сопровождающего», который и вывел Зою Михайловну на это место и людей, она продолжила рассматривать зал. Сейчас было довольно поздно. Чуть больше двух часов ночи. И ресторан уже закрылся для посетителей. Для тех, которые приходили сюда поесть. Зато, задние двери гостеприимно распахнулись для всех, кто желал обратиться за помощью к местному «авторитету». Не то, чтобы тот охотно отзывался на каждую просьбу. И близко нет. Но иногда, кое-кому везло. И слухи о таких счастливчиках толкали на порог этого ресторана все новых и новых отчаявшихся идиотов. Что ж, похоже, и она присоединилась к этой братии. Оставалось теперь только дождаться своей аудиенции и того, чем для Агнии обернется встреча с этим человеком.

Боров.

Странное имя. Ну, то есть, она понимала, что это прозвище. Настоящего имени или фамилии этого мужчины Агния не знала. И это ее коробило. Как можно обращаться с просьбой к человеку, имени которого не знаешь? Тем более к пожилому человеку? Ее воспитывали в уважении и почти благоговении к опыту и знаниям старших людей. Конечно, Агния могла допустить, что родители простили бы ей некоторое послабление и нарушение правил в отношении криминального авторитета (бандитом, которым этот Боров по сути и являлся, она даже про себя не могла его назвать. Воспитание бунтовало, воспринимая это слово оскорблением). Однако все равно не могла понять, как можно называть человека «Боров». Весь пятнадцатилетний опыт ее молодой жизни приходил в ужас. Да и, вообще, она же пришла просить этого человека. По сути, он сейчас являлся ее последним шансом уйти из системы, после того, как родители Агнии месяц назад погибли. Конечно, официально, они еще считались пропавшими без вести. Тем более что все случилось в

другой стране, и никто еще не мог позволить себе категорично сообщить правду пятнадцатилетней сироте. Но она и сама эту правду знала. Будь ее мать или отец живы — нашли бы возможность связаться с ней. Обязательно нашли бы. Ведь и «пропали» они не посреди джунглей или пустыни, а в центре огромного мегаполиса. И насколько больно ей бы ни было сейчас, приходилось заталкивать слезы и эмоции поглубже. Так, чтобы те не вылезли в самый последний момент. И бороться. Бороться за себя и свою жизнь, которую надо было как-то устроить в этом государстве и этой системе. И чтобы при этом, та самая система не узнала, что ее бабушка уже давно не может позаботиться не то, что об Агнии, а и о себе самой. Так что Агнии пришлось взять эту роль опекуна самой себя в свои же руки. Друзья родителей, такие внимательные и доброжелательные ранее, облегчили свою совесть соболезнованиями и устными заверениями, и просто пропали из ее жизни. Агния не сердилась, и даже понимала — горе, боль, лишние обязанности и заботы отпугивают и обременяют людей. Никому не нужны чужие проблемы.

И потому, возвращаясь уже к ее проблеме воспитания и уважения, она не могла представить, как сейчас подойдет к этому пожилому человеку и скажет что-то в таком роде: «Здравствуйте, уважаемый Боров. У меня к вам огромная просьба…»

Какой нормальный человек согласиться после такого не то, что помочь, а хотя бы продолжит слушать нахальную девчонку?

Решив, что не может так рисковать, Агния осторожно, бочком, приблизилась на два шага к Зое Михайловне и щуплому человечку. Ее преподаватель сдавленно охнула, не заметив, как Агния оказалась так близко, и схватилась за сердце, испугавшись. Видимо, приняла ее за бандита, собравшегося сделать что-то ужасное. Виновато посмотрев на преподавателя, Агния еще на шажок приблизилась и, немного наклонившись, тронула рукав щуплого сопровождающего.

— Извините, — неуверенно прошептала она, когда тот перевел на нее безразличные глаза. — Подскажите, пожалуйста, как его зовут. — Агния указала пальцем на Борова. — Ну, по-настоящему, а не кличку. Не могу же я к нему так обратиться.

Мужчина смерил ее пустым взглядом, в котором Агния ничего не сумела прочесть и отвернулся.

— Вячеслав Генрихович, — пожав плечами, так же тихо ответил он. — Но на твоем месте, я не рассчитывал бы, что это чем-то поможет.

Агния поджала губы. Какие же эти люди странные, ей-Богу. Она и не думала никого «подкупать» обращением, просто не могла иначе. Ну дико для нее было обратиться к человеку — Боров! И Агния уже едва не начала об этом говорить вслух, когда Зоя Михайловна обратила на нее предостерегающий и умоляющий взгляд. Похоже, ее преподаватель опасалась привлечь внимание местного главы раньше времени. А так как Зоя Михайловна была единственным человеком, который не отказался об Агнии за этот месяц, и искренне беспокоился о ее будущем, она предпочла промолчать. И послушно вернулась на свое место.

Однако, похоже, ее передвижения не остались незамеченными.

Боров, он же — Вячеслав Генрихович, отвернулся от своего собеседника, отмахнувшись скупым жестом ладони, и чуть прищурившись, глянул в их сторону. Агния замерла, наблюдая за тем, как того, с кем этот человек только что разговаривал, настойчиво извлекли из-за стола помощники, два крепких и плотных мужика. Молодой, как оказалось, парень, что-то отчаянно, но все так же тихо, продолжал доказывать, будто не замечал того, что его выгоняют взашей. Вячеслав Генрихович не обращал на это никакого внимания, продолжая пристально изучать их трио. Но у Агнии вдруг совсем отказала уверенность в себе и смелость. Страх поднялся с коленок на все члены тела, задрожали, казалось, даже кончики волос, и оттого она никак не решалась перевести

глаза, чтобы встретиться взглядом с этим человеком. А, вместо этого, продолжала следить за тем, как один помощников Вячеслава Генриховича, наклонившись, что-то тихо сказал сопротивляющемуся пареньку на ухо. Тот моментально умолк, и даже как-то сник сразу. В темноте зала стало заметно, что он глянул на мужика с ужасом, и больше не сопротивлялся, когда тот выталкивал его в двери.

— Ты кого это притащил, Щур*? Что за ясли? Башку дома забыл? Или проблем мне добавить хочешь?

Это, определенно, о ней. И голос… Голос этого человека соответствовал ему. Грубый, сиплый, будто сильно прокуренный. Диссонансный. Такой же хаотичный, как и вся его внешность.

Но у Агнии и сейчас не хватило духу перевести взгляд. Вместо этого она посмотрела на их провожатого.

Щур, как Вячеслав Генрихович назвал этого человека, казалось, не смутился и не обеспокоился претензиями начальства. Наоборот, молча подошел ближе к столику, подав знак и Зое Михайловне приблизиться. Само собой, следом за ними пришлось подойти и ей. Агния замерла на самом краю освещенного круга, вперив глаза в пол, и отчаянно стараясь проглотить нервный ком в горле. Это было страшнее, чем выступать перед полным залом экзаменаторов. Куда страшнее.

— У людей к тебе дело, Боров, — спокойно проговорил Щур. — Мое же дело малое, я просто помогаю тебя найти.

— Малое, — Вячеслав Генрихович хмыкнул. — Крыса — она и есть крыса, свою выгоду увидит и везде найдет. Так что баки мне тут не забивай. Небось, прилично взял с этих, прежде чем «помочь». — Со стороны стола донесся щелчок, и потянуло горьким и противным дымом.

О, Боже!

Против воли Агния прокашлялась, у нее сразу запершило в горле от сигаретной гари, которую она на дух не переносила. Еще больше испугавшись из-за этого, она непроизвольно зажала ладонью рот и нос. Сбоку кто-то насмешливо засмеялся. Но и в сторону весельчака Агния не повернулась, продолжая изучать пол и свои туфли.

Хмыкнул и Вячеслав Генрихович, отчего по ее трясущемуся в ужасе телу, прошла новая волна нервной дрожи.

— Ну, так, с чем пожаловали… дамы? — насмешливо поинтересовался он.

— П-понимаете, — кажется, Зое Михайловне было так же страшно, как и самой Агнии. Она еще никогда не слышала, чтобы эта крупная, добрая и надежная женщина заикалась перед кем-то. — Мы хотели поговорить с вами о работе. Девочка — сирота, и ей нужны деньги, а она…

— К Геле, — Вячеслав Генрихович грубо прервал нескладный лепет ее преподавателя. — Я шлюхами не занимаюсь и девочек не курирую. Не мой профиль. Да и щупловата она, долго на панели не протянет. Вы бы что-то другое придумали.

Судя по резкому скрежету, Вячеслав Генрихович поднялся. И Агния отчетливо поняла, что все — аудиенция окончена. И ей отказано до того, как нормально выслушали. Страх потерять единственный шанс оказался сильнее боязни этого человека. Ну, уж нет!

Резко подняв голову, она смело ступила ближе к столу и дерзко посмотрела прямо в глаза Борову. Глаза у него были страшные. То есть, обычные, конечно, веки там, ресницы, зрачки. Темно-карая радужка. Но смотрели эти глаза так, что человек, наверное, мог на месте умереть от такого внимания и угрозы. Не целенаправленной, нет. Просто…

Будучи человеком набожным, Агния едва удержалась, чтобы не перекреститься. Так, в ее понимании, смотрел бы демон, а не человек. Не дьявол, тот должен был бы искушать человеческие души даже глазами. А этот — он просто смотрел, и от этого язык отнимался, и сердце леденело.

Убьет, ведь, и не вздрогнет ничего. Отвернется потом, и не вспомнит. Как таракана раздавит. Или это у нее воображение разыгралось?

И на какой-то миг замерев под этим его взглядом, Агния разом поняв три вещи.

Этот человек был не таким старым, как ей показалось вначале. Не ее ровесник, само собой, но и не пожилой дядечка шестидесяти лет, как ей подумалось. Хотя, лет двадцать разницы между ними, наверное, имелось. Больше, чем вся ее жизнь.

Он действительно собирался сейчас уйти, и никак не отреагировал на ее движение. Агния для него была не значимей надоедливей мелкой мошки.

И еще, самое последнее, и самое страшное — она в него влюбилась. Вот так — разом. С первого взгляда…

Или, нет, это потом, через пару лет, Агния пришла к выводу, что влюбилась в Вячеслава уже тогда, в первую встречу. А в тот момент она ощутила почти жгучую ярость, что ее не хотят слушать и не видят.

Видимо, ярость и гнев, ходят рядом с любовью. Тоже ведь, страстные чувства.

— Я не шлюхой пришла проситься, Вячеслав Генрихович! — громко заявила она, не обратив внимания на то, что мужчина отворачивается. — А певицей!

Зоя Михайловна сдавленно ухнула за ее спиной, но тут же бросилась на подмогу ученице.

— Верно! Девочка очень талантлива, у нее мощный и глубокий голос, меццо-сопрано. Еще не полностью развитый, но она….

Не было похоже, чтобы Вячеслава Генриховича заинтересовали их объяснения. Мужчина продолжал курить и смотреть и на нее, и на Зою Михайловну безразличным взглядом.

— Щуплая ты, — хмыкнул он, вновь затянувшись. — И мелкая. Какая певица, …? Ты мне тут про «елочку» петь собралась, что ли? Тебе лет-то сколько, дите? Хочешь, чтоб меня мусора загребли за труд несовершеннолетних? Еще и проституцию припишут, сто пудово ведь. Катись отсюда, дите, и не мозоль мне глаза. — Он отвернулся.

Агния поняла, что у нее один шанс. И сделала единственное, что действительно хорошо умела. Она запела.

Да, это была не консерватория. Акустика не та. Но ее голосу, голосу дочери двух известных оперных певцов, и это помешать не могло. И пусть ее меццо-сопрано еще не было зрелым, пусть не полностью еще раскрыло все возможности, не зря им восхищались все преподаватели их консерватории. И не только они.

Агния, не задумываясь, выбрала партию Розины из «Сивильского цирюльника». Она очень любила эту оперу. И настолько часто напевала сама себе, что и сейчас отрывок из той сам пришел на ум.

Впрочем, долго петь ей не дали.

— Это что за белиберда? — Вячеслав Генрихович смотрел на нее раздраженно. И вот то недоброе, что было в его глазах, проступила четче. — Ни хрена не понял из этой фигни. Дуй отсюда, и быстро, пока я добрый.

Он резко вдавил окурок в пепельницу, стоящую на столике.

М-да, явно не угадала с отрывком. Еще никогда Агния не чувствовала себя настолько униженной. Ее до жути обидело то, как относился и держал себя с ней этот мужчина. Ясно, что она пришла на положении просителя, но разве так можно с людьми?! И правда — бандит, что еще скажешь?!

Нет, точно, она не тогда в него влюбилась. Тогда Боров всколыхнул в ее душе только ярость.

Да и его пособники, открыто и с издевкой смеющиеся над ней, не улучшали самоощущения

Агнии. Глаза обожгли подступающие слезы, но она сумела их подавить. Плакать могут слабые, те, о ком есть кому побеспокоиться. Ей сейчас не до подобной роскоши.

— Я спою любую песню, которую вы выберите, только…

— Свободна. — Не дослушав ее, Вячеслав Генрихович развернулся и вышел из зала.

Агния не знала, что на нее нашло. Наверное, от усталости из-за постоянного напряжения и поиска выхода, чувство самосохранения и здравый смысл напрочь отказали. Хотя, какой здравый смысл, когда она пришла проситься на работу к бандиту?

Не дав себе времени на размышления и сомнения, Агния так резво рванула следом за этим страшным мужчиной, что ни его помощники, ни Зоя Михайловна, ни Щур не успели ее перехватить.

— Скажите мне песню, и я буду исполнять ее. Какую угодно. — Торопливо и громко тараторила она в спину удаляющегося бандита, спеша за ним по тесному коридорчику, тускло освещенному одной единственной лампочкой. — Мне очень нужна работа. Деньги. А я умею только петь, понимаете? Я готова петь, что угодно…

Он толкнул дверь, не обращая на нее никакого внимания, и вышел в холодную октябрьскую ночь, прикуривая новую вонючую сигарету. Агния вылетела на холод следом за ним.

— Вячеслав Генрихович…

— Тебе хоть четырнадцать есть, кроха? — Мужчина глянул на нее скептичным взглядом. — Тебе спать сейчас надо в кровати, под бдительным оком родителей, а не по кабакам шляться. Тем более, таким. Дуй отсюда, пока неприятностей не отгребла по полной.

— Мне шестнадцать! — Уверенно заявила Агния, остановившись прямо перед ним, чтобы Вячеслав Генрихович не мог ее игнорировать.

Он насмешливо изогнул брови на это заявление, и она почувствовала смущение.

— Будет шестнадцать. — Поправилась она со вздохом. Он смотрел с той же насмешкой. — Через пять месяцев. — Честно призналась Агния. — А родителей у меня нет. Погибли. Одна бабушка осталась. Но она… немного не в себе. — Как можно деликатней попыталась описать она состояние единственного родного человека. — А я не хочу попасть в детдом или интернат. И сама позабочусь о себе, и о ней. — Зло и дерзко, чтобы спрятать боль от нахлынувшей тоски по родителям, заявила она.

Что-то во взгляде Вячеслава Генриховича изменилось. Возможно, там появилась жалость. Но сейчас было не до гордости. Агния готова была принять и жалость, если та поможет. А может, Агния просто хваталась за соломинку и обманывала саму себя, ища сострадание там, где не было ничего, кроме безразличия и жестокости.

— Давно сирота? — Его голос оставался таким же безразличным и насмешливым.

— Нет. Месяц. — Она проглотила комок в горле и повыше вскинула голову, стараясь быть наравне с собеседником.

Хотя, видит Бог, это казалось почти невозможным, Вячеслав Генрихович превышал ее ростом головы на две.

Он как-то скупо кивнул и глубоко затянулся, посмотрев на черное небо, затянутое тучами.

— Это тебе не театр, малышка, или где ты там привыкла петь. Это — кабак, и люди тут собираются… особые. Им «Владимирский централ» и Круга подавай. — Он глянул на нее свысока, так, как на пятилетних карапузов, играющих в песочнице, смотрят взрослые.

Наверное, имел право. Она для него, и правда, карапуз.

— Ты хоть приблизительно представляешь, что такое пьяные мужики, привыкшие решать дело кулаками, а то и поножовщиной? И ты собираешься здесь петь? Девочка, не смеши никого. Это уже

если не вспоминать о том, что у меня есть певицы, которые сживут тебя со свету, загрызут, чтобы не терять заработок. И которые, не побрезгуют и перепихнуться с клиентом, чтобы лишний рубль получить. Хоть это и запрещено. А что ты будешь делать, если к тебе полезут, если в углу зажмут? Их ведь не остановит, что тебе шестнадцать, без пяти месяцев. — С издевкой заметил он, выпустив облако дыма в ее сторону. — Тебе в куклы играть надо.

Ее бросало то в жар, то в холод от его слов. Было и страшно, и противно, и непонятно, и стыдно отчего-то. Но отступить она не могла.

— Можно подумать, что в ваш круг, только с паспортом пускают! — Огрызнулась Агния.

— «Ваш круг». — Передразнил ее Боров и расхохотался. Грубо, скрипяще. — Ты послушай себя только. Ты что тут делаешь, принцесска? Ни фига же не понимаешь, куда лезешь, да? Думаешь, здесь все так весело и мы в игры играем? Сказок начиталась, веришь в добрых и благородных разбойников? Так их тут нет. — Он хохотнул, затянувшись так, что сигарета выгорела до фильтра. — Небось, понятия не имеешь, с кем разговариваешь. — Вячеслав Генрихович прищурился, глядя на нее. — И не понимаешь, что я могу прихлопнуть тебя сейчас, как муху, одним ударом. А потом развернусь и уйду. И ни фига мне за это не будет. И не вспомню я о тебе, как и о надоедливой мошке.

Он хотел ее напугать. Это было ясно как день. И что скрывать, ему это удавалось просто прекрасно. Агния поверила, поверила каждому слову. Даже тому, что он сейчас с размаху разобьет ей голову, или что там надо разбить, чтоб убить. Глядя на огромные, нескладные ручищи Борова она могла поверить, что ему это не составит трудностей.

Стало так страшно, как еще ни разу за вечер. Так, что захотелось в туалет, и во рту пересохло. И он увидел этот страх в ее глазах так же четко, как любой хищник видит ужас в жертве.

— Дуй отсюда. — Медленно повторил он. Бросил на асфальт окурок и неторопливо затоптал. — И не попадайся мне больше на глаза.

И она ушла. Да, что там, убежала, слыша только грохот сердца в ушах. Заскочила в коридорчик, по которому его догоняла, наскочила на застывшую там Зою Михайловну. И, схватив преподавателя за руку, потащила прочь из этого ужасного места, не обращая внимания на одышку и испуганную дрожь полной и немолодой женщины.

А на следующий вечер — пришла опять, выучив дословно «Владимирский централ» и еще несколько песен из репертуара Круга, Цыгановой и Успенской. Большую часть слов Агния просто не понимала, музыка к песням казалась ей бедной и плоской, и ее коробило от необходимости такое произносить.

Но она решила настойчиво идти к своей цели, веря, что путь осилит идущий.

И приходила опять, и опять, к концу октября выучив едва ли не весь репертуар исполнителей «шансона». После третьего раза Вячеслав Генрихович Боруцкий (наконец-то она поняла, откуда у него это странное прозвище), велел своим людям прекратить ее пускать. Но Агния настойчиво продолжала караулить его под окнами и, рискуя простудиться, распевала песни во весь свой, неслабый голос. Охранники, кажется, вообще, причислили ее к ненормальным и поглядывали как-то настороженно.

Бог знает, кто или что ее берегло. На самом деле, только спустя два года, окончательно узнав, что за человек Боруцкий, Агния действительно поняла, как ей невероятно везло. И что Вячеслав, и правда, жалел сироту, не понаслышке зная, насколько невеселая это доля. Возможно, он даже стал уважать ее за настойчивость и целеустремленность, за то, что не пасовала. За смелость и силу воли, чтобы перебороть страх, который никуда не делся. Как бы там ни было, но на десятый или одиннадцатый вечер, он соизволил выйти на улицу, где она в очередной раз распевала эти

непонятные песни.

Увидев Боруцкого, Агния испугалась пуще прежнего, по виду решив, что таки достала того, и он приведет в жизнь свою угрозу, убив ее. Уж больно злым и яростным выглядел мужчина. Но и, несмотря на страх, петь не перестала.

— Ты сама убежишь, не выдержишь и два вечера. — Проревел Вячеслав Генрихович едва ли не в самое ее ухо. — Завтра, в пять, чтоб была здесь. С прикидом и макияжем. И сделай с собой что-то. Не хватало мне из-за шмакодявки еще проблем с ментами заиметь.

Глава 1

Наши дни

— Спой, птичка.

Агния не нуждалась в слухе, чтобы по губам прочитать насмешливое приказание человека, севшего за ее столик. Тем не менее, она отключила плеер и вынула из ушей наушники. Мужчина, усевшийся напротив нее, ехидно поднял бровь.

— Какой моветон, Агния Валерьевна. Одиннадцать утра, а вы водку глушите, и без закуски. А ведь вам еще выступать.

Виктор Шамалко, депутат, один из кандидатов в Президенты их страны на предстоящих в будущем выборах, бандит в прошлом, и олигарх в настоящем, владелец этого ресторана, и хозяин Агнии, выигравший ее у предателя в карты, осуждающе хмыкнул. Потом жестом руки подозвал официанта, и велел принести еды.

Интересно, как он подавал знак, чтобы туда что-то добавили? Или наркотик растворяли в напитках? Той же водке…

Кто сказал, что рабства уже не существует на планете? Бред. Есть оно. Просто кандалы изменили вид, а рабовладельцы научились играть благородные роли.

Ничего не сказав в ответ на этот упрек, Агния молча наблюдала за тем, как расторопный официант расставляет на столе тарелочки. Если она и была голодна, то не ощущала этого. Однако отказываться было весьма чревато.

Сейчас Виктор Шамалко смотрел на нее снисходительно и, даже, благожелательно. Без сомнения, он прекрасно знал, отчего это Агнии пришло в голову напиваться с утра. Таких триумфов не забывают и спустя много лет. А тут лишь год прошел. Поддевая ее, он лишь усиливал страдания самой Агнии, получая большее удовольствие. Садистская натура этого человека, всегда и во всем требовала большей боли от подвластных ему жертв. И никто не гарантировал, что, к примеру, в следующую секунду, благожелательность темных глаз не сменится гневом и бешенством. А от этих эмоций Шамалко не могло спасти или защитить никто и ничто. Он всего лишь выведет ее в подсобное помещение, и изобьет там. Не в полную силу, нет, такого он себе не позволял. На Агнии можно было зарабатывать. И весьма неплохо. Потому, полную силу своему садизму он давал на других. Но и того, что перепадало ей — с лихвой хватало, чтобы неделями мучиться от боли. Причем, Виктор бил ее так, чтоб не оставить следов. Не хотел портить «товарный вид» своей звезды. Оттого, для нее, по большей части, он приберегал свой арсенал моральных пыток.

Впрочем, ничего из вышеперечисленного не мешало Виктору время от времени просто избивать ее. Так, для собственного удовольствия. Или за провинности и ошибки с его точки зрения. Шамалко любил мучить тех, кто слабее. Любил причинять страдания и боль. Обожал издеваться над женщинами. Мучить же жену убитого им давнего врага — доставляло ему особое, изощренное удовольствие. Вероятно, он сильно жалел о том, что не может воскресить того, чтобы вновь повторить вершину своего успеха в области мучений женщин. И снова избить Агнию тогда, когда она была беременна…

Сейчас, как и все последние месяцы, она не чувствовала себя сильной и стойкой. Агния уже ничего не хотела и ни к чему не стремилась. Ее сломили. Не его издевательства, а смерть любимого, и выкидыш, который случился после того, как она попала в руки Шамалко. Однако, и полностью

потеряв всякое желание к жизни, Агния не могла постоянно терпеть наказания и измывательства. Именно потому, совершенно не имея аппетита, она послушно подвинула к себе чистую тарелку и принялась вяло есть. И делать вид, что, несмотря на всю апатию, ей совсем не хочется воткнуть вилку ему в глаз. Или хоть в руку, но чтоб побольнее.

— Правильно, Агния Валериевна, не хватало нам еще неприятных инцидентов во время выступления. — Шамалко наблюдал за ее трапезой, чуть прищурившись. — А сейчас, когда вы немного закусили, спойте-ка для меня что-нибудь. В виде личного одолжения, так сказать.

Он над ней издевался, и даже не скрывал этого. Хотя, ради чего, он же ее владелец, вот и делает, что заблагорассудится. И хоть прекрасно знает, что перед концертом она старается беречь голос до распевки и репетиции, не отступит же.

Молча, не споря, и не возмущаясь, Агния поднялась со своего места и направилась к пустой сейчас сцене. Голова кружилась и подташнивало. То ли от рюмки водки с непривычки, то ли от того, что ей подмешивали. Музыканты, сидевшие у края сцены, прекратили играть, видимо, заметив ее приближение, умолкли, ожидая, какую песню она собирается петь. Агния обернулась на Виктора. Но того отвлекли, кто-то из посетителей ресторана уже подсел к депутату за столик и о чем-то разговаривал. Что ж, по крайней мере, она может получить хоть кроху приятных эмоций. Назвав романс, Агния медленно и аккуратно поднялась на две ступеньки, возвышающие сцену.

Он прилично рисковал, ошиваясь сейчас здесь. Вообще, просто приехав в столицу, Боров конкретно нарывался, словно сам напрашивался на то, чтобы ему надавали по шее и закончили то, что когда-то не потянули сделать по-человечески. Соваться на чужую территорию, вообще, глупо, а уж если ты не в ладах с одним из местных главарей, который уже раз хоронил тебя…

Дурное решение.

Однако сейчас Боруцкий был в куда лучшем положении и мог позволить себе подразнить противника. В этот раз он поставил на верного туза, и при всем желании, Шамалко не имел никакой возможности достать его. Ни единой. Если, конечно, не хотел лишиться такой желанной и мощной поддержки на предстоящих выборах.

Хотя, Бог свидетель, Вячеслав сейчас стоял в темноте под весенним дождем вовсе не для того, чтобы позлить или раздразнить Виктора. Этого он хотел бы меньше всего, слишком опасаясь того, что та сволочь, не имея возможности достать самого Борова, отыграется на другом человеке.

Дождь, уже было вовсе прекратившийся днем, зарядил вечером с новой силой, но Боров не обращал на тот никакого внимания. Он даже не видел, что сигарета, зажатая в зубах, давно не тлела, затушенная холодными каплями. Бессмысленно продолжая покусывать уже измочаленный фильтр, Вячеслав не сводил прищуренных глаз с заднего входа в концертный зал.

Вокруг не было ни души, дождливый вечер, несмотря на теплый воздух, разогнал всех по домам. Только пару бездомных оголодавших псов, рылись в мусоре неподалеку. Вячеслав не обращал на тех никакого внимания. Он не любил бродячих собак, но и не и не ненавидел, хоть и имел с этой породой свои счеты. Звери, они и есть звери. И, по крайней мере, всегда ведут себя честно.

Сколько он уже стоял здесь, пристально глядя на слабый фонарь, скупо освещающий пространство над дверью, Вячеслав не смог бы сказать точно. Пару часов, минимум. Было еще светло, когда он устроился в этой подворотне, неподалеку от заднего фасада концертного зала. Впрочем, Боруцкий не забыл принять все необходимые меры, чтобы его не заметили. По той же причине, по которой не думал дразнить Виктора.

Соболев обеспечил ему просто шикарный шанс и прикрытие, и если Боруцкий не будет рубить

сгоряча, если все обдумает — то уже в ближайшие дни сумеет выдернуть Агнию из загребущих лап Шамалко. Будь он проклят, если она и так не провела там слишком много времени. И все из-за одной-единственной глупости, когда втемячила себе в голову, будто любит его. А он оказался слишком эгоистом, чтобы поступить разумно и послать ее подальше.

Резко выдернув изо рта промокшую сигарету, Боруцкий сжал кулак от накатившей на него злобы и ярости, от бесполезного и идиотски-неправильного чувства вины. Растер табак между пальцами.

Тех у него, конечно, не густо осталось на правой руке. Спасибо тому же Шамалко. Мельком глянув на обрубки безымянного пальца и мизинца, он привычно сосчитал уже белесоватые, полукруглые полоски шрамов на ладони. Хрустнул суставами, стряхнул остатки сигареты и провел ладонью по лицу и короткому ежику волос, стирая капли дождя. Впрочем, те тут же сменились новыми, уже не каплями даже, потоками, так как ливень усилился.

Ну и, без разницы. Пошло оно все.

Больше не обращая внимания на потоки воды, падающие ему на голову, Вячеслав продолжил свое молчаливое наблюдение. И через полчаса то было вознаграждено.

Свернув с основной дороги, к проулку у той двери подъехало две машины с тонированными стеклами. Из первой, не ожидая пока кто-то из сопровождения подойдет к ее двери с зонтом, вышла молодая женщина.

Боруцкий весь подобрался и буквально впился взглядом в ее спину.

Худющая, как обычно. И волосы зачем-то обрезала, глупая. Кажется ему, что ее качает? Или, и правда — есть?

Но до чего же красивая, мать его так. Даже издалека.

Агния. Его жена. Его Бусинка. На дух не переносившая, когда он ее так называл. Смешно, ведь когда-то, он начал называть ее Бусинкой, чтобы обидеть и дать понять — не место ей там, куда Агния пришла. И сколько, на самом деле, это прозвище после стало для него значить…

Игнорируя дождь, не подозревая, что он за ней наблюдает. Даже не зная, что он все еще жив, она медленно пошла в сторону черного входа. Из второй машины, натягивая капюшон на голову, выскочил какой-то пацан и что-то крикнул вслед Агнии. Из-за ветра и шума дождя Вячеславу было не разобрать слов. Агния, не повернувшись, подняла правую руку с красноречиво выставленным средним пальцем. Открыла дверь и, войдя, громко захлопнула ту за собой. И это — девушка, которая краснела и смущалась, когда он говорил: «твою ж…», и почти три года обращалась к нему — Вячеслав Генрихович.

Он ухмыльнулся.

— Сучка. — Пацан сплюнул на асфальт.

Вячеслав через прищур посмотрел на разозленного парня. Боруцкий понятия не имел, что тот хотел от его жены, но, судя по реакции последней, парень определенно, не долго задержится среди живых. Боров это обеспечит. Благо, уже имеет возможность диктовать свои условия.

— Ничего, Бусинка. Скоро я тебя вытащу. — Тихо прошептал он, беря губами новую сигарету из пачки.

И, не прикуривая, развернулся и пошел прочь, торопясь успеть. У него имелись билеты на этот концерт, который должен был начаться через два часа, и он не собирался тот пропускать. Он слишком давно не слышал, как поет его жена.

Десять лет назад

Она пришла вовремя, даже раньше на полчаса. Ну не дура ли?

Боров уже и забыл о ней, когда позвонил администратор ресторана, с искренним удивлением интересуясь, что он должен делать с этим ребенком? Кажется, Семен заподозрил босса в… не здравомыслии, если говорить корректно. Ладно, Боров и сам не знал, что ему делать с этой девкой. Толку ведь с нее не будет никакого. Еще на панели бы, да, Геля что-то бы добыл с этой, а так… Ну какая из нее певица кабака? Ну, цирк, просто. Но настырная, ведь, что тот танк. Прет вперед, ни на что не обращая внимания.

Может, правда, убогая. Тоже вариант, ну обделил Бог разумом, бывает. Грешно на таких обижаться или негодовать. Ему и без того за плечами грехов хватает. Хотя, была б пацаном — другой разговор, уже пристрелил бы, за настырность. Или велел бы морду начистить, если б в хорошем настроении под руку попался. Хотя, может и взял бы в команду, все-таки, такая непробиваемая уверенность в результате…

Но не пацан же, мать его раз так! Девчонка! Еще и лабуду какую-то поет. И откуда взялась на его голову? Уже все парни его на нее косо поглядывают, и правда, подозревая в помешанности. Костыль уже достал его «раздумьями», что — из таких вот, неприметных и маленьких, одержимых какой-то идей, самые чокнутые и получаются. Маньяки, просто.

Убил просто — вот эта кроха, и манъяк. Умора.

И настолько же невероятно, как в роли маньяка, было для него представить эту девчонку певицей в его ресторане. Пусть тот сейчас и стал очень даже приличного класса, едва ли не одним из самых популярных в городе, но специфика посетителей сказывалась. Так зачем это дите сюда лезло?

Не была б сиротой, послал бы. И наподдал бы еще, для пользы дела. Но что-то упрямое и злое в глазах этой девчонки его задело. Наверное, обида на весь мир, через которую он когда-то и сам прошел. Нет, он не будет ее проталкивать никуда, тем более в певицы своего кабака, не дождется, но и мешать не станет. Понаблюдает за этим смешным и глупым зверьком. А если у того вырастут зубы и когти — и она процарапает себе путь, чего-то добьется, тогда, посмотрим.

Размышлял об этом Боруцкий минуты три, а потом благополучно забыл про девчонку. У него было выше крыше гораздо более важных мыслей и дел.

И когда Семен опять позвонил ему около полуночи, даже не сразу понял, что у того случилась.

— Тут эта Агния рыдает. — С эмоциональностью дверной доски доложил Семен.

— Кто? — Искренне удивился Боров.

— Ну, девчонка эта, что пришла сегодня. Петь, которая.

— Это че, у нее кликуха такая? — Все еще не поняв, поинтересовался Боруцкий.

— Да, нет. Имя, как я понял. — Все так же спокойно и плоско сообщил Семен.

— Так, а я причем? Нашел здесь тряпку для соплей. Гони взашей, если ничего не может. Мне-то что.

— Девчонка не плоха, Вячеслав Генрихович. Я такого от нее не ждал. И номер придумала. — Доложил Семен. — И на пианино может, а у нас же с этим последнюю неделю проблема, я сообщал.

Боров, которому сейчас, действительно, было не до этого, стиснул зубы и отошел, кивком объяснив свой маневр другим мужикам.

— Так что тебе надо от меня? — Рыкнул он в трубку.

— Она бусинку потеряла.

— …! — Будь он рядом, Боров бы придушил Семена. — Какую бусинку, мать тебя так?! Ты охренел, Сема? Ты по какому поводу мне звонишь, а?!

— Извините, Вячеслав Генрихович. Был не прав. Просто подумал, что… Извините. —

Администратор его ресторана быстро отключился.

А Боруцкий раздраженно бросил трубку сотового телефона на диван, и вернулся к разговору о том, почему именно он возглавляет «фирму», через которую все автодилеры города получают разрешение на ведение дела. Так случалось, что иногда ребятам об этом надо было напоминать. С наглядными аргументами.

Парень, сидевший на стуле в центре комнаты и привязанный, чтоб не упал с того, кажется, расслабился и отключился, пока Боров разговаривал. Вот, из-за каких-то «маньячных бусинок» у него люди от рук отбиваются. Надо и самому приложить руку к воспитанию. Делегировать полномочия хорошо и правильно, как и переквалифицироваться в бизнесмена, не те времена уже, все-таки. Но сейчас ему самому хотелось спустить на ком-то пар и раздражение.

Вячеслав махнул рукой, чтоб Федот, избивавший парня до этого, окатил того холодной водой из ведра. Парень захлебнулся, закашлялся и принялся отплевываться. Вместе со слюной, водой и кровью, на пол упал зуб.

— Так, о чем мы говорили, Влад? — Боруцкий хрустнул суставами.

Агния безуспешно пыталась заткнуть себе рот. Но истеричные, надрывные всхлипы, вперемешку с ужасной икотой, пробивались сквозь ненадежный заслон ее тонких, подрагивающих пальцев. Так обидно, просто кошмар! Даже узнав о пропаже родителей, даже поняв, что те уже не вернутся — она не плакала. А теперь — разревелась как дура, и вот уже почти час успокоиться не может. Хорошо еще, хоть успела показать администратору то, что придумала. Поначалу этот Семен Владимирович смотрел на нее еще более скептично и безразлично, чем Вячеслав Генрихович. Будто и не живой человек, а статуя на входе. Но потом, ничего, вроде бы одобрил. Если, конечно, его «посмотрим», можно считать одобрением.

Агния снова всхлипнула.

Еще несколько часов назад, идя сюда, она чувствовала себя победительницей. А теперь эйфория прошла. И она ощущала себя Дурой. Нет, хуже, самой большой дурой из всех дур.

Мимо ее убежища в одном из закутков коридора подсобных помещений, ухмыляясь, прошла Светлана — основная певица в этом ресторане. Солистка, если можно так сказать о певичке ресторана. Хотя, чем она-то, Агния, теперь лучше?

Уткнувшись в колени распухшим от слез носом, Агния сделала вид, что не замечает насмешливый, полный превосходства, взгляд певицы. Так стыдно, и противно.

Она очень хотела убежать. Вот просто все бросить, и рвануть отсюда домой, и никогда не возвращаться. Но ее останавливало то, что именно это и предрекал ей Вячеслав Генрихович вчера.

А значит, надо было или подниматься и дальше искать бусину из вышивки маминого платья, которое она взяла для сегодняшнего вечера, или прекращать рыдать, махнуть рукой на проклятый бисер, пусть и такой важный для нее. И идти выяснять у Семена Владимировича, может ли она и завтра выступать так же, как сегодня.

Эта идея пришла им с Зоей Михайловной в три часа ночи, когда они смирились с тем, что и с самым «тяжелым» макияжем никто не примет Агнию за взрослую. А в свете настольной лампы, включенной в комнате, очень выразительно смотрелась тень от вазы, которую мать Агнии привезла из гастролей в Испании…

Потому, сегодня вечером она пришла в ресторан с белым экраном-ширмой, «заимствованной» в консерватории и романсом в репертуаре. И такой подход, определенно, заинтриговал посетителей ресторана Боруцкого. Они отвлеклись от еды и с интересом наблюдали за номером. Это ей сказал Петя, один из парней-официантов. И она так обрадовалась. А потом, уже переодевшись и сыграв на

пианино по просьбе того же Семена Владимировича, обнаружила, что на вышивке платья, оставленного в одном из подсобных помещений, не хватает центрального элемента — крупной синей бусины из тонированного перламутра. И она вдруг так расстроилась, что разревелась в три ручья, едва сумев внятно объяснить причину своих слез тут же появившемуся невозмутимому Семену Владимировичу. Нет, она не сказала администратору о том, что только-только потеряла обоих родителей, что ее бабушка в десяти случаях из двенадцати не узнает свою внучку, встречая в коридоре квартиры. Не говорила о том, как устала приходить по ночам под окна этого ресторана, чтобы кого-то в чем-то убедить. Как устала бояться инспекторов соц. службы, имеющих полное право отправить ее в интернат из родного дома. И как невероятно вымоталась, придумывая способ обеспечить и бабушку, и себя, не утратив при этом возможности продолжать заниматься пением в консерватории, готовясь в ту поступать на основное отделение через год.

Она не говорила о том, как ей хочется купить себе шоколадку, и просто съесть ту, а не проходить мимо прилавка в магазине, подсчитывая каждую копейку. Господи, она и сама понимала, что еще совсем не взрослая! И не привыкла отвечать сама за себя! Она была ребенком, дитем, как называл ее Боруцкий. Только детство неожиданно кончилось два месяца назад, а Агния еще не успела вырасти.

— Это что за хрень? Ты мне тут болото решила устроить? — Раздраженный, полный издевки, голос Вячеслава Генриховича заставил Агнию резко вскинуть голову. — Быстро вытрись. Я что говорил — шуруй отсюда, никто не держит. А сопли распускать мне здесь нечего.

Мужчина возвышался над ней, скрестив руки на груди.

— П-п-простите, Вячеслав Генрихович. — Попыталась поглубже вдохнуть Агния. — Я … нет. Не болото. Я … просто… Бусину. Сейчас. Я найду. Просто нигде нет. А это с маминого платья…

— Е-п-т. — Боруцкий посмотрел на нее, как на идиотку. — Бусинку. — Передернул он ее с иронией. — Ясли, е-мое. Бусину она потеряла. Найти не может.

Вячеслав Генрихович фыркнул и, покачав головой, развернулся и ушел вглубь коридора.

Агния медленно поднялась, чувствуя себя еще хуже, чем до этого, и принялась вытирать слезы ладонями, не замечая, что испачкала те пылью, во время своих поисков под сценой.

Глубоко вдохнула и решила идти домой. Но уже на полпути к подсобке, где лежали ее вещи, опять натолкнулась на Вячеслава Генриховича.

— Дура ты, девка. Как и все бабы. — С насмешкой заметил он, и протянул ей руку. — На, держи свою бусинку. И больше не теряй. — Он разжал кулак.

На ладони Боруцкого действительно лежала та самая бусина. Агния, не поверив глазам, быстро схватила ту и крепко сжала в пальцах.

— Спасибо, Вячеслав Генрихович! Спасибо! Даже не представляю, где вы нашли ее! Я все обыскала! — Она уставилась на него восхищенным и благодарным взглядом.

Он фыркнул и покачал головой.

— Говорю же, дура, дурой. Не там ты искала. А теперь, давай, вали отсюда. Свое отработала, если верить Семену. — Боруцкий как-то устало потер лицо рукой.

И Агния только сейчас заметила, что тыльные стороны его рук, на костяшках, красные и немного припухшие. Будто бы Вячеслав Генрихович обо что-то ударился теми.

— Давай, давай, — подтолкнул он ее, разглядывающую его нескладные руки, к выходу. — Шуруй, Бусина. И завтра не опаздывай, коли не передумаешь.

Почти вытолкнув ее из коридора, Боруцкий отвернулся и пошел в сторону кухни.

— Только бусин и не хватало мне для полного кайфу. — Сокрушался он на ходу, покачивая головой.

Агния благоразумно решила последовать совету, и пошла за вещами.

Глава 2

Наше время

Он стоял в самом темном углу. Хотя, возможно, это Вячеславу так только казалось. Одно он знал точно — Агния его не сможет здесь увидеть ни при каких обстоятельствах. Нет, он не прятался от жены. Но она не знала о том, что он жив. Об этом говорили все, кого Боров только смог заполучить в свои руки, и он не сомневался, что они говорили правду. Сложно лгать, когда он «убеждает». И концерт не казался Вячеславу лучшим местом, чтобы объявить ей о своем «воскрешении».

Эта мразь, Шамалко, старательно скрыл от Агнии то, что его попытка убить Вячеслава не увенчалась в итоге успехом, и, судя по всему, продолжал наслаждаться мучениями женщины.

Боруцкий люто ненавидел Шамалко за это.

Не больше, чем себя, впрочем. За то, что так долго собирал силы, чтобы суметь выступить теперь против него. За то, что был недостаточно ловок, силен и расторопен, чтобы уберечь жену от всего. Господь свидетель, все его мучения и боль не выдерживали никакого сравнения с тем, что, наверняка, пережила она. И продолжала переживать.

Певица свободно и легко сидела на высоком табурете в центре зала с высоким коническим потолком. Здесь не было сцены, как таковой. Слушатели стояли вокруг, на некотором расстоянии, у стен, и на тупиковых лестницах, поднимающихся вдоль стен до середины высоты помещения. Оркестр расположился по бокам от певицы, не закрывая Агнию, и ее тонкая фигурка, подсвечиваемая лампами сзади, казалась еще более хрупкой и тонкой, чем полчаса назад, у дверей.

В последний раз, когда он видел ее, его Бусинка была на четвертом месяце беременности, и ее фигурка уже начала меняться, округляясь в талии. А он постоянно клал на ее проступающий живот руки, пытаясь уловить биение новой жизни, такой непонятной и оттого — таинственной и волшебной для него. У него должен был родиться сын…

Шамалко отнял у них и это.

Он отплатит.

Возможно, не ему, бандиту, горевать и мстить за отнятую жизнь. Возможно, это его расплата за все те жизни, которые погубил он. Все может быть, и Вячеслав готов был принять этот счет. Но только не Агния. Она не заслуживала такого горя. У нее не имели права убивать ребенка только из-за того, кого эта женщина посмела полюбить.

Вячеслав мучился от того, что они потеряли, но прекрасно отдавал себе отчет, что Агния восприняла это во стократ сильнее. Эта женщина и так потеряла в жизни слишком много. А он готов был мстить любыми методами и за малейшую ее боль.

Ее голос разносился по объемному пространству частного концертного зала, наполняя и окружая каждого. У его жены был великолепный голос, и даже то, то она сейчас плакала, этого не меняло.

Никто не видел и не понимал. Никто, кроме него. Вячеслав знал каждый тембр и каждую тональность ее голоса. То, как тот менялся, когда его Бусинка была весела, или грустила, когда она находилась в задумчивом настроении, или когда плакала…

На шее Агнии тускло поблескивала золотая цепочка, на которой, вместо кулона, висело массивное кольцо, определенно, не ее размера. Золотое. Мужское. То, что он всегда носил вместо

обручального.

Вячеслав даже не представлял, что ей довелось вытерпеть, чтобы забрать его кольцо у Виктора. Что она вынесла, когда просто увидела то. На его пальце, который Щур отрезал вместе с мизинцем, чтобы принести доказательство его смерти Шамалко.

И об этом ли она думала, плача сейчас?

Он не мог смотреть на ее слезы. Не мог.

Но смотрел, сжимая искалеченные руки на толстых шипах роз, которые собирался отправить ей после концерта, не замечая, как рвет кожу и пачкает стебли кровью. Все его тело покрыто шрамами, одним больше — одним меньше, это уже не играло роли. Но ее страдания всегда причиняли ему такую боль, которую, кто б мог подумать, Вячеслав Боруцкий вынести практически не мог.

Он вытерпел все, что не раз творила с ним судьба: и пулевые ранения, и драки, и поножовщину, которыми изобиловала его жизнь. И тупой нож, которым ему Щур по живому отрезал пальцы, когда Вячеслав уже сам не знал, на каком свете находился. И челюсти бездомных псов, которые потом рвали его тело на части на свалке, и с которыми он отчаянно боролся за свою жизнь. Но ее страдания и боль рвали его душу, и с этой болью он справляться не умел.

Партию из какой-то оперы, в которых он так и не научился разбираться, несмотря на все ее старания, сменил романс, и Борова будто тряхануло, словно током прошибло по позвоночнику. Он почти вживую увидел совсем другой зал и сцену, на которой стояла белая ширма. И не было за той видно певицу, только тень. И голос, голос, который его парализовал…

Десять лет назад

Он не появлялся в ресторане пару месяцев, наверное. Так, забегал, проконтролировать Семена, припугнуть кого-то, если зарывался. По ночам, само собой, наведывался, сам ведь завел привычку принимать тех, кто приходил что-то просить. Но вот так, чтоб в разгар вечера, медленно и с толком посидеть, даже просто поесть нормально — времени не хватало. Столько дел навалилось, что Вячеслав ощущал себя белкой в колесе.

Нашли живность, чтоб его так.

Но в такие моменты больше всего и получается урвать. И он не зря парился — новое направление его «бизнеса» в виде двух ночных клубов, которые прежние хозяева оказались «вынуждены» продать, выглядело весьма многообещающе. Тем более с тем, что он заправлял алкоголем городе, что всегда приносило хорошую прибыль.

Да и наклевывающееся «соглашение» с одним из крупных воротил бизнеса в их области, сулило многое. Чем больше Вячеслав наблюдал за происходящими в их стране событиями, тем больше приходил к мысли, что надо создавать себе мощное прикрытие в виде «чистого» бизнеса, и переводить капитал туда. Так всем проще заправлять будет, да и свои люди в органах намекали, что в таком виде его сложнее прижать будет. Хоть и ясно, что мзду этим самым людям никто не отменял. Тогда они на любой бизнес сквозь пальцы смотреть будут. И его не потревожат.

Вот и старался, создавал себе этот самый «бизнес». Да и сам старательно пытался «обизнесмениться», хоть и не то, чтоб ловил от этого кайф. Но новые времена требуют новых решений, ….

Короче, замотался он в конец. Да и с собачьими боями там что-то у парней не ладилось, пришли к нему свои разборки мирить, будто Борову больше заниматься нечем. На кой ляд надо

было те у него когда-то клянчить, если не могли поделить и удержать это в своих руках? Шпана. Думают только об этой минуте и как сейчас побольше загрести, а в завтрашний день заглянуть — ума не хватает.

Ладно, завтра разберется и с этими. А сейчас надо бы нормально, никуда не торопясь, поесть. Потом можно завернуть в сауну и позвонить Гели, чтоб подогнал нормальную девчонку. А то, и правда, даже расслабиться по-человечески некогда. Живет, что тот евнух.

На том и порешив, Вячеслав вышел из машины и зашел в ресторан через главный вход.

Неплохо, Семен, определенно, разбирался в течениях нынешнего времени. Все чин по чину, украшено к Новому году. Сам Боруцкий и не вспомнил бы об этом, наверное, не появись мельтешение надписей в витринах. Но это и не важно.

Делегирование полномочий.

Хорошая фраза, умная. Любил ту повторять его первый бухгалтер, а он человек был непростой, ученый. На кафедре преподавал. Хотя, если по правде и по жизни — идиот-идиотом. Нашел у кого воровать. Зарвался и обнаглел. Но то уже, как Господь человеку определил. Знал ведь, на что подвязывался.

С бухгалтером Боров разобрался, но фразу запомнил, как и суть. Каждый должен заниматься своим делом. Тем, в чем сечет лучше всего. И Семен, определенно, отрабатывал деньги, которые Боруцкий ему платил. Впрочем, дело было не только в любви администратора к работе. После случая с бухгалтером, он старался перепроверять всех людей, которые стояли на денежных должностях и могли подворовывать. И всегда имел на подхвате тех, кто разбирался в деле и мог обнаружить обман. Не зверел, понятное дело. Ясно, что по мелочи не углядишь, да и что он, не понимал, что некоторые слабости простительны? Но и не попускал.

Сам администратор оказался рядом с ним, стоило Вячеславу пройти три метра по холлу, осматриваясь.

— Здравствуйте, Вячеслав Генрихович. — Эх, с такой невозмутимостью парню бы в покере блистать. Но не умел тот, как Боров не пытался его натаскать.

— Здоров. Как вы тут? Все тихо?

— Все в полном порядке. Продукты, алкоголь нам отгрузили без проблем, заказы на праздник… — Тут же принялся отчитываться Семен, да так подробно, что Боруцкий пожалел о своем вопросе.

— Так, ты мне тут не тарахти. Если все нормально, то и говорить не о чем. — Прервал он администратора. — Лучше, организуй мне нормальный обед. — Велел Вячеслав, заходя в зал.

Семен кивнул и расторопно отправился в сторону суетившегося неподалеку официанта.

А Боруцкий пошел к своему любимому столику в одном из углов зала, где не было окон сзади, хорошо просматривался вход в зал, с одной стороны стояла колона, закрывающая его от чужих взглядов, и имелась дверь сбоку, ведущая прямиком в проулок за рестораном. Людей сейчас было немного. Немного рано еще, только семь вечера, видимо, большая часть посетителей подтянется попозже. Сейчас было занято только три столика. И, вроде, никого знакомого. Сцена стояла пустая и темная, «живая программа» начиналась обычно в девять. А сейчас в зале тихо звучала музыка, доносящаяся из колонок.

Степенно так, солидно все.

Четко.

Боруцкий ощутил законную гордость, как и всякий раз, когда видел, как то, что попадало в его руки, начинало демонстрировать «класс». Теперь в его ресторан не брезговали приходить и «чистые» бизнесмены, и местная элита, выпочковавшаяся еще из прошлого, советского состава

власти города и области. Не плохо для пацана из интерната, который уже в четырнадцать загремел в колонию за драку с поножовщиной. Умел он делами управлять и организовывать людей, все-таки. Не то, что прошлый хозяин, при котором этот ресторан был всего лишь низкопробным кабаком.

Довольный увиденным, Вячеслав почти добрался до своего стола, когда свет в зале погас. Точнее, освещение стало приглушенным и более сумрачным, но из-за резкого перехода в первую секунду ему показалось, что то полностью исчезло. И, само собой, по въевшейся в кости привычке, Боров первым делом схватился за пистолет. Хорошо еще, вытащить тот не успел, напугал бы людей. И только увидев, что на сцене вспыхнул слабый свет, а вместо записей — заиграло пианино, расслабился.

«Б…», он прервал себя даже в мыслях, напомнив, что становится делком, и приходиться фильтровать баз… речь. Контроль над собой, даже в мелочах — залог успеха.

Так вот — черти что, блин. Нервы стали ни к черту, ей-Богу. Везде опасность видит. Хотя, а как иначе? Тех, кто расслабился и перестал назад оглядываться — и секут первыми, как отработанный материал на свалку отправляют. Ту, что в двух километрах от города. Вот и нельзя расслабляться, надо быть настороже.

Все еще не разжимая пальцы на рукояти пистолета, Вячеслав медленно повернулся и, как и положено хозяину, принялся рассматривать зал.

Все было спокойно, похоже, никто больше не ничего непривычного или ненормально не увидел в изменении освещения. Да и на его реакцию, вроде бы, никто внимания не обратил. Все повернулись к сцене, откуда доносилась теперь живая музыка.

Окончательно успокоившись, Боруцкий вытащил руку из кармана пальто. И вот тут-то его и тряхануло. Причем так, конкретно. По-взрослому.

Кто-то запел. Запел так, что у него жар прошел по позвоночнику и затылок свело. Словно током пробило.

Пела женщина. И его тело поняло и отреагировало на это раньше головы, однозначно напомнив, как давно он не вспоминал о насущных маленьких радостях жизни.

Он плохо слышал слова. Не потому, что певица невнятно пела. Наоборот. Просто сам звук этого голоса заглушал любой смысл. Песню он слышал первый раз, что-то такое протяжное и, похоже, грустное. Но это не имело значения. Голос катился, струился по его спине. Будто катился по голой коже, царапая позвоночник.

Сказать по правде, Боров тут же возбудился так, словно не песню слушал, а его со спины обняла, прошлась руками по плечам женщина. Будто прижалась к его позвоночнику грудью, в которой и вибрировал этот офигительный голос.

И он возбудился, чтоб его так. У него не то, что пах задубел. Мышцы ног свело от желания. И, судя по тому, что Вячеслав видел на лицах немногочисленных мужчин, сидящих сейчас в зале, проняло не только его.

Не имея ни малейшего представления о том, кто это в его ресторане может ТАК петь, Вячеслав обернулся лицом к сцене. Очень медленно, отчего-то, растягивая это ощущение тайны и испытывая от того не меньше кайфа, чем от самого голоса. Это никак не могла быть Светка. И голос не тот, и песни… Он сомневался, что та сумела бы спеть вот так хоть что-то. Да и на обычный репертуар певицы этого ресторана — песня никак не походила.

Однако его ждал облом. Вячеслав не смог узнать, кто это так поет.

На сцене стояла какая-то белая… хрень. Раньше Боров такого на этой сцене не замечал. Сзади ту подсвечивал свет. И в этом свете на белой поверхности той самой хрени, проглядывала только тень, очертания женщины. Хрупкой, тонкой и невысокой. Но, определенно, имеющей все, что там

надо только иметь женщине в положенных местах. Во всяком случае, если судить по этим очертаниям.

— Это кто? — Боруцкий не оглянулся, услышав приближение Семена.

— Агния. — Ответил администратор. — Она всегда вечер открывает. Допоздна ей работать сложно, еще в школу утром.

— Кто? — Не понял Вячеслав, который, если честно, и не вспоминал больше о той девчонке. Ему не напоминали, видимо, проблем она не доставляла, и он о ней благополучно забыл.

— Е-мое! Бусина, что ли? — Не поверил Боруцкий.

Да, быть такого не могло! Не могла та малявка так петь. И не могла его завести так, как не заводила ни одна из девчонок Гели. И при том — одним голосом! Он попытался припомнить девчонку, но кроме злых глаз и упрямой мордочки ничего в уме не всплывало. Чет он не помнил у нее таких изгибов….

— Она. — Вячеслав впервые увидел, чтоб Семен, и так не щедрый на эмоции, вдруг улыбнулся. — Агния, кстати, не сильно любит, когда ей тот случай и рев вспоминают. — Поделился с ним администратор. — А так, как я и говорил тогда, девочка толковая оказалась. И поет хорошо, конечно, репертуар новый, но клиентам нравится, все довольны. Да и отходят уже те песни, что раньше были. Даже Светка подстраивается. Посетители теперь другое предпочитают. Не всегда романсы, конечно. Но пару за вечер — на «ура» идут.

— А что это за хрень перед ней стоит? — Раздраженно, из-за того, что даже новость о том, что это поет пятнадцатилетняя девчонка, не охладила его тело, и пах продолжал гореть, спросил Вячеслав, дернув головой в сторону сцены.

— Так вы же, вроде, сами ей велели что-то сделать, чтоб возраст скрыть. Вот она и придумала это. — Семен хмыкнул. — Честно говоря, Вячеслав Генрихович, это — бомба. Я вам точно говорю. Все в восторге от ее голоса, и эта таинственность, что она напустила, да и мы поддерживаем… Нас конкуренты уже замучили вопросами и попытками выяснить, что это за певицу вы отхватили и где.

Б… Ага, он, прям, дико обрадовался.

— Мой обед готов? — Ощущая, что раздражается еще сильнее, рыкнул Боров.

— Да, Вячеслав Генрихович. — Отрапортовал Семен.

— Лады. — Боруцкий отвернулся от сцены, и пошел к столу. — Приведешь ее к моему столу после выступления. Погляжу я на эту Бусину, чего из нее выходит, что конкуренты заволновались. — Велел он, понимая, что становится еще злее.

Потому как, продолжая чувствовать этот голос всем телом, будто кожу с него содрали, оставив одни нервы, Боров начал подозревать себя в педофилии. А это его не радовало. Так отреагировать на малявку… Нет. Просто замотался. Точно надо Гели звонить. И срочно. Расслабиться.

Глава 3

Десять лет назад

Девушка подошла к его столику через два с небольшим часа. Когда Боруцкий уже давно перешел к кофе, и даже потребовал вторую чашку. Все это время она честно отработала на сцене, причем, Вячеслав не услышал ни одной привычной песни. Больше того, часть, вообще, были на иностранном. Каком именно Вячеслав понятия не имел, поскольку так и не удосужился выучить хоть какой-то. Не до того было по жизни.

Однако он не смог бы и сказать, что репертуар Бусины не вяжется с его заведением. Как она так умудрилась вывернуть все по-своему, Бог знает. Но, если мерить по реакции посетителей, которых за это время прибавилось, музыкальное сопровождения их застолий людям нравилось.

Это несколько поумерило раздражение Вячеслава. И, даже, вызвало новое уважение — в пятнадцать лет так полноценно пахать и выкладываться на полную (что ощущалось в голосе Бусины) перед посетителями ресторана… Не каждая взрослая певичка, которые пробовались, или работали здесь — так честно относились к работе. Уж он-то, наблюдая какое-то время за этой «кухней», мог заметить разницу, когда человек работал, а когда халявил. Светлана, бывало, грешила подобным, особенно, как докладывал Семен, если Боруцкий начинал редко в ресторан заглядывать. Администратора та боялась куда меньше, чем хозяина, и Сема не раз штрафовал певицу с разрешения Вячеслава, хоть и не увольнял пока, из-за похвал от посетителей. Может теперь, имея такую конкуренцию, Светка за голову возьмется?

Хотя, вполне может отыграться на Бусине, чего только стоит поведение в первый вечер работы девчонки. Ну, вот на кой надо было сдирать вышивку? Ну, ведь малявка же, девчонка, ну че ее трогать?

И хоть Боров сам предупреждал эту Агнию о подобном, иногда, все-таки, в упор не понимал баб.

Но, может, сейчас, когда Семен разделил время выступлений, Светка поутихла и не трогает девчонку? Надо будет выяснить. Хотя, Вячеслав не сомневался, что о крупных раздорах уже знал бы, а на мелкие тратить время не собирался.

В общем, к моменту появления Бусины у его стола, он уже пребывал в достаточно благостном настроении: хороший обед, отлаженная работа людей в ресторане, и явное удовольствие посетителей — настроили его на миролюбивый лад. А то, что нет-нет, но голос Бусины все-таки прошибал, пронимал его до печенок, или того, что пониже, Вячеслав, по зрелому размышлению, все же списал на нехватку женского тепла в последнее время. Хоть и не мог не отдать должного голосу девчонки. Хорош. Хорош, не отнимешь.

Эх, будь девка немного постарше…

Но связываться с малявкой Борову никак не улыбалось. Что он, совсем изверг какой? Или извращенец?

Точно не извращенец. В чем и убедился, когда Бусина явилась пред его светлые очи. Глядя на ее вымотанную мордашку и подрагивающие пальцы, девку хотелось скорее усадить, или отправить спать, чем лезть с какими-то пошлыми мыслями. Да еще и накормить перед тем, как отправить баиньки.

Было видно, что он не ошибся в своей оценке — выложилась на сцене Бусина на все сто.

Кажется, сейчас ее даже пошатывало от усталости.

— Вячеслав Генрихович, Семен Владимирович сказал, что вы хотели поговорить со мной? — Бл… Блин!

Девчонка говорила тихо, видимо, оберегая утомленный голос. Но этот хрипловатый, грудной «почти шепот» звучал так, что Вячеслав, только расслабившись, вновь напрягся. Во всех значениях.

Ну, твою мать, а! Ну какого хрена?

Агния продолжала вопросительно на него смотреть, ожидая ответа.

«Нет, не поговорить, а в углу трахнуть», мысленно ругнулся он, раздраженный реакцией своего тела.

Как? Ну, вот как можно было так заводиться, уже глядя на нее? И не в том дело, что девчонка была некрасивой. Наоборот — очень красивой. Просто куколка.

Но ведь в этом и дело. Кожа почти белая, точно, что фарфоровая, и яркие пятна румянца, губки пухлые, краснющие, а ведь видно, что без всякой краски. Волосы, светлые такие, блондинистые, заплетены в длинную косу, а у лица часть волосков вылезла из общей массы и непокорно торчала в стороны. Носик маленький и вздернутый. Глазища огромные, серо-зеленые, уже не злые, но упрямые, и смотрят твердо, хоть и видна в них усталость, вовсе не детская.

Может, именно из-за этого взгляда, в сумме с голосом, и терялся тот факт, что она еще дите?

Но в остальном-то — ребенок.

Одета девчонка была в толстый теплый свитер и джинсы, видно, переоделась перед тем, как идти сюда. И под этой одеждой сложно было рассмотреть — есть ли у нее те формы, которые так явно просматривались в тенях на ширме во время выступления. Мешковатая одежда скрадывала, прятала фигуру девчонки. И как раз, в отличие от голоса и глаз, подчеркивала возраст — казалось, еще немного, и Бусина утонет в этой грубой шерстяной ткани. В руках она мяла теплую красную куртку.

— Вячеслав Генрихович? — В глазах девчонки появилась настороженная растерянность.

Похоже, она начала нервничать, пока он пялился на нее, пытаясь понять, чем же его так проняло.

— Да, хотел поговорить. — Вячеслав кивнул головой на свободный стул. — Садись, Бусина.

Девчонка, уже сев на стул, скривилась. Ха, не врал Семен не по душе ей вспоминать о своей слабости.

— Ну, как работается? Не жалеешь еще, что так сюда рвалась?

— Меня зовут Агния. И — нет, не жалею. — Ответила она без промедления. — Спасибо. Все прекрасно. — Еще и подбородок задрала, воинственно так.

Боруцкий усмехнулся.

— Больше ничего не теряла, Бусина? — Игнорируя ее намек, уточнил он.

— Нет. — Девчонка сжала губы. Но больше об имени не спорила. Да и о другом тоже.

Упрямая, все-таки.

— А вот врать не надо. — Боров отпил своего кофе. — Мала ты еще, чтоб вышло меня обмануть.

По глазам было видно, что что-таки было, видно дергали ее, хоть и по мелочи.

— Вы меня предупредили, когда разрешили работать. — Она как-то тоскливо глянула на его кофе. — Так что я имела представление, на что иду, Вячеслав Генрихович.

Когда она его так называла — он ощущал себя столетним. То есть, теперь многие обращались к нему по имени отчеству, и всегда это звучало нормально. Солидно так. Но когда это делала Бусина, в ее голосе звучало что-то такое, будто она обращалась к почтенному старцу, мать его раз

так. Он это еще в первый вечер заметил, и тогда даже развеселился. А теперь, отчего-то, разозлился снова.

— Ну, раз ко всему готова, шуруй домой. Небось, в школу завтра. — Рыкнул он, махнув рукой, будто прогоняя.

— Да. — Агния встала, забрала куртку, которую вешала на спинку стула, когда садилась. — В школу. До свидания.

Боруцкий неопределенно хмыкнул, наблюдая, как она отворачивается и идет к черному ходу. Вежливая до скрипу в зубах. Нет. Не место ей тут. Совсем не место. И Светка, наверняка, изводит. Только эта — упрямая, и говорить не хочет.

А ему, какое дело, собственно? Она сама признала, что Боруцкий ее предупреждал. И с него взятки-гладки.

На том и порешив, Вячеслав допил свой кофе одним глотком. Когда он ставил чашку на стол, на сцене опять включился свет, и появилась Светлана. Новый музыкант, которого Семен нанял недавно, принялся играть знакомую Боруцкому мелодию. Певица запела. Стараясь, явно зная, что хозяин здесь. Но Вячеслав даже не глянул в сторону сцены. Засиделся он что-то здесь. И певицы эти достали его уже.

Благостное настроение прошло, как и не было.

Надо выдвигаться отсюда. И все-таки заехать в сауну.

Она устала страшно. Как и обычно, после выступлений. Но сегодня еще этот непонятный разговор с Вячеславом Генриховичем.

Она его боялась. Или, наверное, даже не так. Боялась Агния темноты и бедности, а перед Боруцким она испытывала опасение и трепет, пожалуй. Такой, что цепенела под взглядом этих темно-карих глаз и еле заставляла себя языком ворочать. Так, наверное, цепенеет слабый зверек перед хищником, застывает, глядя тому в глаза, и понимает, что уже поздно, и никуда не убежать от своего конца. Вот и Агния застывала, не зная, что говорить или делать, двигаться, и то, заставляла себя с трудом. Но и сдаваться не хотелось.

А вдруг он решил выгнать ее? Нет, она не могла этого позволить. Деньги, которые Агния получала в ресторане, может и не очень большие для кого-то, для нее были просто огромными, тех вполне хватало им с бабушкой, вдобавок к ее небольшому сиротскому пособию и пенсии. Да и где еще Агния могла бы заработать, учитывая, что по утрам посещала уроки, а днем ходила на подготовительные занятия в консерваторию у Зои Михайловны? Кто еще позволил бы подростку работать вечерами?

Так что, если он планировал ее прогнать, вздумай Агния пожаловаться хоть на что-то — не выйдет! Она собиралась руками и ногами держаться за это место. Тем более, после того, как Семен Владимирович придумал это разделение по времени, они со Светланой почти не пересекались. И если первое время певица то и дело посмеивалась над ней и говорила всякие гадости, то сейчас такого практически не бывало в виду отсутствия встреч. А с некоторыми ребятами из официантов и поваров Агния даже подружилась, и у них сложились вполне приятельские отношения. Все это и заставляло ее отвечать и упорно вскидываться, настаивая на том, что она всем довольна и все просто великолепно.

Хотя, если честно, то все равно было сложно преодолеть этот странный, парализующий трепет, когда даже руки и ноги мешают и, кажется, становятся лишними.

Вячеслав Генрихович, вообще, вызывал в ней какие-то странные и непонятные чувства. Она его опасалась и меньше всего хотела бы напоминать о себе и своем присутствии, попадаясь на глаза.

Однако Агния соврала бы, если бы сказала, что заходя каждый вечер в холл ресторана — не выглядывает его. И, Бог ее знает почему, но испытывает некоторое разочарование, пусть и глубоко в душе, когда не находит. Вроде бы и радоваться должна, что не пересекается с этим, очень страшным ведь, по сути, человеком. Да и радовалась. Но что-то внутри расстраивалось каждый раз, когда кто-то говорил, что он был вчера ночью, но значительно позже, и Агния его даже издалека, мельком не увидела.

Странное поведение и отношение. Она и сама так думала. И, быть может, имей больше времени, чтобы сесть и призадуматься, осмыслить, лучше бы поняла и разобралась, что с ней происходит при одном упоминании о Боруцком. Когда горло спазмом сжимается и хочется оглянуться, чтобы то ли убедиться, что его нет рядом, то ли, наоборот, хоть краем глаза посмотреть на этого непонятного и тем интересного человека. Но, поскольку, жизнь не оставляла ей так уж много времени на раздумья — все оставалось так, как есть.

И сейчас, уходя из ресторана, она радовалась тому, что он ее не прогнал. И что, несмотря на весь свой трепет и настороженность, смогла нормально отвечать, а не нечленораздельно мугыкать в ответ, или, того хуже, молчать.

Натянув на уши шапку, Агния вышла на улицу, с тоской подумав о кофе. Страшно хотелось спать, и она, если честно, не отказалась бы сейчас тоже выпить чашку чего-то горячего и бодрящего. Ведь еще предстояло добираться до дому. По темным улицам.

Это здесь, у ресторана, освещение хорошее и до остановки идти не страшно. А вот до своего дома Агния добиралась каждый вечер с колотящимся сердцем, до боли зажимая пальцы от страха. Она боялась каждой тени и любого шороха, не без причин опасаясь того, что может наткнуться на людей с «лихими» намерениями. И хорошо, если те ограничатся тем, что заберут ее деньги.

А сегодня с нее и брать-то нечего: зарплату Агния получила вчера, и сегодня взяла с собой минимум наличности, так рассчитав, чтоб хватило на проезд и на шоколадку. В последнее время она позволила себе баловать себя же саму, покупая заветную сладость раз в неделю. Для поднятия боевого духа, так сказать, чтобы не раскиснуть окончательно. Сегодня была пятница, и Агния имела право на маленькую радость — честно выдержала еще неделю, не сдалась.

Обычно она покупала шоколад в магазине около своего дома. Но сегодня, после этого странного, измотавшего ее еще больше, разговора с Боруцким, Агния решила купить конфету в магазине, недалеко от ресторана, и съесть по дороге домой, в маршрутке. Это придаст сил и, может, тогда ей будет не так страшно и добираться потом. Магазин стоял недалеко, надо было только свернуть за двадцать метров до остановки, и в торце первого же дома призывно светилась непритязательная надпись «Продукты».

Однако дойти туда она не успела. Еще на повороте, кто-то налетел на нее, вышибив дух, так, что Агния больно ударилась всем телом о кирпичную стену. В щеке, которой она задела кирпич, словно взорвалась маленькая бомба. Стало очень больно. И жутко страшно. Ничего еще не поняв, она ощутила новый толчок в плечо, заталкивающий ее в арку дома у того самого магазина, куда она направлялась, и до которого оставалось шагов пять от силы.

Что-то ткнулось ей в живот, и даже через слои куртки и свитера, Агния почувствовала острый укол лезвия ножа. По спине поползла липкая и противная дрожь.

— Гони бабки, живо. — Просипел ей кто-то в ухо покуренным басом.

Кто бы мог подумать, что ему будет так сложно это вынести? Просто смотреть на нее, понимая всю глубину боли, которую его Бусинке довелось пережить.

Боруцкий вжался затылком в штукатурку стены, сжав зубами сигарету, которую так и не подпалил. Он так давно привык так «курить», прекрасно зная о том, что его жена не переносит табачный дым, да и вреден тот для ее голоса.

Даже здесь, в одном из закутков коридора, этот голос был прекрасно слышен. Он еще минуту постоит здесь, и вернется. И выстоит концерт до конца. И пошлет ей розы. Может быть, тогда ей будет проще поверить в его «воскрешение»? И проще принять, простить все эти месяцы, которые он просто не мог к ней добраться. Только для самого Вячеслава собственная слабость не была оправданием.

— Нет, ты обалдел? Да она скопытиться от такой дозы. Нас босс потом живьем порвет на кусочки. У нее передозировка будет.

Чей-то шепот, доносящийся из основного коридора, заставил Вячеслава замереть и напряженно вслушаться.

— Да, ни фига с ней не будет. Точно тебе говорю. Ну, отключится, сучка, подумаешь, а я ее как раз трахну. А то, ишь какая гордая, посылает меня. То же, королева нашлась. Будет знать, как отказывать. Просто добавь больше, и все. Я и тебе ее потом дам.

Этот голос Вячеслав узнал. Говорил пацан, который приставал к его Бусинке перед концертом.

— У нее передоз будет, головой подумай, Клим. Точно тебе говорю, я же знаю, сколько ей уже сегодня дали. А Шамалко нас за нее так отметелит, что ты больше в жизни никого трахать не захочешь. Нечем будет. Мало девок? На кой тебе такие проблемы?

— Да че ты очкуешь? Дай мне. — Послышалась какая-то возня. — Сам все сделаю, не ной потом, что ничего не обломилось.

— Больной ты, на всю голову. Я к этому не хочу иметь отношения. — Второй парень, судя по звукам, оттолкнул собеседника и ушел.

— Трус. — Фыркнул оставшийся.

И пошел дальше. Звук его шагов приближался к Вячеславу.

От смысла того, о чем говори эти двое, у него заломило затылок и бешенство застучало в голове, напряженной судорогой спускаясь к плечам. Солнечное сплетение будто зажали, свернули в узел.

Он беззвучно выплюнул изжеванную сигарету и стиснул кулаки, ожидая, пока шаги приблизятся.

Боруцкий имел информацию о том, что его Бусинку подсадили на наркоту, просто еще не думал, как с этим будет бороться. Хоть бы вытянуть ее, вернуть, а там — разберется. Но то, что задумал этот подонок…

Для Боруцкого существовало мало моральных ограничений и норм. Наверное, не было такой, которой он не преступил за свою жизнь хоть по разу. Тем более, если это касалось безопасности Агнии.

Хрен им, а не его жену. Он ее сейчас же выдернет отсюда. Придется, конечно, переиграть план, но они допускали такую вероятность. Да и, судя по тому, что учинил Соболь, когда напали на его жену — тот поймет Боруцкого. Так что придется как-то иначе мутить с Шамалко, отвлекая эту сволочь до времени.

Вот сейчас он только с этим пацаном разберется…

Не оказалось ничего сложного в том, чтобы, заткнув рот кулаком, хорошенько приложить головой об стену не ожидавшего нападения парня. Он был мельче и слабее Вячеслава, и вряд ли

сумел бы оказать сопротивление. Но эта мразь была сильнее его Бусинки, а уж если ее опоить…

Мысль об этом подстегнула его ярость. Не обратив никакого внимания на слабые попытки сопротивления, Боров сжал пальцами горло пацана. И держал до тех пор, пока не прекратилось даже конвульсивное подергивание мышц, а выпученные глаза не закатились. Тело в его руках обмякло.

Рванув дверь кладовки, расположенной в этом закоулке коридора, Боруцкий запихнул его туда. Ясное дело, найдут. И Шамалко, наверняка, поймет, чьих рук дело. Только сделать уже ничего не сможет, да и не рискнет, сам замнет. Боруцкий практически не сомневался в этом. А даже если и не так — пошло оно все.

Он к тому времени уже увезет Агнию домой, и это главное.

Наклонив голову к плечу, он хрустнул позвонками шеи и, развернувшись, быстро пошел в зал.

Прости, Бусинка, но все, концерт окончен.

Глава 4

Десять лет назад

То, что пачка с сигаретами так и осталась лежать на его столике рядом с пустой чашкой, Вячеслав понял уже сев в машину. В ресторан возвращаться категорически не хотелось, все там сейчас только подхлестывало его раздражение. Решив восполнить потерю у первого же ларька, он завел автомобиль.

Но первой на глаза попалась вывеска магазина, до которого оказалось ближе, чем до киосков на остановке. А так как из-за злости курить хотелось, Боров резко затормозил и вышел, бросив машину на самом переходе. Осмотревшись на всякий случай, по старой привычке, которая и сейчас не была лишней, хлопнул дверью и пошел к стеклянной двери.

Рядом, в подворотне, кто-то обжимался. Нашли место, нечего сказать. Видно сильно неймется, раз и мороз не мешает. Хотя, ему самому лет десять назад, наверное, ни снег, ни дождь помехой не были. Это сейчас разбаловался, начал комфорт ценить: рестораны, баньки, сауны.

Хмыкнув, Боруцкий уже открыл дверь магазина, когда что-то заставило его еще раз обернуться на ту подворотню. И темно, гад, так, что ничего не видно, а что-то задело, царапнуло взгляд.

Куртка. Рукав красной куртки, на который падал слабый отблеск света из окна нижнего этажа дома.

Вячеслав, точно, уже видел такую куртку сегодня. И совсем недавно. В руках у Бусины.

Отпустив ручку двери, он прищурился и повернул в сторону арки, и сам до конца не зная, какого лешего туда идет.

Ей, конечно, тут совершенно нечего делать. Вообще. И обжиматься в подворотне эта принцесска ни с кем не будет. И она давно домой добирается. А он просто глянет, так, на всякий…

— У меня больше нет, правда! Это все.

Объятиями здесь, явно, и не пахло. Тихий, испуганный, хриплый шепот девчонки мигом всколыхнул в Боруцком уйму эмоций. И вовсе не желания.

Ну, не фига себе?! На его территории кто-то грабит его же людей?! Это, вообще, как называется? Да еще и малявку.

— Так, я не понял, это что тут происходит? — В два шага добравшись до «парочки», Боруцкий опустил руку на плечо парня прижавшего девчонку к стенке.

Тот попытался вильнуть в сторону, но Боров эту попытку пресек.

— О-па, Лысый, ну кто б сомневался! Ты совсем страх потерял? Ты куда полез? — Вячеслав встряхнул пацана. Тот был ему знаком, несколько раз просился к «ним», даже с Федотом разговаривал. Одна беда — силы и роста у Лысого было много, а вот ума — мало, а они сейчас избавлялись от таких, а не набирали балласт. — Ты чего к детям пристаешь? — Он еще раз встряхнул парня.

Что-то выпало у Лысого из руки и звякнуло об асфальт.

Бл…, еще и нож. Вообще зарвался пацан.

Дернув его так, чтоб развернуть лицом, Вячеслав мельком глянул на девчонку. Жива, вроде, губы только трясутся, да глаза стали огромные, в пол лица. И тут он увидел ссадину у самого глаза и синяк на щеке. А куртка спереди порезана…

— Ё…, Вячеслав Генрихович! Больно же! Чего я такого сделал?! — Лысый взвыл, и еще

сильнее начал дергаться, пытаясь высвободить плечо, которое Боруцкий и для себя нежданно сжал до хруста. — Я ж не знал, что она того, ну, мелкая. Оно ж не видно…

— Тихо! — Не оборачиваясь, велел он парню. — Ты как, Бусина? Цела? — Он еще раз внимательно осмотрел ее с головы до ног.

Девчонка, не произнесшая с момента его появления ни слова, судорожно кивнула, зачем-то цепляясь за кирпичную стену пальцами. Будто боялась, что сейчас грохнется. Вячеслав присмотрелся — может, не заметил чего, и Лысый ее порезать успел. Да нет, вроде. Только трясется, будто лихорадит ее. Здорово ее этот пацан напугал, видимо.

Свободной рукой вытянув из кармана ключи от своей машины, взял дрожащую руку и заставил взять.

— Открыть сможешь? — Спокойным голосом спросил он, приподняв бровь.

Девчонка опять кивнула, хоть и не особо уверенно. И со страхом покосилась на Лысого, продолжающегося тихо материться.

— Видишь тачку на переходе? — Он дождался очередного кивка. — Иди, Бусина, сядь в нее и подожди меня. Я через минуту подойду. Только поговорю с человеком.

— Да я, наверное, п-пойду, Вячеслав Генрихович…Д-домой… — Он почти не слышал ее тихий, дрожащий шепот.

— В машину. И жди меня. — Рыкнул он, чтоб понятней было, кивком головы велев исполнять приказ.

Как ни странно, она больше не спорила, и даже послушно дошла до машины. Дождавшись, пока Бусина сядет с пассажирской стороны и захлопнет двери, Боруцкий наконец-то посмотрел на Лысого.

— Тебе человеческим языком объяснили, чтоб не выделывался? — Спросил он у парня.

— Вячеслав Генрихович, да я ж, ничего такого, только бабла немного хотел… Я ж ее б не тронул…

— А синяк у нее на щеке сам по себе нарисовался? И куртка сама на нож напоролась? — Все так же спокойно хмыкнул он.

— Я ж не знал, что это ваша девчонка…

— Тебе, вообще, не стоило тут маячить. — Боров отпустил плечо парня. — И кого-то трогать. — Неожиданно для Лысого, Вячеслав ухватил того за шею и, с силой надавив, с размаху приложил лицом об стену. — Тем более ребенка. Понял?

Лысый втянул воздух расквашенным носом, вытер кровь кулаком, но кивнул. Молча. Может, все-таки, что-то в голове и есть. Хоть, конечно, немного Боров и перегнул. Но его нежданно разозлило то, что случилось с девчонкой. Разозлило больше, чем он мог бы от себя ждать.

Отвернувшись к машине, Боров глянул на пасмурного пацана через плечо.

— Найдешь завтра Федота, если не передумал еще. Погляжу на тебя. — Бросил он и пошел к своей тачке.

Когда он сел на место водителя, Бусина только сильнее сжалась на своем кресле. Голову не подняла. Зато носом шмыгала.

— Не вздумай мне тут реветь. — Предупредил Боруцкий.

— Не буду. — Огрызнулась девчонка, обхватив себя руками, словно замерзла. И точно, ее продолжало трясти.

Вячеслав резко втянул воздух и завел двигатель, включив печку.

— И какого хрена ты в эту подворотню поперлась? Ты же домой собиралась? Или живешь

здесь?

— Я не туда. Я в магазин. — Шмыганье стало явственней и громче. — Я шоколадку хотела купить. — На этом признании она-таки начала всхлипывать, хоть и пыталась закрыть рот ладошкой. По ее щекам заструились слезы, смешиваясь с кровью из ссадины на щеке.

Он смотрел на это дите и не мог понять, как до этого докатился?! Как оказался в такой бредовой ситуации?

— Твою ж…! — Вячеслав хлопнул по рулю ладонью. — Шоколадку, блин! Куда я влез?! На кой с тобой связался?! Детский сад, е-мое.

Девчонка ничего не ответила, но все еще тряслась, несмотря на то, что в машине уже стало жарко, что в топке. И она продолжала плакать.

— Не реви! — Гаркнул Боров, понятия не имея, как ему прекратить эту истерику.

Ясно, что девка испугалась, но сейчас-то, чего реветь в «свинячий голос»?

— Не реву! — Искренне удивив Вячеслава, вдруг, не менее громко и зло крикнула она в ответ.

И, вопреки своим же словам, продолжила заливаться слезами. Даже плечи подрагивали, это и под толстой курткой видно было.

— Слушай, Бусина. — Впечатленный ее ответом, Боров усмехнулся. Еще б рыдать перестала, вообще стало б хорошо. — Давай, вытирай нос. Я тебя домой отвезу. Ну, серьезно, чего уже сейчас реветь, цела же.

Очень дельное, на его взгляд, предложение. Но девка, что-то, не торопилась прислушиваться. Елки-палки!

— Слышь, ну, давай я тебе что-то куплю. И ты уймешься, а? — Он решил пойти проверенным методом и подкупить оппонента. — Че ты, там хотела, шоколадку? Я…

— Вячеслав Генрихович! — Девчонка вдруг закусила губу и, наклонившись, схватила его за руку, лежащую на руле. — Не увольняйте меня, пожалуйста. Только не увольняйте. Я сейчас успокоюсь, сейчас, только… Я просто испугалась. Это пройдет, правда.

Она так и держала его руку, и смотрела в лицо своими глазищами, уже красными от слез. А Боруцкий вдруг понял, что не может открыть рот. С ним такое в первый раз случилось. Такая оторопь, будто паралич. Может, так и подкрадывается удар? И бьет в голову, так, что люди идиотами становятся?

Ее там прирезать могли, а она сейчас боится, что он ее уволит? Ну, точно, дура.

Только вот кожа на руке, которую она сейчас сжимала своими ладошками, жгла и покалывала, и вовсе не от жара печки. Или от нее? И все нормально, а он просто устал и дурное лезет в голову?

А девчонку ему просто жаль. Ведь, все-таки, не зверь уже совсем, человек еще. Может же пожалеть сироту, да и досталось той по полной сегодня…

— Цить! Прекрати выть. Никто тебя не увольняет. — Боруцкий тряхнул рукой, сбрасывая ее ледяные ладони. — Лучше бы сама подумала, на кой оно тебе надо, ведь каждый день шляешься ночами. А мне терять выгоду с чего? Меня все устраивает.

Он отвернулся и уставился в лобовое стекло.

— И меня… Меня устраивает. — Девчонка глотнула слезы.

Хоть бы икать от истерики не начала. Где он воду возьмет, ее успокаивать? А пугать — не выход, и так уже перепуганная до смерти. Еще окочурится.

— Ты, Бусина, лучше не реви, а скажи адрес, а то так и проторчим тут всю ночь. — Грубовато велел он, косясь на нее краем глаза.

Она успокаивалась с минуту, наверное, старалась дышать глубже, но таки сумела выдавить из себя название улицы. Довольный и этим, Боруцкий, наконец-то, тронулся с места, надеясь, что пока

они доберутся, она совсем успокоится. Ну, или, хоть сделает вид, что ли.

Он провел ее до самой двери, так, на всякий случай, чтоб уж точно быть уверенным, что больше с девчонкой ничего не случится. Пока они добрались до ее дома, Бусина, и правда, притихла и только время от времени еще шмыгала носом. Он с ней больше не разговаривал. Просто развернулся и ушел, когда она открыла двери.

Вышел на двор, старый, с двумя огромными тополями в самом центре, которые сейчас скрипели раскидистыми голыми ветками. Вдохнул туман. Уже ничего не хотелось. Ни сауны, ни девочек, ни-хре-на. Наразвлекался. Просто бы доехать до дому и завалиться спать.

Решив на этом и остановиться, Боруцкий полез в карман за сигаретами. И только обшарив всю одежду, вспомнил, что так и не успел те купить. Выругавшись, он сел в машину, завел ту, и, раздраженный, так резко тронулся с места, что шины заскрипели о мокрый, чуть подмерзающий асфальт.

За первым же поворотом на глаза попался какой-то магазинчик. Твердо решив, что в этот раз ему ничто не сможет помешать купить сигареты, он заскочил туда, проигнорировав то, что магазин закрывался через две минуты.

Чуть ли не с порога увидев искомое, Боруцкий потребовал у перепугавшейся продавщицы пачку сигарет. Та быстро отпустила, видимо, торопясь закрыть. Сразу же разорвав упаковку, он уже развернулся и толкнул дверь магазина, когда краем глаза заметил яркие обертки на боковой витрине. Остановился, посмотрел пару секунд на шоколадки. Покачал головой, хмыкнул и вышел на улицу.

А спустя несколько мгновений, снова ввалился в магазин, злой, как черт. В основном на себя. И еще на эту Бусину, которую, то ли жалел, то ли еще чего-то, с чем разобраться не смог.

Она еще не спала. Во всяком случае, открыла после одного короткого звонка в двери. Не сразу, ясное дело, но и ждал он не долго. Не успел развернуться и уйти, хоть искушение и было. Зато, за те минут пятнадцать-двадцать, что провела дома, Бусина успела умыться, смыв с лица грязь и остатки крови, причесаться, распустив косу и переодеться. В пижаму. В которой и открыла двери.

Чтоб его так!

— Ты всем открываешь, не спрашивая?! — Сходу рыкнул он на нее, пытаясь оклематься от такого ощущения, словно его под дых ударили, когда ее в этой пижаме увидел. С облаком волос по плечам.

Не, жалостью тут и не пахнет.

— Так я же в глазок посмотрела, Вячеслав Генрихович. — Попыталась оправдаться Бусина, растерянно хлопая своими глазами. Все еще красными, кстати.

— И что там высмотрела при таком освещении? — Не успокоился он. — На тебя и нападать не надо, сама откроешь, дура.

Девчонка закусила губу и обижено, расстроено посмотрела на него.

Блин, успокоил, называется.

— Ладно. Не кисни. И умнее будь, спрашивай, кому открываешь. — Проворчал Боруцкий, скривившись. — И… вот. — Он почти впихнул ей в руки шоколадку.

А потом развернулся, и больше ничего не объясняя, быстро рванул оттуда.

На смех курам, называется. Он, Боров, у которого все бандиты города ходят по струнке, дает деру от пятнадцатилетней девки. Какого черта он, вообще, сюда приперся?

Агния удивленно смотрела вслед Боруцкому. Перевела глаза на шоколадку, которую он ей

принес. Вновь посмотрела на пустую лестницу. И закрыла дверь.

Странный он, какой-то. Но может, не такой и плохой? Орет, конечно, непонятно за что. Но помог же ей. И это…

Она снова повертела шоколад. Не утерпела, надорвала обертку и откусила кусок. Черный, с орехами. Он показался ей отчего-то, таким вкусным, каким никогда не казался даже шоколад, который родители всегда привозили из поездок. Наверное потому, что она пережила за этот вечер такой ужас. А теперь расслабилась и наконец-то ощутила, что все в порядке. Облегчение от этого осознания затопило, наполнило ее, пробив ту глухую, плотную пелену, которая окутала сознание Агнии с момента известия об исчезновении родителей. Даже новость о то, что их официально признали погибшими во время теракта одиннадцатого сентября в Америке, уже не причинила ей той боли, что испытывала Агния в первые дни. Если честно, она сейчас впервые задумалась над тем, что же они делали в то утро во Всемирном торговом центре? Может, тоже, зашли за сувенирами и покупками?

Агния горько вздохнула. Плакать уже сил не было. Наплакалась так за этот вечер, что глаза пекло.

Не отпускала ее эта пелена и потом, когда Агния, вместе с Зоей Михайловной, выдающей себя за ее бабушку, оформляла пособия и всевозможные документы.

А сегодня, вдруг, она поняла, что еще жива. Она, Агния, не умерла, вместе с родителями, как ей начало казаться, не превратилась в какой-то механический организм, просчитывающий каждую копейку и каждый шаг на два дня вперед, чтобы ничего не упустить. Нет, она осталась живой. И, как выяснилось в той подворотне, ей это состояние — нравилось. А еще, Агния была очень благодарна Боруцкому, несмотря на его крик и злость, что он оказался рядом, и спас ее.

Она откусила еще кусочек шоколада, проверила, не проснулась ли бабушка, и, успокоенная тем, что та спокойно лежала в кровати, закрыла двери в свою комнату. Забралась в постель, не выпуская лакомство из рук. Агния даже не заметила, как съела всю плитку, до последней крохи, хотя, обычно старалась ту растянуть. Видно стресс сказался. Или то, что это не она деньги потратила.

Жутко не экономно. Но так вкусно.

Вздохнув, она аккуратно разгладила обертку и положила на стол. А сама укуталась в одеяло и почти моментально уснула.

Наше время

Он вошел в зал и, не возвращаясь к своему месту, направился прямо к центру, где сидела, продолжая петь, его жена. Мало кто обратил внимание на его перемещения, видно, считали, что кто-то просто ищет место поудобней.

В нем все еще кипела ярость и бешенство, но Вячеслав держал это все в узде. И целенаправленно двигался к Агнии. Он думал сделать все не так, конечно, как-то поспокойней, что ли. Чтобы подготовить ее, насколько такое возможно, к собственному появлению. Но не теперь…

Когда между ними осталось расстояние шага в четыре, его Бусинка, поющая что-то на испанском, вдруг повернула голову, видимо, привлеченная движением.

Боруцкий на секунду замер. Словно застыв, вдруг испугавшись того, что может увидеть в ее глазах — осуждение или ненависть, из-за всего, что ей довелось вытерпеть по его вине. Однако, несмотря на весь свой страх, заставил тело двигаться дальше. Он должен ее вытащить несмотря ни

на что. И ни в чем не посмеет упрекнуть, возненавидь Агния его. Но потом, потом, а сначала спасет.

Она умолкла, глядя на него своими огромными глазищами, казалось, вытягивающими из Вячеслава всю душу.

Музыканты, не поняв, что произошло, продолжали играть.

А Агния, опустив руку, похоже, забыв о том, что держит в той микрофон, зажмурилась, и тут же, вновь распахнула глаза. Впилась в него взглядом.

Вячеславу осталось преодолеть два шага.

Уже все обратили внимание, что что-то, явно неладно.

И тут его Бусинка поднялась, и неуверенно, на нетвердых ногах шагнула в его сторону.

— Вячек? — Он даже не услышал этого шепота, прочитал у жены по губам свое имя, полное неверия, непонимания, и дикой, безрассудной надежды, вдруг вспыхнувшей в глазах.

Вопреки тому, что знала, что вытерпела.

Губы Агнии задрожали, и она сделала еще шаг навстречу ему.

— Вячек? — Она часто-часто заморгала, словно собиралась заплакать.

Только он уже подошел впритык, и впервые за этот проклятый, адский год, обнял, на один миг стиснул жену, прижимая к себе. У них не было времени. Совсем. Он и так в край обнаглел.

— Только не плачь. — Прошептал он ей в ухо, без остановки развернув, и начав подталкивать Агнию в сторону выхода.

Ничего не понимающие слушатели расступались, освобождая им дорогу. Большинство, похоже, решили, что Агнии стало плохо, и он просто помогает выйти певице. Люди Шамалко еще не сориентировались, но уже засуетились у стен.

— Только не плачь, Бусинка. Сейчас выйдем, доберемся до вокзала. Ты должна собраться и держаться. А потом, потом все можно будет. Обещаю. — Прошептал ей Вячеслав.

И, не сдержавшись, на секунду прижался к ее лицу — лбом, щекой, губами, испытывая нечто, сродни ожогу от этого касания. Не физическое жжение, а горение внутри, в душе.

Она продолжала смотреть на него широко открытыми глазами, даже не моргала. Но и не спорила. Словно заводная кукла, послушно шла, торопливо переставляя ноги.

Агния была в шоке. Он это понимал, но и сделать пока ничего не мог. Однако когда Вячеслав прижался к ее губам своими, в коротком, ничтожно коротком поцелуе, Агния вздрогнула всем телом, так тесно сейчас прижатом к его. И вцепилась в его руку не то, что пальцами, ногтями, почти раздирая кожу. На здоровье, если это ей чем-то поможет.

Он выскочил в коридор, увлекая ее за собой.

Еще утром, впервые встретившись с Шамалко после всего на правах парламентария Соболева, Вячеслав поставил Виктору ультиматум, что заберёт жену. Тот не был согласен. Но оба понимали, что нынче Виктор заинтересован в сотрудничестве, считая, что имеет шанс заручиться поддержкой сильного игрока, которого Боруцкий представлял.

Шамалко обозлил этот ультиматум. Но Боров практически не сомневался, что сейчас, когда его люди сообщат Виктору о том, что происходит, он велит тем не лезть. К тому же, этот гад и так успел натворить вволю. Одни наркотики чего стоят. Ему, Боруцкому месть, пинок, что Шамалко все помнит. И вот, на, получи, против чего с ним, Виктором спорил…

— Не уходи. — Вдруг тихо, но так надрывно простонала Агния, спрятав лицо у него на плече. — Только не уходи. Даже, если это всего лишь моя галлюцинация, и они опять что-то подсыпали. Не хочу, чтобы ты уходил! — В конце она почти крикнула. Отчаянно, безнадежно.

— Тсс. Я не уйду. Только с тобой. — Попытался успокоить ее Вячеслав, уже спускаясь по

ступеням, ведущим к выходу.

За их спинами начали раздаваться выкрики. Похоже, охрана, наконец-то, осознала, что все идет как-то неправильно.

— Я живой, Бусинка. Настоящий. — Он мельком глянул ей в лицо.

Агния не поверила. Он видел это в ее большущих серо-зеленых глазах, все уверенней наполняющихся слезами. Но она, все равно, послушно, торопливо шла за ним, ничего больше не спрашивая.

— Не плачь, Бусинка, пожалуйста. — Вячеслав скривился, ощущая реальную боль, словно его пнули в живот. — Только не плачь.

— Не плачу. — С покорностью кивнула она, лишь усилив это болезненное ощущение, раздирающее его изнутри похлеще кислоты.

Они оказались на улице, в темноте, освещенной фонарями только у самого входа в здание. Вячеслав резко махнул рукой, второй удерживая Агнию, ощущая, что жена начинает оседать, почти падая на землю. Подхватив на себя весь вес ее тела, он нырнул внутрь подкатившего автомобиля.

— На вокзал! — Рыкнул он водителю, поняв, что Агния отключается.

Что ж, его внезапное появление, точно, оказалось слишком большим испытанием для ее психики. Но она все равно держалась. По правде сказать, давя ее сознание своими приказами после такого появления, он и не рассчитывал, что она сама доберется до выхода. Его Бусинка — невероятная женщина. Единственная, которая всегда умудрялась сбивать его с толку. Единственная, которая была жизненно необходима ему.

Глава 5

Наше время

Благодаря тому, что ночью дороги становились куда свободней, до вокзала машина доехала быстро. Бросив водителю сотню, Вячеслав вывел Бусинку из машины, поддерживая, крепко обхватив одной рукой за талию. Второй он сжимал рукоять пистолета в кармане. Несмотря на почти твердую уверенность в стратегии поведения Шамалко в этой ситуации, он не собирался расслабляться. Не сейчас. Один раз его и дома достали, что уж про столицу говорить.

Агния послушно делала то, к чему он ее подталкивал. И не в обмороке, вроде, при сознании. И в тоже время, Вячеслав ясно видел, что его жена в какой-то прострации, и сама мало понимает, что происходит, и куда они идут. Единственное, что его Бусинка делало более-менее осознанно, это едва ли не каждые пять секунд вскидывала голову, рассматривая его лицо. Будто, и правда, боялась, что он галлюцинация и может раствориться в воздухе в любую минуту. Только в туманных глазах, все равно, не было веры в правдивость того, что она видела. И еще, она продолжала держаться за него, дико крепко.

Наверное, они странно выглядели — он в смокинге, и его Бусинка в вечернем платье, при полном параде. Никакого багажа, да и на встречающих похожи мало. Однако, даже косо поглядывая на них через толстое стекло окошка, кассир быстро продала билеты. «На проходящий, стоянка в их городе — три минуты, и мест нет, только спальный», словно извиняясь, тараторила женщина.

Но Боруцкий только пожал плечами — какая разница? Выберутся, успеют, и что спальный — только лучше, что ж ему, Бусинку в таком состоянии еще в купе, полное народу тащить? Ага, счас. Главное, что этот поезд отправлялся через пять минут.

Они едва успели зайти в вагон, как состав тронулся. Проводница, уже определенно собирающаяся спать, без вопросов провела их к купе.

Его телефон зазвонил, когда они остановились у двери. Звонил Соболев.

Усадив Бусинку на один из топчанов, он велел проводнице принести горячего чая. Посмотрел на жену, игнорируя продолжающийся вызов. Мягко разжал ее пальцы, все еще сжимающие его руку. Поцеловал напряженную ладошку. Поднялся. И только потом нажал на прием. Но никуда не вышел, оставаясь все время в пределах прямой видимости Агнии.

— Да.

— Что ты там вытворил, что мне Шамалко ядом через трубку плюется? — С интересом и некоторой усмешкой, поинтересовался Соболев.

— Город на уши не ставил. — Тихо огрызнулся Боруцкий, намекая на недавний переполох, устроенный Константином, когда тот искал обидчика жены. — План, конечно, придется переиграть. Но…Я забрал свою жену. Все. — Он глянул через плечо на Агнию. Она ни на сантиметр не сдвинулась с места, куда он ее посадил. Только напряженно смотрела на него, и так сжимала руки, что кожа кистей побелела. — И, Соболь, не знаю, что у тебя за зуб на него — но Шамалко… — Он еще понизил голос. — Эта сука моя. Я лично убью его.

Соболев помолчал некоторое время.

— Хорошо. — Наконец, согласился он, видимо, уловив что-то в голосе Боруцкого. — Вам там помощь не нужна? Может, вертушку с подкреплением послать? — Поинтересовался Соболь.

— Мы уже в поезде. — Боруцкий хмыкнул. — Едем.

— Машину на вокзал подогнать?

— Я Федота вызову. Если не найду, отзвонюсь.

— Хорошо. — Соболев не спорил. — Если будет нужна помощь, мой номер есть.

Он отключился, а Боруцкий бросил телефон на стол и обернулся к Агнии.

Десять лет назад

Следующие две недели он почти не попадал в ресторан. Более того, злой на себя за эту придурочную выходку с шоколадкой, Боров сознательно избегал любой возможной встречи с девчонкой. Все силы и энергию он перенаправил на изучение и попытки разобраться в незнакомой пока сфере ночных клубов. И, тем не менее, ежедневно, звоня Семену, чтобы поинтересоваться обстановкой и состоянием дел в ресторане, Вячеслав не сдерживался, и уточнял, все ли в порядке с девчонкой?

Администратор, узнавший о нападении на Бусину, списывал подобный интерес на естественное беспокойство Борова о своем работнике. И даже сообщил, что теперь отправляет кого-то из парней провожать Агнию до остановки.

Боруцкий что-то одобрительно проворчал на этот счет, а сам подумал о том, что до дома то ее никто провожать-то не ездит, а там опасно не меньше. И никто не в курсе, что девчонка на него работает, не прикроет ее его имя…

Но сосредотачиваться на этой мысли себе не позволил. В конце концов, думать надо было над тем, куда лезла.

Почти все свое время он проводил в клубах, как и Федот, впрочем. Вдвоем они старались вникнуть в тонкости и нюансы этой сферы. Не без того, конечно, чтоб расслабиться, хоть раз за неделю. Да и старые объекты нельзя было пускать на самотек. А то, контингент такой, что надумают себе невесть что, дай только продохнуть пару лишних деньков. Решат, что уже и не следит никто за порядком.

Короче, в ресторан Боров заехал почти в канун Нового года, тридцатого декабря. Да и то, потому, что его позвал Федот, уже замаявшийся с энтузиастом Лысого. Парень, вроде, был и неплох, но вот с подчинением наблюдались огромные проблемы. Зато энергии, энтузиазма, и дурного желания отличиться — было в Лысом, хоть отбавляй.

В итоге, Федот, намучавшись с тем за эти дни, намекнул, что неплохо было бы Борову самому повлиять на своего протеже. Мнение друга и ближайшего помощника Боров ценил. Федот был с ним еще с той, первой исправительной колонии для несовершеннолетних, куда загремел за ограбление. Федот был единственным человеком, которому Боров, действительно доверял. Тот никогда не рвался на первые роли, и сам понимая, что не потянет вести кого-то за собой, зато являлся великолепным исполнителем, и готов был прикрыть собой Боруцкого, что не раз доказывал. За двадцать один год, что они знали друг друга, не было ни одной проблемы, которую они не смогли бы решить благодаря интуиции, напору и стратегии Борова, и дотошной исполнительности Федота.

На самом деле звали его Андрей Славкин. Кличку «Федот» он же получил за любовь к стихотворному творению с главным героем, носящим такое имя. Уж сильно любил цитировать то к месту и не особо. Как подозревал Боров, данное произведение было единственным, которое Федот прочел за свою жизнь. Зато, от корки до корки. А может еще и задом наперед.

В общем, ощущая непонятное и глухое раздражение на всех и вся: ранние сумерки, снег,

падающий с неба, слякоть на дорогах, Боруцкий остановился на парковке у ресторана в половину шестого вечера. При этом он искренне недоумевал, с какой-такой стати, поймал себя на мысли, что еще рано, и Бусине тут просто делать нечего. Он что — боится ее, в самом деле? Бред. Тем более что было бы очень глупо заявлять, будто бы Боров не вспоминал о той за это время. Да, чтоб его, порой Вячеславу начинало казаться, что он думает об этой малявке больше, чем о деле. И особенно его злило это ночами, после снов, в которых фигурировала она, та долбанная пижама, и его явное возбуждение. Не помогли даже пару вечеров в сауне с теплой компанией самых умелых девчонок Гели. Бог его знает, чего такого было в этой малявке, но Боруцкому, однозначно, не нравилась своя реакция на нее. И он не считал необходимым усугублять все эти непонятки новой встречей в ближайшее время.

Несмотря на раннее время, ресторан был относительно наполнен посетителями — праздники, все-таки. Люди уже гуляли. Федота он нашел в бильярдном зале. Тот, сидя на углу одного из столов, медленно курил и вдумчиво вычитывал Лысого. Освещения они много не включали, только лампы над двумя столами, и в зале было несколько сумрачно.

Парень стоял напротив Федота, грустно повесив голову. И явно не знал, куда деть кепку: то бросал на один из столов, то хватал и мял в руках. И опять бросал. Короче, не проникся он наставлениями Федота, похоже, не слышал и половины.

Осмотрев эту картину, Боров хмыкнул и, решив, что надо будет потом сыграть с Федотом, подошел ближе.

— Лысый, ты чего мудришь? — Хлопнув Федота по плечу, Боруцкий прошел мимо «отчитываемого», бросил на стол пальто, предварительно выложив пистолет из кармана «на всякий, пожарный» и сел на другой угол стола. — Почему Федот на тебя жалуется? Не ценишь шанс, что тебе дали?

— Да, нет. Вячеслав Генрихович! Вы че! Да я, я что угодно! Да я все! — Парень вскинул голову и принялся рьяно защищаться. — Просто, ну реально, ну че это за дела? «Поди туда, принеси то»? Я ж реального дела хочу. А то, словно лох какой-то.

— Я не понял, Лысый. Ты тут самый умный? Или, может, это я бегал за тобой полгода, упрашивая к нам прийти? — Вячеслав взял со стола один из шаров и стал крутить тот в пальцах.

— Нет, Вячеслав Генрихович. — Парень стушевался.

— Вот и я такого не помню. — Боров кинул шар назад и, спрыгнув со стола, подошел впритык к Лысому. — Так что, или ты слушаешь, что тебе говорят, или… — Вячеслав красноречиво умолк. А потом, ухватив пацана за загривок, заставил глянуть себе в глаза. — Нам, ведь, придурки не нужны. И одиночки тоже. Тем более, которые не делают то, что говорят. — Добродушным тоном заметил Боров.

Только вот выражение его глаз, наверняка, добродушием и теплом не отличалось. Он не переносил тех, кто нарушал приказ, и из-за этого запарывал планы. И парень либо сразу уяснит это, либо…

- *Tombe la neige. Tu ne viendras pas ce soir. Tombe la neige. Et mon coeur s'habille de noir. [1]— Наверное, он и мертвым узнает теперь этот голос.

И отреагирует. Хоть ни слова и не понимает.

— Бл…! — Ругнувшись, он резко развернулся к двери, продолжая держать Лысого за холку. — Ты здесь что забыла?! — Без перехода рыкнул он на девчонку.

Бусина оторопело уставилась на них и застыла на пороге, как заходила, с открытым ртом, умолкнув на полуслове, тарелкой, полной какой-то еды в одной руке, и книгой, зажатой под другой рукой. И боком. Видно, двери она толкнула бедром, в виду занятых рук.

— Из-звините, Вячеслав Генрихович. Здравствуйте. — Спустя пару секунд, придя в себя, девчонка кивнула и нервно сглотнула, стараясь удержать весь свой «багаж» в руках. — Мне Семен Владимирович сказал, что здесь свободно. — Она прокашлялась. — А он мне разрешает здесь ужинать и делать уроки, если никого нет.

Тут взгляд девчонки остановился на Лысом, и Боруцкий увидел, как она вздрогнула. Так, что вилка, лежащая на тарелке с едой, громко звякнула.

Вячеслав не знал, почему сильнее надавил на затылок парню. Вот не знал, и все тут.

Лысый нервно переступил с ноги на ногу, судя по всему, так же узнав свою «жертву».

— Так, Бусина, катись отсюда, иди, жуй в другом месте. И уроки свои, там, где-то… — Он махнул ладонью в сторону двери.

— Д-да. — Она опять кивнула.

Только с места не двинулась. И взгляд ее перепуганных глаз, словно приклеившись, застыл на Лысом.

И тут Боруцкого стукнуло. Что именно и куда, черт знает. Не иначе, как палкой по голове, выбивая остатки мозгов. Потому как разумного объяснения своим следующим словам, он так и не нашел.

— Хотя, нет, стой, Бусина. Подойди. — Он поманил девчонку пальцами.

Как ни странно, она подошла. Молча. Стараясь держаться его стороны и не приближаться к Лысому.

— Ты во сколько в школе заканчиваешь? — Уточнил Боров у девчонки.

— В два. — Бусина перевела глаза на него. И он увидел выражение удивления в ее взгляде. Но хоть расслабилась и от Лысого отвлеклась.

— Потом ты домой идешь. Ну, перед рестораном? — Вячеслав отпустил Лысого и вернулся к углу стола, где бросил свои вещи.

Странно, но девчонка засеменила за ним со своей тарелкой и учебником под подмышкой. Остановилась совсем рядом и, словно больше никого в зале и не было, старалась смотреть только на Боруцкого.

— Нет, Вячеслав Генрихович, в консерваторию. Зоя Михайловна, она со мной в первый вечер приходила, преподает мне вокал, готовит меня к поступлению следующей осенью. Она еще мою маму учила.

— Че, за просто так, что ли? — Хмыкнул Боруцкий. — По старой памяти?

Бусина стушевалась и уставилась себе под ноги.

— Не совсем. Конечно, я ей плачу, я же знаю, сколько час ее времени стоит. Но она не берет с меня полную стоимость, отказывается.

— Значит, ты из консерватории сюда? — Вячеслав вздернул бровь.

— Да.

— И тут до девяти?

Она кивнула.

— Значит так, Лысый. — Он посмотрел на парня, который уже, видимо, решил, что про него забыли. — Щас проверим, как ты запоминаешь. Видишь девочку? — Он кивнул на Бусину.

Лысый угукнул.

— Будешь встречать ее после консерватории, провожать сюда, а после выступления, до дверей квартиры. Беречь. Ясно? И чтоб ни одна падла, типа тебя, больше к ребенку не лезла, усек?

— Ну, Вячеслав Генрихович. — Недовольно затянул Лысый. — Я че, я лох, что ли? Ну, почему всем нормальные дела, а мне с малявкой возиться, я же…

— Заткнулся! — Гаркнул Боров, грозно глянув на пацана. — Я скажу, ты у меня грязь есть будешь, понял, су…! — Он прервал себя, скосив глаза на побледневшую малявку. — Нечего было трогать ребенка. Вот теперь — следить будешь. Терпение и послушание вырабатывать. А недоволен — вали отсюда!

— Я это, понял я. Извините. — Лысый скрутил свою кепку в трубочку.

— Ну, и лады. Оба — свободны. — Он повернулся к Федоту, делая вид, что не замечает бледной девчонки. — Сыграем? — Махнул он в сторону стола. — А то все дела и дела.

Федот уже открыл рот, но его прервали.

— Вячеслав Генрихович. Не надо. Я сама похожу. Пожалуйста. Не надо мне охраны. — Девчонка аккуратно поставила тарелку на бортик одного из столов и подошла так, чтоб встать лицом к лицу с ним. — Не нужен мне этот ваш. Спасибо, конечно. Но…

— И почему, интересно? — Боруцкий хмыкнул. — Нравится одной по темноте шляться? Хочешь, чтоб кто-то, таки, прирезал тебя?

— Я… — Она сглотнула, но вздернула голову. — Я не хочу. Но его, — она нервно кивнула в сторону парня, продолжая смотреть на Вячеслава огромными глазами. — Не надо, пожалуйста.

— Чего это? — Делано удивился Боров, опершись о край стола.

Она стиснула кулачки и закусила губу. Вздохнула. Но вздернула свой подбородок еще выше.

— Я его боюсь. — Тихо проговорила она.

Эка неожиданность.

— Чет, я не понял, Бусина. — Боров почесал большим пальцем бровь. — Ты боишься вот этого? — Он кивнул головой в сторону молча наблюдающего за всем этим парня.

Девчонка побледнела еще сильнее. На ее щечках загорелись багровые пятна. Но она, все же, кивнула, подтверждая.

Стойкая.

— Все равно, не понимаю. — «Повинился» Вячеслав. — Этого остолопа ты боишься, а меня значит — нет? Все время лезешь с разными глупостями, споришь, надоедаешь…

— Он меня убить хотел, Вячеслав Генрихович. — Надрывным голосом проговорила она. — А вы… Нет. Я вас не боюсь.

Боруцкий хмыкнул и покачал головой.

— Тем ножиком? Не смеши меня. Не прирезал бы. Так, поцарапал бы, разве что в глаз пырнул бы, тогда, да. Но и то, духу не хватило бы. А вот я, — он, казалось, всего лишь обернулся, но уже в следующую секунду крепко прижал к виску девчонки пистолет. — Я тебе сейчас в секунду мозги по стене размажу. И что, ты будешь и теперь со мной спорить? Или уже, все-таки, страшно? — Он немного надавил на курок, до щелчка взвода.

Вячеслав перевел свой взгляд на ее лицо.

Бусина смотрела ему в глаза. Просто стояла и смотрела. И, хоть убейте его, но не были эти глаза — глазами ребенка! Они смотрели на него так, что у Вячеслава душу выворачивало. Без страха. Открыто и… доверчиво. И серьезно. Пусть с наивностью. Но серьезно так, что у него в ушах зашумело.

Он забыл и о Федоте, и о Лысом. Не слышал музыку, долетавшую из основного зала, и гуляния подвыпивших гостей ресторана. Ничего.

И не видел ничего, кроме дула пистолета, прижатого к светлым волосам, ее серо-зеленых глаз, и своей руки, удерживающий взведенный курок.

И вдруг, не почувствовал еще, а словно предощутил, что рука вот-вот дрогнет, и палец тоже, тот, что на курке. А вместе с этим, пришло и какое-то странное, нелепое понимание, что не сможет.

Не сумеет он никогда пристрелить эту малявку. Легче себе в живот пулю пустить, чем ее…

— Нет. — Тихо произнесла девчонка.

Что «нет»: не страшно, или спорить не будет, он не сумел спросить. Не смог, и точка. Хотя, кажется, знал ответ. Вряд ли эта малявка с ним спорить перестанет.

— Лысый будет провожать тебя, ясно? Это ему проверка, тебя мало касается. — Гаркнув, чтобы прочистить севшее разом горло, проговорил Боров. Поднял глаза и глянул на пацана, следящего за всем этим с перепугом. — И беречь, как фарфоровую, усек, Лысый? Волос с головы упадет — пристрелю лично. И пугать не смей. Усек?

Тот кивнул.

— Замечательно. — Он опустил руку с пистолетом и большим пальцем щелкнул рычаг на предохранитель. — Раз все, всё поняли — выметайтесь.

Оба развернулись и пошли к выходу. И уже почти дошли до двери, когда Боруцкий окликнул:

— Бусина, тарелку забыла. Забирай свой ужин. И так, ветром скоро снесет — у пацана проблемы из-за тебя будут. — Так, будто и не было ничего минуту назад, усмехнулся он.

И это не у него сейчас дрожат пальцы, сжатые в кулаки и упрятанные в карманы, подальше от зоркого взора Федота.

А вот девчонка совершенно спокойно вернулась и забрала свою тарелку, едва не задев его при этом. Опрокинуть на него, что ли, еду хотела? В виде мести? К Лысому, значит, подступить на три метра боится, а с ним так? Не, ну нормально?

Но Боруцкий ничего не сказал, только молча проследил за уходом. У самых дверей Бусина обернулась и еще на мгновение посмотрела прямо на него все тем же доверчивым взглядом. Вячеслав резко отвернулся, делая вид, что внимательно рассматривает кий.

— Ну что, играть будешь? — Спокойно поинтересовался он у Федота, все это время молча сидевшего на краю стола, что та деталь интерьера.

Смолящая деталь.

— Это чего сейчас было, Боров? — Не меняя позиции, друг протянул руку и забрал оставшийся кий.

— Ты сам хотел, чтобы я Лысого приструнил? На, пожалуйста. — Игнорируя очевидное содержание вопроса, Вячеслав наклонился, выбирая шар для удара.

— А к девке ты чего это…

— А чего? Этот на нее налетел пару недель назад. Еще кто-то пристанет, прирежут, ведь, малявку, как пить дать. На фига мне лишний грех на душу, а? У меня своих, во, выше крыши. — Вячеслав демонстративно провел ладонью на уровне шеи. — Так что, пусть или под присмотром ходит, или уже сам пристрелю, чтоб было потом, за что расплачиваться.

— Ага, интересное решение вопроса, о-р-ригина…

— Ты играешь, или нет, Федот? — Перебив его, Боруцкий резко ударил, загнав шар в лузу. Выпрямился, взял мел и принялся сосредоточенно мелить наконечник кия.

Друг молча смотрел на него какое-то время. Боров затылком ощущал этот задумчивый, изучающий взгляд.

Ну и фиг с ним. Потому что Боров сам не знал, чего это было, и какого ляда он выкинул такое.

Потом Федот хмыкнул и сам наклонился над столом.

— Играю.

Она согнулась пополам, едва вышла из этого зала. Еле успела впихнуть тарелку растерявшемуся парню, которого Боруцкий называл Лысым. Учебник упал на пол.

— Эй, ты чего? Ты того, копыта не отбрасывай. — Занервничал он. — Я не хочу запороть задание так, с ходу. Тебя мутит, да? Испугалась? Оно и понятно, я б тоже очканул, если б Боров мне пушку в башку упер.

Агния уперлась ладонями в колени и покачала головой. Ее не тошнило. И нет, страшно не было. Просто… Она сама не знала, что с ней творится и происходит. Любой нормальный человек был бы в ужасе, испытай то, что происходило с ней три минуты назад. А ей совсем страшно не было. И Вячеслава Генриховича, как тот не старался, она не стала бояться. Хоть эта его выходка с пистолетом…

Бешеный он, все-таки.

И все же, не из-за этого у нее сейчас дрожали ноги и кружилась голова. И горло перехватило не от страха.

Она смотрела ему в глаза, когда Боруцкий это сделал. Смотрела, и видела такое, что перед глазами красные пятна пошли и «звездочки» замерцали. Агния не знала, не взялась бы утверждать, что знает название тому, что вспыхнуло в глазах Вячеслава Генриховича, когда он прижал к ее виску пистолет. Она понятия не имела, как это называется. Но могла бы поспорить, что он сам пришел в ужас, просто сдать назад не мог. И еще…

Еще там было что-то такое, отчего ее сердце подскочило в горло, а потом ухнуло вниз, в самые пятки, с такой скоростью, что в животе все сжалось. И в голове зазвенело, так тихо-тихо стало, а звенело при этом, тонко, высоко. Непонятно.

А может это просто такая реакция на угрозу жизни? И привиделось все? И она действительно испугалась, просто понять этого пока не может? Ведь что она знает о людях, подобных Боруцкому? Что может в его глазах усмотреть?

— Эй! Эгей?! Ты меня слышишь? — Парень помахал у нее перед лицом своими ладонями. — Лучше я Борова кликну, чтоб он видел — я ни при чем. Сам тебя до смерти испугал, сам пусть и расхлебывает.

— Не надо. — Она медленно выпрямилась и оперлась затылком о стену. Агнию понемногу отпускало. Уже и звуки из зала, где люди сидели, начали пробиваться в голову, и руки потеплели. Только дрожали, как не ее.

— Нормально со мной все. — Подняв голову, она глянула на парня. Чего бы там не добивался Боруцкий своим поступком, а кое-что вышло — бояться Лысого она перестала. Вот отрезало напрочь. — Тебя как зовут? — Спросила она. — По-настоящему? Не кличка.

— Вовка. — Все еще опасливо посматривая в ее сторону, ответил парень. — А чего?

— А меня — Агния. — Слабо улыбнулась она. — Очень приятно познакомиться.

Парень косо глянул на нее.

— Ты это, того, не придурочная, а? А то странная, какая-то.

— Нет. Вроде бы. — Не то, чтоб уверенно ответила Агния. И вдруг рассмеялась, сама не зная, отчего.

Вовка опять косо глянул на нее, но больше не спрашивал ничего.

— Ладно, Владимир, мне сейчас выступать надо. — Агния с тоской глянула на тарелку, к которой не успела притронуться. — Можешь съесть, если хочешь. А я пошла.

— Э, нет. Давай, жуй. Боров сказал, чтоб ты поела. — Снова разволновался парень. — Мне с ним проблемы не нужны. И виноватым я быть не хочу.

Подхватив тарелку с пола, он впихнул Агнии в руку вилку.

— Давай. Ешь! Я подержу.

Выражение лица у Владимира ясно показывало, что откажись она — парень сам начнет

запихивать еду в Агнию. И она решила, что лучше не спорить. Конечно, не особо комфортно петь на полный желудок. Но и голодная она два часа не отработает.

Глава 6

Наше время

Она смотрела на него так, будто все еще продолжала считать своей галлюцинацией. А Вячеслав не был уверен, что знает, как начать разговор. И как объяснить то, что не сумел вытащить ее раньше, что по его вине она прожила этот кошмарный год в аду.

Впрочем, тупо стоять у двери купе он тоже не собирался. Если Боруцкий во что-то и верил, так это в эффективность действия. Любое движение для него было предпочтительней вязкой и бессмысленной осторожной буксовки.

Потому он решительно шагнул к полке, на которой сидела Агния. Однако ни сказать, ни сделать ничего не успел, двери отъехали в сторону, и на входе появилась проводница.

— Ваш чай. — Объявила сонная женщина и, протиснувшись мимо него, поставила два стакана в подстаканниках на скатерть, укрывающую столик.

Бросила рядом комплекты постельного белья в пакетах.

Агния даже не вздрогнула, и взгляд не перевела. Он не стал бы закладываться и на то, что она дышит.

Развернувшись, проводница уже собралась уйти.

— Стойте. — Боров глянул на ту через плечо. — Принесите водки.

— Мы не продаем крепкие алкогольные напитки. — Заученными словами забубнила женщина. — Есть вагон-ресторан…

— Да, ладно. — Он бросил на стол деньги. — Я никому не расскажу. Только нормальной, не паленной.

Женщина воровато глянула на открытые двери купе, и взяла купюры.

А Агния вдруг фыркнула. Весело так. И рассмеялась. Не так, как всегда. Не так, как он помнил. Хрипло, будто «надтреснуто». И все же, это был смех. Вячеслав резко обернулся, пожирая взглядом лицо жены.

— Не надо водки, Вячек, серьезно. — Агния поднялась с топчана, и в купе стало совсем тесно.

Видимо потому проводница решила быстро ретироваться, даже двери за собой закрыла. Впрочем, ни он, ни Бусинка не обратили на это особого внимания.

Оба замерли на расстоянии одного шага, пожирая друг друга взглядами.

Ему хотелось схватить ее, обнять так крепко, чтобы каким-то образом заслонить собой все мысли и воспоминания о случившемся. Но вместо этого Вячеслав наблюдал, пытаясь оценить ее состояние.

— Ты всегда считал водку лучшим антистрессовым препаратом, да? — Усмехнувшись, она на полшага приблизилась к нему, немного пошатываясь в такт движения вагона.

Но ее усмешка была такой пронзительно-грустной, настолько нелегкой, что у него руки сжались в кулаки, от дикого, глупого и нереального желания вернуть ее былую улыбку.

— И это всегда работало, насколько мне помнится. — Голос сипел, ну и черт с этим. Она и так знает, что с ним творится. Не может по глазам не видеть.

Вячеслав подался вперед, собираясь преодолеть оставшееся между ними расстояние, но Агния опередила его, чуть ли не упав вперед, так, что он обхватил ее, поддерживая. Прижал к себе. А она уперлась макушкой в его грудь.

— Я уже пила сегодня. Утром. — Срывающимся шепотом призналась его Бусинка.

Не поднимая головы, она пошевелилась, и Вячеслав ощутил, как ее ладошка легла на его руку. Правую. Как ее пальчики обхватили и потянули его ладонь. Он не хотел. Не считал необходимым для нее смотреть на это. Но и отказать, запретить — не мог, и не посмел.

— За упокой. Не хочу больше. Еще сопьюсь. Мне только этого и не хватало для полного комплекта. — Продолжала шептать она.

Он зажмурился, ощущая горячие, сухие губы, прижавшиеся к шрамам на его руке. И такие же горячие слезы, капающие на его ладонь.

— Он хотел, чтобы я подтвердила. — Тихо и невнятно прошептала она, отрываясь от его кожи, и тут же снова бросалась ту целовать. — Чтобы сказала, действительно ли это твои пальцы… И кольцо…так сложно было его снять … О, Вячек, Господи! Бедный мой! — Ее тело затряслось.

А у него перед глазами потемнело от ярости, от боли. И в животе плеснулась кислотой ненависть. Скрутило все внутри от ужаса, пришедшего с осознанием, что именно приходилось выдерживать его любимой.

Боруцкий не был дураком, и оптимистом тоже. Он реально знал, как поступают с женами и любимыми врагов такие, как Шамалко. Счастье, что Агния еще жива.

И, казалось, подготовил себя ко всему. Однако оказалось, что знать об этом, и слышать от нее — разные вещи. Проклятье, эти отрывочные, разорванные слова, что она бормотала шепотом, будто бы сдирали с него живьем кожу.

— Не плачь, Бусинка. Не стоит оно того. Только бы ты была целая. — Прохрипел он, не имея понятия как, но очень сильно желая успокоить, заставить забыть, стереть все это из ее памяти.

Оперся лбом о ее голову.

Ее губы продолжали касаться обрубков его пальцев короткими, обжигающими поцелуями.

— Ты сказал, что потом будет можно. — Возразила Агния голосом, срывающимся от рыданий.

— Я соврал! — Рыкнул он, заставив ее рассмеяться, пусть и сквозь слезы. — Не выношу, когда ты плачешь, ты же знаешь, малыш. — Вячеслав сжал зубы. — Мне убить кого-то хочется, лишь бы ты перестала. — Честно признался он, обхватив ее затылок свободной рукой, загреб волосы полной пригоршнею.

Те были теперь такими короткими.

Но ему не помешало это зарыться в светлые пряди лицом. И он, наконец-то, обнял ее. Не так крепко, как хотелось. Но все же. У Вячеслава перехватило дыхание, и он, действительно, пристрелил бы сейчас того, кто попробовал бы встать между ним и женой. Но так и не придумал, как хоть немного облегчить это все для нее, как успокоить.

— Может, все-таки, хлопнешь водки, а? — Без особой надежды предложил он.

— Вячек! — Агния и плакала, и смеялась одновременно.

Казалось, что и она задыхается. Бусинка вскинула голову, и принялась жадно целовать его лицо, коротко касаясь уже мокрыми от слез губами его щек, подбородка, шеи.

— Что? — Хрипло и немного виновато огрызнулся он, стараясь контролировать себя. — Это же, и правда, всегда действовало.

— Не хочу. Не хочу. — Замотала головой Агния, и потерлась щекой об его шею. — Господи, я же тогда не поверю, что это правда, решу, что напилась, просто.

— Можно подумать, ты хоть раз напивалась. — Хмыкнул Вячеслав. — Я всегда силой в тебя пытался влить хоть рюмку…

Он не выдержал, подхватил ее на руки, сильно сжав талию жены. Приподнял, притиснул к своему телу, игнорируя раскачивание вагона. Оперся о двери для надежности. Бусинка тут же

обняла его шею руками, принялась скользить ладонями по коротким волосам. Обхватила ногами его пояс, путаясь в складках длинного платья.

Движения обоих были порывистыми, горячечными, жадными. Словно только теперь оба в полной мере осознали, что действительно обнимают друг друга, и не могли насытиться. Оба хотели еще больше, еще полнее ощутить близкого человека.

— Напивалась. — Вдруг призналась Агния, спрятав лицо у него в шее.

Ее ладони скользили по его щекам, как будто жена не верила, и на ощупь пыталась узнать его черты, убедиться, проверить. Пальцы добрались до жесткого ворота рубашки. Скользнули, потянули пуговицу.

— После того, как… Вячек, он…изнасиловал.

Она задохнулась. Закусила губы и мельком глянула ему в лицо взглядом, в котором было столько боли, что у него затылок заломило. И ужас изморозью прошел по его спине, когда он заметил в этих глазах стыд.

— Я потеряла ребенка. — Агния говорила тяжело, принуждая, выталкивая из себя слова. — Виктор, он бил и… Я боролось, но… А он смеялся. Прости…

Видимо, не выдержав, она умолкла и отвернулась. Прижалась лицом к его голой коже в распахнутом вороте сорочке, которую уже наполовину расстегнула.

Он словно взбесился.

Легко встряхнул ее. Так и не спустив со своих рук, встряхнул, заставляя обратить на него внимания.

— Какого хера?! За что тебя прощать, Бусинка?! — Вячеслав сорвался на крик, и тут же оборвал себя. Рыкнул от беспомощности и отчаяния, стукнулся затылком о дверь купе, на которую опирался. — За то, что меня выбрала? Что со мной жила?! Ты не виновата! — Ухватив ее за подбородок, Вячеслав надавил, не позволяя опять отвести от него глаза. — Ни в чем ты не виновата, слышишь?! — Сипло настаивал он, пытаясь поймать ее взгляд. — Только я.

Она зажмурилась.

Щеки Агнии уже были сухими, но ее тело, которое он держал, сотрясали беззвучные рыдания. Опустошенные и измученные.

Стоило ему разжать пальцы, как Агния снова спрятала лицо на его груди. Расстегнула оставшиеся пуговицы, обхватила его своими горячими, дрожащими руками, будто только так, от самого тесного контакта с его телом, его кожей, ощущала хоть какую-то уверенность и покой.

Она словно отпустила все, позволила самому страшному в себе выйти наружу. Тому, что так старательно прятала, а теперь, опустошенная и сбитая с толку его появлением, не могла удержать, обнажила свою боль и слабость.

Он понял все, что она сказала, и о чем Агнии не хватило сил рассказать. Да и, собственно, то, что он не позволял себе об этом думать в течение этого года, не меняло, и не могло изменить жестокую реальность его жизни, его мира, куда он, Вячеслав, сволочь, и ее затащил.

— Бусинка, — его голос надорвался, когда Боруцкий прижался губами к плотно зажмуренным векам. — Маленькая моя.

Вячеслав пытался заставить ее поднять голову. Целовал волосы, виски, лоб, все, до чего мог дотянуться. Так отчаянно желая облегчить это все, дать свою силу, забрать эту боль.

— Я потом напилась. «В хлам», помнишь, Вовка так все время говорил. — Она усмехнулась, но отвернулась, не позволяя ему посмотреть себе в глаза. И неожиданно закричала. — Только это ни хрена не помогло, Вячек! Без тебя ничего не работает и не помогает! Только хуже становится…

Агния зарыдала, серьезно так, что вдохнуть не могла, и начала хватать воздух открытым ртом.

Он обхватил ее лицо ладонью и заставил повернуться к нему, несмотря на сопротивление. Посмотрел в глаза, полные боли, и впился в распахнутый рот, целуя. Жадно, требовательно, даже не лаская, а удерживая, вытягивая ее из этой истерики, заставляя переключиться на него.

— Прекрати ругаться! Сама же меня всегда одергивала! — Отстранившись, тяжело дыша, потребовал он. Прижался своим лбом к ее лбу.

Она замотала головой, растирая слезы по его шее.

— Что ж, теперь я знаю, что иногда, действительно, ничего другое не подходит. Только так это высказать можно.

— Выпорю. — Пригрозил он своей давней угрозой, которую, впрочем, ни разу так и не привел в исполнение.

Наклонился, и снова прижался губами к ее рту.

Его Бусинка попыталась улыбнуться. Но хоть больше не отворачивалась.

Он начал оставшимися пальцами правой руки вытирать мокрые дорожки на ее щеках. Погладил скулы.

А она скосила глаза на безобразные бело-розовые шрамы и глухо застонала, в который раз за эти минуты, попытавшись прижаться к тем губами.

— Не надо, Бусинка, не надо. Серьезно, оно того не стоит. Ни одной твоей слезинки или боли. — Вячеслав хотел отнять у нее ладонь.

— Люблю тебя. — Вцепившись в его руку пальцами, и не отпуская, прошептала она. — Люблю.

И уже сама прижалась к его рту своим, целуя ничуть не слабее, с такой же жадностью, с такой же нуждой, как и он полминуты назад.

Боруцкий хрипло застонал от этого признания. От ее поцелуя, от тепла ее ладоней, скользящих по его плечам под рубашкой, от того, что она прижималась к нему всем своим телом.

— Господи, спасибо…

Кажется, они синхронно прошептали это.

Оттолкнувшись спиной от двери, продолжая удерживать ее на весу, он шагнул по купе, и опустился на топчан. И все это, не прекращая поцелуя, в котором уже вновь завладел инициативой.

Еще девчонкой его Бусинка вила из него веревки, наплевав на то, кто он такой, и сколько грязи за его плечами. Она смотрела на него, и словно бы не видела, что он — Боров, тот, кто заправляет криминалом всего города. Нет, она видела только «Вячека», мужчину, которого вздумала полюбить. А на прочее — ей было плевать. А он был готов на что угодно, лишь бы и дальше Агния смотрела на него таким взглядом, если бы видела только это. Потому что благоговел перед ней десять лет назад, не говоря уже о том, как обожал и боготворил свою жену сейчас.

Он понимал, что ей не стало легче и проще после этого надрывного и разорванного разговора. Отдавал себе отчет, сколько еще скрыто и спрятано у Бусинки внутри. Наверняка, в разы больше того, что она сейчас успела ему открыть, показав лишь верхушку айсберга. И будут еще десятки, сотни таких ночей, полных болезненных слов, рвущих внутренности на куски.

Но сейчас…

Господи! Он год ее не видел! Только на фотографиях, которые стояли в комнате везде, куда ни глянь. Столько, что Федот, единожды увидев это, несколько раз потом намекал, что знает неплохого «спеца по мозгам». Наверное, в Вячеславе за это время, и правда, появилось что-то маньячное, если даже друг, знавший его столько лет, все понимающий — забеспокоился о состоянии разума Борова. Но с другой стороны, а кто остался бы в своем уме, зная, где его любимая женщина, что с ней делают?!

Но и эти фото его не спасали от тоски, и жажды по Агнии, настолько сильной, иссушающей просто. Такой, что порой казалось, эта тоска не гложет, а изгладывает его плоть, сдирая ту с костей. Ведь он не мог обнять, поцеловать, не мог дотронуться, не мог ощутит ее…

Оттого, сейчас, все отчаяние, боль, ярость, и радость от встречи, облегчение от того, что забрал ее — вдруг, в одно мгновение, трансформировались в Вячеславе в немыслимую потребность. В такую нужду и желание, что воздух, казалось, горел внутри легких.

В голове стало горячо и пусто, а вся кровь, он почти ощутил это, рванула вниз, заставляя его сжать ее крепче, плотно притиснув к своему возбужденному телу.

Дыхание Агнии сбилось, и она застонала, похоже, испытывая то же самое.

Он же знал ее, как себя, каждый вздох, каждое выражение глаз и губ понимал не хуже, чем свои собственные.

Их обоих накрыло так, что ни о чем думать не выходило. Никакие доводы, неуместности и неудобства не могли перевесить жажды, которая, вдруг, стала главенствующей в этих объятиях. Да и какие, собственно, неудобства? Он, она — они вместе. Когда им еще что-то надо было для счастья?

Хотя то, что происходило сейчас между ними, сложно было назвать светлым или легким удовольствием.

Агния давно расстегнула на нем рубашку, и теперь, доводя Вячеслава до белого каления, покрывала его плечи, шею, грудь и живот все теми же короткими, горячечными поцелуями. Ее пальцы порхали по его телу, гладя, царапая, словно требуя чего-то большего, такого, чтобы вытеснить из ее разума этот год.

Его собственные руки сжимали ее тело с такой силой, что Вячеслав испытывал опасения, боясь что-то ей сломать. А отпустить, обнять мягче — не получалось. Вот не выходило, и все.

Он сдернул с ее плеч бретельки платья, со стоном впился губами в нежную кожу на груди, понимая, что не целует уже даже, втягивает в себя, прикусывает, наверняка, оставляя засосы.

А она еще сильнее прижимала к себе его голову, и ее рыдания (слава тебе, Господи!), сменились стонами удовольствия.

Освободив одну руку, он собрал пригоршней шелковую ткань, «расплескавшуюся» по его бедрам. Сдвинул белье, уже ставшее влажным, едва не порвал собственные брюки, расстегивая, и с грудным стоном вошел в ее тело одним движение.

Это не было красиво, медленно или приятно. Они даже не гнались за удовольствием, не ждали его. Это была потребность, на грани жизненной. Как необходимость сделать следующий вздох. Так же сильно он сейчас нуждался в том, чтоб войти в нее, а она — чтобы Вячеслав наполнил ее тело собой.

Чем-то это напомнило ему их первый раз, такой же бешенный и безумный. Такой же жадный, когда непонятно было, просто хотели ли они друг друга, или не могли иначе. Это было выше простого желания.

Словно взрыв — нечто такое же мощное, мимолетное, оглушающее. И оставляющее после себя выжженное опустошение.

У него не было сил сдерживаться и растягивать. Тело горело, вот-вот грозясь сорваться. И больше чем годичное воздержание не добавляло контроля над собой. Он даже не смог бы сказать, испытал ли удовольствие, поняв, что кончил. Куда важнее этого было осознание того, что они — снова единое целое. И, совсем как в первый раз, Вячеслав знал, что его Бусинка, точно, не получила в полной мере того, что он мог бы ей дать.

Задыхающийся, опустошенный, потный настолько, что долбанная мокрая рубашка и пиджак,

которые он так и не снял, липли к спине, Вячеслав прижался головой к ее груди, ощущая, как внутри его Бусинки бешено колотится сердце.

Его тарахтело так же часто. И в ушах отдавалась эта дробь. Твою налево! Так, сто пудов, можно получить инфаркт. Тем более в его возрасте.

Но все-таки, кажется, немного отпустило. Хоть в глазах посветлело, и разум, не весь, правда, но частично вернулся в пустую, как казалось пару минут назад, черепную коробку. Чуть приподнявшись, продолжая поддерживать ее под спину ладонями, Боруцкий повернулся. Одной рукой взял валяющиеся на столике пакеты с постельными комплектами. Зубами надорвав один, он вытряхнул простыню, и кое-как, криво, конечно, расстелил ту на полке. Осторожно опустил Бусинку на нее.

Его жена казалась такой же опустошенной, каким он ощущал себя. Ее кожа словно светилась, просвечивая темными полосками вен, и под глазами проступили тени, на которые до этого он просто не обращал внимания. И все же, несмотря ни на что, она улыбнулась ему. Улыбнулась так, что у Вячеслава Боруцкого, человека, не признававшего ни мораль, ни закон, ценящего очень мало на этом свете, сердце сжалось, замерев, а потом опять забилось, как бешеное, только теперь от счастья. Уложив ее, он вытянулся на полке рядом, нежно целуя бьющуюся жилку на шее Агнии, лаская ее губы, щеки, спустился на грудь.

Этот поезд, с его сонной тишиной полупустого спального вагона и мерным стуком колес, словно выпал из времени и пространства. Подарил им временную передышку от проблем, уже оставленных сзади, и тех, что только предстоят впереди, когда они сойдут на перрон родного города. Это все еще будет. Неотвратимость наступления утра понимали оба.

Но сейчас они просто лежали рядом. Были вместе. И наслаждались этим.

У них было в запасе еще несколько часов, которые Вячеслав, совершенно точно, знал, на что потратит. И, определенно, он собирался сделать так, чтобы она сейчас получила максимум удовольствия.

Десять лет назад

Он заметил, что малявки нет, едва пришел на всеобщее сборище. Семен, конечно, называл это иначе, «корпоративом», общим праздником в честь наступившего неделю назад Нового года, призванным объединить и сплотить коллектив. Боров слабо разбирался в модных веяниях и терминах, но в сплоченность команды в любом деле — верил. Потому, поддавшись на аргументы администратора, согласился заглянуть, типа «поздравить» подчиненных.

Так вот, все были в сборе, даже какие-то помощники по кухне, которых Вячеслав видел впервые в жизни, а Бусины — не было.

Он послал себя далеко-далеко в уме за то, что зацепился за это. И решил, что просто рано еще, в школе же, наверное, каникулы, и она из дому придет. И не торчать же ей здесь целыми днями. А может, вообще, одумалась девка, и перестала приходить, хотя Семен, вроде, ничего такого не докладывал. И все же, спустя двадцать минут, «отстрелявшись» и решив тихо смыться, пробежав по следующим объектам, пока люди заслуженно отдыхают, не выдержал.

— Здесь все? — Так вот, «не паливно», поинтересовался он, подозвав администратора к себе кивком головы.

— Все, вроде, Вячеслав Генрихович. — Без эмоций отрапортовал тот. Помолчал минуту. Даже губы сжал. И все же заметил. — Только Агния не пришла. Ну, девчонка, певица. — Уточнил

Семен, когда Вячеслав сделал вид, что не понимает о ком речь.

— А чего с ней? — Отстраненно уточнил Боров, ну очень внимательно оглядывая зал ресторана. И по фигу, что тот сейчас был совсем пустой, потому как все толпились в бильярдной.

— Не знаю. Просто не пришла. Может, не захотела. Хотя вчера, как будто бы, собиралась быть, радовалась, что и ее позвали. А сегодня даже не позвонила. — Семен пожал плечами.

— Так, а ты чего не отзвонился, не выяснил? — Боров взял сигарету и чиркнул спичкой.

— У нее телефона нет, отключили, или что-то такое, она не уточняла. А сама Агния от соседки какой-то, если что, звонила.

— Ясно. — Боров затянулся. — А Лысый что? Приходил? Или отлынивает?

— Да, нет, вроде, он ваше поручение выполняет. А сегодня только заглядывал, сказал, что и в консерватории Агнии не было. Но там тоже, вроде, каникулы.

— Ладно. — Боруцкий кивнул, выдохнув дым. — Если че узнаешь — позвонишь. Пошел я, Федот еще в клубе решил чего-то сегодня устроить, заеду, гляну.

Он вышел из ресторана и, затянувшись так, что сигарета истлела наполовину, ругнулся, посмотрев по сторонам.

Не пришла, и не пришла, его, какое дело? Вот, серьезно? Но внутри что-то засело, как пуля, ей-Богу. И так гадко тянуло.

В кармане запиликала мобилка. Выплюнув недокуренную сигарету в снег, Боров глянул, кто звонит.

— Я буду через двадцать минут, Федот, не гони коней! — Рыкнул он в трубку, садясь в машину.

— «То ли леший нынче рьян, то ли воздух нынче пьян». Ты чего бесишься, Боров? — Задумчиво протянул друг.

— Отвали, а.

— Да, я, собственно, не ради лафы побазарить с тобой звоню. — Хмыкнул Федот. — У меня тут Лысый нарисовался. — Друг замолчал.

— И что? — Бруцкий ощутил какое-то пакостное жжение в желудке, будто самогонку вместо нормальной водки тяпнул. А ведь, вообще, еще не пил.

— Он про гроб интересуется. Не поможем ли мы организовать. — Федот замолчал.

Молчал и Вячеслав, не уверенный, что правильно понял.

— «Что молчишь, мил друг Федот, Как воды набрамши в рот?..»

— Заткнись, бл…! Про какой-такой гроб? — Он даже растерялся на секунду. — Если этот урод с ней что-то сделал… — С накатившим бешенством зарычал он.

— Уймись, Боров. Я, ведь, ни слова о твоей девке не сказал. — То ли Федот успел набраться, то ли здорово забавлялся над его реакцией.

— Она на меня работает! Я тебе уже объяснял! — Проорал он так, что будь на улице, в окрестных домах бы услышали.

— Ага, я понял. Потому и позвонил, что она… работает. И ты пристрелишь ее лучше. — Федот хмыкнул. — Я помню.

— Я тебя щас пристрелю! Приеду, и пристрелю. Ты мне внятно объяснить можешь? — Боруцкий понимал, что закипает. И что зря, понимал. А утихомирить себя не мог.

— Да, я сам не понял. — Наконец, определенно довольный собой, вздохнул Федот. — Проблемы какие-то у девчонки этой дома. Лысый тут ураганом пронесся, и обратно к ней пожал.

Еще раз выругавшись, Вячеслав нажал на отбой, ничего уже не объясняя Федоту, тот и так напридумывал себе невесть чего. И выехал с парковки. Правда, двинулся он совсем не к ночному

клубу.

Когда он поднялся на ее этаж, двери квартиры Бусины были приоткрыты, а на лестничной площадке, определенно, только выйдя из этих самых дверей, стояла пожилая женщина в стареньком халате. Бабка утирала со щек слезы.

Борову что-то, стало совсем хреново.

И от того, что он не понимал, что делает здесь. И от того, что внутри притаился страх и беспокойство, которого там не должно было быть. Точно Семен его паленой водкой травануł, не иначе.

— Вы к кому? — Несмотря на слезы, бабка тут же осмотрела его подозрительным взглядом.

И замерла на пороге, не давая ему проходу.

Хотелось рыкнуть, что не ее собачье дело. Но он сдержался.

— Сюда. — С угрозой произнес он, кивнув на двери за ее спиной.

— А вы кто такой? — И даже плечи расправила, словно собой собралась от него двери прикрывать. — Я вас здесь, что-то не видела? Вы покойной кем приходитесь?

— Я к… Агнии. — Ему потребовалась пара секунд, чтобы вспомнить ее настоящее имя. И Вячеслав очень надеялся, что он, как раз, не к покойной.

— Что вам от девочки надо? Вы кто? — Не отступалась тетка.

Смелая, зараза. Глупая. Но смелая. Он же ее одной рукой удавить может. И удавит ведь, если она не отступит. А она, наверняка, видит это в его лице, а все равно на дверях стоит.

— Я… — Он хрустнул пальцами. — Я знакомый ее родителей. Типа, присматриваю за ней.

Бабка вытянула губы. Он, похоже, не тянул на тех, с кем корешались родные Бусины. Ну и хер с ними всеми. Достало его. Он уже двинулся вперед, нависнув над бабкой, когда дверь открылась, и на пороге возник Лысый.

Ну, слава тебе Господи.

— Вячеслав Генрихович! — Заголосил пацан с явным облегчением, написанным на лице. — Хорошо, что вы пришли. Я не знаю, чегой мне делать-то!

И тут бабка, отчего-то, расслабилась.

— Так вы — Вячеслав Генрихович? — Даже обрадовалась она. — Крестный Агнии? Она рассказывала, и мне, и людям из соц. службы про вас, и что вы деньгами им с Марьей Ивановной помогаете. Я соседка их, Алина Дмитриевна, из сорок первой. — Бабка махнула в сторону двери, располагающейся слева.

Крестный. Инте-р-р-р-есно, мать его так! Ну и, ладно, в принципе, сейчас, не суть важно.

— Да. Крестный. — Кивнул он, так поняв, что упомянутая Марья Ивановна и была той покойницей, про которую его спрашивали вначале. Теперь бы определиться, кем она малявке приходится.

— Хорошо. Девочке сейчас так помощь нужна. Я позвонила в ритуальную службу. Но вы же сами знаете, это теперь таких денег стоит. — Бабка со вздохом покачала головой. — Бедная девочка. Какой кошмар. Только родителей потеряла. А теперь вот… — Она снова начала плакать и утирать слезы.

Оттеснив бабку, он прошел в коридор, заметив удивление на морде Лысого. Ну, елки-палки!

— А вы, это. Вячеслав Генрихович, — прикрыв двери за бабкой, но, не запирая те на замок, как и велела традиция, пацан поплелся за ним хвостом. — Чего ж сразу мне не сказали, что она крестница ваша? Я б ее ни в жисть не тронул! И глаз бы с нее не спускал, ни днем, ни ночью. Вот, зуб даю, Вячеслав Генрихович. Падлой буду!

Очень хотелось врезать Лысому.

Вот он, просто, можно сказать, об этом и мечтал, крестным Бусины стать. Особенно по ночам, когда со стояком просыпался. Но сейчас, так, даже лучше, наверное. Меньше будут думать, с какой-такой радости, он к какой-то шмакодявке примчался.

Потому, вместо того, чтоб ударить Лысого, Боруцкий осмотрелся. В квартире было темно. Свет горел только за одной дверью, где, похоже, находилась кухня.

— Лысый, а ты мне кто, чтоб я тебе, как на чистосердечном, во всем признавался? — Боруцкий зыркнул на пацана через плечо.

Тот стушевался.

— Кто помер-то? — Поинтересовался он.

— Бабка ее, ну эта, чокнутая. — Лысый шмыгнул носом. — Там она. — Он кивнул головой в сторону какой-то двери в темном коридоре.

— А Бусина где? — Продолжая осматриваться, уточнил Вячеслав.

— На кухне, Вячеслав Генрихович. Она, того, приторможенная какая-то. — Понизив голос, прошипел парень.

Если ее бабка померла, то это и неудивительно. Кто угодно с катушек слетит, потеряв за полгода всех родных. Тем более пятнадцатилетняя девчонка.

Как был, в туфлях и пальто, Боруцкий пошел в сторону кухни. Хорошо, хоть ковров на полу не наблюдалось.

Девчонка даже не удивилась его приходу. Подняла голову, глянула пустыми глазами, и снова уронила лицо на ладони, как сидела до этого. Будто и не узнала. И огонька того, с которым она всегда ему в глаза смотрела, упертого и любопытного — не было.

Во рту, почему-то, стало противно горько и кисло.

— Видите? — Снова зашипел рядом Лысый.

Он видел.

— Эй, Бусина. — Боруцкий подошел и наклонился, потормошив ее за плечо. — Давай, не кисни. Я понимаю, что, капец, как тяжело, но сейчас разберемся. Организуем все. Слышишь?

Она не отреагировала.

— Так. — Боруцкий выпрямился.

Можно было, конечно, дать девчонке пару оплеух, чтоб в чувство привести. Но как-то, не хотелось пока. Оглянувшись, он подошел к шкафчикам, висевшим на стене, похлопал дверцами, рассматривая содержимое. Разочарованно цокнул языком.

— Слышь, Лысый. — Кликнул он пацана, так и мнущегося в дверях. — Сгоняй за водкой. Тут магазин недалеко, за поворотом. Только нормальной, какой-то возьми.

Пацан кивнул и мигом исчез.

А Боруцкий, еще раз глянул на светлую макушку девчонки и достал мобилку.

— Федот? Слушай, у нас же гробовщики есть свои, вроде?

— Че, все-таки гроб кому-то нужен? — Хмыкнул друг.

— Бабка у нее того. Сам понимаешь. — Тихо ответил Боров, продолжая буравить взглядом склоненную на стол голову Бусины.

— Я сейчас позвоню, подгоню кого-то, адрес дашь?

Боруцкий продиктовал.

— Тебе там помощь не нужна? — После некоторой паузы поинтересовался Федот, к счастью, без своих любимых цитат.

— Разгребусь, думаю.

— Ну, смотри. — Друг отключился.

«Смотри». Так он это и делает — стоит и смотрит. Только толку от этого, что-то, никакого нет. И где это Лысого носит, спрашивается? Тут до магазина три минут бегом.

Боруцкий вздохнул, снял пальто, бросив на ближайшую табуретку. Вытянул пистолет. Подумал, и отложил тот подальше от Бусины. Мало ли, чего ей в таком состоянии может в голову стукнуть? Скрестил руки на груди и принялся ждать Лысого.

Глава 7

Десять лет назад

Лысый явился через пятнадцать минут, но оказался вынужден бежать в магазин снова — посреди этого «смотрения» Борову стукнуло в голову, что надо было велеть ему еще и шоколада дитю купить. Мало ли, может это в таком возрасте не хуже водки расслабляет? Не зря же она тогда за конфетой поперлась, плевать, что ночью?

В общем, Вячеслав решил все методы испробовать. Слишком уж сильно не нравилось ему состояние девчонки, которая продолжала игнорировать все окружающее. Так и сидела, опустив голову на руки. Даже не плакала.

А, исходя из того, что раньше она то и дело норовила разреветься, Боров решил, что все, дело — кранты.

Однако начать приводить ее в чувство он не успел. Едва за Лысым захлопнулись двери, в квартиру ввалились какие-то мужики. И, сказать по правде, Боров, грешным делом, сначала схватился за пистолет. Хорошо, те вовремя крикнули, еще не видя его, с порога, что они из ритуального агентства и их прислал Федот.

Замерев на пороге кухни, сомневаясь, стоит ли выпускать девчонку из виду, он все-таки вышел. Велел гробовщикам забрать умершую и сделать все, чего там нужно, и чтоб те завтра организовали похороны.

После чего быстро вернулся. Бусина за эти пару минут, похоже, не двигалась.

Ругнувшись, он взял из одного шкафчика, по которым шерстил раньше, чашку (рюмок при своем осмотре Боров не заметил), и, свернув крышку, плеснул на дно водки. Поднял голову, оценивающе осмотрел сжавшуюся фигурку, и отставил бутылку.

Вряд ли, чтоб этой крохе много понадобилось.

— Бусина, эй! — Он еще раз попробовал растормошить ее. Подошел ближе, потряс за плечо.

— Давай уже, надо оклематься. Толку от твоей истерики?

Конечно, на истерику ее состояние и не тянуло вроде, но Боров просто не знал, с какой стороны подступиться к девчонке.

Бусина отреагировала, вроде бы. Выпрямилась. Села ровно, опустив руки на колени, и уставилась в точку прямо перед собой. Как слепая. На него опять никакой реакции. Так…

Он подошел впритык и поставил перед ней чашку. Поднял ее руку и заставил обхватить керамическую ручку.

— Выпей. Только быстро. Одним махом.

Она послушно сжала пальцы и поднесла чашку к лицу.

Говоря по правде, Борову стало как-то нехорошо от этого пустого взгляда и застывшего выражения лица. Вот, что кукла сидит, и все. И что ни скажи — выполняет, не думая. А если бы он че лихое задумал бы? Она и тогда делала бы все, что он сказал бы? А если бы это не он был сейчас здесь? А вот кто-то из тех мужиков, которые ввалились в квартиру пять минут назад? Чего бы им в голову стукнуло при виде такого состояния девчонки?

У него, вдруг, аж в глазах потемнело от ярости, возникшей при одной мысли о таком. Пришлось закурить, чтоб немного оклематься.

Бусина же пока прикусила зубами край чашки и как-то бездумно глядела внутрь. Это отвлекло

его от размышлений.

— Давай, дите, пей.

Обхватив одной рукой ее затылок, он второй ладонью сжал руку Агнии, удерживающую чашку. И надавил, заставив девчонку опрокинуть содержимое чашки внутрь. Она автоматически глотнула. Тут же распахнула рот, резко вдохнув воздух. Бог знает, зачем.

И вот тут, наконец, он заметил на ее лице признаки оживления.

Глаза Бусины широко открылись, в них выступили слезы, а по лицу пошли пятна. Боруцкий быстро забрал у нее чашку. А девчонка вдруг закашлялась и начала задыхаться. Он продолжал поддерживать ее голову.

Наконец-то, спустя секунд десять хватания воздуха ртом, в глазах Бусины появилось осмысленное выражение.

— Вячеслав Генрихович?! — Растерянно выговорила она. — Вы… что?

Ну, или попыталась выговорить. Бусина продолжала задыхаться и кашлять. А глаза все еще слезились. Но ведь очухалась, чего и требовалось.

— Оклемалась? — Хмыкнул он, глядя, как она растирает слезы по щекам. — Чё, первый раз водку пробуешь?

— Водку? — Девчонка растерянно посмотрела на чашку, которую он отставил. Глубоко вздохнула, вроде отдышавшись. — Первый.

Тут на кухню влетел Лысый.

— Вот, Вячеслав Генрихович, не было шоколадок, купил это!

Пацан бухнул на стол две коробки каких-то конфет. Агния даже вздрогнула и сжалась, то ли от внезапного появления парня, то ли от грохота, которым это появление сопровождалось. Он ощутил ее дрожь ладонью, так и оставшейся на затылке девчонки.

— Лысый, бл…блин! Тише нельзя?! — Рыкнул Боров, присматриваясь к девке.

— Эээ, я, того… — Пацан смутился.

— Спасибо, Вова. — Неуверенно поблагодарила Бусина, скосив глаза на Боруцкого.

«Вова»? Чет ему это не понравилось.

— Да, не за что. — Тут же воспрянул духом Лысый. — Ты, того. Хорошо, что очухалась. Я просто не знал, чего делать-то и с тобой, и с бабкой твоей. Если бы не Вячеслав Генрихович…

И тут губы Бусины задрожали, а глаза опять затянулись слезами, только теперь уже по серьезному.

— Бабушка… — Срывающимся голосом прошептала девчонка, и закусила губу.

— Ну, ё-моё! Ну, кто тебя за язык тянул, а, Лысый? — Боруцкий даже, с досады, замахнулся на не в меру болтливого парня.

— Да, я ж не хотел! Я…

— Так, вали отсюда! Чтоб глаза мои не видели!

Лысый кивнул и исчез с порога кухни. Хлопнула входная дверь.

Вячеслав отвернулся и глянул на девку. Та опустила лицо и, определенно, старалась сдержаться. Но слезы, все равно, уже катились по щекам. Он присел на корточки у ее стула.

— Слышь, Бусина, ну ты чего? — Вот, вроде, только что думал, что лучше пусть рыдает, чем статуей сидит. А теперь по столу кулаком грохнуть захотелось. — Ну, все уже, слезами тут не поможешь. Да, и решили уже все. Завтра организуют, как положено. Тебе думать не надо…

Девчонка прижала ладони к глазам.

— Она даже не узнавала меня последние три года, думала, что я — это моя мама. А мне, все равно, так больно. Я, ведь, и когда про родителей узнала, не плакала. Держалась. А сейчас — не

могу. Не выходит. Почему, Вячеслав Генрихович? — Девчонка подняла голову и глянула на него.

У Боруцкого, реально, сдавило горло. Не от сантиментов там, каких, или типа того. Просто у нее сейчас такие глазищи были… Не взрослые даже. А будто на него старуха глянула. Такая, что уже всю жизнь прожила и сама на краю могилы стоит.

— Мать твою, а! — Ругнулся Боров.

Вскочил на ноги и сунул в рот новую сигарету, стараясь стряхнуть с себя пробежавший по спине холодок.

— Так, все, Бусина, успокойся. Нормально это. Ты ж всех потеряла. И плакать тут — нормально. — Резко отрубил он. — И, потом, это ж бабка твоя, а не с улицы кто-то, вот и грустно тебе.

Он как-то неуверенно переступил с ноги на ногу, достал коробок из кармана, чиркнул спичкой, бросив ту потом в раковину. И, даже для себя немного нежданно, протянул руку и неловко погладил ее по волосам, стянутым в косу.

Бусина прерывисто вздохнула, сморщила нос отчего-то, так, что он уже было отдернул руку, решив, что ей страшно или неприятно. И даже разозлиться из-за этого успел. Но девчонка, вконец сбив Вячеслава с толку, потянулась за его ладонью, что бездомный котенок, ей-Богу.

— Меня теперь точно в приют заберут. — Грустно и с безнадегой в голосе заметила она, зажмурившись, когда он неумело, осторожно провел по ее волосам, опасаясь чего-то. Словно куклу поломать боялся. Его ручищи на фоне ее головки смотрелись совсем нелепо, и не к месту. Полная несуразица. — Точно-точно. Не вывернуться. Я же совсем одна осталась. — Она начала вытирать щеки.

Те уже раскраснелись, кстати, видно водка, хоть и мало он в нее влил, а сказалась.

Приют.

Вячеслав не сообразил, когда чуть сжал пальцы, погрузив те в стянутые волосы, и едва удержался, чтоб не притянуть голову Бусины к себе.

Что такое приют, Боров знал хорошо. И даже уважал. Это такое место, где ты сразу и четко понимаешь, что и к чему в этом мире. Быстро теряешь любые иллюзии и всю эту белиберду, которую с детства вкладывают в голову, про доброту, справедливость, и надежду. И ты или даешь кому-то помыкать собой. Или сам начинаешь помыкать, своими руками добывая и справедливость для себя, и все, чего только не захочешь. Он в свою бытность в приюте, выбрал второй вариант, и знал неписаные правила таких мест.

Может там и поменялось чего за последние двадцать лет, только, в кардинальность изменений — верилось не сильно. Из Бусины там в два счета фарш сделают. Кто знал это лучше него?

— Так, а про крестного кто тут всем растрезвонил, а, Бусина? — Легонько потянув за волосы, он заставил ее поднять голову и снова глянуть на него.

Девчонка смутилась и покраснела. Ее глаза, к счастью, утратившие то выражение, выбившее из него воздух, выдавали все ее эмоции.

— Извините, Вячеслав Генрихович. Я не думала, не собиралась… Понимаете, они спрашивали, есть ли кто еще, кто может нас поддержать с бабушкой. И я… Я понимаю, что вы рассердились, видимо. Я не имела права… — Она отвернулась.

— Не имела. — Согласился Боров, затянувшись. Стряхнул пепел в раковину. — И за базар отвечать придется. — Добавил он, заметив, как она настороженно зыркнула на него из-под ресниц. — «Назвался груздем», как говорится… — Он криво усмехнулся, увидев беспокойство в глазах малявки. — Что, неужели, наконец-то испугалась? — Чуть ли не с надеждой поинтересовался Боров, вдавив окурок в какую-то тарелку на соседней тумбочке.

Бусина вздохнула. Тяжко, так, виновато. Поперхнулась воздухом. Но все-таки покачала головой.

— Да, нет. Я сама виновата. Не стоило мне, Вячеслав Генрихович. И вас спросить следовало.

— Ненормальная ты, Бусина. Вот, как есть говорю, не-нор-маль-ная. — Покачал головой Боруцкий, глядя на девчонку. — Ладно, не переживай так. — Он еще раз осторожно провел ладонью по ее волосам. — Разберемся. И с приютом, и вообще. На то крестные и нужны же, чтоб проблемы помогать решать.

Он ухмыльнулся, видя, с каким недоумением она на него уставилась. И в глазах опять огонек появился. Хоть и слабый, но все же и не та пустота, что сразу была. Вот и ладненько.

— Вячеслав Генрихович! Спасибо! — Полностью сбив его с толку, девчонка вдруг вскочила со своего стула и прижалась к нему, крепко обхватив за пояс. — Спасибо огромное!

Твою ж налево.

Что-то с ним сегодня не так! Ну, вот, точно, словно перепил, или травануся самогонкой. Если недавно Борову было зябко в этой небольшой кухне, то сейчас стало жарко. Просто до одурения как. И в висках заломило от напряжения, разом окатившего все тело.

И, ведь, главное, и не думал ничего такого, и что ребенок, и что горе такое — все понимал и помнил. Только, все равно, бахнуло его так, что капец.

Он прокашлялся, пытаясь прочистить горло.

— В общем, так, Бусина. — Не зная зачем, он обхватил ее рукой за плечи. Наверное, отодвинуть собрался от себя. Точно. Только, на кой хер тогда опять по волосам гладить начал? — Пойду я, наверное. Завтра уже все разгребать будем. Сейчас уже без толку, ночь ведь. Ты, давай, спи.

Он все-таки сумел отступить от нее на шаг назад, прилично врезался спиной в какой-то шкаф, стоявший там. Внутри шкафа задребезжала посуда.

Блин. Ладно. Надо, и правда, валить отсюда.

Он чувствовал себя придурком похлеще Лысого. Паскудное, кстати, чувство. Особенно от того, что Бусина снова загрустила.

— Да, конечно. Я понимаю. Спасибо. — Как-то неуверенно кивнула она, упершись взглядом в пол. Обхватила себя руками. — Что, вообще пришли, спасибо. И за то, что сделали.

Он только махнул рукой, торопясь уйти подальше от этой кухни, этого непонятного, некомфортного ощущений, и, что важнее всего, от этой девчонки, постоянно сбивающей его с толку и заставляющей делать то, что он, Боров, не хотел и не планировал. Ощущать то, что ему триста лет не надо.

Подхватив пальто и пистолет, Вячеслав выше в темный коридор. Бусина потянулась за ним.

— Двери закроешь за мной. — Велел он, обернувшись уже с порога. И нахмурился, глядя на девчонку.

Она застыла на середине коридора, как-то затравленно глядя на открытые двери в комнату, где раньше лежала покойница.

— Бусина, ты чего? — Не понял он причины для ужаса, который притаился в глазах девчонки.

— Вячеслав Генрихович, а вам… — Она зябко повела плечами. — А вам, правда, уже надо уходить? — Тихо поинтересовалась Агния.

Он сглотнул.

— Конечно, надо. — За него же и ответила она сама. — Простите. Я снова глупости говорю. Просто… — Бусина покосилась в сторону темной комнаты. — А вы верите в привидений, Вячеслав Генрихович? — Шепотом вдруг спросила она. — Ну, в душу там, в духов?

Боруцкий уставился на нее с недоумением.

— Слушай, кроха, я вроде тебе не больше пятидесяти грамм плеснул. Ты чего городишь? Какие духи? — Он опять закрыл двери, которые уже успел распахнуть.

Она покраснела. Причем так, что это было видно даже в темноте коридора.

— Извините. — Еле слышно прошептала Агния, втянув голову в плечи.

— Кончай извиняться. — Отмахнулся Вячеслав, не поняв, чего ж с ней творится. — Ты о чем бормочешь?

— Мне страшно. — Вдруг выпалила девчонка, подойдя к нему ближе. И опять глянула на ту комнату. — Бабушка, она в последние годы… ну, не в себе была. Понимаете. А если она на меня обижалась за что-то? — Агния глянула на него действительно испуганными глазами. — Или еще что. Знаете, я вот, смотрела несколько серий «Х-файлов»…

— Чего? — Боров наклонил голову к плечу. — Бусина, я чет не пойму. Ты боишься?

Она молча кивнула, все еще красная, как рак.

— Бл…! — Румянец на ее щеках стал сильнее. — Вот как тебя понять, а? — Он даже обиделся, кажется.

Бросил пальто, которое так и не успел надеть, щелкнул выключателем, включив свет в коридоре. А потом, послал все далеко-далеко, правда, в уме, чтоб совсем девчонку не смутить. Итак, вон, мнется.

— Меня ты не боишься, несмотря на то, кто я, несмотря на то, что мужик, в три раза тебя больше, и с пистолетом. — Боруцкий усмехнулся и покачал головой. — Нет, ты то пацана какого-то боишься, то, вообще, привидений.

Агния совсем нос повесила. Только вот, даже шаг в сторону той комнаты боялась по коридору сделать.

— Ты че, серьезно? — Он подошел к ней и поднял пальцами подбородок.

Она кивнула.

— Ё-мое! — Он чуть не сплюнул.

— А вы, что? Совсем не боитесь мертвых? — Бусина подступилась еще ближе к нему. Того и гляди, вскарабкается на шею, как маленькая обезьяна, или как котенок, что вечно за шиворот лезет.

— Да чего жмуриков бояться-то? — Так и не отпустив ее лицо, спросил Вячеслав. — Ну, что они тебе сделают? Это живые — да, и зарезать, и пристрелить, да и просто, придушить тебя могут. А мертвые, ну что они тебе сделают?

Он ее не понимал. Сам Боруцкий как-то двое суток проторчал в подвале, рядом с трупом, пока Федот не явился с новостями, что все, можно вылазить. И ничего такого страшного он в том мертвеце не заметил, хоть и сам его, по ходу, убил. Никто к нему не являлся, и мстить ни за что не порывался.

Она промолчала, но Боров по глазам видел, что речь его девчонке убедительной не показалась. И грусть опять на нее накатила. Того и гляди, снова заревет.

И где она взялась на его голову, а? И какого хрена он стоит здесь, и свалить молча не может?

— Слушай, ты чего боишься сейчас? Вот, конкретно, а?

Она неуверенно повела плечами.

— Так.

Ухватив девку за плечо, Боруцкий затащил ее в ближайшую комнату. Включил свет, ругнулся про себя, поняв, что попал в ее спальню.

— Давай, садись, — он махнул головой на диван. — И рассказывай.

Сам Боров, осмотревшись, подтянул к себе ногой стул и уселся так, чтоб спинка оказалась

спереди.

— Ну, бабушка же умерла. — Бусина всхлипнула.

Снова-здорово.

— Так ее ж здесь нет. Забрали. — Как мог, аккуратно напомнил он.

Бусина кивнула.

— Да, вы правы, Вячеслав Генрихович. Я, просто. Просто мне тяжело. — Она облизнула губы. — И я о глупостях всяких думаю. Вы правы. И бояться — нечего.

Врет. Вот, ведь, видно же, что врет. Старается для него. Стесняется своего страха, что ли?

— Слушай, ну это же твоя бабка, а не ирод какой-то. Ну, даже, если явится ее дух, ну что она тебе сделает? — Попытался идти от противного Боруцкий. — Ты же ее внучка. Любила ее. И она тебя любила.

— Я не знаю! — Вдруг заорала она на него. С губ девчонки сорвалось придушенное рыдание. — Мне просто страшно! И обидно! И больно! Почему? Почему они все ушли?! Почему я осталась?!

Ух ты. На него сто лет никто не орал. Тем более такие шмакодявки. А уж так… Боруцкий даже растерялся.

— Тпру. Стоп. — Он выставил ладони перед собой, в слабой надежде этим прекратить ее истерику. — Не нервничай, Бусина. Не надо. И решили же уже, что не одна, помнишь? Не, нельзя тебе пить, наверное. Вон, как с катушек сорвало.

Бусина снова залилась краской.

— Извините… — Сквозь слезы, в который раз извинилась она.

Он вытащил из кармана сигареты, наблюдая, как девчонка пытается взять себя в руки.

Агния опять закашлялась.

— Ты чего? — Махнул головой Вячеслав.

— У меня аллергия на сигаретный дым. — Тихо ответила девчонка, кажется, стесняясь на него глянуть после этого крика.

Ругнувшись сквозь зубы, Вячеслав вдавил сигарету в пластиковую крышку стола. И ему уже было плевать, что останется след. Все. Его уже все достало. Особенно собственное непонятное отношение к этой девке.

Жестко проведя по лицу ладонью, он глянул на Агнию из-под бровей.

— Ты уснешь, если я сейчас уйду?

— Да, конечно. — Медленно кивнул она.

— Блин, врать ты не хрена не умеешь! — Не выдержал Боруцкий, вскочив со стула. — Я ж говорил тебе, не ври мне! Или научись это делать так, чтоб я поверил!

Агния сжалась на диване в комок, оторопев от его крика.

Шикарно. Они оба друг друга стоят.

— Изви…

— Хватит. — Он глубоко вздохнул и прервал ее извинения. — Хватит извиняться. Давай, лучше. Укладывайся. Я буду в соседней комнате.

Больше не ожидая от нее никакой реакции, Боруцкий развернулся, и подался в следующую дверь.

Квартира, похоже, была четырехкомнатной, и ему, наконец, повезло — он оказался в гостиной. Здесь стоял диван у стены, два кресла, достаточно современный телевизор на тумбочке, с видеомагнитофоном на полке чуть ниже. И все. Больше ничего. Никто тут не жил. Ни Бусина, ни ее «новопреставленная» бабушка, ни погибшие недавно родители. Все, тут он и просидит ночь.

Может, даже, уснет. Если удастся отстраниться от закономерного, но неудобного для самого себя вопроса — какого ляда Боров здесь делает?!

Открыв форточку, он сел на диван и, закинув ноги на подлокотник, уперся затылком в стену. Достал сигарету, закурил и с облегчением затянулся, прислушиваясь к тихому звуку ее шагов по коридору. Вот стукнула дверь, включилась вода. Видно Бусина пошла в ванную.

Привидений она боится… Мать его, так!

Вячеслав выкурил сигарет пять, наверное, стряхивая пепел в какое-то стеклянное блюдо, обнаруженное на подоконнике. И даже успел подремать, правда, сам не заметил, когда уснул. Подскочил на этом диване, со сна не узнав места, и первым делом потянулся за пистолетом, не поняв, что и где. Расслабился немного, глянул на часы — три ночи. Можно еще спокойно вздремнуть. Оглянулся в коридор и нахмурился. В комнате девчонки так и горел свет.

Боруцкий поднялся с твердым намерением устроить Бусине разгон, что до сих пор не спит. Если рыдает в подушку, чтоб он не услышал, или боится — точно выпорет, чтоб всякие дурные мысли больше в голову не лезли. Однако, зайдя, молча застыл на пороге.

Девчонка спала. На столе горела лампа. Видно, все же, не убедил он ее, и побоялась Бусина остаться в темноте, даже с Боруцким в соседней комнате.

Ему бы развернуться и уйти, снова бы улечься на диване в гостиной. А вместо этого Вячеслав зачем-то тихо зашел в комнату и подошел к расстеленному дивану. И застыл там, глядя на Агнию. Покачал головой — Бусина, Бусина. Бусинка…

Она снова была в той пижаме. Блин, у нее, что? Ничего другого нет? Только вот это — розовое, с какими-то кружевными вставками? Да она же, холодная, сто пудов! Ну, кто в таком зимой спит?!

Не то, чтобы та просвечивалась или что-то в этом роде. Но у него с воображением, и так, все путем было. И сам додумать мог, чего и как там, под этой пижамой.

А он — таки долбанный извращенец! Стоит и подглядывает за спящей девчонкой.

Ненормальный он. Она, вон, медведя плюшевого к себе прижимает, слезы еще на щеках не до конца высохли, а он ее до одури хочет. Причем так, в таких позах и такими способами, о которых эта девчонка и слыхом не слыхивала. Если, вообще, о сексе понятие имеет, в чем он сильно сомневался, кстати.

Вячеслав тихо сел на край дивана, протянул руку и подтянул одеяло, укрыв плечи Бусины. Точно, ведь, холодно ей. Видно тянет аж сюда из форточки, что он в гостиной не закрыл.

Уперев локти в колени, Боруцкий опустил голову на кулаки.

Он действительно хотел эту девчонку. Хотел так, как никого еще, наверное. Может, конечно, лет в семнадцать, на пике своего гормонального становления, он кого-то и хотел с такой силой. Но, скорее, просто, безлико, любую девку. А чтоб вот так, конкретно, когда, даже трахая какую-то из девчонок Гели, он думает о своей Бусине… не было такого. Не помнил он.

И с чего? С какого-такого дуба на него это свалилось, спрашивается? Бог его знает.

Да и, не только ведь в этом дело.

Осторожно, так, словно украсть что-то собирался, Вячеслав протянул руку и едва прикасаясь, провел рукой по ее волосам. Агния распустила перед сном косу, и сейчас светлые пряди разметались по ее плечам, спине, подушке. И эти волосы его притягивали. Особенно теперь, когда он уже знал, какие они на ощупь. Такие тяжелые, и мягкие… и пушистые какие-то.

Ладно б, если бы он просто хотел эту девчонку. Ладно. Как-то понял бы.

Федот тот же, еще тогда, после его выходки в бильярдном зале, ясное дело, поняв, что с Боровом что-то не так, просто и прямо предложил Вячеславу трахнуть девку и успокоиться. Велика

проблема, что ли? Если потянуло, кто ж ему-то запретит? Федот даже подержать предложил, если девка сильно сопротивляться будет, хоть друг и сомневался, что с этим проблемы появятся.

Боров его тогда чуть голыми руками не удушил за такое предложение. Так взбеленился, что кий поломал, на хрен. Наорал на друга и ушел, так и не доиграв партии.

Он за нее кому угодно горло перережет. Без ножа, зубами перегрызет.

Бог его знает, с чего, вдруг.

Только, правда, ведь. Если с другом разругался, Лысого чуть не прибил за эту малявку, что уж в сторону уходить? Надо смотреть фактам в лицо.

И дело, ведь, не только в том, что хочет он ее. Боруцкий смотреть не может, как девчонка плачет, хотя, обычно, до фени ему чужие страдания были. У него взрослые мужики навзрыд иногда плакали, и ничего. А тут — от слез в глазах Агнии, он бесится. И думает о ней, замечает ее, стоит только появиться. Или, наоборот, не появиться. Весь вечер, вон, сегодня маялся, пока-таки у Семена не выспросил.

И где он сейчас?

Сидит же здесь, в этой квартире, только потому, что ей страшно стало одной на ночь остаться. Сидит, и молча смотрит. И сам ведь знает, что пальцем не тронет, как не припекало бы.

Очень медленно, стараясь, чтобы ни одна пружина дивана не скрипнула под его весом, он наклонился, и так же сидя, оперся плечом о подушку. Лег щекой на эти волосы.

Зря его ребята опасались девчонку. Не Бусина маньяк, он. Точно.

Ее волосы пахли чем-то сладким. А может, и кожа, он не мог понять. И чем именно — то ли корицей, то ли ванилью, не знал.

Помнил только, что давно, еще в приюте, им каждый четверг давали в обед булки. И в другие дни давали, и сухари сладкие, и печенье. Порционно, не по многу. Но давали. При советах, все же, за этим следили. И все это было. И ясное дело, Вячеслав съедал это все до последней крошки. Но по четвергам им давали именно эту булку. Отчего-то казавшуюся ему, малому пацану, особенной. Эту сдобу пекли у них же на кухне, и еще с десяти часов по всему первому этажу стоял одурительно-сладкий запах. Такой вкусный, что он им надышаться не мог. Специально в туалет отпрашивался с урока, или на наказание нарывался, лишь бы лишний раз по коридору пройти. И потом, за обедом, он ждал этой булки, присыпанной сверху желтоватой маслянистой крошкой, как самой большой награды. С пацанами другими дрался, чтобы и их порцию забрать, до того ему вкус и запах нравились.

Так вот волосы и кожа Бусинки пахли так же. Ему хотелось зарыться лицом в эти пряди и просто лежать, дыша этим запахом. Что он сейчас и делал, несмотря на весь здравый смысл. Вячеслав повернулся, прижавшись губами к ее волосам у самого затылка девчонки. Прислушался к тихому дыханию.

Блин, взрослый мужик, а как припечатало-то.

Если кто-то об этом узнает, тот же Федот — поднимет на смех…

Он вдруг резко выпрямился, ругнувшись от легкого скрипа дивана. Но Агния не проснулась. Боруцкий глянул на ее лицо, такое спокойное сейчас, пусть и грустное немного.

Если об этом узнает Федот, не страшно. Друг, и так, знает Борова, как облупленного, одни его сегодняшние поддевки чего стоят. Но если кто-то еще поймет, как его глючит на эту девчонку, она ж неделю не проживет. У него, что, врагов мало? Да, зашибись, сколько.

Жизнь в его мире простая и четкая лишь тогда, когда прижать, достать тебя нечем. Тут все ясно — ты, или рискнул, и победил, или погорел. Если выжил — наживешь заново. Не выжил — уже без разницы будет, какой расклад дел.

Но если у тебя появляется тот, кем тебя можно достать, кем можно прижать… Разве он сам пару раз не использовал этот козырь в борьбе за власть в городе?

Проведя ладонью по своему ежику волос, Боруцкий глянул через плечо на спящую девчонку. Сжал кулаки.

Надо бы ему валить отсюда. И не возвращаться. И из ресторана своего — гнать взашей. Ей, вообще, нечего делать в этой среде. Пусть бы и жила между домом, школой и консерваторией своей.

Только, что с ней будет, если он сейчас уйдет? Если прогонит? Что ждет Бусинку сейчас? Прямая дорога в приют, в систему, с ее иерархией, не хуже их, бандитских кланов? С ее доминированием правды сильнейшего? Она ж там и год протянуть не сможет. А если и протянет — что с девчонки останется? Сломают, исковеркают.

Вновь опустившись рядом, он пристроился щекой на ее волосах. Может, «крестный», не такой уж безумный выход. Так он хоть, относительно безопасно, за ней присматривать сможет. И, может, его попустит, как гриппом переболеет. И это у него пройдет, в конце концов, а?

Наше время

Ее начало лихорадить еще в поезде, минут за сорок до того, как им было выходить. Вячеслав без всяких жалоб от своей Бусинки, заметил, как она начинает кутаться в простыню, и сильнее жаться к нему. И это при том, что в купе было дико жарко, он даже кондиционер перед этим включал. И простыни были влажными от испарины их тел из-за той же жары.

Но ей, определенно, стало холодно. И дико хотелось пить — его жена выпила оба стакана с остывшим чаем, про который они совсем забыли поначалу. Да и еще не отказалась бы, судя по взгляду.

Усадив Агнию себе на колени, уже одевшись, Вячеслав закутал ее в свой пиджак. Достал с запасной полки одеяло. То оказалось пыльным, но выбирать не приходилось. Постаравшись немного встряхнуть его в коридоре, он закутал Бусинку в то, как в кокон. Только дрожь не унималась. Организм его жены, видимо, начинал испытывать потребность в наркотике, к которому ее приучил Шамалко.

Что он мог сделать здесь и сейчас?

До черта мало — только обнимать ее, стараясь согреть своим телом, жевать незажжённую сигарету, и проклинать эту тварь в уме. А его Бусинка еще и улыбаться старалась. И глядела на него так, будто все равно еще не поверила до конца. Постоянно касалась то щеки, то волос, то рук Вячеслава, выбираясь из одеяла. И прижималась головой к его груди, слушая, как стучит сердце. А может, пыталась утаить от него появившийся лихорадочный блеск в глазах, и нервное подергивание пальцев. Только он, все равно видел. И обнимал ее все сильнее.

— Я так хочу домой, Вячек. — Тихо прошептала Бусинка, обняв его руками под рубашкой, которую он из-за этого никак не мог застегнуть.

— Уже немного, чуть-чуть совсем. — Хрипло ответил он, не готовый пока сказать, что их дома уже нет. Того, что он купил для нее. Где они жили последние семь лет до того, как… И сам Вячеслав последний год жил в старой квартире, о которой никто чужой не знал. Оставшейся Агнии от родных, потому что не имел желания искать что-то другое, и до рыка в горле, хотел быть там, где осталась хоть частичка ее. — Федот машину пригнал на вокзал. Мы сразу домой поедем.

— Хорошо. — Агния кивнула, и вновь прижалась щекой к его шее. — Хорошо.

Она заерзала, словно не могла усидеть на месте, сжала ладони в кулаки и прижала к губам. Опять повернулась к нему, жадно вдыхая запах его кожи.

Он не выдержал.

— Очень плохо? — Сипло спросил Вячеслав, сжав ее в объятиях.

Бусинка отвела от него взгляд. Облизнула сухие губы. И опять глянула. И снова со стыдом в глазах.

— Я… Они… — Она вздохнула. — Кажется, я теперь наркоманка, Вячек. Прости.

Боров сжал пальцы на ее затылке, притиснув голову Агнии к своему плечу.

— Я знаю, малыш. Знаю про наркотики. Ты же не виновата ни в чем. — Зашептал он ей на ухо, перемежая слова с коротки поцелуями. Даже не ласковыми, а выплескивающими его боль, его чувство вины, желание хоть как-то облегчить это для нее. — Мы справимся. Как-то, да решим все.

Она не ответила. Повернулась и сильно прижалась губами к его коже, словно ища в этом прикосновении облегчения.

Глава 8

Наше время

Ей было так плохо, что едва удавалось двигаться, не хныча на каждом шагу. Но Агния старалась сдержаться. Сжимала пальцы и закусывала губу. Однако Вячек, кажется, все равно видел, насколько ей нехорошо. И, то и дело, порывался взять ее на руки.

Агния пока справлялась, но, честно, не представляла, сколько еще это будет удаваться. Ее мутило, и болел живот, было дико холодно, и в то же время, все тело было мокрым от испарины. И все же, она так старалась. Ведь ей вернули Вячека.

Господи! На что же теперь жаловаться? Зачем? В ее жизни случилось невозможное, такое чудо, на которое Агния и надеяться не могла. И пусть это не отменяло минувшего года, пусть все, что она пережила и вытерпела, не стало от этого менее кошмарным, радость от понимания, что Вячек жив и рядом — давала ей силы.

Конечно, Агния не знала, сколько еще сумеет подбадривать себя этим. У нее был один-единственный опыт подобного состояния, когда, чуть больше двух месяцев назад, для того, чтобы продемонстрировать свою власть над ней, Виктор приказал сутки не добавлять Агнии наркотик туда, куда бы они его не подмешивали.

Это было кошмарно.

Она никогда и не думала пробовать наркотики, если честно. В мыслях не было. Чего не скажешь о стремлении и попытке к суициду, которую она предприняла, потеряв ребенка и искренне веря в то, что и муж мертв. Агния не видела никакого смысла в жизни и пыталась покончить с той. Шамалко же решил, что это для нее слишком легкий путь и выход. И, более того, он не видел причины терять возможности еще и заработать на ней, попутно с измывательствами. Тогда и начал добавлять ей что-то. Сначала Агния не могла понять, что происходит. Нет, она не испытывала эйфории или приступов беспричинного счастья, никакого кайфа, во всяком случае, в том понимании, в котором это ранее представлялось ей. Но боль и горе будто отдалились. Она не стала лучше относиться к жизни. Но погрузилась в апатию. Ей стало все равно. Но и умереть уже не хотелось.

Однако видимо для того, чтобы она не имела заблуждений относительно своей зависимости, Шамалко и решил дать ей прочувствовать все прелести ломки. А может, просто, сам получал кайф, наблюдая за ее страданием.

И, как оказалось, для ее организма не существовало разницы — хочет ли разумом Агния принимать наркотик или нет. «Ломка» началась, и оказалась такой мучительной, что Агния разрыдалась тогда, когда ее мучители напоили ее все же водой с растворенным в том наркотиком. От облегчения, и от стыда за то, что стала такой.

Ей и сейчас было стыдно. Очень. Из-за того, что Вячек видит то, как она зависит от наркотиков, из-за того, что оказалась слишком слабой, что не боролась с этим. Какая-то часть ее разума, вроде бы понимала, что подобное — выше сил и возможностей любого человека. И не ее решением стало начать принимать препараты. Но стыд от этого понимания, все равно, никуда не уходил. Она не знала, как он отреагирует на то, что с ней будет твориться, и это добавляло боли и муки к тому, что Агния и так испытывала.

Раньше Агния всегда знала, что Вячек думает, как относится к ней. Не с первого дня, конечно.

Даже не с первого года. Он умел прятать свои мысли и чувства так, что никто не сумел бы догадаться. И она долго не понимала, не знала. Мучилась, страдала, металась, испытывая боль от дурных мыслей и собственных догадок и выдумок.

Но потом, когда они выяснили и решили это все — Агния всегда была уверена в том, что Вячеслав ощущает и думает.

А сейчас ее с головой поглотил страх, боязнь того, что она утратила это умение. Потому что Агния лишилась уверенности в себе и в том, что она нужна ему *такая*.

Господи! Почему этот проклятый вокзал такой длинный?! Зачем было делать его таким огромным? Она не представляла, как доберется до машины.

Но изо всех сил старалась показать, что все в порядке, что ей ничего не стоит это выдержать, и она прекрасно доберется до дома, используя лишь свои собственные возможности и силы. Только пиджак согласилась оставить, будто и не мучилась от дикого чувства холода.

Мышцы начали болеть, суставы ломило, словно ей не двадцать пять, а семьдесят, и она старая бабка. Каждый шаг, каждое движение отдавалось такой болью, казалось таким невыносимым, что Агнии едва удавалось сдерживать стоны. И насколько ее хватит еще, она боялась даже загадывать. Тем более не представляла, долго ли сможет поддерживать фарс своей улыбкой.

— Все. Хватит! — Вячеслав обхватил ее со спины, подняв себе на руки. И с яростью глянул Агнии в лицо. — Какого ты тут Рэмбо из себя строишь?! Думаешь, мне по кайфу наблюдать, как тебе больно? Бусинка! — Он крепко сжал ее.

Открыл рот, словно хотел добавить что-то еще, но только сплюнул на перрон, и прижал ее голову к своей шее.

Рядом загрохотал поезд, отъезжая. Стук колес барабанил по ее ушам, словно кто-то стучал по голове молоточками. Было ужасно больно.

Вячеслав куда-то пошел, она даже направление теперь определить не смогла. Голова закружилась.

Зажмурившись, она скривилась. А потом, приоткрыв один глаз, осторожно глянула в бок путей. Оказывается, они едва-едва отошли от того места, где сошли с поезда. А ей казалось, что она преодолела, как минимум, километр.

Осознание собственной беспомощности только усилило боль и стыд. Руки задрожали еще сильнее, и ей никак не удавалось остановить эту дрожь. Тошнота подкатила к горлу, несмотря на то, что она не ела ничего со вчерашнего обеда, только чай около часа назад выпила. Агния всхлипнула и прижала дрожащие руки к лицу. Она сама себе была сейчас противна.

А ведь дальше станет только хуже.

— Бусинка, солнышко мое. — Вячек коснулся щекой ее лба. Легко провел, царапая кожу своим колючим подбородком. — Не надо. Пожалуйста. Не надо. — Он прижался губами к ее дрожащим пальцам. — Я все сделаю. Слышишь? Клянусь. Все, чтобы тебя вытащить. Мы сумеем. — Продолжал он шептать ей на ухо, пока сам куда-то шел.

Наверное, к стоянке, где должна была находиться машина, которую пригнал Федот.

Она не смогла ответить. Не смогла даже посмотреть на него, раздавленная ощущением собственной никчемности и диким, неконтролируемым, нарастающим желанием найти избавление от всего этого. Получить новую дозу. Хоть и понимала, что надо, наоборот, давить, убивать в себе эту потребность.

Ее сознание то и дело отключалось от действительности. Нет, она не падала в обморок. Просто, словно из нее периодически выдергивали штекер, как из наушников, подключаемых к плееру. И она то воспринимала звуки, движение, жизнь вокруг себя. То, без всякого видимого перехода,

оказывалась от всего этого изолирована. Наедине со своей болью, раздирающей каждую клетку тела, и жгучей потребностью в наркотике А ведь Агния уже знала, что это только начало, и дальше станет только хуже.

В десятки раз больнее и ужасней.

Поглощенная этим, она даже не поняла, что они добрались до цели назначения. И только когда ощутила непонятный толчок, передавшийся ей от тела Вячека, немного вернулась к реальности. Подняла голову, щуря начавшие воспаляться, слезящиеся глаза.

Оказалось, они дошли до машины. Вячек дошел, и ее донес.

Здесь их ждал Федот. Видно, это он хлопнул друга по спине, в качестве приветствия.

Увидев, что Агния подняла голову, Федот глянул на нее. Лицо его осталось неподвижным, он умел скрывать эмоции и мысли не хуже ее мужа. Но вот глаза старого друга Вячека изменились, словно почернели. И линии у рта прорезались глубже от того, как он напряг мышцы.

— Привет, малышка. — Федот наклонился, проведя по ее лбу сухой ладонью. — Хреново выглядишь. И стрижка паршивая, кстати. Уверен, он тебе этого не сказал.

Агния не удержалась, улыбнулась, даже рассмеялась. И тут же, снова всхлипнула от новой волны боли, окатившей все тело. Тихо застонав, она вновь спряталась у мужа на плече.

— Федот, блин! Ты дебил, что ли? Нельзя как-то, мягче, а? — Рыкнул Вячек, осторожно гладя ее по волосам ладонью. Наверняка, не держи он ее на руках, еще и замахнулся бы на друга.

— «Упеки меня в острог, на какой угодно срок, все одно сия наука, не пойдет мне, дурню, впрок», — Федот только ехидно фыркнул на возмущение Вячеслава.

Агния услышала, как он открыл дверь автомобиля.

— Толку от всех этих вежливостей и мягкостей, а? — Уже без стихов, с тем же ехидством заметил он. Хитрый, и Вячеслава старался отвлечь, и ее повеселить. — С этими церемониями, вы бы до сих пор один вокруг другого ходили и глядели голодными глазами. Только потому, что я не церемонился, толк и вышел из вас — Хмыкнул Федот. — Садись, отвезу. — Добавил он, сделав вид, что не услышал ироничный смех Боруцкого, вызванный этим заявлением.

А потом Агния ощутила, как Вячеслав, прижав ее голову, согнулся, забираясь вместе с ней на заднее сидение.

Это была неправда. Не совсем. И Федот вовсе не отличался стремлением «резать правду матку» в глаза. И все-таки, именно благодаря ему, Агния когда-то очень много поняла. Правда, больше о себе, чем о Вячеславе. И за это, кстати, когда-то сам Федот крепко получил от Боруцкого. Когда тот узнал, что его друг вытворил.

Впрочем, может и прав Федот. Может, именно так и нужно было. А может он рассчитывал, что его поступок и из нее дурь выбьет, и у Вячека после этого, наконец-то, в голове прояснится. Она и раньше этого разгадать не могла, что уж говорить за нынешнее состояние. Но в том, что Федот ради Борова костьми ляжет, как и ради нее, его жены — никогда не сомневалась. И еще неизвестно, как все было бы, будь он тогда, год назад, в городе. А не поддайся ее же, кстати, Агнии, уговорам, и не отправься в «отпуск».

— Ты совсем такой же. — Негромко заметила она, не поднимая голову с плеча мужа. — Но я так скучала, и по тебе тоже.

Федот косо глянул на нее через плечо с водительского места.

— И я скучал по тебе, малышка. Без тебя этот придурок совсем крышей едет. Капец полный, если честно…

— Так, рот закрыл, и рули, раз уж вызвался. — Рявкнул Вячек у нее над ухом, прервав друга. И тут же, будто извиняясь, поцеловал ее в висок. — Мы и сами доедем, если умничать будешь.

— Будто малышка сама не знает, с кем связалась. — Опять хмыкнул Федот, но больше не комментировал, молча вел машину.

Да и Агнии стало не до разговоров, все силы уходили на борьбу с болью, и тошнотой, вот-вот грозящей вывернуть ее наизнанку.

Десять лет назад

Надо было будить его. Разумеется, надо было. Но у Агнии почему-то не хватало духу. Она уже минут шесть стояла на пороге гостиной и смотрела на спящего Боруцкого. В комнате было холодно — форточка нараспашку, а на дворе январь. У нее даже пальцы на ногах замерзли, без толку, что в тапках. А он — спал себе спокойно, без одеяла, и не замерз, вроде бы. Но и, несмотря на форточку, все равно, воздух был прокуренным.

Вячеслав Генрихович вытянулся на диване, который явно был слишком мал для того, чтобы обеспечить комфортный отдых человеку подобных размеров. Он уснул, как был, в джинсах и сорочке, даже туфли не снял, просто закинул обутые ноги на один из подлокотников. Одну руку Боруцкий завел за голову, прикрыв локтем лицо, вторую ей видно не было. А около дивана стояло хрустальное блюдо, которое бабушка дарила ее родителям на какую-то годовщину свадьбы, полное пепла и окурков.

Ужас. Все ее родные были бы в шоке, и, без сомнения, испытывали бы огромное возмущение, увидев подобное. Сам факт того, кто ночевал в этом доме с ней — вывел бы их всех из себя.

А Агнии почему-то, было, наоборот, так спокойно и хорошо от того, что Вячеслав Генрихович спал всю ночь в соседней комнате. Она его совсем не боялась. Уже не боялась. Тогда, в первый вечер — да, потому что знала его только по приглушенным сплетням, и обрывочным рассказам. А теперь страх ушел.

Странно, конечно. Ведь ничего не изменилось — он выглядел таким же некрасивым и устрашающим. И точно так же, как и четыре месяца назад, она не знала о нем практически ничего. Да и видела его за это время раз пять, не больше. И все же, Агния перестала бояться Боруцкого. Вот совсем, как отрезало. И ей даже было неловко из-за этого, тем более что Вячеслав Генрихович, похоже, очень расстраивался из-за этого факта. Наверное, поддержание своего реноме криминального авторитета было важно в его жизни, а она ему всю статистику портит.

Но, как же его бояться, если вот он, этот страшный человек, остался у нее дома только потому, что Агния испугалась темноты и одиночества? Даже успокоить пытался. Конечно, просто пожалел ее, полную сироту, но все же, остался ведь. И не первый ж это такой случай, когда он помогал ей, хотя мог просто прогнать Агнию.

И как же ей его бояться после этого?

Вот его, то ли друг, то ли помощник — Федот. Тот, да. Тот ее пугал сильно, хоть Агния и старалась не показывать этого. И дело было не в том ужасном шраме через пол лица, или еще в чем-то. Просто этот Федот, несколько раз за последний месяц заглядывая в ресторан, провожал Агнию таким взглядом, что у нее мурашки шли по спине от страха. Словно думал — убить ее прямо сейчас, или, быть может, завтра? Но убить обязательно.

И чего она такого сделала этому Федоту — Агнии не было понятно. А может, и вовсе, выдумывала она все, и тот на всех так смотрел. Но с этим Федотом она ни за что бы, не согласилась остаться один на один в квартире ночью. Никакие бы приведения ее не испугали бы больше. А вот Вячеслав Генрихович ее успокаивал своим присутствием. Ей даже снилось сегодня ночью, что он

рядом с ней. И Агнии в этом сне было так хорошо и спокойно, что даже боль от всех этих смертей притупилась и немного утихла.

И все-таки, надо было его будить. Она понятия не имела, во сколько привык просыпаться Боруцкий. Она сама вставала всегда в половину восьмого. Сейчас было без десяти минут восемь. Агния уже умылась, переоделась и собрала волосы. Даже чайник поставила на конфорку. Она не знала о том, как организовывают похороны, и во сколько те проходят. Родителей же так и не хоронила. И Агнию нервировало то, что она понятия не имела, что и как ей сейчас делать. Спросить ей было не у кого, кроме этого мужчины, который продолжал спать в гостиной.

— И долго ты еще будешь торчать на пороге? У себя ж дома. Тебе чего надо, Бусина? — Агния вздрогнула от резкого, хриплого голоса, совершенно неожиданно прозвучавшего для нее в тишине квартиры.

Боруцкий не повернулся и не убрал руку с лица, а она вдруг поняла, что, возможно, Вячеслав Генрихович и не спал все это время, что она тут стоит и его разглядывает. Агнию затопило жаркое смущение, холод был позабыт и щеки, наверняка, опять покраснели от стыда, что ее поймали за столь «непристойным» занятием.

— Извините, Вячеслав Генрихович. — Она неуверенно переступила с ноги на ногу и уставилась в пол. — Я не хотела вас будить, просто не знаю, что мне делать теперь. Куда идти, во сколько? И чайник уже закипел. — Добавила она, как-то невпопад от растерянности.

Боров одним движением выпрямился, сев на диване, и посмотрел на девчонку. Она его не разбудила. Он проснулся еще час назад, да и спал недолго. То у нее в комнате сидел, то здесь бродил из угла в угол. Сам, как приведение, е-мое.

А Бусинка, хоть бы хны, спала, ни разу не проснулась. Не врут, крепок сон, когда совесть чистая. И как она поднялась, он слышал, как на кухню в своих тапках прошлепала. Но почему-то не торопился вставать. Черт знает, почему. Ну не был готов он смотреть на девчонку в этот момент, после всего, до чего ночью додумался. И сейчас, когда она десять минут торчала в дверях, он кожей, нутром чувствовал ее взгляд. И так и подмывало убрать руку и глянуть в глаза до того, как Бусинка успеет сориентироваться — чтоб узнать, неужели, и правду, ни капли не трусит. Не боится его?

Но с места не двинулся, почему-то, ожидая того, что девчонка сделает дальше, и прислушиваясь к ее дыханию, такому же ровному и спокойному, как и ночью, когда она спала. Хоть и с проскальзывающими грустными вздохами, видно, когда бабку вспоминала. Однако, понемногу, это стало его изводить. Ну, какого хрена она там стоит и ничего не делает? Чего ждет? Что он сам сейчас встанет и уберется? Уже раскаялась, что попросила его остаться ночью? Или снова смотрит с тем же выражением надежды и полного доверия, которое так выбивало его из колеи?

Как оказалось — последнее. Страха не было, и он уже отчаялся тот разыскать в ее глазах. И смутилась опять, как вчера. Теперь с какой стати?

На секунду прижав глаза пальцами, Вячеслав встал с дивана, второй рукой засунув за пояс пистолет, который все это время держал на всякий случай наготове. Как-то не было больше желания пугать малявку. Все равно, без толку.

— Чайник — это хорошо. А чай у тебя есть? — Хмыкнул он, проходя мимо нее в направлении кухни.

И тайком вдохнул, пытаясь еще раз ощутить запах ее волос, которые Бусинка опять стянула в косу.

— Есть! — Непонятно для него, очень радостно отозвалась малявка. — И лимон даже есть! Я, вообще, его не покупала в последнее время, вроде как, и так пить можно, а я деньги откладывала на

всякий случай… ну… так, просто. — Она ни с того, ни с сего, опять покраснела и отвернулась. — В общем, вот. А тут, Новый год все-таки, купила два лимона, и килограмм мандарин. Правда, мандарины еще позавчера кончились, хоть я и растягивала, по половине в день ела. Зато лимон есть. Еще целый остался! — Она ловко проскользнула между ним и стеной коридора, первой залетела на кухню, и тут же, достав из холодильника лимон, принялась нарезать тот дольками.

Это был избыток совершенно не требовавшейся для него информации. Сразу захотелось уточнить, на какой такой случай пятнадцатилетняя девчонка может деньги откладывать, имея и пособие, и работу? И появилось дурное желание привезти ей ящик мандарин. И чай он без лимона всегда пил, лишь бы крепкий. И непонятно было, с чего она снова покраснела.

Но Вячеслав ничего из этого не уточнил. И даже направление сменил, свернув к прихожей, где вчера бросил пальто. Сжал в зубах сигарету, но решил пока не поджигать. Достал мобилку и позвонил в ритуальное бюро.

А когда, выяснив все, что хотел, все же вернулся, обнаружил на столе две чашки уже готового чая. Обе с лимоном. Коробку конфет, одну из тех, что вчера Лысый приволок. И тарелку с бутербродами — хлеб, масло, колбаса.

Почему-то его это сбило с толку. Бог знает, чего Боров ждал увидеть в виде завтрака у Бусины. Манную кашу, что ли. Собственно, он вообще завтрака не ждал, потому как давно отвык по утрам есть. Так, пару чашек чая, сигареты. И сейчас он несколько секунд недоуменно рассматривал эту тарелку.

— Похороны в двенадцать, на кладбище, что за «первомайским» поселком, знаешь? — Он глотнул чай.

Слишком слабый, и непривычно кислый. Но сахара Бусина не пожалела.

Оглянувшись, Вячеслав заметил коробку с чаем. В два глотка допил то, что она сделала, и насыпал себе две ложки заварки прямо в чашку, уже не заморачиваясь по поводу лимона. Не вылавливать же тот. Залил кипятком и отставил, ожидая, пока настоится хоть немного. Снова глянул на нее, не понимая причины молчания.

Девчонка покачала головой, внимательно наблюдая за тем, что он делает. Блин, Борову даже неудобно стало почему-то.

— Ладно, я тебя отвезу. — Он отвернулся и, по совершенно дебильной причине, будто стараясь спрятаться от нее, схватил бутерброд. — Ты сегодня еще идешь куда-нибудь? — Глядя в окно, а не на Бусину, уточнил Боров.

— В ресторан же надо. Я вчера и так, пропустила, и не позвонила даже. Совсем растерялась. — В голосе девчонки опять прорезалась грусть, но вроде не плакала, и то прогресс.

— В общем, на кладбище я тебя отвезу, заеду в половину сюда, тогда. А дальше — Семену позвони, скажи, где была. Если тяжело, можешь и сегодня не выходить, скажешь, я разрешил. А сейчас — мне пора.

— Я выйду, честно, Вячеслав Генрихович.

Он не ответил и так же, в несколько глотков, выпил вторую чашку чая, игнорируя то, что тот еще ни капли не остыл. Зато крепость подходящая. И быстро, словно гнался за ним тут кто, поторопился уйти. На самом пороге уже остановился, вспомнив.

Обернулся, она стояла на пороге кухни и растерянно смотрела ему вслед. Вячеслав осмотрел глазами коридор, не увидел ничего подходящего. Чертыхнулся в уме, вернулся в ее комнату, спиной ощущая, как Бусинка идет за ним. Схватил на столе первый попавшийся лист бумаги и ручку. Написал номер своего мобильного.

— Вот, держи. Лучше выучи. Чтоб надежней. — Сунув бумажку ей в руки, он прошел мимо

Агнии. — Если что-то… В общем. Звони, если вдруг будет надо. Крестница. — Уже выходя в двери, бросил он через плечо с усмешкой.

И быстро сбежал по лестнице. Подальше от нее и всего того, о чем думать не стоило.

Глава 9

Десять-девять лет назад

После похорон бабушки ее жизнь вошла в какой-то размеренный ритм, причем, незаметно для самой Агнии. Печаль, грусть — не ушли, она все так же тосковала по умершим родным, но, как это ни странно, перестала ощущать себя одинокой. Странно, вроде бы, ведь, по здравому размышлению, у нее не осталось никого на свете. И все же, именно теперь одиночество ушло.

Даже в те месяцы после смерти родителей, пока у нее еще оставалась бабушка, Агния испытывала большую тоску и изолированность от мира, чем теперь. Ей было немного стыдно в душе из-за этого, но бороться с таким положением дел не хотелось. Потому как, насколько парадоксальным это не казалось, именно теперь, став круглой сиротой, она оказалась не одна.

Вячеслав Генрихович не обманул ее, пообещав все уладить с социальными службами. Бог знает, как он все решил, но в приют ее не забрали. Даже не приходил никто из попечительской организации. Более того, ее оставили в этой квартире.

Агния понятия не имела как? Но через два дня после похорон, Боруцкий принес ей документы, оформленные на ее имя и подтверждающие право владения Агнии этой квартирой.

— Не маши ими ни перед кем, пока. Если только не прижмут. Особенно, пока совершеннолетней не станешь. — Велел он, ничего не объясняя про то, как оформил эти бумаги. — Ты же сама проживешь? — Нахмурившись, поинтересовался он. — Или…

— Проживу! — Не веря еще такой удаче, отчаянно закивала она головой. — Я же и эти четыре месяца, все равно, что одна жила. Еще и о бабушке заботилась. Да и до этого, когда родители уезжали, а она заболела год назад. За мной только иногда Алина Дмитриевна приглядывала. — Торопливо доложила она, опасаясь, что Вячеслав Генрихович может передумать. Или не пожелать всей этой возни, и все-таки отправит ее в приют. Не будет же он сам сидеть с ней, ей-Богу.

— Ага… Ну, тогда, ладно. Проживешь, значит. — После некоторой паузы, кивнул Боруцкий. — А это спрячь. Если кто будет спрашивать что-то, звони мне.

Она спрятала бумаги. Но пока никто не спрашивал и не приходил.

Зато сам Вячеслав Генрихович появлялся регулярно. Не часто, вроде бы, но стабильно. Два вечера в неделю он проводил с ней.

Боруцкий никогда не предупреждал ее заранее, и не выделял для этого какие-то особенные дни. Просто появлялся в ресторане во время ее выступления, а после того — Семен Владимирович передавал Агнии, что хозяин ресторана хочет с ней поговорить, и они ужинали вместе. И действительно говорили. Хотя, если совсем честно, по большей части, говорила она. Вячеслав Генрихович лишь задавал время от времени вопросы, и слушал ее ответы. Он интересовался всем — любыми предметами в школе и занятиями с Зоей Михайловной, ее жизнью до гибели родителей. Боруцкий хотел знать о том, есть ли у нее друзья, кто они, и кто их родные, чем те занимаются? Если она упоминала, что читала какую-то книгу или смотрела фильм — он тут же спрашивал о содержании.

Причем, Агнии казалось, что Вячеслав Генрихович даже не слушает, о чем она говорит, просто из вежливости уточняет. И каждый раз удивлялась, когда, спустя неделю или две, он что-то уточнял или интересовался об окончательном впечатлении от прочитанного или увиденного, или спрашивал что-то о подругах, о которых она ему когда-то говорила. Выходило, что он не просто слушал, но и

запоминал каждое слово из того, о чем Агния рассказывала.

Иногда с ним приходил тот самый Федот, и в такие дни все было иначе. Вячеслав Генрихович казался каким-то напряженным и еще молчаливей, чем обычно. Да и сама Агния с трудом могла говорить о чем-то под тяжелым и холодным взглядом друга Боруцкого. Тот, казалось, забавлялся, наблюдая за ней. И постоянно интересовался у Агнии какими-то парнями из школы, консерватории, двора, даже официантами, на которых она, по-видимому, должна была обращать внимания. Агния терялась и начинала сбиваться, потому как, если честно, ей было не до парней в последние полгода. А Вячеслав Генрихович, почему-то, во время таких бесед становился еще молчаливей и отстраненней, чем обычно. Иногда он одергивал Федота, приказывая ему «не приставать к ребенку». А иногда просто молча сидел и осматривал зал, будто и не слышал, что происходило за столом, и держал в зубах незажжённую сигарету. И вмешивался лишь тогда, когда Федот порывался закурить, запрещая другу делать это.

Такие вечера больше злили, чем радовали Агнию. Но, все равно, ей нравилось ужинать с ним.

Второй раз в неделю, точно так же, без предупреждения, Боруцкий приходил к ней домой. Обычно это бывало среди дня, после школы и до консерватории, когда у нее имелся перерыв в два часа. Они просто пили чай. И он снова незаметно заставлял ее что-то рассказывать.

Иногда к ним присоединялась Алина Дмитриевна, если бывала в это время дома. И в таком случае, благодаря навязчивому любопытству соседки, Агнии удавалось хоть что-то узнать о нем самом, кроме собственных новостей. Правда, даже в таких случаях, Боруцкий не отличался многословием, и если не хотел отвечать — игнорировал все вопросы Алины Дмитриевны. А у той не хватало наглости настаивать, стоило только Вячеславу Генриховичу глянуть на пожилую женщину одним из тех, «своих» взглядов. И все-таки, именно благодаря соседке, Агния узнала, что ее «крестный» теперь является ее официальным опекуном.

Как и кто рискнул доверить опекунство сироты криминальному авторитету, она не уточняла. Вот, даже в голову не пришло спросить, каким же образом Боруцкий это провернул. Да и не хотелось развивать подобную тему в присутствии соседки. А когда они пили чай вдвоем… Тем более не хотелось. Отчего — Агния не знала, и, в силу возраста, возможно, даже не задумывалась о причине подобного «не желания». Да и сама уже сомневалась, так ли правдивы слухи, окружающие этого человека. Ну, мало ли, что про него говорят? Ну и что, что он сам ее этим пугал когда-то? Может, просто, завидуют, или выдумывают? Может и он уже не занимается этим? Завязал. А слухи, ну — на то они и слухи.

Вон, у них в школе сплетни и слухи часто рождались на пустом месте. Вдруг и здесь так? Не совсем на пустом месте, конечно, а на основании прошлых событий.

Ведь она с ним вон, сколько времени проводила, а ничего плохого ни разу не заметила.

Хотя, если честно, спустя несколько месяцев регулярного общения, Агния знала о нем не многим больше, чем во время первого знакомства. Зато Боруцкий, казалось, успел выяснить и узнать о ней все.

Еще за эти недели она ближе познакомилась с тем человеком, который и привел Агнию к Боруцкому — со Щуром. Не то, чтобы Агния хотела с тем знакомиться. Собственно, она даже не вспоминала о том. Но Щур стал довольно часто появляться в ресторане. Интересовался ее делами, спрашивал, нравится ли ей, все ли здесь устраивает. И хоть Агния совершенно не понимала причин такого усиленного внимания и старалась быстрее уйти, тот не отставал. Он даже стал появляться в консерватории, куда Агния продолжала ходить на уроки вокала. И однажды ей показалось, что Зоя Михайловна знает этого человека куда больше, чем говорила вначале. Но ее преподаватель только рассмеялась на ее вопрос об этом и отмахнулась, как от глупости. Да и Агнии, в принципе, не было

разницы, что там у них и как.

Она жила. Не легко и не сложно, наверное. Так, как живут все: исходя из обстоятельств, понемногу смиряясь со своей болью, и учась принимать самостоятельные, взрослые решения. Ну, или это ей так казалось. Однако, в любой ситуации, Агния старалась искать хоть что-то хорошее и позитивное, и ей это почти всегда удавалось.

Агния ходила в школу, заканчивая выпускной класс. И не замечала, или не хотела замечать то, о чем стали перешептываться за ее спиной учителя, а следом за теми, и одноклассники, интересуясь личностью ее загадочного опекуна. Несколько раз директор школы приглашала ее к себе в кабинет и осторожно спрашивала о том, что это за человек? Откуда взялся? Приглашала его для беседы с ней.

Но Агния упорно настаивала на версии, что Боруцкий ее крестный, давний друг ее родителей, а прийти в школу — не может никак, по причине сильной занятости своей работой. И о том, что одна живет — никому не рассказывала.

Да и Боруцкому она даже не упоминала об этих беседах с директором школы и классным руководителем. Во-первых, не хотела сердить или добавлять мороки, которой и так с лихвой привнесла в жизнь Вячеславу Генриховичу, кажется. А во-вторых — ну не могла Агния представить себе Боруцкого в кабинете своего директора. Не могла, и все тут.

Алина Дмитриевна признавалась Агнии, что несколько раз учителя из школы приходили и к ней, так же узнавая и спрашивая про крестного девочки. Но соседка с теми не особо общалась.

Правда, Алина Дмитриевна даже раз упомянула об этом при Боруцком, мельком и вскользь, Вячеслав Генрихович, кажется, и не заметил ничего. Чему Агния очень обрадовалась. Тем более что вскоре все эти вопросы и разговоры затихли, и больше о ее опекуне никто ничего не спрашивал. Да и саму Агнию перестали дергать.

И все это время ей и в голову не пришло задуматься над тем, а почему же, все-таки, не так уж и сложно Агния перенесла все, свалившееся на нее. Она не понимала, насколько сильно ее настроение и то самое позитивное отношение к жизни уже зависит от Боруцкого. Точнее, от его визитов и незаметного присутствия в ее судьбе. Не понимала до того дня, пока он не пришел. Вот просто не появился, и все.

Нет, конечно, он и не говорил, и не сообщал ей, что придет. Но неделя закончилась, а он так и не зашел к ней домой. В ресторан заходил еще в понедельник. Сегодня же подходило к концу воскресенье, а Вячеслава Генриховича Агния больше за эти дни не видела.

Вот теперь, уже сидя дома, закрыв двери за Вовой, который, как и обычно, провел ее, Агния вдруг вспомнила все те слухи и разговоры о том, кто же такой Боруцкий. И задумалась о том, что же может значить его исчезновение. Да и Вова был каким-то напряженным…

Она начала волноваться. Не за себя и свою судьбу, что странно, а за него. Даже не подумала, что станет с ней. А сжала руки от страха, при мысли: «что, если с ним что-то случилось? Если ему плохо?»

Глупо, конечно, он взрослый человек, в два раза старше ее самой. Боруцкий, наверняка, знал, что и как делать. И раз уж дожил до этого дня, то умел учитывать все особенности и специфику своей… профессии. Умел же, правда?

Но почему он тогда куда-то пропал? Впервые за все эти четыре месяца?

Может быть, она просто ему надоела?

Агния могла бы это понять. Ясное дело, что ему, взрослому человеку, должно быть не особо весело тратить на нее время. И так вон, сколько старался. Может, они с Федотом где-то, играют, ну, в тот же бильярд, к примеру. Или еще во что-то. В карты там. Она не особо знала, что, вообще,

делает вечерами Вячеслав Генрихович. Но не суть важно.

«Это было бы хорошо», вдруг поняла Агния, «если бы он играл». Она даже не обиделась бы. Обрадовалась бы. Лишь бы с этим человеком ничего не случилось. И не потому, что он о ней заботился. Совсем не по тому.

Просто… Ведь это нормально, волноваться и беспокоиться о человеке, с которым проводил столько времени, и который сделал для тебя столько? Тем более, как казалось Агнии, хорошим человеком.

Нормально.

Вот она и волновалась. И даже то, чему Агния радовалась всю эту неделю — тому, что завтра у нее будет день рожденья, и наконец-то исполнится шестнадцать, уже отошло на второй план. Даже это событие теперь не приносило ей позитивного настроя. С каждым часом Агния волновалась все больше.

Более того, несколько раз она порывалась сходить к Алине Дмитриевне и позвонить Боруцкому. Агния еще ни разу не звонила ему. Но, как Вячеслав Генрихович и велел ей тогда, выучила номер наизусть. А сейчас сидела и мысленно повторяла про себя цифру за цифрой, словно мантру какую-то.

И все-таки, она не решилась позвонить. Засомневалась. Вроде бы здравые мысли о том, что у него могут быть дела или Вячеслав Генрихович просто устал от нее — пока казались более разумными и вероятными.

Агния приняла душ и легла спать. Только заснула аж в три часа утра, мучая себя все это время глупыми домыслами, полными страхов.

И в школу отправилась утром вовсе не в том настроении, с которым в свой день рожденья просыпаются. Едва не проспав и кое-как собравшись. Половину учебников забыла дома, потому как — собиралась второпях. Правда это, как имениннице, ей простили, и отвечать не заставляли. А еще — подарили небольшой букет от всего класса, и открытку с деньгами. Как объяснила ее классный руководитель, хоть сумма и маленькая, но все решили, что это ей пригодиться больше, чем какие-нибудь безделушки.

Но и это все не подняло ей настроения. И с девчонками из класса она в кафе идти не захотела, хотя подруги и звали. Да и ей на работу не надо было являться. Понедельник — день не особо загруженный в ресторане, и Агния еще в пятницу отпросилась у Семена Владимировича, как раз для того, чтобы куда-то с подругами выйти. Итак, с момента гибели родителей, практически с теми не общалась. А теперь — не пошла. Не было настроения, и все тут.

И три часа смотрела в окно на кухне, заваривая чай, и выливая тот в раковину, когда напиток остывал. Но так и не выпила ни глотка. Ей очень хотелось ему позвонить. Просто так, услышать голос, чтобы удостовериться, что все хорошо, и она глупостями занимается. Но никак не решалась.

А когда прозвенел звонок, Агния со вздохом пошла открывать дверь. Видимо Алина Дмитриевна заглянула поздравить. И, не глянув в глазок, открыла соседке, а увидела Вячеслава Генриховича, живого и здорового.

Агния даже задохнулась от радости и облегчения. Облокотилась на дверь, и уставилась на него, как ненормальная. Кажется, и не мигала. И вдруг поняла, что такой глупой была. Просто ужасно глупой.

И как ей только в голову пришло, что он некрасивый? Это, наверное, из-за того, что она была расстроена смертью родителей. И просто не замечала очевидного. Нет, конечно, у него были все те же нескладные черты лица, что и раньше. Только вот теперь, эти черты вовсе не казались ей ужасными или грубыми. Она смотрела на него, и не могла насмотреться, и «здравствуйте», не

сказала.

Агния так засмотрелась, что даже не сразу поняла — Боруцкий хмурится и что-то спрашивает.

— Бусина, ты чего?! Тебе сколько раз говорить надо, чтобы спрашивала, кто явился? — Недовольно рыкнул он, глядя на девчонку.

Ну, опять, почти выскочила на площадку, двери настежь. Ни «кто там?», ни в глазок не глянула. Находка для любого мошенника. И придумывать ничего не надо. Вон, сама открыла и стоит, во все глаза смотрит, все тем же доверчивым и открытым взглядом. Заходи и бери, что хочешь.

— Эгей, Бусина, ты оглохла, что ли? — Он шагнул внутрь и махнул у нее перед лицом, видя, что девчонка не реагирует.

Стоит и пялится на него, и улыбка в пол лица, словно сто тысяч в лотерее выиграла.

Это чему же она так рада, что даже на него с таким счастьем уставилась? Не могла же по нему так соскучиться? Или могла?

Да, не. Небось, и не заметила, что он не появлялся, как обычно.

Дите, у нее своих проблем полно. Это он, как последний дебил в самый неподходящий момент о ней вспоминал. И бесил Федота, который никак не мог понять, что ж Боров носится с этой девчонкой, как с писаной торбой. И сейчас вот, приперся. Хотя, по-хорошему, ему еще и вставать-то не стоило. Надо было бы отлежаться, если верить Лехе. Только сил уже не было, хотел хоть поглядеть на нее…

— Вячеслав Генрихович!

Бусина вдруг, так и не вспомнив про дверь, которую стоило бы захлопнуть, повернулась следом и кинулась к нему, крепко обняв. Прижалась щекой к груди.

— Бл…ин! — Боров сдавленно ухнул, кода девчонка задела простреленный бок.

Но внутри, все равно, так тепло и горячо стало, словно стопку водки махом тяпнул. Скучала, видно, все-таки. Заметила, что не пришел, как обычно.

Надо было, конечно, отодвинуть ее. Самому отойти. Но, твою ж налево, у него и так, последняя неделя — не поездка на курорт. Был момент, когда он реально задумался, а выкрутится ли? Но выбрался же. Да, не совсем невредимый. Но жив, и своего никому не отдал. И выскочкам этим по мозгам надавал, чтоб знали, на кого лезут.

За пять дней — ни одного спокойного, все на пределе. А все равно, ведь, Бусина в его голове прочно сидела. Нет, нет, а думал о ней. И, если верить сумрачному Федоту, которому тоже досталось в эти дни, отходя от наркоза, после того, как Леха его заштопал, Боров о ней болтал. Хорошо, что кроме самого Федота, об этом больше никто был не в курсе.

В общем, достали его по самое «не могу». Потому, видимо, устав отказывать себе даже в самом малом, Вячеслав и сам крепко обнял ее за плечи и опустил лицо в растрепанную макушку, жадно и глубоко вдохнув. Тихо и воровато, чтобы она не услышала, не поняла.

— Что стряслось-то, Бусина? Соскучилась, что ли? — Стараясь сохранять обычный, покровительственно-насмешливый тон голоса, спросил он.

— Соскучилась. — Девчонка запрокинула голову и счастливо улыбнулась.

Капец. Его словно саданули под дых. От этого ее взгляда, от такого счастья на лице — крышу сносило.

— Вы не приходили. И я волновалась, все ли с вами хорошо. — Все так же улыбаясь, объяснила она свой энтузиазм.

— Чего боялась-то? — Хмыкнул Боруцкий, игнорируя ноющую боль в боку, где на повязку,

спрятанную под свитером, давил ее локоть. Перетерпит. Лишь бы она еще секунду постояла рядом. Так близко к нему.

— Ну, я не знаю. Просто. — Бусинка опять прижалась лицом к его груди.

— Чего, испугалась? Что опять одна останешься? Не боись, Бусина. Не пропаду. — Боруцкий усмехнулся, поднял руку и погладил ее растрепанную косу. — А если страшно было, что ж не позвонила?

— Нет, я не за себя, Вячеслав Генрихович, не подумайте. — Она даже, будто бы расстроилась. — Я за вас волновалась. Чтобы не случилось ничего. Ну… Я не знаю. — Она опустила голову, будто застеснялась. — А позвонить… Побоялась, что отвлеку вас. В общем. Я рада, что с вами все в порядке.

Девчонка разжала руки и отступила на шаг, сцепив пальцы за своей спиной.

За него испугалась… А ведь знала, кто он такой. И, неужели, все равно, волновалась?

Ему захотелось схватить ее за плечи и вернуть. Прижать снова к себе. И заставить глянуть на него опять так, как она смотрела секунду назад. Дико хотелось поцеловать. Бешено, с жадностью. Так, как бредилось все эти месяцы.

Вместо этого Боров отвернулся и пошел на кухню.

— Да, ну чего со мной случится-то? — Хмыкнул он невозмутимо. И незаметно для нее, провел рукой по ране, которая начала ныть, проверяя, все ли нормально, не слезла ли повязка? — И это, если чего в голову стукнет, ты звони, не стесняйся. — Он обернулся через плечо и подмигнул.

Покрасневшая и притихшая было девчонка, опять улыбнулась, пусть и не так широко, как до этого. Явно, еще смущаясь. Но все-таки.

Вот. Сейчас выпьет чая, и пойдет домой. Долго он не высидит. Бок болит, чтоб его. Но так хотелось ее увидеть.

Боров затормозил на пороге кухни, с удивлением уставившись на букет тюльпанов, стоящий на столе в вазе.

— А это, в честь чего? — Боруцкий махнул рукой в сторону цветов.

Бусинка смутилась и прошмыгнула мимо него, начав возиться с чашками и заваркой. Бухнула чайник на плиту. Он в который раз подумал, что надо бы купить ей электрический. Только тогда вода будет закипать быстро, и у него будет меньше времени, чтобы с ней посидеть.

— Так, просто. — Не поворачиваясь к нему, пробубнила девчонка так, что ему пришлось прислушаться.

Чет он не понял. Просто. Раньше он здесь цветов не видел. Почему-то, первое, что пришло в голову — это вечные издевки Федота, когда он донимал Бусинку вопросами о пацанах. Неужели, к его Бусинке подкатывает кто-то? Да, ну нет. Ну, дите же…

В голове застучало нарастающей злобой и раздражением.

— Что, просто? — Рыкнул он.

Девчонка обернулась и с удивлением глянула на него, забыв о готовящемся чае.

— Просто, это одноклассники подарили. — Тихо пробормотала Бусина, теребя пальцами косу. — На день рожденья. — Агния опять вернулась к своему чаю.

А он пару секунд пялился на ее затылок.

У нее День Рожденья? Блин! О таком Вячеслав даже не подумал.

— У тебя День Рожденья? — Как самый тупой идиот, переспросил он. — Сегодня?

Бусинка кивнула. Все с тем же смущение улыбнулась и, проскользнув мимо него, достала из холодильника торт.

— Вот, будете? — С надеждой глянула она на него, пока сам Вячеслав костерил себя в уме. Ведь оформлял же бумаги, видел дату, а в мозгу даже не щелкнуло ничего. Не связал.

Не то, чтобы он, вообще, подобными проблемами загружался. Он и свой-то не праздновал, по большей части. Не привык как-то. Разве что с Федотом могли куда-то завернуть, выпить-погулять. Но сейчас стало как-то непривычно неудобно.

— Или вы сладкое не любите? — Разволновалась Бусинка из-за его молчания. — Тогда, ничего. Просто, вы же чай всегда сладкий пьете…

«М-да, не отлежаться ему сегодня, как бы не ныл бок», понял Боров, продолжая на нее смотреть.

— Буду. И чай буду. — Кивнул он, и забрал торт у нее из рук. Поставил обратно в холодильник. — Только потом, — выключив конфорку, он повернулся к растерявшейся девчонке. — Вот сейчас поедем, подарок тебе купим, и чай попьем.

Бусина стояла и хлопала глазами. А потом, просто убила его:

— Зачем? — В который раз за эти пять минут она смутилась. — Не надо, Вячеслав Генрихович! Ну, что вы! — Казалось, она сейчас расплачется от досады. — Я же не для того! — Бусинка резко отвернулась. Ага, точно реветь собралась. — Я же и не говорила потому! Не надо! Вы, и так, столько для меня сделали! Не думайте, правда. Я же понимаю, сколько вы делаете. Никто не делает. И я же не наглая. И… просто…Я просто чая с вами попить хочу.

Она действительно расстроилась. Голову повесила. Обхватила себя руками.

Боруцкий подошел к ней, ухватил за подбородок и повернул лицом к себе. Девчонка закусила губу и казалась одновременно пристыженной, и грустной-грустной.

Ну, ведь, дите! Ребенок, чтобы там ему Федот не говорил, и как бы не прессовал мозги, что некоторые из девчонок Гели не так уж и старше, а Боров буксует.

Дите — его Бусинка. Стоит и нервничает, переживает, что он не так поймет что-то. А сама в упор не видит, и не понимает, что может веревки из него вить, в дугу согнуть, он слова поперек не скажет. Да он бы для нее, что угодно купил. Чтобы она ни попросила. А девчонка боится, что и так наглая стала. Хотя, хорошо, конечно, что не понимает. Не хватает ему, что ли, и так проблем?

Только от этого ее самоунижения у него во рту горько стало, и мерзко как-то внутри.

— Так, ты за меня не расписывайся и не решай. Не маленький. И за свои слова — отвечаю. — Щелкнув Бусинку по носу, он заставил ее смотреть прямо. — Я сказал, что едем за подарком — ты, что должна сказать?

Девчонка смотрела на него с недоумением.

— «Спасибо», и броситься обуваться. — Со вздохом усмехнулся Боров, покачав головой. — Дите-дите, всему тебя учить надо. Другая бы уже пальцы загибать начала, перебирая, чего хочется.

— Не надо, правда. — Бусина ухватилась пальцами за его ладонь. — Вячеслав Генрихович. Я и не хочу-то ничего. Чего у меня нет?

— Так не бывает, Бусина. Чтоб человек не хотел ничего. Так что не забивай мне баки. И, вообще, что это я стою, и еще уламываю тебя. Быстро собралась. — С усмешкой он подтолкнул он ее к коридору. — Я твой опекун, как-никак. Так что нечего спорить. Что ты хочешь?

Бусина остановилась посреди коридора и посмотрела на него с каким-то непонятным, почти робким выражение. И это девчонка, которая две или три недели горланила песни под его рестораном?

— Вячеслав Генрихович, а можно…

— О, наконец-то. — Хмыкнул он. — Мозг оклемался? Все можно, если осторожно. Чего там захотелось?

Она принялась теребить пальцами косу.

— Правда, ничего покупать не надо. Не могли бы вы, вместо этого, как подарок, сходить со мной в одно место? Я сама не то, что боюсь. Вы не подумайте. Просто… Мне поддержка нужна. Я думала, что с девчонками схожу. Но не … не вышло. — Вдруг затараторила она. — А вы — это будет огромный и самый лучший подарок для меня, правда. Пожалуйста!

— Так, стоп. Я ничего не понял, это куда тебе идти страшно? — Развеселившись ее растерянности, поинтересовался он. — Ты, Бусина, часом, ничего незаконного не замыслила, а? — С усмешкой, поддел он ее. — А то я знать должен, если мы налет на кого-то сейчас устраивать будем…

— Нет, что вы! — Она даже отмахнулась, наконец-то, полностью успокоившись. — Просто… — Агния глубоко вдохнула. — Я уши проколоть хочу! — Выпалила она на одном дыхании.

И глянула на него, ожидая реакции, видимо.

Вячеслав тут же уставился на ее уши. Точно, без сережек. А он и не замечал этого. Или не задумывался.

— А чего… — Он попытался сформулировать. — Я думал, вам, девчонкам, в детстве их всем прокалывают.

— Мне родители не разрешали. Говорили, что в школе могут задеть, поранить. Или на улице сдернет кто, сами знаете, бывает же.

Ага. Он знал.

— Так вот, — продолжала объяснять Бусина, активно жестикулируя руками. — Мне родители обещали, что когда мне шестнадцать исполнится — я смогу проколоть уши, если не передумаю.

— И что? Не передумала?

«Дурацкий вопрос», одернул он себя. Не просила бы, если бы передумала.

— Нет. — Бусинка покачала головой. — Хоть, мне иногда кажется, что может не стоит, если они не хотели, как уважение к их памяти…

Он фыркнул. Не удержался.

— Ну и бред, дите. Чепуху не городи. — Боруцкий сдернул с вешалки ее плащ, и вытащил девчонку, уже успевшую обуть туфли, на лестничную площадку. — Раз они сказали тебе, что в шестнадцать будет можно — значит, не были против.

— Думаете? — Она задумчиво выпятила нижнюю губу, прикусив зубами, и чуть отвернулась, закрывая дверь.

Он мысленно застонал, не в силах отвести глаза. И только кивнуть смог в ответ на ее вопрос.

— Вячеслав Генрихович? — Окликнула его девчонка, когда они уже шли по лестнице.

— Мм? — Не оборачиваясь, откликнулся он.

— Как думаете, а это больно? — С некоторой дрожью в голосе спросила Бусинка.

— Понятия не имею. — Совершенно искренне ответил Боров.

— Ага. — Неясно ответила она. — Вячеслав Генрихович?

— Что? — Все так же игнорируя боль, покорно отозвался он.

— А можно я вас за руку подержу, когда мне их прокалывать будут? — Робко спросила девчонка, сев на пассажирское сидение машины и глянув на него снизу вверх.

— А чем это поможет? — Боров даже заинтересовался новой формой анестезии. Для него этот вопрос сейчас ребром встал. Или боком, точнее.

Бусинка опустила глаза.

— Ничем, наверное. Просто, мне так легче будет. Уверенней. — Не глядя на него, еле слышно

прошептала она.

Он сглотнул. Откашлялся. Вытянул сигарету из пачки и сжал зубами.

— Как хочешь. — Постаравшись безразлично передернуть плечами, Боруцкий завел машину.

Спустя сорок минут, она снова сидела в его машине и беспрестанно крутила головой, поворачиваясь к зеркалу заднего вида то одним ухом, то другим.

— Вы, правда, думаете, что нормально? — Раз в пятый, наверное, спросила Бусинка.

При этом она осторожно потрогала пальцем маленькую сережку в виде гвоздика, которыми ей в салоне и прокалывали уши.

Вячеслав не ответил. По опыту предыдущих четырех раз, он уже уяснил, что девчонка и не ждала ответа. Только хмыкнул и достал новую сигарету, покрутил ту в пальцах, рассматривая следы ее ногтей на своей коже. Ничего так, хватка, как для малолетки.

— Вам нравится?

Она так и смотрела в зеркало.

Ему нравилось. И, в то же время, он и немного сожалел о том, что она поменялась. То есть, и не поменялась, вроде бы. И ей, действительно, было хорошо так. Но и раньше — она была куколкой.

Блин. Чет он сам в себе запутался. Надо отвозить ее, и самому домой ехать. Тем более что боль в боку не утихала.

Он все так же молча кивнул, поправил зеркало, и тронул машину с места.

Однако, вместо того, чтобы направиться к дому Бусинки, Вячеслав заглушил двигатель на проспекте. Агния сидела, то и дело, касаясь ушей, и не думала выходить. Похоже, решила, что ему надо какие-то свои дела уладить.

— Давай, Бусинка, двигайся шустрей. — Он махнул рукой, указывая ей на дверь.

Она удивленно глянула на него, но послушно вышла.

— А мы куда?

Агния осмотрела улицу, полную людей, возвращающихся с работы.

— А, прям сюда. — Боруцкий подтолкнул ее к дверям ювелирного магазина, у которого они и стояли.

Она осталась на месте. Каблуками уперлась, что ли?

— Зачем, Вячеслав Генрихович?

— Моральная поддержка, это хорошо, но я тебе что-то реальное подарить хочу. — Хмыкнул он. — Шестнадцать лет раз в жизни бывает.

— Ну, не надо. Ну, правда. — Она обернулась и уставилась на него, покусывая губу, будто нервничала. — Вячеслав Генрихович…

— Бусина. Прекрати. Любая девка обрадовалась бы. А ты упираешься. — Он выбросил сигарету в урну и, ухватив Агнию за руку, чуть ли не затащил ее внутрь. — Что я, крестнице не могу подарок на день рожденья подарить, а? — Рассмеялся он, глядя, как затравленно она осматривается.

Продавщицы уставились на них с удивлением и растерянностью. Охранник невозмутимо кивнул.

Агния отступила вбок и дернула его, заставив наклониться.

— Ну, что такое, Бусина, ей-Богу? — Он тяжело вздохнул.

— Я же не по-настоящему ваша крестница, Вячеслав Генрихович. — Прошептала девчонка ему на ухо. — А вы и так, так много для меня делаете.

Он помнил, что не по-настоящему. И ничто его так не радовало, если честно. Но распространяться об этом Вячеслав не собирался.

— Ну, они же не знают, что не по-настоящему. — Так же шепотом ответил он и, стараясь не задеть ее проколотые уши, поправил выбившиеся из косы пряди. — А я уже сказал, что ты крестница, придется за базар отвечать. — Он ей подмигнул.

— Так никто ж не знает, кто мы такие. Давайте, просто уйдем, а? — Она посмотрела на него с надеждой.

— Бусина, прекращай трусить. И меня не обижай. — Он развернул ее к витринам. — Выбирай.

Видимо поняв, что его не переубедить, девчонка покорно поплелась к витринам. Словно он ее на каторгу отправил, а не цацки рассматривать, ё-моё. И как эту девчонку понять? Еще и, ну кто б сомневался, поперлась к витринам с серебром.

Эх, нет здесь Федота, вот, кто б искренне наслаждался. Особенно с него самого, с Борова, обхохатывался бы просто.

Он отвернулся и подошел к продавщицам, краем глаза поглядывая на мнущуюся в стороне Бусину. Не дай Бог, еще попытается смыться.

— Здравствуйте, Вячеслав Генрихович. — Одна из продавщиц тут же оказалась рядом.

Он глянул на бэйдж.

— Какие у нас есть золотые серьги, Лена. Чтоб для девочки, красивые.

Продавец принялась выставлять перед ним украшения.

— Вячеслав Генрихович! — Он почувствовал, как Бусина подошла и коснулась его руки. — Это же золото. — Опять шепотом и на ухо, принялась уговаривать она его. — Я себе потом серебряные куплю. Мне, все равно, еще месяц с пуссетами ходить. А здесь же все такое дорогое…

Он не выдержал, захохотал. Чуть за бок не ухватился, который тут же прострелило болью. Но вовремя вспомнил, что не стоит «светиться», задержал дыхание.

Продавцы и охранник делали вид, что совсем не пялятся, и, вообще, в сторону смотрят.

— Слава Богу, я в своем магазине, и могу себе это позволить. Эти. — Взяв серьги в виде маленьких бантиков с небольшими кристаллами по центру, он махнул продавщице. — Пошли, Бусина, пока я тут не помер, со смеху. — Подхватив ее под локоть, он потащил покрасневшую и смутившуюся девчонку к выходу. — Ты мне еще торт обещала.

Наши дни

— Малышке в больницу надо, Боров. — Федот через плечо глянул на них с водительского сидения.

Видно решил, что Агния уснула. Даже бас свой попытался приглушить. Вячек оценил. Только он видел и то, что его Бусинка не спит. Он ощущал дрожь, сотрясающую все ее тело, и видел, как отчаянно она старается побороть самое себя. Ресницы Бусинки трепетали, а глазные яблоки лихорадочно «бегали» под плотно сжатыми веками. Черты лица Агнии, казалось, заострились еще больше за последний час. Кожа стала просто белой, и на той очень отчетливо просматривалась испарина.

— Я еще из поезда позвонил Лехе. Он должен уже ждать нас у дома.

Крепче прижав ее голову к своей груди, Вячек принялся немного покачивать Бусинку. Понимал, что это бесполезно, не поможет. Но у него самого затылок сводило, и начало дергать нерв

на виске при виде ее боли и попыток ту спрятать.

— А он справится так, дома? — Федот сквозь прищур зыркнул на него в зеркало заднего вида.

— Я откуда знаю, а? — Рявкнул Вячеслав, не сдержавшись. — Мать твою, так, Федот! Откуда я знаю?! Я ж не Гиппократ хренов! Я ни черта в этом не понимаю! Я не по этому делу!

Друг промолчал, уставившись на ночную дорогу прямо перед собой.

Холодные пальцы Агнии прижались к его щеке, поглаживая, прошлись по скуле, словно пытаясь успокоить. Он умолк и повернулся, прижавшись губами к ладошке своей Бусинки. Глубоко вдохнул, пытаясь взять себя в руки. Каждое ее прикосновение всегда было для него бесценно.

— Вячек. Не надо.

Агния смотрела на него так, будто и в этом, в его отчаянии и несдержанности считала виноватой себя.

— Прости, любимая. Прости. — Прошептал он ей в ладонь.

Посмотрел в глаза, полные боли. И прижал ее к себе до невозможного крепко.

Агния только вздохнула и, кажется, закусила губы.

Глава 10

Наши дни

Странно, но именно сейчас его терпение подвергалось наибольшему испытанию. Сейчас, когда в квартире стояла почти полная тишина, когда Бусинка уснула, под действием всех тех лекарств, которые ей ввел Леха. И эта тишина, казалось, пропитанная ее болью, терзала его больше всего остального.

Их врач, свой в доску, не раз вытягивавший с того света и самого Борова, и всех его парней, пока уехал. Он пообещал, что на пять часов, минимум, действия лекарств хватит. Потом он вернется. Так как Агния спала, Вячеслав не видел смысла держать мужика, тот и так сидел при ней неотлучно почти семь часов, вместе с Боровом. Хотя сама Бусинка сопротивлялась и пыталась выставить Вячеслава вон. Его девочка считала, что ему не стоит смотреть на нее в таком состоянии, думала, что нечего Вячеславу видеть ее такой. Малышка пыталась его уберечь.

Мать его так, а!

Из-за этого у него сжимало что-то за грудиной так, что продыхнуть не всегда выходило, но Вячеслав не позволял выставить себя из комнаты. Его и так не было с ней на протяжении всего этого года. Теперь Боров не отойдет ни на секунду.

Пытаясь взять под контроль свою опустошенность и ощущение собственной вины, он глубже вздохнул. Схватил пустую рюмку, стоящую на столе, повертел в пальцах.

Боров еще не пил. Только собирался. Долго так собирался, часа два уже, как только Федот уехал, так же пообещав вернуться к вечеру.

Нет, Вячеслав не хотел напиться. Но у него был долг, то, что он считал необходимым сделать. Однако никак не откручивал бутылку с водкой, ежесекундно прислушиваясь к тихому дыханию Бусинки в соседней комнате, которое то и дело перемежалось еле слышным хриплыми стонами.

Он понимал, что она, практически, в отключке. Отдавал себе отчет в том, что препараты, которые ввел Леха, притупили способность ее мозга реагировать на потребность в наркотике, а другие — выводят наркоту из ее организма. Так ему сказал сам Алексей. И Боров ему верил. Или, во всяком случае, надеялся, что тот, как врач, реально знает, что делает. Но все равно, каждый раз его словно пробивало током, а все нервы скручивало в пружину. Вячеслав так и подрывался с места, испытывая жизненную необходимость оказаться рядом с ней, как-то помочь, поддержать, облегчить эту треклятую ломку.

Только, что толку от его порывов? Все, что мог — он сделал, и Леха сказал не рыпаться, главное, не лезть туда, в чем он ни капли не смыслит, чтоб не пустить все насмарку.

В словах врача был смысл.

Но, Бог свидетель, Вячек не мог смотреть на ее боль даже тогда, когда Бусинка спала. Нет-нет, а мелькала в глубине разума предательская мысль облегчить ее состояние, достав дурь. Проблема, что ли? Разве он не знал все точки и дилеров? И, даже несмотря на понимание, что это не будет решением проблемы, а лишь временным облегчением, Боров не мог изгнать подобные соображения из своей головы. Слишком тяжело было видеть ему мучения своей девочки. Но и опускать руки — не мог. Не имел права подвести ее в этот раз. Не после всего, что она вытерпела.

Потому и сидел здесь, лишь через открытые двери то и дело поглядывая в комнату, где Агния лежала на расстеленном диване. Крутил в руках пустую рюмку. И не позволял себе думать о всяком

бреде.

Если по правде, то Боров и до сих пор не вполне воспринял то, что вернул ее. Это осознание бухнуло его по темечку в тот момент, когда он, поддерживая жену, зашел в ту самую комнату.

Сколько ночей, полных сигаретного дыма, он провел здесь, создавая бесчисленные планы? Сколько схем придумал и отверг, понимая, что не хватит у него сил. А Агнии не будет никакого спасения, если его замочат, только теперь уже насовсем.

А сколько дней и ночей он сам корчился на этом диване от боли? Сколько мата выслушали Леха и Федот, пока первый зашивал его, собирая Борова чуть ли не по кускам после нескольких огнестрельных ранений, той свалки и своры псов, а второй держал, не оставляя возможности дернуться? И сколько времени он потом, скрючившись от боли, от которой не помогали и самые сильные аналгетики, в одиночестве просидел на полу, не в силах не смотреть на ее фото…

Его Бусинка, даже так мучаясь, ошарашенно осмотрела стены, когда он занес ее в комнату утром. Она не спрашивала, почему он привез ее сюда, а не домой. Ничего не уточняла. Но в тот момент… Наверное, и ее удивило такое количество фото, развешенных и расставленных везде, где только было место. И на каждом этом фото была запечатлена она. Везде — только его Бусинка.

— А твои фото? Наши? — Прошептала она ему на ухо, пока Леха ставил ей первую капельницу.

Боруцкий только скривился. Он забрал из того дома, что был их, каждую карточку с Агнией. Все ее фото и то, что осталось целого из ее вещей. Свое его интересовало мало.

— У нас будут новые. — Пообещал он ей.

— Зачем столько? — Агния как-то грустно улыбнулась.

Боруцкий хмыкнул и поцеловал ее плечо, чуть повыше того места, где в ее руку была введена игла капельницы.

— Знаешь, в чем-то Федот прав, без тебя, Бусинка, у меня крышу совсем сносит. — Повинился он с кривой усмешкой.

Агния улыбнулась и вдруг второй рукой обхватила цепочку, висящую на ее шее, с его кольцом. Сжала пальцы и слезящимися глазами снова глянула на его руку, лежащую на простыне рядом с ее лицом. Вячеслав тут же сдернул ладонь, опустив на пол. Бусинка закусила губу и прижалась щекой к его шее.

— Не плачь, ну, пожалуйста, — зная, что бесполезно, словно заведенный, все же принялся уговаривать ее Вячеслав, просто не имея сил терпеть, когда она плачет.

Тем более что не стоило, и правда, не стоило оно того.

— Малышка, ну, не надо. — Вячеслав поцеловал ее в закрытые веки. — Мне не нужны ни пальцы, ни кольцо, чтобы помнить о своем слове. — Он пощекотал кончик ее носа, стараясь отвлечь Агнию и от слез, и от капельниц, и от всего, что продолжало мучить и ломать ее тело.

И добился слабой улыбки. Бусинка приоткрыла глаза, еще раз обвела взглядом всю комнату, глядя на все фотографии.

— Я вижу. — С этой же улыбкой вздохнула она, и повернулась, снова пряча лицо в его плече. — Только я и так не сомневалась в твоем слове. — Добавила Агния глухо.

Вячеслав прижался губами к ее волосам…

Он и сейчас усмехнулся, подумав об этом, отклонился на стуле, заглянув в комнату. Опять провертел пустую рюмку. Протянул руку, взял бутылку. На столе замигал вызовом на дисплее его телефон. Он потянулся, глянув на имя.

— Да?

— Понимаю, что тебе может быть не до того, но нам надо бы поговорить, Вячеслав. —

Соболев, похоже, не собирался откладывать разбор того, что случилось в Киеве в долгий ящик.

— Ты за десять минут доедешь? — Вновь глянув на Агнию, еще спящую в соседней комнате, буркнул он. — Только один приезжай. — Добавил он.

— Адрес скажи. — Без споров согласился Соболев.

Девять лет назад

Весна закончилась для Агнии как-то незаметно. Да и лето пролетело быстро и тоже мимо нее. Окончание школы, экзамены, суматоха с предстоящим поступлением — жизнь завертелась и закрутилась вокруг Агнии, тормозя только иногда, заставляя сосредоточиваться в этой суматохе только на отдельных моментах. В основном тех, когда рядом оказывался Вячеслав Генрихович. Она все реже вспоминала о том, кто этот человек, практически не замечая, не воспринимая то, что он мог говорить или делать, и что могло бы подтвердить его статус криминального авторитета в ее глазах. Сознательно ли, или, скорее, неосознанно, Агния «не видела» этого. Ей было все проще и радостней рядом с ним, как-то легко, весело, и будоражаще в одно и то же время. И оттого, наверное, она не желала понимать ничего из того, что могло бы помешать ей наслаждаться этими мгновениям около него.

Их встречи не изменились, разве что чай сменился лимонадом и квасом из-за жары, упавшей на город. Хотя, это Агния стала пить что-то холодное, Боруцкий же упорно просил заварить ему чай, даже если ей приносил мороженное.

Он продолжал интересоваться ее делами, иногда даже брал какую-то книгу, возвращая через неделю, не в ресторане, а всегда принося домой. Вячеслав Генрихович ходил с ней забирать аттестат. И вот тогда, казалось бы, видя настороженные, даже испуганные лица директора и своего классного руководителя, ей бы подумать и вспомнить, как внезапно затих весь интерес к личности ее опекуна, как ее оставили в покое, заметить бы, что не опасались бы они человека, которого видели первый раз.

Но Агния не придала этому значения.

Как и многим другим мелочам, о которых слышала что-то краем уха в ресторане, когда приходил кто-то из парней, работающих на Вячеслава. Вроде бы и не глупая была, вроде и не глухая и не слепая. А не воспринимала, и все тут.

И осознала это только осенью, практически, спустя год после того, как впервые познакомилась с Боруцким. Только вот, что странно, и лицом к лицу столкнувшись с реальностью того, кто же такой Вячеслав Генрихович на самом деле — Агния уже не сумела испугаться. Видно, поздно для нее уже стало его бояться. Хотя от нее, определенно, ждали иной реакции.

Строго говоря, поступление в консерваторию не было для Агнии проблемой, скорее, чем-то предопределенным. Здесь когда-то учились ее родители, от имени этого учебного заведения они выступали на своих первых концертах, прославляя имя преподавателей и самого учебного заведения. И сюда же родители привели Агнию, когда девочке только исполнилось семь лет, чтобы поделиться со своими учителями собственной гордостью и радостью — продолжением оперной династии. Можно сказать, что место здесь было обеспеченно ей с того самого раза. Хоть она и не задирала нос, понимая, что немало не менее одаренных людей будет поступать. Потому и занималась с Зоей Михайловной, которая, кстати, была одним из членов вступительной комиссии, что добавляло Агнии баллов.

Так что зачислили Агнию без проблем. Единственное, что ее несколько удивляло и даже стало

напрягать — это то, что Зоя Михайловна все чаще лестно отзывалась о Щуре. И не раз советовала ученице бросить работу в ресторане Боруцкого, замечая, что ранее, у них не было выбора, и это ее спасло. А теперь, есть ведь и другие варианты, да и Михаил Петрович (он же Щур, как поняла Агния) заинтересовался возможностью помощи молодым исполнителям. А у Агнии такие данные, и ценить ее будут куда больше, чем в том ресторане. Да и не по чину ей, собственно, продолжать таким заниматься, ну кто из известных оперных певиц пел в ресторанах для бандюг? Это может отразиться на репутации Агнии в дальнейшем, мало ли, что девочке могут еще приписать, люди болтать любят…

Агния с преподавателем не спорила, но и не внимала ее советам. Кто мог сделать для нее больше того, что уже не словами, а поступками делал Боруцкий? Она не верила, что Щур, который казался ей неприятным и «скользким» типом, может достичь больших успехов, чем Вячеслав Генрихович.

Боруцкий же, вообще, в последнее время, казался ей едва ли не всемогущим. А все намеки о его теневой стороне жизни она все еще пропускала мимо ушей, не имея тому подтверждений. Только, почему-то, все время забывала рассказать об этих советах самому Боруцкому во время их встреч. Не хотелось ей представлять свою учительницу в плохом свете, и стыдно было пересказывать сплетни, тем более такие, нелицеприятные для него, что ли.

В общем, несмотря на это все, она с удовольствием погрузилась в непривычную для себя жизнь студентки, с интересом изучая и историю искусства, и итальянский язык. Даже актерское мастерство. Агния, вообще, старалась не пропускать ни одной пары, а после с запалом и восторгом пересказывала и самое незначительное событие или происшествие Вячеславу Генриховичу. А тот, посмеиваясь и подшучивая над ней, слушал эти пересказы в ролях и лицах. Даже Федот, так и продолжающий иногда присутствовать при их ужинах в ресторане, прекращал ее доставать в такие дни, и с таким же интересом наблюдал за пересказом Агнии.

И все же, с упоением нырнув в новую жизнь, Агния не могла не признать, что чувствует себя немного некомфортно среди сверстников. И хоть, несмотря на то, что, по сути, Агния была одной из самых младших на курсе (из-за экспериментов системы образования, то и дело сменяющихся вместе с правительством, она «перепрыгнула» сразу два класса, как и вся ее параллель), все окружающие казались ей какими-то детьми, что ли. Мало кто из ее однокурсников работал параллельно с обучением, о том же, чтобы самостоятельно содержать себя — и речи не шло. Все они имели семьи, и тут же с жалостью смотрели на саму Агнию, стоило только кому-то сказать, что она сирота. А ей, как ни странно, казалось, что она старше всех их вместе взятых. Наверное, повлияло на ее мироощущение и сиротство, и столько смертей за один год. Да и то, что за эти месяцы Агния привыкла общаться с куда более старшими людьми. Одноклассники — не в счет, после смерти родителей Агнии было не до общения с ними. А так, даже Вова, так и продолжающий встречать ее после занятий и сопровождать на работу, и домой — был на девять лет старше самой Агнии.

Возможно, именно поэтому она стала еще больше ценить и дорожить теми часами, которые проводила в обществе Боруцкого. С ним ей было хорошо. И спокойно, и как-то суматошно весело одновременно. И любопытно, и в то же время, понятно все. Ну, не в смысле каких-то загадок мироздания. Просто Вячеслав Генрихович никогда не устраивал глупых ребячливых розыгрышей и не бросал каких-то глупых шуток, которые просто невозможно было понять. Он всегда говорил четко и ясно, высказываясь конкретно: будь то мнение о каком-то вопросе, о котором она спросила, его впечатление о книге, которую он брал у нее читать, или сам приносил Агнии. Или же мнение о том, что ей стоит или не стоит делать.

Именно в связи с последним, она как-то и поспорила с Вячеславом Генриховичем первый раз, причем серьезно так, до крику. С ее стороны, не с его, конечно. А потом пришла честно просить прощения, признав, что была неправа. И именно из-за этого спора, в каком-то смысле, ей и пришлось, в конце концов, посмотреть правде в глаза о том, кто такой Боруцкий.

Начался октябрь. За спиной оказался непростой первый месяц, с привыканием к занятиям в консерватории, с тяжелой годовщиной смерти родителей. Агния почти втянулась, даже перестала удивляться глупому поведению мальчишек-однокурсников, решив, что это, видимо, неизлечимое, из разряда «возрастное». Даже разговоры Зои Михайловны о том, что Агнии следует бросить работать в ресторане — почти прекратились.

Зато начались другие — через две недели, в столице, должен был проходить конкурс между учащимися консерваторий страны. Участвовать приглашались студенты второго курса и старше. Разумеется, ехали туда выступать и студенты их консерватории. Эту новость обсуждали в коридорах и аудиториях. Кто-то организовывал студентов в группы поддержки, чтобы «болеть» за своих, кто-то делился впечатлениями от прошлогодних выступлений. Все желали победы своим и пытались посетить хоть одну репетицию, чтобы послушать, чем собираются преподаватели покорять столицу. Агнию, вроде бы, это все тоже должно было коснуться лишь боком. Но вышло иначе — за день до отъезда Зоя Михайловна очень сильно попросила свою ученицу поехать вместе с ними и выступить во внеконкурсной программе. Очень уж хотелось консерватории похвалиться ее дарованием. Проблема состояла в том, что из-за достаточно юного возраста Агнии, для такой недельной поездки требовалось письменное разрешение опекуна. И Агния, возбужденная и взбудораженная такой возможностью и шансом показать себя, отправилась к Боруцкому.

Тот в это время, насколько она знала, должен был находиться в одном из своих клубов. После шести вечера ей посещать те не разрешали, по возрасту она не подходила под контингент посетителей, как, посмеиваясь, замечал Вячеслав Генрихович. А вот днем он несколько раз сам приводил ее в эти клубы, показывая обстановку и, с заметной гордостью рассказывая, что и как здесь они с Федотом изменили.

Она не сомневалась, что с разрешением не будет никаких проблем.

А Вячеслав Генрихович, непонятно отчего, оказался против. Заявил, что нечего ей еще одной по стране кататься, мала еще. Тем более в компании студентов, которые старше. Ничего толкового от этого не будет.

Агния не могла его понять. Вот не могла, и все. Она пыталась объяснить, что это ведь такой шанс, и возможность, и вся ее жизнь, если все получится так, как ей хочется, будет состоять из поездок и гастролей. Да и не с одними же студентами она едет, там еще и преподаватели будут.

Однако, в ответ на все эти доводы, Боруцкий только становился мрачнее, а его глаза, вдруг вновь стали непонятными для нее и пугающими, напомнив Агнии давнюю ассоциацию этого человека с демоном. Он не хотел разрешать ей участвовать в этой поездке, ворчал что-то про то, что в ресторане петь некому, и некоторые сначала требуют работу, а потом смываются невесть куда. Грозил попойками и чуть ли не оргиями, в которые, разумеется, выливается любая вольная поездка студентов, что он, мало примеров такой гульни в своих клубах и ресторане видел? Да, она себе даже представить не может, что вытворяют все эти студенты после нескольких рюмок алкоголя. А он на подобное любуется каждый вечер. Нет, ни о какой поездке и речи быть не может. Тем более что Лысый не сможет поехать вместе с Агнией.

Агнии, наверное, показались бы довольно смешными эти аргументы, учитывая, что при первой встрече, Боруцкий предложил ей попробовать свои силы в качестве уличной проститутки. Однако в тот момент, она не видела ничего веселого. Наоборот, ей стало так обидно. Просто до слез, что

Боруцкий не желает понять то, насколько этот конкурс важен для нее. То, как она хочет поехать, да хоть просто посмотреть на выступления других участников, погрузиться во всю эту атмосферу, в концерты и оперу, на которую не было времени за последний год. Ведь после смерти родителей Агния не посетила ни одного концерта. И, наверное, именно из-за этого, она сказала то, чего бы даже и не подумала еще час назад.

Едва сдерживая рыдания, совсем по-детски, против воли, видимо, подтверждая своим гневом мнение Вячеслава Генриховича о том, что она еще, по сути, ребенок, Агния с обидой глянула на него:

— Вы, ведь, по-настоящему, мне никто. Никакой не крестный. — Вскинув голову и сжав дрожащие от этой же обиды губы, заявила она. — И не имеете никакого права что-то мне запрещать, или указывать, как жить! Что вы понимаете в этом? Что вы знаете о концертах и опере?!

В кабинете Боруцкого повисла такая тишина, что Агния отчетливо услышала шум машин, проезжающих по соседней улице. Лицо Вячеслава Генриховича, и до этого мрачное, просто потемнело, а глаза стали холодными и, словно, колючими. Такими, какими она их еще не видела.

Ей стало страшно. Сильно-сильно, так, как в первый вечер. Только испугалась она не Вячеслава Генриховича, а того, что натворила своими обиженными и глупыми словами. Да, какая разница, поедет она или не поедет? Разве это важно?

Ничего не говоря, он в два шага пересек расстояние между ними, выдернул у Агнии из рук форму на разрешение, и так же резко, стремительно двигаясь, поставил свою подпись. Почти бросил эту бумажку обратно, и отвернулся.

— Пошла отсюда. — Сквозь зубы отрывисто велел он, глядя в окно.

Агния сглотнула и сделала шаг, только не к двери, а к нему. Ей уже и в Киев расхотелось. Резко. В один миг. И бумага эта руки жгла.

— Вячеслав Генрихович, — позвала Агния, надеясь, что он обернется. Отчаянно желая исправить все, повернуть время вспять. — Я не это имела в виду. Простите, правда…

— По-шла на-хрен. — По слогам рыкнул он, так и не обернувшись, и с силой ударил кулаком по столу, у которого стоял. — И в ресторан не приходи, раз оно тебе не надо.

Агния вздрогнула от глухого звука этого удара. И, не зная, как его убедить, как попросить прощения, не имея ни опыта, ни знаний, ни понимания — послушно ушла. Она очень хотела надеяться, что он еще даст шанс ей все исправить и попросить у него прощения. Вот успокоится немного, и даст.

И дело было не в работе.

Просто при одной мысли о том, что больше не будет их встреч, их обедов и чаепитий, не будет разговоров, только представив то, что он никогда не захочет ее больше видеть — Агния начала плакать. И пришлось сильно наклонить голову и закусить губы, чтобы не дать этим рыданиям вырваться в голос. Внутри стало так больно. Очень-очень. И безумно стыдно из-за того, что она такое сказала ему из-за мелочной и эгоистичной обиды.

Дважды за вечер она ходила к Алине Дмитриевне и пыталась позвонить, чтобы еще раз попробовать попросить прощения. Но Боруцкий не брал трубку.

На следующий день, после обеда, она сидела в купе плацкартного вагона и грустно смотрела в окно, понимая, что уже давно не ощущала себя настолько одинокой и несчастной. Агния еще три раза пыталась позвонить Вячеславу Генриховичу с утра, и так же неудачно. То ли он был занят, то ли, зная номер Алины Дмитриевны, не желал разговаривать с Агнией. И в принципе, она его могла понять в таком случае. Стыд за свои вчерашние слова никуда не делся, только усилился.

Эта поездка теперь злила и раздражала, так же, как и Зоя Михайловна, обрадовавшаяся

участию Агнии в концерте. Раздражали и все студенты, которые сейчас веселились и громко разговаривали в вагоне. Их ехало больше двадцати человек со всех курсов, студенты заняли почти все места. И ни одного из тех, кого бы Агния знала. Парни и девушки общались и смеялись, о чем-то шутя и разговаривая, а она даже не пыталась прислушаться или присоединиться к беседе, несмотря на то, что некоторые пытались вовлечь и ее в компанию.

Агния уставилась в окно, за которым шел дождь, и просто игнорировала всех вокруг. Она даже не сразу заметила, как студенты постепенно разделились на группки, стоило поезду только тронуться. Зоя Михайловна и еще один преподаватель ушли в соседний вагон, где у них были места в купе. А из сумок ее «сотоварищей» по поездке начали появляться бутылки с пивом и какими-то слабоалкогольными напитками. Разговоры становились все щекотливей, а смех громче.

Впрочем, и это ее не сильно встревожило, лишь бы саму Агнию не трогали. Однако этому желанию, похоже, не суждено было сбыться.

— Ты чего грустишь, крошка? — Веселый голос заставил ее повернуться. — На, вот, выпей, веселей станет.

На полку, рядом с Агнией, бухнулся парень, протягивая ей бутылку с надписью «джин-тоник». Напротив нее, с другой стороны стола, сел второй, такой же веселый и «подогретый», как и первый.

— Спасибо, мне не хочется. — Агния отодвинула бутылку в сторону.

Она лично не была знакома с этими парнями, но знала, что они учатся на четвертом курсе, причем, скорее, из-за «баловства». Да и на этот конкурс поехали по просьбе ректората. Ей рассказывала Зоя Михайловна, что эти парни, по основному направлению, учатся в другом университете, на экономическом. Но оба еще детьми ходили в музыкальную школу, которую курирует консерватория, после поступили в саму консерваторию, но посещали ту чуть ли не заочно. Зато участвовали во всех общественных мероприятиях и очень хорошо играли — один на гитаре, другой на саксофоне. Причем, парни составили замечательный дуэт, она слышала их выступление первого сентября, на церемонии «посвящения в студенты». Ей понравилось, хоть Агния и была приверженцем классической музыки.

Хотя, вон, после работы в ресторане, ей уже и некоторые песни из шансона стали нравиться. Наверняка, родители пришли бы в ужас.

Агния вздохнула, вновь уставившись в окно. Про подсевших парней она уже почти забыла, опять погрузившись в стыд и сожаления о том, что так обидела Вячеслава Генриховича. И ради чего? Ведь, если осмотреться — он был прав, все студенты потихоньку напивались. Кто-то начал петь, уже не стесняясь ни проводников, ни других пассажиров. Красиво петь, бесспорно, но явно, подогревая голос алкоголем. Кто-то достал гитару и сейчас в соседнем купе, отделенном только перегородкой, уже принялись напевать не особо приличную песню.

Парни, Сашка и Толян, как они представились, больше не трогали ее, но так и остались в этом купе. За следующие полчаса они умудрились выпить еще по бутылке пива каждый, и распить на двоих тот самый «джин-тоник», который предлагали ей. И теперь шумно обменивались воспоминаниями и впечатлениями от какого-то концерта, в котором принимали участие. И тут Сашка активно взмахнул руками с возгласом «а, помнишь?», и случайно задел Агнию.

— О! — Обрадовался он так, словно только сейчас увидел девушку, или только о ней вспомнил. — Давай, все же, выпьешь, а? Чего из компании выделяться? — Подмигнув Агнии, он кивнул другу.

Толя с улыбкой заглянул за стенку и попросил чего-нибудь «веселящего» у компании в соседнем купе.

— Я не хочу, серьезно. Я не пью. — Замотала головой Агния, когда перед ней на столе

появилась бутылка очередного алкогольного напитка. Те пятьдесят грамм водки, которые влил в нее Боруцкий в вечер смерти бабушки, так и остались единственной пробой Агнии.

В вагоне стало уже жарко и душно, и явственно пахло алкоголем. Из тамбура, куда, то и дело бегали курить, тянуло дымом, и у нее скребло горло. Хотелось выйти и подышать свежим воздухом. Но она не могла, потому что Саша как бы «запер» ее собой между столом и окном. И ничего не указывало на то, что он собирается в скором времени отодвинуться.

— Да, ладно. Прекращай хандрить. — Парни рассмеялись и Саша, непонятно с чего, вдруг обнял ее за плечи, второй рукой поднес уже открытую бутылку к самому ее лицу. — Глотни, и веселее станет. Поверь старшим.

Агния отвернулась.

Парни почему-то рассмеялись еще громче.

— Ты с какого курса, кроха? — Продолжая смеяться, спросил Толя.

— С первого. — Продолжая смотреть в окно, нехотя ответила Агния, замечая, что снаружи, вместо посадки, начали мелькать дома. Видимо, они въезжали в соседний город.

— У-у-у. Тогда, нечего со старшими спорить! — Заявили ребята. — Или ты нас обидеть хочешь, а? — Горлышко бутылки ткнулось ей в самые губы.

Агния дернулась, оттолкнув то, да так, что бутылка упала из рук Саши. Впрочем, ребята, похоже, не расстроились. Только засмеялись еще громче. Кажется, их смешило ее раздражение и неловкость от всего происходящего.

— Оставьте меня в покое, пожалуйста. — Попросила она, не зная, как избавиться от глупой ситуации. И не могла не вспомнить, что Боруцкий ее предупреждал.

— Слушай, а, давай, я тебя просто поцелую. — Вдруг радостно предложил Саша. — Я выпил столько, что на двоих хватит.

И, верный своему решению, парень сильнее сжал ее плечи и потянул Агнию к себе. Толян с весельем наблюдал за происходящим. А Агния с ужасом пыталась оттолкнуть парня, который был гораздо крупнее ее. Нет, она не думала, что они зайдут куда-то далеко, в конце концов, они сидели в открытом купе, а вокруг толпились люди. Но Агния совершенно не хотела целоваться с этим пьяным идиотом. Она еще, вообще, ни разу не целовалась. И не желала, чтобы первый ее поцелуй был таким!

— Пусти! Да, ну, пусти же! — Агния с силой толкнула Сашу в грудь.

Но на того это не произвело никакого впечатления, да и поезд в этот момент дернулся, и парень почти упал на нее, прижавшись влажными губами к ее рту. От Саши несло пивом и еще чем-то. Таким гадким и противным. И сам он показался ей таким отвратительным, что Агнию замутило. Ей были противны его касания и какие-то слюнявые попытки елозить своими губами по ее губам. И это отвращение заставило ее толкнуть его, вложив в это все свои силы.

— Отпусти! — Заорала она так, что обернулись все, кто стоял рядом.

И принялась рукавом вытирать губы, чуть ли не отплевываясь.

— Господи! Ну, зачем ты ко мне лезешь? — Обиженно и зло крикнула Агния, чувствуя, что вот-вот разревется.

У нее и так настроение было ужасное, а тут еще и эти придурки.

— Ну, ты чего, кроха? Да, я ж пошутил. — С выражением настоящей растерянности на лице, полез Сашка назад, пытаясь ее опять обнять. — Я ж ничего такого. Серьезно, ты не обижайся.

Она снова его оттолкнула, стараясь встать. Сашка взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, но не справился и упал прямо на Толяна, который смеялся над другом и всей ситуацией. Но падая, толкнул Агнию. А тут еще и поезд дернулся, тормозя. Агния и сама не смогла

удержаться, упала на пол, больно ударившись щекой о закруглённый угол столика, и коленом об пол.

— Э, ты как, кроха? — Парни потянулись, может, чтобы помочь. Но Агнии стало все равно до их припозднившейся участливости и вежливости.

Все это ее окончательно разозлило. Она резко вскочила, растирая ладонью занывшую щеку и, схватив из-под стола свою сумку, почти побежала к выходу, расталкивая тех, кто попадался на пути, и сама забыв о вежливости. И опомнилась только вдохнув свежего воздуха, почувствовав капли холодного дождя на лице.

Вокруг сновали люди, все куда-то торопились, кто-то садился в вагоны, кто-то выходил. А Агния стояла посреди всей этой суматохи, пытаясь пригладить волосы, которые растрепались, потому что резинку она потеряла во время возни с Сашкой, и отчаянно терла губы, все еще ощущая его противный поцелуй.

До чего же ей было гадко, противно и обидно! Словами не передать. Злые слезы жгли глаза и давили грудь. Но больше всего ее мучило то, что она оказалась так неправа, а еще и спорила, обидела Боруцкого, который, по сути, говорил ей правду, и пытался уберечь Агнию от чего-то подобного. Она должна была извиниться. Обязательно.

Слева от нее начал движение поезд, с которого Агния только что спрыгнула. Но ее не обеспокоило ни то, что она одна посреди чужого вокзала, ни то, что Зоя Михайловна не знает, куда Агния делась.

Придавив глаза, чтобы не дать себе расплакаться, больше от обиды и злости на тех двух идиотов, она достала из кармана карточку для телефона-автомата и пошла искать тот на вокзале.

Телефон обнаружился быстро. Агния дождалась, пока он освободиться и набрала номер, надеясь, что хоть Вова дома и ей ответит.

Ей повезло, Вова и правда оказался дома и даже ответил.

— Вов! — Крикнула она в трубку еще до того, как парень успел сказать «Алло».

— О-па, Агния, это ты? — Лысый удивился. — А ты того, разве не уехала? Ты ж, вроде, собиралась

— Вов, подожди, я сейчас в соседнем городе, я вернусь через час. Скажи мне, пожалуйста, а ты не знаешь, где Вячеслав Генрихович? Я не могу ему дозвониться…

— А че? Случилось чего? — Тут же заволновался ее «охранник».

— Нет. Мне просто поговорить с ним надо.

— А… ну, я не знаю, но если хочешь — Федоту позвоню, спрошу.

— Хорошо, Вов, спроси, пожалуйста. — Попросила Агния, не уверенная, что это лучший выход, но, не видя иного варианта. — А я приеду на наш вокзал и позвоню.

— Лады. Счас прозвоню. И того, если хошь, я тебя встречу на вокзале. Это ж, типа, моя работа. Ты когда приедешь?

— Я не знаю, Вов, сейчас узнаю об электричках, и позвоню еще раз. — Агния поняла, что ей хочется увидеть парня. Хоть кого-то знакомого и дружелюбно к ней настроенного.

К счастью, ей повезло, и она успела купить билеты на электричку, которая отправлялась через десять минут. Агния буквально бежала от касс к телефону, чтобы сообщить Вове время прибытия.

— Лады, буду через полтора часа, как штык. — Согласился Лысый. — И того, Вячеслав Генрихович, он уже, вроде, второй день, как в клубе сидит.

— В клубе? — Агния расстроилась еще сильнее. Туда ее охрана не пустит уже, электричка в родной город только к семи вечера приедет, и пока она доберется до клуба…

— Да, в клубе. Но ты того, не боись. Мне Федот сказал, чтоб я тебя приводил, раз уж чего-то

тебе приспичило. Он тебя через задний вход проведет. Только, того, ты учти, Федот, он не особо сегодня в духе. — Предупредил Вова.

Агнию такие новости не успокоили. Но и продолжать все это было почти невыносимо. Ей очень, очень-очень хотелось помириться с Боруцким, и хоть чаю попить с ним, что ли, чтобы смыть с губ противное ощущение того гадкого поцелуя.

Глава 11

Девять лет назад

Федот вышел из кабинета Борова, вроде как за закусью, еще до того, как ответил на звонок одного из охранников. Оглянулся на друга, стоящего у окна и покачал головой, тихо бормоча под нос:

— «Ты чавой-то не в себе!
Вон и прыщик на губе!
Ой, растратишь ты здоровье
В политической борьбе!..»

С удовлетворением глянул, как Боров глотнул очередную стопку водки, и закрыл дверь.

— Да? — Ответил он на вызов. — Пришла? Я сейчас выйду, пустите внутрь. — Спрятав телефон, он пошел по коридору.

В его планы не входило, чтобы друг заранее узнал о появлении девчонки. Еще не сейчас. У них и так из-за психов Борова все отгребли по полной. Так, что «мама не горюй». Досталось каждому поголовно, даже ему самому. Бог его знает, что эта малявка натворила, но Федот друга таким еще не видел. Он срывался не то, что за слова, а за шаг, сделанные не в ту сторону, которую казалась бы верной Вячеславу. За лишний вздох чуть ли не за пушку хватался.

Любого взгляда было достаточно, чтобы у Борова сносило крышу. Персонал клуба, не особо привыкший к таким закидонам босса, который в последнее время старался косить под легального дельца, жался по углам и старался, вообще не попадаться на глаза Борову, когда тот выходил из кабинета. Что же эта малявка сделала, интересно?

Хотя, какая разница. У Федота уже сам факт ее наличия «в печенках сидел». И его выбешивало то, что Боров никак не мог разобраться с тем, что хотел девку. Подумаешь, велика цаца. Раз деньги зарабатывать может, значит и для всего остального взрослая. А уж после всего, что Боров для нее сделал, девка сама должна перед тем на спину падать, и раздвигать ноги хоть по три раза на день. И чем раньше Боров это поймет, тем проще станет всем вокруг.

Потому Федот ему и поможет. Что он, Борова плохо знает, что ли? Да, больше двадцати годков, поди. И точно знает, что когда тот в таком настроении, то на многое способен. А если это все еще и водкой подшлифовать… Главное направить все эту злость, бешенство и энергию в нужном направлении. Вот Федот и спаивал друга все последние два часа, с тех пор, как услышал, что девка поговорить с тем рвется.

Хочется — получите, во всех смыслах. Пора было уже Борову оттрахать свою зазнобу и расслабиться, а то так и окочуриться от перенапряга недолго. Причем, еще неясно, кто первый не выдержит, Боров, или он сам, уже по горло сытый всей этой белибердой и заскоками друга. Потому Федот сейчас девочку встретит и в кабинет проведет. Боров уже выпил достаточно водки, да и злоба в нем бурлит — выдержка должна улететь ко всем чертям. Вот пусть друг и оторвется. Надо уже лечить эту болячку его собственным методом.

— «Спробуй заячий помет!
Он — ядреный! Он проймет!
И куды целебней меду,
Хоть по вкусу и не мед»

Тихонько, больше для себя, пробормотал он сквозь зубы, и остановился, глядя на девчонку, приближающуюся к нему по проходу в сопровождении одного из охранников. Странно она как-то выглядела, не похоже на себя обычную. Волосы растрепанный, торчат во все стороны, вместо привычной косы, да еще и мокрые, видно дождь так и льет снаружи. Сама в пол пялится, словно споткнуться боится. На плече сумка, не маленькая такая, дорожная.

В коридоре света была немного, потому Федот не мог рассмотреть ее уж очень подробно, но впечатление от внешности девчонки у него осталось какое-то странное, словно взъерошенный воробей залетел к ним в клуб. Эх, Боров, Боров…

Угораздило же друга запасть на малолетку, да еще и так конкретно.

— С чем пожаловала, Бусина? — Хмыкнул он, когда девка остановилась и опасливо глянула на него из-под бровей.

Ему нравилось ее доставать. Бог знает отчего, но Федот искренне забавлялся, видя, что его присутствие ее бесит, и пугает, кстати. Боров вот, тот бесился из-за того, что девчонка его не боится. А Федот ничего и не делал, а она от него в сторону шарахается. Будто он при ней младенцев резал и кишками их закусывал. Хотя, он — что? Он только распоряжения выполняет, идейный вдохновитель у них Боров. Вот кто их, баб этих, разберет, чего у них там, в мозгах делается?

— Меня зовут Агния. — Девка вскинула голову и зло зыркнула в его сторону.

Ха, хоть и взъерошенная, и какая-то грустная, а все равно огрызается.

Он ее этим каждый раз доставал. Никому девка не спускала этого прозвища, никому не разрешала так себя звать, а Борову и слова не говорила.

— Да, хоть Яга, мне без разницы. Ты что, не в курсе, что тебе сюда вечером нельзя? Хочешь, чтоб у нас из-за тебя проблемы с ментами были? — Он хмыкнул и, демонстративно достав сигарету, чиркнул спичкой.

Ясень пень, Федот преувеличивал. С ментами у них все было на мази. Да и кто ж будет тут ее искать, одну малолетку, еще и в коридоре подсобных помещений? Но поизводить дите-то можно, коли то само напрашивается.

— Мне с Вячеславом Генриховичем поговорить надо. — Твердо заявила девчонка.

— Так уж и надо. — Федот хмыкнул и выдохнул в ее сторону дым. — А ему, может, не надо. Может, занят человек, а ты приперлась, нежданно, не звано, а?

— Я подожду, если он занят. — Заявила девчонка и стала у стены, словно, и правда, собиралась ждать столько, сколько он ни скажет.

Не, ну странные они оба, как ни погляди, и Боров, и Бусина эта его.

— Так, ты мне краску тут, со стен не обтирай. Кто потом ремонт делать будет? — Опять затянулся Федот. — Пошли уж, отведу я тебя к Борову, раз свалилась на мою голову.

Отвернувшись, он пошел назад, не оборачиваясь, чтобы проверить, идет она следом или нет. Не сомневался, что идет.

Федот остановился метра за три до двери в кабинет. Обернулся.

— Дальше дорогу знаешь. — Он сжал сигарету зубами. — Не заблудишься.

И, посторонившись, посмотрел, как девчонка одна пошла к кабинету Борова. Даже не задумалась ни на минуту. Вон, постучалась и тут же вошла.

Дверь закрылась. Федот выдохнул дым.

— «Он на вкус хотя и крут,
И с него, бывает, мрут,
Но какие выживают
Те до старости живут!..»

Федот отвернулся и пошел к залу, подумав, что надо будет предупредить парней не рыпаться, если вдруг, кто кричать начнет.

В кабинете Боруцкого было накурено. Накурено так, что «дым стоял коромыслом». Агния едва не поперхнулась, сделав первый вдох. Но все-таки, подавив зародившийся еще в коридоре кашель в груди, зашла внутрь и закрыла за собой двери. Вячеслав Генрихович стоял у окна, спиной к ней.

Вроде и лампа была включена, но из-за того же дыма, свет казался каким-то тусклым и сизым. Остальные двери, одна из которых, насколько Агния знала, вела к кладовке, а другая к переходу и к бильярдному залу, с выходом в сауну, были плотно закрыты. На столе стояло две бутылки. Водка, кажется. Одна уже пустая, а вторую, похоже, только распечатали.

Агнии стало немного не по себе, но, игнорируя это, она решила не трусить. Ей во что бы то ни стало, надо было извиниться перед Боруцким. Даже если он пьяный.

А он-таки оказался пьяным, поняла она, когда Вячеслав Генрихович обернулся, видно на звук ее стука. И очень пьяным, кажется.

— Федот, бл…! Тебя за смертью только посылать! — Вячеслав одним глотком махнул рюмку, когда услышал, как открылась дверь. Можно подумать, что друг за оливками в магазин гонял, а не на кухню. Или, чего он там притащил. — Я че, один тут, как хмырь какой, напиваться должен? Сам водку притащил, сам пить начал, а теперь, че, в кусты… — Боруцкий обернулся к двери.

И как тупой уставился на застывшую у порога Бусину. Тяжело глотнул, проталкивая водку, которая ни с того, ни с сего, вдруг камнем стала и закупорила глотку. Та обожгла, плеснулась в желудке холодным огнем. И окатила назад горечью и злобой.

Боров даже на секунду решил, что все, упился до «белки», и ему на месте Федота эта девчонка мерещится. Хотя, вроде и пил еще не так долго, чтоб умом двинуться. Это с обиды и злости, видно.

Мать его так! Как же он был зол! На себя, конечно, больше. Зол потому, что эта девчонка так сумела его задеть, что он настолько обиделся. Идиот, блин. Ведь и не сопляк, вроде, и никогда таким не страдал, а задела она его настолько, что он убить кого-то готов. Да и убил бы, наверное, если бы Федот рядом не маячил, не осаждал вовремя. Прав друг, на кой хрен им сейчас морока с трупами?

«Что вы понимаете в этом?»

И правда, что он понимал? А ни хрена, вот. Ничего он не смысл в ее долбанной опере. И ничего, повыше других поднялся и без всяких консерваторий. И это она у него пороги оббивала, а не он у нее что-то просить приходил.

Не такой он, значит, чтоб суметь оценить. Недостаточно хороший! А кто хороший? Эти студентишки ее? Что тоже на концерт отправились? Они лучше?

Он с ней, как с золотой носится, пылинки сдувает, а она… «Не понимаете! Никто вы мне!»

Бл…!

А он, ведь, всего лишь уберечь ее хотел. Ну, правда, что он, хуже кого-то знает, что у молодых пацанов в голове? Сам, что ли, таким не был? Тем более, когда не стоит над душой никто, и хмель, и чувство вседозволенности?

А кто там за ними следить будет? Зоя Михайловна та, что ли? Ага, типа ей заниматься больше нечем, как за пацанами присматривать. А Бусина…

И ведь, все равно, хочет ее. Хочет так, что сейчас, вон, сердце ухнуло и кровь, подогретая алкоголем, забурлила. И не просто хочется. Совсем не просто. Трахнул бы давно, и забыл. А нет, долбанутый он, все-таки, прав Федот. Только и понимая, и злясь, и обидевшись — прижать ее к

себе хочется. Даже если только видится.

Дура она. Послать б ее подальше.

А мерещится теперь вот, даже когда злой. Совсем, видно, плохой стал.

Надо бы еще выпить.

— Здравствуйте, Вячеслав Генрихович. — Бусина глянула на него своими огромными глазищами и, уронив на пол сумку, которая до этого висела у нее на плече, шагнула к нему.

У него горячая волна по позвонкам прошла, окатила жаром от этого голоса, и сжалась в паху узлом.

Не, не упился, выходит.

Федот его так бы не обзывал, даже по приколу. Да и не реагировал он на друга так, слава Богу.

Ну, точно, дура. Зачем пришла, чтоб еще больше его позлить? Так Боров сейчас, и так, как черт злой. И кто ее пустил сюда? Сейчас, вечером? Где Федот делся, чтоб его?

— О-па. Какими судьбами? — Вячеслав с такой силой поставил рюмку на стол, что стекло треснуло. — Ты разве сейчас не в Киев катиться должна, а, Бусина? — Он сжал пальцы.

Агния вздрогнула от тихого звона. Боров с удивлением глянул на осколки и отряхнул пальцы.

— За каким лядом приперлась? Еще чего-то подписать? — Он прищурился и потянулся за пачкой сигарет, только недавно брошенной на стол.

Девчонка остановилась, скинула куртку и глянула на него так, что у Борова во рту пересохло разом. С такой тоской и грустью…

Да, нет. Чего это он? Это от водки сушит. Надо бы еще глотнуть, наверное.

Боруцкий щелкнул зажигалкой, прикуривая.

— Вячеслав Генрихович, я извиниться хочу. — Бусина подошла ближе.

Он аж дернулся. Хоть и сам не понял, то ли отступил, то ли, наоборот, к ней двинулся.

Бля! Она че, и правда, полная дура? Совсем умом двинулась? Не видит, что он ее прибьет сейчас? На кой хрен к нему подходит? Совсем инстинкта самосохранения лишена? У него ж руки чешутся. И сам не поймет, что больше хочет: то ли всыпать ей, как следует, чтоб думала, прежде чем языком ляпать, то ли схватить ее, и на вот этом столе… Или просто на полу, поставить раком и наглядно показать, что он понимает, а чего не понимает в этой жизни. Хоть с оперой, хоть без.

И то, что ребенок еще, уже казалось совсем не таким важным…

Боруцкий глубоко вдохнул, затянувшись так, что аж в глазах поплыло, и сжал зубы.

— Мне очень стыдно за то, что я вам сказала. Правда. Извините, пожалуйста…

Девчонка засунула руки в карманы вязаной кофты.

Странная она, какая-то. Вот, в пол пялится, волосы по плечам рассыпались, и мокрые они, че ли? Только нос из этих волос и торчит. Ну и глаза, только она их теперь и не поднимает. Ну, какого хрена он так залип на ней? Ну что в этой девчонке такого?

— А на кой ляд мне твои извинения? Че за детский сад? «Извините, я больше не буду». — Скривившись, перекривил он ее слова и отвернулся. — И вообще, ты у меня тут что забыла? Иди в свою консерваторию, скатертью дорога. А у меня перед глазами не маячь.

Он выдохнул дым, сделав вид, что не замечает ее.

— Вячеслав Генрихович…

И не глядя на нее, он чуть ли не позвоночником почувствовал, что девчонка подошла еще ближе. У него волосы на затылке вздыбились.

Ненормальная. Совсем планочная. Он же за себя не ручается. Серьезно. Бог его знает, что с ним случится, если Боров сейчас ее запах вдохнет. У него и от ее голоса, пусть и приглушенного, виноватого, крыша совсем едет. Пах горит. И контроль укатил куда-то, помахав ручкой. Черти, на

чем Боров еще держится, что еще не повалил Бусину никуда.

— Вы правы, наверное. Да. Я веду себя как ребенок. Мне так стыдно, Вячеслав Генрихович. Я не хотела вас обидеть.

Ему не надо было оборачиваться, чтобы знать — она застыла в шаге от него. И стоит. А его реально колотить начинает. И шею заломило, так пришлось напрячься, чтобы, отложив сигарету в пепельницу, сжать руки и кулаки засунуть в карманы, а не развернуться и схватить ее за плечи. Встряхнуть. Впиться в рот поцелуем, жадным и жестким, злым и обиженным. Чтоб наказать. Чтоб самому вдоволь напиться всего того, что в ней его с ума сводило. Хотелось прижаться губами к ее шее, которая тогда так беззащитно дёрнется, запрокинется. Сжать кожу, чтоб засос поставить. Чтоб знала, что она ЕГО. Ему принадлежит. Чтоб все об этом знали. И дальше спуститься и…

Он промолчал, не ответил ей. Только запрокинул голову и глянул в потолок, сжимая пальцы до хруста в суставах.

— Я ночь не спала, а вы трубку не берете, когда я звоню. — Она тяжело вздохнула, шмыгнула носом. — Вячеслав Генрихович. Я такая глупая. Простите меня, пожалуйста. Я, правда, честное слово не хотела вас обидеть. Понимаете? Просто, мне так в Киев хотелось…

— ТАК И ВАЛИ! — Он заорал, резко развернувшись, и чуть ли нос к носу с Бусиной не столкнулся.

У нее глаза распахнулись. Только по боку стало все. И страх ее возможный, и что угодно. Он, между прочим, тоже не спал, не мог. Все ее слова из головы гнал, и бесился.

— Вали отсюда! Кто держит?! На кой хрен вернулась?

Вячеслав не выдержал все-таки, не сумел, не удержал свои руки. Схватил ее за плечи и повернул так, чтоб она в глаза ему глянула. Встряхнул.

— Зачем ты сюда пришла? Мне твои извинения и даром не нужны. Или, подожди… — Он вдруг даже рассмеялся. Зло и рассерженно от мысли, которая пришла в голову.

Оттолкнул девчонку от себя и взял бутылку водки.

Блин. Рюмка треснула. Схватив ту, из которой раньше пил Федот, он плеснул себе и глотнул алкоголь, не обращая внимания на то, как она на него смотрит. Если забоялась, наконец, ему по фигу. Сколько Вячеслав ее предупреждал? Сама допрыгалась.

— Я знаю, чего ты приперлась. — Он вытер губы ладонью. — Дай, угадаю — работу терять не хочешь, да? Какой еще придурок девчонке столько платить будет, как настоящей певице. За место в ресторане испугалась? — Боров сплюнул и снова сжал сигарету в пальцах. — Потому явилась, да?

— ДА, НЕ НУЖЕН МНЕ ВАШ РЕСТОРАН! — Нежданно для него, вдруг крикнула девчонка почти с такой же злостью, как и сам Боров только что. Ее саму аж затрясло. Он даже опешил. — Не нужен, понимаете?! — Она сжала кулачки.

Кинуться, что ли на него собралась? Смешно будет если так.

— Ни ваш ресторан, ни подарки, ничего! — Бусина резко вскинула руки в волосы, и, удивив Вячеслава еще больше, сдернула из ушей сережки. Те, что он ей подарил на день рожденья. Бантики. — Не надо мне это все!

Бусина с размаху кинула те на стол, и сережки звякнули, подпрыгнули, упали среди осколков рюмки и тарелок из-под оливок, сыра и прочей белиберды, с которой Федот приперся в его кабинет пару часов назад, уговаривая расслабиться и успокоиться.

Видно, он совсем пьяный, ни черта не понимает, что она делает и зачем. Боруцкий несколько заторможено проследил за полетом золотых украшений.

Ну, нормально, а? Он же ей их дарил от чистого сердца, а она…!

— Вячеслав Генрихович! — Бусина обхватила себя руками. — Вячеслав Генрихович, я не

хотела вас обидеть, понимаете! Вы, ведь — все. У меня же больше никого нет. Никого. Только вы.

— А-а-а… — Он отвернулся, схватил сигарету и продолжил курить, не обращая внимания на плещущуюся внутри обиду и злобу. Давя… Пытаясь давить бешенное вожделенное желание, подмять ее под себя. — Трухнула? Побоялась, что больше с тобой никто нянчиться не будет. Одна остаться боишься, без «крыши», да?

— Да, нет же! — Агния крикнула это с отчаянным раздражением, кажется, даже ногой притопнула. — Нет! Вячеслав Генрихович! Да, я не хочу одна. То есть… Я и так одна! Вячеслав Генрихович…

Вячеслав ощутил, как ее ладонь легла на его руку. Он аж рыкнул, чувствуя каждый пальчик, каждую косточку и через рубашку.

Ему такую руку переломать — раз плюнуть. Достаточно просто сжать покрепче. И вывернуть руку ей за спину. Прижать ее к своему телу. И кто его остановит? Что она ему противопоставит? Он с ней, что хочет, сделать может. Неужели она не видит, не понимает, в каком он состоянии?

Вячеслав вдавил окурок в подоконник и прижал ладонью, растирая, стараясь сосредоточиться на чем-то другом.

Дура! Ой, дура. Что же она творит?!

Но уже следующее движение девчонки свело насмарку все его старания.

— Мне не «крыша», или что вы в виду имеете, нужна. — Агния прижалась к его спине щекой. У Вячеслава горло перехватило, когда он почувствовал ее теплое дыхание, проникающее через ткань на его кожу. — Ну, почему вы меня послушать не хотите? Я очень виновата, знаю, только, я же пытаюсь вам объяснить, извиниться…

Он отступил. Просто стряхнул ее руку со своего плеча и отступил. Подумал секунду и, подтянув кресло, рухнул в то, не позволяя ей больше подло подступить к нему со спины.

— Убирайся! — Рявкнул Вячеслав. Сжал переносицу пальцами, закрыв глаза, чтобы ее не видеть. — Уходи. — Чуть ли не попросил он, из последних сил стараясь, и понимая, что не справляется, проигрывает своей жажде, изворачивающей, мучающей его тело уже больше года.

Она его послушала? Ага, как же.

Этой девчонке, определенно, не хватало винтика в голове там, где что-то отвечало за собственную безопасность.

— Вячеслав Генрихович, понимаете, я не хочу, чтоб вы обижались. Мне — вы нужны. Тот чай, что мы с вами пьем, книги, которые обсуждаем. Не ресторан, ни подарки. Не «крыша». Просто — вы. Даже когда только сидите, и смеетесь над тем, что я рассказываю. Я когда представила ночью, что больше вас не увижу… Я не хочу так. Не хочу.

Он застыл. Закаменел просто. Потому что сам бесился со вчера не только потому, что обиделся на нее, не только из-за того, что, она сказала такое. Но и оттого, что не представлял, как будет без этого времени, проводимого с нею? Кто б знал, как ему были нужны эти часы, украденные, ненормальные, что он сидел на ее кухне. Или в ресторане, глядя на смену выражений на ее лице, любуясь ею. Слушая свою Бусинку, впитывая всем телом ее смех, ее голос, ее радость от того, что он пришел…

Не могла она этого знать! Не могла понимать! Что ребенок мог смыслить в этом. Ни хрена. Так, на кой ляд говорит ему такое?!

И сам не поняв, то ли разозлился еще больше, то ли, наоборот, поутих, Боров открыл глаза и глянул на нее. И тут же завелся еще больше.

Она издевается? Что Агния творит? Что? Он же не железный, ей-Богу!

Агния сидела прямо перед ним. Или стояла, это как глянуть. На коленях. Со всеми этими

волосами, рассыпанными по ее щека, плечам, спине. С огромные глазами, полными отчаяния, вины и обиды. С губами, припухшими и покрасневшими от жары, криков, и Бог еще знает чего.

Слишком близко к нему. Ее запах, ее тело, ее рот…

Ему кровь просто бухнула в голову, и раскаленным шаром ухнула в живот. И ниже…

Боров наяву увидел то, что сейчас сделает. То, что не сможет остановить. Кто ему запретит протянуть руку и схватить ее, дернуть на себя, еще ближе? Кто помешает расстегнуть джинсы и втолкнуть напряженный член в этот рот, как почти до боли хотелось? Заставить ее взять тот так глубоко, чтоб аж воздуха не хватило. Чтоб ощутить всю влажность и мягкость этих губ, опробовать, как они будут скользить по нему, облизывать и сосать, пока Боров будет держать ее щеки, намотав на пальцы волосы, и направлять, подталкивать. Не позволит отстраниться…

А потом сам поднимет ее с колен, сдернет этот свитер, джинсы, уложит на стол, или на тот диван в углу, и наконец-то сделает то, о чем бредит столько месяцев. Наконец-то обхватит ее грудь ладонью, сожмет ртом острые соски, на которые когда-то любовался, пусть и через ткань той долбанной пижамы.

Что его остановит? А ничего. Никто ему не помешает. И она ничего не сделает. Только стонать будет под ним. Он заставит. Он хотел слышать этот ее безумный, глубокий, хрипловатый голос в стонах.

Дыхание стало тяжелым и таким же жарким, как все его тело. Оно высушивало, сжигало его, суша губы, заставляя жадно сглатывать слюну, которой вдруг совсем не стало в пересохшем рту.

И тогда он тоже будет ей нужен? И тогда она прощенья будет просить? И вот так посмотрит?

Вячеслав уже почти наклонился, протянул руку, чувствуя, как покалывают пальцы от желания, от вожделения. Почти сжал ее плечо.

А Агния смотрела на него своими глазищами, чистыми и невинными. И ничего не понимала. Ни-че-го. Просто смотрела, и душу у него выкручивала той доверчивой уверенностью, верой в него.

— Бл…! — Боруцкий подскочил с кресла, одновременно отскакивая назад, от нее. Как дебил. Кресло с грохотом ударилось об стену и больно врезалось ему под колено.

Бусина смотрела на него с непониманием и недоумением. И с болью.

— ПОШЛА ВОН! — Заорал он, как ненормальный.

И, схватив со стола бутылку водки, уже не заморачиваясь рюмкой, глотнул просто с горла, пытаясь стереть это все, отвлечься. Только, что-то, не очень сработало.

Она послушалась, как ни странно. Поднялась с пола, неловко как-то, припав на одно колено. Он нахмурился, но не смог удержаться мозгом на этой детали. Поставил бутылку и уперся кулаками в стол, наклонив голову.

Бусина отвернулась от него, обхватив себя руками, и медленно поплелась к дивану, на который бросила куртку, когда зашла.

— Извините. — Едва слышно прошептала она, уже не оборачиваясь. — Я, правда, не хотела. Ничего такого…Вы… Вы не просто «кто-то». Вы — все у меня. — Ее плечи вздрогнули, словно бы девчонка очень сильно пыталась подавить слезы. — Я, просто…

Она не закончила. Грустно вздохнула с почти видимой болью.

Вячеслав едва не завыл, почти ненавидя… и себя, и ее.

И понял, что все. Не работают больше для него никакие доводы и отговорки. Кончились все тормоза и ограничения.

— Стой. — Тихо и хрипло, в контраст со своим недавним криком, велел он.

Бусина послушно замерла и глянула на него из-под всей этой массы своих волос.

— Иди сюда, — не сдвинувшись с места, Вячеслав протянул руку в ее сторону, без слов требуя

ее ладонь.

Второй рукой сдвинул все со стола перед собой, сгребая в одну кучу и тарелки, и сережки ее, и осколки рюмки, и бумаги какие-то.

Она подошла. Просто. Без вопросов, споров и опасений. Будто это и не он только что орал на нее так, что уши закладывало. Будто даже не догадывалась, на кой ляд он сейчас все в сторону сдвинул. Подошла и вложила свою ручку в его огромную, грубую и нескладную ладонь.

Бог его знает, что именно из этого на него повлияло: ее безоговорочное доверие, вид ее ладошки, такой хрупкой и беззащитной в его огромной лапе (ведь даже не со всей силы сожмет, а сломает, раздавит, и пальчики эти, и всю ее). Или еще что. Но на какую-то долю минуты у него прояснилось в голове. Не до конца, и не полностью выветрив хмель, но все же. Всего на секунду.

Боруцкий потянул ее за эту ладошку, заставив Бусинку подойти ближе, обнял за пояс, очень стараясь не сжимать сильно пальцы. И, резко приподняв, посадил ее на стол напротив себя.

Бусинка всего лишь немного удивилась. И все. Посмотрела на него спокойно, похоже, просто не понимая, чего он хочет.

— Спой. — Заставив себя отступить на полшага, Вячеслав отвернулся. — Спой мне.

— Спеть? — Кажется, она растерялась. — Что?

Ему было без разницы. Хоть гимн, лишь бы она начала петь, лишь бы хоть что-то сделала, нарушив тишину.

Правда, Вячеслав не имел понятия, поможет ли это ему оклематься или, наоборот, погубит их обоих окончательно. В эту минуту он мог сказать только то, что еще чуть-чуть подождет. Может, даст допеть ей песню, а может — и нет, повалит на стол и…

Он схватил пачку с сигаретами и вытащил одну. Сжал зубами, пока не зажигая. Зажигалка лежала слишком близко к ней. У самого бедра, если он протянет руку… Пальцы сожмут тело, а не пластик.

— Спой! — Снова приказал он, сжав пальцы на спинке кресла, и подтащил то к столу, чтоб сесть напротив нее. — Хоть то, про висок, и стаю какую-то. Я не помню. Без разницы!

Выдержки хватало лишь на рубленные, отрывистые фразы. Смотреть на нее он себе не позволял, зная, что не сдержится.

Агния помолчала только секунду. И это, наверное, было хорошо. А потом кашлянула, будто у нее першило в горле.

Его как камнем шибануло, и Вячеслав впервые за вечер со стороны глянул на свой кабинет. Здесь же продохнуть от дыма нельзя было. И курить не надо, вон, сколько никотина в воздухе. Он развернулся и дернул створку форточки, чтобы хоть немного проветрилось. По лицу потянуло холодным и влажным свежим воздухом. Только в голове яснее не стало. И жара желания не пригасило, ни на каплю.

И тут Агния запела. Именно то, что он попросил. Только Вячеслав тут же проклял в душе такую идею.

— «А напоследок, я скажу:

прощай, любить не обязуйся…»

Он развернулся, снова упрятав кулаки в карманы. Так и продолжая сжимать незажженную сигарету в зубах. Сделал шаг в ее сторону, ощущая, как ломит шею от напряжения.

Она сидела там, куда он ее усадил, закрыв глаза. И пела. Без музыки, без всей этой хрени, что создавало ей ауру таинственности и манило, когда Бусинка пела на сцене. А он все равно хотел ее до ломоты в костях сжатых кулаков.

Блин! И какого хрена он сдерживается, спрашивается?!

Боруцкий дошел до кресла и рухнул в то. Втянул воздух сквозь стиснутые зубы. И, подобно ей, закрыл глаза, стараясь просто слушать.

Он опустил одну руку на стол, когда она замолчала, кажется, закончив эту песню. Совсем рядом с ее бедром. Так, что грубый наружный шов джинсов даже немного давил на кожу. Так, что ощущал тепло ее тела.

Но ничего не сказал. И глаза не открыл.

Агния молчала недолго. И не спрашивала ничего. Просто начала петь другую песню. Хорошо, он позволит ей допеть и эту.

Когда закончилась и эта песня, Боруцкий опустил вторую руку с другой стороны. Будто запирая Бусинку в этом замке своих рук. Но и теперь не коснулся.

Он подождет еще чуть-чуть. Еще одну песню.

Она продолжила петь.

Воздуха из форточки, определенно, было мало, чтобы охладить и проветрить эту комнату. Чтобы выветрить дурь из его мозгов и вожделение из тела. Водка заставляла бурлить кровь. Только голова вдруг начала казаться такой тяжелой.

Когда именно он наклонился, упершись пылающим лбом в ее колени, Вячеслав уже не помнил. Он только понимал, что изо всех сил старается не дать себе коснуться ее. Что сжимает кулаки за спиной Бусинки, не позволяя своим пальцам сжать ее бедра, чего хотелось просто безумно.

А потом, кажется, уже засыпая, он ощутил прохладное и нежное, легко-легкое прикосновение ее ладошки к своему затылку. Рука Агнии прошлась по его волосам, кажется, даже не смяв те. Погладила его шею, погнав дрожь по спине Вячеслава. А затем эти пальцы снова поднялись и стали поглаживать его виски, затылок, макушку в такт неслышной музыке, под которую она пела все новые и новые песни уже без его просьб.

Наверное, она решила, что он спит.

А вот сам Вячеслав не знал — спит, бредит или бодрствует. А может это та самая «белка», прихода которой Боруцкий так опасался в начале вечера. Но подниматься, вставать, хоть как-то двигаться — не хотел. Он вдруг понял, что ни за что на свете не помешал бы сейчас ей гладить его голову. Словно эти легкие касания успокаивали и усмиряли то дикое и темное, что вертелось у него в мозгу, подогретое алкоголем. То, что так хотелось, но что нельзя было делать. Что могло бы сломать и растоптать ее. Его Бусинку.

Только его ладони, все-таки дернулись, и пальцы переплелись за ее спиной, когда он обнял ее, так и не подняв лица с колен Агнии.

Не имел Боруцкий понятия и о том, сколько просидел так. Может час. А может и полночи. Мысли спутались, окончательно сдавшись на волю дурмана алкоголя и запаха этой девчонки, которая сводила его с ума. И он, наверное, все-таки уснул в итоге.

И схватился, почти вскочив, сразу, как только понял, что в кабинете — тишина.

Вячеслав покачнулся, ухватившись за край стола. И так вдруг испугался, что она ушла, пока он спал, что не сразу до него дошло — вот она, его Бусинка. Сидит тут же на столе, и удивленно смотрит на его прыжки. И он все это время, похоже, проспал, так и обнимая ее, упершись лбом в ее колени.

— Вячеслав Генрихович? — Совсем тихо и сипло прошептала она. — Все в порядке?

Наверное, и замолчала потому, что уже не могла больше петь.

Он не мог ответить. Смотрел на ее лицо, на чуть сухие губы, которые Агния вдруг, будто издеваясь над ним, легко облизнула. И снова открыла рот, не получив ответа.

Но в этот раз он не дал ей возможности ничего спросить. Вскинув одну руку, Вячеслав сжал ее затылок, загребая, запутываясь пальцами в волосах, и резко дернул на себя, вжимая ее губы, распахнувшиеся от удивления, в свой рот.

Он низко застонал, и еще сильнее надавил на ее затылок.

Она оказалась еще слаще, чем Боров думал. Еще пьянее, чем ему представлялось. Такая мягкая, влажная, дурманящая. Он скользнул своим языком между ее губ. Внутрь. Не так, как ему хотелось. Еще не так. Просто стремясь, нуждаясь в том, чтобы попробовать, и сходя с ума от того, с какой молниеносной скоростью ему тут же захотелось больше. И зная, что еще секунда — и все будет. Он получит, возьмет все, что хочет. Потому что она — его. Никому не отдаст. Никогда.

Сердце, еще не успокоившееся от внезапного пробуждения и растерянности, загрохотало в ушах, когда Боруцкому показалось, что его Бусинка легко шевельнулась. Но, не отталкивая, не пытаясь освободиться. А, подобно ему, словно пробуя на вкус самого Вячеслава.

Бред. Почудилось. И все-таки…

Казалось, все. Черта пройдена, и для него нет возврата. Как и для этой девчонки. И он уже не сможет остановиться.

И все-таки, видно был Бог на свете. И Он берег его Бусинку, даже от самого Вячеслава.

Боруцкий понятия не имел, где нашел силы разжать пальцы и отступить на шаг от нее. Откуда взял выдержку, чтобы даже не глянуть на зарумянившееся лицо и покрасневшие, припухшие губы.

Так ни слова и не сказав ей, он с трудом, пошатываясь, еще пьяный в стельку, обошел стол и кое-как добрался до дивана. Почти рухнул на тот. И, заставив себя даже отвернуться, чтобы не поддаться искушению, и не глянуть на нее, закрыл глаза и почти моментально уснул.

Боров понятия не имел, сколько он проспал. Голова гудела и, почему-то, было холодно. А еще шея затекла. И во рту было так сухо, что губы, казалось, сейчас треснут. С тяжким вздохом он повернулся на спину, едва не застонав от боли, расколовшей голову, и попытался приоткрыть глаза. Вышло только с одним. И то дело.

В комнате было темно, но из окна, открытого, кстати, оттого, видимо, и холод такой, лился сумрачный свет. Похоже, уже утро. Хоть и вряд ли, чтоб перевалило за семь часов. По стеклу барабанили капли. Дождь продолжался.

Кое-как растерев лицо ладонью, Боруцкий попытался сесть. Пришлось сцепить зубы, чтобы не застонать от нового удара боли по голове. Он уперся локтями в колени, свесил тяжелую голову, переживая приступ тошноты, и попытался вспомнить, чего ж тут было вчера, что он с такого бодуна?

Вспомнился Федот, и водка. Причем, сейчас, по здравому размышлению, Боруцкому показалось, что он сам выглушил большую часть «горькой». Тут его взгляд зацепился за красное пятно рядом.

Вячеслав обернулся и с нарастающим ужасом уставился на куртку Агнии.

Точно, Бусина была. Он помнил, как она пришла, и свою злобу помнил. И как орал. И что хотел сделать с ней… Вот песню только собирался дослушать.

— Твою мать!

Забыв о боли и тошноте, Боруцкий вскочил на ноги. И тут же увидел девчонку. Бусинка, поджав ноги и свернувшись клубочком, спала в его кресле. Сжав колючий подбородок ладонью, он осторожно подошел к ней.

«Господи. Только бы он ее не тронул. Господи».

Боруцкий даже не понял, что у него задрожали пальцы, пока не попытался аккуратно отвести с

ее лица волосы. Или это с перепою?

Вячеслав сжал кулаки и глубоко вдохнул, пытаясь вернуть самоконтроль. Вместо этого у него проснулось дикое желание закурить.

Боров беззвучно выругался. Еще раз посмотрел на нее. И попытался достать из своей памяти хоть что-то.

Он точно ее целовал, Боруцкий знал, что не придумал это. Что не сумел бы просто выдумать это безумное ощущение эйфории и кайфа, которое ощутил, когда коснулся ее губ, когда почувствовал вкус рта Бусинки.

Он ее целовал. Блин!

Сумел ли он остановиться на этом?

Вячеслав мог бы поклясться, что помнил ощущение ее рук на своей шее, затылке, волосах. Он помнил это, помнил, как она его гладила, словно успокаивала…

Или это он себя успокаивает? И Агния пыталась вырваться, оттолкнуть его?

Одежда, вроде, цела. Да и так, все терпимо выглядит. Только вот все на столе свалено в кучу.

Взгляд зацепился за ее сережки, лежащие между осколками стекла. Боров помнил, слишком хорошо и ясно помнил, для чего он освобождал место, сгребая все в сторону.

Боруцкий опять ругнулся одними губами. Вновь протянул руку, в этот раз удачней контролируя себя, и осторожно отвел волосы с ее лица.

— Бл…! — Прохрипел он уже в голос, с ужасом уставившись на приличных размеров лиловый синяк, темнеющий у нее на щеке.

Нет. Он же не бил ее.

Не мог. Даже настолько пьяным и злым. Он не мог ее ударить. Свою Бусинку. Свою девочку. Или мог?

Боруцкий не мог перестать пялиться на фингал, даже увидев, что Агния дернулась из-за его крика и проснулась.

— Вячеслав Генрихович? — Она несколько раз моргнула, и приподнялась в кресле, стараясь сесть.

Он буквально впился в нее взглядом. Агния смотрела сонно, немного растерянно и, кажется, смущенно. Но без страха. Так же доверчиво, как и всегда. Этого доверия не было бы, ударь он ее, попробуй изнасиловать… правда, ведь?

— Я… — Он прокашлялся, пытаясь заставить говорить сухое, хрипящее горло. Надо было бы хоть чего-то выпить, чтоб рот промочить. Но собственное самочувствие отошло для Боруцкого на второй план. — Бусинка, маленькая. — Он присел на корточки перед креслом, продолжая смотреть девчонке в глаза. — Я тебя обидел вчера?

Глава 12

Наши дни

Соболев постучал в дверь ровно через десять минут. Пунктуальный, ничего не скажешь. Хорошо, хватило ума не трезвонить. Боров не был уверен, что звонок не разбудил бы Агнию, а предупредить Соболя об этом забыл.

— Заходи. — Он распахнул входные двери и, не особо заморачиваясь церемониями, тут же пошел назад, чтобы иметь возможность наблюдать за сном жены, пусть и из кухни.

Константин прошел следом за ним. Ничего не спрашивая, вроде мельком осмотрелся, но Боруцкий не сомневался — увидел и запомнил все мелочи и детали, не того сорта Соболь был человеком, чтобы что-то не заметить или пропустить.

— Насколько все плохо? — Константин глянул на стойку для капельницы, сейчас задвинутую в угол.

Боруцкий сел на свое прежнее место и снова принялся крутить в пальцах пустую рюмку.

— Он ее на наркоту подсадил, — коротко бросил он.

Соболев ругнулся.

— У меня врачи есть. Хорошие. Если надо. — Не ожидая приглашения, Константин сел на стул, стоящий напротив.

— Пока справляемся. Спасибо. Если что — обращусь.

Соболев кивнул.

— Ты же из-за наркоты с ним и поцапался? — Уточнил он. — Сколько ты его, четыре года сюда не пускал? Больше?

Вячеслав сильнее сжал пальцы, вновь ощутив острый укол вины.

— Что ж, логично, что он так решил отомстить, — нейтральным тоном продолжал рассуждать Соболев. — Видимо, поняв, что тебя не убил, и рано или поздно ты все равно за женой придешь, Виктор решил так отомстить, за то, что ты его сюда с наркотой не пускал. У Шамалко же весь восток страны под контролем. Он контролирует поставки и транзит наркотиков и здесь?

— Контролировал здесь. И на юге, — согласился Вячек, понимая, что Соболев не на нервах его играет, а продумывает, как бы больнее Виктора зацепить. — Сейчас, только на юге. Я, как только смог, с Мелешко побазарил, мы с ним туранули людей Виктора отсюда, вернули старые схемы.

— Сам хочешь это держать? — Константин с интересом глянул на него.

Вячеслав мотнул головой.

— Мне не до того. Пусть Мелешко и держит все пути. Лишь бы не эта падла.

Соболев кивнул.

— Так, ладно. Я с Шамалко поговорил еще ночью, как только он с претензиями звонить начал. Объяснил, что нечего было в семью лезть. — Боров хмыкнул, не поднимая глаз от рюмки. — Он поутих. Сам понимаешь, зная характер Виктора — что-то уже задумал. Наш план не меняется. Я почти договорился насчет Картова.

— Так и хочешь руками охранника его убрать? — Боруцкий прервал Константина.

— Да. Есть желание подставить Дмитрия по всем позициям. Ударить тем, на кого он больше всего привык рассчитывать.

— Я тут, пока в столице бродил, кое с кем переговорил, насчет этого. И знаешь, Соболь, у меня человек есть, проверенный, надежный. Он лезть не будет. Так, подстрахует. Сам понимаешь, от непрофессионалов всегда куча мороки.

Константин раздумывал пару секунд.

— Хорошо, — кивнул он в итоге. — Давай своего человека, на подчистку. Тут я с тобой спорить не буду. Значит, как только я все полностью решу, наберу тебя, передашь детали. Потом, я во время всего этого, минимум на месяц, уеду. Сам понимаешь, мне надо кристально чистым выглядеть.

Он даже не спорил, все и правда понятно. Сам напоминал Соболю, что своими руками тот Картова убить — не имеет права. Не тот уровень. А вот Вячику плевать на это было. Он Шамалко пальцами на части раздерет. Сам. Лично.

— И кто у нас теперь Президентом будет? — Поинтересовался он у Кости.

Соболев усмехнулся.

— Знаешь, подумав, я решил, что меня и в нынешнем составе руководство страны устраивает. Да и люди, которым я намекнул на это, со мной согласились. Разумные доводы — лучший способ убеждения.

— Представляю. — Внимательно прислушиваясь к тишине в соседней комнате, согласился Боров. — Да и, Президент, небось, не спешил с тобой спорить.

— А кто ж откажется продлить мандат. — Соболев развел руки. — Теперь по Шамалко. Думаю, в первое время после того, как мы Картова уберем, он расслабится. Я дал ему понять, что конкурентов у него скоро не будет, и что Дмитрий мне за попытку убийства Карины должен. Ему я счетов не выставлял. Да и уверил, что заинтересован, хоть и с тобой дела рвать не собираюсь. Потому, разбираться надо будет в первый месяц после этого. Я могу нанять…

— Нет. — Вячеслав тяжело глянул прямо на Константина. — Я не шутил, Соболь. Он мой. Весь. Со всеми потрохами. От помощи я не отказываюсь, сам понимаю свой уровень. Но я лично его убью.

Давя злобу, Боров поднялся, заканчивая разговор, подошел к шкафу и достал вторую рюмку.

Вернулся. Поставил ту перед Соболем.

Константин молча поднял бровь.

— Я сына поминать собирался. Присоединишься? — Скручивая крышку с бутылки, ровным голосом уточнил Вячек.

Соболев выпрямился на стуле. Кивнул.

— Сына?

— Агния была почти на пятом месяце, когда… — Боруцкий сжал зубы и умолк. Плеснул водки себе. Соболеву. — А я, дурак, с ней об имени спорил. — Глядя на гладкую поверхность прозрачной жидкости, горько усмехнулся он. — Туфта это все, Соболь. Вообще не важно.

Боруцкий выдохнул и одним движением опрокинул стопку в себя.

Соболев промолчал. Поднялся только. И так же молча глотнул содержимое своей рюмки.

Отставил, как-то задумчиво и собранно глянул на Боруцкого.

Но Вячеслав не успел поинтересоваться, в чем дело. Агния проснулась. И ни звука не издала вроде, но Вячеслав это будто кожей почувствовал. Ничего не объясняя, он быстро пошел в спальню, закрыв за собой дверь.

Агния лежала на животе, уткнувшись лицом в подушку. Свернулась комочком, сжалась, подтянув к себе и руки, и ноги. И глубоко дышала, медленно делая сначала выдох, потом вдох.

Боруцкий тихо подошел и встал на колени у кровати, собрал ее волосы на затылке, нежно

поглаживая.

— Бусинка моя. — Наклонился и провел лицом по ее щеке, шее. — Ты как? Позвонить Лехе?

— Вячек, люблю тебя.

Она резко повернулась и обхватила его за плечи, чуть ли не вцепилась. И смотрела так. Боруцкий замер, не зная, как реагировать. В ее глазах снова появился тот же лихорадочный блеск. И дышала она уже тяжело, быстро, словно задыхаясь. И это признание, оно было не таким, как всегда, когда она ему говорила о своих чувствах. Каким-то надсадным, вымученным, тяжелым.

— Я знаю, девочка моя. — Стараясь не подавать виду, что у него мороз пошел по позвоночнику от этих слов и ее взгляда, Вячек наклонился и прижался губами к виску жены.

— Нет, Вячек. Ты не понимаешь. — Она еще сильнее сжала пальцы, чуть ли не надрывая ткань его сорочки. — Я, ведь, больше всего люблю тебя. Я же знаю это. Я же помню. Я же молилась о том, чтоб ты только живым остался. Что угодно за это отдать была готова. Сама умереть… — Она говорила хрипло, облизывая сухие губы, которые начали шелушиться. Он даже с болью увидел, что уголок нижней треснул, и там запеклась капелька крови.

— Не надо, Бусинка. Не надо. Давай, воды попьешь. Я Леху позову. Он сейчас, быстро подъедет. — Попытался он отвлечь ее, успокоить. — Еще капельницу поставит.

Обхватил плечи Агнии рукой, а второй пригладил короткие волосы, растрепавшиеся и слипшиеся прядями от того, что ее кидало то в жар, то в холод последние несколько часов.

— Я же столько хотела этого. — Будто и не слыша его, она продолжала бормотать. — Господи! Я так тебя люблю! Почему же я сейчас могу только об этих таблетках думать, что они мне давали?! ПОЧЕМУ? — Ни с того, ни с сего, закричала она. — Почему не могу сосредоточиться на том, что главное, что важно? Почему, кажется, на что угодно готова, лишь бы получить этот наркотик? Почему, Вячек? — Под конец Агния уже шептала, так тихо, что он прислушивался.

И от каждого ее слова ему становилось только хуже.

— Это пройдет, маленькая моя. Обещаю, Бусинка. Пройдет. Ты сильная. И я рядом. — Он снова принялся целовать ее лицо.

Отстранился на секунду, взял стакан с водой, который стоял на подоконнике, и прижал к ее губам, заставляя пить. Вячеславу самому становилось больно, когда он видел, что ее губы трескаются от растерянных криков жены.

Агния послушно отпила, хоть и с видимым трудом заставляя себя двигаться, глотать. И тяжело упала на подушку, словно все силы растратила на эти несколько движений. Закрыла глаза, на ощупь нашла его руку и потянула, прижав к своей щеке.

Его немного отпустило. Ровно до того момента, пока она снова не заговорила.

— Откуда ты знаешь, Вячек? Откуда? — Тихо прошептала она. — А если это теперь всегда так будет? Что я должна напоминать себе о том, как люблю тебя? Я же с ума сойду…

— Нет. — Он словно рубанул, так резко рыкнул это короткое слово. Заставил себя вдохнуть, чтобы успокоиться. Схватил ее за щеки и заставил на него глянуть. — Не будет всегда. И с ума не сойдешь. Это пройдет. Я тебе обещаю, слышишь, Бусинка?! А ты — просто постарайся минутку продержаться. Эту. Потом еще одну. Не надо о жизни думать. Продержись минуту. И еще одну. А там — разберемся.

Она посмотрела на него с удивлением. Хоть какое-то чувство кроме этой проклятой потребности и усугубляющегося разочарования.

— Это поможет. Я тебе говорю. Честно. — Вячеслав прижался лбом к ее лбу. — Это помогает. Я по себе знаю. — Он не весело усмехнулся.

Агния моргнула. Тяжело сглотнула.

— Ты же никогда наркотики не пробовал, Вячек. — Прошептала она. — Ведь, не пробовал же? — Агния нахмурилась.

Он рассмеялся. Даже в такой гребанной ситуации она переживает о том, что он делает или делал. Неужели, даже силы найдет мораль ему, в случае чего прочитать? У его Бусинки всегда были очень твердые жизненные взгляды и понятия о том, что «хорошо», а что «плохо». Одно непонятно, как ее угораздило при этом полюбить бандита и уголовника? Впрочем, ему ли жаловаться?

— У каждого свои зависимости есть, маленькая. — Он поцеловал ее в уголок рта. Туда, где так и осталась маленькая трещинка. — И своя ломка.

Она, определенно, собралась его допытывать, выясняя, что к чему. А Вячеслав до сих пор не знал, стоит ли его Бусинке знать о том, как близко он был когда-то к тому, чтобы причинить ей боль, подчинить себе. И не казалось ему это время подходящим для таких откровений.

Тут по квартире разнесся резкий звук звонка, спасая Вячеслава.

Он глянул на часы.

— Это Алексей. Он обещал приехать. — Еще раз поцеловав жену, Боруцкий поднялся. — Сейчас станет легче, Бусинка, обещаю. — Он осторожно провел по ее щеке пальцами.

Агния слабо и вымучено улыбнулась. И то прогресс.

Боров пошел открывать врачу. И был крайне удивлен тем, что того уже впустил Соболев. Но еще больше его удивило то, что помимо так же удивленного такой «толпой» Лехи, у порога квартиры стоял Никольский, бывший глава областного управления службы безопасности страны, а ныне — начальник службы безопасности самого Соболя.

— Ей плохо, — с слышимой претензией бросил Вячеслав врачу, наблюдая за тем, как Никольский что-то отдает Соболеву.

— Эта ночь будет самой трудной. — Проворчал в ответ Леха, проходя мимо него в спальню. — Ей надо это перетерпеть, хоть я и постараюсь по максимуму облегчить состояние Агнии. — Алексей остановился и серьезно глянул на Вячеслава. — И тебе, Боров, надо перетерпеть. Не вздумай глупостей наделать. Ее я транквилизаторами накачаю. А вот ты… — Тихо предупредил друг.

— Не дурак. Понимаю. — Проворчал он, не признаваясь, что это не так и легко — просто терпеть, глядя на ее страдания.

Но постарался сам прибегнуть к тому же способу, о котором только что сказал Бусинке. Он вытерпит. Эту минуту. И сильнее его корежило. А тут — здоровье его девочки, ее жизнь на кону.

— Слава.

Боруцкий обернулся, глянув на Соболева, который, уже куда-то отправив Никольского, ждал его в дверях.

— Мне ехать надо. Насчет самого плана — еще встретимся, согласуем. — Тихо сказал Соболев, когда он подошел впритык. — Это тебе. Думаю, хватит ума применить. — Он сунул ему в руку какую-то флэшку. — С этим тебе Шамалко ничего не сделает, даже если попробует тебя прижать в обход меня. Только по-умному действуй. — Соболь хмуро глянул на него. — За то, что здесь, — он махнул головой на флэшку, которую Боруцкий пока сунул в карман. — *Моя*жена слишком дорого заплатила.

Не имея понятия о том, что же там на этой флэшке, Вячеслав кивнул. Честно говоря, ему сейчас не до того было. Хотелось вернуться к Агнии, дождаться, пока Леха поставит все капельницы и даст все, что там надо. А потом — лечь рядом с ней и обнять. Чтобы ей помочь. И чтоб самому справиться.

Ночь они выдержат. Вместе. Впервой, что ли?

Соболев махнул рукой на прощание и молча вышел, а Вячеслав закрыл замок и пошел в комнату. У Федота ключ есть, сам откроет.

Девять лет назад

— Бусинка, маленькая. — Она с удивлением и недоумением смотрела на Вячеслава Генриховича, который вдруг уселся на корточки перед креслом. — Я тебя обидел вчера?

Боруцкий смотрел на нее как-то непонятно.

И выглядел так… ну…, помято, если корректно. Впрочем, неизвестно еще, как она сама выглядит после ночи, проведенной в кресле. А все равно, даже сейчас, он ей казался очень красивым. И как она только могла когда-то посчитать, что он…

О, Господи! Вячеслав Генрихович, кажется, что-то еще спросил. А она не услышала, сидит, и пялится на него, как дурочка. И внутри столько всего смешалось, что просто жуть!

Он ее поцеловал вчера.

Ох, день у нее вчера, видно, был такой. Целовальный. Вот, до этого ни одного такого дня. А тут всех так и тянуло — напиться и поцеловать Агнию. Хотя, конечно, понятно, что Вячеслав Генрихович не собирался ее целовать. Вон, и сейчас, судя по всему, вообще не помнит, что вчера было. И хорошо, наверное, потому как Агния сама не знала, что чувствует в этот момент, и хочет ли, чтобы он знал.

Она не знала, как ему в глаза посмотреть.

Ей и стыдно было отчего-то, и неловко как-то, и щекотно даже. И только от того, что она вспомнила этот поцелуй — в животе что-то сжалось, так…ох, Агния не знала как. Но аж до пальцев ног дрожь прошла, и по всему телу волоски маленькие на коже «дыбом» встали. И дыхание перехватило так, что пришлось закусить губу и отвести взгляд от Вячеслава Генриховича. Она боялась, что он поймет.

Вот, не знала Агния как, но догадается, что поцеловал ее. И что ей…

Господи! Ей это так понравилось.

Да, она растерялась сразу, да, не знала, что делать и куда руки деть. И язык еще.

Ой, странно так. Агния, вот, всегда думала, что при поцелуях надо будет с носом что-то делать. Ну, не в смысле, что он у нее там выпирает, или что-то в этом роде. Но когда два человека, с носами оба, прижимаются друг к другу губами, те, по логике, должны мешать. И чтоб этого избежать, надо же что-то делать…

А оказалось — нет. Не мешает. Или это потому, что ее Вячеслав Генрихович держал, и уж он-то знает точно, как надо поворачивать голову, чтоб не мешало там ничего.

И вот Сашка ее тоже поцеловал. И тоже, выпивший — так ей противно и гадко было. А Вячеслав Генрихович, вроде, и раз в пять больше пьяный был, а от его поцелуя — у Агнии голова закружилась. И сердце заколотилось тогда так, что казалось, из груди выпрыгнет. И, вообще…

— Бусинка. — До нее, наконец-то, дошло, что Вячеслав Генрихович так и сидит перед ней.

Еще более мрачный и серьезный, чем две минуты назад. И руки у него в кулаки сжаты. И взгляд такой… такой…

— Господи, что же я с тобой сделал, что ты и ответить боишься? — Чуть ли не просипел он.

Агния удивленно вскинула голову.

— Вы? Нет, что вы! Вы — ничего, Вячеслав Генрихович. — Она даже наклонилась, совсем не подумав об этом, и схватила его за руку своими ладошками, с трудом обхватив сжатый кулак. —

Ну, то есть. Вы, конечно, покричали, это да. Ну, так я же и не спорю, что была виновата.

Агния попыталась заглянуть ему в глаза. Про поцелуй она говорить не будет. Это ее, точно, не обидело. А Боруцкий забыл и хорошо. Потому что ей бы тогда сил на него смотреть от смущения не хватило бы. Да и ясно, что в трезвом состоянии он и не глянул бы на нее с такими мыслями. И не подумал бы целовать. Наверное, не узнал, перепутал с кем-то.

Он как-то странно глянул на свою руку и ее ладони, которые эту руку держали. Так… ну, будто «завис». Вот какой-то у него отрешенный взгляд стал, словно Вячеслав Генрихович о чем-то подумал и вообще забыл о том, где он сейчас и с кем. Хотя, ей откуда знать, может так всегда на следующее утро у людей, которые много выпили накануне?

— Ничего? — медленно переспросил он, подняв глаза. Внимательно посмотрел на Агнию. Даже прищурился.

И, кажется, его глаза остановились на ее губах.

У Агнии пересохло во рту. Нет, вряд ли. Показалось. Это она просто все время только о поцелуе и думает.

— Ничего, — судорожно дернула она головой, стремясь то ли успокоить его, то ли отвлечь внимание от своего рта. И только тут поняла, что так и держит его за руку.

Агния смутилась еще больше и как-то неловко отдернула руки.

— Извините, — смущенно пробормотала она.

Боруцкий ничего не ответил, продолжая изучать ее лицо. Поднял руку, которую она до этого держала, и прижал кулак к стиснутым губам.

— Я тебя бил? — Вдруг огорошил он ее неожиданным вопросом.

Агния пораженно уставилась на него, совсем забыв о вежливости. И о смущении. Даже не моргала, наверное.

— Вы что? Вячеслав Генрихович? Нет, конечно! — Испытывая почти возмущение, что он такое себе навоображал, она передернула плечами. — Вы, конечно, громко кричали, я этого не отрицаю, ну так и я кричала. — Тут она смутилась и вперила глаза в пол, ухватилась пальцами за край своей кофты. — Извините меня, кстати. Я не хотела на вас кричать. Знаю, что это очень невежливо. Мне просто очень надо было вам объяснить, а вы не слушали. — Она робко глянула на него из-под волос.

Вроде бы, он не стал сердиться после ее признания. Наоборот, ей показалось отчего-то, что Боруцкий пытается теперь скрыть за своим кулаком улыбку.

— Будем считать, что мы квиты, — тихо заметил Вячеслав Генрихович все еще хриплым голосом. А увидев, что она смотрит на него, Боруцкий усмехнулся открыто. — Ты мне, Бусинка, вот что объясни, — он уперся коленями в пол, совсем впритык встав у ее кресла и, протянув руку, провел пальцами по ее щеке, — если это не я тебя обидел, то откуда у тебя такой фингал на щеке?

— Что? — Она так удивилась, что даже сама щупать щеку стала, словно могла так что-то понять. — У меня здесь синяк?

Боруцкий кивнул, сквозь чуть прищуренные глаза, наблюдая за ее действиями. Оглянулся, взял со стола пачку с сигаретами и вытащил одну. Сжал зубами, но не прикурил. И Агния оглянулась, только в поисках зеркал. А тех, как выяснилось, в кабинете у Вячеслава Генриховича не было.

— Я не знаю, — растеряно заметила Агния, потирая щеку, которая действительно болела, когда она касалась. — Ой. Я не помню, чтоб ударялась.

Боруцкий, так и продолжая держать незажжённую сигарету, все это время смотрел на нее. И улыбаться перестал. Наоборот даже, его лицо вдруг показалось ей мрачным.

— А чтоб тебя били, помнишь? — Кажется, он ей не поверил.

Агния даже губы закусила, пытаясь вспомнить.

Только вот, на него глянула и все. И теперь она «зависла». Смотрела на Вячеслава Генриховича, и снова отвернуться не могла. Ей вдруг захотелось сделать то, на что смелости хватило только вчера, когда он спал, да и то, Агния сама толком не поняла, что дернуло ее, что заставило гладить его волосы. Провести рукой по напряженному затылку, коснуться плеч. Он казался таким напряженным, словно даже подрагивал весь. Не по настоящему, а как ощущаешь гудение у огромного высоковольтного столба. Когда видишь — металл неподвижен, а воздух вокруг практически видимо дрожит. Вот и вокруг Боруцкого вчера, казалось, воздух дрожал от напряжения.

Ей и сейчас хотелось это сделать — дотронуться, погладить. И по щеке его провести, проверить, действительно ли щетина у него на подбородке, которую сейчас было видно в утреннем свете, такая жесткая, как кажется. Или…

— Бусинка? Ты чего, маленькая? — Вячеслав Генрихович, кажется, серьезно встревоженный ее периодическими «зависаниями», наклонился, нависнув над ней. — С тобой все в порядке? Что-то случилось? Тебя обидел кто-то вчера? Ну, кроме того, что я кричал. — Как-то невесело хмыкнул он.

— Да, нет, никто.

Она постаралась разобраться в том бардаке, в который сегодняшним утром превратился ее разум. Вчера столько всего было, и ее тоска, и поезд, и Сашка этот, дурной, со своим поцелуем…

— Ой! Это я об столик ударилась! Вспомнила! — Искренне обрадовалась она. — Поезд дернулся, а я как раз Сашку толкнула, чтоб отстал. А он из-за этого упал и меня толкнул, и я об угол стола щекой ударилась. И коленом об пол. — Агния дотронулась до колена, то тоже побаливало.

— Сашку? — Боруцкий распрямился. Щелкнул зажигалкой. Но не поджег сигарету, а затушил огонек. И снова щелкнул, зажигая новый огонек. — И кто такой у нас Сашка?

Агния с некоторым удивлением глянула на него. В голосе Вячеслава Генриховича проскользнуло что-то такое непривычное ей, что аж дрожь по спине прошла.

Или это она теперь на него будет так реагировать все время после поцелуя? Ой, беда, так же сложно общаться будет.

Только что-то другое было в этом.

— Я его не знаю, в общем-то. Он с четвертого курса, вроде. Они с Толей в мое купе сели. Выпить предложили, но я отказалась. — Она глянула на него, и вдруг почему-то умолкла. Спрятала руки в карманы и опустила ноги, собираясь встать с кресла.

— И? — Боруцкий сместился всего на полшага. А она теперь не могла никуда двинуться.

— Да и все, в общем-то, Вячеслав Генрихович. — Она пожала плечами.

Боруцкий снова щелкнул зажигалкой.

— Нет, Бусинка, не все. — Он медленно покачал головой. Нахмурился и провел ладонью по лицу. — У тебя синяк на всю щеку. Это, точно, не все. Я слушаю дальше.

Она отвернулась к спинке кресла. Агнии было стыдно, и опять накатила вина за то, что она с ним тогда поспорила. Как теперь все рассказать? Ведь Вячеслав Генрихович был во всем прав.

— Эй, маленькая. — Боруцкий, кажется, подошел вплотную к креслу.

— Вячеслав Генрихович? — Грустно вздохнула Агния, принявшись выводить какие-то узоры на кожаной обивке сиденья.

— Что? — Как-то напряженно отозвался он.

— А мы помирились, правда же?

Боруцкий молчал секунд двадцать. Она считала про себя.

— Помирились? — Переспросил он каким-то, совсем непонятным ей голосом. — Да, наверное. Если считать, что мы ссорились. — Вячеслав Генрихович опять щелкнул зажигалкой.

— Мне не надо было с вами спорить. — Агния вздохнула еще тяжелее. — Я теперь это понимаю. Правда. Вы правы были. Во всем правы.

Позади нее что-то стукнуло, словно Боруцкий уронил что-то и то треснуло. Но Агния, глянув на пол, вроде ничего не увидела.

— Бусинка, тебя кто-то тронул? — Спросил он голосом, в котором ей вдруг почудилась такая ярость, что Агния обернулась.

Боруцкий, действительно, выглядел злым. Нет, выражение его лица не поменялось. Но глаза. Те самые, которые ее саму так испугали при первой встрече — его глаза стали просто бешенными.

— Ну, не то, чтобы. Нет, наверное. — Она как-то растерялась. Только теперь не смущенно, а потому, что не знала, как на это реагировать. И отчего он злится.

— Наверное? Или тронул?! — Вдруг рявкнул Боруцкий.

Агния даже вздрогнула.

Он увидел это и, ругнувшись сквозь зубы, резко отвернулся.

— Ты мне скажешь, что случилось в этом долбанном поезде, или мне из тебя клещами все тянуть? — Гораздо тише, хоть и с раздражением потребовал Боруцкий, начав постукивать зажигалкой по столу.

А Агния вдруг увидела, что та — треснутая. Странно, пять минут назад, вроде, целая была.

— Агния?

Он очень редко называл ее по имени. Совсем-совсем. Наверное, сильно сердится.

— Вячеслав Генрихович, ну, ничего такого. Они просто выпили много, вот и все. — Затараторила Агния, пытаясь все объяснить. И надеясь, что он ее простит, что перестанет злиться на нее, если она расскажет, признает, что была неправа, осознала. — И Сашка этот полез ко мне целоваться. Я его оттолкнула, а тут поезд качнулся, и он упал. На меня. Ну а потом, я вам уже говорила, я его отпихнула, и сама упала. А поезд как раз остановился. Мы в соседнем городе были. И я выскочила из этого поезда. Ну и все. Позвонила Вове с вокзала. И на электричке вернулась. А он меня встретил и сюда привел. Вот и все. Не сердитесь, Вячеслав Генрихович, пожалуйста!

Попросила Агния, видя, что Боруцкий так и стоит к ней спиной, не поворачивается.

И даже не шевелится, кажется.

Боров знал, как минимум три способа раскрошить человеку голову. Пуля, к примеру, хорошо справлялась, особенно, если всадить их несколько, а еще лучше одну, но из дробовика. Машиной можно переехать. Да, хоть кирпичом или ботинком, если достаточно силы приложить. Но вот то, что череп можно взорвать одними словами — он понял только сейчас. И дело не в долбанном похмелье, от которого его голова просто гудит. По правде сказать, его сейчас пробрало так, что Боров даже отодвинул на второй план непонятки с поцелуем и тем, почему Бусинка о том промолчала.

Мать его так, а! Убьет. Он убьет этого сопляка. По земле размажет.

Боров не был фанатом воображения и всяких домыслов. Он предпочитал конкретику и реалии. Но сейчас, слушая ее сбивчивые оправдания, он, будто наяву, очень четко представлял себе все, о чем говорила Бусинка. И то, что она не говорила, потому что ни хера не смыслила в мозгах пьяных пацанов. А он смыслил.

Бля! Да он сам, что, о чем-то более возвышенном думал всю прошлую ночь? Потому и в намерениях тех сопляков не сомневался. Даже, если бы не в поезде, кто помешал бы им потом, по приезду, к его девочке подкатывать? Но и без этого, без того, что те могли бы вытворить в Киеве, ему хватало поводов, чтобы бушевать. И каждое торопливое, какое-то неуверенное слово Бусинки только добавляло силы его злости и ярости.

То, что кто-то полез ее целовать, то, что она ударилась, вынужденная сама защищаться и справляться с этим. И потом… Его девочка, его Бусинка одна в другом городе, на вокзале из-за каких-то пьяных недоумков! А эта гребанная Зоя Михайловна куда смотрела?! Где она была? Ведь знала же, что Агния еще ребенок…

Зажигалка хрустнула совсем, и по пальцам прошел холод от вытекших капель сниженного газа.

— Не сердитесь, Вячеслав Генрихович! — За его спиной Бусинка вскочила-таки с кресла и, кажется, подошла к нему.

Блин, она че, издевается? Реально решила, что это он на нее сейчас сердится? Он попытался, правда, попытался взять себя в руки. Только злоба клекотала в нем с такой силой, что задача казалась непомерно сложной.

«Урою, падлу», мысленно пообещал он себе, «все, что можно — переломаю».

— Я, действительно, поняла, что вы были правы. И не из-за того, как они в поезде себя вели. Еще до этого. Я и ехать уже не хотела, и вообще, очень жалела, что начала спорить с вами…

Совсем, как вчера, он вдруг почувствовал прикосновение ее ладони к своей руке сзади. Те же маленькие, тонкие пальчики, ладошка, которая просто утонула бы в его кулаке, позволь Вячеслав себе ее сжать.

И точно так, как вчера, ухнуло внутри так и не унявшееся желание. Только не злое уже, не обиженное. И не то, контролируемое и привычное. Иное, совсем не подчиняющееся его пониманию и воле. Такое, что пришлось зубы сжать до скрипу. Кажется, и сигарету уже до волокон фильтра разжевал. И поцеловать ее захотелось так, что аж нерв на виске задергал.

Все. Попал.

— Стоп. Все. Остановились.

Он не отскочил от нее, как сделал это вчера. Не заорал, требуя убраться. Просто обернулся, этим прерывая прикосновение, последствия которого пока не мог бы проконтролировать.

— Мы уже решили, что помирились, Бусинка. «Кто старое помянет…» — Стараясь сохранить как можно более невозмутимый вид, Боруцкий подмигнул ей и отошел к окну.

Вид. Блин.

Да он, наверное, вообще, сейчас на чудище какое-то смахивает. С такого бодуна, небритый, помятый весь. Прокуренный насквозь. Как это она еще не струхнула и не сбежала? Подошла, прикоснулась. И не противно, что ли? Ему самому было не особо в кайф. И в душ хотелось, и переодеться. И стопку. И чая крепкого, или хоть кофе, на крайняк. А тут девчонка, и не кривится.

И, почему, вообще, ночью не ушла?

— Да, Вячеслав Генрихович, — она с готовностью кивнула, кажется, успокоившись.

— А ты почему вчера домой не ушла? — озвучил он свой вопрос, наблюдая за пустым переулком и размышляя вовсе не об этом.

— Так, поздно было, Вячеслав Генрихович, почти два часа ночи. А мне как-то неудобно стало Вове звонить. А самой — страшно. И… — Девчонка как-то замялась. — И, просто.

Он повернулся, чтобы глянуть на нее и разобраться в том, о чем Агния думает, но она отвернулась от него.

Честно говоря, так и тянуло спросить про поцелуй. Вот, будто кто за язык тянул, как у

любопытной бабы. И Боров усилием воли сдерживался. Но все же, пока не понял, чего же это она опускает такую деталь. В том, что ему самому это не привиделось, он был уверен. А она — что думает? Что, как тот пацан, о котором говорила только что — напился и полез приставать? По-детски не придала значения? Или еще чего, такое же «лестное». Или боится, что он…

— Вячеслав Генрихович? — Она позвала его, не поворачиваясь.

Так и стояла к нему спиной, разбирая пальцами длинные, спутавшиеся за ночь волосы, похоже, собираясь чего-то заплести.

— Что?

Надо отойти от окна.

Вон, совсем осип. Или это от криков прошлой ночью?

— Я, наверное, пойду домой, да? — она глянула на него мельком, искоса, через все эти волосы.

«Нет», хотелось ему сказать. И отпускать не хотелось. И, вообще… Но Боруцкий не собирался проигрывать сейчас, если сумел вытерпеть всю эту длинную, долбанную ночь.

— Наверное, еще и в консерваторию, хоть на вторую пару, успею, — продолжала говорить она. — У меня, конечно, разрешение на пропуски, на всю неделю, как и у всех, кто поехал. Но, раз уж я осталась…

— А когда ты вернуться должна была? — Вынув изо рта полностью измочаленную сигарету, Боров бросил ее в пепельницу.

Глянул на стол, где во всей этой «куче-мале» лежала пачка. Но новую не взял.

— В воскресенье, кажется. А что? — Агния совсем обернулась, перебросив свободно-заплетенную косу через плечо.

— Ничего, маленькая. — Он подошел к столу, пока Бусинка начала что-то искать в своей сумке. — Давай, дуй домой. И, лучше б отоспалась сегодня, раз уж законное право есть. — Ухмыльнулся Боров, настойчиво игнорируя боль в голове.

Она улыбнулась.

— Ну, не знаю, я еще посмотрю, — Агния подхватила куртку, сумку, и уже направилась к двери.

Он так и стоял у стола.

— Стой.

Борову аж самому по слуху резануло, настолько ему его же оклик прошлую ночь напомнил.

А девчонка, хоть бы что, спокойно обернулась.

— Да?

— Сюда иди. — Махнул он рукой. — И, слышь, тебя кто пустил-то вчера? — Пока она подходила, поинтересовался Боруцкий.

Агния удивленно глянула.

— Федот ваш. Я знаю, что мне сюда нельзя после шести вечера. Но я так хотела извиниться. А Вова не знал где вы, позвонил по моей просьбе Федоту, и тот сказал, что вы в клубе. Даже разрешил Вове меня сюда привезти, когда я в город вернусь. И он меня встретил с заднего входа.

Господи. Чистое дите. Ни одной задней мысли.

Ему и смешно было, и внутри противно от своих собственных мыслей, которые никуда не девались, хоть и понимал он все о ее возрасте. И злость с новой силой всколыхнулась. Плеснулась в голову. И заставила сжать кулаки.

Федот, значит. Сука.

Она так и стояла рядом, снова с неуверенными, полными ожидания глазами, похоже, опасаясь,

что он ее будет вычитывать и за проникновение в клуб.

Боров хмыкнул.

— Ладно. Опустим. И, на вот, — он осторожно достал из кучи хлама на столе сначала одну сережку. Потом вторую. Те смотрелись совсем крохотными в его ладони. Он и застегнуть бы их не смог своими пальцами, наверное. — Забери. И не бросайся больше. Обижусь.

— Не надо. — Она так радостно улыбнулась, что и у него губы, против воли, дернулись в ответ. И прижать ее к себе захотелось. Но Боров, ясное дело, даже не двинулся. — Не обижайтесь. Я ж не из-за злости или потому, что не ценю…

— Все, Бусина, я понял. Закрыли тему. — С усмешкой прервал он очередной поток ее объяснений. — Давай, иди. — Он махнул головой.

Девчонка схватила сережки, чуть коснувшись его ладони, и быстро ушла, на пороге обернувшись и еще раз ему улыбнувшись. А Боров сжал на минуту руку, постоял, и, наконец-то закурил, перевернув вверх дном содержимое ящика стола, пока обнаружил спички.

После третьей затяжки он вышел из своего кабинета и пошел по тихому коридору, подозревая, что знает, где найти друга.

Как он и думал, Федот расселся на одном из диванчиков в основном зале. То ли не спал ночь, стерег. То ли уже проснулся. Вон и кофеварка стоит перед ним. Две чашки. И бутылка с одной рюмкой. Пустой. Услышав его шаги, Федот поднял голову.

Боров молча подошел и, так и не сказав ничего, со всей силы заехал ему кулаком в нос. Так, что тот затылком ударился о спинку дивана, на котором сидел.

— Бл…! Ты че, охренел совсем?! — Зажав нос ладонью, Федот вскочил на ноги, явно, не собираясь простить такое «доброе утро». — Боров, ты совсем планочный стал? Какого хрена?!

— Ты что творишь, падла? — Ухватив друга за затылок, Боруцкий пресек попытку ответного удара. — Ты зачем девчонку сюда вчера пустил? Ко мне? В таком состоянии?

— А че? Не полегчало, смотрю? — Хмыкнул Федот, сплюнув слюну и кровь на пол. — Че, не стоила она такого мандража…

Он чуть об стену его еще не приложил, вдобавок.

Вячеслав еще там, в кабинете, когда она про Федота сказала, понял, что не просто так все. И это предложение выпить, с которым друг явился внезапно вечером, и появление самой Бусинки. Понял. И даже оценил. А все равно, вся нерастраченная энергия, злость, ярость, бушевали внутри, требуя крови. Всех подряд и кого попало.

Не надо было быть гением, чтобы понять план друга. Тем более что тот самого Борова очень хорошо знал.

— Слушай меня, сука! — Он ощутимо встряхнул Федота. — Ты хоть понимаешь, что если бы я хоть пальцем ее тронул, как ты, кажись, и планировал, я бы тебе сейчас не нос сломал, а мозги на стену вышиб бы?! Я б себя потом удавил, за то, что ее тронул, ты, недоносок!

Он оттолкнул Федота от себя, так, что тот снова упал на диван. Повернулся к столу и, схватив чашку с подогрева кофеварки, глотнул крепкого кофе.

— Так, я не понял. Она чего, так и осталась целкой? Ну, ты, блин, и даешь, Боров! — Федот уставился на него, похоже, обалдев. — Вы там что, разговоры вели всю ночь, что ли?

— А твое, какое дело?! Хоть семечки щелкали. — Он зло глянул на друга. — Радуйся, что живой. И молчи себе в тряпочку.

— Е-мое! «Вот из плесени кисель!…»

— Федот! — Боров еще глотнул кофе.

— Чего, Федот?! Чего?! — Видно, пришел черед друга орать.

Подскочив, тот схватил какие-то салфетки и принялся-таки вытирать с губ и носа кровь. Смял, бросил прямо на пол. И снова глянул на Вячеслава. Тяжело так.

Резкими движениями открутил бутылку водки, налил и выпил.

— Твою мать, Боров. Я, конечно, тоже хорош. «Сознаю свою вину.

Меру. Степень. Глубину…». Но, блин! Ты, хоть понимаешь, как влип?! Ты понимаешь, что…

— Не учи папку жить. — Боров сел прямо на стол и обхватил руками все еще гудящую голову. — Не дурак и не дебил. Все я понимаю. — Он сжал переносицу пальцами. — Прибить бы тебя. Чтоб не устраивал больше заговоров. И чтоб не спаивал. — Уже беззлобно ругнулся Боруцкий, думая о другом. Пронесло, и хорошо.

Федот молча наполнив рюмку и протянул ему.

Боров взял, покрутил пальцами, не отрывая от стола.

— Слушай, ты ее вчера, когда привел ко мне. Ты ее видел?

— В смысле? — Федот глянул на него как-то подозрительно.

— В смысле, в смысле, фингал у нее на щеке видел?

— Боров, оно мне надо, к малолеткам присматриваться. — Федот хмыкнул. — А что случилось-то?

— Ага, ты у нас сутенер, блин. Ты у нас не смотришь, просто из детей — шлюх делаешь, и все. — Боруцкий отставил рюмку, так и не притронувшись.

— Боров… — Попытался возмутиться друг.

— Цить! — Велел он, пытаясь думать с этой головной болью. — Ты знаешь, что, Федот. Пусть кто-то из наших ребят, что попроще, покрутятся в консерватории этой, где Бусинка учится.

— И?

— И узнают мне все про Сашку, который на четвертом курсе, и сейчас укатил в Киев.

— А че это за пацан? — Федот нахмурился.

— А ничего. Инвалид это. Вот вернется, и станет инвалидом, если не трупом. — Боров поднялся. — Достало меня тут все. Поехал я домой. Созвонимся.

Глава 13

Наше время

Он добрался до флэшки чуть ли не в двенадцать ночи. Пока Алексей закончил со всеми капельницами, пока Федот слонялся по квартире, вроде и поддерживая, а в тоже время, раздражая Вячеслава своим мельтешением. Пока Бусинка, наконец-то, успокоилась и снова уснула под действием всех этих лекарств. Короче, Боруцкому совсем не до того было. Он и забыл о флэшке, и уже сам почти улегся, когда что-то в мозгу все-таки щелкнуло. Пришлось вставать и идти в соседнюю комнату к ноутбуку, потому как не стал бы Соболь ему какую-то дребедень с таким важным видом совать.

А теперь, просматривая папки и отчеты, он понял, что Константин дал ему в руки если и не полную власть над Шамалко, то бешеный инструмент влияния — точно. И если часть из этого слить кому надо, а что-то отдать прессе, даже в виде провокации и наговоров — позиция Виктора на выборах пошатнется. Собственно, судя по словам Константина, от этой позиции уже и так ничего не осталось, но об этом знает пока только ограниченный круг людей, к которому сам Шамалко не принадлежит. А значит на того этим всем можно давить.

Информация о транзите наркотиков, махинации с государственной недвижимостью, как в прошлом, так и в настоящем. Даже схема транзита «живого товара» за рубеж. Что ж, нельзя сказать, что Борова что-то из этого удивило. Знать-то он знал, но вот документы, факты, числа — это куда весомей и серьезней. Даже интересно стало, как это Соболь столько накопал. Или, Карина, его жена, точнее, если верить Константину. А тут, наверное, удивляться не стоит, кем она была совсем недавно, Боров знал, а через постель к мужику не только в бумажник залезть можно, а куда угодно. Особенно, если жизнь заставит.

Впрочем, не так существенен источник информации, как способ ее использования. Соболь не шутил, с этими документами Шамалко его уже не достать. Но у Вячеслава то цель иная. Он не отсиживаться собирался, а прикончить эту падлу. И вот как этого достичь быстрее, и побольнее для Виктора, учитывая имеющиеся теперь аргументы, стоило подумать.

Обязательно стоило. Только не сейчас. Он старался, а все равно не мог сосредоточиться на чем-то, кроме Агнии дольше десяти-пятнадцати минут. Слишком нестабильным и непростым было ее состояние, чтобы именно в этот момент разрабатывать план мести. В конце концов, если исходить из слов Соболя, три-четыре недели до смерти Картова, у него еще есть в запасе. И там еще столько же где-то, плюс-минус неделя. Решит.

Захлопнув крышку ноутбука, Вячеслав пошел назад, в спальню. Бусинка за это время не проснулась. Леха ввел ей на ночь более сильные лекарства, пообещав, что они помогут Агнии перетерпеть ночь.

И это было хорошо.

Погасив даже свет в коридоре, чтобы не побеспокоить ее, Вячеслав разделся и лег рядом с женой. Он точно знал, что никогда не признается, даже ей не расскажет, как у него сейчас дрожали руки, и что он чувствовал, просто вытянувшись около нее на этом старом диване.

Эта квартира, эта комната, и диван тот же самый. Сколько всего случилось здесь, в этом доме. Сколько было сказано между ними, а сколько так и не произнесено, спрятано во взглядах и жадных вдохах. Сколько они оба здесь так старательно скрывали друг от друга. И сколько потом этих тайн

выплеснулось, когда не хватило больше сил сдерживать, запирать все…

Он подвинулся ближе, ощущая, как Агния стала вздрагивать во сне, будто бы ей было холодно, и она пыталась обхватить себя, чтобы согреться. Вячек подтянул одеяло выше, закутав ее по самую шею, обхватил жену руками, обнимая крепче. И, зная, что все равно не сможет уснуть, пока она в таком состоянии, принялся размышлять, как использовать данные, которыми теперь владел.

Девять лет назад

Прошло три дня после ее несостоявшейся поездки в Киев.

Агния все же решила посещать консерваторию, бесцельно сидеть в пустой квартире было не так уж и весело. А общаться, так или иначе, ей было не с кем, кроме Вячеслава Генриховича, только не дергать же его всякий раз, только когда хотелось поговорить? К тому же, Агния надеялась, что все же сумеет подружиться с кем-то из тех, с кем посещала лекции и пары. Но пока ей не везло. И больше всех Агния разговаривала с Вовой. Который Лысый. Не очень разговорчивая компания, если честно. Но все же, не своя собственная.

За эти три дня она только однажды видела Боруцкого. Он приезжал в ресторан и просидел весь их обычный ужин молча, за два часа поинтересовавшись лишь тем, все ли у нее нормально. Но при всем желании и нехватке общения, Агния была настолько рада его видеть, что сама разговаривала за двоих.

И ей хотелось больше. Всего больше. Видеть его. Разговаривать. Молчать с ним.

Странно, но да. Гораздо больше.

А еще, она не могла не думать о том непонятном не то разговоре, не то ссоре, в ночь, когда Агния так и не уехала никуда. О том, что Вячеслав Генрихович говорил. О том, что и как говорила в ответ она.

Хотя, нет. Если честно, Агния об этом почти и не вспоминала. Стоило ей подумать о том вечере — в памяти появлялась лишь одна ассоциация.

Поцелуй.

И ей тут же становилось жарко. И пальцы на руках начинали подрагивать. И кровь приливала к щекам. И она, даже находясь дома одна, не могла усидеть на месте. Принималась метаться по комнатам. И думать, думать, думать.

Хотя, можно ли было назвать «думанием» тот хаотичный бардак, который тут же образовывался в мыслях, Агния сомневалась. Вроде и понимала она, что ничего тот поцелуй не значил. И что Вячеслав Генрихович просто выпил много. И, вероятнее всего, принял ее за какую-то женщину, за свою знакомую или любовницу, а прекратить думать и воскрешать это мгновение в памяти — не могла.

Вот, кстати, у нее в эти дни появилась еще одна тема для размышлений.

Женщина Боруцкого.

Ведь, наверняка, у него кто-то был. А может и не одна женщина. У таких мужчин, насколько она могла это для себя представить, вполне могло быть и несколько любовниц. Странно так. Она знала его больше года, видела, минимум, дважды в неделю, и никогда, никогда до этого поцелуя даже не задумывалась о том — есть или нет женщины у Вячеслава Генриховича.

А теперь, осознавая, что ее поцеловать он мог лишь по ошибке, Агния не прекращала об этом размышлять. И, сказать по правде, она соврала бы, заявив, что подобные мысли ее радовали. Агнии было неприятно думать о том, кто же именно есть у Боруцкого.

Бог знает, отчего. Ведь, по сути, ей не должно было быть до этого дела. Может у него и жена имеется. И что, что Агния об этом не знала и не видела ту? Так ведь Вячеслав Генрихович и не обязан посвящать в личную жизнь какую-то сироту, над которой «взял шефство».

Кто она ему, в конце концов? Так, подопечная, свалившаяся на голову. Другой бы прошел мимо и не вспомнил, а Боруцкий, хоть и имел славу бандита, а, просто, человек не такой, добрый и хороший. Правда, крикливый. Громкий такой, тут не слукавишь. Но совестливый и хороший. Вот и помог ей. Но при этом он же не обязан посвящать ее во все нюансы своей жизни.

А Агнии теперь было просто до жути любопытно — есть ли у него кто-то? И кто? И какая?

Наверняка, красивая. Он серьезный человек. Да и статус. Тот же образ «авторитета» — обязывает. Наверное, какая-нибудь модель, с такой фигурой, что все мужчины вслед оборачиваются. Такая женщина, что сразу виден шик и класс. Такая, которая соответствует статусу. А может и много, очень много таких женщин. Даже если жена есть.

Разве Агния телевизор не смотрит? Или книги не читает? Такие люди, как Вячеслав Генрихович, никогда не обходятся одной женщиной. Их чуть ли не положение обязывает менять спутниц, одну за другой, на еще более шикарных и красивых. А еще эти все сауны, бани, и случайные…

Почему-то ей становилось как-то неприятно и горько внутри от таких размышлений. От всех этих мыслей.

Господи!

Агнии было еще и стыдно, что она думает об этом. Не ее это дело, если честно. Совсем не ее. И думать о личной жизни Боруцкого ей не стоило. Только вот не могла Агния прекратить. И если раньше даже не задумывалась, вообще, о чьей-либо интимной жизни, то теперь, как назло, не могла пропускать и игнорировать подобную тему. Ни в фильмах, ни в книгах, ни в разговорах девчонок за соседними партами на лекциях.

Раньше ее знания в этом вопросе сводились к курсу анатомии в средней школе и мнению одноклассников. Потом нежданная смерть родителей и сиротство, вообще как-то, отвлекли, отграничили Агнию от подобного. А теперь вот — она жадно интересовалась любой информацией, пусть и тайком, стыдясь, подслушивая, кто с кем встречается, как долго, и сколько девчонок меняют парни на их курсе за семестр. За три дня она узнала столько всего, что у нее голова болела, и Агния впервые поняла, как эта самая голова может «пухнуть» от избытка сведений.

Но все это было не то. Боруцкий — не восемнадцатилетний и даже не двадцатилетний парень. Он взрослый мужчина. И Агния была уверена, что он как-то иначе смотрит на этот вопрос. Как? Она даже представить не могла.

И, наверное, именно это ее и мучило. Ну и то, что уж она-то сама по себе, точно никогда бы не обратила бы на себя его внимание. И если бы не водка, он никогда бы не поцеловал ее так…

На этом этапе она старалась одернуть себя и пыталась понять, ну почему же ее это настолько зацепило? Но пока не находила ответа. Эти мысли терзали и мучали ее ночами и днями, на лекциях и, порою, даже на семинарах. Так, что она стала не всегда внимательна к словам преподавателей.

Думала она об этом и сейчас, сидя дома на своей кухне с чашкой чая. До того момента, как Агния пойдет в ресторан, было еще три часа, за окном снова шел дождь и деревья стояли совсем-совсем без листьев. Небо казалось пасмурным и темным, не добавляя никакого позитива, как и все эти глупые размышления и домыслы.

И вот тут кто-то и позвонил в дверной звонок.

Агния очень удивилась, открыв дверь. Нет, она не распахнула ту, по старой привычке, ничего не спрашивая и не глянув в дверной глазок. Боруцкий ее буквально «выдрессировал», вычитывая

всякий раз, когда Агния позволяла себе подобную беспечность. И сейчас она поинтересовалась, что же это за девушка стоит у ее квартиры? Оказалось, новая соседка. И теперь Агния с интересом ту рассматривала.

Перед ней стояла молодая девушка явно старше двадцати лет, но точный возраст Агния затруднялась определить. У девушки была очень стильная, совсем как в модных журналах или у ведущих на телевидении, короткая стрижка. На лице — аккуратный легкий макияж, который только подчеркивал красоту лица новой соседки. Темно-карих глаз, высоких скул, красиво-очерченных губ. Девушка была выше Агнии на голову, примерно, и модный велюровый домашний костюм не скрывал, а облегал все «преимущества» ее красивой фигуры.

Отчего-то, наверное, потому, что как раз сейчас думала о Вячеславе Генриховиче, у Агнии в голове мелькнула мысль — а не похожа ли эта девушка на ту, которых он выбирает себе? Стало как-то неприятно и тоскливо, потому как, реально оценивая себя, Агния поняла, что вовсе несравнима с красотой и стилем этой девушки, с ее умением держаться. А то, что подать себя девушка умела — бросалось в глаза, хоть они еще не успели обменяться и двумя словам. Правда, видно из-за этих дурацких мыслей и переживаний, впечатление Агнии оказалось неоднозначным, несмотря на всю красоту девушки, и даже больше неприятным.

— Привет, меня зовут Лена. Я из квартиры, которая как раз под твоей. Сняла ее. Теперь буду жить здесь. Вот, решила познакомиться с соседями. — С искренней и широкой улыбкой проговорила девушка.

Голос у нее был приятный. Как и она вся. Но, все же, и вот тут у Агнии настроение улучшилось, с ее собственным голосом тот даже сравнивать было нельзя…

Агния чуть не вздрогнула.

Фу. Стало как-то гадко. Что это с ней? С какой стати она вдруг стала на кого-то равняться и с кем-то себя сравнивать? Выискивать недостатки в людях, которых видит впервые.

— Привет. — И все же, Агния ответила не очень приветливо. Сдержанно так. И осторожно. — Очень приятно познакомиться. Я — Агния.

— Ух, ты! — Тут же восхитилась Лена. — Какое у тебя имя интересное! Никогда не слышала, чтоб так в жизни кого-то звали.

— Ну, вот. Меня зовут. — Как-то невпопад кивнула она.

И замолчала.

Лена, наверное, чего-то ждала. Но Агния не могла понять, чего именно. Потому не спешила говорить.

— Вот, я конфет принесла. Вроде как, чтоб не с пустыми руками знакомиться приходить. — Так и не дождавшись от Агнии ничего, снова заговорила девушка. И показала пакет с конфетами, который, и правда, держала в руке. — Я уже с Алиной Дмитриевной утром познакомилась. Она мне и о тебе немного рассказала. Говорит, ты в консерватории учишься?

— Да. — Агния кивнула.

И снова замолкла.

— Круто. — Лена усмехнулась. — Я на юридическом. Уже заканчиваю.

— Интересно, наверное. — Заметила Агния, толком не зная, что произнести. Она мало что знала о праве, и понятия не имела, интересно или нет, то изучать.

— Да, очень! — С энтузиазмом кивнула Лена. — Я уже и на работу устроилась, пока секретарем. Так, больше учусь пока, опыта набираюсь. На фирму, которая недалеко отсюда. Вот и квартиру новую искала. Я сама из района. Раньше в общежитии жила. А теперь решила переехать поближе к работе. Ну и, думаю, надо с людьми, которые рядом, познакомиться. Привыкла за четыре

года в общежитии, что всех знаю. Да и, правильнее так, как думаешь? Ведь всегда надо знать друг друга. Не дай Бог, случится чего. Ну, или еще что-то.

— Да, наверное. — Опять односложно согласилась Агния. — Приятно было познакомиться с тобой.

Странно, вот, вроде, полчаса назад ей не хватало копании для разговоров, а сейчас уже голова гудит от болтовни новой соседки. И хочется, чтобы она ушла поскорее. Все-таки, отвыкла Агния от нормального общения за это время.

— Так, может, чая попьем? Поболтаем? Ближе познакомимся? — Проигнорировав ее намек, Лена вновь потрясла у Агнии перед носом конфетами. — Ты мне про консерваторию расскажешь. И на чем играешь. Я в музыке, если честно, полный ноль.

Агнии совсем не хотелось ее приглашать. Вот, вообще. Захотелось закрыть дверь и вернуться в свою пустую, но родную и любимую, уютную кухню. Ту, где ей уже было сложно представить кого-то чужого. Кого-то, кроме себя и Вячеслава Генриховича.

Но воспитание и вежливость, прививаемая с детства, не позволяли отказать.

Тяжело вздохнув, она уже открыла рот, чтобы пригласить Лену войти в квартиру. Но тут открылась входная дверь у Алины Дмитриевны и на площадке показалась пожилая соседка.

— О, Агния, как хорошо. А я к тебе. Здравствуй, Леночка. — Кивнула старушка девушке, подтверждая рассказа той, что они уже знакомы.

— Здравствуйте. — Синхронно ответили и Агния, и Лена.

— Агния. Там крестный твой звонит, что-то спросить хочет. Подойди. — Алина Дмитриевна, так и стоя на пороге, махнула Агнии рукой, приглашая ее зайти.

У нее сердце ойкнуло. И свет за окном лестничной площадке, будто, стал ярче. И, вообще. Настроение сразу такое стало… Она даже Лене улыбнулась очень искренне.

— Прости. Сегодня не выйдет. Может, завтра? — Предложила Агния, схватив ключи с крючка у двери, и уже выскочила, закрывая двери за собой.

— Да, конечно. — С понимание кивнул Лена. — До завтра, тогда.

Агния кивнула, думая уже совсем о другом человеке, и проскользнула мимо Алины Дмитриевны в прихожую квартиры соседки. Здесь сильно пахло луком и жарящимся мясом. Не обратив на это внимания, она схватила телефонную трубку. И краем сознания удивилась тому, что пальцы подрагивают.

— Алло? — Голос, почему-то сорвался. — Алло? — Еще раз попробовала Агния, откашлявшись.

— Эй, Бусинка, ты там не захворала, часом? — Поинтересовался Вячеслав Генрихович. — Ты чего хрипишь?

— Нет, нормально все. — Смутившись, и радуясь тому, что он не может ее видеть, ответила она. И зачем-то ухватилась за телефонную трубку обеими ладонями. Словно бы у нее ту вырывал кто-то.

— Если нормально, это хорошо. — Хмыкнул Боруцкий. — Я, собственно, хотел проверить, дома ли ты. А то с этим твоим расписанием и учебой, не привыкну никак. А раз дома, я сейчас зайду на пару минут. Дело есть.

«Он сейчас зайдет. Всего лишь через день, после того, как они в ресторане виделись».

Агнии так тепло внутри стало. И все глупые мысли, раздражение — мигом забылись.

— Да, конечно, Вячеслав Генрихович. — Бодро согласилась она. — Приезжайте.

— Давай. — Бросил Боруцкий и отключился.

Агния еще пару секунд послушала короткие гудки. Очень осторожно вернула телефонную

трубку на место.

— Спасибо. — Поблагодарила она Алину Дмитриевну, которая прошла в кухню, пока Агния разговаривала. — Я пойду.

— Нормально все? — Соседка выглянула в коридор.

— Да, все хорошо. — Ничуть не кривя душой, кивнула Агния, улыбаясь.

— Ну и молодец. Ну и умница. — Похвалила Алина Дмитриевна, улыбнувшись в ответ. — Крестному своему привет передай, как увидишь. И двери захлопни, а то у меня тут котлеты подгорают.

— Обязательно.

Ответив согласием на обе просьбы, Агния побежала домой, торопясь поставить чайник, чтобы заварить свежего чая для Вячеслава Генриховича.

Он сидел в машине, глядя на ее подъезд, и чувствовал себя полным дебилом. Как можно ощущать себя так в тридцать пять лет, при всем том, что у него за спиной, Боров понятия не имел. Но вот ведь, третий день дурью мается. И все бы ничего, да прибить Федота мало. Надо было ему сильнее врезать тогда. Чтоб, вообще, ближайшую неделю рот открыть не мог. Или, лучше, челюсть сломать. Пил бы себе тогда кефир, просунув трубочку в скобы, и шепелявил бы потихоньку. И не капал бы Борову на мозги. А теперь вот, Вячеслав, как пацан, мнется, блин.

Достав сигарету, он прикурил, отдавая себе отчет, что в ближайший час вряд ли получится затянуться. А меньше времени сидеть с Бусинкой он не хотел. Не хотел, и все тут. И кто его выгонит? А никто.

Он с раздражением принялся барабанить пальцами по картонной коробке, которая лежала на коленях. Боров таскал ту за собой уже третий день. Таскал. А по назначению применить никак не решался.

Убьет он Федота. Вот сегодня вечером же и сломает челюсть.

Боров вышел на улицу под мелкий, противный моросящий дождь. Бросил окурок на асфальт. И снова глянул на коробку. Ладно, чего уж там. Все равно, эта идея все еще казалась ему правильной. Потому он сейчас пойдет и отдаст тот ей.

Он купил это почти сразу же после того, как отправил Бусинку домой в тот день. Сам поехал к себе из клуба, но посреди дороги остановился, увидев магазин мобильной связи. Тот только открылся. И, кажется, продавцы были не очень уверены, что его стоит пускать. Ничего удивительного если вспомнить о виде и состоянии Боруцкого в тот момент. Однако, свою роль, похоже, сыграла марка машины, из которой он вышел.

Его грызли изнутри мысли о том, что она так просто и не задумываясь рассказала. О том, как выскочила на вокзале. И о том, что звонила. А Боров, действительно, злился и слышать ничего не хотел. И видел ее звонки, а не поднимал.

Бля! А если бы с ней что-то случилось? Действительно случилось? Сейчас, наверное, после этой ночи, он уже без внутреннего блока и ломки мог признать, что не простил бы себе этого. Никогда. И не факт, что у него бы крышу не снесло, случись что-то с Бусинкой. Особенно от понимания, что он мог бы помочь, а был просто зол. Блин. Ну она же ребенок, ну чё с нее взять? И так вон, умнее его оказалась, сразу извиняться пришла. А он, как баран, уперся и орал…

Короче, он даже не задумывался над тем, с чего вдруг решил купить ей мобилку. Просто знал, что должен иметь возможность найти ее всегда, в любой момент. И она должна иметь возможность до него дозвониться при любом раскладе. И карточку он ей купил. И отдать собирался на следующий день, зная, что приедет в ресторан.

Только вот, дернул его черт подвезти Федота. Друг, вообще, обожал всякие технические новинки. Когда мобилы только появились, он раньше самого Вячеслава обзавелся «средством связи», а потом уже и друга заставил. И потому, стоило ему увидеть на заднем сиденье коробку с телефоном, Федот тут же схватил ту и принялся крутить.

— Ты че, решил мобилу поменять? — Не успев рассмотреть еще толком, друг принялся доставать его вопросами. — А мне чего не сказал? С той-то что? Косячит? Или… Блин! — Чуть ли не заорал Федот, когда открыл коробку. — Боров! Ну, ты и лоханулся! Ты на модель смотрел, когда брал? Кто тебе это впарил? Тебя ж люди на смех поднимут. Поехали, поменяем. Это ж бабья модель. Ты че, вообще не смотрел. Или с бодуна покупал?

— Рот закрой и положи на место. — Вячеслав хмуро глянул на дорогу.

Наверное, это оказалось достаточно выразительным и «многословным» для друга. Во всяком случае, тот тихо ругнулся и бросил коробку назад.

— Разобьешь, помчишься сейчас новый покупать. — Предупредил Боров.

— И не пошел бы ты?! — Федот зло чиркнул спичкой, прикуривая. — Боров, ты — придурок! Нет, идиот! — Друг со всей силы лупанул кулаком по боковой двери. — Так подставляться. Так… Хоть бы уже ее трахнул. Всех бы попустило. И тебя, в первую очередь.

— Заткнись. — Боруцкий косо глянул на Федота и отвернулся, поворачивая на боковую улицу. — Или сейчас вылетишь отсюда.

— Лады. — Федот выдохнул дым. — Лады. Я заткнусь. — Зло и сердито заметил друг, даже забыв о своих цитатах. — Плевать тебе на себя. И хрен с тобой. Задолбал уже. А что с ней тот же Косяч сделает, к примеру, если все просечет? Или Малевин? Ты об этом думал? Или, считаешь, что если ты в ее сторону дунуть боишься, то и другие девку не тронут. Умильно будут лыбиться, что ты на нее не надышишься? Боров! Да за ее жизнь, тебя же на колени поставить можно! Землю заставить есть… Гони ты ее. Гони, если тронуть не можешь. И себя спаси и ее, раз она тебе так важна. А не цацки таскай. Ведь просекут же. Поймут. Ты меня слышишь?!

Боруцкий не повернулся к другу.

— Ты мне про Сашку того узнал? — Вместо ответа спросил он.

— Нет еще. — Раздраженно буркнул Федот.

— Ну, так работай лучше, а не ори мне тут. — Велел Боруцкий, притормозив у дома друга.

В чем Федот был неправ?

А во всем прав. В каждом гребаном слове. Разве он сам об этом не думал еще черти когда. Сколько месяцев прошло с тех пор, как он впервые осознал, сколько Бусинка для него значит? Много. И он все еще надеялся, что переболеет этим? Нет. Уже нет. Не после той ночи, что была вчера.

И сам Боров это понимал, и Федот, как бы не бесился. И прав он, надо ему ее выгнать из своей жизни. Или самому из ее уйти. И переживать нечего — он уйдет, и у нее меньше проблем станет…

Только вот тот пацан к ней, ведь, вовсе не из-за Борова полез. И где она деньги возьмет, чтобы сумет прожить. И…

И все равно, Федот был прав. Если у Вячеслава оставались хоть какие-то мозги, надо было прекращать это безумие. Потому, наверное, и не взял он телефон, и не отдал ей в ресторане, как думал. И ни слова не сказал почти. Да и из того, что Бусинка рассказывала — ничего не слышал, считай. Боров смотрел на нее и думал, как это сделать, как все прекратить. Даже снял потом одну из девчонок Гели на всю ночь. Только вот, выгнал ее, стоило кончить. Потому что мало того что трахая эту девку, он о Бусинке думал, так еще и согнав свое перевозбуждение, ему почти гадко стало. И вымыться захотелось. Хоть он и выбирал девчонок Гели как раз за то, что можно было не

бояться, тот следил за чистотой своего «товара» и в плане чистоплотности, и в плане болезней.

Думал об этом Боров и вчера. А сегодня — послал все к чертовой матери. Потому как понял, что без толку. Не сумеет. Все равно будет к ней ходить. И ее не отпустит. Он сделает так, что и она на нем с такой же силой свернется. Сделает. А если не сможет… Все равно не отпустит. Это его Бусинка. Его девочка. Он сумеет сделать так, чтоб никто ничего не просек, но и ее из своей жизни никуда не денет.

Может он и пьяный был тогда ночью, но ее слова: «вы для меня — все», помнил так, словно ему их по внутренностям вырезали. И не забудет.

И пусть она в них не то еще вкладывала, что он хотел бы услышать, Боров подождет. И дождется.

Ну а, приняв такое решение, он подумал, что и телефону хватит болтаться на заднем сиденье. И потом, задолбало его звонить ее соседке, когда Боров хотел свою Бусинку услышать.

Быстро поднявшись по ступенькам, он едва успел нажать на кнопку звонка, когда двери распахнулись и на него уставились сияющие глаза девчонки.

— Ну, е-моё! Ну, сколько повторять… — Начал возмущаться он, но больше по привычке, стараясь вернуть себе самообладание за эти пару минут, пока будет привычно ее ругать за беспечность.

— Так я же знала, что это вы. — Возразила Бусинка, отступив, чтобы пропустить его. — И светло на площадке, а я в глазок смотрела.

— Знала она. Откуда ты знала, кому в голову придет в дверь позвонить, пока я еду? — Он и сам понимал, что и ворчит уже так, чтоб не замолчать только. Потому что надо было что-то говорить, чтоб не потерять голову под этим ее сияющим взглядом.

— А я чай вам сделала, Вячеслав Генрихович. — Кажется, она его решила не слушать. — Я как раз сама пила, когда вы позвонили. И я вам уже заварила, как вы любите. Пойдемте. — Она вдруг ухватила его за руку и повела в сторону кухни.

Шустро. Так, что он даже куртку скинуть не успел. Но и одернуть ее, остановиться не захотел, чтобы не лишиться этого нежданного, но слишком желанного прикосновения. И потом, сам ведь решил ее понемногу к себе приучать, вот и надо начинать. Если выдержит и умом не тронется, конечно.

— А что случилось, Вячеслав Генрихович? Что за дело?

Что-то она какая-то не такая была, как обычно. Дерганая вся. И в глаза не смотрела, а как-то крутилась. То зыркнет, то тут же в пол уставится. И тараторит. Хотя обычно, наоборот, всегда плавно говорит. А здесь, словно нервничает. Ему захотелось обхватить ее руками и прижать к себе. Как-то утихомирить эту маленькую юлу. И уткнуться в ее волосы захотелось, не собранные в косу, как обычно, а распущенные по плечам. Влажные. Видно она под дождь попала, как из консерватории шла, и теперь ждала, пока пряди высохнут.

Вместо этого, чтоб вот так с ходу ее не пугать, он опустил на стол коробку.

— Вот. Чтоб больше не рыскала по вокзалам в поисках телефонов. И не Лысому звонила, если что. А мне.

— Ой. — Она моргнула. И села на стул. И руку его отпустила. Жаль. — Ой. — Чет он не наблюдал особой радости. Скорее какой-то ступор. — Это телефон?

Он кивнул, пока не поняв ее реакции. Не то, чтоб Боров покупал мобилку, рассчитывая на радостные визги. Но все-таки, девки обычно себя иначе ведут. И всегда подаркам радуются. А тут…

Одного грело душу — Бусинка радовалась, когда его видела. По ходу, его появление — для нее

самым лучшим подарком было.

— Вячеслав Генрихович. — Она подняла на него свои глаза. И Борову они показались испуганными. — Мне не надо. Правда. Я же вам говорила. — Она чуть ли не с досадой закусила губу.

А ему до того захотелось дернуть девчонку на себя и поцеловать в этот момент, ворваться в рот языком, как уже попробовал однажды, что пришлось сжать пальцы на дверном косяке, лишь бы не поддаться.

— И я вам звонила, — Агния отвернулась, уставившись на свои пальцы.

— Я знаю. — Он отвернулся. И схватился за свою чашку с чаем, как за спасательный круг. — Теперь всегда дозвонишься. — Хмуро буркнул Боров, вертя кружку в руках.

Та была его, личной. Заведенной на этой кухне специально для Боруцкого. Он однажды пришел, а Агния поставила ту перед ним. Без всяких там цветочков и мордочек, как остальные ее чашки. Без ободков. Простая темно-синяя керамическая кружка. Лично его.

И чай она уже заваривала именно так, как он привык и сам делал. Один раз посмотрела, когда он ночевал у нее после смерти бабки, и запомнила.

— Так, маленькая. Тебя не спрашивают. И, вообще, у меня подопечная одна. Надо же следить, а то вон — за один вечер, сколько всего случилось. — Он хмыкнул, пытаясь как-то разрядить тишину кухни. — Да и потом, не могу же я вечно твою соседку дергать, когда мне поговорить надо. И не вечно же ты дома сидишь…

— Ой. — Она аж подскочила. — Он же зазвонить может, если мне кто-то позвонит. На парах. — Теперь Агния смотрела на него почти беспомощно. — У нас так ругают тех, у кого есть телефоны. Их всего десять человека на курсе, но преподаватели злятся.

Боруцкий усмехнулся. Теперь искренне.

— А ты не включай звонок на лекциях. И номер никому не давай — и звонить никто не будет. — Подмигнул он девчонке. — Кроме меня. — Боров отпил чая.

— Вячеслав Генрихович… — Бусинка шагнула к нему.

Он по неуверенности в ее глазах видел, что собирается продолжать спорить и отнекиваться. Точно, как с серьгами когда-то.

— Так, все, Бусинка. Вопрос закрыт. Сейчас возьмешь, вставишь карточку. И чтоб всегда включен был. Понятно? — Сурово велел он, не позволяя ей возражать. — И, да. Ты им не кидайся, пытаясь доказать, как тебе подарки не нужны. Это не серьги, разобьется.

У нее щеки вдруг порозовели.

— Я не буду, правда, Вячеслав Генрихович. — Она так робко и неуверенно ему улыбнулась, что у него чай поперек горла стал, обжигая пищевод.

Он только кивнул. А Агния с явным любопытством и, наконец-то, прорезавшейся радостью, принялась распаковывать коробку.

Следующие полчаса он честно пытался ответить на сыплющиеся из нее вопросы: «Что? Куда? Как? Зачем? Что с этим делать?»

И искренне кайфовал от того, что она начала радоваться. Блин. Да он бы ей каждый день что-то дарил ради того, чтоб наблюдать за этим осторожным и робким, но таким искренним восторгом. Еще б не приходилось поначалу уламывать и уговаривать. Но и к этому он начинал привыкать.

Одно плохо, ему пора было ехать. А совсем не хотелось. Боров бы просидел здесь еще и те полтора часа, что оставались Бусинке до выхода, и плевать, что курить хотелось. И до ресторана довез бы свою девочку. Только те дела, что должен был сделать сегодня, никак перенести и отложить не мог.

Она притихла, стоило ему подняться. Сразу поняла, что уходит, Боров опять по глазам увидел. И радость вся ее куда-то делась, хоть Агния и продолжала улыбаться. Но так, только для вида, думая, что он не разберет. Кивнула, когда он попрощался. И пошла провожать. А когда он уже обулся, позвала:

— Вячеслав Генрихович?

Он глянул на нее.

— Я вас попросить хотела.

Неужели? Ему стало интересно. Боров молча продолжал смотреть на Бусинку, которая, похоже, опять стеснялась.

— У нас перед Новым годом, в консерватории, концерт будет. Нам сегодня сказали. Вроде как показательно-отчетный. — Агния неуверенно улыбнулась. — В общем, нам разрешили пригласить своих родных и гостей. Кого захотим. Вот. — Она сцепила руки перед собой. — Я вас приглашаю. Вы придете? Пожалуйста?

Боруцкий глянул на ее взволнованное лицо и хмыкнул.

— Так я ж в опере твоей, ничего не смыслю. — Заметил он. — Ни хрена. Чего мне место занимать? Может, толковый кто придет…

— Вячеслав Генрихович, — она так разнервничалась, наверное, что опять подскочила к нему, став едва не впритык. И снизу вверх заглянула в глаза. — Я хочу, чтобы вы пришли. Вы. Мне других не надо. И не буду я никого больше звать. Пожалуйста. Я же уже просила прощения за то, что сказала. Я так не думаю, честно. — Бусина снова схватила его за руку.

Блин. Он же не каменный.

А вот если он ее будет хватать, когда приспичит, она нормально будет реагировать? Так он же тогда ее, вообще, из рук не выпустит…

Нет. Рано еще. Спугнет.

— Хорошо. Я приду. — Обхватив ее плечи, Боруцкий только на секунду прижал свою девочку к себе. И отстранился. — Маякнешь потом, куда и когда.

— Спасибо, Вячеслав Генрихович! — Ее улыбка снова была просто оглушающе-счастливой. И почему она телефону не так обрадовалась? — Огромное спасибо!

— Было б за что. — Отмахнулся Боруцкий, уже выходя в коридор.

Она случайно встретилась с Федотом. Просто торопилась за вещами после выступления и, заглянув в бильярдную, не заметила того. Решила «срезать» путь через пустую комнату. И прошла половину помещения, когда ее окликнули.

— О, Бусина! А ты чего тут делаешь? — Друг и помощник Вячеслава Генриховича сидел на одном из диванчиков у стены и курил.

Похоже, он находился тут один. Во всяком случае, уже внимательней осмотревшись, Агния больше никого не увидела. А жаль. Несмотря на то, что за последние десять дней она видела Боруцкого целых четыре раза, что было куда чаще, чем обычно, она не огорчилась бы и еще одной встрече. Но видно не сегодня.

— Я — Агния. — В который раз напомнила она, отступив немного. Просто так. На всякий случай. — И — ничего. За вещами иду. Я уже закончила выступать. Домой пора.

— Да, я слышал. — Федот откинулся на спинку дивана и выдохнул облако дыма вверх. — Ну, иди тогда. Чего застыла? Агния.

— Ничего. — Все-таки, он ее пугал. Странный какой-то. И не понятно, о чем думает. И зачем к ней цепляется.

— А, да. Слышь? — Окликнул он ее тогда, когда Агния почти дошла к выходу. — Что там, больше к тебе никто не цеплялся? Никому больше по голове надавать не надо? А то мест в больнице еще полно.

— Вы о чем? — Ничего не поняв, Агния повернулась и с удивлением посмотрела на Федота.

— Ну, как о чем? О пацане том, что лез к тебе. Не бойся, больше и пальцем не тронет. Нечем. — Федот ухмыльнулся, снова затянувшись.

У Агнии холод прошел по позвоночнику, и появилась какая-то странная, противная и мерзкая слабость в ногах.

— Какой пацан? Кто в больнице? — Чуть ли не шепотом переспросила она.

— Ну, к тебе пацан какой-то в поезде клеился? Сашка? С четвертого курса? Так? — Хмыкнул Федот. Поднялся с дивана. Потянулся.

Агния смогла только слабо кивнуть от вязкого, тягучего ужаса, накатившего на нее волной.

— Ну, так больше он к тебе не полезет. Да и друг его. И правильно, нечего к нашим девчонкам лезть. Надо знать свое место. Ты, как-никак, под нашей защитой. Наш же человек. — Федот ей подмигнул и, ухмыльнувшись, вдавил окурок в одну из пепельниц.

— Вы что? Вы его избили? — Еле слышно спросила она, понимая, что с трудом выговаривает слова.

— Я? — Федот хмыкнул. — Нет. Я, так, смотрел. Боров с этим хлюпиком и сам справился. Там, в принципе, и справляться особо не с чем.

Она с трудом глотнула, пытаясь смочить пересохшее горло.

— За что? — Почти шепотом спросила Агния.

— Как за что? — Удивился Федот. — Ты ж сама говорила, что он приставал. Да и парень признался, когда его спросили. Как на духу выложил. Ну, так мы и того, «…я ему

Растолкую, что к чему!

Я его до самых пяток

Распишу под хохлому!..»

Федот довольно хлопнул ладонью по бильярдному столу.

— Думаю, больше никаких непоняток не будет.

Агния не знала, что сказать. Она не могла поверить тому, что рассказал Федот. Не хотела верить, будто бы Вячеслав Генрихович мог кого-то побить. И за что? Только за то, что Сашка к ней полез? Обидно, конечно. Но больница…

Ничего не сказав, Агния развернулась и вышла из бильярдной, ощущая себя оглушенной.

Нет. Это Федот просто поддевает ее. Он любит доставать Агнию. Не в первый же раз. Вот. Он просто поддевает ее. Да…

Агния не помнила, как дошла до дома. Не знала, говорил ли Вова что-то по пути. Она ничего не слышала и не воспринимала, словно ее голову окутал толстый слой ваты.

Нет. Она не могла поверить. И даже несколько раз бралась за телефон.

Тот самый, серебристый, красивый, раскладывающийся. С цветным экраном и красивой музыкой. Который она первые несколько дней разглядывала при первой возможности и не могла поверить, что у нее такое есть.

Ни у кого на курсе такого не было. Агния не хвасталась и не показывала. Но смотрела на те телефоны, которыми буквально размахивали однокурсники, да и студенты с других курсов в консерватории. И тот, что ей подарил Вячеслав Генрихович, как поняла Агния, был одним из самых новых и лучших.

Вот сейчас Агния наберет его номер, один из всего трех, которые у нее есть в записной книге,

и спросит. И, конечно же, Вячеслав Генрихович ее успокоит и все объяснит. И подтвердит, что Федот просто пошутил. Но с другой стороны, откуда Федот, вообще, знает о Сашке и о том, что случилось в поезде?

Она мучилась этими вопросами всю ночь. И так и не позвонила Вячеславу Генриховичу. А на следующий день ходила по консерватории, как лунатик, и прислушивалась к любому шепоту и слухам. И почти под конец дня, замерев на одной из лестниц, под которой курили старшекурсники, услышала. Парни обсуждали того самого Сашку. И Толяна. Которых пару дней назад кто-то действительно избил. Избил так, что парней отвезли в больницу. И те до сих пор находились там, в отделении травматологии. За что? Почему? Никто не знал. Однокурсники собирались сходить, проведать парней.

Агния так и села там же, на грязных ступенях, не обращая внимания на удивленных студентов, спускающихся вниз и торопящихся вверх. У нее голова гудела, а в ушах стоял звон. И во рту было как-то горько. А перед глазами мелькали какие-то темные точки. Хоть бы в обморок не упасть прямо здесь.

Она заставила себя глубоко вдохнуть, прижала руки к щекам и опустила голову на колени.

Господи! Господи, что же делать? Что же ей теперь делать?

Осознание того, что все это время она обманывала себя, обрушилось на нее, словно снежная лавина. Ухнуло, ударило по сознанию и совести, ужасом с горечью прокатилось по каждому нерву.

А ведь он никогда, никогда не скрывал от нее, кто такой. И все вокруг напоминали. Только Агния не хотела верить. Не могла. Ведь к ней Боруцкий относился так внимательно, так по-доброму… Неужели он и правда мог… Ей же и в голову не приходило, когда Агния рассказывала…

Как же теперь быть?

Идея пришла сама собой. Агния подскочила и буквально побежала прочь из корпуса, торопясь скорее оказаться дома. Она в понедельник получила зарплату в ресторане. Если отложить из той двести гривен, плюс шестьсот пособия, то до конца месяца сумеет протянуть. Конечно, придется есть яичную лапшу и варить суп, который Агния страшно не любила. Но это не беда. Да и в ресторане можно всегда что-то вкусное взять на ужин. Справится.

Домой Агния доехала быстро, время пробок еще не наступило. Забрав из шкафчика, стоящего в комнате, которая раньше была бабушкиной, большую часть своей зарплаты и того, что откладывала несколько месяцев, она снова вылетела из квартиры.

— О, привет! Ты куда так торопишься?

Уже на лестнице Агния столкнулась с Леной, отпирающей дверь своей квартиры.

— Так, по делам, — она мимоходом улыбнулась соседке. — Надо мне.

— Ну, смотри. — Лена улыбнулась. — Если успеешь перед работой, заходи, чаю попьем.

— Вряд ли, но я посмотрю. — Кивнула Агния и побежала дальше.

Они трижды пили чай с Леной. Два раза у Агнии и одни раз у соседки. Болтали о каких-то мелочах, обсуждали музыку и право. Каждая из них пыталась посвятить другую в тонкости своего пристрастия. Но сейчас ей было совсем не до чая и не до конфет.

Даже не подумав о маршрутке, Агния пешком пробежала пять кварталов, не обращая внимания на такой уже привычный мелкий дождь.

И остановилась, чтобы перевести дыхание только тогда, когда влетела в двор церкви, которую старалась посещать каждое воскресенье. Тот был совсем пустым. Да и основной вход оказался закрыт. Впрочем, Агния знала, что боковая дверь всегда днем открыта.

Перекрестившись и поклонившись у входа, она натянула на волосы платок, который вместе с деньгами прихватила дома, и вошла в церковь. Пожилая женщина, продающая в холле свечи,

иконы, наборы для крещения, вопросительно глянула в ее сторону.

— Здравствуйте, — тихо поздоровалась Агния, подойдя к ней. — А можно заказать молитву о прощении грехов?

— Конечно. — Устало кивнула женщина. Осмотрела ее. — Вот, на стене висит список того, за что можно заказать молитву, и о грехах, и за здравие, и за упокой…

Агния даже не глянула в ту сторону. За упокой родных она только пятнадцать дней назад сорокоуст заказывала. Сейчас ее интересовало не это.

— Я хотела бы, чтобы помолились о прощении грехов.

— Хорошо, — женщина улыбнулась, еще раз глянула на Агнию, кажется, решив, что ее грехи не так и сложно отмолить. — Скажи мне свое имя. — Женщина взяла карандаш, приготовившись записать.

— Это не мне. — Агния неуверенно переступила с ноги на ногу. — Вячеслав. За Вячеслава молитву.

— Хорошо. — Женщина записала и еще раз кивнула. — Двадцать гривен.

— Нет. Вот. За все эти деньги. — Агния достала из кармана все принесенные купюры. — Пожалуйста, чтобы за него молились каждый день. На сколько хватит.

— Здесь больше тысячи. — Женщина удивилась, начав пересчитывать. — Ты уверена?

— Полторы. — Агния кивнула. — Да. Уверена. Пожалуйста.

Женщина нахмурилась.

— Но…

— Извините. Мне надо идти. — Боясь, как бы ей не отказали, она отвернулась и быстро пошла прочь.

Она и сама за него каждый день молилась. Раньше просто, чтоб все хорошо было, и с благодарностью. Теперь будет просить и о прощении для Вячеслава Генриховича. Но что одна ее молитва. Тут, кажется, гораздо больше надо…

— Девушка! — Попыталась окликнуть ее женщина.

Но Агния так и не обернулась. Еще раз перекрестилась на выходе и, покинув помещение, вышла во двор.

Да так и осталась стоять, зачем-то рассматривая проезжающие мимо машины. И не заметила, как простояла сорок минут, и что уже темнеть начало. И ей пора идти в ресторан. Наверное, до самой темноты бы стояла, если бы ее телефон не начал звонить.

— Агния, ну ты где? Я тут в двери тарабаню. Уже соседка твоя вышла. — Похоже, Вова пребывал в недоумении.

— Я не дома. Тут, не очень далеко. В церкви. — Агния только сейчас спохватилась, обратив внимание на время и сгущающиеся сумерки.

— А че ты там забыла? — Искренне удивился Вова.

— Так, ничего. Захотелось зайти. — Увильнула она от ответа. — Давай, я пойду тебе навстречу, ты налево поверни, как из двора выйдешь.

— Ну уж нет, стой на месте. Меня Вячеслав Генрихович живьем закопает, если с тобой что-то случится. Стой, где стоишь, я сейчас подойду. — Велел Вова и отключился.

Глава 14

Наши дни

Она открыла глаза и попыталась понять, что ее окружает. Слабый свет из окна еще не резал глаза, но уже позволял рассмотреть все вокруг. И жарко. Уже было жарко. Но Агния даже радовалась. Когда вокруг было тепло и ей становилось легче. Уходил озноб. Уже не тот, реальный, а другой, словно живущий внутри нее.

Она чувствовала себя безумно уставшей. Настолько, что и пошевелить рукой казалось непосильной задачей. Даже голову повернуть было так тяжело. И нельзя сказать, что она продолжала ощущать ту боль, что мучила тело Агнии первые дни. Нет. Но казалось, будто каждой клеточке ее тела не хватает воздуха. И Агния задыхалась.

И чтобы избавиться хоть на секунду от мыслей об этом, она заставила себя все же повернуть голову.

Рядом спал Вячек.

Агния понятия не имела, как выглядит сейчас она сама. Наверное, ужасно. Ее же муж казался очень уставшим. Даже во сне. Все его черты обострились, а под глазами и скулами пролегли темные тени. Губы были плотно и напряженно сжаты, несмотря на то, что он вроде бы отдыхал. А в их углах проступили глубокие складки. Да и морщинки у глаз стали куда заметнее, чем раньше. На щеках виднелась жесткая щетина. Наверное, последнюю пару дней Вячек забывал бриться. А может, ему было не до того, ведь он столько занимался ею.

Агнии было стыдно. Пусть она слышала все его слова, все заверения в том, что нет вины Агнии в своей зависимости. Но мысль о том, что она могла бы быть сильнее, бороться с этим лучше — не позволяли ей успокоиться. Однако и мотивации не добавляли. Скорее изматывали еще больше. И угнетали.

Мелькнула мысль… Нет, даже не мысль, а какое-то не до конца оформившееся стремление или желание — вот, если бы ей достать хоть немного тех таблеток, что давал Виктор… Она бы смогла потом перебороть свою тягу к ним. Но эта слабость бы ушла. Только немного…

Она сжала пальцы так сильно, как только могла, прогоняя это желание, и опять посмотрела на любимого.

Нет, Агния не винила Вячека. Ни в чем. Никогда. Она знала, на что шла, однажды решив быть с ним. Она знала, кто он такой и понимала последствия своего выбора. Увидев его там, во время концерта, она решила, что сошла с ума, что кто-то из людей Виктора переборщил с дозой наркотика… Ее сознание готово было выдвинуть любую идею. И все равно — Агния в тот момент была дико, безумно счастлива его видеть. И ни на секунду в ее разуме не мелькнула мысль обвинить мужа в том, что ей довелось пережить за этот год.

Агния знала, что все в этом мире имеет свою цену. Она когда-то выбрала жизнь с человеком, который мог не задумываясь убить кого-то. Избить человека только потому, что Вячеславу такое действие казалось верным, не учитывая иные, даже самые веские резоны и причины. Вячека заботило только собственное мнение и собственный взгляд на действительность. И все это Агния приняла. И она осознавала, что рано или поздно ей придется заплатить за счастье с таким человеком.

А она была с ним счастлива. Счастлива так, что мир сиял вокруг нее не просто всеми

красками, а, казалось, искрился бриллиантовой крошкой. Вячеслав окружил ее такой любовью, такой страстью, что Агния терялась в его чувствах. Тонула с головой. Эта любовь была жадной и требовательной, обособляющей, отграничивающей ее от всего остального мира. Ну и пусть, Агния ни в ком больше не нуждалась, если Вячек был с ней рядом. Все эти годы ей было достаточно только его присутствия.

Что ж, тем дороже оказалась цена.

Агния закрыла на секунду глаза и тяжело сглотнула. А потом снова посмотрела на спящего мужа. Как же сильно она измотала его за эти дни. И Агния даже не знала, сколько именно времени прошло с того момента, как он появился перед ней на концерте. Неделя? Месяц? Двое суток?

Нет, точно больше, чем пару дней. Вот только, сколько именно?

Светлое и темное время суток, дни и ночи — в ее сознании все смешалось, и Агния не могла уже четко разделить, когда она бодрствовала, снедаемая жадной, черной потребностью в наркотике, а когда спала, забывшись тяжелым забытьём под действием препаратов, которые вводил ей Алексей.

Она помнила, как Леша говорил, что первая ночь будет самой тяжелой, как убеждал в этом Вячеслава. Но все оказалось не так. Может быть ему, врачу, с его позиции, все казалось именно таким. Но Агния ощущала иначе.

Перетерпеть боль в теле, мучительное напряжение, когда не удавалось расслабиться и просто закрыть глаза без препаратов — да, это было сложно. Но терпимо, особенно с помощь всех тех лекарств, что ей вводили, и с присутствием Вячеслава рядом.

А вот справится с тем, что нахлынуло, оккупировало ее сознание после — не помогали ни лекарства, ни постоянное бдение любимого около нее. Апатия. Какое-то беспросветное и угнетенное, настолько подавленное состояние, что дышать не хотелось, не то, что двигаться или говорить. Ничего, абсолютно ничего не приносило не то, что радости, а хоть мимолетного ощущения комфорта. Никакое положение тела не давало облегчения, ничего не позволяло отвлечься.

Алексей пытался донести до нее какую-то информацию. Объяснить, что наркотик подавлял ее собственные «гормональные механизмы удовольствия» в мозгу, что тем необходимо теперь восстанавливаться, как, к примеру, конечности после перелома. Агния старалась поверить, старалась убедить себя бороться. Но мотивация не работала. Она дышать не могла. Телом не могла, не легкими. Ей просто было плохо. Все плохо, без уточнения и дифференциации на органы и составляющие. И даже видя, что от такого ее состояния страдает и мучается Вячек, ничего не могла с собой поделать. Она принимала таблетки, которые по его требованию давал ей Алексей, она старалась как-то встряхнуться и напомнить себе о том, что ей есть ради чего стараться и жить. Но пока это все не срабатывало.

Агнии стало безразлично совершенно все. И любая мысль, любое воспоминание лишь угнетало еще больше. Вновь накатила тоска и безумное горе от воспоминаний о потере ребенка. То отчаянье, которое толкнуло ее на попытку самоубийства, грех, который она никогда не считала себя способной совершить. Нет, сейчас Агнии не хотелось наложить на себя руки.

Ей даже этого не хотелось.

Вообще ничего. Она пребывала в каком-то сумеречном состоянии сознания и никак не могла из того вынырнуть.

Ни солнце за окном, ни лето, которое наступило уже в мае, ее не радовало. Единственное, что хоть немного вызывало отклик внутри — было все же присутствие Вячека, хоть и это не пробуждало ее волю к жизни. И, тем не менее, сейчас она лежала и смотрела на спящего мужа, понимая, что совсем измотала его своим собственным состоянием.

Все это время, сколько бы его не минуло, Вячеслав находился при ней неотлучно. Он был с Агнией, когда она открывала глаза и когда проваливалась в тяжелую дрему от лекарств Леши. Он заставлял ее хоть как-то двигаться и вставать, тянул к окну, принуждая смотреть на зелень и старую липу, по какой-то нелепой прихоти уже выкинувшую бутоны цветения совсем не по сезону. Вячеслав купал ее, держа на руках под струями душа, когда у Агнии не было сил стоять от боли, и сидел с ней в ванной, когда она просто не видела смысла что-то для себя делать, пусть и ради чистоплотности и здоровья. Так осторожно и нежно мылил кожу, одной пеной, казалось. Словно бы Агния могла бы раскрошиться, надави он чуть сильнее, или позволь себе прижать мыло к ее телу. И глядя на это, на его руки, куда больше привыкшие бить и ломать, чем так бережно гладить — ей хотелось плакать, особенно, когда глаза Агнии цеплялись за белесо-розовый шрам на месте двух пальцев. Но она не могла. Просто не могла.

А он так старался. Даже пытался растормошить ее, рассмешить, постоянно к чему-то подталкивая и чем-то грозя. После каждого купания, ежедневно он усаживал ее себе на колени и долго расчесывал. Хотя что-там было чесать-то, после ее похода в салон в Киеве? Но Вячеслав упорно водил расческой по коротким прядям, то обещая ей тихим шепотом, что волосы скоро снова станут длинными, то угрожая, что он сам ее выпорет и руки повыдирает, если она еще раз додумается их остричь. А Агния даже улыбнуться не могла. Просто покорно сидела, разрешая ему делать все, что Вячеслав считал нужным.

Он и есть ее заставлял, иногда просто «стоя над душой», а порою и кормил, лично держа у рта вилку или ложку, и не позволяя Агнии прятаться на его плече. Неумолимо игнорируя полное отсутствие у нее и аппетита и интереса к еде.

И самое страшное — она понимала, оценивала разумом, что именно и сколько Вячеслав делает для нее. Но встряхнуться, чтобы помочь ему в этом — не могла. Не могла и все тут, просто отстраненно наблюдала, словно бы рассредоточенное сознание находилось отдельно от тела, погруженное в серую и безэмоциональную, безрадостную реальность, в которой все просто было «плохо».

А вот сейчас при виде усталости на лице Вячека, когда он спал и просто не мог сохранять свой вечно уверенный и непробиваемый вид — ей стало неловко. И стыдно вроде, но не так, как до этого. Не смиренно.

Агнии захотелось что-то изменить. Да, это желание еще было едва ощутимым и слабым. Но оно появилось.

А еще ей захотелось протянуть руку и провести по его щеке пальцами, вспомнить, какова на ощупь эта жесткая щетина. Снова научиться сладко замирать от легкого царапанья его небритых щек, когда дрожь пробегает по коже и внутри что-то сжимается, перехватывая дух. И щекотно. И смеяться хочется, когда он специально дразня ее, проводит щекой по ее шее. Ей очень, очень-очень вдруг захотелось вспомнить все это.

Она подняла руку, вялую и бессильную. Даже не подняла, если честно, просто подтянула ту по простыне. И осторожно, не желая его будить, прижала пальцы к щеке Вячеслава.

И чуть не разрыдалась от обиды и разочарования.

Все было совсем не так, как когда-то. То, что Агния ощутила, показалось лишь бледной тенью прежних эмоций и чувств. И вовсе не потому, что она стала любить его меньше. Нет. Просто тело словно бы исчерпало возможности своих чувств и реакций, истощилось, не в силах реагировать даже на самого дорогого человека.

И все же, это словно что-то переключило в ней. Изменило. Заставило вскинуться в противостоянии. С трудом глубоко вдохнув, она заставила себя тихо сесть и все-таки не заплакала.

Вместо этого она подвинулась еще ближе к Вячеку. Близко настолько, что ей стали видны линии вен под кожей у него на плотно сомкнутых веках.

Агнию бы взбесило то, что сделали наркотики с ее телом, если бы она сейчас могла испытывать такие чувства. Но и самого мысленного возмущения и обиды оказалось достаточно, чтобы понять — если она не попытается возродить себя, Вячек сам не справится, несмотря на все свое упрямство, настойчивость и любовь.

Не отрывая пальцев от его щеки, Агния все так же осторожно начала касаться кожи любимого, едва ощутимо поглаживать, легко прижимать. И вместе с тем — смотреть. Стараться вспомнить все то, что завораживало ее всегда в любимом мужчине, снова увидеть это, оживить, пережить.

Вячеслав лежал на спине, закинув одну руку себе за голову, а второй до этого словно обхватывал саму Агнию. Оберегая, укрывая. Как берегут ребенка, опасаясь, что во сне тот может упасть, не ощутив края кровати. И то, что сейчас ее муж даже не шевельнулся от ее легких прикосновений, только подчеркнуло, как же на самом деле он устал, сколько сил отдавал ей. Всего себя.

Обычно легкого шороха было достаточно, чтобы Вячек подскочил с кровати, уже схватившись за пистолет, с которым практически никогда не расставался и держал поблизости. Но сейчас он лишь немного нахмурился во сне, повернув голову к ней. Словно и ощущая ее касания, но и не имея сил открыть глаза.

Агнии захотелось его поцеловать. Наклониться и коснуться своими губами сжатых губ Вячеслава, нежно, мягко. Заставить его расслабиться. Ощутить полный вкус этого рта, а не просто позволить ему сдержанного и легко поцеловать саму себя. И Агния даже немного наклонилась, подалась вперед, собираясь сделать именно это, когда ее пальцы, продолжающие поглаживать кожу Вячека, наткнулись на какую-то неровность и шероховатость в месте перехода шеи в плечи.

Этого раньше не было. Агния могла бы с кем угодно спорить на то, что знает тело своего мужа до последнего миллиметра, все шрамы после ножевых и огнестрельных ранений, даже те, что остались после частично сведенных наколок. Этого рубца она не знала.

Холод от страха, пусть и запоздавшего, отозвался внутри острее, чем любое чувство минутой раньше. Ужас за жизнь Вячека, только вновь обретённого, прошелся по нервам, словно пробуждая ее тело.

Агния потянула простынь вниз и наклонилась, рассматривая странные полукруглые, какие-то рваные полосы и словно ямки, углубления.

Ему стреляли в живот. Это она помнила. Это то, что Агния видела тогда. В живот и куда-то в район груди. Добраться, добежать до мужа, чтобы помочь, чтобы постараться как-то спасти — ей тогда не дали.

Но эти шрамы не были похожи на пулевые раны, которых Агния насмотрелась за годы жизни с Вячеком.

Ощущая, что пальцы стали подрагивать, она стащила вниз простыню, которая укрывала их обоих. Вот. Агния коснулась уже белого шрама от пулевого ранения. Это новое. Наверное, именно сюда тогда и попал Щур, чуть ниже ключицы.

Она посмотрела ниже, на живот. Там не было видно шрама на месте входа пули. Зато там четко прослеживался длинный ровный шрам со следами швов. Видимо, дело рук Леши.

Боже. Боже! В мыслях она испытывала ужас, но тело глушило, делало этот страх за жизнь любимого вязким, не таким острым, как все ощущалось раньше.

Она начала рассматривать дальше.

Кроме этого по всему его телу: на руках, на плечах, даже на боку и на шее, то тут, то там —

Агния друг стала замечать такие следы. Где-то они напоминали просто вдавления. Где-то больше сливались, образуя своеобразную полосу. А где-то терялись в рваных линиях небольших шрамов.

Господи! Да, что же это такое? Он же купал ее все эти дни. Лежал обнаженный рядом. Как же Агния не замечала? Не видела? Неужели, она настолько выпала из реальности, погрузившись в свою боль и оглушенность? И что это, вообще, такое?

Рука Вячеслава вдруг перехватила ее ладонь, некрепко сжав и не позволяя опустить простынь ниже, не разрешая дальше искать такие же следы.

— Вячек? — Агния растерянно посмотрела на проснувшегося мужа.

Он лежал, практически не поменяв положения, только руку опустил, которой сейчас держал, поглаживал ее пальцы. И смотрел на нее. Чуть прищурившись. Внимательно. Настороженно. Упрямо. Но и с какой-то надеждой в этих глазах.

Так. Он был рад тому, что она поднялась, что самостоятельно проявила интерес к чему-то. Однако, определенно, не собирался этот интерес удовлетворять.

— Привет, Бусинка. — Хрипло со сна прошептал Вячеслав, продолжая поглаживать уже ее ладошку. Сжал. Поднес к своим губам. Легко поцеловал. — Выспалась?

Он радовался ее самостоятельному пробуждению, каждому ее движению не по его указке.

Но Агния собиралась выяснить то, что не было ей понятно.

— Вячек? Что это за шрамы?

— Хочешь завтракать? — Сделав вид, что он глухой, Вячеслав положил ее ладонь себе на грудь и потянулся.

Агнии вдруг тоже захотелось. Мышцы словно заныли и спину будто закололо. Но она твердо посмотрела мужу в глаза.

— Я у Федота спрошу. Он мне не соврет. — Заметила она.

— Не соврет. — Согласился Вячек, обняв ее за талию. Подтянул к себе. Устроил свою голову на ее коленях. — Только не очень удобно Федоту будет говорить, когда я сломаю ему челюсть.

Довольно прикрыв глаза, муж прижался щекой к ее животу. Скользнул губами по коже.

— Вячек! — Она попыталась возмутиться, а вместо этого поняла, что ей все же приятно. Очень приятно ощущать его касания. Его ласку. Почему она не задумывалась об этом на протяжении последних дней?

— Бусинка. Забудь. — Вячеслав погладил ее спину своей горячей рукой. — Тема закрыта. Это все уже прошло. Уже не важно. Уже ничем не грозит.

Он поднялся и обнял ладонями ее лицо.

— А вот что важно — это завтрак. И я очень надеюсь, что вместе с любопытством в тебе проснулся и аппетит. Для твоей же пользы. — Вячеслав глянул на нее с явным приказом, читающимся во взгляде.

Агния вздохнула. Сказал так, значит и правда лучше челюсть другу сломает, чем позволит ей что-то узнать. Что она Вячека не знала, что ли? В том-то и дело, что знала.

Есть не то, чтоб хотелось. Но она понимала правоту его требования. И, кроме того, воля к жизни стала просыпаться внутри. Может и не такая сильная, как у ее мужа, но уже куда более ощутимая, чем еще вчера. Она кивнула, отвечая на его вопрос о завтраке.

— И лады. Моя умница. — Довольно кивнул Вячеслав.

Откинув простынь, он поднялся с дивана, еще раз потянувшись, чем снова заставил ее вспомнить это приятное ощущение, почти сладкой боли в мышцах. То, что она не могла испытать все это время.

Даже как-то неловко, испытывая некоторое смущение, Агния и сама потянула мышцы,

откинувшись затылком и спиной на подушку. Забросила руки за голову, растягиваясь еще больше.

Это было приятно. Очень.

Быстротечно, мимолетно. Но здорово. И вспомнилось много других мелочей. Касание губ Вячека в поезде, жадность его страсти, его нежность и ненасытность на протяжении нескольких часов.

По телу пробежала легкая дрожь и волоски «встали» дыбом. И почему-то показалось, что если она сейчас дотронется до его щек, то уже ощутит сильнее, ярче покалывание щетины.

Способность чувствовать, ощущать, словно просыпалась, становилась сильнее тем больше, чем больше Агния ее стимулировала своим интересом, тем, что продолжала пробовать, а не свернулась в комок. Что не отрешилась от всего, как делала это вчера, и позавчера, и днем раньше.

И это подтолкнуло Агнию к новому действию.

— Я приготовлю. — Агния поднялась и села на диване, собираясь встать.

Вячеслав обернулся и посмотрел на нее в упор. Целую минут, наверное, смотрел. А потом широко улыбнулся.

— Поможешь. — Кивнул он в итоге, что-то для себя решив.

Она не спорила, только наклонилась, чтобы удобней опустить ногу, на которую села. Тут ее взгляд упал на ноги мужа, и все вдруг без слов стало понятно. Вот, будто Федот все-таки косо глянул на нее и прямо сказал, что к чему.

На правой ноге Вячека, в районе икроножной мышцы, тоже были такие шрамы. Да и на левой, собственно. Но на правой один большой, неровный и такой… Ну, словно кусок кожи зубами вырвали, даже немного с мышцами, как казалось из-за углубления на этом месте.

Зубами.

«Посмотрите, Агния Валерьевна, вам знакомы эти пальцы? Или Щур меня просто обманывает, утверждая, что тело именно вашего мужа бросил гнить на свалке?»

Голос Шамалко вдруг так ясно и четко зазвучал в голове, словно бы она снова стояла перед этим мерзавцем.

У Агнии кровь отлила от лица и в ушах зашумело.

Она покачнулась и села назад на диван, едва успев приподняться.

Свалка — шрамы — зубы… Псы.

— Господи! — Она моргнула, подняв распахнувшиеся глаза на мужа, лицо которого выражало недоумение и страх за нее.

Ужас вдруг стал острым и ярким. Таким сильным, как когда-то, до того, как началась эта проклятая ломка. До того, как ей стали давать наркотики. Просто сбивающим с ног. Ужас из-за понимания. Боль из-за того, что он пережил, с чем боролся, чтобы выжить, несмотря ни на что, остаться живым. Ее найти.

— Что такое, моя малышка? Что, Бусинка? — Муж тут же оказался рядом.

Готовый поддержать, помочь.

А она могла только смотреть на него, пытаясь подавить волны страха, которые все еще гнало по телу ее сердце вместе с кровью. Ее замутило.

— Это собаки, да? — Шепотом спросила она, с такой силой ухватив Вячека за руку, что сама себя удивила. — Все эти шрамы…

Лицо мужа стало непроницаемым.

— Мы закрыли тему, Бусинка. — Тоном того Боруцкого, которого боялись все бандиты в городе, отрезал он.

Значит и правда собаки.

Она зажмурилась. Не потому, что испугалась его. Просто Агнии надо было как-то справиться с такой остротой чувств, внезапно обрушившихся на нее после полного эмоционального вакуума.

Он прав. Прав, конечно. Главное, что Вячеслав жив. Что он смог это все пережить. И теперь рядом.

Вслед за это мыслью на нее вдруг нахлынуло счастье. Может и не такое сильное, как раньше. Но уж куда сильнее, чем она испытывала вчера. Или даже двадцать минут назад, только проснувшись.

Он жив. Господи! Он жив!

Она испытала такой восторг, словно только увидела его, впервые за этот год. Хотя нет, еще сильнее. Тогда она просто погрузилась в шок. Сейчас, полностью осознав, через что ее муж прошел, сколько выдержал, чтобы все-таки прийти за ней, вытащить ее из рук Шамалко — она действительно, пусть на секунду, но ощутила эйфорию.

Да, с горечью, да с металлическим и липким привкусом страха и ужаса. Да, это ощущение не смогло удержаться долго, вновь загоняя сознание Агнии в какую-то тупиковую бесчувственность. Но все же, эта вспышка, этот восторг — они были. И она бросилась к нему, изо всех своих сил обняв Вячеслава, прижалась к его телу всем своим, словно впитывая это ощущение, упиваясь им.

— Я так люблю тебя. — Совсем тихо призналась она.

Но не обреченно, как еще недавно, не напоминая себе об этом, ощущая эту любовь. А про себя, в мыслях, прошептала: «Спасибо, Господи». Впервые обратившись так искренно, так открыто к Богу после того, как думала, что все потеряла. После того, как пыталась лишить себя жизни, разуверившись и в Нем, и в Его милости.

— Ты чего, Бусинка? Ты меня до инфаркта довести хочешь, да? — Вячеслав стиснул ее в ответ с такой же силой. Нет, с большей, пожалуй. Так, что у Агнии ребра затрещали.

— Нет. — Она улыбнулась, ощущая, как следом за этим восторгом, телом и душой завладевает усталость. Но не собиралась поддаваться той.

Если Вячеслав приложил столько усилий, и она не имеет права быть слабой и просто поддаваться этим треклятым наркотикам и желанию вернуть себе остроту жизни с их помощью.

— Я помочь тебе с завтраком хочу. — С решительным вздохом заявила она, продолжая обнимать мужа. — И погулять потом. После завтрака. — Кажется, впервые за эти дни, сколько бы их там ни прошло, Агния изъявила желание выйти на улицу.

И пусть на самом деле ей тут же захотелось вновь улечься на диван. Пусть вернулась слабость в руках, а внутри ухнула тупая опустошенность, она знала, что не поддастся больше. Потому что радость в темных глазах Вячека стоила ее усилий, стоила этой борьбы и попыток справиться.

Девять лет назад

— Слушай, а что за человек, этот твой крестный? — Агния подняла голову и с некоторым недоумением посмотрела на Лену.

Они сидели на кухне у соседки, и пили чай. И если говорить откровенно, то Агнию сюда заманило в большей степени угощение, нежели перспектива очередной беседы с Леной.

Соседка стала ее немного утомлять своей навязчивой и открытой дружбой. То ли Агния привыкла за последний год к одиночеству, то ли просто не могла понять такого интереса к жизни другого человека, тем более соседа. В общем, постоянные визиты Лены и ее приглашения в гости — уже порядком надоели. Даже достали, наверное, как сказал бы Вячеслав Генрихович, если не

грубее.

— Человек, как человек. — Агния пожала плечами, напоминая себе, что не стоит слишком уж перенимать стиль высказываний Боруцкого.

Все-таки, это было совсем неправильно, как бы ее кто-то ни раздражал или не надоел. Не стоило скатываться до откровенной грубости. И повторять те слова, которые, определенно, не могли быть оправданны никакими обстоятельствами в ее ситуации. Мало ли кто там, что в ее обществе употребляет.

Родители об этом ей всегда напоминали раньше.

— Ну, какой он, расскажи? — С любопытством спросила Лена. — Ты бери еще, чего стесняешься? — Соседка подвинула в ее сторону вазочку с печеньем.

Агния задалась вопросом, заметила ли девушка то, с какой жадностью она смотрит на угощение? И будет ли очень нагло попросить еще чая?

— А зачем тебе? — Не справившись с собой, Агния все же взяла очередное печенье.

Надо было поесть утром. Но она уже смотреть не могла на лапшу, которая составляла основу ее рациона последние три недели. Хорошо, что скоро ей идти на работу, хоть поужинает нормально. Агния, конечно, старалась не наглеть, питаясь там, и брала понемногу, хоть Семен Владимирович и разрешал всем сотрудникам питаться на кухне. Но она все же контролировала себя. Потому что иногда ей казалось, что она готова проглотить целиком бегемота, а не то, что какую-то отбивную или картошку. Деньги, что она отложила себе, подходили к концу. Регулярный проезд до консерватории и домой, до ресторана и обратно, плата за квартиру, и мелкие траты в самой консерватории, где, кажется, постоянно надо было на что-то сдавать взносы, изрядно подточили сбережения Агнии. А еще у нее начали протекать сапоги, и пришлось купить новые, ведь за окном ноябрь, не за горами уже и холода с морозами. Правда, на очень хорошие — денег не хватило, тогда бы пришлось до следующе зарплаты жить совсем впроголодь, и Агния купила «хоть какие-то», чтоб эту зиму пережить. Да и чай подходил к концу, поэтому она его берегла. Оставляла только для приходов Вячеслава Генриховича, тем более что тот любил пить очень крепкий. Сама же Агния все чаще пила просто кипяток, растворяя в том один леденец со вкусом «Дюшеса», которых купила целый килограмм по причине дешевизны. Собственно, она и сейчас сидела тут, у Лены, потому что чая очень захотелось, и печенья, вот и не сумела придумать причин отказаться, когда соседка позвала.

Ну да ничего.

Зато она ни капли не жалела о том, что отнесла все деньги в церковь, с просьбой помолиться о прощении грехов для Боруцкого. Ни на секунду не усомнилась в этом решении. А зарплата уже скоро, она протянет. И снова часть в церковь отнесет.

Агния теперь и сама в два раза больше молилась о Вячеславе Генриховиче, если честно, даже боясь представить, за какие же именно грехи просит Господа того простить. И о себе молилась. О том, что оказалась недостаточно чуткой и сострадательной, так мало заботясь о здоровье парней, по сути, пострадавших из-за того, что она говорила, не подумав. Из-за того, что она не желала смотреть правде в глаза о том, кто же такой Боруцкий. Ей было стыдно из-за своего отношения к Сашке. Тот все еще находился в больнице из-за сложного перелома ноги и, судя по рассказам, выписать его должны были еще нескоро. Агния чувствовала себя виноватой перед ним. Ощущала укоры совести из-за того, что так и не решилась пойти — проведать, извиниться лично. Ведь, наверняка, тот знал из-за кого его так избили. И ведь не за какое-то страшное дело, а из-за глупых и несерьезных, ошибочных действий спьяну.

Но все же она к нему не пошла. И знала, что не пойдет.

Агния просила в молитвах быстрого и легкого выздоровления для Саши. Но это было лишь упоминанием. Едва ли не все ее молитвы, и утренние, и вечерние, были направленны лишь за одного человека. Но даже так, Агния опасалась, что этого будет недостаточно.

Почему она вообще решила за него молиться после всего, что узнала и поняла? Бог знал лучше, наверное, Агния же еще не знала, и думать не хотела. Но и лишаться Боруцкого — не желала. Не могла. Не хотела! И не из-за всех его подарков, не из-за доброты к ней и внимания, даже. А потому, что проводя с ним время, все больше осознавала — он для нее особенный человек. Такой, каким другие никогда не станут. Никогда не займут в ее душе того места, какое уже прочно занял Вячеслав Генрихович, даже если он самый настоящий бандит. И не так уж важно, если он на нее никогда и не посмотрит иначе, чем на подопечную…

— Эй, Агния, ты что, уснула?

Она встрепенулась, оторвав глаза от чашки.

Лена смотрела на нее с веселым любопытством.

— Прости, что-то я устала сегодня. Сама не замечаю, как отвлекаюсь и задумываюсь над всякой всячиной. — Агния смутилась.

— Ничего, я и сама устаю, понимаю, какого это, и работать, и учиться. Ведь и за квартиру платить как-то надо, и на какие-то деньги жить. Так мне хоть родители еще помогают. А как ты справляешься, не представляю. — Лена с сочувствием покачала головой и долила ей еще чая. — Тебе совсем никто не помогает? Или крестный твой все же, что-то дает? Как-то поддерживает? Он кем работает?

— А что? — Агния как-то насторожилась.

Лена собиралась стать судьей, как закончит юридический. А кем был Вячеслав Генрихович у Агнии уже вопросов не осталось. И она вдруг испугалась — а не знает ли Лена что-то о Боруцком? Не пытается ли найти того, чтобы сообщить в милицию.

Наверное, любой законопослушный гражданин рассказал бы все, что знал. Но Агния поступила совсем иначе.

— Ты зачем спрашиваешь?

— Да, так, интересно. — Лена рассмеялась.

Агнию такой ответ не успокоил.

— Ой, да он, кажется, начальником цеха какого-то на металлургическом работает. — Ляпнула она первое, что пришло в голову. — У них, по-моему, уже три месяца зарплату не давали. Но он, конечно, все равно, приходит, старается меня морально поддержать, или там принесет что-то, у него мама в селе, недалеко от города. Он там все лето на огороде проводит, каждые выходные…

Агния чувствовала, что начала краснеть от такой нахальной лжи о Боруцком. Но лучше уж пусть так, чем им представитель закона заинтересуется.

— Да? А мне Алина Дмитриевна как-то говорила, что он солидный, интересный мужчина. — Лена немного смущенно потупилась. — Вот и думаю, дай тебя расспрошу, может, познакомишь? А вдруг — он мне понравится? Я же одна, хочешь-не хочешь, на любого мужчину внимание обращать будешь. Может, познакомишь? А вдруг мы понравимся друг другу…

Агния не то, что покраснела, ее просто в жар кинуло. Причем в такой злой, обиженный и горький. И злость какая-то волной из глубины души поднялась. Нехорошая такая. Она и так до сих пор не могла спокойно думать о мысли, которую осознала несколько недель назад — что у Боруцкого есть женщины. Что он целует их так, как целовал ее, только не спьяну, а по желанию, потому что они ему нравятся. И от этих размышлений ей становилось всегда так горько и грустно, что Агнии плакать хотелось. Ведь сама она такая… такая… и маленькая, и обычная, голос только

— это да. Да что толку от голоса, когда внешность ее, ясное дело, проигрывает, вот той же Лене, к примеру.

И на фоне этого всего, такая просьба Лены пробудила у Агнии в душе что-то совсем не хорошее и не праведное.

— Ой, ты что?! Ты его просто не видела. — Она отложила печенье в сторону, ощущая что, несмотря на голод, кусок в горло не полезет. — Он мой крестный, конечно, и так нехорошо говорить, но он — ужасно некрасивый, просто. И курит много. Да и, сама понимаешь, вечные проблемы на заводе — он столько кричит, ужас. — Агния отставила и чай. — В общем, не думаю, что он тебе может понравиться, серьезно. Да и потом, ему же лет пятьдесят, почти.

— Да? — Лена казалось, удивилась. — Так много? И такой страшный? Вот как отличается оценка пожилых женщин, а? — Соседка рассмеялась и подмигнула. — Видно, для Алины Дмитриевны работа на заводе — залог солидности и надежности мужчины.

— Да, наверное. — Агния выразительно глянула на часы, висящие на стене, искренне радуясь, что не показывала Лене свой телефон. Сложно было бы объяснить такой подарок от крестного, работающего на разорившемся заводе без зарплаты и проводящего все свои выходные на огороде одинокой матери. — Ты знаешь, мне уже пора идти. Спасибо за чай.

Она быстро пошла к входной двери.

— Да, конечно. — Лена поднялась, чтобы проводить ее. — Завтра встретимся?

— Наверное. — Ничего не обещая, улыбнулась Агния и вышла.

Чуть ли не добежала до своей квартиры, захлопнула за собой двери. И тяжело вздохнула, прислонившись к тем спиной. И закрыла глаза.

— Ой, Боже! — Ей было так стыдно за свою ложь. Очень-очень. — Господи, прости, пожалуйста. Я знаю, что плохо. Но… — И молясь, Агния понимала, что ни за что бы ни взяла свои слова обратно. — Прости, Господи. — Еще раз прошептала она.

Достала телефон из кармана, тяжело на тот глянула.

— Простите меня, Вячеслав Генрихович. — Мысленно повинилась она и перед ним, представляя, как он может отреагировать, если узнает о том, как она его описала.

Глава 15

Девять лет назад

Наверное, впервые за все то время, как Вячеслав Генрихович стал приходить к ней на чай, Агния была не рада его визиту. Ну, то есть, не то, чтоб не рада, она очень хотела увидеть его, тут и вопрос не стоял. Но все оказалось как-то не вовремя. Все было как-то неудачно.

У нее практически полностью закончились деньги. Не беда, вроде бы, так как именно сегодня Семен Владимирович должен был выдать зарплату. Но так как Боруцкий приезжал к ней только позавчера, Агния не рассчитывала на столь скорый повторный визит, и снова домой к тому же, потому не купила заварки. А теперь и не за что было ту покупать.

Она с грустью глянула на дно жестяной банки, где всегда хранила чай еще ее мама. На одну чашку Вячеславу Генриховичу, конечно, наберется. А сама Агния скажет, что не хочет и лучше попьет воды. Но если он еще захочет?

Можно было бы сейчас сходить, попросить чая у соседей. Но Алина Дмитриевна уехала к сыну в соседнюю область и не вернется до старого Нового года. А Лена… С Леной была другая беда. Они договаривались сегодня встретиться. Потому прийти к ней и попросить чай для визита крестного Агния никак не решилась бы. Ясно, что и встречи не будет, время с Вячеславом Генриховичем она не променяет ни на какое другое общение. Но и Лене о визите последнего говорить не будет. А вдруг соседка все же захочет на ее «крестного» посмотреть? Нет. Агния совершенно не собиралась позволить случиться чему-то подобному.

В общем, заварки попросить было не у кого. Да и некогда, как оказалось спустя три минуты, когда кто-то позвонил в двери.

Очень надеясь, что это не Лена, которую в таком случае пришлось бы быстро спроваживать под выдуманным предлогом, Агния пошла открывать. Все же не забыв быстро снять резинку с косы и немного ту растрепать, так, на всякий случай. Она в университете подслушала у девчонок, что мужчинам нравятся длинные волосы у девушек, особенно когда эти самые волосы свободно распущенны. Что ж, хоть с волосами у нее проблем не было. Голос и волосы — невелико богатство, но может, все-таки, Вячеслав Генрихович и заметит…

Что-то с ней было не так. Боров уже не первый раз замечал это, но никак не мог просечь, что же именно. Бусинка выглядела уставшей. Ну, это ладно. Это понятно, вроде бы, учитывая, что она училась, и в ресторане каждый день пахала без выходных. Вот это, кстати, ему не понравилось. Боров узнал об этом только пару дней назад, когда поинтересовался графиком девчонки. А Семен его огорошил, что в этом месяце она не брала ни одного выходного. Почему? Вячеслав собирался это выяснить уже сегодня.

Но и кроме усталого вида непоняток хватало. Она осунулась. Глазища, и до этого огромные, сейчас казались еще больше из-за темных теней под ними. Тоже из-за постоянного напряга, или здесь что-то другое? И почему она перестала смотреть прямо ему в глаза? Вообще перестала. Позовешь ее, спросишь что-то — она вскинет голову, а в глаза все равно не посмотрит. Только тайком, искоса, когда думает, что он не видит.

Неужели она его бояться начала? Но сейчас-то с чего? С какой-такой стати?

И запинается как-то, молчит почти все время. Раньше тарахтела так, что приходилось

осаждать, а теперь — чуть ли не вытягивать из нее слова приходилось. Какого хрена, спрашивается?

Он ничего не понимал. Вот чего она сидит и в стол пялится? Она никогда раньше так себя не вела. И чем дальше, тем больше. Борова это даже злить начало. Он не понимал, что происходит, но вместо того, чтобы становиться ближе, Бусинка, казалось, отдалялась от него все больше. А его из-за этого злоба изнутри начала раздирать.

Не отпустит. Не отдаст. «Мое», хотелось рыкнуть ему. Только непонятно было, кто пытался посягнуть на его малышку.

— Бусинка…

Он с громким стуком отставил почти пустую чашку на стол. И только открыл рот, чтобы начать выяснять все эти вопросы, как она подскочила. Глянула на него из-под своих светлых бровей и вскочила на ноги.

— Ой, Вячеслав Генрихович, я же там, приглашение принесла. На концерт. Нам раздали. Сейчас. — Пробормотала она и выбежала из кухни.

Блин! Ну, че такое? Ну, че за балаган?

Боруцкий и сам встал, чувствуя, что сейчас разнесет здесь что-то. Хоть стаканы те, что стоят в шкафу. Пытаясь сдержаться, что в принципе было ему несвойственно, потому как подозревал, что Бусинка расстроится, если он что-то начнет тут громить, Боров вытащил из кармана пачку с сигаретами и схватил одну зубами.

Взгляд упал на чайник. Вот, лучше он еще чая выпьет, может, попустит.

Включив конфорку, он достал с полки банку с заваркой. И несколько удивленно уставился на пустое дно. Отставил и глянул на пустую чашку Агнии, так и оставшуюся сегодня стоять на полке. Она сказала, что не хочет чая.

Вячеслав отставил коробку и принялся осматривать содержимое шкафчика. Глухо. Он не нашел ничего, кроме жмени карамелек и пачки яичной лапши. И едва начатой бутылки водки, которую он посылал купить Лысого год назад. Та так и стояла в дальнем углу. Так. Чет он не понял. Боров проводил в этом доме достаточно времени, чтобы знать, что запасные коробки с чаем и сахаром должны стоять именно здесь.

Чайник начал закипать, но Вячеслав не обратил на это внимания. Как и на то, что Бусинка уже вернулась, и сейчас стояла в дверях кухни, теребя в руках какую-то бумажку. Бледная. Глаза круглые. А щеки просто горят.

Тяжело глянув на нее, он молча пересек кухню и открыл холодильник.

Ну, ты глянь! Сюрприз. И здесь пусто. Какая-то завалявшаяся пачка майонеза на боковой полке и хлеб.

— Вячеслав Генрихович…

— Тихо. — Он не крикнул, просто закрыл дверь, повернулся и глянул на нее.

Внимательно так, не пропуская ни одной детали, осмотрел от макушки до тапок. Агния мялась на пороге. Послушно молчала, но и глаза снова отводила.

Ни одного выходного. Каждый день работает. А еды нет. Ничего. Даже яиц или пельменей, там.

Почему? Самое простое — нет бабок. Но это казалось абсурдом. Он точно знал, сколько она получала в его ресторане. И Вячеслав что-то не видел по ее виду, чтобы Бусинка шиковала или проматывала деньги на шмотки или побрякушки. У нее и украшений никаких не было, кроме крестика и тех сережек, что он подарил. В квартире тоже ничего нового. Так куда можно было потратить бабки, чтоб еды не за что оказалось купить?

То, что появилось в голове исходя из ее вида и поведения за последние недели, совсем по вкусу не пришлось

— Какого хрена у тебя еды в доме нет? — Обманчиво спокойно уточнил он.

— А я… Я в магазин забыла сходить сегодня. Не успела. — Она глянула на закипевший чайник, из носика которого вовсю валил пар. Снова уставилась в пол. — Нас задержали в консерватории, на вокале. А потом вы позвонили. И вот…

— И ты не успела по дороге купить сахара? — Недоверчиво хмыкнул он, зажав сигарету зубами. — Или чая? Хоть колбасы, в конце концов?

— Не успела. — Агния покачала головой, продолжая изучать свои тапки и теребить бумажку в руках.

— Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты мне даже не пыталась врать?! — Он с такой силой крутанул ручку плиты, что пластмассовый наконечник слетел. — Бл. ин! Иди сюда! — Рявкнул Боров, отбросив тот на стол.

Она вздрогнула, глянула на него как-то настороженно, но подошла.

— Я не вру. — Тихо возразила Агния. — Вот. — Подсунула к нему по столу приглашение.

Ага, не врет. Счас. А то он не разбирается. Вячеслав даже не взглянул на бумажку. Ухватив ее за щеки обеими руками, заставил запрокинуть голову и пристально всмотрелся в лицо, наконец-то поймав глазами взгляд Бусинки.

Прищурился и повернул ее лицо к свету. Зрачки отреагировали. Ладно, это еще не показатель. Отпустив ее лицо, он взял ее правую руку, дернул вверх кофту, посмотрел кожу. Проделал тоже и с левой рукой. Чисто.

Впрочем, это тоже еще ни о чем говорит. Мало ли вен в теле человека и мест, куда додумываются колоть наркоту. А еще курить можно. И нюхать. И глотать.

Бусинка смотрела на него с удивлением.

— Вячеслав Генрихович, вы что делаете? — Поинтересовалась она, похоже, и правда не понимая. Не притворялась. Но и не вырывалась, кстати. С той же доверчивостью, что всегда добивала его, позволяла Борову делать все, что не стукнет сейчас в голову.

Он кашлянул и глубоко вздохнул, заметив, что на кухне стало как-то жарко. Видно от пара, что все еще шел из носика чайника.

— Ты наркоту пробовала? — Все так же внимательно глядя в ее лицо, уточнил он. — На дурь деньги потратила?

А руку так и не отпустил, продолжая сжимать в своей ладони ее пальчики.

Агния моргнула, посмотрела на него как на ненормального и улыбнулась.

— Наркотики? Нет, вы что. — Она даже рассмеялась. — Нет, не покупала наркотики. И не пробовала никогда. Я же не глупая, и не ненормальная какая-то. Сама себя травить не буду.

Ладно, сейчас он готов был ей поверить.

— Хорошо. — Боров кивнул. — Допустим. Тогда, почему у тебя денег нет, чтоб еду купить?

— Вячеслав Генрихович. — Она опять отвернулась. — Ну, я же говорю, просто не успела никуда зайти…

— Бусинка, ты мне баки не забивай. Не пацан, поди. Чего, у тебя все сразу и закончилось? Вот в один день? И ты просто забыла. — Он выдернул сигарету изо рта и зло бросил в раковину. — У тебя деньги закончились? — Потребовал он ответа.

Она вздохнула и открыла рот.

— Не вздумай снова врать. Выпорю. — Серьезным тоном предупредил Вячеслав.

Агния как-то осторожно глянула на него снизу вверх.

— У меня сегодня будет зарплата. — Тихо ответила она.

— Кончились, значит. — Боруцкий сжал свободную руку в кулак и упер тот в стол, пытаясь не заводиться.

Она промолчала.

— И на что ты их потратила? — Уточнил он.

— Вы не говорили, что я должна отчитываться в том, куда трачу свою зарплату.

О-па, даже подбородок вперед выдвинула. И глаза засверкали. И губы сжала. Это он, типа, испугаться и задний ход должен дать? Ну-ну.

— А теперь говорю. Так что давай, отчитывайся. — Хмыкнул Боруцкий и сел на свою табуретку, не позволяя Агнии отойти.

— Вячеслав Генрихович! Ну, какая… — Ух, а малышка-то, и правда вскинулась. Только вот, замолкла чего?

— Что, какая? — Уточнил он, отдавая себе отчет, что начинает веселиться, глядя как она пытается сердиться на его требования.

— Ничего. — Буркнула Агния себе под нос.

Глянула на него, вздохнула и потянула свою руку. Боров не хотел отпускать. Не хотел и все тут. И на какое-то мгновение это даже стало очевидно, и в глазах малышки появился вопрос.

— Я жду. — Напомнил Боров, все-таки разжав пальцы.

Агния тут же воспользовалась этим. Скрестила руки на груди и отвернулась от него.

— Нам на Новый год надо было деньги сдать в консерватории. — Проворчала она глухо. — И за квартиру я же заплатила. И проезд. И просто там, по мелочи, то на дни рождения в группе, то на бланки.

— И ты на это все бабки спустила? Все? Так, что впроголодь живешь? — Показывая, что не поверил, хмыкнул он.

Она помолчала секунд тридцать.

— Я сапоги купила. У меня старые начали протекать. И… И джинсы еще. Вот.

Боров задумался. В принципе, нормальные вещи, конечно, стоили дорого. Только, какого ляда она тогда этот цирк с ужимками устроила?

— Покажи. — Велел он, все еще не веря.

Девчонка резко развернулась, так, что у нее волосы разлетелись, заставляя его отвлекаться, рассредоточивая, и уставилась на него распахнувшимися глазами.

— Вячеслав Генрихович! — Возмутилась она.

— Что?! — Передернул он это ее возмущение, пытаясь не так открыто на нее пялиться.

— Вы что, все-все проверять будете?! — Кажется, Бусинка даже обиделась.

— Буду, если захочу. — Снова хмыкнул он.

— Но… Но так же нельзя! — Бусинка даже ногой возмущенно топнула. И ладошки свои сжала, глядя на него с еще большим возмущением.

А Борову рассмеяться захотелось.

— Чего это нельзя? — Он приподнял бровь. — Я же твой опекун. Я должен следить, чтобы ты никуда не влипла. А как я буду точно знать, если не проверю? Вдруг ты мне снова врешь?

Не похоже, однако, чтобы девчонку это убедило. Бусинка казалась такой же возмущенной.

— Вы же не можете проверять все, что я покупаю?! — Она смотрела на него почти недоверчиво.

— Чего это? — Опять хмыкнул он.

— А если… Если… Если я белье на эти деньги купила, вы тоже будете смотреть?! —

Негодующе крикнула она.

Что-то ему как-то чересчур жарко стало. Точно не от пара. Капец.

Он прочистил пересохшее горло.

— А ты… купила? — Медленно уточнил Боров.

Блин. Он и сам слышал, что голос сел.

Вот на это он точно не отказался бы полюбоваться. Даже если пришлось бы себе на горло наступить, чтобы остаться на месте. Но сам факт возможности увидеть ее в одном белье…

Это даже не пижама, е-мое.

Хотя, даже не на ней, а хоть просто так, вообразить то на ней он и сам сумеет…

Капец. Кажется, он уже минуты три уставился и смотрит на нее, не моргая.

И она так же на него смотрит.

На кухне стало так тихо, что стало слышно бульканье затухающего кипения воды в чайнике. И жарко. Вязко жарко. Так, что в голове стало пусто и иссушено.

Бусинка все еще смотрела на него, не отвечая. А в ее глазах Борову вдруг почудилось то, что раньше он там точно не видел. Вячеслав даже прищурился, пытаясь рассмотреть. Он бы сейчас сотню баксов дал кому угодно, лишь бы узнать, о чем она думала. Нет, больше. Сколько угодно. Но…

Агния вдруг моргнула, словно только сейчас подумала, что сказала. Еще какое-то мгновение глядела на него своими глазищами. И вдруг начала краснеть. Сильно так, даже уши и шея стали розовыми.

— Ой. — Она с трудом сглотнула и уставилась на руки, которые сцепила перед собой. Те, кажется, тоже порозовели, если это только возможно. — Я… В общем… Не то хотела сказать…

Резкий звук дверного звонка прервал ее жалкие попытки что-то объяснить.

Боров даже ругнулся сквозь зубы, проклиная любого, кто бы там не приперся так не вовремя. А Бусинка, словно струсив, тут же смылась с кухни, оставив его одного.

Впрочем, Вячеслав что-то не хотел сидеть и тупо ждать. Да и любопытно стало, кто это мог явиться к ней? Для Лысого рано. Да и Боров предупреждал пацана, что сам отвезет «крестницу» в ресторан.

Встав с табуретки, к которой, кажись, приклеился за эти минуты, он вышел в коридор, с удивлением увидев, что Агния не открывает двери, а прилипла к глазку и молча в тот смотрит.

И что это за фокусы?

Он подошел ближе, с удивлением заметив, что малышка еще и палец закусила. Да и, вообще, выглядит раздосадованной. Кто же это там пришел, а?

Мысли снова вернулись к деньгам, вернее к их отсутствию у нее. Блин, может она вляпалась куда-то? Маленькая же еще, опыта — ноль. Ее ж кто угодно при желании разведет. А если ее втянули куда-то? Кинули? А ему она не сказала, потому что стесняется, ну или запугали девчонку, долго ли, умеючи. Это она только его по придури какой-то не боится, а от Федота вон, на километр шарахается. И теперь ее дожимают, пытаются еще что-то выбить?

Сама мысль о том, что ее могут обмануть, что кто-то может угрожать его Бусинке — вдруг так разозлила Борова. Даже возбуждение отодвинулось на задний план.

И тут же захотелось все выяснить. И надавать кому-то по мозгам, если кто-то, и правда, к его девочке сунулся.

Он подошел почти впритык к Бусинке, которая так и стояла у дверей. И уже собрался поинтересоваться, на кого же она там любуется. Но тут, совершенно сбив его с толку, словно ощутив приближение Боруцкого, Агния резко развернулась и прижала свою ладошку к его губам.

По только успокоившемуся телу прошел горячий озноб.

Похоже, она не желала, чтобы он разговорами выдал наличие хозяйки в квартире.

Стопудовый метод, однако.

Он точно сейчас и слова не скажет. И не потому, что ладошка ее не позволит. Да она еле касалась его губ, если честно. Просто это слабое прикосновение ее пальцев припечатало его так, как некоторые поцелуи самых опытных шлюх не задевали.

Прав Федот. Ох, как прав, только в «свинячий голос». Ему бы валить отсюда надо было еще год назад. Еще когда первый раз ее увидел — выгнать так, чтоб больше никогда мысль вернуться в голову не заглянула. А теперь — уже давно поздно. Даже если прогонит — все равно не выдержит и через день разыщет, никуда от себя не отпустит.

Словно не замечая, что с ним делает, а может, и правда не видя, Бусинка приложила палец и к своим губам, выразительно покачав головой. Да, ладно. Не дурак, до него и так дошло, что она хочет.

Только вот, кто же это там пришел? Стояк, стояком, но и от мысли, что кто-то пытается его девочку обидеть, Вячеслав не избавился. Однако и приблизиться к двери, чтобы глянуть на того, кто там явился, она ему не позволила. Странно, конечно, было ожидать такой прыти от девчонки. Однако, едва поняв, что и он собрался глянуть в глазок, Бусинка ухватилась рукой за его плечо, продолжая вторую ладонь прижимать к губам Борова, и потянула его прочь от двери в сторону своей комнаты.

Так. Как-то подозрительно даже. Кого это она ему показывать не хочет? А если не в том дело, и не трогал ее никто, а пришел какой-то пацан? Такая идея понравилась Борову еще меньше.

Он что-то никак определиться не мог с вариантом, бросаясь из одной крайности в другую. Слишком уж странно девчонка вела себя.

Зайдя следом в ее спальню, он позволил ей захлопнуть двери, после чего выразительно глянул на Бусинку. Сжал губы, словно требуя, чтобы она убрала пальцы. Хотя, вот честно, совсем не хотел, чтобы она забирала ладонь.

— Не кричите, пожалуйста, Вячеслав Генрихович. — Тихо-тихо, почти одними губами прошептала она. А у него все тело дернулось от этого шепота. Блин. — Всего минутку.

А ладошку так и держала на его губах.

Она чё, издевается над ним?

Ладно. Он же решил, что пора приучать ее к более тесному контакту? И потом, эти непонятки с тем, кто так и трезвонил в двери…

Чуть наклонившись, Боров упер обе ладони в двери по сторонам от ее головы, отграничив Бусинку собой от остального пространства.

У нее горло дернулось, словно Бусинка попыталась сглотнуть, и девчонка уставилась на него во все глаза.

Хм…

Он еще наклонился, так, что коснулся лицом ее волос, а лбом уперся в висок Бусинки. Шепотом, так шепотом.

— И кого это принесло, что мы шифруемся? — Прошептал он прямо ей в ладонь, щекоча кожу каждым словом. Ладно, чего там, почти целуя, хоть ему самому как-то не по себе стало от того, что так этого хотелось.

— Мм… Эм. — Чет она утратила дар речи совсем.

Неужели и он ее задевает?

Вот, даже захотелось, чтоб была справедливость на свете. Ну, не в смысле «каждому по

заслугам», а чтоб не он один так мучился. Чтобы она на нем сейчас так же свернулась, как и он на своей малышке, чтоб ни днем, ни ночью покоя не знала, и во всех пацанах вокруг — только его видела.

— Ты что — хахаля себе завела и теперь меня от него прячешь? — Ни на сантиметр не отодвинувшись, таким же тихим шепотом уточнил Боров тем же макаром, не отталкивая ее пальцы от своих губ.

Чуть отстранился и глянул в глаза, зная, то соврать ему она не сможет, не обманет. Малышка смотрелась слегка потерянной. И удивленной.

— Кого? — Так же тихо, как он сам, спросила она, облизнув нижнюю губу.

Боров чертыхнулся. Постарался поглубже вдохнуть, чтобы взять себя в руки. Только от этого не полегчало. Черт ее знает, что она для этого делала, но волосы Бусинки так и пахли тем запахом, который только больше скручивал его в «бараний рог».

— Пацан твой приперся? — Напряженно уточнил он.

Она моргнула. Улыбнулась все так же растерянно. И покачала головой.

— Нет, что вы? Какой парень? Нет у меня парней. — Агния прерывисто вздохнула.

И убрала все-таки свои пальцы с его рта.

Какого ляда? Он что, отталкивал? Или возмущался? Его все устраивало. Особенно после объяснений про парня.

— Это… Это соседка. — Она как-то неуверенно завела волосы за уши, так, что задела его щеку прядями.

Боров нахмурился, но не отошел.

— Разве она не уехала? И с каких это пор ты от Алины Дмитриевны прячешься? Или денег заняла у нее?

Агния косо глянула на него. Вот просто «стрельнула» глазами.

— Нет. Алина Дмитриевна уехала. И денег я ни у кого не занимала. Это другая, снизу. Недавно переехала. Я просто видеть ее не хочу. Устала, она вечно так много разговаривает. И… Вообще. Просто.

Бусинка, кажется, только заметила, что в двери уже минуты две никто не звонит. Неловко дернулась, попытавшись обойти его. Ага. Дудки. Так он ее и выпустил. Жаль, конечно, что отпала необходимость шептать.

— Что «просто»? — Уточнил он, возвращаясь к исходной проблеме денег и всем своим догадкам. Хоть и непросто было сосредоточиться на этом, когда ее к двери прижимаешь. — Не бормочи. Чего это ты от соседей бегать стала?

— Я что, не могу просто не хотеть кого-то видеть? — Почти сердито пробурчала Агния, отвернувшись от него.

— Ты? — Боров ухватил ее подбородок пальцами и снова повернул к себе. — Ты Лысого — Вовой называешь. А с Федотом на «вы». Ты вежливая до тошноты. Так что давай, правду говори.

— Так они же старше. — Девчонка глянула на него с искренним недоумением и обидой.

Вот, а он о чем. Появилось странное желание легко щелкнуть ее по кончику носа. Или поцеловать в тот.

— Бусинка… — С предупреждением в голосе протянул Боров.

Она опять нахмурилась. И губы поджала.

— Она мне не нравится. Правда. — Проворчала малышка. — И… Она юрист. Учится. Судьей собирается стать. Вот. — Бусинка все-таки поднырнула под его руку и отошла, а Боруцкий не остановил. — Не хочу, чтобы она вас видела и начала спрашивать.

— Что спрашивать? — Он решил, что не так понял. — Ты, чего? Ты меня от соседки прячешь? Потому что она судья? — Агния кивнула. — А я…?

Боруцкий не собирался потешаться. Но уж очень весело было смотреть на ее смущение, злость, неуверенность и еще что-то. И все это одновременно на этом личике.

— А вы… Сами знаете, кто вы. — Агния скрестила руки на груди и отошла к окну.

Наверное, и из комнаты сбежала бы, не стой он у двери.

— Ты меня что, от правосудия пытаешься защитить? — Боров прищурился и наклонил голову к плечу, присматриваясь к девчонке. Подошел ближе, испытывая недоверие и еще что-то, совсем непривычное и пока непонятное…

А эта чертовка обернулась, глянула на него через ресницы с каким-то настороженным выражением, и выскочила из комнаты.

— Вы приглашение так и не взяли. — Донеслось до него уже из коридора. — Забудете, ведь.

О-па.

Боров не собирался спускать все на тормоза. И очень даже хотел выяснить, что же это все значило, и имело ли смысл быть настолько довольным, как он сейчас себя ощущал.

Только вот человек, которого давно следовало прибить, опять влез не вовремя. И пусть Федот даже не представлял, как неудачно решил позвонить, настроения Борову это не добавило. Тем более, когда выяснилось, что ему надо уходить от девчонки и ехать решать дела.

Добравшись до кухни уже совсем с другим настроением, Боров забрал-таки бумажку и тяжело глянул в спину девчонки, которая стояла у раковины и очень уж тщательно терла его чашку. Будто он той глину черпал, а не чай пил.

— Пошли. Я отвезу тебя в ресторан. Мне по делам надо. — Тоном, не оставляющим пространства для споров, велел Боров. И вышел.

Ему сейчас холодный и ясный мозг нужен. А с ней в этом плане вечно прокол выходил.

И все-таки, спокойно уехать не удалось. И снова всплыла тема денег, как только он к сапогам ее присмотрелся, когда она в машину села.

Боров даже по рулю саданул от злости. И все-таки закурил, не выдержал, хоть и открыл окно. Достали его эти «качели», ей-Богу. Сил уже никаких не было. Сапоги, как сапоги, конечно. Нормальные. В таких вон, толпы по улицам ходят. Только он же не лох, и сто гривен — «красная» цена для такой обуви. Хорошо, если она зиму в них выходит и пальцы себе не отморозит при этом.

— Ты на вот «это» все бабки выкинула? — Едва сдерживаясь, чтобы снова не начать орать, спросил он, пытаясь смотреть на дорогу.

Бусинка молча уставилась на свои ладони.

— Бл…! Еще раз соврешь — пожалеешь. И в этот раз я серьезно. — Совершенно искренне уведомил он девчонку, притормозив на светофоре.

Совсем страх потеряла. И мозг, по ходу.

— Куда ты деньги спустила, а?

Девчонка молчала.

Боруцкий выхватил сигарету изо рта и стряхнул пепел в окно. И так рванул с места, что шины завизжали по асфальту.

— Слушай, Бусинка, ну ты чего морозишься, а? — Попытался он взять себя в руки и ее расколоть одновременно. — Я ж не враг тебе. Если влезла куда — скажи. Ну, кто не делал глупости по молодости? Я же, реально, помочь могу. Если давит кто-то, или втянули тебя в аферу…

— Вячеслав Генрихович, все хорошо, правда. — Она повернулась к нему впервые с того момента, как села в машину. Даже руку протянула и коснулась его ладони, лежащей на рычаге

переключения скорости. — Я ничего не сделала. И не влезла никуда. Все нормально.

Он ухватил пальцами ее руку и, отвернувшись от дороги на минуту, глянул малышке в глаза.

Вроде не врала. Но Боров все равно не верил. Не чисто тут что-то было. Ну не могла она столько потратить за месяц. В прошлом все еще нормально было, вроде. А сейчас… И была бы парнем, еще бы как-то объяснить можно было, на баб, там, списать. На попойки…

Но Бусинка? Ну, куда она столько бухнула, что теперь голодная сидит?

Он остановил машину на парковке перед рестораном.

— Так, ладно. — Боров достал бумажник и вытащил несколько сотенных купюр. — Держи…

— Нет. — Агния отпрянула. — Не надо. Я сегодня зарплату получу, Вячеслав Генрихович.

Он снова выругался.

— Бери, говорю тебе! А если Семен не подбил баланс и не просчитал? Если завтра выдаст? Или через два дня? С голоду подохнешь? — Раздраженно рыкнул Вячеслав.

Но это дура только упрямо покачала головой.

— Я не возьму у вас денег, Вячеслав Генрихович.

— Твою ж… — Он выскочил на улицу. — А так тебе кто, Дед Мороз платит?! — Зло спросил Боров.

— Я получаю зарплату, Вячеслав Генрихович. То, что сама заработала. Это правильно и честно. Я потратила деньги. Я знала, на что иду, и чем это может мне грозить. А вот это, — девчонка кивнула на деньги, что он пытался ей дать. — Я не возьму. Я этого не заработала. И это не мое.

Он сжал кулак до хруста в костях. Даже попытался сосчитать до десяти. Напомнил себе, что она — дите.

Его выдержки хватило только до пяти.

Сплюнув на землю и вдавив окурок в асфальт, он схватил ее за руку и потащил к ресторану, не в состоянии заботиться сейчас о том, чтоб Бусинка за ним успевала. Силы уходили на то, чтоб молчать. Потому как, если он сейчас откроет рот и она узнает, что именно он думает о ее мнении…

Буквально влетев в холл, Боров отыскал глазами удивленного Семена, которому, видно, уже сообщили, что автомобиль Боруцкого появился на стоянке. Администратор торопился в его сторону.

— Ты сегодня им зарплату даешь? — Рыкнул Боров, цедя слова сквозь зубы.

Семен кивнул.

— Накормишь перед выступлением. — Отпустив Бусинку, он сурово глянул на Семена. — И с собой чего-то дашь, даже если отказываться будет.

Тот снова кивнул, ничего не спрашивая.

Вячеслав развернулся. Поглядел на ее растерянное, но упрямое лицо. Еще и застыдилась, похоже. Вон, глаза спрятала.

Он хмыкнул и пошел от греха подальше. Точно ведь выпорет. Во всяком случае, руки так и чесались задать трепку. Только, Бог знает, чем бы это могло в итоге закончиться.

Лысому он велел прийти на следующий день. Так или иначе, а этот пацан проводил больше всех времени около его Бусинки. Нет, Боров не боялся конкуренции со стороны Лысого. Насчет того, что можно и что нельзя делать Лысому около малышки, Боров потолковал с парнем еще год назад, впервые услышав, как она называет того «Вова». И тогда он вразумительно донес, как ходить, смотреть, говорить и даже дышать около его «крестницы». И у Вячеслава не было ни одного сомнения, что тот не просто все запомнил, но и не посмеет ослушаться. В конце концов, Боруцкий

не спичками в киоске торговал. И о том, на что и в какой форме он способен, его люди были осведомлены прекрасно.

Так вот, сегодня он позвал Лысого для того, чтобы разобраться все-таки с этими долбаными деньгами.

Как он себе это представлял, если вчера малышка получила-таки свою зарплату (а у него не было повода считать иначе), вряд ли, чтоб Бусинка понеслась ту тратить сразу же после ресторана. Вечер, поздно, и Лысый под боком. А вот дальше … для того он и вызвал Вовку.

И сейчас Боров хмуро смотрел на парня, который точно очковал из-за этого «приглашения»

— Я все делаю, как вы говорили, Вячеслав Генрихович. — Лысый не выдержал-таки, начал его убеждать.

И нервно ерзать на своем стуле.

— Цить. — Боров откинулся на спинку своего кресла. — Бить не буду. Пока.

Лысый немного успокоился, похоже.

— Ты мне лучше скажи, куда она ходит и не встревала ли в последнее время в какие-то компании или дела?

Лысый даже сделал вид, что думает. Ну, молодец, парень. Растет над собой. Выслужиться хочет.

— Да, не, Вячеслав Генрихович. У нее каждый день одно и то же: консерватория — дом — ресторан — дом. Все. Ну, иногда еще в церковь ходит. И все.

— Церковь? — Боров прищурился. — Секта какая-то? — Эти выманивали деньги не хуже самых крутых вымогателей.

— Да, не, простая. Наша. У нее в нескольких кварталах от дома. Агния туда раз в неделю ходит. Когда чаще, когда реже.

Тут дверь кабинета открылась, и в комнату ввалился вовсе незваный Федот.

— Слышь, Боров, насчет вчерашнего и Соболя…

Вячеслав хмуро глянул на друга и кивком головы велел умолкнуть. Впрочем, тот и сам уже замолчал, увидев Вовку.

— И что? — Вячеслав снова глянул на притихшего пацана.

— Че — че? — Нет, рано Боров обрадовался. Не прыгнуть Лысому выше головы.

— Что она делает там?

— А… В церкви? — Лысый нахмурился и почесал лоб. — Ну, я не знаю точно. Я ж за ней туда не хожу. Так, звонил пару раз, или она упоминала, что в церковь ходила. Раз я ее встречал оттуда, перед работой, она вроде за родных своих свечки ставить ходила.

— Ясно.

Федот, кажется, тут же просекший о ком речь, красноречиво скривил морду и сел на диван в углу. Закинул ногу на ноги и щелкнул зажигалкой.

Игнорируя того Боров принялся постукивать пальцами по столу.

Свечки. Свечки сколько стоят? Ну, гривну, ну пять, ну десять — охапка, это крыша. Она же, если он правильно себе представлял, не меньше восьми сотен куда-то дела. Если не больше. И куда?

— Так, Лысый, программа твоего досуга меняется. — Боров хлопнул ладонью по столу, и поднялся.

Парень следил за ним напряженным взглядом.

— Ты теперь ходишь за ней хвостом и следишь: куда, когда и с кем она ходила, ясно? Только не светись. Встречай-провожай там, как и раньше. А так — тенью ходи, чтоб она не засекла. Следи за каждым шагом. И если кто-то подозрительный мелькнут — сразу мне говоришь, усек? И еще, —

до того как Лысый успел открыть рот, добавил Вячеслав. — Ты там, когда провожать ее будешь, как-то попетляй, выспроси, на что она деньги тратит.

— А что? — Вовка снова уставился на него с явным непониманием во взгляде. — Агния натворила чего? Да не может быть, вот, зуб даю! Не такая она, Вячеслав Генрихович. Вы не слушайте, если вам кто-то на нее что-то говорит…

— Ну, ты глянь. А, как пацана-то охмурила. — Федот выпустил в потолок облако дыма. — Ты того, часом, не захворал, Лысый? «Третий день — ей, ей не вру! Саблю в руки не беру, И мечтательность такая, Что того гляди помру!» Ты нам тут, от шока — то, от любовного, не откинь копыта. Пойди, морду кому-то набей, что ли…

— Федот! — Рявкнул Боров, не увидев в шутке друга ни хрена смешного.

— Вы что? Я ж не. Не того. Вы не подумайте, Вячеслав Генрихович. Я на нее даже не смотрю. — Лысый, похоже, струхнул куда больше. — Я и в мыслях. Я ж помню. Оно мне надо, проблемы, чтоб на крестницу вашу…?

— Заткнулись! Оба. — Боров глянул на Федота так, что тот даже выпрямился на диване и примирительно поднял ладонь.

Умолк и Лысый.

— Так, ты меня понял? — Он еще раз глянул на пацана.

Вовка кивнул, видимо, не рискуя говорить.

— Лады. Начнешь с завтрашнего дня. А сегодня, — Вячеслав снова сел. — Сегодня это будешь делать ты. — Он перевел глаза на Федота.

— Боров, ты че?! Охренел? А ничего, что у меня свои дела? И я не нянька, сопли вытирать твоей девке? Если влезла куда-то, так и поделом, мозгов наберется…

— Тебе опять морду начистить? — Вячеслав отвернулся к окну.

— Знаешь, лучше морду попытайся набить, чем я буду шляться за этой малявкой…

— А я не хочу. Лень мне напрягаться с утра. Значит, будешь шляться. — Он и сам закурил.

— «Не гунди и не перечь,
А поди и обеспечь,
А не то в момент узнаешь,
Как башка слетает с плеч!..»

Ругнулся Федот, а потом, вместо стихов, выдал поток матов. Лысый просто нервно жался в свой стул, поглядывая то на одного, то на другого. А Борова даже забавляла идея, что Федот будет за Бусинкой следить. Ничего плохого он уже не натворит малышке, знает, что Вячеслав даже его за это по стене размажет. Но может хоть перестанет нос свой совать, куда не надо.

Когда красноречие друга иссякло, Боруцкий повернулся.

— И ты там, если не понял, не светись, ясно? — Он поднял брови, взглядом давая понять, что будет, если друг решит действовать по-своему.

Федот хмыкнул.

— «Действуй строго по закону,
То бишь действуй… втихаря.»

Опять перлы кидает. Успокоился, значит.

— Лысый — свободен. И рот на замке держи. — Боров указал парню на двери. — Перед рестораном Агнию встретишь, не будет же Федот целый день за ней ходить.

Федот на это только хмыкнул, со злым видом дымя сигаретой, которую прикурил от первой.

Вовка предпочел молча кивнуть и слинять из кабинета.

— Падла ты, Боров. — Федот запрокинул голову, уперев затылок в спинку дивана на котором

сидел.

Боров хмыкнул. А кто спорит?

Глава 16

Наше время

Двигаться совсем не хотелось, но Агния заставляла себя делать шаг, а потом еще один. Она опиралась на руку Вячека, держась за локоть мужа, и смотрела на землю под своими ногами. Они уже некоторое время гуляли во дворе, Агния утратила способность следить за ходом минут и часов. Какие-то секунды, казалось, летели мимо нее, другие же, напротив, растягивались до невозможного. И хотелось махнуть на все рукой, попросить Вячека отвести ее назад, в квартиру. Но Агния не поддавалась этому желанию. Пока у нее хватало сил сопротивляться. Сбросив туфли, она стояла на газоне, всей ступней, каждым пальцем стараясь ощутить, прочувствовать теплую и мягкую землю, густую траву, которая щекотала кожу.

В нескольких шагах от них стояли два парня. Охрана. Не такая, к какой Агния привыкла. Эти двое мало чем напоминали Вову, который был рядом с ней с пятнадцати лет и который без малейшего колебания пожертвовал своей жизнью, пытаясь спасти Агнию от нападения. Только и такая жертва со стороны человека, которого Агния всегда считала другом, оказалась напрасной. Несмотря на все старания Вовы, ей не удалось убежать.

Горькие воспоминания не помогали бороться с плохим настроением, не прогоняли апатию, наоборот, казалось, притягивали ее. А Агния так старалась перебороть себя. Искала покоя в ветре, который развевал ее волосы, трепал юбку. Обняла мужа, который будто бы нюхом чуял, когда ей становилось не по себе, и тут же хмурился, тут же пытался поддержать, оказаться еще ближе, чем пару секунд назад.

Ей было очень сложно, и все-таки она пыталась. В какую-то минуту это давалось тяжелее, в следующую — легче. Все казалось таким непостоянным и ненадежным, даже себе самой Агния не могла больше верить. Только Вячеславу, ради которого и старалась.

— Они что, все эти дни стояли под дверью? — Опустив голову на плечо Вячека, она косо глянула в сторону незнакомых охранников.

— Нет, — муж улыбнулся. Обхватил ее за талию. — Я пару месяцев назад купил соседскую квартиру. Ту, где Алина Дмитриевна жила. Парни там сидят посменно.

— Посменно? — Она с удивлением глянула на Вячека. — Их много?

Он, казалось, усмехнулся, но Агния слишком хорошо знала мужа, чтобы пропустить напряженный взгляд и закаменевшие мышцы.

— Достаточно. — Скупо заметил он, и начал поглаживать плечи и затылок Агнии, определенно отвлекая.

«Не так, как тогда», то, что он не досказал. Вячеслав теперь, наверное, до конца жизни не расслабится, что позволил сделать себе год назад.

Девять лет назад

В этот раз она решила так не рисковать, тем более что Вячеслав Генрихович настолько заинтересовался вопросом ее трат. Агния и не думала, что он заметит, да еще и настолько дотошно станет выяснять, куда она дела свои деньги. Лучше бы заметил все ее попытки стать

привлекательней, эх.

Вздохнув, она в последний раз провела по волосам расческой и взялась переплетать косу, растрепавшуюся под шапкой, да и за время пар в консерватории. Так вчера старалась, а все без толку, Вячеслав Генрихович не на нее смотрел, а на полки холодильника. Видно, Агния вовсе не в состоянии привлечь его внимание, что с распущенными волосами, что так.

Обидно, конечно, но что поделаешь.

Закончив с прической, она посмотрела на стопку денег, которую собралась сейчас нести в церковь.

Зачем ей в принципе внимание такого человека, как Вячеслав Генрихович, Агния не задумывалась. Просто хотела этого самого внимания, нуждалась в том. И с каждым днем — все сильнее. Раньше Агния тоже хотела его внимания, но другого, наверное. Участливого и заинтересованного, просто доброжелательного присутствия рядом близкого человека, которым для нее стал Боруцкий. Теперь же ее будоражили и тревожили вовсе иные желания. Особенно вечерами. И ночами, когда она вертелась с боку на бок не в силах уснуть. А уж этой ночью ей и вовсе покоя не было. Агния и молоко пила, и считала, и читать пробовала — только все было бесполезно. Стоило ей вспомнить, как Вячеслав Генрихович стоял около нее у этой самой двери, близко-близко, как шептал, по ее же просьбе, конечно. Но так, что у Агнии и мороз, и жар струились по венам — ни о каком сне и речи уже не шло. Было и жарко и неуютно как-то, и так хотелось чего-то, просто до крику, только знать бы чего именно? И казалось, что каждая нервная клеточка в теле напряжена и раздражена так, что кожа будто зудела при одной мысли о том, как губы Боруцкого скользили по ее ладони, а сам Вячеслав Генрихович почти касался своим лицом ее лица.

Вчера, когда это все происходило, Агния не ощущала ни рук, ни ног, она даже не человеком себя чувствовала. Нет, каким-то напряженным и возбужденным комком оголенных нервов, задыхающимся и сосредоточенным на одном единственным человеке во вселенной.

Ух, да у нее и сейчас щеки запылали, и дыхание сбилось от этих мыслей, а ведь Агния в церковь собралась. Наверняка, не лучший вариант отправляться туда в подобном состоянии.

Уперев ладони в прохладную поверхность зеркала, Агния глубоко вдохнула. Подумала и прижалась к зеркалу еще и горящей щекой.

Надо успокоиться. У нее не так и много времени, а успеть предстоит немало. Сделав еще десять глубоких вдохов, так, что даже голова закружилась, Агния аккуратно спрятала деньги в карман и вышла в коридор.

Ну и работу ему Боров подогнал, зашибись, просто. Вот делать Федоту нечего было, только за соплячками всякими следить.

Зло сплюнув и бросив окурок в снег, он закрыл окно машины. Хорошо было бы, если бы девчонка больше никуда не ходила. Ему-то и осталось перекантоваться часа два, а потом спокойно можно валить, предъявлять претензии Борову. Правда, не то, чтоб девчонка и так сильно напрягала его своими перемещениями. Лысый не врал, соплячка мало куда ходила. Утром — в консерваторию. Федот, поджидавший ее у дома, проследовал за маршруткой весь путь, а потом проторчал под окнами до обеда, выслеживая эту Бусину. Дождался, таким же макаром «довел» ее назад. В консерватории, ясень пень, не светился, уж больно морда у него приметная, еще она увидит, или кто другой обратит внимание. Объясняться с другом, почему малолетка засекла наблюдение — не хотелось. Хотя, кто ее знает, может именно там, на парах, она и девала куда-то деньги — может должна кому-то или влипла-таки во что-то по их специальности. Только если так,

пусть Боров сам лезет и выясняет, че Федоту-то среди этих студентов тереться? Не хватало еще. Там Лысый больше к месту будет, пусть он за ней на парах и следит.

Вот. Может девчонка сделает ему подарок и больше никуда кроме ресторана не пойдет? Конечно, погода подфартила, снег валил с самой ночи и ни у кого не вызывал удивления автомобиль, движущийся со скоростью улитки. Но все же, фарт вечным не бывает. Да и западло было куда-то еще ехать. И так надоело — слякоть, квашня под колесами и ногами, когда он покупал кофе и сигареты в ларьке около этой консерватории. Холод собачий…

Не, он, конечно, мог признать, что перегнул тогда палку с подставой, играя на выдержке друга, но за что ж его в такие-то условия?

— «Нет войны — я все приму
Ссылку. Каторгу. Тюрьму.
Но желательно — в июле,
И желательно — в Крыму»

Бормоча себе под нос, Федот достал новую сигарету из пачки.

В этот момент, разбивая все его надежды на скорое окончание «вахты», девчонка выскочила из подъезда и, не обращая внимания на продолжающийся снег, поскакала за угол дома. И куда ее черти несут? Чего дома не сидится по такой погоде?

Федот раздраженно завел двигатель и тронулся с места. Хорошо, куртка у девки приметная, такую и по метели не упустишь из виду. Матеря в уме неугомонную девчонку, Федот медленно тянулся по проезжей части, не понимая, куда можно с такой охотой нестись по такому снегопаду, пока не увидел впереди купола церкви. Неужели снова будет свечки за покойников ставить? Ну, точно все, как Лысый и говорил.

Заехав во двор и дождавшись, пока девчонка скроется в какой-то невзрачной двери сбоку, Федот решил размяться. Это не консерватория, в церкви с любой мордой можно шляться, а его прям заело, что эта девчонка такая вся правильная из себя. Вот он сходит и посмотрит, что она там делает. Потихоньку постоит в уголке.

Конечно, он не рассчитывал что-то там обнаружить, но и тупо сидеть в машине уже терпения не хватало. А торчать на улице под снегом — просто не хотелось, вот Федот и пошел внутрь, рассчитывая хоть на какую-то смену обстановки. Дверь, в которую прошмыгнула соплячка, вела в какой-то коридорчик, темный и малопонятный, с чавкающей тряпкой у входа. Видно, какой-то боковой вход, на главный никак не тянет. Бегло осмотревшись, Федот пошел вперед, где виднелся тусклый прямоугольник света и откуда доносился неясный разговор.

Агния смотрела на стоящего перед ней священника с некоторой опаской и чувством разочарования. Она еще не совсем поняла, что именно тот хотел ей сказать, но деньги он, точно, брать не собирался. Больше того, пытался вернуть ей те, что Агния принесла в прошлом месяце. А ее это ну никак не устраивало. Совершенно.

Именно потому она и убежала тогда так быстро. Боялась отказа.

— Вы что? Вы не молились, да? — Она глянула на молодого священника с отчаянием.

Его пригласила та самая женщина, которой Агния в прошлый раз отдавала деньги, стоило девушке сказать, для чего она пришла.

Мысль о том, что все ее надежды не оправдались — оказалась такой горькой, что захотелось

расплакаться. И возмутиться тем, что ей отказали. Ведь все имеют право на милость Божию, почему же они не захотели молиться за Вячеслава Генриховича?

Неужели они поняли, о ком она просила? Но как? Да, тогда, когда Агния прибежала сюда месяц назад, она действительно боялась, что все вокруг понимают, кто ее опекун и за кого она просит молиться. Вот смотрят — и знают, кто такой Боруцкий. Точно как в пословице про вора и шапку, которая горит. Но потом, подумав и успокоившись, Агния убедила себя, что это глупости. Мало ли Вячеславов в их городе? Ну откуда кто-то мог понять, чьи грехи она просит отмолить?

Но вот ведь, ей отказывают…

Священник тепло улыбнулся, видно заметив ее разочарование.

— Как тебя зовут, дитя? — Спокойным и приветливым голосом поинтересовался он.

Вот, опять «дитя». А ей в последнее время так хотелось быть взрослой. Хотя, может священник так всех называет, ему же положено, он же пастырь Божий.

— Агния. — Она грустно вздохнула. — Ну почему вы не захотели молиться? Ведь мне же сказали, что можно…

— Не торопись. Торопливость не к добру, Агния. — Священник коснулся ее плеча, словно старался успокоить. — Тебе сказали правду, и просьбу твою никто не отклонял. О рабе Божьем, за которого ты просила — молились, и читали Псалтырь.

Ей стало легче. Агния даже смогла робко улыбнуться.

— Спасибо. Но зачем тогда деньги…

— Ты не послушала Елену Петровну, она говорит, что ты куда-то торопилась. Те деньги, что ты оставила — это слишком много. Наверняка, ты не пересчитала. Да и такая сумма — с позволения ли ты их взяла? И не будет ли тебе чего-то недоброго. Это очень большие деньги. Одобрили ли родные твой поступок? Думаю, ты не подумала, принеся полторы тысячи. Елена Петровна сразу же пришла ко мне, и мы отложили эти деньги…

— Нет, нет, подождите! — Агния замотала головой. — Это мои деньги. Правда. Я их заработала. И хотела отдать именно столько. И сегодня еще принесла…

Чет он не особо понял, о чем они там болтают. То, что говорила девка, Федот услышал еще в коридоре. И мужик какой-то. И речь шла о деньгах. Полторы штуки. Ни фига. Вот это ее развели. Как он понимал, для Бусины это были приличные бабки. Не мудрено, что Боров землю рыть начал. Его зазнобу кто-то нехило кинул. Как же это ее на столько раскололи? На свечи, что ли? И не отпустят же, если почуяли, что можно дальше доить.

Федот осторожно подошел к дверному проему и заглянул в небольшой холл. Девчонка стояла перед священником и отчаянно мотала головой.

— Нет, не надо мне возвращать, ну, правда! Ну, пусть это будет пожертвования, если вы так не хотите взять. Просто, пожалуйста, молитесь за него и дальше. Это действительно мои деньги. И никто не будет против. Честно.

— Где ты взяла столько?

Священник смотрел на девчонку так, словно бы думал, что она умыкнула деньги у кого-то. Вот умора-то, да эта бы точно на такое не сподобилась. Да ее бы кто хошь засек еще «до того», у нее ж по глазам все видно. Только вот, если ее на бабки разводят, то с какой стати девчонка их еще и уламывает?

— Говорю же, заработала! Правда! — Вон, девчонка уже чуть не плачет.

Эх, нет тут Борова, он бы уже устроил этим попам локальный конец света, просто за то, что «Бусинку его» расстроили. И устроит, кстати, сто пудов устроит, особенно, если он, Федот, так и не

просечет, что тут к чему.

— Хорошо, ты хочешь пожертвовать эти деньги? — Все еще недоверчиво уточнил священник.

Девчонка принялась кивать.

— И просишь молиться за раба Божьего Вячеслава?

Федот решил, что не так чего-то услышал. Ни хера себе? За кого?! За Борова? Может он недостаточно четко объяснил ей тогда, с кем она связалась?

— А он крещенный?

Агния кивнула. С паузой.

Ха, а священник просек, что она соврала? Прав Боров, девчонка вообще врать не умеет. Не знает ведь, а врет. Хотя, Федот о таких тонкостях тоже был не в курсе. Да и Боров, небось, о себе таких нюансов не знал.

— Агния. — Священник внимательно глянул на девчонку. — Почему ты так … беспокоишься об этом человеке? Так просишь? Он болен? Немощен?

Надо будет вот это, последнее, запомнить. Борову понравится. Точно.

Девчонка совсем голову опустила. Опять юлить будет. Ну-ну.

Федоту даже интересно стало. И не стыдно ей врать священнику? Это ж по ее понятиям, какой грех, наверняка.

— Нет, он здоров. Просто… — Девчонка замялась, сцепила руки перед собой. — Просто, я думаю, что он мог ошибаться. Раньше. Все же люди. Все ошибаются. Вот и прошу вас помолиться за него…

— И ты готова ради этого отдать столько? — Священник, казалось, испытывает девчонку.

— Но ведь так и надо. — Агния зыркнула на попа снизу вверх. — Разве нет? Я и все готова была бы отдать, лишь бы с этим человеком все хорошо было.

Священник кивнул, вздохнул.

— Хорошо, давай мы так решим, Агния. Мы будем молиться по твоей просьбе, каждый день вспоминать. Но ты сама, все же еще подумай. И если решишь, что хочешь поговорить — двери храма всегда открыты, и я готов выслушать.

Федот отошел. Он хотел бы многое прояснить, но не прям здесь. И, вообще… Чего-то он не догонял. Точно как этот поп, похоже. Может ли быть…

Торопливые шаги, приближающиеся к коридору, заставили его быстро слинять.

Он проехал за ней квартала два, наблюдая, как девка бредет по продолжающейся метели. А потом черт его дернул, видать, Федот газанул, обогнал девчонку и затормозил. Открыл пассажирскую дверь и посигналил.

Боров, конечно, сказал не светиться. Но…

Девка сделала вид, что не видит. А че, не тупая, все-таки, тем более что машины-то его, наверное, и не знает.

— Бусина, сюда греби. — Наклонившись, позвал он.

Она остановилась, оглянулась с видимым удивлением. И тут же с опаской глянула на церковь. Ну, шпиёнка, блин. Сама себя кому хочешь выдаст.

— Давай, шустрей, делать мне больше нечего, как мерзнуть, пока ты додумаешься до чего-то.

— Я…

— Я в курсе твоего имени, кроха. Садись. Довезу. Велика мне охота плестись за тобой, пока ты вязнешь в этом снегу.

— Вы за мной ехали? — Она испугалась.

Хорошо, что уже успела сесть.

— Ага, с утра. — Федот хмыкнул и хлопнул ее дверью. Опять газанул, выруливая с обочины.

— Зачем? — Она вся прям в комочек сжалась. И забилась в угол. Не присмотришься, и не заметишь за ремнем-то.

— Ты че, дура? Кто все деньги неясно куда ухнул? Думала, он об этом просто забудет? — Федот скосил глаза, наблюдая за ее реакцией.

Девчонка уперла локти в колени и закрыла ладонями лицо.

— Вы в церкви были? — Глухо уточнила она.

Федот только хмыкнул.

— Не говорите Вячеславу Генриховичу, пожалуйста. — Агния всем телом развернулась на сиденье. — Я вас очень прошу.

— Это чегой-то? С какой стати мне друга не порадовать, что за его бессмертную душу вся церквушка молиться будет на деньги, на которые его… опекаемая есть должна, а? Или ты у нас того, как эти, тоже духом одним питаешься? Тот-то я смотрю, отощала в последнее время, и шатает…

— Ну, не говорите, я вас очень прошу. Я в этот раз больше оставила, мне хватит на еду.

— А на кой хер, ты вообще туда бабки носишь, дура? — Федот завернул в ее двор и демонстративно прикурил сигарету. Выпустил дым в ее сторону.

Девчонка отвернулась. Расправила плечи.

— Извините, но это вас не касается.

Эта ее вежливость у него «в печенках» сидела. Как и сама девчонка.

— Давай, тогда, шуруй отсюда. Жди Лысого, он тебя в ресторан… сопроводит. — Федот ухмыльнулся с издевкой.

— Вы не скажите? — Девчонка опять уставилась на него.

— Иди, говорю, у меня еще своих дел куча, чтоб с тобой тут лясы точить. — Он красноречиво махнул рукой в сторону двери.

Девчонка помялась еще с полминуты, но все-таки вышла. Трижды оглянулась, пока зашла в подъезд. А Федот прикурил вторую сигарету от той, что уже догорала.

Не, он не поскачет сейчас же Борову обо всем докладывать. Тут еще разобраться надо, и понять, с какой радости девчонка такое творит. А может она не так и проста, может у нее свои какие планы?

А Борову мало ли чего в голову стукнет от таких новостей? Совсем крыша поедет. Нет, он пока с откровениями повременит. И к девке этой внимательней присмотрится.

Разговор шел серьезный, а Боров отвлекался каждые три минуты. Федот, сидящий сбоку на стуле у стены, вопросительно поднял бровь, прекрасно видя все это. Но Боров только махнул головой и вернулся к разговору. Блин, как же неудачно все совпало.

Он снова глянул на часы. Хоть раз пригодились. Честно говоря, по большей части те его бесили, мешая. Но новый имидж бизнесмена обязывал.

Впрочем, и сегодня этот агрегат, дорогой, кстати, Борова не радовал. Эта долбанная стрелка ползла вперед, а ничего не указывало на то, что люди, собравшиеся здесь, смогут договориться в ближайшее время. Бизнесмены хреновы.

Нет, раньше все-таки, было куда проще, когда все решалось по понятиям. Их, а не дельцов. Теперь же всем управляли деловые интересы, а пистолеты и налеты стали не в моде. Это добавило тягомотины и нюансов, а вот на скорости достижения соглашений — сказалось не ахти как. И если обычно он терпел, понимая неотвратимость новых реалий, то сегодня происходящее его просто

выбешивало.

За овальным столом в конференцзале сидело пять человек, перед каждым стоял бокал с хорошим коньяком и пепельница. Один Соболев отличился — намекнул организаторам встречи, что будет пить только виски. Те не спорили, в Константине, который все уверенней становился монополистом области по металлургии и коксохимической промышленности, здесь были весьма и весьма заинтересованы. Тем более что в последнее время Соболь решил расширять свои дела, охватывая едва ли не все направления областной экономики. Местный олигарх прорисовывался.

Впрочем, Борова это задевало мало. У них с Соболевым были кое-какие совместные схемы, так, по мелочи, в том, что касалось автосалонов города, да по алкоголю. В остальном они пересекались редко, отдавая дань должного уважения друг другу.

У больших окон, на которые все приглашенные, кстати, поглядывали с настороженностью, не имея причин доверять собеседникам до конца, замерли услужливые официанты, готовые и алкоголя подлить, и сообразить чай-кофе, если кто пожелает. У боковых стен, в глубоких и удобных по виду креслах, сидели «помощники» типа Федота. Принцип равновесия тут соблюдали.

Боров в который раз глянул на время.

Твою ж мать. Чтоб успеть, ему надо просто сейчас встать и свалить отсюда, ясное дело, ничего никому не объясняя. А именно это и нельзя было делать, слишком важные планировалось решать вопросы. Да уж, засада. А эти все лясы точат, нет бы к делам переходили.

Следующие двадцать минут он медленно но верно закипал, бесясь от всех этих допущений, церемоний и «расшаркиваний ножкой» одного перед другим. И все четче понимал, что никакого толку от всей этой болтовни не будет. Не сегодня. Видно настроение у людей не то. Уже праздники на носу, и большая часть присутствующих расслабилась. Не хотят мозгами шевелить. Не надо было соглашаться на встречу. И это понимание подливало масла в огонь его раздражения.

Но и в таком настроении Вячеслав то и дело поглядывал в сторону Соболя, который с таким же сдержанным интересом наблюдал за ним. Не совсем понятно было, что Константину надо, но что-то таки он хотел, это Боров ясно видел.

Наконец, во время очередной паузы, когда собравшиеся пожелали размяться, Соболев, до этого все время сидевший на своем месте, поднялся и кивком головы предложил Боруцкому отойти.

А и хрен с ним, ему уже все равно стало, уровень раздражения достиг критического. Так что Боров поднялся и вместе с Соболевым вышел из комнаты, пока остальные переместились к окнам и кофе.

Следом выдвинулся Федот и кто-то из охраны Константина.

— Есть разговор, но не для этого места. — Соболь остановился в небольшом холле перед конференцзалом. Достал пачку сигарет, предложил Борову.

Тот взял сигарету.

— Срочный разговор? — Поинтересовался он, прикуривая и глядя уже на цифры электронных часов, висящих на одной из стен.

Везде висели какие-то гирлянды, а в центре холла стояла искусственная елка, украшенная белыми и синими шарами. До Нового года оставалось два дня.

— Не советовал бы откладывать. Предложение у меня к тебе есть. Интересное для обоих.

— А конкретней? — Боров стряхнул пепел в ближайшую урну.

Соболев оглянулся на остальных участников сегодняшней встречи, сейчас свободно перемещающихся по залу и холлу.

— У меня появилась возможность льготной закупки нефти и ее производных. Завод, опять-

таки, есть на примете, который можно модифицировать на переработку. А у тебя сеть заправок города, да и не только, под контролем… — Константин многозначительно глянул на Борова. — Почему бы нам не покинуть это собрание, все равно ничего толкового здесь не выйдет. Не сегодня, точно. И не поехать бы в какое-нибудь тихое место, где можно хорошо пообедать и поговорить?

Елки-палки.

— Что ж, поехали тогда ко мне, я в другие рестораны не хожу, брезгую, еще отравят, по «старой дружбе». — Хмыкнул Боруцкий.

Соболев молча кивнул, видимо, не возражая. А Боров еще раз глянул на часы.

— Минуту. Мне позвонить надо.

Соболь без вопросов кивнул. И Вячеслав отошел в сторону, боковым зрением наблюдая, как Константин докуривает.

Три минуты до начала концерта, куда его так просила приехать Бусинка. И дураку ясно, что Боров туда не успеет, особенно с этим разговором. Расстроится. Сто пудов расстроится. Она же вчера ему трижды напоминала. Даже сегодня сообщение прислала, повеселив Борова. Скромненько так — время и адрес, даже не подписалась. Это, видно, на тот случай если он приглашение ее где-то посеет.

Он выбрал номер Бусинки в списке контактов. Дважды набирал, но Агния так и не подняла трубку. То ли не слышала, то ли не до того было, то ли просто не взяла с собой телефон. Это разозлило Вячеслава еще больше. Только толку от его раздражения никакого.

Точно расстроится, блин, а это совсем не входило в его планы. Тем более что по ходу, и тут — полный облом. Разве что, и правда, Соболь что толковое предложит.

Спрятав мобилу и проигнорировав хмурый взгляд Федота, он кивнул Константину, показывая, что свои дела закончил, и двинулся к выходу.

Велев другу садиться за руль, Боруцкий принялся раздраженно постукивать пальцами по приборной панели.

Федот глянул раз, второй. Даже рот уже открыл, чтобы сказать что-то. Только так и промолчал. И правильно сделал. Боров в последние две недели только и делал, что присматривался к Федоту, нутром чувствуя, что тот что-то мутит. Вот только расколоть не выходило. И задень Федот его сейчас — отгреб бы по полной. Тем более что наверняка просек, из-за кого Вячеслав хмурый такой. Тема Бусинки у них стала в последние дни какой-то напряженной и чуть ли не запретной. Даже возмущение и вечные упреки исчезли. Вместо этого пришел полный игнор темы и существования девчонки. Ну, почти.

После того, как Боров отправил его следить за ней, Федот начал что-то темнить и вообще, подозрительно притих.

То ли обиделся, то ли просто бесился, что Боров не внимает его доводам и предложениям. Зато Вячеслав начал подмечать какие-то непонятки, творящиеся между Федотом и Бусинкой. Пару раз он заставал этих двух в коридоре ресторана, и если в первый раз девчонка показалась ему расстроенной, то во второй — чуть ли не злой. Причем, что характерно, ни одна, ни другой, не желали объяснять Борову, какого хрена происходит. И как бы Вячеслав не пытался выспросить, узнать, убедить Бусинку, что Федот ничего ей не сделает и она может открыто ему рассказать, девчонка не кололась.

Молчал как партизан и Федот. Если честно, последнему хотелось опять расквасить нос. Пока он с этим желанием справлялся. Не до того было. Но если друг достанет его сейчас — Боров может не сдержаться.

Через полтора часа, когда Соболь, довольный достигнутым соглашением, ушел вместе со своими охранниками, Боров велел принести ему новую чашку кофе. Бросил на стол пачку сигарет, но так и не закурил. И устало прижал переносицу пальцами. Одно дело решил, как бы теперь с другим разобраться?

Федот пошел в бильярдную и его с собой звал, но Вячеслав не собирался здесь теперь задерживаться. Ему еще как-то с Бусинкой своей надо все уладить. Взяв одну сигарету, Боров принялся мять ее в пальцах. А ведь в последние две недели все шло так гладко, четко. Кроме непонятных эпизодов с Федотом, конечно. Но это так, по мелочи, Боров не сомневался, что расколет друга и выяснит, что к чему. А кроме этого, все было даже лучше, чем он мог бы рассчитать.

Плавно и ненавязчиво он увеличил количество времени, проводимого с Бусинкой до трех вечеров. И пусть его самого узлом скручивало, Вячеслав пока ограничивался разговорами и простым общением. Зато его девочку, похоже, то ли не задевало это все, то ли ни хрена не сдерживало, а может она по детству и простоте своей, даже не думала о подобном, только Бусинка по поводу контакта не заморачивалась. И касалась его по поводу и без, видно не замечая, до какого состояния доводит этим «крестного».

Ясно, конечно, что она сирота, и привыкнув к другому, просто истосковалась по близкому человеку, по любому контакту с теми, кому была бы небезразлична. Боров это понимал. Понимал и использовал. Не потому, что сволочь.

А кто сказал, что он не может стать ей этим самым «близким»? Ближе некуда. И он придушит любого, кто попробует это отрицать. Потому, хоть и сам старался не начинать, ей совсем не мешал его касаться, и поддерживал даже. А она, похоже, все проще и легче воспринимала эти касания, почти перестав замечать или смущаться, воспринимая все как норму. Чего он и добивался. И лишний раз увидел этому подтверждение вчера.

Он реально случайно оказался в ресторане, заскочил по просьбе Семена и нежданно застал свою Бусинку, уже почти на пороге. Дел у него больше не было, и Боров предложил не напрягать Лысого, подвезти ее домой. Малышка не просто согласилась, а ради этого еще и задержалась, хоть и полноценно отработала перед этим. Но и не от этого Боров кайфовал всю следующую ночь.

Она уснула по дороге уже минут через пять, видно совсем забегалась со своей консерваторией, репетициями перед концертом и работой. Он всю дорогу поглядывал на свою девочку. На то, как играли с ее лицом тени от дорожных фонарей, как она хмурится или чему-то улыбается во сне. Смотрел, не пытаясь понять, что это все вызывает у него внутри. Просто смотрел и все тут.

А она спала. И продолжала спать даже тогда, когда он заглушил двигатель. Можно было ее позвать, в голос сообщить, что уже приехали. Вместо этого Боров наклонился и провел костяшками пальцев по ее щеке. Осторожно. Боясь придавить или причинить боль, прекрасная зная силу своих рук. Он касался ее кожи, балдея от этого ощущения, от тепла, какой-то мягкости, совершенно ему непонятной, и от этого — ломающей, дурманящей. Наверное, такой кайф испытывают нарики от дури до первой ломки.

Провел по волосам, опять заплетенным в косу, снова вернулся к щеке, задев сережку в ушке по пути.

И, похоже, именно это ее и разбудило. Бусинка вздохнула и медленно, с явной неохотой, открыла глаза. Сонные и потерянные, но все такие же счастливые и радостные, когда она посмотрела на него. И с тем же новым выражением, которое стало все чаще появляться в глазах Агнии в последние недели. Глубоким и неясным, немного напряженным и словно ожидающим от него чего-то.

— Приехали. — Заметил Боров, делая вид, что нет ничего ненормального или неправильного в том, что он так и продолжает поглаживать ее щеку.

И вся ее реакция лишь подтверждала, что это именно так.

Двумя глотками выпив горячий кофе, он сгреб со стола мобилку, сигареты и спички, и поднялся. Сидеть некогда, надо разгребать.

— Давай, уже все переоделись. Тебя ждут. Ты идешь? Агния, ау! Ты что, в этом платье собираешься по улице до бара тащиться? — Аня, ее однокурсница, стояла прямо перед Агнией и настойчиво пыталась привлечь к себе внимание.

Но Агния слабо реагировала на нетерпение девушки.

— Я не хочу. Идите сами. — Она вымучила из себя улыбку. — Что-то устала сильно, и голова просто раскалывается. Мне сейчас не до празднования наступающего.

— Да ладно, пойдем. Бокал шампанского или вина — и сразу голова отпустит, и веселей станет. Давай. — Аня подошла ближе и даже шутливо попыталась стащить Агнию со стула. Видно, во чтоб то ни стало, решила вытянуть сироту погулять в компании.

Но она не поддалась.

— Не надо, Ань, правда. У меня нет настроения. — Отвернувшись от девушки, она принялась вытягивать шпильки из высокой прически.

— Ну, как знаешь, конечно. — Аня сдалась, похоже. — Но если передумаешь, мы в «Антике». — Однокурсница остановилась на пороге.

Агния видела неуверенность на ее лице в отражении зеркала.

— Да, хорошо. Празднуйте. — Выдавить еще одну улыбку из себя не вышло.

Аня ушла, а Агния осталась одна в комнате, которую сегодня использовали как «гримерку». Даже и не комнате, в общем-то, так, в подсобке, небольшом закутке за сценой. Еще пару часов назад здесь стоял гам, творилась суета и неразбериха. Все, кто участвовал в концерте, старались выглядеть еще лучше, еще больше стать похожими на уже серьезных, «взрослых» артистов и исполнителей. Однокурсники перекрикивались, толкались и толпились. Подбадривали друг друга. Кто-то тут же распевался, кто-то разминал руки или лихорадочно пытался вспомнить слова, забывшиеся из-за волнений.

И Агния готовилась. Только не нервничала. Ежедневная практика перед совершенно разной публикой приучила ее спокойно относиться к выступлениям, а может, притупило остроту того самого «первого» раза. Бегая к сцене, она высматривала только одного человека среди гостей, заполнявших зал. Чьи-то родители, друзья, бабушки и дедушки, знакомые. К каждому, кто сегодня выступал, кто-то пришел.

Кроме нее. Вячеслав Генрихович так и не появился. Она ждала, все время ждала. Даже тогда, когда уже сама выступила, и просто смотрела, как выступали другие. Даже когда Зоя Михайловна завершала концерт словами похвалы и поздравлениями с наступающим Новым годом.

Только без толку. И дело было не в суматохе и количестве гостей. Агния знала, что все равно бы заметила, увидела бы Боруцкого. Разве еще в самый первый вечер знакомства с ним, она не ощутила, что он всегда выделяется из толпы? Знала она и то, что просто почувствовала бы его присутствие, его взгляд. Не смогла бы описать, как именно, но почувствовала бы. Только его не было.

И радостное предвкушение, с которым она больше месяца ждала этого концерта, сменилось опустошенностью. Настолько острым чувством одиночества, что стало по-настоящему больно внутри. Особенно от того, что все вокруг были окружены родными и любимыми людьми.

Сейчас все разошлись: кто-то домой, кто-то в бар, расположенный напротив консерватории, как Аня и многие другие однокурсники, праздновать приближение Нового года. Агния и раньше не планировала туда идти, теперь же — вовсе никакого желания не имелось.

Если честно, у нее была тайная надежда, что после концерта она сможет еще какое-то время провести с Вячеславом Генриховичем. Может он отвезет ее домой, как прошлым вечером, и она уговорит его остаться на чай. Или они могли бы просто погулять немного, она бы ему консерваторию показала, аудитории, двор с внутренней стороны…

Но сейчас, судя по всему, у нее имелся лишь один вариант — переодеться и пойти домой, где можно будет почитать книгу или заняться просмотром телевизора. А что, тоже выбор, разнообразие.

Отвернувшись от зеркала, висящего на стене, Агния спрятала шпильки в маленькую косметичку. Провела пальцами по уставшей коже головы, растирая ее, разбирая пряди. Все было лень делать, даже расчесываться или заплетать косу. Она ничего не хотела. Просто вот так сидеть. Еще бы не думать ни о чем, вообще стало бы хорошо.

Хотя, какой-там. Не было ей хорошо. Скорее очень-очень грустно. И горько. И обидно. Сильно обидно. Агния столько всего ждала от этого дня, от этого концерта, а получилось все совсем по-другому.

Нет, эта не была злая или гневная обида. Какое право она имела сердиться на Вячеслава Генриховича? Он взрослый человек, не связанный с ней ничем, кроме собственного участия. У него много дел, а может и семья, о которой Агния так и не решилась спросить, почему-то не желая знать, что Вячеслав Генрихович может заботиться еще о ком-то. Еще кому-то уделять время так, как уделяет ей. Еще с кем-то пить чай или говорить, или просто молча сидеть, слушая чьи-то рассказы и разговоры. Вот от этой мысли ей становилось действительно больно. И… как-то «жадно», если можно было сюда это слово применить.

Агния не хотела его ни с кем делить. Понимала, насколько абсурдно это желание. Осознавала его эгоистичность и неправильность. Все понимала. Но изменить это не могла. А ведь даже молилась о смирении и здравомыслии.

Да видно молитва не помогла. И ей все так же хотелось, чтобы Вячеслав Генрихович, все его внимание и время принадлежало ей одной. Может, потому и не было его? Может это и есть ответ на молитву? Напоминание о том, что на самом деле Агния не имеет никакого права на время Боруцкого?

Испытывая боль и дискомфорт от своих мыслей и умозаключений, она медленно побрела в сторону сцены. Хоть и понимала Агния глупость такого страха, факты от этого не менялись.

Это не он ей — никто. А она Боруцкому. Всего лишь девчонка, которая однажды достала настолько, что он позволил ей работать у себя в ресторане. И все. Не больше, если смотреть реально.

Осмотрев пустой зал, она подошла к краю сцены и села, не думая ни о чистоте платья, ни о том, что надо бы идти домой. Правда, туда она всегда успеет, тем более что не ждет никто.

Объятия, поцелуи, смех и улыбки, поздравления — этим был наполнен зал всего лишь двадцать минут назад. И ей хотелось этого всего, чтобы кто-то знакомый и близкий был рядом, чтобы она ощущала тепло и поддержку. И поцелуев хотелось, и объятий. И, если совсем честно, то не «кого-то», а конкретного человека. Вряд ли присутствие Вовы порадовало или воодушевило бы Агнию, или той же Алины Дмитриевны. Появление соседки поддержало бы, конечно, но не подарило бы то ощущение парения и эйфории, которое приносил с собой лишь один знакомый ей человек.

А сейчас… Сейчас здесь, в этом зале, было тихо и пусто. И Агния сидела одна. Очень наглядная иллюстрация ее жизни, разве не так?

Еще сегодня ночью, проснувшись часа в три и вспоминая вечер накануне, как он касался и гладил ее, ощущая горящие в темноте щеки и стягивающий, томящий и напряженный узел в животе, Агния думала, что это не так. И она не одна.

Более того, никогда бы не призналась никому, наверное, но она пришла к мысли, что, похоже, влюбилась в Вячеслава Генриховича. Нет, она не призналась бы и ему, и не попыталась бы навязываться, но…

Может от того и было настолько горько сейчас? Ночью мечталось хорошо, и можно было позволить себе допустить крохотную вероятность, что и ему она нужна, небезразлична, пусть не так, как Агния нуждалась в Боруцком, но хоть чуть-чуть.

А сейчас все становилось на свои места. И было понятно, что не имеет она права обижаться или на что-то претендовать. Не имеет.

Только все равно было горько. Так, как в детстве, когда обижало что-то. И точно по-детски хотелось отвернуться от всего мира, скрестив руки на груди, сжать губы и заплакать слезами, от которых пекло в глазах и давило в горле.

Стараясь подавить это, прогнать, она подтянула ноги под себя, обхватила колени руками и опустила голову, словно спряталась от всего мира под своими волосами. Она постаралась вздохнуть и успокоиться, и взглянуть на всю ситуацию иначе, по-взрослому. С пониманием.

Но не получалось.

Агния так сосредоточилась на этом, что перестала обращать внимание на окружающее. И только ощутив вибрацию покрытия сцены, на котором сидела, вскинулась, решив, что пришла уборщица. Агния не желала выглядеть перед ней той, кем на самом деле была. Жалеющей себя сиротой, которой не к кому было идти, и к которой никто не пришел.

Только вместо пожилой Николаевны увидела возле себя хмурого Вячеслава Генриховича. Он, не вынимая рук из карманов пальто, подошел почти впритык к ней и опустился рядом, присев на корточки. Внимательно глянул на Агнию.

Агния напряженно замерла, растерявшись.

— Что, Бусинка. Проштрафился я? — Хмуро хмыкнул Боруцкий, отвернувшись и начав осматривать пустое помещение.

Глава 17

Девять лет назад

Она дернулась вся и уставилась на свои руки. Сдавленно сглотнула.

— Здравствуйте, Вячеслав Генрихович.

Бусинка пролепетала это так тихо, что ему пришлось голову наклонить, чтобы что-то услышать. А потом, так и не подняв головы, она аккуратно опустила ноги и спустилась со сцены:

— Как у вас дела? — Бусинка отошла на два шага и остановилась к нему спиной. — Все хорошо?

Капец. Ему захотелось удариться головой об стену.

Он когда только вошел и увидел ее одну в этом зале — все внутри комом свернулось, а уж после этих слов… Таким голосом только «за упокой» читать. И ведь не строит из себя ничего, наоборот, пытается улыбнуться.

Он сжал зубы, наблюдая, как Бусинка от него отходит.

Боров сунулся в консерваторию потому, что она первая по пути была, не очень рассчитывая на удачу, но решив проверить. По его прикидкам, концерт должен был не меньше двух часов идти, да и потом еще суматоха всякая. Вот и зашел. Правда, не знал где искать этот зал. Если бы не группа молодежи, попавшаяся на первом этаже — и не нашел бы. Ребята попались разговорчивые и не только охотно рассказали куда идти, но и оказались в курсе места нахождения Агнии, внушив Вячеславу некоторый оптимизм на быстрое разрешение ситуации. Однако все эти надежды рухнули, стоило ему войти и увидеть ее.

И ведь, что характерно, видно же, что грустно и обидно ей, совсем опущенная сидит. А ничего, никаких претензий, еще и делами его интересуется.

Бусинка, Бусинка. Она же его этим без ножа, по живому режет.

Хоть бы губы надула, что ли, хоть бы один упрек, ведь обещал прийти, а не выполнил. Другая бы ему с порога истерику закатила. А она ничего подобного, похоже, и не собиралась говорить.

Ругнувшись сквозь зубы, Боров оперся ладонью об пол и спрыгнул со сцены следом за Агнией. Пальто и чертов пиджак — мешали. Хорошо, что он хоть галстук оставил в машине. Этот долбанный имидж!

Пробормотав ругательство уже в голос, Вячеслав резким движением сбросил пальто, кинув его на сцену, и расстегнул пиджак.

— Слушай, Бусинка, — кинув пиджак поверх пальто, Вячеслав с облегчением начал закатывать рукава рубашки. — Серьезно, я понимаю, что ты обиделась…

— Нет, что вы! — Агния резко развернулась и глянула на него снизу вверх. — Вы заняты, наверное, были, — его девочка принялась растирать руки, словно ей стало холодно, — я так и поняла, Вячеслав Генрихович. И не обиделась, что вы! Это же мелочь, так, не важно…

Агния снова отвернулась. И голос у нее прерывался. Че он, дурак, что ли? Не видит, что ей действительно обидно. Или она рассчитывает, что Боров на этот лепет купится? Не важно, ага. А то он не помнит, как она хочет стать певицей.

— Вы знаете, даже хорошо, наверное, что вы не пришли. Концерт вышел так, не очень, — все еще не глядя на него продолжала тараторить Бусинка, сцепив руки и вытянув их перед собой. И головой кивала. То ли себя убеждая, то ли его пытаясь убедить. — Я думала, что выйдет веселей,

что ли, интересней. Да и у меня сегодня, что-то не то с голосом, наверное, я и Семену Владимировичу позвоню, скажу, что не могу…

— Малышка…

Блин. Наверное, сейчас не лучший момент напоминать, что вранье — не ее фишка.

Вместо этого он в два шага пересек расстояние, разделявшее их, и, наплевав на собственный принцип «не начинать первым», опустил ладони на ее плечи. Притянул свою Бусинку к себе, крепко обняв со спины. Она вся будто дрожала. И правда замерзла, что ли? Или сдерживалась, чтобы не заплакать?

Исходя из голоса, Боров склонялся ко второму. Твою ж.

— Я действительно был занят, — тихо признал Боров, прижавшись щекой к ее волосам, рассыпанным сегодня по плечам Бусинки совсем уж как-то взъерошено и беспорядочно. Глубоко вдохнул запах этих прядей. — Собирался прийти. Но появилось дело, которое нельзя было отложить.

— Ну что вы, Вячеслав Генрихович, вы не должны мне ничего объяснять. Это же все понятно и естественно.

Она стояла прямая как палка, напряженная, жесткая. Даже на миллиметр не поддалась, не потянулась к нему, как это случалось обычно, если он все же разрешал себе ее обнять. Более того, Бусинка попыталась отойти.

Борову это не понравилось. Чет он не понял.

— Вы и так уделяете мне столько времени. А концерт, и правда, был не ахти какой. Так что…

Она дернулась, выворачиваясь из его рук, и опять отступила.

— Почему ты вечно пытаешься мне соврать? — сквозь зубы поинтересовался Боров, вновь приближаясь к ней впритык, — я что, так тупо выгляжу? И с голосом у тебя все нормально, если реветь перестанешь.

— Я не реву! — о, впервые за это время нормальный голос прорезался. И возмущение.

— Я вижу.

Хмыкнув, Вячеслав снова обнял ее за плечи и притянул еще ближе к себе. Но она оставалась все такой же напряженной.

— И не вру, — проворчала Агния, куда-то ему в район плеча, — я ведь серьезно понимаю, что вас ничто не обязывает проводить время со мной, тем более что и дела, и столько обязанностей. И… — Бусинка умолкла.

Он уже хотел заглянуть ей в лицо и уточнить, что там за «и», и чего еще она себе надумала, когда малышка его просто огорошила.

— Вячеслав Генрихович, а у вас, наверное, жена есть? И… — Еще один напряженный вздох. — Ой, а может у вас и дети есть?

Бусинка опять отступила на шаг и так на него глянула…

О-па. Неужели.

Борова что-то на хохот потянуло. Блин, ну и мысли у нее в голове, оказывается. И, главное, с какого-такого дуба, а? Инте-р-р-есно. Очень даже.

— А что это ты вдруг озаботилась, Бусинка? — он пальцами поднял ее лицо, чтобы увидеть глаза.

Она смотрела напряженно, пряча слезы, настороженно и с какой-то грустью.

— Вы столько времени со мной проводите, а у вас, наверное, есть другие люди, которым ваше внимание нужно. Ну, а вы на меня тратите. Вы не переживайте, я пойму, если вы не сможете приходить, правда, — ну все, сейчас она точно зарыдает.

Вот он прям так и поверил, что она просто за кого-то там волнуется, что время чье-то отбирает. И в рубашку его вцепилась просто так. Жена, блин. Ну, она его и насмешила. Главное, и оправдание какое придумала. Время чужое он на нее тратит.

Внутри стало тепло, а желание рассмеяться только усилилось, хоть он и старался сдержать это довольный смех.

— Не реви, я сказал, — Боров надавил на ее плечи и снова притянул малышку ближе, прижал ее голову к своей груди, — блин, как ты до такого додумалась, а?

Она промолчала, кажется, стараясь сглотнуть слезы. Он не переносил этого. Когда она плакала, а ему пыталась втемячить обратное.

— Елки-палки, девочка, заканчивай это мокрое дело! — Боров легонько ее встряхнул, — и с глупостями завязывай. Нет у меня жены, и детей, тем более. Так что нечего мной командовать. С кем хочу, с тем и провожу свое время. Усекла? — он еще раз ее встряхнул.

Бусинка затихла.

То есть, не просто плакать перестала, а будто замерла вся, застыла. Он и дыхание ее сейчас не слышал. И в тоже время словно расслабилась. Наконец-то нормально устроилась в его руках. Так словно приникла вся. Совпала, что ли. Не мог он подобрать слова, просто в кайф стало, что девчонка так доверчиво прижалась к нему.

— И того. Ты не сердись. Я действительно собирался прийти. — Он скользнул рукой по ее плечу вверх, мягко и тихо, обхватил затылок. Погладил, запутавшись пальцами во всей это копне. — А когда понял, что не успею, попытался дозвониться. Но кое-кто не брал трубку. И на кой тебе телефон, спрашивается?

Пальцы легли во впадинку ее затылка над позвонками. Почему-то появилось ощущение ее хрупкости и беззащитности. Такая тонкая шейка. Не дай Бог, сожмет сильнее, передавит… И ведь хотелось стиснуть, прижать к себе, не со злобы или дури, а потому что так хотел свою Бусинку, что дышал бы ею, ни на минуту от себя не отпускал…

Но Вячеслав надавил чуть-чуть, совсем слабо. Провел большим пальцем. Хотелось развернуть ее, откинуть все эти волосы и уткнуться в эту впадинку лицом, глубоко вдохнуть, чтоб вся грудь наполнилась ее запахом. Прижаться губами к коже, поцеловать, втянуть в себя, прикусить даже. И к сцене этой придавить, и…

Боров сам задержал дыхание, пытаясь совладать с собственным желанием. И справился. Не блеск, конечно, но все-таки не впился в рот поцелуем, а лишь прижался губами к виску Бусинки, уговаривая себя остановиться на этом.

Черт ее знает как такое возможно, но девчонка еще больше замерла и притихла. Ощутила что ли то, что внутри него бушевало? Или почувствовала это касание? Испугалась?

— Вы звонили мне?

Агния подняла голову и посмотрела на него такими глазами, что у Борова слова все куда-то делись. Блин, ну как так можно?! Она готова его простить только потому, что он звонил? Вон, глазища сияют, и хоть слезы еще не высохли, а сколько радости. Девчонка.

Только у него все равно внутри все сдавило. И опять тряхануло не по-детски.

— Я телефон в кабинете Зои Михайловны оставила перед тем, как сюда идти. И сумку. Тут же такая толпа была. Все бегали, ходили, толкались — не уследить. А я не хотела, чтобы с вещами случилось что-то… — вдруг затараторила Бусинка, словно решила перед ним оправдаться.

— Тихо. — Вячеслав чуть сильнее сжал пальцы у нее на затылке. — Разобрались. И с телефоном ты права, умельцев много, можешь мне поверить, вытащить из сумки — раз плюнуть. — Он усмехнулся, продолжая наблюдать за сменой выражений на лице своей девочки. — Проехали?

Она робко кивнула.

И откуда это в ней? То глаза поднять боится, то так заорет, что у него уши закладывает. Попробуй, угадай реакцию Бусинки.

— Ну, так что, Бусинка, как концерт-то? Только по-честному в этот раз, — предупредил он ее.

— Хорошо. — Она вздохнула и нежданно для Борова опустила голову, устроившись на его плече. — Не профессиональный еще, конечно. Но здорово выступали. Почти все. — Еще один вздох. Подозрительный. Словно опять слезы глотает. — Мне грамоту дали. И стипендию от города — за успехи и чтоб поддержать, вроде. Похвалили, в общем.

Бл…ин.

М-да. Проштрафился он по полной. Тут такое дело, а он не пришел. Весь праздник ей испортил. И точно, глаза снова на мокром месте. Ясень пень, обидно. Он, конечно, себе смутно представлял всю кутерьму со стипендией и прочим, но с заслуженной гордостью показать то чего добился — кто угодно захочет. Это и ежу понятно. Разве он сам не таскал ее несколько месяцев назад по перестроенным клубам, хвастаясь? Потому что именно ей, этой девчонке все показать хотелось.

— Большая хоть стипендия? — поинтересовался Вячеслав, прижавшись губами к ее волосам.

Она рассмеялась. Звук вышел влажным из-за спрятанных от него слез. Эх.

Малышка покачала головой.

— Сто гривен. Не прожить, конечно. Но все равно приятно.

— Я думаю, — хмыкнул Боров.

Провел пальцами по ее щеке, вытирая слезы. Агния отвернулась еще больше, увиливая. А он и сам не понял, когда «ушел» с виска, и уже касался губами ее лба, бровей. И не давил, вроде, и успокаивал. Только он сам-то знал, что закипает, накаляется внутри. И не факт, что его сейчас не прорвет… Господи, какая же она сладкая!

— А с голосом твоим что? — хрипло спросил Вячеслав, стараясь отвлечься, — ты как спела?

И, долбанный придурок, опять поцеловал, коснувшись губами мокрых от слез ресниц и зажмуренного века. Соленая. Сладкая. Бусинка его. Как бы удержаться и не позволить себе добраться до ее рта. Девчонка же расстроена, и есть за что на него обижаться, а у него опять заскок на нее, е-мое.

Мать его так, что же он делает? Как-то уж очень шустро. Притормозить бы. Только не выходило что-то.

— Хорошо. Наверное. Я как оценю? Вроде понравилось всем.

Она стала говорить еще тише, чем до этого. И прерывисто как-то, словно дышать стало тяжело.

— Опять врешь, Бусинка. — Вячеслав прижал ее голову к своему плечу, сжав пальцы на затылке малышки, только чтоб не дать себе переступить черту. Стараясь сдержаться. И коснулся щекой ее макушки. — Ты всегда поешь офигенно. Даже перед упившимися посетителями в ресторане, и вон ту свою лабуду. Думаю, и тут не сплоховала.

Она опять рассмеялась. Уже хорошо. Все лучше того, какой он застал ее по приходу. Сам обидел, сам и веселить теперь будет.

— Не знаю, — все еще не подняв к нему лица, Бусинка неловко пожала плечами.

А Вячеслав сделал вид, что не заметил, как она обняла его за пояс. Всем своим поведением старался показать, что все так, как должно быть. Все естественно.

— Мне споешь? Знаю, что не заслужил сегодня. Но может по старой памяти, а? — спросил он, продолжая поглаживать ее затылок под этой копной волос.

— Сейчас? — она как-то растерялась, похоже.

— Нет, — он усмехнулся, — сама говорила, сейчас не то что-то с голосом. Завтра. Раз этот твой концерт я пропустил, будет у нас свой, на двоих. Заодно и Новый год встретим. Хочешь? — Боров глянул на нее.

— А можно? — Бусинка смотрела недоверчиво, но с радость. Толька та вдруг сменилась разочарованием. — Ой, мне завтра выступать же надо в ресторане, почти до десяти, или позже даже…

— Забей, — широко усмехнулся Боров, — считай, у тебя выходной завтра. Который на зарплате не скажется, — добавил он.

— Вячеслав Генрихович! Ну что вы вечно. Можно подумать, что мне кроме денег ничего от вас не надо…

— А надо? — с искренним интересом уточнил он.

Ее щеки начали краснеть. И не было похоже, что она прям так сразу и ответит.

— И нечего от денег отказываться, — решил он ответить на ее возмущение, избавляя девочку от неловкости, — а то я не знаю, какая у тебя премия за праздники. Что? Мне тебя лишить денег, чтоб ты на эту их городскую стипендию жила?

Бусинка снова спрятала лицо у него на груди. Так это у нее и в привычку войдет, по ходу. Только кто против? Однозначно не он.

— Вячеслав Генрихович? — позвала она его из своей «нычки».

— Что? — Борову приходилось напрягаться, чтобы голос звучал нормально.

— А я, правда, с вами Новый год встречу? — малышка запрокинула голову и глянула на него снизу вверх.

— Я тебе сказал? — он сжал ладонь на ее шее.

— Сказали, — Бусинка кивнула.

— Бусинка, я хоть раз тебе врал?

— Нет, — она покачала головой.

— Ну, так и сейчас за базар отвечу, — хмыкнул Боров.

— Здорово! — выдохнула девчонка с настоящим восторгом.

И опустила лицо.

А у него горло перекрыло, и сердце стало в груди колом. Отворачиваясь, малышка коснулась губами его шеи над воротом рубашки. Легко, едва ощутимо. Так, как он касался ее лица, целуя все это время.

Случайно задела, наверное. Хотя, он бы многое отдал за то, чтобы сейчас ошибиться в своих выводах.

Агния с некоторым недоумением смотрела на закрытую дверь. Это уже третий раз она приходила к Лене, и вчера, и сегодня, но соседки дома не оказывалось. Видимо, как и Алина Дмитриевна, Лена уехала на праздники. Насколько Агния помнила, девушка упоминала, что ее родители живут в одном из поселков области. Что ж, ладно. Отдаст свой нехитрый подарок — коробку шоколадных конфет и сувенирную свечу — после Нового года, когда соседка вернется.

Определившись с этим, Агния побрела вверх по лестнице к своей квартире. Сказать по правде, она не так уж стремилась поздравить Лену с Новым годом, сколько хотела отвлечься. Потому как очень сильно, просто безумно нервничала. Агния волновалась весь вечер, всю ночь, и целое сегодняшнее утро — и все из-за предстоящей новогодней ночи вместе с Вячеславом Генриховичем.

Ох!

Нет, в этом волнении не было ничего неприятного или грустного. Господи, она с таким

нетерпением ждала наступления вечера и того, что он заедет за ней — потому и не могла спокойно сидеть. Ей хотелось куда-то пойти, что-то сделать, чем-то себя занять — только бы время прошло скорее. А оно, как назло, казалось, едва ползло.

Захлопнув за собой дверь, она мимоходом отметила что замок в последние три дня стал заедать, но тут же забыла о том, что стоит позвать слесаря. Спрятав конфеты и свечу в шкаф на кухне, Агния решила выпить кофе. Она редко пила тот, но ей очень не хотелось быть сонной сегодня вечером или зевать всю ночь, так что.

В гостиной работал телевизор и привычные, год за годом повторяемые перипетии в жизнях героев старого фильма вносили некую стабильность и размеренность в этот день. Первый ее Новый год совсем без родных. Без елки, которую она просто не успела купить. Первый Новый год с Вячеславом Генриховичем… Первый? Ох…

О чем бы она не думала, мысли Агнии так или иначе возвращались к нему. Большую часть ночи ей не спалось, и подушка была не такой, и одеяло мешало и, вообще, в квартире становилось слишком жарко.

Особенно, если Агния вспоминала, как посмела коснуться его. Господи! Ей хватило наглости его поцеловать… Да, тайком и едва ощутимо. Просто задеть шею губами. Он, наверное, и не заметил этого. Но у самой Агнии губы горели, до сих пор сохранив это ощущение. И еще одно — шероховатое и колючее, будоражащее и непозволительно смелое, как ей казалось. Прощаясь с Вячеславом Генриховичем, уже после того, как показала ему всю-всю консерваторию, все свои самые любимые места, аудитории и коридоры, после того, как напоила его чаем у себя дома, в самых дверях, провожая, она привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Боже, как же она смутилась! Сама не знала, что заставило ее так поступить. Захотелось. Очень сильно, так, что не возникло желания одернуть себя или остановить. И она на секунду прижалась губами к его щеке, рукой коснувшись плеча Боруцкого. Его кожа была горячей, шероховатой, чуть грубой. И колючей.

Обилие таких непривычных ощущений взбудоражило, оглушило, вызвало растерянность. И Агния не сумела взглянуть ему в лицо, чтобы посмотреть, как Вячеслав Генрихович отреагировал на подобный поступок с ее стороны. Так и промямлила: «до свиданья», уставившись на руки, сцепленные перед собой. А Боруцкий ничего не сказал, только откашлялся, возможно, даже недовольный ее поступком, и ушел. Но и своего приглашения не отменил. И Агния надеялась, что все-таки не рассердила его.

Так или иначе, то, что у Боруцкого не было в наличии семьи, вовсе не значило, что он жаждал каких-либо знаков внимания со стороны шестнадцатилетней девчонки. Может он, вообще, относился к ней, как к дочери, а Агнию так трясет просто от мыслей о нем…

Ох, нет, ей вовсе не хотелось, чтобы Вячеслав Генрихович видел в ней дочь. Совсем.

Тряхнув головой, словно прогоняя нежеланные мысли, Агния размешала сахар в своей чашке. Подкрученные ради сегодняшнего вечера локоны немного непривычно подпрыгнули вокруг лица. Сегодня никакой косы, даже просто распущенные волосы не подошли бы, потому Агния потратила уже полтора часа на создание «естественной волнистости» на своей голове. И платье… Платье она выбирала с самого утра, трижды меняла варианты, и остановилась в итоге совсем не на том, которое думала одеть поначалу. У Агнии имелось несколько концертных платьев. В основном маминых, только перешитых по ее фигуре. Так посоветовала Зоя Михайловна, потому как жаль было выбрасывать такое добро или позволять тому пылиться в шкафу. Все эти платья были красивыми, изящными, с достаточно богатой и нарядной отделкой. И все они были слишком вычурными на ее вкус. Одно дело петь в таком платье на сцене, и совсем другое — провести вечер с мужчиной, который заставляет всю тебя трепетать. Боже! Да она точно запутается в юбке, или станет страшно

смущаться, постоянно поправляя оборки. И, вообще, Агния не ощущала себя в этих платьях к месту. Все-таки, они были сшиты для другой ситуации и не казались ей уместными сейчас. В результате, еще не совсем уверенная, что поступает правильно, она выбрала очень простое трикотажное платье, купленное еще с матерью, в прошлом сентябре перед самым их отъездом. Платье было шерстяным, с длинным рукавом, простым V-образным вырезом, и рядом декоративных пуговиц, идущим по центральной линии спереди. Но основным и самым важным его преимуществом, помимо простоты, с точки зрения Агнии было то, что она действительно хорошо в нем смотрелась. Платье облегало и подчеркивало ее фигуру. И, пусть она еще краснела, понимая, что пытается сделать, это не мешало ей хотеть обратить внимание Вячеслава Генриховича на себя. Показать ему, что она ну… привлекательная, что ли. А не просто его «крестница», и совсем уже не ребенок.

Однако, несмотря на желание предстать перед Вячеславом Генриховичем в самом лучшем виде, краситься Агния не решилась. Она так боялась показаться ему нелепой, или сделать что-то не так, или … Господи, она слишком много боялась и волновалась обо всем на свете! О любой мелочи и детали: о прядке волос, которая легла не так, как Агнии хотелось, и теперь постоянно лезла в глаза (хоть бери и заново мой голову), о том, что тушь может «осыпаться» или размазаться, если Агния все же решиться накрасить ресницы. Она беспокоилась, что Боруцкому может стать скучно в ее компании, ведь у него, наверняка, уже были планы, которые он спешно поменял лишь для того, чтобы загладить пропуск ее концерта. Она думала об этом и еще о сотне деталей, а потом застывала посреди комнаты, вспоминая, как он вчера обнимал ее, успокаивая, и как его губы касались ее лица. Едва ощутимо, нежно, и в тоже время так, что у нее в горле появлялся «нервный» комок, а живот подводило. И ей хотелось обхватить себя руками. Обнять, закрыть глаза, провести пальцами по своим векам, бровям, щекам, представляя, вспоминая, как Вячеслав Генрихович касался ее кожи вчера.

Может, ну хоть капельку, хоть чуть-чуть, но она его интересует? Не как подопечная, а как девушка, на которую можно обратить внимание?

В общем, занимаемая всеми этими мыслями, Агния не знала покоя, и бродила по квартире туда-сюда. Наверное, раз в десятый заглянула в холодильник, собираясь пообедать, но только бездумно осмотрела полки и закрыла дверцу. И не потому, что есть у нее было нечего. Наоборот, теперь Агния очень тщательно следила за наличием продуктов. Вернее, Вячеслав Генрихович следил, а ей оставалось стараться сделать все, чтобы Боруцкому не к чему было придраться. Хорошо, что в этот раз она оставила больше денег, иначе, Агния не сомневалась, он снова бы что-то заподозрил и принялся допытываться, куда она потратила зарплату. Пока же эта тема, к счастью, больше не всплывала.

Допив последний глоток кофе, она сполоснула чашку и пошла в гостиную. На диване, упакованный в красивую праздничную бумагу, правда сдержанного серебристого цвета, без всяких там колокольчиков и Санта-Клаусов, лежал ее подарок Вячеславу Генриховичу. Агния долго думала, что ему подарить, еще до этого приглашения. Она понятия не имела, в чем мог нуждаться такой человек, как Вячеслав Генрихович. Да и на что-то серьезное и солидное денег после пожертвования не осталось. И тогда она решила выбрать что-то, что можно было бы воспринять как сувенир, но такой, который бы все время был ему нужен.

Боруцкий курил. Не то, чтобы Агния с восторгом относилась к подобной привычке у людей. В ее семье, по понятным причинам, всегда с некоторым пренебрежением и неодобрением относились к курящим людям. Но Агния соврала бы, сказав, что ее отталкивает то, что Боруцкий курит. Он просто был таким. Самим собой. Человеком, от которого у нее захватывало дух, со всеми его

привычками и особенностями, пусть иногда и малопонятными для нее. Потому она купила ему зажигалку. Чтобы он не искал спички, как это зачастую случалось, или не покупал постоянно пластиковые «китайские». Почему-то она не могла забыть, как одна из таких просто треснула в руках у Вячеслава Генриховича. Вот и купила хорошую, не самую дорогую, но и далеко не дешевую.

Конечно, он мог посчитать это бесполезной мелочью и просто забросить куда-то, ну или выкинуть. Но Агния очень хотела ему что-то подарить. Сделать что-то приятное для Вячеслава Генриховича, а ничего лучше не сумела придумать.

Убеждая себя успокоиться и прекратить смотреть на часы каждые тридцать секунд, Агния села на диван и попыталась сосредоточиться на фильме.

Он решил, что не будет подниматься к ней. Это могло оказаться слишком сильным искушением и послужить последней каплей. Той мелочью, которая сокрушит его выдержку без всякого шанса на спасение. Особенно после того ее «прощального» поцелуя.

Блин, кто поверит, что взрослый мужик может не спать полночи, мучаясь с проклятым возбуждением только потому, что шестнадцатилетняя девчонка чмокнула его в щеку на прощание? Дебилизм какой-то, ставший этой ночью реальностью Вячеслава. Он вновь и вновь пытался воскресить это ощущение, смакуя его и наслаждаясь этим поступком своей Бусинки, разрешая себе допустить, что возможно, и то касание в полутемном зале, ставшее неожиданностью для него, не было случайным.

Будет ли она теперь всегда целовать его при встрече и прощании? Он не был бы против. Если только Бусинка не считала, что целует его по родному, как целовала бы брата, отца, или опекуна, которым он фактически и являлся. Мать его так! Этого он точно не хотел. Впрочем, отцов и братьев в шею не целуют, не так ли? Так что, вполне вероятно, его тактика дает свои результаты.

Только вот, проблема в другом: как он будет контролировать себя, если она и правда станет так делать? Поцелуй в щеку — это еще однозначно не готовность девочки к чему-то серьезному, типа секса. А его вчера проняло так, что он удивился, как не сорвал дверной косяк, в который вцепился пальцами тайком от нее. Чтобы ее не схватить, не испугать, не прижать к себе. Или к стене. Или просто зажать между собой и стеной…

Бл…! Что-то он не оригинален. Мысли вертятся только вокруг одного. Ей его внимание и присутствие, участие сейчас надо, пусть он и весьма смутно себе представляет, как ей это дать. Чего только ее опустошенность из-за его отсутствия вчера стоит? А у него мозги завернулись на сексе. Он же на нее наброситься готов. И так все последние месяцы.

Елки-палки. Надо как-то расслабиться и отвлечься. Надо. Сорвавшись, он не поможет ни себе, ни ей, ни им.

Он прикурил вторую сигарету от той, которая догорала.

Итак, что он имеет по ходу? А ни хрена. Пригласил вот ее Новый год вместе встретить, а что он для нее сделать с этим праздником может? Куда отвезти?

Никуда. Потому что нельзя ему нигде ее светить. Нельзя. Одно дело с ней в своем же ресторане ужинать, когда она работает там же. Тем более что для всех она под его опекой и защитой, как «крестница». И совсем другое — начать появляться с Бусинкой где-то в других местах. Сколько он сможет держаться в ее компании отстраненно и покровительственно? И где гарантия, что заинтересованный наблюдатель не заметит того, как Боров трясется над ней, как свихнулся на своей девочке. Федот же все видит.

Федот, кстати.

Друг тоже не был в восторге, что у Борова поменялись планы. Предполагалось, что они проведут эту ночь в клубах, вроде и курируя проведение праздника, и с ребятами да корешами, которые однозначно заскочат, посидят, выпьют пару рюмок. Теперь же надо было что-то менять. Но не мог же Федот разорваться и везде поспеть?

Так или иначе, а Борову придется заехать в клуб. И Бусинку туда завести, в машине он ее не бросит. Бред это. Он же ей праздник устроить хочет. Да и его машина… Мало ли мужиков из их среды в машинах и порешили?

Блин, знать бы еще, как же все-таки устроить все так, чтоб все четко вышло, путем. В ресторан тащить? Она там каждый день работает, девочке там, небось, уже и осточертело все. И к себе везти — не вариант. По той же причине, по которой он сейчас не решается к ней подняться. Не выдержит. А его девочка такая хрупкая.

Боров достал из кармана маленькую коробочку и, отбросив крышку, глянул на содержимое. Тонкий и изящный, почти невесомый золотой браслет-цепочка с тремя подвесками в виде бабочки, полумесяца и … медвежонка.

Е- мое. Он себя вот таким медведем и ощущал. Огромным, по сравнению с Бусинкой, нескладным и совершенно неспособным сделать тут что-то толково. Это тебе не налет спланировать, или схему сбыта алкоголя толкнуть. Даже не клуб раскрутить. Он вообще не знал, как она себе представляет этот вечер и чего хочет. А после вчерашнего промаха не хотелось снова сплоховать.

Он еще раз глянул на браслет. Вячеслав надеялся, что подарок Бусинке понравится. Не то, чтобы он долго размышлял, что ей выбрать. Он об этом вообще не думал до вчерашнего вечера. Зато эту ночь — ломал голову, и утром первым делом заехал в магазин.

Хлопнув крышкой, Боров спрятал подарок. Поднял голову, ища ее окна глазами. Снег на улице так и лежал, хоть погода стояла и не шибко морозная. Но в целом, для Нового года потянет. Уже темнело, изо всех окон слышались шум и перекрикивания, сопровождающие приготовления. На улице носились мужики с выпученными глазами, посланные в последний момент за забытой селедкой или банкой икры. Пошатываясь, ходили другие, те, что уже с утра решили «праздновать». Были и третьи, семейные, похоже, которые парами, с женами спешили куда-то, видно, в гости к родным и друзьям.

Толку тут стоять — никакого. Надо ее забирать и что-то придумывать. Только подниматься все-таки не стоит, видимо. Нечего самому беду кликать.

Достав мобилку, он выбрал ее номер из списка и нажал на вызов.

Агния поняла, что случилось, только тогда, когда они почти добрались до клуба, куда Вячеславу Генриховичу обязательно надо было заехать. Она с ужасом уставилась на свои пустые руки. Каким образом можно было умудриться забыть подарок, который она купила еще две недели назад? Неужели она настолько нервничала? Или так задумалась над дилеммой: будет ли наглостью поцеловать Боруцкого и при встрече? Или просто — так обрадовалась звонку Вячеслава Генриховича, что выскочила из дома, как ненормальная? Как голову-то не забыла? И пальто…

Испытывая острый приступ разочарования, ужаса и самоосуждения, она с горестным вздохом прижала ладонь к губам.

Боруцкий тут же оторвался от дороги и глянул в ее сторону. Видно было что-то на ее лице такое, что Вячеслав Генрихович тихо ругнулся сквозь зубы и тут же съехал на обочину.

— Бусинка, ты чего? Что случилось? Тебе плохо? — Заглушив двигатель, он полностью развернулся к ней.

— Вячеслав Генрихович… — Агния со стыдом глянула на него. — Я забыла подарок. Ваш подарок. Который для вас приготовила.

Она опять уткнулась лицом в ладони.

Он, кажется, улыбнулся:

— Эй, ты что, ты реветь из-за этого собралась? — Она почувствовала, как теплые пальцы Боруцкого обхватили ее подбородок. Осторожно погладили. У нее дыхание перехватило. — Ты что, маленькая? Мы же не последний раз видимся. Завтра отдашь или еще когда-нибудь.

— Нет. Я не плакать… Просто так глупо. — Она вздохнула и опустила ладони, понимая, что совсем не хочет, чтобы он убирал свои пальцы. — Я так долго его выбирала, готовила, прятала, чтобы вы не увидели, когда приходите, а теперь…

Агния растерянно сжала губы.

А Вячеслав Генрихович как-то странно посмотрел на нее. Отвернулся к лобовому стеклу, оставив ее лицо в покое, и крепко сжал руль.

— Ну, ты не кисни. Он того… Из квартиры твоей никуда не денется. Так что — нечего грустить. Праздник, все-таки.

Агния невнятно угукнула.

— Ты придумала, куда хочешь? — Вячеслав Генрихович завел двигатель и опять выехал на проезжую часть.

Агния покачала головой. Она понимала, что Боруцкий прав. Но это ее не очень успокоило. Это же новогодний подарок и дарить его надо в новогоднюю ночь, а не «потом, как-то…», и реакцию его хотелось увидеть. И просто…

— Думай, полчаса-час у тебя еще есть, пока я все в клубе улажу.

Боруцкий еще раз глянул в ее сторону, но промолчал. Только кивнул.

А Агния даже не задумалась над его вопросом. Не специально, просто отвлеклась. Уставилась на ладони, все еще переживая свой «провал», а потом начала вслушиваться в тишину. Боруцкий никогда не слушал в машине музыку. Правда, может только при ней. И они всегда ездили в этой тишине. Раньше, если Вячеслав Генрихович ее подвозил, Агния даже не обращала на это внимания, а в последние недели и месяцы — стала ощущать все острее. Прислушивалась к каждому его движению и вздоху. Смотреть, правда, решалась редко, как бы сильно не хотелось. Только тайком, искоса, исподтишка. И слушала, слушала, слушала — вволю.

И сейчас слушала: как он дышит, как его руки поворачивают руль, как он скупо двигается. Ей уже давно не казалось, что Вячеслав Генрихович «негармоничный». То ли в ней что-то изменилось, то ли в нем, но Агния однажды вдруг поняла, что каждое его движение слаженное и выверенное, а совсем не хаотичное и расстроенное, каким казалось ей вначале. В этом человеке было свое звучание, особенное, присущее только ему, такое же бешенное, как и весь характер этого мужчины, такое же бескомпромиссное и мощное, как то «гудение», которое она когда-то ощутила около него. И все это звучание было таким интенсивным, что у нее, кажется, волоски на коже поднимались «дыбом», когда он оказывался рядом.

Однако, несмотря на это, Агния теперь старалась не пропустить ни звука.

И ощущала какую-то тягучую неловкость, от того, что вроде бы подглядывает за ним. И в то же время, такое счастье, что имеет вот этот кусочек времени с ним, какой-то общей «тайны», чего-то очень личного — что хотелось закружиться на месте, раскинув руки, и счастливо засмеяться.

Ему она этого не говорила. Да и вряд ли когда-то решится.

Смешно, конечно, но это казалось ей настолько запредельно-смущающим и неловким, но таким сладким ощущением. И мысль разделить его с Вячеславом Генриховичем заставляла ее

заливаться краской. Даже сейчас.

Агния исподтишка скосила глаза на Боруцкого, боясь, чтобы он ничего не заметил. Да так и застыла, тайком любуясь. И в глубине души гордясь тем, что оказалась достаточно смелой, чтобы и при встрече коснуться губами его щеки. И даже смущенно глянула на него, дезориентированная резким и коротким, будто бы недовольным вздохом. Правда так ничего и не смогла понять по напряженному лицу, тем более что Вячеслав Генрихович как раз в этот момент моргнул, спрятав от нее свои глаза.

— Приехали, Бусинка. Сейчас будем тебя контрабандой в клуб протягивать, — заметил Вячеслав Генрихович, отвлекая Агнию от мыслей, — сам запретил, и все время разрешаю тебе нарушать этот запрет. — Он с кривой усмешкой покачал головой и вышел из машины.

Агния сидела на диване в кабинете Вячеслава Генриховича, ожидая, пока он вернется, и бессмысленно водила ладонью по обивке. Она не была здесь после той ночи, когда они мирились. Но в кабинете мало что поменялось. Разве что чище было и не накурено. Из зала доносились приглушенные ритмы музыки, смех и крики тех, кто пришел праздновать Новый год в клубе, но ей эти звуки не мешали. Она так и не придумала, чего хотела. Ей было безразлично, где встречать Новый год, честно. И ехать больше никуда не хотелось. Агнию и здесь все устраивало, к примеру. Главное, что Вячеслав Генрихович был рядом. Ну, или должен был вернуться сейчас, по крайней мере. Несмотря на весь кофе, что она выпила дома, Агнию начало клонить в сон, время приближалось к одиннадцати вечера, и организм привычно требовал отдыха. Правда, пока она относительно успешно боролась с этим желанием. Почти…

Очень хотелось на секундочку закрыть глаза. На совсем-совсем крохотную секундочку. Она только закроет их, и тут же откроет. Она вполне в состоянии не уснуть, тут нет никаких сомнений.

И Агния поддалась этому желанию. Подтянула ноги под себя, сбросив на пол туфли, устроилась щекой на мягком подлокотнике и прикрыла веки.

Она услышала, как открылись двери. Совсем скоро, наверное, спустя минуты две. Как в кабинет ворвались звуки из коридора, резанув куда более громкой музыкой. Как эта же дверь закрылась. Но не смогла открыть глаза, несмотря на всю свою недавнюю уверенность. Только немного поморщилась.

Слышала она и шаги Вячеслава Генриховича (точно его), приблизившиеся к дивану, где устроилась Агния. Она даже почувствовала, как он смотрит на нее, но и это ее не разбудило полностью.

На ум даже мат не шел. Вообще ничего.

Исправился, мать его так! Искупил вину. Охренеть, как хорошо справился.

Вздохнув, он плотно закрыл дверь за своей спиной и еще раз глянул на Агнию.

Эта девчонка его убивала. Он дышать спокойно не мог, глядя на нее. Особенно в этом долбанном платье. Вячеслав когда-то думал, что ее пижама — пытка для него? Это платье, пусть и совсем без кружев, шерстяное — было ничуть не лучше.

Оно подчеркивало все. Все. Совсем все. Ничего не показывало, но и ни хрена не скрывало. Оно так хорошо облегало грудь, талию и бедра его девочки, что у Вячеслава руки зудели от желания провести по этим изгибам, впечатать их в себя, ощутить своим телом. Увидеть без всякой дурацкой ткани. И простое такое платье. Черное. Пуговицы какие-то спереди. Но как же шикарно она в нем выглядела. И волосы. Волосы его Бусинки, все с тем же одурительным запахом.

Как давно он стал одержимым?

Давненько. И не похоже, чтоб это прошло, как Боров когда-то надеялся. Ладно, к черту. НЕ в этом сейчас дело. Несмотря на все свои мысли, он не пытался избежать ее. Блин, больше всего он хотел бы последний час сидеть со своей Бусинкой, а не тратить время на общение с людьми, с которыми был должен поддерживать хорошие отношения. Сейчас положение держалось не только на собственной силе и смекалке, но и на поддержке других группировок и кланов. Ты можешь быть авторитетом для них, и твое слово будет решающим, но и ты должен проявлять уважение к этим людям и ценить то, что они обеспечивают твердость твоей позиции. И эти самые люди его задержали. Особенно Косяч, которого Боров в принципе не желал бы видеть в радиусе трех километров от своей Бусинки. Федот когда-то не зря предупреждал друга — Косяч мог пойти на что угодно, чтобы изменить баланс сил. Сейчас Косяч был слабее Вячеслава, но только потому, что он имел на него рычаги влияния в виде контроля над сферой автобизнеса, которая составляла основу достатка Косяча. Он не пропустил бы шанса это изменить.

Короче, Боруцкому пришлось задержаться дольше получаса в зале. Ненадолго, но все-таки.

А она уснула.

Наверняка, Агния не так себе представляла встречу этого Нового Года.

Жестко помассировав лицо рукой, Вячеслав вздохнул. Провел ладонью по волосам. Бусинка продолжала спать, лишь слабо хмурясь из-за его возни.

Блин.

Он достал из кармана брюк коробочку и подошел к дивану. Она ему подарок, оказывается, несколько недель выбирала. По фигу, что забыла, даже не важно, что именно она там подарить решила. Сам факт — заставлял его кайфовать. Несколько недель… А он, недоумок, только прошлой ночью додумался. И ведь уже был прокол с ее Днем Рожденья.

Ладно. Проехали. Дальше умнее будет.

Присев рядом с ней, он очень постарался не смотреть на ноги Агнии. Ага, куда там. Глаза его не слушали. Она, босая, в одних колготках, через которые все равно видно пальчики на ступнях, спала на диване в его кабинете. В том самом кабинете, в котором он уже однажды испытывал пределы своей выдержки. И сейчас его скручивало, только уже совсем не так.

Настолько же сильно. Но к безумному вожделению и желанию давно прибавилась нежность и забота. Не мог он ее обидеть. Не мог причинить боль, принудив к чему-то, к чему сама малышка не была готова.

Раскрыв коробочку, он аккуратно достал браслет. Отложил футляр на диван сбоку, с сомнением глянул на замочек. Не фонтан, конечно, но придется справляться. И очень аккуратно, стараясь ее не разбудить, обхватил золотой цепочкой тонкое запястье.

Она проснулась.

Не потому, что он сделал что-то неловко. Собственно, Боров мог по праву гордиться с собой. Ему удалось застегнуть замок с первого раза, несмотря на всю миниатюрность последнего. Но он справился. И даже не задел кожу Бусинки ни разу. А она все равно проснулась. И с удивлением, сонно моргая, чуть сощурившись, глянула на него. Потом перевела глаза на свою руку.

— Ой…

Ну, е-мое. Ну что это у нее за реакция на подарки? Ну, когда она радоваться им начнет?

Боров вздохнул.

— И все? Ой? Не нравится?

— Нравится.

Агния вдруг широко улыбнулась, кажется, еще не до конца проснувшись, и еще сильнее подтянула ноги под себя, попытавшись сесть.

— Вы вернулись!

Ладно, без разницы, как она будет реагировать на подарки, пока так радуется ему.

— Не то, чтоб вовремя, да? — Он хмыкнул.

Отвернулся и сел, уперев локти в колени, переплел пальцы перед собой.

— Что, плохой я тебе праздник сделал, да, маленькая? И концерт пропустил, и здесь не справился.

— Ну, что вы, Вячеслав Генрихович! — Она подскочила и ухватилась за его плечо.

Ее волосы скользнули по его спине, затылку, упали на щеку. Подбородок девчонки уперся ему в плечо. Она вся прижалась к его спине.

Боров закрыл глаза и мысленно выругался. И тяжело втянул воздух.

— Я сейчас кофе выпью и все будет хорошо. Все и так замечательно. Можно мне кофе? Здесь же его делают?

— Делают, — хрипло согласился Вячеслав, — ты решила, куда хочешь поехать?

Он не поворачивался к ней. Так и сидел, вперив глаза в пол перед собой. И она не сдвинулась с места. Твою мать!

— Решила! — Агния кивнула. Он прочувствовал этот кивок всем телом. — Давайте здесь останемся, и не будем уже никуда ехать. Смысл? До Нового года полчаса, если не меньше, а тут очень хорошо, по-моему…

— Ага, так здорово, что ты отрубилась, по ходу, — проворчал Боров, ощущая спиной, как вибрирует ее голос в ее же теле.

Наверное, ему не стоило бы думать об этом. Но оно как-то само, против воли думалось.

— Вячеслав Генрихович, я серьезно. Давайте останемся тут. — Она совсем перегнулась через плечо и попыталась заглянуть в его лицо. — Где еще мне разрешать встретить Новый год в ночном клубе в моем-то возрасте? — Бусинка смотрела на него с лукавой улыбкой.

Эта девчонка из него веревки вьет.

— В зал — не пущу, — рыкнул Боров, памятуя о шоу, которое должно было начаться сразу после полуночи. Там совсем не место для его малышки, точно.

Он рывком поднялся, пытаясь вернуть себе контроль над собственным телом.

— Хорошо. — Она села на пятки и проследила, как он шел к столу. — Мне и здесь хорошо.

Как ни странно, ему тоже было хорошо. Просто офигеть, насколько, несмотря на весь напряг с контролем.

— Вадик, — набрав на коммутаторе администратора, он косо глянул в сторону девчонки. Она крутила руку, рассматривая браслет. Даже губу закусила, от внимания, что ли? — Пусть мне в кабинет принесут кофе, нет, не крепкий, обычный. И шампанского. Да, два.

Распорядившись, он небрежно бросил трубку и повернулся к Бусинке. Она наблюдала за ним с любопытством, даже от браслета отвлеклась.

— Что, Бусинка, Новый год, по ходу, не кофе же ты со мной будешь чокаться, — подмигнул ей Боров.

— Здорово, — похоже, ей понравилась эта перспектива. Во всяком случае, в глазах Бусинки ему почудились веселые и радостные искорки.

Не совсем уверенный, что это лучший метод, он все же понадеялся, что сумеет хоть как-то реабилитировать почти испорченный вечер.

И тут он вспомнил о том, что вполне могло дополнить впечатления. Не центральная площадь города, конечно, но все же. Боров глянул на часы — семь минут еще есть, потом надо выходить.

Официант постучал в двери кабинета через четыре минуты. Забрав у него бутылку с бокалами

и кивком головы велев поставить кофе на стол, Боров отправил парня. Сам открыл и наполнил бокалы. Отставил бутылку. Глянул на малышку, с интересом наблюдающую за каждым его действием и, усмехнувшись, поманил ее к себе пальцами.

Опустив ноги, она не глядя нащупала туфли, продолжая следить за ним, а у него кровь горела от этого безыскусного и открытого взгляда, полного интереса и чего-то того, что так будоражило его последние недели.

— Держи.

Ничего не объясняя, он вручил ей оба бокала и аккуратно подтолкнул в сторону двери. У вешалки притормозил, сдернул свое пальто, перекинув его через руку и, забрав у нее свой бокал, потянул Бусинку по коридору, к черной лестнице.

— А мы куда, Вячеслав Генрихович? — С любопытством уточнила его девочка.

— На крышу, — с ухмылкой ответил он, — не могу же я совсем тебя праздника лишить. Итак, ни елки, ни стола, ни фига…

— Зато вы есть.

Она прошептала это тихо. Он даже обернулся, чтобы глянуть ей в глаза, не уверенный что правильно расслышал. Но освещение здесь было настолько плохим, что он и лица ее не видел, не то, что глаза.

— А зачем нам на крышу?

Это она, что, спрыгивает с предыдущей темы? Ладно. Допустим, ему не послышалось.

— Увидишь, — пообещал он, и потянул ее дальше, крепко сжав одной рукой ее ладонь, свободную от бокала.

Как назло, еще и петли заело. И все-таки, они успели.

Она с некоторой опаской вышла на холодный ночной воздух, сразу поежилась, хоть и старалась держать бокал так, чтоб не пролить шампанское. Боров встряхнул пальто и, обхватив ее плечи, укутал девчонку в него. Притянул еще ближе к себе.

— Ну что, с Новым годом, маленькая? — Вячеслав поднял свой бокал.

— Думаете, уже пора? — уточнила она с робостью и подняла свой.

— Думаю… — он глянул на окрестности, прекрасно просматривающиеся с крыши, — да.

Он легонько ударил стеклом о стекло. Но звон заглушил грохот и яркая вспышка фейерверка, вдруг взорвавшегося, казалось, у них над головами.

Агния ойкнула и резко дернулась, прижавшись к нему всем телом. Боров спрятал довольную усмешку за бокалом и щедро глотнул вина. Не то, чтобы он то любил, но зато хорошее.

Вслед за первой, последовала вторая вспышка. И третья. Теперь фейерверки начали взрываться в ночном небе над всем городом, без перерыва озаряя их лица то золотыми, то синими, то красными всполохами. Стало шумно и потянуло порохом.

— Точно наступил, давай, пей, — подмигнул он малышке, смутившейся и растерявшейся из-за своего испуга.

То ли из-за этого смущения, то ли следуя его примеру, Бусинка залпом выпила чуть ли не все шампанское. Опустила бокал. И запрокинула голову так, что уперлась затылком ему в плечо, а спиной откинулась на грудь Вячеславу. Он не противился, продолжая крепко обнимать ее за пояс. А Бусинка с восхищением уставилась на это «светопреставление», то и дело пытаясь что-то ему показать. Бесполезно, кстати, он смотрел только на нее счастливое лицо и восхищенные глаза, слегка «поплывшие» из-за шампанского, выпитого залпом. Но девчонке необязательно было знать, что он невнимателен. Потому Боров кивал тогда, когда это казалось ему правильным.

Они простояли на крыше минут двадцать, наверное. Пока не исчезла самая последняя

вспышка фейерверка и не затихли все крики празднующих на улице.

— Здорово, — с каким-то благоговейным восторгом выдохнула его девочка, все еще глядя в уже темное небо, — так здорово! Спасибо!

Вячеслав не успел сказать «не за что». Резко развернувшись в его руках, так, что даже немного покачнулась, Агния вдруг приподнялась на носочки и с силой прижалась к его губам.

Ее руки обвили его шею.

Его будто током шибануло. Дыхание стало в горле и руки сами дернулись, сжимаясь безумно сильно, пальцы впились в ее спину, продавливая ткань пальто. Вячеслав попытался удержаться и не поддаться, не позволить своим губам завладеть ее ртом, не ворваться внутрь языком. Он старался, лишь мягко разомкнув губы, позволяя ей делать то, что хочется, чтобы теперь не испугать ее. Когда все желаемое было так близко.

И будь он проклят, если это не было самым настоящим, пусть и неумелым поцелуем!

Глава 18

Девять — восемь лет назад

Все в этом моменте вызывало в ней ошеломление. И восторг от наблюдения за фейерверками, и радость от того, что Боруцкий был рядом с ней, обнимал ее, укутал в свое пальто и крепко держал руками, пряча от зимнего холода. И какая-то легкость, головокружение от шампанского, после того, как она целый день ничего не ела. И его губы, его запах, его вкус — терпкий, чуть горьковатый — будоражащий, сотрясающий своей непривычностью и необычностью каждую ее клеточку. И чуть колючее прикосновение его щек к ее губам, к ее щекам, когда она прижалась к нему в этом сумасшедшем и довольно сумасбродном поцелуе.

На Агнию обрушилось столько всего, что разум растворился, капитулировав перед незнакомыми и покоряющими чувствами. И так хотелось чего-то большего, чего-то более сильного, глубоко, близкого с ним. Но…

Секунды шли, и восхищенное эйфоричное возбуждение, удовольствие от того, что она решилась прикоснуться к нему, все больше сменялось в Агнии стыдом и отчаянием. Все было совсем не так.

Он не оттолкнул ее. Нет.

Но и не целовал в ответ так, как это было однажды. Вячеслав Генрихович, со всей очевидностью, не торопился ответить на безрассудный поступок Агнии.

О, нет, он не оттолкнул. Но и его реакция ничем не напоминала тот сокрушающий и покоряющий поцелуй, который Агнии довелось испытать однажды. Он просто мягко поддался, похоже, жалея наглую девчонку, сохраняя ей хоть какие-то остатки самоуважения своей сдержанностью.

О, Господи!

Она зажмурилась и отступила, наклонив голову, не имея сил посмотреть ему в лицо.

— Простите, — хрипло и подавлено прошептала она.

Агния попыталась высвободиться из рук Вячеслава Генриховича, но тот, как ни странно, не торопился отскакивать от нее, радуясь своему освобождению от ее приставаний. Господи, как противно-то! И стыдно. До ужаса просто.

Боруцкий почему-то молчал. И даже не дышал, кается. Во всяком случае, она не слышала звуков его вдохов, хотя на крыше сейчас было очень тихо. Даже слишком. Она готова была молиться о прежнем грохоте, лишь бы как-то избавиться от этой катастрофичной ситуации. И своего полного провала.

— Бусинка… — Боруцкий резко выдохнул. Ну, точно, он не дышал. Ему было так противно, что она к нему полезла?

Агния до боли закусила губу. И снова дернулась в сторону.

— Извините, Вячеслав Генрихович! Я… Не думала. Не собиралась… О, Господи! Извините меня! — она прижала ладони к пылающему от стыда лицу.

Он совсем не ослабил захват своих рук. И не позволил ей отступить от него больше, чем на полшага.

— За что? — Его голос почему-то звучал так же хрипло, как и ее. И как-то… озадаченно, что ли.

— Что «за что»? — находясь не в самом лучшем и светлом состоянии разума, переспросила она, так и не решившись поднять на него глаза.

Он откашлялся. И она ощутила, как он коснулся рукой ее макушки, поглаживая. Словно пытался успокоить Агнию. Сверху вниз, от макушки к затылку. Это было очень приятно. Но и так унизительно, учитывая то, что он, вероятно, пытался просто успокоить ее как оплошавшего ребенка.

— За что извинить? — уточнил он свой вопрос, продолжая гладить рукой ее волосы, а второй обнимать Агнию за пояс.

Агния замерла. Не столько от слов, сколько от напряженного тона. Такого… такого… словно он пытался больше утаить, чем сказать. Или она просто напилась и ей чудилось и виделось невесть что во всем вокруг. И стыд все еще довлел над остальными чувствами.

— За это… — она почти выдохнула эти слова, придавленная ощущением собственного унижения. — Я не собиралась… Ну, нападать на… Не думала к вам приставать, Вячеслав Генрихович, — выпалила Агния на одном дыхании и зажмурилась.

Испытывая при этом сильное желание спрятать лицо у него на груди.

Рука Боруцкого, та, что гладила ее по голове, застыла на ее затылке. Он сам весь словно замер. На какую-то секунду стал полностью неподвижен. И вдруг как-то сдавленно выдохнул и… расхохотался, прижав ее голову к своей груди двумя руками. Так, что Агнии передалась вся эта вибрация его смеющегося тела.

Он что, над ней смеется? Ей стало еще хуже, если это только возможно. Агнии захотелось плакать. Очень сильно захотелось.

Но в тот момент, когда она готова была вот-вот разреветься, ладони Боруцкого обхватили ее щеки и он заставил Агнию поднять голову, просто не заметив ее сопротивления и неохоты.

— А это ты, типа, ко мне приставала, малышка? — он смотрел на нее с каким-то весельем, наклонив голову к плечу.

Агния не знала, видно ли ему, что она пунцовая. Однако, непонятно почему, ей стало легче от понимания, что он не сердиться и не испытывает к ней отвращения или пренебрежения. Ничто во взгляде Вячеслава Генриховича не указывало на это. Наоборот, в его глазах было что-то такое, что просто заворожило Агнию. Она даже не поняла, что Боруцкий вздернул бровь и ждет ответа. И с каждой секундой, что она молча пялилась на него, на его лице появлялось все более непонятное ей выражение.

— А… Я… Ой…Я не… — она так ничего и не смогла внятно пролепетать.

— Нет, Бусинка, пристают не так, — ухмыльнувшись, заметил Боруцкий.

И совсем неожиданно для нее, вдруг надавил на ее щеки, потянув ее на себя, заставив Агнию снова привстать на носочки, и буквально обрушился на ее губы своим ртом, выбивая дыхание из легких.

Ох! О-ох!

Вот это было похоже на тот поцелуй, что когда-то случайно «достался» ей. Нет, это было еще сильнее, еще …

Она забыла и о стыде, и о растерянности, и о слезах. Обо всем на свете, вообще, забыла. Его руки держали ее щеки, его губы так ласкали, так давили и втягивали. А она ухватилась за эти ладони своими пальцами, потому что ей казалось, что ей без этого не устоять. И…

Она не успела все-все понять. Агния потерялась в безумном количестве еще совсем непознанных и малопонятных ей ощущений, когда он так же неожиданно отстранился, все еще удерживая ее лицо в своих ладонях.

— Пристают вот так, кроха. А ты меня, как я понимаю, с праздником решила поздравить.

Он легонько провел большим пальцем правой руки по ее щеке, забрав ту жалкую порцию воздуха, которую она успела набрать грудью.

— И тебя с Новым годом, кстати, — он еще раз прижался к ее губам.

Теперь легко и мягко. Да уж, она его целовала где-то так. Теперь у Агни было с чем сравнить. Господи!

— Пошли, у тебя там кофе стынет.

Не ожидая ее ответа, Вячеслав Генрихович обхватил ее плечи рукой и потянул Агнию в сторону двери на черную лестницу.

И она послушно пошла, совершенно сбитая с толку. Зато полностью забывшая о своем стыде.

Она пыталась к нему «приставать»? Его Бусинка, его девочка…

От одной мысли об этом у него в груди становилось тепло и весело. Зато все, что ниже, сжимало тисками все того же настойчивого желания и потребности.

Да, пожалуй, это была самая хорошая новость за последние долбанные месяцы, полные сумасшедшего желания и ненормального, жесткого контроля не то, что над каждым его шагом, а и над взглядами. Очень хорошая. Настолько, что даже сейчас, в семь утра первого января, уже давно отвезя ее домой, Боров не мог перестать смаковать этот момент.

Тот поцелуй на крыше — он однозначно не был родственным или уважительным. Она пыталась завладеть его вниманием. Как женщина. Блин, знала бы Бусинка, как давно все его внимание поглощено только ей — обрадовалась бы? Или ужаснулась?

Устало вздохнув, он провел большим пальцем по брови, прижал к переносице, пытаясь унять давление в висках. Закурил.

Вячеслав так нормально и не отдохнул этой ночью. Да и как тут спать после такого?! У него до сих пор кровь стучала в висках, а пах твердел, стоило Борову припомнить, как ее губы прижимались к его рту. Вся она прижималась к его телу… Его маленькая, хрупкая и такая смелая девочка…

Мать его так!

Как же его допекло. Боров понятия не имел, что именно помогло ему остановиться и как-то суметь разрядить обстановку на той гребанной крыше. По правде сказать, больше всего на свете ему хотелось не просто «показать» ей, как именно надо целоваться, чтобы «приставать» (хотя, кого он обманывает, у нее и без его уроков охренеть, как хорошо вышло завести его). Он в тот же момент был готов ко всему. Ведь, чего больше? Она сама поцеловала его. Без всякого принуждения или давления с его стороны. Казалось бы — бери и пользуй. Наконец-то появился шанс получить все, что в течении мучительно долгих месяцев изводило его мысли и тело.

Только вот то смущение, растерянность и прострация Бусинки, когда она решила, что обидела его своим поцелуем. Ее неуверенность в себе, и явное непонимание всего того, что именно желала и она, и сам Боруцкий — прессовали мозг похлеще любых нотаций, морали или законов.

Она определенно не была готова к чему-то более сильному и близкому.

Е-мое. Поцелуй настолько выбил ее из колеи, что Бусинка за вечер больше ни слова почти и не выговорила. А если и лепетала что-то — все невпопад. Только смотрела на него своими глазищами и кусала губу, доводя его до исступления тем, что он не знал, как это все разрядить. Да еще и себя усмирить.

Бл…! Боров не был фанатом самокопания. Он никому бы не позволил и копаться в своих мозгах, в этом плане ему и Федота с его стихами хватало. И он, точно, слабо сек в мыслях

девчонок. Однако, как ни странно, он почти понимал то, что увидел сегодня в глазах своей девочки. Ее тело реагировало на него, на все его поступки и просчитанные, да и не очень, касания и действия. Она… увлеклась им. Она хотела его. Да. Но насколько она понимала, чего именно хочет?

Судя по тому ступору и растерянности на крыше — и приблизительно не осознавала.

Он желал ее так, что у него внутренности узлом сворачивались не то, что в присутствии малышки, а от одной мысли о ней. И Боров серьезно опасался, что если хоть на секунду даст себе послабление — не будет возврата, он не просто позволит себе преступить черту. Он набросится на Бусинку. Набросится как изголодавшаяся по сексу скотина. И он слабо мог аргументировать даже для себя, чем это будет отличаться от изнасилования, даже если первоначально она не будет против. Вячеслав был достаточно честен с собой, чтобы признать, что начав, вероятно, просто не предоставит ей ни единой возможности отказаться. А она, определенно, не была готова к чему-то такому… жадному и потному, не имеющему в себе ни хрена возвышенного или романтичного. Что, он не сомневался, представлялось ей именно так.

Твою ж. Ему стоило сбросить напряжение. Однозначно.

Потому как, хоть его Бусинка и была достаточно смелой девочкой, если опираться, что на прощание коснулась уголка его губ, а не щеки, она вряд ли сходу примет то, что он хочет от нее. С этим еще точно стоит поработать и пораскинуть мозгами над тем, как сделать наверняка. Чтоб она не убежала потом от него. Или не забаррикадировалась в своей квартире. Боров не хотел бы сломать все то, что буквально завораживало его в Бусинке. Ни за какой секс в мире. Офигеть, как иронично, но сейчас он понимал, что не выдержит, если малышка станет его бояться. Сколько он хотел этого? А теперь на все готов, лишь бы и дальше она смотрела на него глазами, полными доверия и восхищения, с радостью улыбалась, едва увидев его. И если он не хочет сорваться, риск чего сильно возрос после ее сегодняшнего «приставания», надо бы с этим хоть как-то разобраться.

Взгляд Борова скользнул по дивану, на котором она дремала ночью. На том, где он спал, после того, как отвез Бусинку домой, все еще посчитав, что подниматься к ней в квартиру — слишком рискованно. И она, кстати, вопреки тому, что в любое время уговаривала Вячеслава зайти, в этот раз даже не заикнулась о подобном.

Это только подтверждало все то, над чем он ломал голову в последний час. Его девочка явно нуждалась в пространстве и большем количестве времени, чем пару минут на осознание того, насколько именно «Вячеслав Генрихович» хотел ее приставаний. А он точно не выдержит больше, если продолжить искушать и себя, и ее.

Не сегодня.

Завтра, возможно. Если хоть немного расслабится.

Поему он не поехал домой? Черт знает. Не захотел так быстро прекращать настолько запоминающуюся ночь, наверное. Не в плане того, чтоб где-то загулять. Он сидел здесь в кабинете, вспоминая каждую секунду проведенного с ней времени и ощущал себя вполне довольным таким вариантом встречи Нового года. Ну, почти. Довольным. Но не удовлетворенным, блин.

Агния не могла сказать, что она выспалась. Часы показывали одиннадцать часов утра, она только проснулась… Но все равно ощущала себя уставшей. Видимо потому, что уснула она только в шесть часов этого же утра.

Вячеслав Генрихович привез ее домой около трех, она легла сразу. Однако не смогла даже задремать. Мысли, эмоции и чувства, совершенно незнакомые и непривычные ей, будоражили и тело, и разум, прогоняя сон. Так непонятно: там, в клубе, ей безумно хотелось спать, а добралась до кровати — и сна не осталось ни в одном глазу. Зато сколько раздумий заполонило голову — ужас

просто. И Агния не знала, о чем думать, как развить и осмыслить то, что будоражило все внутри.

Слова Боруцкого, его поступки, ее поцелуй, его веселье и поцелуй в ответ — всего было так много и так непривычно. И очень хотелось понять: значило это что-то или нет? Понял ли он, что она очень, очень-очень заинтересована им? Или просто решил «преподать науку» подопечной, не придав этому факту никакого значения? Мало ли, она же не знает, по каким причинам он мог бы поцеловать женщину? Вон, он сказал, что ее поцелуй — поздравление. И сам потом еще раз ее поцеловал, легко так, но тоже ведь в губы…

Но тот его поцелуй… Боже! Она краснела всякий раз, когда ее мысли возвращались к этому. И стыдно вроде бы становилось, и неловко. И очень хотелось снова это ощутить. И еще больше. Чтобы он не остановился тогда, не перевел все в шутку, а продолжил поцелуй. Она не совсем понимала, чего именно ей хотелось от него дальше. Агния имела представление о сексе. Но почему-то никак не могла представить и связать эти вещи: свое знание и свою тягу к Вячеславу Генриховичу. Их поцелуй. При любой попытке представить, чего же ей хотелось далее, после того, как он закончит ее целовать в первый раз, и во второй, и в десятый тоже, внутри становилось совсем-совсем щекотно и до крику неловко. И сжималось все, и дыхание перехватывало, но ничего конкретного Агния представить не могла. Она даже в какой-то момент пожалела, что в восьмом классе не пошла вместе с подругами в гости к одной из них. Та обнаружила дома кассету, которую прятали ее родители, и позвала девчонок смотреть. Агния уже и не особо помнила, почему ей так срочно надо было домой, но она не пошла. А девчонки на следующий день мало что вразумительно смогли объяснить, только краснели и хихикали. Точнее, объяснить-то они объяснили, но соотнести их рассказ с собой, и тем более с Боруцким — у Агнии не выходило, даже учитывая знание школьного курса анатомии. Вот и понятно все, как-то, и непонятно в тоже время, и в мыслях представить, отчего же все тело горит и ноет — не получается.

А в пять утра ей пришла в голову гениальная идея: у Алины Дмитриевны была обширная коллекция книг. Тех, чтение которых родители Агнии не очень одобряли, а сама соседка не раз предлагала ей взять, отвлечься. Она просто возьмет у Алины Дмитриевны один из этих «любовных романов» и, возможно, быстрее поймет себя и разберется.

Решение показалось ей настолько удачным, что Агния едва не вскочила с дивана, чтобы тут же отправиться к соседке, позабыв и о раннем времени, и о том, что Алины Дмитриевны в принципе в городе сейчас не было. А когда вспомнила, со вздохом разочарования поняла, что это придется отложить. Однако это решение помогло ей успокоиться и Агнии все же удалось уснуть в итоге.

И вот сейчас она проснулась после поверхностного и суматошного сна, полного ее воспоминаний о поцелуях и фейерверке. Сердце колотилось, будто бы она вновь стояла на крыше, в таких горячих и надежных руках Вячеслава Генриховича, укутанная в его пальто, которое пахло им и сигаретами. У нее даже платье этим запахом пропиталось. И Агния, испытывая некоторую неловкость и от этого, повесила то на спинку стула, который стоял рядом с кроватью, заменяя прикроватную тумбочку.

Платье и сейчас находилось именно там. И запах остался. Она специально проверила, прижав рукав к носу и глубоко вдохнув. У нее по коже прокатилась непривычная дрожь, тягучая и сладкая, когда легкие наполнились этим запахом.

На столе лежал подарок, который она вчера забыла подарить. И снести вниз не додумалась, когда Вячеслав Генрихович сказал, что не может зайти, привезя ее. Хотя, по правде, у Агнии в мыслях тогда такой сумбур был, что она даже не вспомнила о подарке. И чай ему забыла предложить. Совсем растерялась. Надо было это исправить.

Только вот почему-то, при мысли, что она сейчас опять может увидеть Боруцкого, ей стало

как-то неудобно. Нет, ей хотелось его увидеть. Сильно хотелось, но Агния совершенно не знала, как себя с ним теперь вести и что делать. Изменила ли эта новогодняя ночь что-то между ними, или все осталось по-прежнему? И сейчас она не могла с этим определиться. Но и подарок отдать хотелось.

Она подняла руку и посмотрела на браслет, который уже решила никогда-никогда не снимать. Тот казался ей таким красивым. И все эти подвесочки — такая изящная бабочка, и полумесяц. А мишка, вообще, безумно милый.

Это ведь нечестно — у нее подарок был, а у Вячеслава Генриховича не было. Агния еще раз глянула на часы — начало двенадцатого. Он говорил, что вечером снова будет в клубе, у них там какая-то шоу-программа или что-то в этом духе. Агния в это время конечно будет в ресторане, но кто ей мешает сейчас сходить в клуб и оставить подарок? И его не встретит, хоть и хочется, и может быть определится с тем, как себя дальше вести. Охрана ее знает и в такое время одну пропустит внутрь. А Вячеслав Генрихович вечером приедет — и найдет подарок. Она даже ему открытку еще оставит, чтоб он точно знал, что это от нее!

Воодушевленная своим планом, Агния подскочила на диване и отправилась в душ.

Пожалуй, он не так часто оказывался в подобной ситуации.

Федот смотрел на эту соплячку с некоторой растерянностью. Действительно растерянностью. Он не знал, как поступить.

Во-первых, какого хрена она забыла здесь в начале второго часа дня? Во-вторых, что ей ответить на вопрос, о Борове, если девчонка видела машину того под клубом и теперь, краснея и отводя глаза, интересовалась, здесь ли Вячеслав Генрихович и лопотала что-то про подарок, который вчера забыла отдать.

Дура она. Так и не поняла, что перевязалась бы сама ленточкой — и была бы лучшим подарком Борову. Но нет, друг продолжал валять дурака, да и эта, похоже, по той же теме двинулась.

Федот присматривался к девчонке весь этот месяц. Выискивал, задевал, раздражал, но так и не смог понять, с какой-такой придури, она решила отдавать все свои деньги за грехи Борова? И сколько раз он не пытался достать этим девчонку, сколько не старался ее довести — соплячка упорно выдерживала его нападки и посылала Федота подальше. Не конкретно, конечно, но как он понимал, подразумевалось именно это. Смелая. Хотя, может, понимает, что Боров ее ото всех прикроет, и от него, Федота, тоже. И упрямая, ничего не скажешь.

Смотрел он, смотрел.

А потом Федот решил понаблюдать за девчонкой тогда, когда рядом Боров. И теперь мог бы с кем угодно поспорить, что и девка запала на друга, причем совсем не по-детски. Достаточно было посмотреть на то, какими глазами она глядела на Борова и как слушала каждое его слово. Видно потому и деньгами разбрасывалась. Хотя, тут он был не то, чтоб уверен. Может она просто маньячка, из тех, что уверенны, будто всех вокруг спасать надо.

Куда смотрел сам Боров и почему не видел того, что с девчонкой происходит — фиг знает. Еще и на него срывался, если Федот что-то начинал говорить. Он и послал его подальше. Не его это сдвиг, по ходу. Нравится заморачиваться, на здоровье. Вот прострелят башку, может, очухается.

Это, конечно, он кипятился и злился на Борова. И, ясень пень, поглядывал по сторонам, прикрывая друга. Да и за соплячкой стал приглядывать. Мало ли. Совсем крышанутый Боров ему был не нужен.

Только вот теперь, что ему делать? Боров, по ходу, минут пятнадцать назад двинулся в кабинет с одной из шлюх Гели. Причем Федот от этого был не то, чтоб в восторге, поскольку не заметил,

чтоб друга попускало после подобных «сеансов» в последние месяцы. Он уже утратил надежду, что Боров оклемается от этой странной свёрнутости. Опоила его соплячка, что ли?

Сам он приехал насчет вечера уладить и утрясти все по поводу встречи, которая должна была состояться в клубе. И уже уходил. А тут эта девчонка со своим подарком.

Федота так и подмывало прямо сказать, что «Вячеславу Генриховичу» от нее не подарки нужны, а хороший трах, и побольше. А вместо этого он стоял и тупо пялился на открытку, которую эта девчонка ему в руки всучила. С Новым годом, типа, поздравила.

Капец.

Борову похожая бумажечка светила, по тому, что он видел, и еще какой-то коробок в упаковке.

— Так вы знаете, где Вячеслав Генрихович? Я подарок все-таки хочу ему отдать.

Девчонка смотрела на него настороженно, но уже поспокойней, чем в первые дни после того, как он застукал ее в церкви. Расслабилась видно, решила, что он все же промолчит.

Федот переложил открытку из одной руки в другую, отчего-то вспомнив вечер несколько месяцев назад. Глянул на девку. Может он сразу не с того боку взялся за эту проблему? Может девчонке объяснить надо, чего мужик хочет и привык от баб получать. Если она так о душе и грехах Борова печется, то и тут подсобит? Да и запала же на того, должна же она хотеть того же, чай не святая.

Ему даже интересно стало, что будет, если соплячка Борова со шлюхой увидит? И как Боров на это отреагирует. Может до обоих что-то дойдет уже?

А Федот что? Его вообще тут сейчас не будет. Он уже пять минут, как ушел.

— Да, бродит где-то тут. Ты в кабинете глянь, по ходу, хоть я и не знаю точно, куда он пошел…

Еще раз переложив открытку, отмахнулся он вроде бы без всякого интереса и пошел к двери, не обращая на девку больше никакого внимания.

Агния даже не знала, что делать, растерянно глядя в спину уходящему Федоту. Он спокойно кивнул охранникам и вышел из зала, а она так и стояла около пустого сейчас бара. Друг Вячеслава Генриховича был сегодня совсем на себя похож: ни одной цитаты из сказки Филатова, которую она и прочитала только потому, что Федот ее вечно строками оттуда допекал, ни одной придирки. Ничего. Только посмотрел как-то странно и все. И не допытывался, не выяснял ничего.

Может, перегулял вчера и ему плохо? Или это из-за того, что она его поздравила? Да нет, вряд ли, его таким не проймешь, как казалось Агнии. Она просто так купила две открытки, не могла решиться, какую выбрать и купила обе, планируя определиться на месте. А столкнувшись в зале клуба нос к носу с Федотом, вдруг засмущалась — праздник, все-таки, неудобно как-то. Тем более что Вячеславу Генриховичу она настоящий подарок приготовила. Вот и поддалась импульсу, отдала одну ему. Только еще больше растерялась и смутилась, видя, как Федот не знает, что с той делать подозрительно поглядывает на саму Агнию.

«Наверное, он выкинет ту сразу, как только на улицу выйдет», решила она, глядя в закрывшуюся дверь.

Охранник осмотрел ее безучастным взглядом и вышел из зала вслед за Федотом, видно не считал, что за Агнией необходимо наблюдение.

Так, не стоять же ей здесь весь день? Надо идти, пусть Агния и думала, что избежит встречи с Вячеславом Генриховичем, но раз уж так вышло… Вздохнув, чтобы избавиться от последних сомнений, она пошла по коридору к его кабинету. Прислушалась, но ничего не услышала. Вообще, казалось, что во всем клубе никого живого нет. А вчера, какая толпа была, и шума столько, что

стены, казалось, подрагивали.

Она аккуратно постучала. Подождала минуту, но ей так никто и не ответил.

Не совсем уверенная, правильно ли поступает, Агния нажала на ручку:

— Вячеслав Генрихович? Это я… — она заглянула внутрь, не слыша никакого ответа.

Кабинет оказался таким же пустым, как и весь клуб.

Фух! Агния поняла, что расслабилась. Все-таки она не знала, как вести себя с Боруцким сегодня, еще не определилась. Он, наверное, куда-то вышел. А она сейчас аккуратненько устроит подарок на столе, открытку поставит, напишет, что это от нее, и быстренько уйдет. А там уже разберется.

Полная решимости воплотить свой план в жизнь, она быстро подошла к столу, схватила какую-то ручку, поставив на открытке свое имя. Устроила коробочку с зажигалкой в центре стола, так что ее нельзя было не заметить. Поверх нее поставила открытку. Отступила на шаг, чтобы осмотреть «композицию»…

Что-то стукнуло. Она даже не поняла, что именно это был за звук. Только вздрогнула, испугавшись тому, что могла не заметить Вячеслава Генриховича, и резко обернулась в сторону дверей, ведущих в кладовки, бильярдные и сауну. Нет, кабинет был все же пуст. Но одна из дверей, та, за которой находился небольшой коридорчик и бильярдные, переходящие в сауны, оказалась неплотно прикрыта и тихонько «хлопала». Видно сквозняком где-то тянуло.

Даже не подумав зачем, она подошла к этой двери, планируя закрыть до конца. Но так и не сделала этого, потому что услышала голос Вячеслава Генриховича. И еще чей-то. Он с кем-то говорил. Ей ни слов не было слышно, ни общего разговора. Но вот то, что собеседником Боруцкого была женщина, Агния услышала совершенно точно.

Что заставило ее аккуратно повернуть ручку и ступить в коридор — она не знала ни в тот момент, ни потом, не раз задаваясь этим вопросом. То ли все то же неразрешенное сомнение по поводу его женщин, то ли врожденное любопытство, о котором она просто раньше не знала ничего. То ли просто, черт попутал, искусив, как было бы проще всего заявить, списав все на кого угодно, даже на потусторонние силы, только не на себя, но Агния очень тихо прошла по коридорчику, контролируя каждый свой шаг. Она даже непроизвольно придумала, что скажет, если вдруг Вячеслав Генрихович выйдет навстречу — она же пришла подарок вручать? Вот и хотела сообщить об этом.

Только что-то очень неприятное и какое-то испуганно-настороженное ощущение, застывшее внутри, сомневалось в том, что Агния идет туда именно для этого. Голос Вячеслава Генриховича раздался снова, более громкий, но Агния все еще не смогла разобрать слов. Но, странно, ей показалось, что Боруцкий чем-то недоволен. Женщина в ответ тоже что-то сказала. До Агнии, еще больше приблизившейся к двери, донеслось только:

— … Упоминали, что не любишь…

Агния уже почти вплотную стояла у двери, которая, как и та, что выходила в кабинет Вячеслава Генриховича, не была полностью закрыта. Небольшая щель позволяла очень тонкой полоске света падать в темный коридор. Уже совсем понимая, что не собирается самостоятельно обнаруживать своего присутствия, Агния осторожно приблизилась к этой щели и заглянула в бильярдную. Ей не было видно никого — ни Вячеслава Генриховича, ни женщины, с которой он разговаривал. Не совсем понимая, зачем это делает, она немного потянула дверь на себя, почти молясь, чтобы та не скрипнула. И ужасаясь от того, что именно делает.

— И какого хрена ты на меня тогда вешаешься?

Боруцкий, точно, был не в очень хорошем настроении. Агния этот его тон знала. И тут она его

увидела. Их.

У Агнии ком встал в горле, и в животе все сжалось. А глаза, странно так, словно приклеенные, уцепились за разворачивающуюся перед ней картину.

Вячеслав Генрихович был без рубашки. Она его таким не видела. Никогда. Его вид словно врезался в сознание Агнии. Отпечатался. С теми же мощными плечами, сильными руками, которые всегда угадывались и под рубашками или свитерами. Почему-то сейчас он показался ей даже выше, чем полностью одетым. И да, Вячеслав Генрихович определенно не был толстым или обрюзгшим. Агния не считала себя спецом, но его тело, то, что она видела — его спина, показалась ей очень… впечатляющей. И тут глаза зацепились за татуировки. Их было достаточно много. Ну, по ее мнению. Агния заметила на одном из плеч что-то, кажется похожее на нож, лезвие которого было словно воткнуто в шею Боруцкого.

Продолжая разговор с собеседницей, он полуобернулся, и Агнии показалось, что она видит татуировку в виде распятия на его груди. Странно, никогда не думала, что Боруцкий настолько религиозен, даже наоборот. Что-то еще, более мелкое, что ей не удавалось рассмотреть, она прищурилась, не замечая, что забывает вдохнуть.

И тут поле зрения ей перекрыла женщина. Голая. Совсем.

Ох.

Агния замерла. У нее даже глаза заболели, так сильно она их распахнула. И не заметила, как сильно-сильно сжала ладони, вдавив короткие ногти в кожу. Только и боли не ощутила. Не там. А в груди все замерло, и сердце словно стало, непривычно давя.

Женщина была… красивой, наверное. Агния не видела ее лица. Только длинные темные волосы, рассыпанные по плечам. Но вот то, что оказалось доступно ее обозрению, те… особенности тела…

Ох, Агния обхватила себя руками, ощущая какое-то поглощающее жжение в районе солнечного сплетения. У нее самой не было ни таких бедер, ни такой груди.

— А я решила, попробую, вдруг передумаешь, понравится, как я тебя касаюсь, массаж могу…

Наверное, она продолжала разговор, смысл которого Агния не могла понять пока.

Ничуть не стесняясь своей наготы, женщина прижалась всем телом к Боруцкому со спины и мягко прошлась ладонями по плечам Вячеслава Генриховича, кажется, чуть придавливая ногтями. И привстала на носочки босых ног, потянувшись к его губам и лицу.

Агния все еще не могла вспомнить, как двигаться.

А вот Боруцкий раздраженно и зло рыкнул, перехватив ладонь этой женщины и дернул. Достаточно грубо и сильно, во всяком случае, это выглядело так, заставив ее опуститься и обойти его.

— Ты еще целоваться ко мне полезь, — все с той же злостью в голосе проговорил он. И Агнии почудилась в этом какая-то угроза. — Ты знаешь, что от тебя ждут? — Он сжал ладонью затылок этой женщины, намотав длинные волосы на руку.

Та кивнула. Она не казалась испуганной. Но насторожилась, как показалось Агнии.

— Ну, так прекращай меня лапать, и перейдем к тому, для чего ты здесь и появилась.

Наверное, он надавил, заставив женщину опуститься. Во всяком случае, казалось, она не собиралась становиться на колени. Хотя Агния не могла понять, если честно. Ее мозг пока не был в состоянии анализировать то, что она видела. Просто отслеживал и фиксировал все происходящее, подавляемый нарастающей болью где-то в глубине живота.

И когда эта женщина оказалась на коленях так, что ее лицо было на уровне паха Боруцкого, он, так и стоя к ней боком, второй рукой освободил пряжку своего ремня и расстегнул джинсы,

позволяя тем упасть на пол.

Боже. Господи!

Агния не знала, что ей делать. Глаза сами зажмурились, и тут же распахнулись, словно она просто не могла не смотреть. Будто ее принуждало что-то. А женщина перед Вячеславом Генриховичем, уже не споря, потянулась и, раскрыв рот, обхватила губами…

Агния знала, как называется этот мужской орган. Знала.

Но в этот момент даже в мыслях не могла сформулировать это слово. Была не в состоянии соотнести то, что происходило там, в бильярдной, со своим понимание реальности. Или ее полным непониманием.

Вячеслав Генрихович потянул женщину за волосы, заставляя немного иначе повернуть голову, и вдруг принялся сильно, даже как-то грубо двигать бедрами, погружая…, погружая…, погружая себя в рот этой женщины. Но та не сопротивлялась, послушно делая, что от нее требовалось. А Боруцкий, казалось, полностью отдавшись этим движениям, закрыл глаза, запрокинув голову. Наверное, от удовольствия.

Агния не знала. Ничего. Даже того, кто же она такая теперь, зачем стоит и ради чего, Господи, на это смотрит, почти онемев от какого-то непонятно ступора и нереальной, но физически ощущаемой боли внутри?

— Развернись! — отрывисто и хрипло вдруг велел Боруцкий, небрежно отталкивая женщину от своего тела. И несильно потянул ее за волосы, понукая подняться с колен и опереться на один из бильярдных столов.

Этот звук его голоса заставил вздрогнуть Агнию и словно встряхнул. Она наконец-то сглотнула, поняв, что во рту совсем сухо и губы давно закушены. А она все стоит и смотрит.

Женщина покорно выполнила то, что велел Вячеслав Генрихович. Он ухватил свободной рукой ее бедро, подстраивая женщину под себя и…

И Агния вдруг поняла, что он сейчас повернется лицом прямо к ней. К этой двери, и этой щели…

Нет!

Она отпрянула назад, вглубь коридора. В голове шумело, кровь стучала в висках и ушах. Кислорода не хватало. И все та же безумная боль, вперемешку с опустошением, терзала внутренности.

Она вдруг поняла, почему закусила губы и сжала кулаки. Ей хотелось завыть. Закричать: «Мой! Только мой!». Избавиться от этой женщины, не важно, как. Но разум не мог, не был в состоянии понять или анализировать. Он был перегружен, дезориентирован увиденным. И сил оставаться здесь, слыша короткие, глубокие и хриплые вздохи — не хватало.

Слабо отдавая себе отчет в том, что делает, Агния отвернулась и быстро пошла в сторону кабинета Вячеслава Генриховича, не замечая, как с каждым шагом ускоряется. Достигнув зала, она почти бежала, не обращая внимания на охранника. И буквально вылетела на улицу, на холод и мороз, ощущая, как пылают и горят щеки, как колотится сердце, изнывающее от непривычной и такой разрушающей боли.

И только три или четыре раза глубоко вдохнув, чем ни капли не уняла жжение в легких, вдруг поняла, что неподалеку, чуть сбоку, у самого края стоянки, стоит Федот. Курит. И смотрит в ее сторону.

Он знал.

Агния не знала, почему поняла это. В ее-то состоянии в ту минуту. Видно мозг хватался за что угодно, лишь бы не понимать, не принимать только что увиденное. Но у нее и на секунду не

возникло сомнения, что Федот точно знал, что Агния только что видела.

И, будто уловив ее мысли и взгляд, Федот вдруг бросил недокуренную сигарет в снег и двинулся в ее сторону.

Глава 19

Девять-восемь лет назад

— Ну что, нашла своего Вячеслава Генриховича?

Федот подошел совсем близко и посмотрел на нее с каким-то выражением, которое Агния сейчас была не в состоянии расшифровать.

Она отвернулась и распрямила спину, не собираясь смотреть на этого человека:

— Нет, знаете, его не было в кабинете. Я просто оставила подарок на столе, — не имея понятия, где взяла силы для этого, ответила Агния.

И так и не поворачиваясь к Федоту, провела ладонью по лицу, пытаясь хоть как-то собраться с мыслями. Понять, что теперь делать. И должна ли она, вообще, что делать? Куда-то идти?

Мысли не желали собираться. Перед глазами стояло то, что в данную минуту Агния предпочла бы забыть, а лучше — никогда не видеть. А сами глаза пекло от каких-то беспомощных и болезненных слез.

— Серьезно? Не искала даже, чтоб лично вручить? Ведь для этого и приехала, — Федот хмыкнул и вдруг обошел ее, снова глянул в лицо Агнии, видно, не желая понять, что она не хочет ни говорить с ним, ни видеть.

— Нет, на столе оставила.

Сдержав все же слезы усилием воли, она заставила себя обойти этого человека, и направилась… куда-то. Куда именно ей надо, и надо ли вообще — Агния еще не вспомнила. Даже не заметила, что направилась совсем в противоположную от остановки сторону.

— Эй, ты куда намылилась, а? — Федот, в отличие от нее, похоже, обратил на это внимание.

Агния остановилась, одернутая его вопросом. Осмотрелась, обведя стоянку перед клубом таким взглядом, словно только сейчас поняла, где находится. А может, и было именно так. Пространство казалось ей непонятным и незнакомым, несмотря на привычный и известный пейзаж.

— Домой, — отстраненно ответила она, моргнув.

Развернулась и пошла в другую сторону, в этот раз к остановке.

— Слышь, мелкая! — окликнул Федот, не собираясь оставить ее в покое, похоже, настойчиво идя следом. — Давай я тебя лучше отвезу. Какая-то ты неадекватная. Еще под машину угодишь.

Он обогнал ее и снова стал прямо перед Агнией, пытаясь заглянуть в глаза. Даже за плечо ухватил, крепко так. Не пуская. И опять посмотрел через прищур.

Она уставилась под ноги, впервые в жизни испытывая очень сильное желание ударить другого человека. Хотя нет. Та женщина… Кажется, она вызывала в Агнии такую же сильную злость и гнев…

Ох! Эта мысль причинила боль. Резкую и острую. Такую сильную, словно Агния по-настоящему ножом порезалась.

— Спасибо. Не надо. Сама доберусь.

Она дернулась, стряхнув его руку. Но Федот опять схватил ее, теперь за ладонь.

— Пошли, я сказал. Отвезу.

— Нет!

Агния вздернула голову, уставившись на него со всей своей злостью, только сильнее разгорающейся от растерянности и боли. Что ему надо от нее еще? Чего он хочет? Поиздеваться?

Зачем, вообще, послал Агнию туда…

— Я справлюсь сама, — резко заявила она Федоту.

Тот, впрочем, только хмыкнул, все еще не отпустив ее.

— Пошли, — велел он.

— Идите вы к черту! Или вас матом послать надо, чтоб дошло?! Человеческий язык вы не понимаете?! — она вдруг закричала в полный голос, не сумев удержать этот гнев, злость и боль, которых стало слишком много для ее груди, тела, души. — Отпустите! — и Агния со всей своей небольшой силой толкнула Федота, отпихивая его с дороги.

Он отступил. Скорее от неожиданности, наверное, чем из-за ее толчка.

— Ишь, какая грозная. Ну, давай, шуруй тогда. — Федот поджег новую сигарету.

Агния решила, что он не стоит ответа. Даже не посмотрела больше, просто пошла к остановке.

Федот наблюдал за тем, как девчонка брела по своему двору к подъезду. Глаза опущены, руки в карманах и вся будто сжалась. Вроде мелкая такая, и хлипкая, а как наехала на него.

Что ж, в силе духа ей не откажешь. Увидев, как она вылетела из клуба, он был почти уверен, что малявка разревется. Ан — нет, еще и на него наорала. Интересно даже, и правда матом бы послала? Он что-то ни разу не слышал, чтобы она хоть слово из их привычного лексикона повторяла.

Не нашла. Ага. Фиг вам, не нашла она. Все она нашла. И всех. Что он по глазам ее не видел, и по этой бледной мордашке? Только, похоже, своего присутствия Борову не обнаружила. А что сама малышка видела? Доперло ли до нее, то, что стоило понять? Или без толку?

Телефон запиликал, когда малышка скрылась в дверях подъезда. Ну, туда он за ней не потащится. Итак, как свита, плелся за ней от клуба, чтоб удостовериться, что добралась. Что-то подсказывало ему, что если бы с ней случилось что-то, в таком состоянии — Боров бы не разбирался в причинах и мотивах друга. И только его, Федота, трупом, дело не ограничилось бы. Хорошо, что маршрутки, да и дороги, были пусты по случаю сонного дня первого января, и девчонка доехала быстро. Не пришлось тащиться, как в прошлый раз.

Федот проверил, кто пытается до него дозвониться. Бл…! Вспомни черта.

— Да?

— Федот, ты где?

Как он и ожидал, Боров не звучал, как достаточно расслабившийся мужик. Даже что-то слишком напряженный сегодня.

— В городе.

Ага, счас, так он и скажет, где находится.

— Слышь, а ты еще долго в клубе торчал? — Боров чем-то там шелестел на той стороне связи.

Федот глянул на открытку, валяющуюся на полу, перед пассажирским местом:

— Да не, почти сразу свалил. А чего?

— Ты тут Бусинку не видел, пока был?

И чего ему говорить?

— Девчонку твою? — Федот решил косить под «дурачка». — Ну да, была, подарок тебе принесла. А чего?

— Ты ее в клуб пустил?!

Чет, по ходу, Боров совсем напрягся. Надо выкручиваться.

— Подарок взял, у тебя на столе бросил. А что? Надо было к тебе послать? Шлюхи мало оказалось? Или ты одуплился, наконец?

— Пошел ты, — огрызнулся Боров. Но уже беззлобно, попустившись, похоже. — Вечером не опоздай, нам с Мелешко надо быстро все решить, у него новая схема

— Буду.

Федот вывернул руль, выезжая с этого двора.

Боруцкий отбросил мобильный, вертя в пальцах зажигалку. Сдвинул в сторону всю эту упаковочную муть. Глянул на открытку. Первое, что он почувствовал, увидев сие сооружение у себя на столе — это удивление, что она не позвонила, не предупредила о своем приходе. И досаду, что пропустил свою девочку, не встретился с ней из-за шлюхи, которая больше разозлила, чем удовлетворила его. Боров хотел ее увидеть. Ладно, его бы воля, он бы вообще Бусинку никуда из поля обзора не отпускал.

А вот вторым пришло опасение и некоторая настороженность. Если она была здесь, пока он был со шлюхой… По правде сказать, Боров не хотел бы ее с этим вот так сталкивать. Не сейчас, когда малышка, похоже, начинала все больше к нему тянуться.

В общем, жаль, конечно, что не пересеклись, но хорошо, что Федот не пустил ее дальше порога. А Вячеслав к ней и так заехать может в любое время.

Он снова перевернул зажигалку. Простая, в общем-то, прямоугольная, но широкая, из серебристого металла, шлифованная полосами. Не так, чтоб эксклюзив, но насколько он мог оценить, имея опыт нескольких своих магазинов, гривен на двести-двести пятьдесят потянет. Глупая. Лучше бы на себя эти деньги потратила.

Блин, но приятно так было, что он не мог подавать улыбку. Хорошо еще никто не видел, как он сидит и лыбиться, вертя в пальцах зажигалку. Тем более что Боров знал, сколько времени она потратила на выбор этого подарка.

Боруцкий обратно потянулся за телефоном. Жаль, заехать прямо сейчас к ней — некогда из-за предстоящей встречи, разве что уже совсем вечером доберется до ресторана, может домой ее отвезет, но сейчас хоть по телефону «спасибо» скажет. И услышит свою девочку заодно.

Он ждал до тех пор, пока связь сама не прервалась, но Бусинка не взяла трубку. Ладно, не слышит, наверное, или отсыпается перед работой. Он позже перезвонит. Если сама малышка раньше не наберет. Она всегда ему перезванивала, если пропускала звонок. Еще и волновалась, что не сразу ответила, извинялась вечно.

Вячеслав вернулся к рассматриванию зажигалки.

Однако когда его телефон зазвонил в следующий раз, спустя часа два, это оказалась вовсе не Агния.

— Вячеслав Генрихович, я уточнить хотел, — Семен на той стороне связи, как и обычно, просто поражал пустотой голоса, — насчет Агнии.

— А что ты не понял? — Боров хмыкнул, — считай, что она вчера отработала.

— Это ясно. А сегодня?

— А что сегодня? — Вячеслав насторожился.

— Ну, она перезвонила, сказала, что простудилась. Судя по голосу, так и есть. Выступать не сможет, ясное дело. Мне этот день, и другие, если она до завтра не поправится, считать ей в зарплату или нет?

— Простудилась? — переспросил Боруцкий, нахмурившись. Глянул на зажигалку, которую отложил, пока занимался бумагами. — Так, подожди, я разберусь. Потом скажу.

Он отключил связь до того, как Семен успел высказаться. И с некоторым недоумением глянул на экран мобилки.

«Когда это она успела простудиться? И ему не перезвонила, а он и не дергал, думал, что спит девочка. А Семена набрала. Не хотела, чтобы он знал, что заболела? Твою мать! Неужели это из-за того, что он ее на крышу ночью вытянул?»

Боров резко поднялся из-за стола и подошел к окну. На улице уже темнело, но из-за снега сумерки казались мягче.

«Вот это устроил праздник, называется, если так. Но зачем она сюда тогда перлась с этим подарком, если плохо было? Обязательно, что ли было именно сегодня вручать? Бусинка-Бусинка».

Он снова выбрал ее номер и нажал на дозвон. Но и в этот раз Агния не ответила. Боруцкий прошелся по кабинету, хрустя суставами пальцев. То, что он не мог ей дозвониться — нервировало. А если девочке плохо? Реально плохо? Если температура? И рядом же никого нет. Даже соседки ее. И поехать, проверить, времени нет, Мелешко через сорок минут явится со своим предложением по наркоте и схеме, с которой собирался ту толкать в городе. Тут не пропадешь просто так. И на Федота не бросишь. Не поймут, тем более что заранее договаривался. Аукнется.

Он еще раз набрал ее номер, решив, что по любому поедет к Бусинке сразу после того, как все утрясет с Мелешко.

В этот раз она ответила:

— Да, Вячеслав Генрихович?

Блин.

Заболела она или нет, но с голосом у малышки точно что-то было не так. У него самого от этого звука горло сжало. Точно простудил малышку, придурок.

— Алло?

Он даже не сообразил, что тупо стоит и молчит, вслушиваясь в ее хриплый и тихий голос, пытаясь что-то понять и разгадать в непривычном, чем-то настораживающем его тембре.

— Привет, малышка, — Боров сам откашлялся отчего-то, — Семен сказал, ты заболела?

— … да, кажется, — прошептала Бусинка.

Тихо. С заминкой и паузами. То ли горло болело, то ли еще что-то.

— Блин, ну прости, не думал я, что так выйдет с крышей, — он растерянно провел ладонью по затылку.

— Да, нет, что вы! — хрипло возразила она, — все было здорово…

— Ага, я слышу, — иронично огрызнулся Боруцкий.

Агния промолчала.

— Я звонил тебе пару часов назад, — не дождавшись ее ответа, заметил он, чего-то растерявшись, не совсем представляя, с какого бока взяться за этот разговор и что сказать.

Она вновь промолчала, ничего не ответив и не объясняя, почему не перезвонила. Вячеслав нахмурился, пытаясь понять, чего с девчонкой.

— Так, я к тебе после восьми заеду, — решил он, прикинув, что должен будет уже все здесь утрясти к этому времени, — может какие таблетки купить? Или из еды что-то?

— Нет! — она хрипло вскрикнула, и совсем без обычной радости в голосе. — Не надо, Вячеслав Генрихович! Я не хочу… Заразить… не хочу вас, — то ли поперхиваясь, то ли покашливая, объяснила малышка.

Боров хмыкнул:

— Та ты что, маленькая, зараза к заразе не липнет, не боись, не заболею.

— Не надо, Вячеслав Генрихович, я спать лягу, наверное.

Он пожалел, что не видит Бусинку. Голос у малышки, конечно, звучал совсем убито. Но что-то все равно не давало ему покоя. Какой-то он был не такой, голос ее. И не простуженный даже. Хоть

и хриплый, и придушенный… Боров не сомневался — глянул бы на нее, и сразу просек, что не так.

Может, лихорадит? Черт знает, короче.

— Ладно, — решил он не ездить человеку по нервам, и так плохо ж, — спи. Но завтра я заеду, не отмажешься. Ты смотри, если что — звони, если надо чего-то будет.

— Хорошо, — она вздохнула.

— И слышь, Бусинка, спасибо за подарок. Только зачем же ты перлась сюда, если больная?

— Вам… понравилось? — проигнорировав его вопрос, как-то робко прошептала она.

— Понравилось, — он усмехнулся, решив пока не настаивать на нравоучении.

Завтра глянет на нее, определится со здоровьем, и потом уже доходчиво объяснит, когда имеет смысл на улицу выходить, а когда подарок и подождать может, а лучше дома отсидеться.

— Я рада, — так же тихо и робко ответила Агния, — ну, я спать пойду, наверное, — неуверенно протянула она, вновь непонятно поперхнувшись.

— Иди, — согласился Боруцкий, не собираясь мучить ее еще больше. И первый разорвал соединение.

Но все-таки внутри крутилось что-то, заставляя снова и снова вспоминать ее голос.

Агния захлопнула телефон, сжав его в ладони, и сама почти так же сжалась, скрутилась в клубок под одеялом. Она не хотела поднимать, как и предыдущие разы, но испугалась. Слишком настойчиво Боруцкий пытался дозвониться. Ей было стыдно обманывать Вячеслава Генриховича. Но она сомневалась в том, что готова увидеть его сегодня.

Увидеть.

Боже. Она видела его голым. Совсем. Совсем-совсем.

Зажмурившись, что не помогло изгнать из мыслей тревожащий образ, а скорее, наоборот, усугубило ее смятение, Агния с головой укрылась одеялом. Меньше всего на свете ей хотелось бы сейчас вспоминать о том, что она видела его голым с женщиной. С другой. Только разве она хоть на миг об этом забывала за последние несколько часов?

От этой мысли глаза вновь обожгли злые и горькие слезы. Нет, Агния умом понимала. Все понимала: что Вячеслав Генрихович на самом деле никакой не «ее», жил же он как-то без нее годами, даже не зная о том, что Агния существует? Жил. И что он взрослый мужчина — знала. А у этих взрослых мужчин женщины всегда есть. Для чего именно, это она, конечно, не совсем так себе представляла…

Ох.

Все она понимала. Или старалась себя в этом убедить. Но больно было так, словно в живот воткнули нож. И проворачивали, проворачивали. Сама она «проворачивала», раз за разом вспоминая то, что увидела. И столько уже выплакала за эти часы, что сил никаких не осталось, а слезы все равно продолжали течь. И та же «жадность», о которой она старалась не думать, давила грудь. Только теперь Агния понимала, что это за чувство — ревность. Она ревновала Вячеслава Генриховича. Потому что, может он пока и не был ее, но ощущая эту мучительную, жгучую боль, Агния понимала, что очень хочет, чтобы Боруцкий таковым стал. Чтобы он принадлежал ей. Только ей. Никому больше. Чтобы она была его женщиной во всех смыслах. Ведь говорил же он, что хочет проводить с ней свое время. Не совсем так, но почти. В том зале, только позавчера, обнимая ее…

Уф. Конечно, Агния пока не знала, как осознать и примерить на себя все то, что она подсмотрела в бильярдной. Очевидно, это и был тот самый секс, после просмотра которого по видео и хихикали ее одноклассницы, невнятно лепеча что-то в ответ на ее вопросы. Она себе не так это представляла. Собственно, вообще никак. Агния редко заходила в мыслях дальше поцелуев и

объятий. Что ж… теперь у нее была «пища для размышлений». Даже чересчур. Видит Бог, именно в этот момент она бы предпочла и дальше оставаться в неведении о том, что и как с этим «сексом» происходит в реальности.

Эти два ее желания взаимоисключали друг друга. Агния не могла этого не понимать. Но именно в эту конкретную минуту она не имела сил, чтобы что-то сделать со своей непоследовательностью. Она не была в состоянии принять решение. А потому сделала то, что и сказала Вячеславу Генриховичу — вымученная уснула, так и лежа с головой под одеялом.

А проснулась спустя несколько часов с колотящимся сердцем и горящими щеками. Да что там, у нее вся кожа горела, так, что в привычной и родной пижаме было жарко, и ткань раздражала, натирая кожу. Непривычное и странное томление в животе, которое то и дело терзало Агнию на протяжении нескольких последних месяцев, особенно когда она думала о поцелуе с Боруцким, и сейчас сжимало, скручивало тело, становясь почти болезненным, но при этом напряженно-сладким. И она, похоже, теперь точно знала, что же это такое. И чего ей хочется.

Ей снился Боруцкий. То, как они стояли прошлой ночью на крыше. И как он в зале после концерта ее обнимал. И другое, то, о чем она до этого не думала. Обнаженный мужчина, который касался ее, целовал. Который делал с ней что-то, за гранью понимания хорошего или плохого Агнии, того, чего точно не одобрили бы ее родные. Не с этим человеком и не сейчас. Но чего она, определенно, желала, и точно ни с кем-то другим, а только с Вячеславом Генриховичем.

Агния не была уверена, что это — верное направление мыслей. Более того, почти не сомневалась, что это не так. Но сейчас, после этого сна, после нескольких часов слез и внутренней боли, которая и теперь еще никуда не ушла, она почти не сомневалась, что готова изменить свое отношение к этому вопросу. Откровенно сказать, Агния никогда конкретно не размышляла об этом, даже с родителями об интимной стороне жизни почти не говорила, все в рамках того, чего стоит избегать и что «он не стоит тебя, если не хочет понять, что ты не готова». Само собой подразумевалось, что ей не следует торопиться заводить с парнями отношения любого рода, тем более сексуальные. Более того, родители не скрывали, что были бы рады, подожди она с подобными отношениями до законного брака.

Уроки сексуального воспитания в школе были посвящены скорее защите от последствий вступления в подобные отношения. И ничего из ее опыта и знаний после общения с родителями и этих уроков не учило ее, как понять и что делать со своими желаниями и устремлениями. Или как привлечь внимание мужчины, который заставляет сердце замирать, а все тело гореть. Тем более если этот мужчина старше тебя на двадцать лет и уж точно, очень определенно знает, чего хочет и как это получить.

У кого спросить и к кому пойти за советом? Вряд ли Алина Дмитриевна поможет в этом, для соседки Боруцкий — крестный и опекун Агнии. Зоя Михайловна — тоже не советчик, еще в милицию или в опекунский совет жаловаться начнет, заикнись Агния о чем-то подобном. Близких подруг, с которыми она могла бы обсудить такую тему, в консерватории Агния так и не завела, а те, кто был со школы… они все отдалились. Или это она себя от них изолировала после смерти родителей и того, как начала работать у Боруцкого?

Не важно, факт оставался фактом, спросить было не у кого. И оставалось полагаться только на себя.

Могла ли она привлечь его внимание? Не так, как подопечная, которую надо опекать, не как ребенок. Как женщина… Ну, хорошо, пусть не так, а как девушка, которая бы хотела стать *его*женщиной? И нуждается ли Вячеслав Генрихович в подобном?

Она не знала ответа ни на один из этих вопросов. Как и то, замечал ли он, вообще, что она не

ребенок?

Но Агния точно знала, что он хотел проводить с ней время. И ее подарок ему понравился, Боруцкий сам сказал. Это давало ей надежду и немного успокаивало бушующую внутри боль.

Конечно, он поцеловал ее вчера. Однако, после того, что увидела, Агния теперь уже сомневалась, что это хоть что-то значило. Может он просто пошел у нее на поводу, не желая обидеть Агнию? Может, принял это за детскую шалость?

А она так хотела его внимания, его касаний и поцелуев, сама тянулась к нему все это время. И, похоже, делала все совсем неправильно. Нет, Боруцкий ее не ругал и не отталкивал, но ведь она сама слышала, как он говорил той… *той*, что не хочет, чтобы она его ласкала и целовала. Возможно, мужчинам это нравится не так, как женщинам? Или только Боруцкому это не по вкусу? Ну, он же бандит, в конце концов, криминальный авторитет, может, им не положены все эти «нежности»?

У кого бы узнать?

Хоть иди, и у Федота спрашивай, честное слово. Только бы понять, зачем он вообще ее в клуб отправил, в кабинет к Боруцкому, если знал, что тот там не один? Знал ведь, Агния была все так же в этом уверена. Понял ли он, что Агния увлечена Вячеславом Генриховичем? И решил показать, что тот в ее сторону даже не глянет? Что у него есть настоящие женщины, подходящие Боруцкому? Или, наоборот, решил продемонстрировать всю полноту отношений между мужчиной и женщиной без прикрас? Стремился ли Федот отпугнуть ее от друга, или пытался на что-то указать?

Новые вопросы и снова никто не ответит. Да и не хотелось Агнии у Федота что-то выяснять. Она была так зла на него. Ужасно просто. Раньше боялась, а теперь… Не то, чтоб страх совсем исчез, нет, но была б сила — точно побила бы этого человека. Потому что так хотелось всю эту злость и сегодняшнюю боль выплеснуть.

Правда, основная ее проблема от этого желания не менялась — ей предстояло как-то обратить на себя внимание Вячеслава Генриховича, причем поцелуи теперь точно отменялись. Да и, наверное, ей лучше его не обнимать? Ведь там, в бильярдной, он не хотел ни того, ни другого. Но с другой стороны, она и не ощущала себя готовой повторить то, что делала та женщина, ну, когда стояла на коленях …

Ей стало неприятно от воспоминаний о *другой*, и нахлынула новая волна боли. Но Агния заставила себя думать не об этом. Ей просто надо было еще подумать, и наверняка, она что-то придумает. Тем более что Вячеслав Генрихович, похоже, очень охотно проводил с ней столько времени. Только вот, честное слово, она пока не представляла, как сможет смотреть ему в глаза и не вспоминать о том, что видела его. Голым. А если не сумеет избавиться от этих мыслей, то как сможет ему хоть слово сказать? Или в глаза глянуть не покраснев? А если он поймет что-то? Он же всегда ее ложь замечает… Что тогда говорить и как объяснять? Обо всем этом Агния думала чуть ли не весь остаток ночи.

Он приехал, когда еще не было и девяти утра. Что-то не давало ему покоя, заставляя то и дело вспоминать голос Бусинки во время их разговора, что-то грызло изнутри и настораживало. Да и о здоровье ее он переживал. Мало ли, с нее ж станется не позвонить, даже если совсем плохо будет, малышка иногда просто убивала его своей скромностью и страхом лишний раз его побеспокоить. Вот он и приперся к ней с утра пораньше, на «всякий, пожарный», удостовериться, что его девочке не стало хуже.

Нельзя сказать, что Борову торопились открывать, он бы даже сказал наоборот, обычно Агния прибегала к двери куда быстрее, но Вячеслав сделал скидку на ее состояние. Во всяком случае, до

того момента, пока все-таки двери не открылись и девчонка не замаячила на пороге.

И какого хрена, спрашивается? Боров даже застыл, разглядывая ее. Нет, вроде все и нормально. Сонная, конечно, он ее из кровати выдернул, судя по пижаме. Все той же или очень похожей. Волосы какие-то взъерошенные и немного растрепанные, рассыпались по плечам и на щеки, закрывая половину лица. Кожа белая, не бледная, белая, такая… спокойная, что ли, будто все еще спит. Румянца даже не видно. Да и глаза еще толком не открыла. Ребенок, блин. И как она проверяла, кто пришел, если и сейчас еще зевает и моргает, пытаясь сфокусировать взгляд? Учишь ее, учишь…

А все равно, внутри попустило и как-то так хорошо стало. Вот стал бы тут, оперся на косяк, и просто смотрел бы…

Только на сколько силы воли хватит, если на такие виды любоваться? У нее ж под этой пижамой, сто пудов, ни хера нет. Че он, не знает, на что смотреть, чтоб это понять? Вон, на виду все, и по фигу, что вчера вроде должен был снять напряжение. Никуда оно не снялось.

Надо было позже прийти, блин. Она бы хоть переоделась…

Впрочем, мысли о времени занимали его ровно до того момента, пока Агния все-таки не убрала со щек волосы и не посмотрела на него более-менее осознанно. И тут же уткнулась в пол глазами. А веки припухшие, и глаза… не больные, короче. Ее щеки залила краска, причем он реально наблюдал, как этот румянец проступал, малышка резко развернулась и куда-то дернулась, на ходу бормоча:

— Доброе утро, Вячеслав Генрихович.

— Стоять!

Не то, чтоб он думал начинать так резко, но… Боруцкий зашел, захлопнув двери за собой и, обойдя замершую Бусинку, глянул ей в лицо.

Она продолжала пялиться в пол. Уцепилась пальцами за волосы и принялась то ли разбирать, то ли запутывать прядки. Он, лично, склонялся к последнему, уж больно нервно она дергала за кончики волос. И молчала. Просто стояла перед ним и молчала, хотя обычно тут же начинала тараторить и что-то рассказывать, чуть ли не подпрыгивая вокруг Вячеслава.

Плохо себя чувствует? Может быть. Только вот в том, что малышка заболела, Боров как-то начал сомневаться.

— На меня глянь, — велел он, стараясь разобраться в том, что происходит. — Куда побежала?

— Так… Чайник. Там… ставить, — Агния слабо махнула рукой в сторону кухни, но не подчинилась.

Только покраснела еще больше. И никаких тебе поцелуев в щеку. Даже не приближается. Ладно бы еще и правда, больная. Только простудой тут и не пахнет, по ходу, как он видел.

Так, что-то Боров не очень понимал, что происходит. Неужели он все-таки перестарался со своим поцелуем на Новый год? Неужели напугал Бусинку? Так вроде ж нормально все было, и она сама потом целовала его, и не шугалась, будто заяц…

— На меня посмотрела, — повторил он и, не оставляя ей возможности увернуться, ухватил пальцами подбородок, заставив девчонку поднять голову. Глянул в глаза.

Она и тут попыталась увильнуть, стараясь смотреть куда угодно, только не на него. Впрочем, Вячеславу и этого хватило.

Ну, е-мое.

— И что же у тебя за простуда такая, что ты опять ревела? — поинтересовался Боров, пытаясь сложить в голове то, что никак не складывалось. Отпустил ее.

А Бусинка снова уткнулась взглядом в пол.

— Мне плохо вчера было… Не хорошо, — тихо, запинаясь пробормотала она.

Вот, глядя на нее, он мог в это поверить, хоть и сомневался, что дело в какой-то простуде.

— Че, так горло болело, что плакала? — недоверчиво хмыкнул он, — а сегодня уже все нормально?

Он не злился, что она обманула, сложно было Борову представить, что его девочка со зла что-то ему тут плетет. Но и попускать не собирался, со зла она или нет.

— Нет, мне просто было плохо. Я не знаю, простуда или нет. Я же не врач, — Бусинка обхватила себя руками и обошла его. По максимальной кривой. С каких это пор она боялась его задеть? — А плакала… Я не потому плакала.

Она скрылась в кухне.

Обалдеть, как понятно объяснила! Вот, просто, сразу ясно стало все.

Вячеслав повесил куртку на вешалку, сбросил туфли и пошел следом за ней.

— Предлагаю попробовать объяснить еще раз, — опершись на косяк и скрестив руки на груди, он проследил за тем, как Агния ставит чайник на конфорку.

Девчонка стрельнула в него глазами из-за своей копны волос и глубоко вздохнула:

— Мне жалко себя было. Вот. Я и плакала.

Она передернула плечами, переплела пальцы и остановилась у окна, опираясь на подоконник бедром.

Он подождал еще минуту, прежде чем окончательно удостоверился, что больше она ничего добавлять не будет. Еще более информативное объяснение, однако.

— И с какой стати на тебя хандра напала? — начиная понемногу раздражаться от всех этих непоняток, проворчал Боров.

При этом старательно делая вид, что совсем не замечает, как хлопковая ткань пижамы контурирует ее тело на фоне светлого пятна окна. Куда там той ширме, за которой Бусинка на сцене выступала! Тут не просто силуэт, через тонкую ткань с кружевами он мог даже заметить более темный оттенок кожи у вершинок сосков ее груди. Бл…! Или это у него мозги уже просто по одной теме двинулись?

Боров попытался сосредоточиться на ее речи и не пялиться никуда, ниже шеи Бусинки. Ага. Справился, как же! Сплоховал в первые же десять секунд, опять не уловив смысл ее неуверенной речи:

— Так, годовщина же. Вот. Мне плохо было, и я одна, и годовщина завтра. Вот я и расстроилась еще больше, — Агния обхватила себя руками, будто поеживалась.

Зато ему стало проще. В плане сосредоточенности.

— Слушай, ты нормально можешь сказать? Или мне из тебя так и давить по капле? — он вздохнул и сел на табурет, стоящий у угла стола.

— Завтра год, как моя бабушка умерла, Вячеслав Генрихович. Я понимаю, что вы не помните, оно и не надо. Да и я вроде давно смирилась и успокоилась уже. Просто все вчера совпало. И все.

Она совсем от него отвернулась, уставившись в окно.

Вячеслав и правда, забыл. Саму ту ночь помнил, и как сидел здесь же, и как водкой ее поил, и как потом, когда она спала, лежал рядом, устроившись щекой на ее волосах. И как думал, что переболеет — помнил.

От последнего воспоминания он криво улыбнулся, глядя в спину своей Бусинки. По ходу, у него — эта хворь неизлечимая.

— Блин, Бусинка, ну чего ты, как человек, не позвонила, не сказала? Что я, не приехал бы? Зачем было одной сидеть и реветь?

Раздражение внутри него сменилось чем-то таким, о чем Боров не и не задумывался как-то. Только уже и отчитывать ее не хотелось, и неважно стало, что девчонка вчера мутила, не говоря правды. Вот надо было не слушать ее, а приехать, чувствовал же, что не так что-то. Он поднялся с табурета и подошел к ней почти впритык. Наверное, ощутив это, Агния оглянулась через плечо. И тут же опять опустила голову, будто прятала от него взгляд.

Да ну, че за дела, серьезно? Стыдно ей, что ли, за то, что соврала?

Боров сжал ее плечи руками и развернул девочку лицом к себе. А она уставилась ему куда-то в район груди. Зажмурилась. Снова покраснела, совсем сбив его с толку, и как-то нервно поджала губы.

— Ой, у вас же и свои дела есть, знакомые, друзья… — Агния помедлила, так и не открыв глаза, кстати, — Вячеслав Генрихович, я же понимаю, что вы не можете все свое время мне уделять.

Вот кажется ему, или они это уже обсуждали? Так с какой радости она опять уцепилась за эту тему?

— Слушай, может, я как-то сам решу, а? Или ты тут, по ходу, самая взросля и умная? — он нахмурился, больше в шутку, конечно, куда еще доставать ребенка, и так вон загрузилась по полной.

Только Бусинка, похоже, не особо поняла, что он не серьезно. Распахнула свои глаза и обеспокоенно уставилась на него. Ухватилась за его ладони, которые так и лежали на ее плечах. И тут же отпустила. Сцепила пальцы перед собой.

— Да, — нервно кивнула она. Моргнула. — Нет, в смысле, — Бусинка тяжко вздохнула, — я не самая умная. И вы сами…

Снова вздох. Да что с ней, серьезно? Но когда он уже решил поставить вопрос ребром, девчонка вдруг подскочила на месте:

— Ой, а сколько времени?! — чуть ли не взвизгнула она.

И не дожидаясь ответа, помчалась мимо него из кухни, толкнув Борова бедром.

— Ты чего, Бусинка? — он даже растерялся, глядя ей вслед.

— Спасибо, что приехали, Вячеслав Генрихович! — донеслось до него уже из ванной, куда Бусинка, похоже, помчалась умываться. — У меня же сегодня на десять дополнительное занятие по вокалу, Зоя Михайловна почему-то перенесла с пятого, позвонила уже вечером. А я забыла.

Она выскочила в коридор, с лицом, еще в каплях воды, с влажными прядками волос у лица. И вдруг так улыбнулась ему, что у Борова горло сдавило.

— Спасибо, — пробормотала Агния, продолжая улыбаться, — если бы не вы, я точно проспала бы. Ой, чайник, выключите, я не успею ничего уже, потом кофе выпью, около консерватории куплю, — добавила она, теперь с обеспокоенным выражением лица.

И скрылась в своей комнате.

Вячеслав, немного растерявшийся и совсем утративший контроль над ситуацией, глянул на часы — те показывали пять минут десятого. Он выключил чайник, который уже закипел, и вышел в коридор.

— Слышь, Бусина, тебе в консерваторию… — Вячеслав замолчал, так и не закончив вопрос, и понял, что пока вообще ни слова не сможет из себя выдавить.

Она переодевалась, на ходу вытягивая что-то из шкафа и одновременно стягивая верх пижамы через голову. И, похоже, его не услышала.

Мать его так!

Не то, чтоб она не закрыла двери. Закрыла. Прикрыла, точнее. Ну, оно и понятно, девчонка

жила одна, ясно, что не привыкла закрываться на защелку, которая имелась на двери ее комнаты. И в суматохе, вероятно, не заметила, что дверь закрыта не до конца. Только ему от этого не стало легче.

Бл…! Домысливать, это все-таки одно, а вот так стоять и смотреть на нее…

На эту кожу, такую же белую, как и на лице, или еще белее даже. На саму грудь, и по виду, такую нежную, изящную, что ли. Но в тоже время очень даже округлую и полную, со светло-коричневыми вершинками острых сосков, на которые он до этого любовался только через кружева. У Вячеслава руки сами сжались так, что суставы хрустнули, настолько сильно захотелось дотронуться, провести пальцами, обхватить. И кончики этих самых пальцев начали зудеть от того, что он сам себе не давал двинуться с места.

Во рту стало так сухо, что Боров сглотнуть не мог.

Зато глазам ничто не мешало продолжать смотреть и «ощупывать» все, что только было доступно. Линия талии и живот, не впалый и не полный, а такой, такой… плавный, гладкий. Он будто ощущал бархатистость и мягкость ее кожи на ощупь. И темная впадинка пупка. А ниже — резинка пижамных штанов, уже немного спущенная и под ней видна белая линия простых, хлопковых …

Черт его знает, где Вячеслав взял силы отвернуться и отступить в сторону до того, как она таки сдернула с головы свою кофту и встряхнула головой, убирая волосы с лица.

Твою мать!

Прошло не больше минуты, а казалось, что время растянулось на час. И в голове у него зашумело так, как после бутылки водки, тогда, пару месяцев назад, когда она в кабинете села перед ним на колени.

Боров с силой провел ладонью по лицу, ощущая, что ему стало чересчур жарко, и резко выдохнул. Пульс барабанил в ушах, а пах скрутило до того, что стало больно от молниеносной реакции на эту картину.

— Вы меня звали, Вячеслав Генрихович?

Обеспокоенный голос Агнии, долетевший из комнаты, хоть немного заставил его очухаться.

Боруцкий откашлялся:

— Говорю, тебе в консерваторию? — а все равно сипел, блин.

Боров ругнулся в уме, и как-то так, бочком, бочком двинулся к кухне. Целоваться на крыше под фейерверки — это одно, а если она сейчас увидит, что он стоит и разглядывает ее?

— Да, а что? — вроде не почуяв подвоха, откликнулась малышка из комнаты.

— Тогда завтракай, я тебя подброшу, тут десять минут на машине, — наконец выдал он то, зачем и поперся в этот коридор пару минут назад, — еще успеешь.

Глава 20

Восемь лет назад

— И долго ты там будешь? — он заглушил двигатель и глянул в сторону Бусинки, всю дорогу молча просидевшей на пассажирском сидении.

Девчонка вскинулась и как-то растерянно посмотрела на него, перевела глаза на консерваторию. Снова себе на колени уставилась.

— Я не знаю точно, обычно занятие час-час двадцать длится, если нас не прерывают. Ну, до двух часов. А что?

Он проследил за тем, как Агния мнет в руках свои перчатки.

— Да так, — Вячеслав передернул плечами.

Он планировал провести с ней куда больше времени этим утром, чем этот час, полный суматохи, непонимания и какого-то вымученного приема пищи, когда оба так ничего и не съели. ОН понятия не имел, почему у Бусинки аппетита нет, может из-за той же хандры, а может все еще нехорошо себя чувствует. Но ему, и так не привыкшему есть утром, кусок просто в горло не лез. Только курить хотелось.

— Ну, я наверное, пойду, — она не двинулась с места, только засунула свои перчатки в карман куртки. — Уже без пяти десять, все-таки…

Ему даже улыбнуться захотелось, глядя на малышку. Вот и видно, что не хочется ей уходить, и так мнется, и эдак. И с таким обреченным видом смотрит на консерваторию эту.

— А меня с тобой туда пустят? — поинтересовался Вячеслав, достав ключ из замка зажигания. Не то, чтоб он мог представить, как его кто-то попробует остановить.

Агния резко обернулась и уставилась на него, широко раскрыв глаза. С радостью, точно. Так, как всегда на него смотрела.

Моргнула. И вдруг снова потупилась, а щеки стали пунцовые.

Что-то его стала напрягать эта странная реакция.

— А вы хотите пойти? — тихо уточнила Бусинка.

— Ну, концерт я твой профукал, и потом, так ты мне и не спела. Хочу послушать, — Боруцкий усмехнулся и подмигнул ей.

Она робко улыбнулась.

— Это урок будет, так что и я не совсем петь буду, и Зоя Михайловна меня поправлять будет, говорить, что не правильно, там. Но если вы и правда хотите, я думаю, она не будет против, что вы посидите. Лишь бы вам скучно не стало.

Он, вообще, сомневался, что глядя на нее сможет заскучать, тем более после того, что с утра увидел.

— Не станет, не бойся.

Боруцкий вышел из машины и закрыл ту, когда и Бусинка выскочила следом. Осмотрелся, и чуть не рассмеялся, видя, как обеспокоенно она поглядывает на входную дверь. Опоздать боится.

— Бусинка, ты мне скажи, куда идти, а я покурю, и догоню тебя, — предложил он, чтоб не заставлять ее еще больше нервничать.

Она улыбнулась ему с благодарностью:

— Второй этаж, налево от центральной лестницы, двадцать седьмой кабинет.

— Беги, — махнул он, — я подойду.

Бусинка послушно поспешила внутрь здания, а Вячеслав остановился на крыльце, достав пачку сигарет из кармана.

Вот только когда, спустя пятнадцать минут, он поднялся и нашел тот самый кабинет — его малышка не пела, а с кем-то активно спорила.

— Нет, Зоя Михайловна.

Агния сжала губы, уговаривая себя не злиться. Наверняка, ее преподаватель исходила только из самых лучших побуждений, и просто беспокоилась и заботилась о ней. Но, видит Бог, именно сегодня, после почти бессонной ночи и полного бедлама в душе, ей было сложно увидеть весь позитив этой заботы. Тем более в присутствии чужого и совсем не симпатичного ей человека.

— Агния, ты должна понять, насколько это выгодное предложение, — вновь начала уговаривать ее Зоя Михайловна, — это не ресторан, заметь, а место в филармонии. Да, не солисткой, так, есть же куда расти! И если ты покажешь себя, то сможешь добиться куда большего. Тем более с поддержкой такого человека…

— Я. Не. Уйду. Из. Ресторана!

Агния произнесла это медленно, внятно, четко. Выделяя каждое слово. И смотрела при этом не на Зою Михайловну, а на Щура, сидевшего на одном из стульев в углу комнаты. Того самого «человека», который предлагал ей свою «поддержку», как начинающей и перспективной певице, имеющей возможность в будущем сделать карьеру не только в опере, но и на эстраде, по его словам. А он готов помочь ей и на начальном этапе, и в дальнейшей поддержке и «продюссирование». Разумеется, за весомый процент от прибыли. Ну так и вкладывать Щур готов немало, так как Зоя Михайловна уверила его, что у Агнии есть огромные перспективы и потенциал для того, чтобы оправдать любые инвестиции. А оперный «налет» исполнителя сейчас был так моден и востребован у широких масс…

— Агния, я тебе уже не раз говорила, что ты должна закончить этот этап. — Зоя Михайловна недовольно поджала губы. — Безусловно, в тот момент эта работа и то, что ты ее получила — помогло тебе выдержать все, свалившееся на тебя. Обеспечило деньгами. Но теперь у тебя есть возможность работать в более соответствующем месте и одновременно с этим уже делать карьеру.

Агния медленно втянула в воздух через нос и попыталась взять себя в руки, чтобы не заорать. Потому что, несмотря на все воспитание и с детства привитые правила поведения, в ней накопилось столько всего, а тут еще это! Агния начала подозревать, что Зоя Михайловна вообще не собиралась с ней сегодня заниматься. Похоже, все это и было задумано только для того, чтобы Агния наконец-то поговорила со Щуром, чего так долго добивалась ее преподаватель. До этого момента ей удавалось избегать и игнорировать подобные намеки с ее стороны. Сегодня Агнию столкнули с этим лицом к лицу. Впрочем, вопрос, как таковой, перед ней не стоял — Агния даже не собиралась думать о том, чтобы уйти из ресторана или вычеркнуть из своей жизни Боруцкого, на что так прозрачно намекала Зоя Михайловна, пытаясь давить на ее мнение своим авторитетом и влиянием.

А Агния в этот момент могла мечтать только о том, чтобы это закончилось до того, как сюда придет Вячеслав Генрихович. И уже задумывалась, что неплохо было бы просто уйти самой. В конце концов, не похоже, чтобы кто-то тут собирался заниматься вокалом. А слушать все это она не обязана.

— Знаете, Зоя Михайловна, со всем моим к вам уважением, я не хочу это больше обсуждать, — говоря это, Агния взяла куртку, которую бросила на стул, едва вошла в класс, — занятия не будет, как я понимаю. Так что, я пойду.

— Агния, — Зоя Михайловна нервно оглянулась на Щура и поднялась, — ну почему ты не хочешь понять, что поступаешь глупо? Ты очень умная молодая девушка, так не позволяй своему подростковому упрямству и чувству противоречия помешать твоему будущему. Понятно, что ты можешь испытывать чувство благодарности к человеку, который помог тебе в трудную минуту, и не хочешь подводить его или нечто в этом роде. Но никто же не обязывает тебя работать на Боруцкого до скончания дней, тебе никто не ставил этого условия. Тем более, я не понимаю твоего желания работать на …

— Хватит!

Агния достаточно выслушала нравоучений от Зои Михайловны, чтобы знать, что именно она сейчас собиралась сказать. И не хотела это слышать.

— Я не желаю это обсуждать! И слушать ваше мнение о Вячеславе Генриховиче! — впервые она позволила себе откровенно повысить голос на Зою Михайловну. — Он сделал для меня столько, сколько никто и не пытался. И пока я могу там работать, я буду это делать. С благодарностью и уважением. — Она твердо выдержала двойной взгляд и Щура, и Зои Михайловны. А потом повернулась к преподавателю. — И, кроме того, я откровенно не понимаю, чем ваш Михаил Петрович… — она хотела сказать «лучше Боруцкого», но одернула себя, — так хорош. Не примите на свой счет, — достаточно сердито буркнула Агния в сторону Щура, который, казалось, совершенно невозмутимо слушал этот разговор, не вмешиваясь.

Впрочем, невозмутимым он оставался до последних мгновений, сейчас же в его позе и взгляде что-то поменялась. И судя по тому, что Агния слышала, как за спиной открылись двери, там появился Вячеслав Генрихович. Оставалось надеться, что он не слышал этого спора.

— Вроде ты говорила, что тебя будут исправлять и учить. Про песни что-то было. О криках ничего не упоминалось, Бусинка.

Боруцкий казался с виду вполне безразличным. И даже слегка веселым.

Но почему-то Агнии показалось, что в классной комнате потемнело от его взгляда. Направленного, впрочем, вовсе не на нее. Вячеслав Генрихович, чуть прищурившись, смотрел прямо на Щура, а тот, медленно поднявшись со своего стула, ответил Боруцкому таким же внимательным, хоть и менее уверенным взглядом.

— И что тут у вас за скандал? — поинтересовался Боруцкий, переведя все же взгляд на нее.

Агния вздохнула, с облегчением заметив, что на нее он смотрит без того пугающего выражения, которое даже теперь, когда она достаточно неплохо знала его, заставляло ее горло неметь, а ноги отниматься.

— Ничего, Вячеслав Генрихович, все хорошо. Просто занятия не будет. У Зои Михайловны поменялись планы.

Натянув куртку, Агния отвернулась от преподавательницы и пошла в сторону двери, где так и стоял Боруцкий.

— Точно? — с явным сомнением уточнил Вячеслав Генрихович, вновь посмотрев ей за спину. Агния сомневалась, чтобы его внимание привлекла Зоя Михайловна, следовательно, он смотрел на Щура.

Она даже задумалась, у нее он уточнял, или на что-то намекал тому, кто пока предпочел отмалчиваться?

— Да, все нормально, — Агния уже подошла к нему, и даже ладонь протянула, если честно, привыкнув за последние месяцы то и дело касаться Боруцкого.

Вот и сейчас хотелось просто взять его за руку и увести отсюда, чтоб Вячеслав Генрихович не принялся разбираться, что к чему. Она сомневалась, чтоб ему понравилось то, кем его считает Зоя

Михайловна, даже если это правда. Однако, вспомнив то, что было вчера, и к какому выводу пришла, Агния успела остановить этот порыв на середине пути. На секунду ее ладонь так и замерла между нею и Боруцким. А потом, закусив губу, Агния сжала пальцы, спрятав руки в карманы куртки, и не поднимая глаза, аккуратно вышла из класса. Так, чтоб не задеть Вячеслава Генриховича, который наблюдал за ее действиями с немного непривычным и странным для Агнии выражением на лице. Словно отстранился. Или, наоборот, о чем-то сосредоточенно думал.

Она запуталась. И не знала, что надо делать, и как правильно это что-то делать. И как перестать делать то, что ему не нравится, но настолько хочется ей самой. И разговор этот дурацкий, с Зоей Михайловной.

Агнии захотелось вернуться домой и просто лечь, уставившись в потолок. Ни о чем не думать. И может быть, поесть. Потому как утром, сидя напротив Боруцкого, и безуспешно пытаясь забыть, как он выглядит без всей этой одежды, она не смогла ни кусочка проглотить. Тело просто сотрясалось в каком-то нервном и нездоровом возбуждении все утро. Да и те ее «гениальные идеи» с окном и переодеванием, когда Агния, даже для себя неожиданно, рискнула не закрыть дверь комнаты, в слабой надежде, что Боруцкий вдруг увидит что-то, и поймет, что она не ребенок — тоже не особо способствовали спокойствию.

Да и сейчас Агния еще не успокоилось.

— Слышь, Бусинка, серьезно, тебя никто не держит. И права старуха твоя — никто не говорил, что ты обязана всю жизнь ишачить в ресторане, если это не то, что тебе надо. Или не подходит для тебя. И есть варианты лучше…

Боруцкий догнал ее в два шага, и теперь Агнии приходилось прикладывать усилия, чтобы не отставать. И тон Вячеслава Генриховича. Он ее совсем не радовал. Холодный и отстраненный, совсем не такой, которым он разговаривал с ней все утро. Словно перед ней чужой человек.

— Знаете что, хоть вы не начинайте! — не выдержала Агния. Ускорила шаг и застыла перед Вячеславом Генриховичем, заставив и его притормозить. — Я сама в состоянии решить, чего хочу, и где мне нравится работать. И с кем! — заявила она, почти ткнув в него пальцем, — меня все устраивает. Если этот ваш Щур пытается построить свой бизнес — я за него рада, только лезть в это не собираюсь. Тем более под предлогом спасения своей репутации от клейма «певички кабака». Мне без разницы! И все, хватит! Я всем довольна! Полностью! Ясно?!

Вся нервозность, неуверенность, растерянность и страх от возможности потерять желанного человека, так и не став его, вдруг выплеснулся из нее в этом раздраженном и, в чем-то даже детском крике. Таком громком, что тот разнесся эхом по пустому коридору. Отдался в ее ушах звоном.

И Агния только когда этот ее крик затих, осознала, что так и стоит, «грозя» пальцем Боруцкому, и только что, наорав на человека, которого все считают очень опасным бандитом. И не безосновательно, насколько она знала.

Впрочем, он не показался ей злым, скорее на лице Вячеслава Генриховича было недоумение. Будто он не понимал, кто посмел с ним, вообще спорить, да еще и в такой форме. И изрядная доля веселья.

— А не слишком ли ты крохотная, чтоб на меня орать? — насмешливо вздернув брови, уточнил он.

Протянул руку и обхватил своими пальцами ее ладонь с тем самым выставленным пальцем. Сжал в кулак. Не сильно. Просто обхватил и мягко надавил, заставив Агнию опустить руку.

— Какая есть, — огрызнулась она, хоть и начала стыдиться своей вспышки. И попыталась скрыть, как по ее коже прошла дрожь от тепла его руки, не показать, насколько ей это приятно. Его

прикосновение. — Вряд ли уже выше вырасту, — почти про себя проворчала Агния.

Но он услышал и рассмеялся.

— Грозная ты, Бусинка, как я погляжу, — отсмеявшись, заметил Боруцкий. И пошел в сторону лестницы, ведя ее за руку. — Жуть просто. И смелая, это есть. Мало у кого хватит духу на меня орать.

Она молча шла за ним, не забирая пальцы и понимая, что начинает краснеть. Вроде и не понятно, то ли хвалит он ее, то ли нет, а все равно — так приятно стало внутри и тепло.

— А вот тыкать Щуру в морду, что он тебя не устраивает и хуже кого-то, было глупо, маленькая, — пальцы Вячеслава Генриховича начали поглаживать ее ладошку и запястье. Так ненавязчиво, и будто он сам не замечал, что делает. И Агния не акцентировала, боясь лишиться нежданной, но от того не менее желанной ласки. — Ты для него средство, ну, или материал, если хочешь. А не та, с чьим мнение такой человек может посчитаться или будет уважать. Не стоило, вообще, с ним говорить. Надо было мне сказать, что он тебя достает.

Боруцкий серьезно глянул на нее.

— Так я и не собиралась с ним говорить, — Агния сокрушенно покачала головой. — Я же не знала, что он здесь будет. Это Зоя Михайловна с ним какие-то дела завела. И все время меня грызет, чтоб я от вас… из ресторана ушла, — объяснила она, слегка запнувшись. — Знаете, я не думаю, что она со зла или что-то против вас имеет, — Агния поспешила объяснить свою мысль, пока он не придумал чего-то не того. Сашка вон, до сих пор лежал в больнице с переломом. — Мне кажется, что она со Щуром… — Агния запнулась. — Ну, понимаете… Я думаю, у них роман, или что-то типа того, — сконфуженно объяснила она, под насмешливым взглядом Боруцкого.

— Ладно, разберемся, чего там у них, и как, — он покачал головой, продолжая усмехаться, и вывел ее на улицу.

Со Щуром он поговорил на следующий день, прозрачно намекнув, что нечего его людей переманивать, тем более, если сами люди этого не хотят. Хотелось, правда, совсем без намеков, велеть оставить Бусинку в покое, но это могло выйти боком. И всплыть потом там, где и не ждешь. Боров, конечно, всегда обеспечивал защиту тех, кто работал под «его именем», но Щур был из тех, кто мог и заинтересоваться настолько всеобъемлющей «заботой о мнимой крестнице». А особенно тем, что Боров с девчонкой по консерваториям с какой-то радости шляется, на дополнительные уроки в праздничные дни. Потому пришлось давить на то, что Щур на его территорию заступил и пытается переманить человека, которого, между прочим, сам и привел, а теперь лезет, куда не надо. У Борова, может, свои планы на «раскрутку» этой девчонки есть. И коль уж он привел ее к нему тогда, а не сам раскручивать стал — пусть не обижается, но сюда ему «зась».

На слабое возражение Щура о том, что: «тогда он еще и не думал об этом, а потом просто начал поднимать все известные ему контакты, и ничего личного данный факт не содержит, да и Вячеслав Генрихович, вроде бы, поначалу не проявлял желания заниматься девчонкой», Боров не повелся.

И популярно объяснил, что нежелание возиться с ребенком — это одно, а профукать дело, которое реальными бабками пахнет — совсем другое, и он никогда не был тупым, чтоб так поступить. И если Щур сам поначалу струхнул из-за малолетства девчонки, и решил только понаблюдать — будет из нее толк или нет (а именно так он решил, пошерстив немного по разным осведомленным личностям), приведя в ресторан Борова, то теперь все, поезд ушел. И Щур с Зоей Михайловной на тот не успели.

Вячеслав не с пустого места начал разговор и предварительно узнал все, что хотел о

деятельности Щура в последний год. Разведал, что кроме своей прежней посреднической деятельности и мелкого мошенничества, тот действительно заинтересовался возможностями шоу-бизнеса и продюсированием. В связи с чем наладил контакты со многими учителями и преподавателями музыкальных училищ, школ и консерватории. Так что в романтическом характере связи учительницы Бусинки со Щуром, Боров как раз сомневался, чтобы там сама малышка не придумала себе. А вот в материальную заинтересованность Зои Михайловны от «продажи» талантливой ученицы — верил вполне. Потому, очевидно, она так рьяно и давила на Агнию, заставляя сменить место работ. Вполне возможно, что это было у них со Щуром даже заранее оговорено, а может учительница и деньги уже получила, в зачет будущего, и теперь оказалась в неприятном положении из-за упорства ученицы.

Другой вопрос, что Борова подобный расклад касательно его девочки совсем не устраивал. И он собирался еще и с этой «мадам» потолковать. Но только после того, как все со Щуром уладит. Свою Бусинку он никому отдавать ни под каким предлогом не собирался.

И вроде бы даже утряс все, и растолковал, только вот удовлетворения и покоя в итоге не получил. Даже наоборот, Боров отдавал себе отчет, что с каждым днем становится все более напряженным, взвинченным и злым.

А все и не при делах вроде, и наказать за это будто бы и некого. Если верить тому, что ему говорили. Хотя, у Вячеслава имелись все более веские сомнения и подозрения, что на самом деле это не так. И кое-кто крупно облажался, а теперь пытается пропетлять, делая из Вячеслава идиота. По ходу, еще и Бусинку втащив в это все.

За последнюю неделю, если считать с первого января, каждый день только бесил его больше. Все эти непонятки, начавшиеся с того утра, когда он приехал к своей, якобы заболевшей малышке, и до сегодняшнего утра — уже достали его по самое «не могу».

А Боров же дураком не был, ну или сам предпочитал именно так считать, и мог сложить факты. И эти самые факты упорно утверждали, что между новогодней ночью и совершенно открытой, ничего не таящей от него Бусинкой, охотно тянущейся к Вячеславу, и утром второго числа, когда начался полный бардак — стояло лишь одно событие, расстояние метров в семьдесят-сто (от входных дверей клуба до его кабинета), и один человек. Федот. Который упорно делал вид, что ни фига не понимает претензий и наездов Борова.

Ладно, на это он бы не посмотрел, но и из Бусинки ничего выдавить не получалось!

Малышка в его присутствии вела себя все более странно, спасибо, хоть краснеть по поводу и без перестала. Зато, казалось, периодами впадала в какой-то ступор, не решаясь на него смотреть, даже когда Боров откровенно требовал это сделать. Она практически перестала к нему приближаться по собственной инициативе, о тех поцелуях в щеку и касаниях, которые так откровенно давали ему надежду последние несколько месяцев — не шло и речи.

Однако, странное дело, девчонка совсем не подавала признаков страха или напряженности, если Вячеслав сам подходил к ней. Она не боялась его, как он, было решил грешным делом, задумавшись, не спугнул ли Бусинку своим поцелуем. Более того, если Вячеслав вроде «в шутку» обнимал свою девочку или притягивал к себе — Бусинка охотно поддавалась. Она сама прижималась к нему. Уж дожив до своего возраста, Боров мог отличить, когда девчонка прижимается, а когда старается избежать любого контакта.

Так какого хрена, спрашивается? Что тут происходило? Если она не против его объятий и прикосновений, то почему сама жмется? Ведь Вячеслав ни разу, вроде, не давал ей повода подумать, что он против.

Ладно, в первый день он мог еще списать на ее бормотание про тоску за почившей семьей. Хорошо. Ситуация у девочки непростая, кто поспорит? Но, блин, она уже больше года была сиротой, все-таки, и что ее только теперь припечатало?

Боров не верил.

Он попробовал прощупать почву и выяснить: «не обидел ли ее чем? Не расстроил ли?», что малышка промолчала все два часа во время их последнего ужина в ресторане после ее выступления. Вот просто просидела, уставившись в тарелку, ковырялась вилкой в еде, и ни слова не сказала. Он ей про Щура все разъяснил, пообещал, что тот больше лезть не станет, но и напомнил, чтобы в случае чего, к нему шла, рассказывала. Попытался выяснить, что сама Бусинка думает насчет того, что в будущем делать планирует (и правда, не век же ей за этой ширмой петь, после услышанного спора мысли об этом то и дело лезли ему в голову) — и не получил в ответ ни слова. Только невнятный кивок и растерянный взгляд, будто она совсем о другом думала и ничего из его речи не слышала.

Так вот, в ответ на его вопрос об обиде и причине такой отстраненности в последнее время, Агния вообще глянула на него чуть ли не с отчаянием в своих глазищах и нервно, запинаясь и закусывая губы, принялась убеждать Боруцкого, что все просто замечательно.

Если это «замечательно», то как она себе тогда представляет «в конец хреново», хотелось уточнить Борову? Вместо этого он хрустнул пальцами и пошел курить, потому что нервы не выдерживали всех этих «качелей». А когда вернулся, девчонка сидела за столом, уперев локти в скатерть, чего никогда себе не позволяла, и закрыв лицо ладонями. И опять глаза прятала. Нет, не ревела, сдержалась, но он-то уже умел видеть, когда она еле сдерживалась, чтоб не разреветься.

А на фоне этого напряжения, непонимания и сожалений, что все уже было совсем неплохо неделю назад, еще и разговор, который он в консерватории услышал.

«С благодарностью и уважением», это явно не те чувства, которые он хотел бы получить от своей девочки сейчас. И понимал умом, что она вряд ли преподше своей будет, как на духу рассказывать, как на самом деле к нему относится. Да еще и при Щуре. И все-таки, еще семь дней назад он бы поклялся, что дело вовсе не уважение и благодарности за то, что Боров ей место в ресторане дал. И целует она его в щеку не по этой причине. И тянется, и обнимает…

Да и сейчас, несмотря на все странности поведения малышки, он в это не верил.

Скорее готов был окончательно убедиться, что когда Бусинка пришла к нему с подарком — Федот что-то ей сказал. Или, того хуже… Потому как слишком много иначе было совпадений, а такой вариант — виделся самым вероятным и много объясняющим.

Но перед тем как что-то спрашивать у своей малышки, чтобы тупо не погореть и не лохануться, он решил наконец-то добиться вразумительного ответа от Федота.

Потому и сидел сейчас в своем кабинете в клубе, вертя в руках зажигалку, подаренную Бусинкой, и ожидая друга.

Боров требовал, чтоб Федот приехал еще вчера, но тот, задним местом, видно, чуя, что попал, почему-то настоял именно на встрече сегодня днем. А Боров решил дать шанс другу все объяснить, перед тем, как просто удавит, если его подозрения все же правильные.

Только вот этот умник, вместо того, чтоб приехать, позвонил за двадцать минут до времени, которое они оговорили:

— Слышь, Боров, ты где?

— Это ты, типа шутишь? Или под дурака косишь? — он даже голос не повышал. В Борове сейчас накопилось столько бешенства, пусть и пока не буйного, контролируемого, что Федот и по

телефону не мог этого не слышать.

— Ну, мало ли, еще не два, ты мог и отъехать куда-то, по «государственным делам»…

— Федот, я тебя сейчас найду и в землю закопаю…

— Ты знаешь, где церковь? Ну, та, что Бусина твоя ходит? — прервал его друг, видно поверив в серьезность угрозы.

— А тебе какой хрен, в святой земле тебя похоронят или нет, ты ж некрещенный, Федот. Или о смысле жизни задумался под конец? — прорычал Боров уже теряя всякое терпение.

— А ты — крещенный? — вместо внятного ответа, поинтересовался Федот.

— Андрюха, — не выдержал Вячеслав, переходя уже на имя, чтоб друг знал, как довел его. — Во-первых, я тебя таки прибью, уже только за этот бред. Во-вторых — я просто этого не знаю…

— Вот и она не знает, — задумчиво протянул Федот, — а священнику врет, что крещенный. Как думаешь, это большой грех для нее? Сравним с мокрухой? Или все же попроще?

— Ты о чем, вообще? — Боров даже как-то раздражение и злость на задний план отодвинул, как и все свои подозрения насчет друга. — Ты о чем базаришь, Федот, и при чем тут Бусинка?

— Что, Лысый так ничего и не нарыл, да? — Федот хмыкнул, — Семен зарплату вчера выдал в ресторане?

— Ну, допустим. И что, к тебе это, каким боком?

— А никаким, — согласился Федот, — хочешь узнать, куда твоя девчонка уже две с мелочью штуки бухнула, и сейчас отдавать идет?

Что ж, чего душой кривить, ему удалось заинтересовать Борова. То, что Агния все еще мутила с деньгами, он по ее настороженным взглядам при его инспекции ее холодильника подозревал, но и правда не вычислил, куда она те тратит. Да и сумма, явно уменьшилась, вот и не настаивал, только следил, чтоб девчонка не влезла в нехорошее что-то.

— Тебе это не поможет, учти, — предупредил он Федота, — куда ехать?

— Учел. Запомнил, только я-то тут при чем? Я, вообще, никуда не лезу, так, со стороны гляжу, да носом тебя ткнуть пытаюсь, только, кто ж меня слушает…

— Федот!

— В церковь, я ж сказал, что в нескольких кварталах от ее дома.

Боров взял ключи от машины, сунул их вместе с зажигалкой в карман и, сдернув с вешалки пальто, вышел из кабинета.

— И с какой радости мы тут торчим? — Боров оперся на машину, которую припарковал рядом с тачкой Федота, на стоянке позади церкви. Прикурил. — Или ты исповедаться решил, перед смертью, покаяться?

— Сейчас увидишь, она еще идет, десять минут назад из дома вышла, — вместо ответа отмахнулся Федот.

— И какого хера ты за Бусинкой таскаешься? — подозрительно прищурился Боров. — Что ты ей тогда наплел, в клубе? Или…

— Ты меня сам отправлял за девчонкой твоей следить? Так? — Федот развел руки. — Я твое поручение выполнил. — Нашел, что хотел. Дал шанс Лысому…

— Федот, — Боров тяжело опустил ладонь на затылок друга. Надавил, так, что почти прижал его голову к крыше машины. Тот не сопротивлялся. — Ты мне тут соловьем не заливай, и про помощь младшему поколению не рассказывай, — Боров наклонился ниже к уху друга. Если ты еще месяц назад все узнал, то почему только сейчас колоться начал? И что узнал конкретно. И что ты для себя выиграть пытаешься? Я ж тебя не первый день знаю, Андрей. — Вячеслав глянул на друга

из-под бровей, вновь ощутив всю злость, которая копилась эту неделю. — Ты что ей сказал, падла? С какой стати она на меня глянуть боится?

Агния даже не знала, что больше заставляет ее торопиться в церковь, желание поскорее отнести деньги, жертвуя их за Вячеслава Генриховича, или поиск покоя. Наверное, и то, и другое.

Двор не был привычно пуст, как это обычно случалось в такое время. То тут, то там ходили люди: нищие, пришедшие просить милостыню в «выгодные» дни праздников, женщины и мужчины разных возрастов, решивших посетить службы. Уже не толпа, как вчера, когда она приходила к утреннему Праздничному Богослужению, но все же много. И не разглядишь, есть кто знакомый или нет, вот так, сходу.

Она несколько раз по пути осматривала улицу, даже изменила дорогу пару раз, срезав через дворы, опасаясь возможного наблюдения. В самом начале ей показалось, что она заметила машину Федота, но тот автомобиль быстро скрылся из виду, в отличие от прошлого раза, когда друг Боруцкого буквально плелся за ней. Да и потом, все равно Федот все знал, и ничего не сказал Вячеславу Генриховичу. Из-за ее просьбы? Вряд ли, Агния сильно сомневалась, что дело было именно в этом. Скорее он просто не хотел добавлять никаких знаний и связей между ней и Боруцким. Возможно, что и именно для этого направил ее тогда в кабинет друга. Чтобы Агния своими глазами увидела, что совсем не дотягивает до предпочтений друга и тех женщин, с которыми Боруцкий предпочитает водить компанию. А поняв это — оставила надежды привлечь внимание Вячеслава Генрихович. Именно к такому выводу склонялась Агния сейчас. Хотя, это вовсе не значило, что она собиралась сделать именно так. Сдаться, в смысле. Нет, не собиралась. Правда, и особо похвастаться успехами в этом не могла. Не похоже, чтоб Агнии удалось показать Вячеславу Генриховичу, что она уже не ребенок, которого надо опекать, а девушка, безумно желающая его внимания.

Вздохнув, она набросила на голову платок и перекрестилась, заходя в церковь через центральный вход.

Агния нуждалась хоть в нескольких минутах покоя. Ей так надо было подумать обо всем, а мысли разбегались. Да и тут вряд ли соберутся. Не место в церкви думать о соблазнении кого бы то ни было. И все же, Агния очень надеялась, что ей удастся собраться, найти какое-то равновесие внутри себя. Она даже собиралась сегодня задержаться здесь, не просто сделать пожертвование, но и поставить свечу, помолиться. Возможно, отстоять часть праздничной службы, продолжающейся служиться в честь Рождества.

В холле было тихо. Она специально рассчитала так, чтоб успеть в перерыве между службами. Две бабулечки сидели на скамье под дальней стеной, о чем-то негромко переговариваясь, да все та же Елена Петровна торговала свечами и иконками.

Увидев Агнию, она улыбнулась, видно успев ее запомнить.

— Здравствуйте, — почти прошептала Агния, почему-то ощутив робость, из-за присутствия других людей. — Вот, я опять хочу пожертвовать, чтобы попросить помолиться о прощении грехов…

— Да, я помню, Агния, — Елена Петровна кивнула, наблюдая, как она кладет деньги на стол, — отец Игорь о тебе спрашивал, интересовался, не приходила ли? Просил передать, что рад будет поговорить, если ты захочешь, — напомнила Елена Петровна.

Агния опустила глаза. Отец Игорь, с которым она познакомилась, принеся деньги во второй раз, теперь постоянно старался встретиться с ней. То ли он, то ли та же Елена Петровна, кто-то из них обратили внимание, что Агния достаточно часто ходит в церковь. Постепенно выяснили, за

кого она заказывает сорокоуст и молитвы за упокой. Узнали и о том, что Агния — сирота, она сама ответила, не скрывая, когда священник спросил. И ей очень хотелось бы поговорить с ними и о Вячеславе Генриховиче, посоветоваться, хоть что-то спросить.

Но Агния знала, что никогда не решится на это. Никогда не заведет разговор о своем «опекуне», как бы не нуждалась в совете, и насколько бы открытым, приветливым и честным не казался ей священник. Агния боялась ошибиться, совершить что-то непоправимое и подставить Боруцкого. Кому-то проговориться в мелочах, позволить понять, кто он, и этим доставить Вячеславу Генриховичу неприятности.

— Наверное, ему сейчас не до меня, праздники, — именно из-за этих своих опасений, она и попыталась увильнуть от разговора.

— Ну, минутку он найдет. Сегодня же уже восьмое.

Не слушая больше ее возражений, Елена Петровна выскользнула из-за своего стола, забрав деньги и направившись к двери с табличкой «служебное помещение». Агния разочарованно поджала губы. Не уйдешь же теперь, когда священник выйдет, чтобы с ней поговорить? И что ему сказать, как увильнуть от очередных вопросов о своей жизни и Вячеславе, за которого Агния так просит молиться, ничего не объясняя.

Бабушки за спиной о чем-то продолжали шептаться, чуть повысив голос. Но Агния уже на них не оборачивалась, погрузившись в раздумья. Отец Игорь появился буквально через минутку и подошел к ней со своей обычной доброй и спокойной улыбкой.

— Здравствуйте, — почему-то не ощущая такой же радости в ответ, вздохнула Агния.

Священник подошел к ней и по-отечески положил руку ей на плечо, в знак приветствия:

— Как твои дела, Агния?

— Спасибо, хорошо, — она переступила с ноги на ногу. — Я думала еще на службе постоять, и за здравие несколько свечей поставить.

— Ты вчера приходила на праздничное Богослужение, но не подошла после, — мягко пожурил ее священник.

— Да, мне на работу было надо, — Агния виновато улыбнулась, — зато я сегодня пришла, и зарплату вчера получила, принесла деньги…

— Агния, я снова тебя спрошу, — перебил ее отец Игорь. — Милостыня и пожертвования — дело тайное, между твоей душой и Богом, и не мое дело мешаться. Но все же, я беспокоюсь о твоей судьбе, тем более что о тебе больше некому волноваться, после смерти всех родных. Ты уверена, что не попадешь в неприятности из-за этих денег? Ты же знаешь, чтение Псалтыря обошлось бы тебе куда меньшими тратами, а мы бы вспоминали и так того, о ком ты просишь…

— Нет, это меня не устраивает, правда, отец Игорь, пожалуйста! — Агния даже за руку его ухватила, стараясь убедить. — Это ведь совсем другое. Я вас очень прошу молиться о прощении грехов Вячеслава. Это же не то же самое, что Псалтырь. И я от чистого сердца жертвую эти деньги, никого при этом, не обижая и не ущемляя. Они же…

— Так, и что тут у вас происходит?

Она даже застыла в первый момент, с ужасом узнав голос Вячеслава Генриховича. Тихий, да. Но от этого не менее напряженный и злой. И с растерянностью, некоторым страхом глянула на священника.

Тот был всего лишь удивлен, что к ним кто-то подошел. И Боруцкого, похоже, не знал.

Агния понятия не имела, что он здесь делает. Неужели Федот все же ему все рассказал? И она еще не знала, что ему сказать. Однако не стоять же и дальше к нему спиной? Вряд ли, чтоб Боруцкому понравился такой подход. Потому она резко обернулась. И испугалась еще больше,

потому что Вячеслав Генрихович смотрел то на нее, то на священника чуть прищурившись. И с тем своим выражением в глазах, которое и ее, вроде бы знающую его не первый день, заставляло неметь.

— Ты какого хрена сюда деньги бухаешь, а сама на лапше сидишь, а, Бусинка? — спросил Боруцкий, разглядывая при этом не ее, а священника. — Ты че, попам отдаешь деньги, которые на себя должна тратить, а не в протекающих сапогах ходить?!

— Вячеслав Генрихович! — Агния успела возмутиться раньше отца Игоря. — Это же церковь, здесь нельзя такое говорить!

— Та ты шо? — Боруцкий насмешливо хмыкнул. — Кто сказал? — перевел он глаза на нее. Подозрительные, изучающие.

— Послушайте… — попытался вмешаться отец Игорь. — Я не знаю, кто вы и почему ругаете ребенка, — он даже попробовал выступить вперед, словно пряча за собой Агнию.

Судя по еще больше потемневшим глазам Вячеслава Генриховича, это было неправильное решение.

— Так, а ты у нас кто?

У Агнии холод прошел по позвоночнику от взгляда, которым Боруцкий смерил священника. И почему-то появились неприятные мысли. Очень нехорошие. О Саше, о разговорах всяких, слышанных краем уха в ресторане…

Не собираясь допускать дальнейшего развития нелепой ситуации, она вывернулась из-под руки отца Игоря и подскочила к Вячеславу Генриховичу. И растерявшись, схватила его за руку, забыв обо всем, что так старательно пыталась не делать в эти дни:

— Вячеслав Генрихович, вы, наверное, что-то не так поняли, послушайте, ничего такого не случилось. И деньги я сама… — попыталась она объяснить ему.

— Ага, сама. Типа я не знаю, как они умеют людей на бабки разводить. Тем более если сироту или вроде этого. Еще и впаривать тебе будут, что это для твоего же блага, — с издевкой заметил Боруцкий.

Но внимание, вроде бы, переключил на нее. И руку не оттолкнул, наоборот, притянул ее к себе ближе за ладонь, и крепко сжал, заставив Агнию стать совсем рядом.

— Ты, Бусинка, иди в машину, там Федот во дворе сидит, — отпустив ее пальцы, Боруцкий легко сжал плечо Агнии. Потянул, подталкивая ее к выходу. — А я тут поговорю, потолкую…

— Нет, Вячеслав Генрихович! — Агния начала испытывать отчаяние. — Вы не понимаете! Я сама приносила им деньги, и просила, чтобы они молились…

— Да, я ж и говорю, что они тебе весь мозг задурили, — Боруцкий отмел ее возражение недовольным передергиванием плеч.

— Агния, ты не обязана никуда уходить, если не хочешь, — вдруг вмешался отец Игорь, наблюдающий за всем этим. Священник явно не понимал, что здесь происходит. И, как показалось Агнии, решил, что все так, как ему представлялось, и ей грозит что-то. — Никто не заставит тебя, можешь поверить.

Агния почувствовала, как пальцы Вячеслава Генриховича гораздо сильнее сжались на ее плече. Не до боли. Нет. Просто так, словно он и правда поверил, что она сейчас попробует отойти от него и остаться в церкви.

— Агния, иди в машину, — велел он таким тоном, что и вода, наверное, замерзла бы.

— Нет, — она покачала головой, подняв лицо к нему, почему-то уверенная, что ей не стоит уходить. — Я пойду, — тут же поторопилась объяснить она, когда Боруцкий тяжело глянул на нее, — но с вами, Вячеслав Генрихович. Вы не поняли, и не слушаете меня, а я пытаюсь объяснить,

что сама деньги приношу. И никто меня не заставляет, ни отец Игорь, ни еще кто-то. Это мое решение.

— И на… с какой стати? — скривил губы Вячеслав Генрихович. Но все же немного расслабился, вроде, и уже так не сжимал ей плечо. Но и не отпускал. Держал, почти прижав к себе.

Агния поняла, что увильнуть не удастся. Если только она не хочет, чтобы все закончилось как-то плохо.

— Я просила их молиться за вас, — тихо призналась она, не глядя на него. — Чтобы прощения грехов… ну, отмолить, что ли… Все, — испытывая неловкость и не решаясь сейчас посмотреть ему в глаза, Агния обхватила себя руками.

Он молчал несколько секунд. Только пальцы, продолжающие держать ее, снова сжались крепче.

— Агния? — опять вмешался священник, — может, ты все-таки подойдешь ко мне? И мы все решим с твоим знакомым, я уверен.

Она покачала головой на предложение отца Игоря. И заставила себя посмотреть на Боруцкого.

Тот стоял совсем близко к ней и смотрел на Агнию… ну, может, удивленно? Она не смогла придумать название этому выражению его лица и темных глаз. Никогда не видела такого у Боруцкого.

— В машину. Быстро, — тихо велел он, увидев, что Агния на него глянула.

И, не обращая уже внимания на священника, наблюдающего за ними с опасением, потянул Агнию к боковой двери. Хорошо еще, что и сам пошел с нею. Агния послушно пошла, через плечо, глянув на отца Игоря взглядом, который, как она надеялась, выражал ее полную убежденность, что все будет в порядке.

Глава 21

Федот ждал их у машин. Вячеслав предпочел пока проигнорировать выражение лица друга. У них еще оставалось достаточно нерешенных вопросов, и он не собирался это спустить на тормоза.

Проигнорировал Боров и взгляд, которым малышка глянула на Федота. Обиженно, насуплено, из-под своих сдвинутых бровок. Поджав при этом губы. Ну, точно, поняла, кто ее сдал. Федот ответил на этот недовольный взгляд ухмылкой. А Агния, похоже, собралась что-то сказать, даже повернулась. Но Боров прервал ее, снова ухватив за плечо и не дав начать:

— В машину, — отрывисто напомнил он, махнув рукой в сторону автомобиля.

Удостоверился, что она именно туда и пошла, а сам развернулся к Федоту:

— Не вздумай сейчас слинять, — предупредил Вячеслав друга, — мы еще не закончили с тобой.

— Не, ну у меня и свои дела есть, вы тут сами разбирайтесь, а я двину…

— Ты за мной двинешь. Я сейчас ее домой отвезу, а ты меня дождешься, и мы завершим разговор, ты мне так и не сказал, что натворил. А я не идиот, чтоб поверить, будто ты не при делах. Не сейчас, тем более, — выразительно глянув на церковь, «намекнул» он.

— Слышь, Боров, твоя девка сама просила, чтоб я не светил ее. Так что нечего на меня наезжать, — Федот раздраженно бросил окурок под ноги и втоптал в снег. — Кто я такой, чтоб мешать человеку ее же деньги на ветер выкидывать? Если мозгов нет — свои ты ей не вложишь, а если умная, то рано или поздно до нее дойдет, что ни хера не выйдет из этого, и никакие ее пожертвования попам твоих грехов не отмолят.

— На твоем месте, я бы молча сел и поехал за мной, а не пытался умничать, — предупреждающим тоном рыкнул он, и пошел к своей машине. — И не нарывайся, уже и так лоханулся по полной.

Злоба плеснулась в Вячеславе с новой силой. Причем так, что захотелось тут же заехать Федоту по морде. За все. За клуб, с которым еще ничего не успели выяснить и решить, так как Бусинка во дворе церкви появилась. За то, что раньше ничего про деньги и ее чудачества не сказал, а девчонка на голодном пайке сидела. За то, что сейчас лез с гребанными комментариями, в которых Вячеслав не нуждался. Бусинка, конечно, зря деньги на ветер выбрасывала. Только его бесило, что Федот так об этом отозвался. Боров еще сам не знал, как относиться к ее заявлению и поступку.

Серьезно, он во всю эту хрень с душой и отмаливанием в церкви — слабо верил. Вообще, не верил, по ходу. Но когда Федот прикалываться начал… Не его это долбанное дело, в конце концов! Она, между прочим, о нем заботится, пусть и в такой… ну, ладно, и правда дурацкой форме. И ему даже приятно, наверное. Хоть и тупо столько денег выбрасывать черт знает на что. И все-таки Боров не хотел, чтоб Федот глумился с его Бусинки и ее поступков, таких же чистых и открытых, какой и была вся она. Даже детских, по сути, а все равно, выворачивающих у него все изнутри.

Пытаясь хоть на какое-то время успокоиться, он рванул двери и тяжело опустился на водительское место. Завел машину и только тут понял, что рядом никого и нет. На пассажирском месте, где всегда сидела Бусинка, ее сейчас не было. Он резко обернулся к заднему сидению и глянул на малышку. Она сидела по центру, обхватив себя руками за пояс, все еще в дурацком платке, почему-то разозлившем Вячеслава больше всего остального, и смотрела на него грустными и настороженными глазами.

У него в груди словно кол по центру вколотили, так закололо. Совсем как пять минут назад,

когда этот поп велел Агнии отойти от него и остаться в церкви, а Вячеслав на какую-то пару мгновений поверил, что его малышка именно так и сделает. Так и захотелось обхватить ее двумя руками и прижать к себе с дурным рыком: «мое! Не пущу! Никому не отдам!». И как же его попустило, когда Агния сама к нему прижалась, не послушав долбаного попа. Что бы там между ними не происходило, а она его выбрала, к нему потянулась. Только сейчас с какой радости назад залезла?

— Ты чего? Ты боишься меня, малышка? — у него голос осип от этой треклятой колющей боли внутри. И страха, что и правда боится. Вот же ж, блин.

В настороженных глазах Бусинки появилось недоумение:

— Нет, Вячеслав Генрихович, — она мотнула головой и как-то неуверенно сжала губы, — а надо, да? Вы сейчас очень на меня сердитесь?

Он отвернулся. Закрыл глаза и только теперь понял, что вцепился в руль мертвой хваткой. Разжал пальцы, вздохнул и покачал головой, отвечая на ее вопрос:

— Если не боишься, то чего, вдруг, сзади уселась? — продолжая свои попытки совсем успокоиться, уточнил он.

— Ну, я думала, что вы злитесь. И сейчас так думаю, если честно, — Агния неуверенно повела плечами. — Не хотела вам мешать или раздражать вас еще сильнее. Я ж не специально, Вячеслав Генрихович, — она вдруг наклонилась вперед, стараясь заглянуть ему в лицо. — То есть, специально, конечно, — потупилась Бусинка, наткнувшись видно, на его недоверчивый взгляд. — Я специально приходила в церковь, и знала, что делаю. Но злить вас этим не хотела. И чтоб вы знали, тоже не хотела.

— Это я как раз понял, — он хмыкнул и завел двигатель. Выехал со стоянки, удостоверившись в боковом зеркале, что Федот едет следом, а не смылся. — Ты мне другое скажи, как тебе такое, вообще в голову стукнуло? С какой стати ты бабки решила сюда выбрасывать? — Боров глянул на нее в зеркало заднего вида и вдруг ругнулся, вновь зацепившись глазами за ее платок.

Это его бесило Конкретно. Будто бы показывало, что кто-то другой имеет на нее большее влияние. Тот же поп, который его малышку еще и за руки хватал, когда Боров вошел в их церковь.

— Сними это с головы, блин! — зло потребовал он.

Бусинка удивленно моргнула, но послушно потянула платок. А ему аж дышать легче стало, когда он увидел ее волосы. Его она. Только его. И никому Вячеслав между ними стать не позволит.

Агния как-то неловко свернула ткань, сжала в руках, перебирая пальцами. Но на свой вопрос ответа он что-то не слышал.

— Бусинка, я тебя еще раз спрашиваю, ты с какого дуба рухнула, что решила на такую чушь деньги тратить, а сама голодная сидела?

— Ну, не голодная, что вы, совсем, — попыталась возразить малышка.

— Ты еще поспорь! Че я, не помню, как у тебя в холодильнике ни хрена не было, и ты даже чая себе купить не могла? Еще и от денег отказывалась, блин! — он даже по рулю хлопнул ладонью, опять начав заводиться. — Сколько ты сюда денег отнесла? — он глянул на нее в зеркало заднего вида.

Бусинка смотрела на пальцы, дергающие этот дурацкий платок. На него глаз не поднимала. И молчала

— Бусинка, — с предупреждением в голосе произнес Вячеслав.

— Две семьсот, — едва слышно буркнула она в ответ на это предупреждение.

— Сколько?! — Он не просто офигел. Боров даже обернулся, отвернувшись от дороги, уставившись на девчонку. — Ты что, вообще себе денег не оставляла?! Ты с голоду решила

подохнуть? Или просто дура?

— Вячеслав Генрихович! Мы же так врежемся!

Ого, теперь он видел разницу, Бусинка и правда испугалась. Так вцепилась в спинку его сиденья, что пальцы побелели.

Было б с чего. Он же не идиот, посмотрел сначала, что дорога пустая. И скорость у него черепашья.

— Тьфу на тебя, нашла когда бояться, — фыркнул Вячеслав, сев нормально. — Ты чего переполошилась так?

— Так ведь разбиться можно, Вячеслав Генрихович, — все еще испуганным голосом пробурчала малышка. — Врезаться в столб. И насмерть.

Он со смешком покачал головой.

— Не боись, малышка. Не пропадем. Сам подохну, тебе не дам, — со смешком пообещал Вячеслав, пытаясь ее успокоить. Подмигнул он Бусинке в зеркало. — Ты с темы-то не спрыгивай, давай, объясняй, как ты до фигни такой додумалась, и все бабки на это ухнула? — он повернул руль, заехав в ее двор.

— Не все. У меня часть была уже. Я раньше откладывала понемногу с каждой зарплаты. Ну, думала, вдруг вы меня уволите, или случится что-то, надо же, чтоб были какие-то деньги. Так что я не всю зарплату, не думайте. И мне хватало на все, и сапоги я же новые купила…

— Твою ж… — он оборвал себя, глянув на ее лицо в зеркале. Ну, что с ней делать? — Не всю зарплату. Бл…ин! Да, зато все, что до этого копила — спустила! И на что? А про сапоги, лучше молчи, вижу я, что ты купила, — скривился он. — Ради чего, Бусинка? Ты мне объяснить можешь, как ты до такого додумалась?! — Боров заглушил двигатель и обернулся к ней.

Она снова уставилась на свои колени.

— Ну, вы сами, наверное, в церковь не ходите, да? — непонятно, спросила или констатировала она, — а много всякого… — Бусинка закусила уголок губы. — Я не мешаюсь, не думайте. И ничего такого. Просто… профессия у вас, такая…вы много чего делаете. И делали, наверное, — бессвязно и путанно бормотала она, глядя на свои ладони. — Нет, я понимаю, что вы так… не знаю, ну привыкли, может. Или надо вам так, и вы не хотите иначе. Но и просто знать, а ничего не делать, я тоже не могу, Вячеслав Генрихович, поймите. Вы обо мне заботитесь, помогаете, поддерживаете. Ну, а я о вас, о том, о чем вы, может, и не думаете. И неважным считаете. Или не положено вам… Но ведь не так это. Вы не сердитесь только. Но это же ваша жизнь, ваша душа… И важно… Очень.

— Для кого важно?! — он даже голос повысил, пытаясь достучаться до нее, донести, что бред это.

А Бусинка упрямо сжала губы.

— Для вас, — решительно заявила она ему. — И для меня, тоже, — после небольшой паузы добавила его девочка, так и не подняв глаз.

Он даже не знал, чего ей сказать. Вот честно. И смех, и грех с его Бусинкой.

И обнять ее хотелось, в волосы зарыться, даже «спасибо» сказать, что вот так свою заботу о нем проявила. Что не пустое место он для нее. И думает, и беспокоится. И не просто так, как о знакомом, там. За Семена вон, непосредственного своего начальника, деньги в церковь не носит же. Только вот, зачем же так? Надавать бы по одному месту, чтоб головой думала перед тем, как сделать что-то. Девочка, девочка.

Вячеслав протянул руку и сжал ее ладони, заставив прекратить заламывать пальцы и глянуть на него.

— Бусинка, ты хоть понимаешь, что фигня это все? Не верю я в это. И ты прекрати дурью

голову забивать. Эти попы из тебя все деньги вытащат, обвинят во всем, чем только можно. И ты им еще по гроб жизни должна будешь. Лучше бы себе что-то купила. А ты… — он покачал головой. — Я ж, даже, не в курсах: крестили меня или нет, а ты и подавно. А деньги на ветер бухаешь. У них же своя мафия, левых не отмолят, а деньги с тебя все равно сдерут. Ну что ты, в самом деле, как маленькая? — постарался он донести основную идею как-то помягче. Чтоб не совсем расстраивать и не прямо сказать, что профукала она эти деньги без толку.

А Бусинка уставилась на него как-то удивленно. И не сказала ничего. Просто смотрела. Даже голову к плечу наклонила и чуть нахмурилась. Рот открыла, но ничего не сказала.

Боров сам решил выяснить, чего ее беспокоит, но тут во двор зарулил Федот, припарковавшись рядом с его машиной, и он вышел на улицу:

— Давай, выходи. Мы еще не закончили о глупостях твоих говорить, — велел он, правда, со смешком, и повернулся к Федоту, который закурил, не успев выйти из машины. — Я сейчас тоже поднимусь.

Вячеславу и самому пекло закурить. Он даже пачку уже достал, не задумавшись. И зажигалку.

Девчонка послушно выбралась из автомобиля, но продолжала все так же странно на него глядеть.

— Вячеслав Генрихович, — она вдруг остановилась между ним и Федотом.

— Что? — так и не решив, то ли рассмеяться, то ли серьезно отругать ее, спросил Боров, щелкая крышкой зажигалки, но еще не прикуривая.

— Вы что, правда, не верите в это?

— Ну? Не верю, дальше что? — Боруцкий вскинул брови.

— Совсем-совсем? — с явно слышимым недоверием переспросила малышка.

— Бусинка, ты оглохла, что ли? Говорю тебе, чепуха это, и развод на бабки.

— А в Бога верите? — все с тем же непониманием спросила она.

— Слушай, ты меня, вообще, слушаешь? — скривился Боров.

— Но… — Агния уставилась на него. — А как же тогда… — ее взгляд скользнул по нему.

И ни с того ни с сего, малышка вдруг начала краснеть, опустила глаза в землю.

— Что? — не поняв ее реакции, переспросил Боруцкий. Глянул на Федота, который с явным интересом и весельем наблюдал за этим цирком. Однако, не похоже, чтобы и друг что-то понимал.

— Ничего, — еле слышно выдохнула Бусинка, и вдруг пулей рванула в подъезд, так и продолжая пялиться себе под ноги.

А Федот вдруг закашлялся. Боров, до этого момента с непониманием глядевший девчонке вслед, перевел глаза на друга. Тот, похоже, откровенно ржал, только пытаясь скрыть это за мнимым кашлем.

— И что смешного я пропустил? — вновь начиная раздражаться, холодно уточнил он.

Блин, и курить расхотелось. Он сердито сунул пачку в карман, продолжая ждать ответа от друга и щелкать крышкой зажигалки.

Но Федот не смог ничего внятно ответить. Только головой замотал. Даже про тлеющую сигарету забыл, пытаясь подавить хохот, и начал матерился только когда пепел ему на пальто посыпался. Но и то, продолжая смеяться.

— Блин, Андрюха, я тебя сегодня все-таки прибью, — честно пообещал Вячеслав. — Достал ты меня. Нарвался по-крупному. Сейчас вернусь — договорим. Советую подумать, и все вспомнить.

Зло глянув на друга, Вячеслав пошел в подъезд следом за Бусинкой.

— И чего это было? — догнал он ее у дверей, когда малышка раздраженно и нервно дергала

ключ в замке.

— Заедать стало, — с тяжким вздохом пожаловалась она, но к нему не обернулась.

— Я о твоем вопросе и бегстве, — напомнил Боров. Отодвинул девчонку и сам провернул ключи. Толкнул двери, мысленно согласившись, что замок фигачит. Тут и так, той двери: что есть, что нет при умелом обращении. А с таким замком… — Надо поменять.

— Да, — кивнула Агния, не дав ему договорить. — Я завтра же слесаря вызову.

Она заскочила в квартиру и, сбросив куртку и сапоги, метнулась к себе в комнату. Чет, разговор не очень клеился, по ходу. Вздохнув, Боров пошел за ней.

— Слышь, Бусинка. Давай, договоримся. Прекращай это дурное дело. Больше никаких церквей, попов и денег. Нечего тратить…

— Нет.

Она сказала это достаточно громко и решительно, чтобы заставить его замолчать и глянуть на нее с удивлением. Агния уселась на диван, отвернулась к окну. И всем видом демонстрировала упрямство.

— Что значит «нет»? — хмыкнул Боруцкий. — Ты не будешь больше тратить свои деньги на эти глупости. Ясно? Спасибо, конечно. Но это не обсуждается, малышка. Лучше купи себе чего-нибудь. Хотя бы нормальные сапоги. Или серьги еще одни, а то так все те же и таскаешь. Вот, — он отложил зажигалку, которую все это время вертел в пальцах, на стол и достал бумажник, не считая вытащил несколько крупных купюр.

— Нет! — она не просто поднялась, Агния вскочила на ноги. — Я не возьму у вас денег, Вячеслав Генрихович, и я вам это уже говорила! — с реальной злостью заорала она на него. — Вот, взрослый человек, вроде бы, а не хотите меня понять! — Бусинка глянула на него с обидой. — Я относила *свои* деньги! Те, которые заработала! И не надо мне ничего давать!

Воспользовавшись тем, что он слегка оторопел, не ожидая от нее такого напора и крика, девчонка оттолкнула его ладонь с деньгами.

— Так, Бусинка, прекращай. Поигралась, и хватит. Я все услышал и понял, что ты серьезная и гордая, но теперь, давай нормально, — Вячеслав нахмурился. У него и так настроение «не фонтан» было. А она еще и спорит с ним, когда сама глупостей натворила. — Ты три штуки на ветер спустила. Ладно, бывает. Может, научишься чему. Но на голодном пайке сидеть — хватит!

— Нет! И это не глупости! — ничуть не сбавив тон, девчонка еще и скрестила руки на груди. — Я ходила в церковь, и буду ходить. И жертвовать мне за вас деньги или нет — это мое дело! Я же не говорю вам, что бы вы перестали… — несмотря на всю ее злость, Агния глянула на него с растерянностью и печалью. — В общем, то…, ну, что вы делаете.

— Да, херня все это, неужели ты не видишь, блин! — он разозлился. Может, и не отреагировал бы так в другой день, но именно сегодня, когда уже всё и все достали. Причем не из-за ее намеков завелся, сам ведь сколько раз говорил ей, чтоб серьезно воспринимала, куда лезет, а из-за того, что малышка спорила. Уже ж был опыт, и че? Разве в прошлый раз она сама не признала потом, что он был прав? — Ты меня еще и учить будешь, что глупость, а что нет?! В прошлый раз не поняла? Я в два раза больше тебя прожил, и уж где глупость — разбираться умею. Не тебе меня учить. А то, что ты делаешь — таки конкретная глупость, Бусина.

— Я не собираюсь это обсуждать, — вдруг заявила она и снова села на свой диван, — это мое решение и мое отношение. Вас это не касается. Вы — старше, умнее, опытней — вот и живите, как знаете, — девчонка буквально цедила это сквозь зубы. И ручки свои в кулачки сжала, смешная. — А я буду делать то, что считаю правильным.

Боров ошалел от такого демарша и ее упрямства.

— Агния, ты бы попустилась немного, а? Я тебе не твоя преподша, и давлю не потому, что заработать на тебе хочу. Блин, было б мне все равно — да, гуляй себе на здоровье, хоть тем попрошайкам перед церковью все раздай, хоть в казино проиграйся — слова бы тебе не сказал. Но мне ж не по фигу! Я же о твоем здоровье, в конце концов, забочусь! — он и не заметил, когда сам начал на нее орать.

Впрочем, по ее взгляду не было видно, чтоб малышка испугалась. Скорее, раззадорилась еще больше.

— Значит, вам можно, а мне нельзя? — все еще сквозь зубы заявила она ему.

— Что нельзя, мать твою так?! — Вячеслав уже просто не выдерживал. — Тупить? Глупости делать? Блин, ты ж умная, Бусинка, сама головой подумай!

— Я и думаю! — Агния снова вскочила на ноги. — Все время об этом и думаю! И о вас забочусь, если вам самому наплевать! А мне не безразлично!

— Ну, елки-палки! — не выдержав, Вячеслав со всей дури хлопнул кулаком по столу.

И только ударив, понял, что попал не по столешнице. Рука ощутимо приложилась о зажигалку, ту самую, что Агния ему и подарила. Зажигалка подскочила от этого удара, стоило ему отдернуть руку, со звоном свалилась на пол, ударившись о ножку стола. И развалилась на две части. Корпус выдержал, а вот крышка отлетела.

— Мать твою так!

У него даже злость улеглась, когда он на выражение лица Бусинки глянул. И внутри горечь плеснула. Поговорили, блин.

Малышка молча посмотрела на две половинки своего подарка. Как-то потерянно моргнула, разом потеряв весь свой запал и колючесть. Распрямила руки, опустив их «по швам». И отвернулась от него.

— Слушай, Бусинка… я не хотел. Бл…! — Вячеслав присел на корточки и подобрал зажигалку. — Серьезно, — он понятия не имел, что она сейчас думает.

Обиделась? Или просто, как и он сам, перегорела со своей злостью?

— Я буду ходить в церковь, Вячеслав Генрихович, при всем моем уважении к вам и… — она замолчала. И пошла к двери, так и не обернувшись на него. — И не надо отца Игоря трогать, пожалуйста. Никак. Я вас очень прошу. Он хороший человек и искренне старался мне помочь. Не стоит из-за этого ломать ему ноги или вроде этого. Пожалуйста. И двери за собой захлопните.

Все это, даже просьбу, его Бусинка произнесла отстраненно и холодно. Ровно. Без малейшей эмоции в голосе. После чего просто вышла из комнаты.

А Боров пару мгновений конкретно тупил, пытаясь понять намек про ноги. Откуда она про пацанов знает? В консерватории слышала? А с ним как связала? И не сказала ведь раньше ничего.

Еще через секунду, он точно для себя решил, что размажет Федота по стенке и никакая дружба или былые заслуги того не спасут.

А еще через мгновение, когда он поднялся и собрался найти малышку, точно не собираясь уходить на таком обрыве разговора, еще, по ходу, и обидев ее, в квартире зазвучала музыка. Живая. Похоже, Бусинка играла на пианино. Точно, Семен же как-то говорил, что она умеет. Только раньше Боров тут что-то никакого пианинА не видел. Правда, была в квартире комната, куда он так ни разу и не зашел.

Сжав в кулаке две половинки разлетевшейся зажигалки, Вячеслав двинулся в сторону комнаты умерших родителей Бусинки, по усиливающемуся звуку понимая, что выбрал верное направление. И совсем для него неожиданно, уперся в дверь. Закрытую изнутри. Честно говоря, вот именно сейчас, когда внутри был гремучий коктейль из раздражения, злости и какой-то вины перед

малышкой, запираться от него было не самым умным решением с ее стороны.

Боруцкий одним рывком распахнул дверь, сорвав защелку. Малышка действительно сидела за пианино и играла какую-то заунывную мелодию. На него она не глянула, проигнорировав даже хруст, с которым задвижка отлетела от наличника.

— Не смей от меня закрываться! — раздраженно проворчал он. — Тем более, когда мы говорим.

После короткой паузы Бусинка кивнула, продолжая играть:

— А мне кажется, что мы договорили.

Он аж скривился, словно кто-то гвоздем по стеклу царапнул. Приблизительно так он всегда реагировал на придушенные слезы в ее голосе.

— Слышь, Бусина, я и правда, не спецом, ну вышло так с зажигалкой. Прости, — он подошел к ней впритык, почему-то не решаясь провести ладонью по волосам малышки, хоть хотелось жутко.

— Ничего, — тихо ответила Агния, передернув плечами. — Видно, мне вовсе не стоило ее вам дарить. Одни проблемы с этой зажигалкой. Не зря, наверное, тогда и забыла. И зачем она вам? Вы и сами себе лучше купите или найдете. Глупый подарок. И зажигалка… глупая.

Она говорила так, словно, вообще, не при делах тут была. Полностью от него отстранившись. Как посторонний человек.

Ну что ему сделать? Встряхнуть ее, как хотелось? Заставить понять, что он же о ней, действительно, больше, чем о ком-то еще на свете, беспокоится? Поцеловать, наплевав на все? И с зажигалкой этой, так по дурному вышло!

— Бусинка…

— Не трогайте отца Игоря, пожалуйста, Вячеслав Генрихович, — не дав ему ничего сказать, тихо повторила она свою просьбу.

Его конкретно все задолбало. Вся эта церковь, и этот конкретный священник. Забыв все, что хотел сказать, Вячеслав снова саданул кулаком, правда, в этот раз по стене, чтоб уже ничего не задеть, в своем желании разбить кому-нибудь морду.

И вслух выругавшись, пошел отсюда. И из комнаты, и из квартиры, опасаясь, что может сказать или сделать то, чего она ему потом не простит, или о чем он будет слишком жалеть.

Она играла еще минут пять после того, как за Боруцким захлопнулись двери, больше по инерции, чем от желания, наверное. Как-то неосознанно отмечая, что инструмент расстроен и следовало бы вызвать мастера. Так много надо было сделать, когда только? А через три часа в ресторан. И надо будет петь, игнорируя всю обиду и боль, которой отчего-то скопилось внутри слишком много, даже чересчур.

Пальцы Агнии замерли над клавишами, и в квартиру вернулась тишина.

Агния не собиралась плакать. Видно уже сил просто не было, хотелось вернуться в свою комнату и свернуться клубочком на кровати. Но вопреки этому желанию, она пошла на кухню и поставила чайник, краем сознания отметила, что даже не вспомнила предложить чай Вячеславу Генриховичу. Так все спонтанно и глупо вышло.

От этого стало еще муторней на душе. Несмотря на все свое несогласие с его требованиями, эту нежданную ссору, несмотря на обиду, что он так небрежно обошелся с ее подарком — она испытала укол разочарования, что не провела с ним чуть больше времени. Тихого и спокойного.

Однако, решив не думать об этом сейчас, достала из шкафа коробку конфет, которые думала вручить Лене в качестве новогоднего подарка. Соседка до сих пор не появилась. То ли у родных в пригороде задержалась, то ли еще что. Агния решила, что конфеты как подарок уже неактуальны. А

в случае чего, хватит и свечи. А вот ей самой сейчас шоколад не помешает, чтобы как-то собраться с силами и морально подготовиться к работе.

Видно Федот знал его достаточно хорошо, чтобы, когда Вячеслав вышел из подъезда Бусинки и молча сел за руль своего автомобиля, уже не спорить и не спрашивать, а поспешно затушить сигарету и выехать из двора следом. А Вячеслав не рискнул устраивать разборки на месте. Хоть искус был очень, очень велик. Но он отдавал себе отчет в том, что сейчас зол настолько, что может тупо покалечить друга. Даже если тот ответно врежет ему. Еще поубивают друг друга, совсем весело станет, блин.

Пытаясь хоть как-то согнать всю свою злобу, он сильней и сильней вдавливал педаль газа в пол, гоня автомобиль без какой-либо особой цели. Выругался вслух, резко дернув руль в сторону и едва успев объехать пацана, неясно за каким лядом выскочившего именно в этот момент на переход.

Через пять минут машина буквально вылетела на пустырь за его вторым клубом, которым обычно управлял Федот. Резко, со скрипом затормозив, Вячеслав дернул дверь и выскочил наружу.

Что-то его не попустило. Прибить кого-то все равно хотелось так, что руки чесались. И кандидат достойный имелся…

Автомобиль друга показался меньше чем через двадцать секунд, показывая, что и тот держал приличную скорость. Вячеслав даже сигареты еще не вытащил. Достав пачку, он исподлобья глянул на Федота, вышедшего на улицу.

— Говори, — отрывисто велел Боров до того, как Федот успел начать что-то спрашивать.

Друг помедлил только пару секунд.

— Я ничего твоей Бусине не говорил тогда, — сдержанно начал Федот.

Боров с явным недоверием поднял брови и все так же тяжело глянул на друга. Опустил глаза на разбитую зажигалку, которой собрался прикурить сигарету, и помрачнел еще больше.

— Слушай, я не знаю, чего там и как было, ясно? — Федот выставил перед собой ладони. — Я просто пустил ее в клуб и ушел. Все. Остальное — это уже к тебе вопросы.

Боров заковыристо выругался.

— А какого хрена врал, когда я спрашивал? — Вячеслав подошел к Федоту впритык. Но не позволил даже сказать ничего в ответ. — Какого хрена придумывал?! — ухватив Федота за шею, он резко дернул, вжав его щекой в крышу машины.

— Ты знаешь мое мнение, Боров. Эту ситуацию надо разрулить, пока все не отгребли по полной из-за того, что ты с катушек слетел. «В обчем, дело принимает социяльный оборот!», — не особо внятно из-за положения, проворчал друг.

Боров встряхнул его сильней.

— Я сейчас с катушек слечу! Так слечу, что тебе мало не покажется, — пообещал он, пытаясь хоть приблизительно представить, чем именно обернулся такой поступок Федота.

Куда Бусинка заходила? Видела его или нет?

— Бл…! — он вновь припечатал Федота мордой в машину. — Ну, кто тебя просил, сука? Ты хоть понимаешь, что я там не в крестики-нолики со шлюхой играл. Блин, убить бы тебя, Федот! — Вячеслав в сердцах толкнул друга, так, что тот, матерясь, смачно приложился носом о стекло своей машины.

Отвернулся, отпустив Федота, и жестко провел по лицу и волосам ладонью. А потом резко развернулся, и со всей дури ударил ногой, правда, не этого придурка, как хотелось, а крыло его машины, вогнув металл.

— Боров, Блин! Теперь же рихтовать придется! — начал было возмущаться Федот.

— Тебе сейчас себя рихтовать придется. По кускам сшивать будут, — искренне пообещал Боров сквозь зубы.

Несложно было понять, что именно могла видеть Бусинка, если хоть немного вспомнить ее поведение. Все эти непонятки с прикосновениями и поцелуями, после того, как все, вроде, было уже на мази.

Боров стал выставлять это условие, когда понял, что настырные и приторно-искушенные касания и откровенные лизания шлюх его не просто не заводят, а бесят. Они настолько отличались от робких и несмелых прикосновений пальчиков его Бусинки, что не давали ему ни одного шанса хоть как-то представить, что он со своей девочкой.

Потому ли она перестала приближаться к нему?

И зажигалка, эта долбанная зажигалка, о которой она сожалела, что подарила. Упоминание, что от той одни неприятности…

— Боров, ты зря на нее дунуть боишься, девчонка свернулась на тебе, не меньше, чем ты на ней. Ну, может не так, — исправился Федот под его разъяренным взглядом, вытер ладонью кровь, сочащую из рассеченной кожи на скуле, — но тоже не слабо. Ей просто надо показать, донести, чего ты еще хочешь, кроме всей этой белиберды с чаем и болтовней…

— Прибить бы тебя, стратег хренов, — Вячеслав хрустнул кулаками, испытывая желание снова заехать Федоту, только теперь в нос. Или в другую скулу, для симметрии. — Она глянуть на меня боится теперь. Ты че, думаешь, я со шлюхами миндальничаю или церемонии развожу? Или в комплиментах рассыпаюсь, что ее туда отправил? Падла! — Он еще раз саданул ногой по машине.

— Да она и пробыла то внутри минут десять, не больше, — попытался утихомирить его Федот, — чего ты… Хотя, наколку точно видела, судя по ее сегодняшнему поведению, — у него еще и хватило наглости ухмыльнуться разбитыми губами.

— Ты еще и засекал?! — Вячеслав скривился он злости и замахнулся, но в последний момент чуть ослабил свернул, все-таки заехав этому умнику по уху. Хоть и по касательной. — Сука ты, Федот. Самая настоящая.

Вячеслав отвернулся от друга, трясущего головой, и попытался понять, что могла думать по этому поводу Агния? Что почувствовала, даже если только часть увидела?

И не мог. Себя попробовал на ее место поставить, и не вышло, чуть с катушек вообще не слетел. Он убил бы, если бы кого-то не то, что с ней, а просто рядом увидел. Голыми руками задушил бы.

Ее с другим…

Он не знал, смог бы вынести, если бы его девочка пошла бы к другому. Просто не знал, и не хотел сейчас размышлять о таком варианте.

Надо было думать, как исправить то, что Федот наворотил своими гениальными идеями.

И ведь ни слова ему не сказала, партизанка. Вообще ничего, ни одного намека. Блин, он не представлял, как она могла так выдержать? Ребенок же, и он всегда сек, когда она врала… Хотя, и сейчас ведь нутром подвох чуял.

Но, может, все же, не видела ничего такого? Ну, просто там, засекла, как он уходил с девкой? И все…

Ага, надеются только придурки, особенно если есть веские факты в пользу того, что она видела куда больше.

Как он ее не увидел? Как, вообще, проворонил дверь? Нежели, настолько был на пределе и взведен?

Он прижал костяшками виски, начав ощущать ломоту и тупое опустошение в голове. Надо было быстро придумывать, как это все исправлять, а в голову, западло, ничего не шло.

— Слышь, Боров, да ладно, по ходу, Бусина твоя, не особо и струхнула. Не убежала, не прячется вон от тебя. Грехи отмаливать ходит, как и раньше…

— Ты про сопляков тех, какого хера ей растрепал? — Даже без злости уже, спросил он, опершись на капот машины Федота.

— А что, девчонка должна знать, что к чему, Боров. Всем проблем меньше будет. И ведь не струхнула, глянь. Она не просто за тебя, она на тебя молиться готова, — друг привалился к капоту рядом с Вячеславом, пытаясь полностью стереть кровь рукавом пальто. И кривился при этом от боли. — Да и потом, не такая уж и малявка она, ну че ты, не объяснишь, не покажешь? Не думаю, что Бусина ломаться бы начала, — Федот ухмыльнулся, и тут же ругнулся, когда из угла рта вновь принялась сочиться кровь. — Всю морду разбил, блин.

— Скажи спасибо, что ребра целы и почки не отбил, — огрызнулся Боруцкий, не повернувшись к другу.

Он уже думал о другом. О том, что надо как-то поговорить с Агнией и точно выяснить все, что и как? Хотя, чет Боров слабо себе представлял, как спросит у малышки, видела ли она его со шлюхой? Он в данный момент не мог вообразить, с какого боку к такому вопросу подступить. Или просто и незатейливо — спросить открыто? А как объяснять, почему вообще, все это было. Не, ясно, что она не с Луны свалилась, и в вопросах пестиков-тычинок че-то, да сечет. И, небось, сделала какие-то свои выводы.

Но…

Ведь не нужные ему, по большому счету, все эти девки. Он свою Бусинку хотел. Хотел так, что внутренности узлом сворачивало. Так, что просто боялся ей боль причинить, не сдержаться, потому и пытался хоть как-то снять напряжение. Да и не уверен был, что девочка его готова к подобным желаниям с его стороны.

Хотя, если глянуть на ее последние поступки и принять во внимание слова Федота…

Может Боров, и правда слишком зациклился на том, что она дите? Это ведь не постоянное состояние. И Бусинка его растет. Вон, как сегодня его за двери выставила. И не дрогнула же, блин. Еще и священника своего потребовала оставить в покое.

Вячеслав невидящими глазами смотрел на руки, сжатые в кулаки, не замечая припухшие костяшки пальцев.

С другой стороны, весь этот бред с деньгами и церковью можно было и по-другому ведь объяснить. Может она его кем-то, типа отца своего стала считать. Ну, приемного. Вот и поступает так…

«Для меня имеет значение»

Ее слова зазвучали у него в голове, словно Бусинка стояла тут и сейчас их ему говорила. Боров даже зажмурился, так ему хотелось, чтобы она именно тот смысл вкладывала, которого он от нее столько ждал. Черт, ведь не просто же так было все то, что она давала ему почувствовать и понять до этого треклятого случая с ее подарком и его тупым проколом!

Вячеслав честно мог признать, что не знал, как поступить. Однако решил, что, несмотря на это, все же поговорит с ней вечером. По любому.

Однако все его намерения и твердые желания пошли прахом. И вовсе не по его вине или от того, что Боров вдруг очканул. Бусинка отказалась с ним говорить. Вообще. Он ее даже не увидел при этом. Как дурак, просидел два часа, слушая ее выступление и сжимая руки из-за того, как

отличался сегодня ее голос от привычного. Не было пения, наполненного силой и удовольствием от того, что она делает. В этот вечер Агния заставляла себя петь. Вячеслав слышал это. Чувствовал. Ощущал. И недоумевал, серьезно, не мог понять, почему другие не замечают этого. А ведь никто вокруг, похоже, и правда, не видел разницы. А ему будто по живому жилы тянули. Видно совесть и собственная накопившаяся вина за все — замучили. И за то, что не выяснил еще, и за сломанную зажигалку, и просто, за то, что довел малышку до такого настроения.

Блин, Боров не привык терпеть грызню собственной совести, и нельзя сказать, что сейчас ему это было в кайф.

Но от этого его успешно отвлекло появление Семена, на лице которого, пожалуй, впервые за все эти годы, что администратор работал на него, Боров заметил проблеск какого-то выражения. То ли неуверенности, то ли смущения.

Причина этого стала понятна тогда, когда администратор озвучил итог своего общения с Агнией, во время которого, как и десятки раз до этого, должен был просто передать малышке, что Боров зовет ее поужинать с ним.

Бусинка отказалась. Даже не сама пришла, а через Семена передала, что сильно устала и не хочет заставлять ждать Вову, который уже пришел. И сегодня она никак не сможет поужинать с Вячеславом Генриховичем. Может быть потом, если он еще будет так добр, что пригласит ее…

Что ж, хоть стало ясно, чего Семен «так» переполошился. Не привык хозяину плохие новости приносить, тем более зная характер Борова.

Впрочем, и в тот момент Вячеслав не собирался ее так отпустить. Фиг ей, она смоется. Они поговорят, и точка. Именно с этим намерением он и двинул в подсобные помещения, собираясь перехватить Бусинку до того, как малышка улизнет.

Но совсем позабыл о своем намерении, когда проходя мимо бильярдной, увидел потрепанного Федота, который приплелся в ресторан следом за ним. Типа, для моральной поддержки. А по ходу, как подозревал Боров, чтоб уж точно никто уже его ни в чем не заподозрил во время этой беседы: «типа вот он, глядите, никаких больше схем и козней».

Только вот сидел Федот в бильярдной не один. Перед ним стояла Бусинка. Определенно сердитая. Вячеслава всегда смешили эти поджатые губы и нахмуренные брови. Больно уж непривычно смотрелось такое выражение на лице его малышки. Особенно когда она еще кулачки сжимала. Ну, моська против слона, ей-Богу. Федот, может, Борову в росте и уступал, но Бусинки был выше на голову точно. Да и крупнее, шире в пару раз.

Впрочем, сейчас Вячеслава больше интересовало, с какой это стати с ним разговаривать девочка отказалась, а вот с Федотом базарила?

Хотя, пару секунд спустя, он ясно увидел, что разговором тут и не пахло. Когда Агния, что-то гневно высказывая его другу, а тот неуверенно поглядывал то на саму девчонку, то на Борова, которого уже засек в дверях. И тут малышка со всей дури запустила в Федота каким-то пакетом, который до этого держала в руках. Развернулась с такой злостью, что даже растрепанная коса, казалось, гневно хлопнулась на ее плечо. На секунду утратила это выражение, растерявшись, когда увидела Вячеслава в дверях. Моргнула и как-то так дернулась, что ему захотелось ее обнять, прижать к себе.

Но тут же на ее лице появилось то непривычное отстраненное выражение, которое Вячеслав впервые увидел сегодня днем. И от которого у него, сказать по правде, сводило челюсть и начинало дергать мускул на виске.

Так ничего и не сказав ему, Агния отвернулась и шустро прошагала в сторону другой двери.

— Так, стоп. Нам надо поговорить, — попытался притормозить ее побег Вячеслав.

Но девчонка даже не споткнулась:

— Извините Вячеслав Генрихович, меня Вова ждет, — не оборачиваясь, бросила она с порога таким тоном, который, очевидно, должен был дать ему понять, что говорить она, ну никак не хочет.

— Лысый переживет. Я тебя отвезу, — начиная заводиться, Боров двинулся за ней.

— Не надо, у вас своих дел полно, я уверена, — заявила она и захлопнула дверь за собой.

Офигевший от такого поведения, совсем не свойственного девчонке, Боров удивленно глянул на Федота, который так и не встал за эти пару минут. Друг тоже казался слегка ошалевшим. И только теперь Боров увидел, что друг мокрый. А на полу около стула, на его одежде, и даже в волосах Федота блестят кусочки льда, тая и стекая ручейками воды по разбитой морде. И не было похоже, чтоб это друг так себе боль облегчал. Или что ему пришлась по вкусу ухмылка, против воли появившаяся у Борова.

— Это че? Это малышка тебя так? — недоверчиво, хоть и со сдерживаемым смехом, уточнил Вячеслав, только теперь доперев, что за пакет держала Агния.

— Знаешь что? — вдруг зло вспылил Федот, кажется, даже обидевшись. О-па. С кем поведешься… Ну, прям детский сад. — Вы оба — чокнутые. Достали вы меня, вот так! — он выразительно провел ладонью у себя по горлу. — Сами разбирайтесь в себе, и в своих свихнутых мозгах. С меня хватит.

Поднявшись, Федот поплелся к выходу, вытирая с лица и шеи капли. Да уж, день у него выдался не фартовый, это точняк. Но и не самый худший, как казалось Борову. По крайней мере, Федот был живым и плелся на своих двоих.

Еще раз глянув в сторону двери, за которой смылась Бусинка, он взвесил все «за» и «против», и решил дать ей сегодня передохнуть. Пусть утихомирится. Ясно, что они днем повздорили прилично, да и обидно ей еще, наверное. Вряд ли малышка будет готова сейчас идти на диалог.

Завтра поговорят. Не отвертится.

Глава 22

Даже забравшись в кровать и устроившись на подушке щекой, Агния еще не успокоилась. Была бы возможность, еще раз бы запустила в Федота этим пузырем со льдом. Или нет, лучше бы ударила его этим самым льдом. Такая возможность, и проворонила. Эх!

Да, грешно было так думать.

Но как же этот Федот ее злил, слов просто нет. Она не могла простить ему постоянное вмешательство в свою жизнь. То, что своими непонятными поступками он снова и снова причинял ей боль. Ну, за что он ее так не любит?!

То цеплялся непонятно из-за чего, то с этим клубом…

Агния перевернулась на другой бок, прогоняя из разума тут же всплывшие картинки, от которых становилось дико больно, а в душе клубком свернулась ревность.

И в церковь Вячеслава Генриховича именно Федот привел. Зачем? Ничего не говорил, а тут…

Но, разумеется, Агния не собиралась на него нападать. Даже разговаривать не думала. Господи, в тот момент ей хватало проблем, и она так старалась быстрее покинуть ресторан, чтобы Вячеслав Генрихович не успел ее перехватить. В том, что Боруцкий не смирится с ее отказом поужинать с ним, она почти не сомневалась. Только сама Агния не хотела этого. Она злилась. Да, эта эмоция была преобладающей у нее сегодня вечером. И на Вячеслава Генриховича злилась, не только на Федота. За то, что он видел в ней лишь ребенка, за то, что кричал, и не понял, как важно для нее вносить пожертвования о его спасении, наверное, и за то, что не оценил этого поступка (хотя тут, конечно, говорило тщеславие, а это грех, и Агния старалась от него как-то отрешиться). Ладно, она изначально не собиралась сообщать Вячеславу Генриховичу о том, что делает, тут и сожалеть не о чем.

А вот из-за зажигалки она обиделась сильно. Ведь он знал, как она старалась, выбирала ему этот подарок! Знал. А так небрежно отнесся к нему. Видно, не оценил.

Лучше бы Агния, и правда, ничего ему не дарила. Не было бы повода сердиться теперь. А так как она не представляла, как сумеет сидеть с ним рядом, будучи настолько обиженной и злой, и еще отвечать на какие-то вопросы — вопрос ужина отпал для нее сам собой.

Только вот, совпало же так, что пробегая через бильярдный зал, Агния столкнулась с Федотом. Что этот сегодня тут забыл? Впрочем, когда Агния присмотрела к другу Боруцкого, ее злость на него даже поутихла. Уж больно «живописно» смотрелся Федот со всеми этими синяками и следами побоев на лице.

И, прости Господи! Но немалую роль в том, что гнев Агнии немного угас, сыграло ее удовольствие от того, что кто-то все-таки сделал то, на что ей сил не хватало. Потому, уже не настолько сердитая, она и предложила помочь. Видно же было, что лед в пакете, который Федот прикладывал к опухшему, наливающему багрянцем лицу, уже почти растаял. Подозревая, что лицо могло оказаться не единственным местом на теле друга Вячеслава Генриховича, которое пострадало, и поход на кухню за свежим льдом может оказаться для него болезненным, Агния предложила принести новый. Даже про мазь вспомнила, которую точно видела в аптечке на кухне.

Федот на это одарил ее таким хмурым взглядом, что Агния даже растерялась:

— Ты, того, иди, куда шла. Или тебе больше всех надо? — проворчал он, раздраженно отбросив пакет на бильярдный стол, о который опирался одной рукой.

Агния опасливо покосилась на пакет — вдруг не выдержит? Лопнет? Но нет, все было нормально.

— Нет, не больше всех, — Агния безразлично пожала плечами, — но мне не сложно помочь. Я же не знаю, может вам самому трудно дойти до кухни. А там уже одна вода, практически, — она подняла отброшенный пузырь, как бы подтверждая свою мысль.

— Слушай, ты тут святошу прекращай мне строить, — Федот тяжело уронил кулак на стол. — Типа я не знаю, что тебе не с чего мне помогать, — он хмыкнул. — Мы с тобой оба в курсе, что к чему, так ведь, девочка? Думаю, была б сильнее, сама бы попробовала мне морду начистить у того клуба, — он глянул на нее с иронией и насмешкой.

Агнию как-то даже переклинило из-за этого взгляда. И все, что накопилось за последние дни, плеснулось внутри горячей и гневной волной, вовсе для нее несвойственной.

— А знаете, вы — правы! — Агния глянула на Федота со всей своей злостью и раздражением. — А вот на роль святой — никогда не претендовала. Если у вас не хватает ума понять воспитанность и человеческое отношение — это ваши проблемы! Сидите здесь сами и дальше себя жалейте! Может, меньше будете лезть туда, куда вас не просят! И что у вас за проблема такая, с визуализацией? Что же вы лезете, куда вас не просят, и все всем стремитесь показать?! — она разошлась так, что уже не обращала внимания на растерянность, появившуюся на лице оппонента. Если он не в состоянии ее понять — его проблемы. И о том, почему Федот ей отпор не дает, даже не задумалась. — И да, была бы у меня возможность, я сама бы хорошенько побила вас за все это. Очень рада, что у кого-то силы все же хватило! А так — не нужна вам помощь? И не надо! Идите за льдом сами! — и совсем уже войдя в раж, она со всей силы запустила в него тем самым пакетом, который все это время держала в руках.

Вот, честное слово, даже не думала о таком. Ну, вышло так, просто. Случайно.

Но как же ей стало хорошо на душе. Грешно, она понимала. Но так хорошо.

Особенно когда пакет лопнул, и вся эта вода с остатками льда начала стекать по лицу и волосам Федота. Холодно ему, наверное… Да.

Агния тогда развернулась, собираясь уходить, помощь то ее тут никому не нужна. А в дверях Боруцкий. Она совсем не ждала его увидеть. Отвлеклась.

Агния не совсем поняла, что значило выражение лица, с которым Вячеслав Генрихович смотрел на нее. И разбираться сейчас — не хотела. Вдруг стало стыдно, что он увидел эту ее вспышку. И в тоже время, не было стыдно. Она живой человек, в конце концов, и имеет право злиться. Тем более если они совершенно бессовестно доводят и обижают ее.

Ведь и Федоту, несмотря ни на что, она искренне собиралась помочь.

Потому и сбежала Агния, не послушав Вячеслава Генриховича. Может это еще и аукнется ей завтра. Или позже. Но сегодня она, совершенно точно, не хотела с ним говорить. Ни о чем.

Боров никогда не думал, что его можно вывести из себя настолько. Причем, что это удастся сделать кому-то такому… мелкому и тихому. Хотя, если вспомнить последние выбрыки в поведении Бусинки, не настолько уж девчонка оказалась и тихой, а? И упертой.

Блин, его и самого было не так просто свернуть с пути или заставить сделать то, что Боров не собирался. Но Бусинка, как оказалось, вполне могла составить ему в этом конкуренцию.

Он не мог с ней поговорить! Просто не мог. Девчонка решительно пресекала все его попытки. И если честно, Вячеслав был уже близок к тому, чтобы ей хорошенько всыпать. Не буквально конечно. Поразмыслив об этой идее секунд пять, он так и не смог представить, что у него поднимется рука на малышку. Но должен же был существовать какой-то метод воздействия на нее!

Вот, честное слово, Боров даже не думал, что может возникнуть подобная проблема с его Бусинкой. И нельзя сказать, что девчонка играла с ним в «молчанку». Нет. Она разговаривала с

Вячеславом. Но вот, почему-то, все время не о том, о чем он заводил речь. Малышка перепрыгивала с темы на тему, тараторя так, что он слово не успевал вставить. А если Вячеслав ее обрывал — тут же вспоминала, что куда-то торопится или уже опоздала. И убегала от него, смотря при этом с такой обидой и грустью в глазах, хоть и пыталась замаскировать той отчужденностью, что у него язык не поворачивался ее остановить. И его это уже выбешивало.

Доходило просто до абсурда. Особенно после того, что вчера малышка снова поперлась в свою церковь. Открыто бросив ему вызов, после того, как Вячеслав, узнав об этом, внятно и доступно сказал, чтобы она даже не думала ходить. Агния напялила тот гребаный платок, который ему хотелось порвать на кусочки и, задрав голову так, что ему даже стало любопытно, не споткнется ли, прошагала так все это недалекое расстояние. Ясень пень, он увязался за ней. Должен же был Вячеслав увериться в том, что с ней там ничего не случится? Как бы тупо даже для него самого не звучала такая отмазка. С ним она значит в безопасности. А в церкви — нет. Ха.

И все-таки, он поперся с ней и проторчал под церковью полчаса, которые Бусинка провела внутри. Сам Вячеслав не заходил, и так слишком раздраженный, а оттого, не уверенный, что удержится и не стукнет священника. Тогда Агния еще больше на него обидится. А он и сейчас не придумал еще, как к ней подступить. И он не начал выпытывать, чего она там столько проторчала. Фиг вам. Он лучше сдохнет, чем спросит.

И все равно, не так, дык эдак, нервы у него сдали, и когда она после церкви попыталась от него улизнуть, просто поймал малышку, устав от ее постоянных забегов. Крепко прижал к себе, зарывшись лицом в волосы, с которых сдернул бесивший его платок. Он уже даже не пытался скрыть свою потребность в ней. Нет, не брал ничего. Просто обнял.

Бусинка не оттолкнула его. Не вырвалась. Но ее руки не обняли его в ответ. Хотя, мать его так, он точно чувствовал, как сильно она прижалась лицом к его груди. Как вся к нему прилипла.

Боров уже даже рот открыл, чтоб начать разговор. И начхать, что они стояли на улице, посреди ее двора. Так нет же, черт принес ее соседку. Агния тут же отошла. А эта бабка, соскучившись за время праздников, проведенных у сына, никак не хотела уходить, будто не видя, что он реально готов придушить ее прямо здесь. И Агния, вновь что-то пробормотав про работу и необходимость торопиться, смылась от него.

Короче, Боров вполне созрел, чтобы банально закрыть ее в комнате и наконец-то заставить с ним поговорить. Он подозревал, что поначалу она может не прийти в восторг от подобной идеи, но в итоге его малышка расколется, выхода-то другого не будет. Ну а что ему оставалось, чтобы наконец-то прояснить все?

Агния пыталась заплести косу, но волосы не желали слушаться. Или она устала. И сильно дергала, нервничая и раздражаясь. Надо было поглубже вздохнуть и успокоиться. Еще раз расчесаться и заплести по новой. Но не хватало терпения. Она все последние дни ходила настолько нервная и дерганная. Даже однокурсники начали удивленно коситься в ее сторону, когда она раздражалась от пустячного вопроса или того, когда кто-то садился на ее место в аудитории. И Зоя Михайловна интересовалась, все ли с Агнией хорошо?

Преподавательница, кстати, вообще изменилась в эти дни. Она больше и не вспоминала о Щуре. Да и поглядывала на Агнию… ну, странно, в общем. Но отношение у нее поменялось. Однозначно. И нельзя сказать, чтоб она вела себя как обиженная ученицей наставница.

Повернув кран, Агния умылась холодной водой. Прижала полотенце к щекам, вытирая капли.

Она и устала, и одновременно чувствовала себя перевозбужденной. Дожилась — у нее подрагивали пальцы, и петь выходило через пень-колоду. Ясно, что она не сможет вечно избегать

Вячеслава Генриховича, да и обида на него уже утихла, и хотелось вернуть хоть бы то время, что у них было. Только он стал каким-то странным. Напряженным и будто взведенным. И Агния очень боялась того, что Боруцкий, определенно, хотел о чем-то с ней поговорить. Она боялась, что он откажется от нее. Ну, в том плане, что она его достала своим детским поведением. Или еще что-то. Или что ему просто надело нянчиться с ней. Или что она его раздражает. Или еще тысячи возможных поводов…

Агнии даже в голову не приходило, что в таком случае, он мог бы просто перестать появляться, а не преследовать ее везде, как какой-то маньяк. Она просто безумно, дико боялась все испортить. Но даже не представляла, что же надо сделать, чтобы Вячеслав Генрихович понял ее. Ведь Агния старалась его и не трогать, тем более не целовала. А он, наоборот, вроде, был вовсе не против, и то и дело обнимал Агнию, касался ее. Может ему не нравилось только то, когда женщина проявляет в этом инициативу? Короче, Агния совсем запуталась.

Аккуратно повесив полотенце на крючок, она бросила еще один взгляд в зеркало. Но в этот момент ее внимание привлек какой-то шум из коридора. Совершенно не понимая, что бы это могло быть, она вышла из ванной комнаты. И с растерянностью, непониманием и нарастающим страхом уставилась на двух мужчин, входящих в открытые двери ее квартиры. А ведь Агния те закрыла. Она точно помнила.

Первой и единственной мыслью, мелькнувшей в сознании, было то, что это воры. Но у нее даже не получилось развернуться и убежать на кухню. Хотя, что она бы там сделала? Отмахивалась ножами? И о телефоне, лежащем в кармане домашних штанов, она забыла. Просто стояла и смотрела на незнакомцев, так уверенно входящих в ее дом.

И тут один из них поднял голову. И с настоящим недоумением посмотрел на нее:

— Ты кто такая? И что тут забыла? — в голосе мужчины слышалось непонимание. Но и явно прорезывалось возмущение. — Ты что делаешь в нашей квартире, а? Я не понял, ты как сюда вошла?! — он двинулся в ее сторону явно не с приветливым выражением на лице.

А Агния пыталась понять, что значит: «в их квартире?».

Спустя десять минут она все так же ничего не понимала. А эти люди, которые продолжали утверждать, что именно они хозяева ее квартиры, кажется, начинали злиться. Один из них, не тот, кто первым заговорил с Агнией, казался постарше, лет так под пятьдесят. И он, точно, был уже очень зол. Он почти не участвовал в разговоре, в котором второй, Дима, пытался объяснить Агнии, что квартира принадлежит им. Они ее купили, и у них есть все документы, заверенные у нотариуса.

Она ничего не понимала: как купили? Ведь это ее квартира. И у нее все документы есть, и Агния не выставляла квартиру на продажу. Она была готова показать им документы, как доказательство, только боялась отойти, оставить этих мужчин одних, хоть и не знала, чем сейчас-то им мешала. Но как же ей было страшно, Господи!

И только тут она вспомнила, что Боруцкий говорил, если что-то по квартире «всплывет» — сразу ему звонить. Она уже полезла в карман за телефоном, когда не выдержал тот, второй мужчина, что постарше:

— Да что ты с ней церемонишься, Дим? Мошенница это какая-то, точно тебе говорю, — зло и раздраженно проговорил он повышенным тоном. — И мозги нам пудрит, под девчонку косит. Выгоняй ее взашей. А лучше, вообще, милицию вызвать и сдать ее. Где она ключи взяла, а? Как сюда влезла?!

— Да это моя квартира! Моих родителей! И я ее по наследству получила! — уже не выдерживая, чуть ли не плача, крикнула Агния, достав телефон из кармана. — Это вы что тут

делаете?! Вас в милицию надо, что вломились ко мне! — с трудом сдерживая страх и отчаяние, нахлынувшее от непонимания ситуации, добавила она.

И нажала на дозвон, выбрав номер Боруцкого. Хорошо, что у нее было записано совсем мало номеров, искать не пришлось.

Увидев, кто ему звонит, Вячеслав искренне удивился. Не то, чтоб Бусинка так уж часто ему названивала. Особенно после Нового года, как вся эта канитель началась. В последние три недели Боров ее сам больше по телефону дергал, она и два раза не звонила, кажется. Даже любопытно стало, что это вдруг на нее нашло? Не дай Бог, еще что-то выдумала. И сегодня попытается от него слинять? Дудки. Все равно ведь не отвертится. На долю секунды даже было искушение не ответить, чтобы не дать малышке шанса что-то наплести. Но он прекрасно помнил, как обещал девочке, что она теперь всегда до него сможет дозвониться.

Махнув рукой Федоту, с которым решал вопросы по клубам, Вячеслав отошел в сторону, чтобы не так мешала грохочущая музыка нового ди-джей, которого они «тестировали», и ответил на вызов:

— Да?

— Вячеслав Генрихович…

Его будто током прошибло от того, как звучал ее голос.

— Бусинка? Что случилось?! — он сам не заметил, как «стал в стойку», будто почуяв что-то недоброе.

Зато увидел, как Федот, наблюдавший издалека, нахмурился и двинулся к нему, с явно читаемым настороженным вопросом во взгляде.

— Вячеслав Генрихович, извините, что я вас отвлекаю, — как-то робко и чуть ли не плача лепетала она. — Тут какие-то люди, они говорят…

— Малышка, ты где? — потребовал Вячеслав ответа, уже двинувшись в сторону выхода из клуба. Чтобы там ни было, а он собирался разыскать ее как можно быстрее.

— Я дома, Вячеслав Генрихович, — она словно таилась от кого-то, потому что приглушила голос, но продолжала всхлипывать, — а тут люди пришли, и они говорят, что квартира — не моя, и документы у них…

Может из БТИ кто приперся, или из опекунского совета?

— А ты спрашивала кто? И зачем пустила? — привычно возмутился он, но больше для того, чтобы слышать ее, наверное, а не упрекнуть. Чтобы понять, разобраться.

Потому что голос Бусинки… Бл…, кажется, Вячеслав испытывал сейчас что-то, очень близкое к страху. Он боялся за свою девочку. И готов был пристрелить того, кто довел ее до такого состояния, в котором она сейчас звонила. Даже если это будут лишь самоуверенные клуши из опекунского совета.

— Я, нет… Не пускала. Они сами, Вячеслав Генрихович… — он уже садился в машину.

Боров не очень разобрался, слишком сильно она всхлипывала, и ничего не объясняла толком. Но то, что он уловил, ему очень не понравилось. Он уже собрался успокоить малышку, и сказать, что через пятнадцать минут подъедет. Но в этот момент в трубке раздался еще один голос, отдаленный, словно говорил кто-то, стоящий рядом:

— Слышишь, ты, давай-ка, выметайся! Мне без разницы, с кем ты говоришь! Квартира наша. Ты в нее влезла. Убирайся, пока мы милицию не вызвали! Пошла вон!

А потом прозвучал какой-то непонятный, резкий треск и звук удара, словно бы мобильник упал на пол, подпрыгнув при этом.

Твою мать!

Он не знал, что там происходило. Вячеслав не слышал уже слов Бусинки. Вообще ничего не было слышно, видно связь разорвалась. Однако, выехав на бешеной скорости с парковки и подрезав какую-то тачку, он точно знал, что кого-то сегодня точно прибьет. И это вряд ли будет оборотом речи.

Доехал он быстро, хотя Борову казалось, что машина конкретно тормозит, и постоянно матерился, обгоняя и пересекая сплошные. Он настолько завелся, что даже не понял, откуда взялся Федот, когда машина друга с визгом затормозила сразу за его авто во дворе Бусинки.

— Что? — потребовал у него ответа друг, выскочив из машины. — Что случилось? Про малышку узнали? Что? Боров, кто звонил? Малевин? Косяч? Она у них? Да, стой ты, бля! Ты объяснить можешь? Хоть знаешь, куда мы счас сунемся? Сколько их? Чего хотят?

Вячеслав уставился на Федота, который уже и пушку вытащил, и деловито, внимательно осматривал окрестности. Но ничего не сказал, только головой отрицательно дернул, показывая, что не в том дело, похоже, и заскочил в подъезд.

Блин, ему и в голову не пришло, что Федот такое себе надумал и двинулся за ним, чтобы прикрыть. И ведь, несмотря на постоянную злость — приехал же. Вон, готов впереди него лезть в квартиру, спасать Бусинку.

— Боров, что случилось? — Федот шел за ним.

— Без понятия! — проревел он. — У нее кто-то квартиру, по ходу, забрать пытается, или что-то в этом роде… — не особо заморачиваясь объяснениями, он перескакивал через ступени.

И гнал его вперед больше страх, что его девочку кто-то посмел тронуть.

Видно, Федот решил больше не заморачиваться вопросами, и молча бежал за ним, потому до квартиры они добрались за какие-то секунды. Двери оказались открытыми, а из квартиры доносился разговор на повышенных тонах. И одной из говоривших, точно, была Бусинка. Однако Боров, к своему удивлению, узнал и еще один голос — вместе с малышкой, с кем-то, кого Вячеслав не знал, ругалась и ее вечно-во-все-лезущая соседка. И тут не обошлась без Алины Дмитриевны. Но сейчас Вячеслав был даже рад, что с его девочкой был кто-то знакомый и преданный, и она не одна. Он по себе помнил, какой упорной может оказаться эта бабка в защите Агнии.

— Так, я не понял, и чего это тут происходит?

Она не помнила, когда еще была так рада видеть Вячеслава Генриховича. Нет, Агния всегда радовалась ему. Но то, что она испытала, увидев Боруцкого в проеме входных дверей сейчас — невозможно было описать словами. За его плечом зачем-то маячил Федот, с таким же напряжением и вниманием, как и Боруцкий, осматривая всех, кто был в коридоре.

Ее захлестнула волна такого облегчения, такой радости, что ноги задрожали. Да, что там ноги, каждая мышца в теле! Захотелось прислониться к стене и сползти по ней на пол. Вместо этого Агния вцепилась обеими руками в сухонькое плечо Алины Дмитриевны и уставилась на Вячеслава Генриховича.

Вот, все стало неважно. Совсем. И как-то даже сомнений не возникло, что все теперь будет хорошо и понятно. И он все уладит. И все ее обиды забылись, и даже напряжение, что она не знает, что делать и как. И совсем не задумываясь, Агния просто улыбнулась Вячеславу Генриховичу:

— Вот, Вячеслав Генрихович! Хоть вы объясните этим извергам, что они неправы! И это квартира принадлежит Агнии! — Алина Дмитриевна с воодушевлением, вызванным появлением Боруцкого, ткнула пальцем в сторону старшего из мужчин. — Объясните им!

Но Агния даже на это не обратила внимания:

— Здравствуйте, — легко выдохнула она, ощущая почти счастье.

И все-таки не удержалась на ногах, привалилась к ближайшей стене коридора, не заметив, что потянула при этом за собой и соседку.

Взгляд Боруцкого, до этого осматривавший обстановку, тут же замер на Агнии, его глаза чуть прищурились, будто сосредотачиваясь только на ней, отсекая все другое в этот момент. Он смотрел на нее какую-то безумно долгую секунду. Ей показалось, что за это, по сути, мгновение, он успел осмотреть ее с ног до головы и заметить все, что только можно было, и что бы он там не искал:

— Бусинка, тобой все в порядке? — не повышая голоса, спросил Боруцкий, все еще глядя на нее.

Она только кивнула, продолжая улыбаться улыбкой, которая ей самой уже казалась глупой, но у Агнии не хватало сил прекратить.

Боруцкий почему-то сжал зубы, она увидела, как у него дернулась мышца на щеке. Взгляд Вячеслава Генриховича скользнул дальше, он кивнул Алине Дмитриевне, замер на долю секунды на треснувшем телефоне, поднялся, проследовав от одного мужчины, к другому. Те с некоторым недоумением и настороженностью смотрели на самого Боруцкого и Федота. Появление такой поддержки, определенно, было совсем неожиданным для них. И эти двое выглядели куда менее уверенно теперь, не в пример тому, как при появлении Алины Дмитриевны, прибежавшей на шум.

А потом Боруцкий снова глянул на Агнию:

— Бусинка, иди на кухню, поставь чайник и завари чай, — распорядился он таким голосом… ну, в общем, Агния поняла, что надо послушаться. Обязательно надо. — И двери закрой, чтоб мы тебе разговорами не мешали, — добавил он. — Я скоро подойди. Вот только с людьми решу все.

Он махнул рукой в сторону кухни, явно указывая, чтобы она немедленно ушла. И Агния пошла. Сама не знала почему, но в этот момент почти поняв, почему Боруцкого так боялись. Его невозможно было не послушать. Серьезно, глядя в глаза Вячеславу Генриховичу, она знала, что ей действительно следует уйти. И почему-то она и не подумала спорить.

— Спасибо, Алина Дмитриевна, — услышала она за спиной, уже уходя, — мы дальше сами. Правда, не сомневайтесь, уверен, мы быстро все проясним, — похоже, он и соседку выставил, так, чтоб в коридоре остался только он, Федот и эти двое.

Агния подумала о том, что стоило бы оспорить распоряжение, и вернуться. И объяснить… А может просто постоять там, на всякий случай. Но у нее совсем сил не осталось…

— Вячеслав Генрихович… — не оборачиваясь, позвала она его с самого порога кухни, упершись рукой в косяк двери.

— Ставь чай, Бусинка, все будет нормально, мы все решим, — Боруцкий не дал ей договорить.

Почему-то ей показалось, что если она даже не послушается, он сам затолкает ее в кухню и закроет. Снаружи. Еще и подопрет дверь чем-то, для надежности. А у нее как-то совсем сил не было сейчас на споры.

Агния закрыла за собой дверь и, взяв чайник с плиты, включила воду.

Удостоверившись, что Бусинка ушла, да и Алина Дмитриевна уже закрылась в своей квартире, Боруцкий еще раз осмотрел двух мужиков, мнущихся перед ним. Струхнули, он по глазам видел. А нечего было лезть. Как ребенку угрожать, телефоны ломать, да на бабок орать — горазды. А как с кем-то нормальным спорить, так уже и на дверь за его спиной поглядывают. А вот фиг вам. У Борова сейчас столько всего внутри бушевало, что этим двоим не светило мирно уйти, однозначно. Довели его девочку до того, что на ногах не стоит, бледная, как смерть, и перепуганная. Пусть молятся, чтоб не выяснилось, что они ее хоть пальцем тронули. Тогда он их прямо здесь в бетонный

пол закатает.

— Ну? — Боров тяжело глянул на мужиков.

Федот за его спиной наконец-то отошел от двери и так непринужденно оперся о стену плечом, типа незаметно и спокойненько пряча ствол в карман. Мужики синхронно сглотнули. Ну, как дрессированные прямо.

— И зачем пришли? — надавил он, видя, что сами они что-то не очень готовы теперь языком ляпать.

— Так мы, это. Вот, это — наша квартира, — один из мужчин, помассивней и постарше, вышел вперед, тыча ему под нос какие-то бумажки. Значит, этот главный. На нормальных пацанов, в теме, эти двое не тянули. Видно так, мошенничеством промышляют. — Мы ее купили. Все по закону. Так что вы нам тут не угрожайте, мы свое отстаиваем. И, давайте-ка, убирайтесь, мы сейчас милицию вызовем. У нас там свои контакты, мало вам не покажется…

Вячеслав с ухмылкой глянул на хмыкнувшего у него за спиной Федота.

— Слышь, Федот? Во как, люди-то серьезные, контакты у них, — заметил он, наклонив голову к плечу. — А мы что? Мы так, погулять вышли, — передернул он плечами со вздохом.

А потом вновь глянул на мужика, продолжающего трясти какой-то бумажкой у него перед лицом. Резко поднял руку и выдернул ту. И все с той же ухмылкой порвал надвое, даже не рассматривая.

— Значит так, начхать мне на ваши бумаги. По какому это закону квартиру сироты без ее ведома продали? Что-то я не знаю таких законов в нашем *прАвовом*государстве, — ехидно заметил он, смерив опешившего мужика взглядом. Перевел глаза на второго, пока молчавшего и предпочетшего стоять в стороне. — Будем разбираться?

— Послушайте! Вы что думаете, что вам все можно? — попытался возмутиться первый. — У нас уже не те порядки в стране! Мы все законно сделали! И нечего нам тут угрожать!

— А кто вам угрожает? — делано удивился Боров. — Вам сказали, что хозяйка — девчонка-сирота? — не слушая его возмущения, потребовал ответа Вячеслав.

Первый только выше задрал подбородок. А вот второй скосил глаза в пол. Неопытный еще. Или совестливый пока.

— Значит, сказали, — Боров разорвал два обрывка бумажки еще надвое, сделав вид, что полностью сосредоточен на этом занятии. — И что вы с ней делать собрались? Запугать? Выставить на улицу? Зимой? На ночь глядя?

— Слушайте, нас не касается, что она делать собралась! — вновь попытался надавить первый, но уже с меньшим напором. — Она продала квартиру людям, те продали ее нам, все законно и…

— Нет, это ты меня сейчас слушать будешь, — отбросив обрывки, Боров ухватил мужика за горло и припер к стене так, что тот стукнулся головой о бетон. — Ты мне тут не рассказывай, как вы махинации свои прокручиваете. Я в этом не меньше тебя секу. Только протупили вы, парни, конкретно протупили, и полезли к моему человеку. Думали сироту проще простого облапошить? Оно-то, в принципе, так. Только, что же это тот, кто для вас информацию собирал, не узнал, кто у девочки крестный, а?

Мужик перепугался, точно. Хоть пока еще и не понял, похоже, КАК именно крупно попал. В таких махинациях до третьих рук нет невиновных, это Боров знал прекрасно, хоть сам таким и не занимался, не его профиль. Но разбираться в тонкостях это не мешало. А значит, эти «покупатели» так же имеют долю и руку приложили ко всему. И поплатятся. Отдельно за это, и отдельно — за испуг его девочки.

— Так, подождите, — не очень внятно из-за того, что рука Борова так и давила ему на горло,

начал мужик, в то время как второй уже с откровенным испугом пятился к двери. Забыл, видно, что там Федот. От страха стал плохо видеть, что ли. — Ну, может мы погорячились, не так начали. Я не знаю, кто вы, — он даже выставил вперед ладони, словно надеялся этим его утихомирить. — Давайте просто разойдемся и замнем, а? И никаких…

— Разойдемся? — Боров хмыкнул. — Чтоб потом весь город говорил, что Боруцкий дает своих людей в обиду и позволяет об себя ноги вытирать? Счас. Разбежался, — он еще раз стукнул мужика об стену. Для внушения, так сказать. — Мы-то разойдемся. Ты на свалку отправишься, вместе с дружбаном, а я по своим делам. И все тихо-мирно.

Блин, так врезать этому мужику хотелось. Заслужил ведь. Даже не за махинации, а что к Бусинке полез. Идиотизм и непрофессионализм должны быть наказаны. Помимо того, что просто не стоило трогать его малышку. Любой, кто поднаторел в этом деле, нутром должен был понять, что не просто так все, с сиротой этой. А эти — легкую наживу себе нашли, бл…! Вот и заплатят за это. Только не тут. Что ж он потом, будет малышке объяснять, откуда кровь на обоях? Или сам тряпкой тереть станет, пряча от нее следы?

— Кто крышует? — сдавив пальцы на горле мужика, спросил Вячеслав.

Тот побледнел еще сильнее, чем после того, как услышал его фамилию. Но промолчал. Ну, не идиот ли, блин? Отпустив горло, Боров с размаху ударил его в живот кулаком. Мужик согнулся пополам, зайдясь вперемешку в кашле и хрипах. Вячеслав ухватил его за воротник куртки и дернул вверх так, чтоб лицо оказалось на одном уровне с ним.

— Заткнись, морда, хватит. Тихо. Уже и так напугали ребенка, — еще раз встряхнул для надежности. — Кто прикрывает, спрашиваю?

— Берчев, — ответил вместо этого тот, что помладше.

Боров нахмурился, не припоминая такой фамилии.

— Это из ментов, капитан, не очень давно начал. У него отец в судьях, — негромко заметил Федот.

— Ясно, — хмыкнул Боруцкий. — Телефон у нас этого Берчева есть? Чтоб рассказать, где он трупы своих людей забрать может, и как дела решать надо, чтоб не лезть на чужую территорию?

— Я позвоню, объясню, что люди его ошиблись, — Федот отошел от стены и демонстративно перекрыл дорогу второму «покупателю». — И чтоб все отыграли взад.

Боруцкий кивнул, хоть и скривился внутри. Он не нуждался в напоминании, что не должен сам сильно светиться перед чужими в том, что касалось малышки. И понятно, что не будет Боруцкий лично названивать всякой мелочи, за то, что кого-то под его покровительством тронули. Для этого и существуют помощники и заместители. Федот видно решил, что у него мозги совсем скисли на фоне злобы.

Хотя, что лукавить, та внутри так и бушевала. И злость, и ярость, ничуть не утихшая за эти минуты. Но не разойдешься же тут? Может, и правда, вывезти их в тихое место, отвести душу? Так и Бусинку одну не оставишь, да и сказал же, что с ней чай выпьет, и перенервничала девочка. У него до сих пор перед глазами ее испуганное лицо стояло. А она еще и улыбаться ему умудрялась.

Боров глубоко вздохнул и кулаки сами сжались, зачесавшись от желания еще пару раз съездить по морде этим халявникам, когда он вспомнил о той улыбке.

Но до того как он успел что-то добавить, в дверь позвонили. Все четверо удивленно уставились на дверь, а потом Федот, как ближайший, видимо, наклонился к глазку:

— Лысый, — прокомментировал он, распахивая дверь. — С какой… А, в ресторан провожать пришел, видно.

Боруцкий кивнул, глядя, как Вован удивленно уставился на них.

— Че пялишься? — задумчиво поинтересовался он у парня.

— Ничего, Вячеслав Генрихович, — бодро мотнул тот головой, — я того, за Агнией. Но… — пацан помялся, — может вам, ну, помощь там нужна? — у него лицо прям засверкало надеждой, уже больно парень хотел влезть куда-то. По нему это, не присматриваясь, было видно.

Так, что Федот весело хмыкнул.

— А че ж не нужна? Нужна, — медленно кивнул Боруцкий. — Видишь личности? — он махнул головой на мужиков, оттолкнув при этом того, которого держал, в сторону его подельника. — Помоги Федоту людей провести и толково объяснить, как нехорошо наших трогать. Тем более маленьких.

Лысый уже рьяно кивнул, и вдруг замер:

— А Агния как же, Вячеслав Генрихович? — нахмурился парень. — Или вы ее отвезете?

Боров оценил. Рвение-рвением, а как не хотел бы Лысый заняться чем-то «серьезным», его приказ помнил и о малышке пекся.

— Не пойдет она сегодня, Лысый. Пусть лучше дома отсидится, успокоится. Эти расстарались, — кивнул он головой в сторону мужиков, с весельем заметив, что рвения в Лысом еще прибавилось, когда тот понял, что «личности» Агнию чем-то обидели.

Вячеслав перевел глаза на Федота, тот тоже, по ходу, веселился, наблюдая за Лысым.

— Ладно, хорош пялиться, пошли, — Федот махнул Вовану. — Ну? Чего стали, гости дорогие, просим, — с издевкой в голосе, толкнул он застывших мужиков. — Пошли. Говорить будем. С вами, с боссом вашим. Он человек вменяемый, вроде, если слухам верить.

Те не спорили, видно помнили о пистолете в кармане Федота.

— Федот, ты если что — зови.

Велел Вячеслав, решив, что так и так, заскочит на неделе к своим контактам в органах, поузнает про этого Берчева, может и сам с человеком познакомится. Чтоб надежней было. И потом, никогда точно не скажешь, кто поднимется, а кто так и останется в «начинающих». Надо знать тех, кто повыше метит. И чтоб они его знали. Да и разобраться в этой всей афере надо: кто, что, как? Все звенья выявить, до последнего. И не помешает, кстати, заглянуть, удостовериться, чтоб точно назад переиграли по квартире. Хватит с него таких сюрпризов.

Друг только махнул рукой, показав, что все понял. И они с Лысым и этими залетными исчезли из квартиры.

Боруцкий осмотрелся: вроде ничего крамольного, ну бумажки валяются — это не криминал. Да наследили, дебилы. Заперлись все обутые, а снег растаял. Теперь, вон, грязь. Бусинка и не скажет ничего, только на пол глянет так, будто вскользь. Но при этом так все дав понять… Боров помнил, что как раз после пары таких взглядов малышки и приучился снимать туфли у самого порога ее квартиры, хотя, по ходу, плевать он хотел на подобные церемонии.

Раздраженно вздохнув, понимая что, несмотря на то, что ситуацию вроде разрулили, его все еще накручивает, Боров скинул туфли посреди коридора и пошел на кухню, разбираться, что там Бусинка.

Глава 23

Восемь лет назад

Двери она закрыла, молодец, послушная. Открыв, Вячеслав огляделся: на плите закипал чайник, видно не так и долго он в коридоре возился. На столе стояла его кружка и чашка Бусинки, отдельно на тумбочке, стояла еще одна.

— Я не знаю, какой чай Федот пьет.

Бусинка сидела на табуретке за столом, переплетя пальцы «замком» перед собой и упершись ладонями в стол. На него она голову не подняла. Так и смотрела на свои руки, которые, по ходу, побелели от того, с какой силой малышка их сжимала.

— Федот уехал. И Лысый тоже, — он зачем-то снова закрыл двери за своей спиной. Автоматом, полностью сосредоточившись на ее напряженной позе. На всей своей сжавшейся девочке.

Небось, через дверь эту все слышно. Неужели она испугалась теперь? Боится его? Да ну, ладно, сколько всего уже знает о нем. Вон, в церковь ходит за грехи его молиться. Вряд ли. А все равно внутри что-то напряглось еще жестче. Вроде и шанс такой, решить все, поговорить. Только что ей сказать, если она как узелочек вся сжалась?

Блин, как же ему хотелось ее обнять. В рот впиться. Не поцеловать даже. Этого будет недостаточно, явно. Прижать ее к себе, свой рот к ее губам. Всю свою девочку к себе притиснуть.

— Вячеслав Генрихович… — она нервно дернулась на своем табурете, отвлекая его от мыслей, свернувших на опасную тропинку.

— Что? — он откашлялся.

— А уже… все? Ну, в смысле, те люди… Раз Федот ушел, то… Вы уже закончили? — Агния поковыряла пальцем клеенчатую скатерть перед собой.

Ясно, из-за квартиры переживает. Боруцкий усмехнулся.

— Все, — Боруцкий прислонился к стене. — Федот с ними все решит, с главным их свяжется. Все назад вернут, переоформят, не боись.

Ее руки замерли.

— Решит? То есть, они… ну… тоже ушли? Сами?

Боров прищурился и уставился на ее макушку, пытаясь подавить ухмылку, растягивающую губы.

— А если нет? Ты что делать будешь, а, Бусина? — а что, ему, правда, интересно стало.

Она еще ниже наклонила свою голову:

— А я могу что-то сделать, Вячеслав Генрихович? — блин, он ее почти не слышал.

— Ну, ментам позвонить можно… — предложил Боруцкий, как вариант.

Бусинка сжала пальцы в кулачки и отчаянно замотала головой:

— Вячеслав Генрихович, ну, что вы!

— А что? Разве не так законопослушные граждане поступают? Или, когда тебя касается, за правду уже не так охота рубаху рвать? — не зло поддел он ее.

Она почти втянула голову в плечи:

— Я никогда, ведь, и слова не говорила вам, Вячеслав Генрихович, — чуть ли не шепотом протянула она, непонятно, то ли своим рукам, то ли ему.

Ишь ты, обиделась, что ли?

— Да, ладно, малышка, шучу я. Сами они ушли, на своих двоих, — Боров умолчал о том, что после более тесного общения с Федотом, у мужиков уже вряд ли останется такая возможность, как передвижение на своих ногах. Ей об этом знать необязательно.

Малышка кивнула, как-то так, неопределенно. Непонятно, то ли сознательно головой дернула, то ли вздрогнула. Вячеслав нахмурился и уже открыл рот, чтобы прояснить ситуацию до конца, и с квартирой, и вообще, со всем уже, но тут позади него зашипел чайник, закипая, и Бусинка подскочила со своего табурета, метнувшись к плите. Выключила газ, принялась кипяток разливать. И все так же, глядя только вниз, даже не поворачиваясь к нему лицом.

Боруцкий сжал губы и с нажимом провел рукой по подбородку, наблюдая за этой суматохой. Неужели все-таки боится? Знать-то она про него много знала, но то разговоры, а тут, выходит, вот так — через дверь, можно сказать, лицом столкнулась с правдой. Да и не дура, могла и понять, что он не досказал. Оттолкнувшись от стены, на которую опирался, Вячеслав подошел впритык к девчонке. Протянул руку, накрыв ее ладонь, забрал чайник и отставил на плиту. Снова глянул на малышку — она застыла, не споря, но и не говоря ничего.

— Бусинка, посмотри на меня, — тихо велел он, чуть наклонив голову к плечу, пытаясь заглянуть ей в лицо. Понять мысли малышки. — Маленькая, ты что, меня боишься? — серьезно спросил Вячеслав.

И вот тут она голову все-таки подняла, глянув на него. А Вячеслав искренне пожалел о том, что спросил. Лучше бы он молчал, потому что ему вдруг горло перекрыло от ее взгляда. И кухня уменьшилась, сжалась, до мизерного расстояния между ним и его девочкой. И безумно жарко, душно стало от всего, что он увидел в ее глазах: удивленных, счастливых и глядящих на него до того открыто… Восторженно.

— Вы что, Вячеслав Генрихович? — с недоумением переспросила Бусинка. Сдвинула свои брови к переносице. — Почему я должна вас бояться? Вы же такой хороший. Вы… самый лучший! И так помогаете… — она так и не договорила, умолкнув с чуть приоткрытыми губами, продолжая глядеть на него, в то время как на ее щеках проступал румянец.

— Не смотри на меня так! — чуть ли не с гневом просипел Боруцкий, поняв, что начинает беситься. И все то, что так и не нашло выхода, весь гнев, ярость, страх за нее — вдруг трансформировались в это бесноватое, яростное чувство. Желание, обиду, страх. — Я не какой-то долбанный герой! Даже не думай так! Не смей, Бусинка!

Боров ухватил ее за щеки ладонями, понимая, что не справляется с контролем. Притянул к себе, заставив запрокинуть голову так, что они стояли едва ли не нос к носу. Агния удивленно моргнула, видно, сбитая с толку таким его поведением. Уперлась ладошками в стену, по бокам от себя, для равновесия, что ли. Боров не мог сосредоточиться на том, что было сейчас вне пределов его и ее, их взглядов, которые у него не получалось развести.

И, мать его так! Он не желал, чтобы она видела в нем какого-то спасителя рода человеческого! Вячеслав не хренов Робин Гуд. И малышка должна была это понять. Потому что его достали эти долбанные качели собственных опасений, что он может спугнуть свою Бусинку или увидеть в ее глазах не радость, а презрение и страх. В печенках уже сидел постоянный подспудный страх, что она не его видит перед собой, а кого-то, кого себе навоображала по наивности и собственной чистоте. Он хотел ее. Всю. Без остатка. Чтоб она только его была, целиком. Знал, что не отпустит уже, никогда. Ни под каким предлогом. Но он хотел, чтобы она реально знала и так же хотела конкретно его.

Одна его рука так и держала ее голову, обхватывая ладонью щеку, без усилия давя пальцами на

затылок, чтоб она на него смотрела, прямо в глаза. А второй Вячеслав сжал ее плечи и, не особо отдавая себе отчет для чего, теснил Бусинку, подталкивая, заставляя отступать, пока девчонка не уперлась в стену, а он навис над ней.

— Какой я, на хрен, хороший?! Ты с самого начала знала, кто я, и сейчас ничего не поменялось! Думаешь, я бы хоть пальцем ради кого-то другого пошевелил?! — Боров не заметил, что повысил тон и говорит с напором, то ли вычитывая ее за наивность, то ли на себя злясь. То ли просто бесясь от всей ситуации и того, что так долго был на грани. — Да, начхать мне на козлов этих! Я сам не лучше, хуже этих идиотов! Только они — на мое позарились! А я свое никому не отдам, — он легко встряхнул ее плечо, зачем-то. Будто так она лучше понять должна была. — Убью, по земле размажу, но не позволю и пальцем тронуть. А ты — моя, поняла?! Только моя, — почти рыкнул он. — Я любого придушу, кто глянет на тебя только, не то, что обидит, понимаешь?

Она кивнула.

Только, хрен вам. Не видел он, чтобы дошло до нее, что он говорит. Потому что в глазах ее ничего не поменялась. И смотрела на него Бусинка с тем же обожанием и доверием, от которого у Вячеслава все внутренности жгутом сворачивало и узлом завязывало. Не мигая смотрела, словно не хотела отводить глаза, не могла насмотреться.

— Да, не смотри ты на меня так! — гаркнул он, не выдерживая, понимая, что проигрывает борьбу со своей злостью, раздражением и желанием. Дикой потребностью в этой девчонке, которая и не понимала ни черта. — Ты же не представляешь даже, что делаешь со мной своими глазищами! — то ли упрекнул, то ли пожаловался он, понимая вдруг, что уже успел пальцами в ее волосы зарыться. Запутался в прядях, собранных в косу. Притянул Бусинку еще ближе к себе, давя на затылок. — Ни хера не понимаешь, и не знаешь… — просипел Вячеслав, только сейчас осознав, что заставляет ее на носочках стоять, и его рот почти на ее губах, в какой-то паре сантиметров. А она так и держится руками за стену. И не вырывается же. И смотрит. Смотрит, будто все на свете готова ему позволить и отдать. — … твою мать!

Он почти взял себя в руки. Почти убедил себя, что должен сейчас ее оттолкнуть. Поговорить, наконец. Решить все эти непонятки и глупости. Только вот еще секундочку постоит так, зная, что одно движение, и он может получить все: ее рот, ее губы, всю Бусинку в свои руки, в свою власть.

И тут она отцепилась от этой хреновой стены, наконец-то, и вдруг вцепилась в его запястья пальцами, держась за него.

— А вы научите меня, Вячеслав Генрихович, — тихо, хрипло и немного робко прошептала его Бусинка, так и продолжая глядеть ему в глаза. — Покажите. Научите. Я не знаю, да. Но я что угодно для вас сделаю. Все, правда.

Капец. Его как током шибануло. Дурочка. Ведь не понимает, и правда не понимает, что творит с ним своими словами. Глазищами этими. Пальчиками, вцепившимися в его руки. Не понимает. А он знает. И уже проиграл. Нет у него больше сил в хорошего играть…

— Дурочка, — прохрипел он, не замечая, как рукой обхватил ее голову, а второй уже ведет вдоль спины, давя, заставляя отлепиться от стены и прижаться к нему всем телом. — Маленькая, наивная дурочка, — он ощутил, как она задрожала. Такой легкой, мелкой дрожью. Почувствовал, как кожа малышки на затылке, под его ладонью, покрылась пупырышками. И как она потянулась навстречу ему, повинуясь давлению руки Борова, сжавшей ее пояс. — Умная была б, убежал бы, не оглядываясь, — зачем-то продолжал он втолковывать ей, будто надеясь достучаться до разума Бусинки.

— Не хочу убегать, — тихо-тихо, задыхаясь, в самые его губы, прошептала она. Сбиваясь и запинаясь. Ее кожа касалась его. Горячая такая. Нежная. Мягкая. — Я с вами хочу. Вы мне просто

скажите, что… как… я…

Он не дал ей договорить, не выдержал. Что бы там ни было внутри него все это время, чтобы Борова не держало и сдерживало — это рухнуло.

Вот она! Его. Его девочка, Бусинка. Не испугавшаяся, не вырывающаяся. Тянущаяся к нему. И хрен с тем, что ни черта она так и не поняла, и не может понять, потому что ни опыта, ни понимания нет. И не надо. И не даст он ей осознать. Все. Поезд уехал. Он ее из своих рук больше не выпустит.

Вячеслав дернул ее на себя, убирая последние сантиметры, впился в рот Бусинки, заглатывая и ее слова, и дыхание. Сжал руку на затылке, прижимая ее к себе так сильно, будто подозревал, что она сейчас передумает и все-таки отодвинется, улизнет. И начал целовать, так, как все эти гребенные месяцы хотел. Ни о чем уже не думая и не взвешивая, она сама ему себя вручила. Сама «зеленый свет» дала.

Его губы давили, его рот втягивал ее губы: прижимая, покусывая, врываясь в рот Бусинки своим языком. И билась на краю сознания мысль, что девчонка, что ни опыта нет, ни сравнения. А контроля не было. Лопнул. Он ее хотел. Хотел так, что не мог быть другим. Только самим собой, со всем своим желанием, потребностью и нуждой в этой девочке.

Не уменьшая напора, с которым набросился на ее рот, Вячеслав несильно потянул ее за волосы, заставляя еще больше запрокинуть голову. И все равно, ему было мало, хотелось больше, глубже проникнуть в этот мягкий, такой робкий и неопытный рот. Все ощутить, каждый миллиметр ее губ попробовать, сделать своим.

Не замечая, что сам задыхается от какой-то безумной, ненормальной силы своего желания к ней, Боров сжал руку, которой ее за спину удерживал. Прошелся вверх-вниз по ее телу, гладя, сжимая, понимая, что жадничает, хочет сразу все ощутить, понять, попробовать. Отпустил затылок, уже двумя руками обхватив Бусинку. Сжал. Приподнял над полом, зажав между собой и стеной, так, чтоб еще больше получить доступ к губам, ко всей ней. Чтоб их лица были на одном уровне. Чтоб ее к себе притиснуть плотнее. Скользнул одной ладонью по бедру, направляя, понукая, заставляя обхватить его ногами. И сипло застонал в ее сладкий рот, когда его девочка подчинилась, обхватив пояс Вячеслава своими бедрами. Стояк в его паху стал просто непереносимым.

Пальцы сами сжались сильнее на ее теле. А второй рукой он снова скользнул вверх, обхватив затылок, путаясь в уже растрепанной косе. И целовал. Целовал, понимая, что девочка его сама не двигается, словно замерла вся. То ли все же испугавшись такого напора, то ли впитывая в себя все, что он делал. А Вячеслав не мог притормозить. Уже не мог. Не теперь, когда получил отмашку. Попытался замереть, ей позволить вдохнуть, самому глотнуть воздуха. И не вышло. Но уже не с его подачи.

Будто поняв, что он собирается отстраниться, Бусинка дернулась, наклонилась вперед, потянувшись за ним, не понимая видно, как сильно ее живот, ее бедра от этого вдавливаются в его пах, мучая и пытая тягучей, до стона желанной, болью потребности. Ее руки отцепились от его запястий, за которые девочка держалась как приклеенная, даже когда он изучал ее тело пальцами, и прижались к щекам, к скулам Вячеслава. Она не пускала его, не позволяла отстраниться, своими ладошками удерживая голову Борова, пока сама Бусинка пыталась робко и неуверенно вернуть его рту все то, что он делал с ее губами. А ее пальцы… Он сошел с ума от того, с какой силой она его держала, как удерживала подрагивающими пальчиками, будто боялась отпустить потерять. Его.

С гортанным стоном, утратив всякое представление о чем-то, кроме нее, он все-таки откинул голову назад, оторвавшись от губ Бусинки, и дернулся, повернулся, впившись губами в правую ладошку. Не мог просто стоять, хотел коснуться, поцеловать, прижаться щекой, каждый пальчик

своей малышки поцеловать, облизать. Как же он за ее прикосновениями соскучился, бл…! Даже не понимал, что так сильно хотел ощущать ее руки на своем теле, не принуждая, а по ее желанию.

Отпустил ее голову, накрыв своей рукой ладошку Бусинки, прижал крепче к своей коже. Снова прижался губами к центру. Все резко, судорожно, дергано, слишком сильно желая сразу всего. Повернул голову, принявшись целовать вторую ладонь. Отстранился. Потянулся, целуя впадинку в сгибе локтя. Малышки тихо застонала, кажется, впервые издав какой-то звук за эти минуты. Только все равно — ему было мало, и хотелось в разы большего. И сейчас, в эту же секунду, сразу:

— Девочка моя.

Оторвавшись от ее ладошек, Вячеслав на секунду замер, глядя в пылающее лицо Бусинки, в ее глаза, полуприкрытые, смущенные, но глядящие на него сквозь ресницы не с испугом, а с желанием. Пусть она, по ходу, и не врубалась, чего именно так хочет, кажется. От этого вида, от того, как срывались короткие вздохи с ее губ. Как припухли сами эти губы, измучанные им, влажные, пылающие, блестящие… Кровь с такой силой бухнула ему в голову, что Вячеславу показалось, будто мозг взорвался.

Она потянулась к нему, так и удерживаемая Вячеславом между стеной и его телом, продолжая обнимать его своими ногами. Легкая. Такая маленькая и легкая. Такая открытая для него. Доверчивая. Все позволяющая…

— Вячеслав Ген…

Он снова впился в ее рот, прерывая, не позволяя чему-то мешаться. Почему-то его вновь резануло, разъярило это обращение. А он не желала вспоминать и думать ни о чем, кроме своей девочки.

Ладони опять погрузились в ее волосы, и Вячеслав ругнулся в губы малышки, запутавшись в этой треклятой косе, желая ощутить всю тяжесть ее волос. Сделать то, что не позволял себе, не мог, кроме той ночи, только тайком. Но и распутать не получалось. И не хотел он дергать, не хотел боль своей малышке причинить.

— Распусти, — хрипло велел он, не в состоянии говорить нормально, потому что не желал отрываться от ее рта. — Распусти косу, не могу сам. Не хочу, чтоб тебе больно… блин, не могу, только дергаю, — раздосадовано проворчал он в губы Бусинки, пытаясь выпутать пальцы из ее волос.

Агния послушно потянулась, изогнулась как-то так, что всем телом, своей грудью прижалась к нему, и Вячеслав резко втянул воздух, ощутив напряженные, сжавшиеся соски через ее футболку и свой свитер. Она стянула резинку и как-то шустро так пробежалась пальцами по косе, и через мгновение Вячеслава окутал ворох светлых волос, все с той же силой дурманящий его своим ароматом. Ее руки вернулись назад, коснувшись его скул, какими-то легкими, порхающими прикосновениями гладя его, скользя по затылку, по коротко стриженым волосам самого Боруцкого.

Блин, хотел бы он уметь касаться ее так. Иметь силу для того, чтобы быть нежным. Только Вячеслав даже просто притормозить не мог. И руки его были жадными, и губы давили, будто боясь что-то упустить, не взять, потерять возможность и время.

С каким-то невнятным возгласом он уткнулся в ее шею, зарываясь в этот ароматный ворох волос. Запустил пальцы в чуть волнистые пряди и не удержался, начал целовать кожу над бьющейся жилкой, спустился до ключицы и снова прошелся ртом вверх до маленькой впадинки за мочкой уха, втянул в себя кожу, посасывая. Второй рукой задрал футболку, уже ни о чем не думая, накрыл ладонью мягкий живот, ощущая впадинку пупка, застыл, словно впитывал это ощущение. Провел вверх, жадно смыкая пальцы на груди, видение которой мучило его едва ли не каждую ночь.

Бусинка всхлипнула и потянулась, словно хотела еще сильнее прижаться к его губам, его

ладоням. Ее пальцы вжались в его затылок. И бедра малышки дернулись, словно она старалась вдавить себя в него.

Кухни не было, квартиры, вообще, пространство вокруг не стало. Оно сузилось до него и нее. До коротких, жадных глубоких вздохов, судорожных всхлипов Бусинки, и его собственного невнятного бормотания ругательств, которые Боров пытался подавить, целуя ее кожу, ее тело, поглощая ее.

Дурдом какой-то.

Но и улавливая это краем мозга он уже пер дальше, не в силах ни поговорить, ни спросить что-то у нее. Хотя и малышка, по ходу, не пасла задних, доводя его до белого каления своими легкими и нежными поглаживаниями, влажными касаниями губ к щекам, шее, всему, до чего, казалось, могла дотянуться из того положения, в котором Вячеслав продолжал удерживать Бусинку. Тем, как легко терлась всем своим телом об его, и сама не понимая, что творит с ним, похоже.

Он не знал, что кожу, мышцы может сводить от того, что недостаточно просто касаний. Что не хватало ощущения ее груди в его ладони, ее живота, спины, тела, полностью отданного ему. Не знал, что еще надо, но этого было мало! Руки горели и покалывали, все тело, казалось, жгла большая потребность. Ему надо было больше. Всего. Хотя бы соприкосновения.

На секунду оторвавшись от ее рта, к которому успел было вернуться, Боруцкий одним рывком стянул с себя свитер, ухватив за ворот сзади. Отбросил. Таким же макаром стащил с нее футболку, заставив Бусинку поднять руки. И не дал ей их опустить. Со стоном впился ртом в ее грудь, обхватив губами сосок, который сжался, стоило Вячеславу тот легко прикусить зубами. Она вся задрожала. Не мелко уже, малышку конкретно трясло и вся кожа порозовела, казалось, пылая теплом и жаром.

Господи, он дико, безумно хотел ее!

На миг Вячеслав выпрямился, так и держа ее: до боли возбужденным и твердым пахом вдавливаясь в развилку бедер Бусинки, прижимая к стене, одной рукой удерживая ее запястья, заведенные за голову. Замер, реально завороженный ее видом — неопытная девчонка, которая для него затмила самых умелых и опытных женщин. Он ни на кого смотреть не мог, в голове эти глазища стояли, преследуя Вячеслава, волосы ее, губы. Да, что там! И грудь, чего лукавить, на которую он когда-то тайком, а теперь — открыто любовался, понимая, что возбуждается еще больше. Вся она — перед ним, его. Для него все. И нет страха. Неуверенность, растерянность — да. Но с такой долей желания, что и вопроса не возникало: хочет она его или нет? Хочет. Но может, стоило попытаться чего-то прояснить и обсудить?

И в этот момент, развеивая все возможные доводы в пользу: «притормозить и поговорить», Бусинка чуть нахмурилась, недовольно округлив во вздохе припухшие губы. И с каким-то неопределенным мягким горловым звуком потянулась к нему всем телом.

В него словно зверь вселился. Не жестокий. Просто безумный, свернувшийся на ней. Вячеслав отбросил футболку Бусинки и всем телом прижался к ее обнаженной коже, накрыл ее собой, распластав по стене. Снова напал на ее рот, сходу раздвигая языком губы, забираясь внутрь этого сладкого, одуряющего его рта.

— Прости, малышка, — выдохнул он сдавленным горлом в перерыве между поцелуями. — Прости. Я не могу больше ждать.

Вместо ответа Агния обхватила его тело, вдавив короткие ногти в плечи. То ли держась, то ли хоть частично понимая сжигающую его нужду. И тут он почувствовал, как одна ее ладошка скользнула вниз, заставляя судорожно напрягаться его пресс.

Реально забыв обо всем на свете, он подхватил ее под бедра одной ладонью, не прерывая

поцелуя, сдернул с нее штаны второй рукой, позволив отодвинуться лишь настолько, сколько это минимально требовалось. Бросил на пол. Лихорадочно рванул молнию на своих джинсах. Снова вжался своим телом в нее. И разочарованно рыкнул, ощутив пальцами хлопок белья, про которое забыл.

Бля! Он не хотел ее пугать. Правда, не хотел. Но у него не было больше терпения. Невнятно пробормотав нечто, призванное значить «прости», Боров резко дернул ткань, разрывая. Агния вздрогнула, замерев в его руках. И он на миг заставил себя застыть, крепче сжав малышку в своих объятиях, прошелся губами по ее щеке, по шее, словно успокаивая, пока его ладонь уже по-хозяйски накрыла, погладила уголок ее тела, до этого скрытый бельем.

Бусинка задрожала еще сильней, но даже не попыталась вырваться. Только дыхание, срывающееся с ее губ у самого его уха, стало безумно частым, отрывистым и шумным, разом пропав, когда Вячеслав, фиг знает где найдя силы чтобы хоть немного помедлить, всего лишь пальцем раздвинул складки ее кожи, покрытые до того нежными и светлыми курчавыми волосками, что ему просто понравилось ее поглаживать. И девочка, точно, возбудилась. Он чувствовал ее влагу, обволакивающую его пальцы. Мать его так!

— Дыши, — хрипло шепнул Боруцкий на ухо своей малышке, реально заволновавшись, когда перерыв в ее вздохах затянулся.

И она тут же послушно вдохнула. Всей грудью втянула воздух в себя, отчего ее груди проехались по его телу, забирая у Вячеслава недолгий триумф выдержки. У него самого затряслась каждая мышца от напряжения, которое вдруг охватило все тело. И с таким ощущением предвкушения, которого просто не смог бы ничем выразить, он чуть отодвинул девочку, прижавшись к нежной коже ее живота головкой своего напряженного члена.

Бл…! Он мог бы кончить прямо сейчас, только от этого ощущения.

Бусинка как-то осторожно поерзала, раздувая пожарище его ощущений. Все. Он был у черты.

— Потерпи, малышка моя, — понимая, что ей, сто пудов, будет не особо в кайф, но уже не в силах тянуть, Вячеслав уперся твердым членом в ее влажность, помогая себе одной рукой, стараясь хоть как-то смягчить это для нее. — Бусинка моя, — он прижался щекой к ее волосам, ладонью прижимая голову малышки к своей шее.

И не справился с постепенностью, едва ощутил как ее тесное, горячее, влажное тело начинает его обхватывать. Резко, толчок за толчком, погрузился до упора, крепко обнимая свою девочку.

Бусинка охнула. Прикусила губы, стараясь придушить болезненный стон. Боров плечом ощутил, как она сморщилась, сдвинув свои брови, но не мог, да и не хотел уже тормозить.

Как же офигенно классно оказалось быть в ней. Просто быть. Само это ощущение казалось сильнее и раз в триста офигенней того, когда он с другими кончал, пытаясь хоть немного притушить свою потребность в Бусинке.

Сжав пальцы, Боров собрал ее волосы и потянул, заставив ее посмотреть на него. М-да, по ходу, ни о каком кайфе с ее стороны речи и не шло. Но вот в эту минуту Вячеслав ни хрена толкового придумать не мог. Потому просто наклонился и начал целовать малышку, так же жадно и с той же нуждой, что пять минут назад. Она только секундочку помедлила, а потом раскрыла свои губы для него, сильнее запрокинув голову. И пошевелила бедрами, будто подстраиваясь.

— Твою ж… — он аж дернулся, сильнее вдавив ее в стену. Еще глубже погрузившись в свою девочку. — Не надо, Бусинка. Подожди…, - попытался он ее остановить, не желая причинять слишком много боли.

Но это было так классно. А он столько месяцев хотел ее, что уже просто не мог себя остановить. Бедра начали двигаться, будто сами по себе. Сначала медленно, а потом все быстрее. И

Вячеслав уже не мог остановиться, делая ее тело своим

— Девочка моя, Бусинка, — шептал он, стараясь глотать нецензурщину, целуя ее горящие щеки, приоткрытые губы и растрепанные его пальцами волосы.

И понимал, что продержится катастрофически мало. Хотя, может для его малышки это и к лучшему.

Это было совсем не так, как Агния могла бы себе представить. Не то, чтоб она считала себя авторитетом. Да и ее способность о чем-то думать или представлять в данный конкретный момент находилась под огромным вопросом.

Она казалась себе одним большим комком сотни, тысячи различных эмоций и ощущений. Причем, большую часть этого она не могла ни вычленить, ни дать этим чувствам имя.

Ей было жарко и щекотно, и горячо, и влажно, и больно, очень больно. И хорошо в то же время. Так необычно хорошо, ноющe и с болью, но другой. От того, что хорошо — больно. Внизу живота и даже в груди. И совсем по-другому больно там, внизу совсем, где сейчас двигался…

А еще ей было немножко стыдно. И неудобно. Не физически, хотя и этого хватало — в спину давило и бедра бились о бетон стены от каждого движения тела Боруцкого. И при всем при этом, ощущая такую какофонию — ей нравилось. Серьезно. Хоть хотелось бы чуть поменьше саднящего трения внизу.

Господи! Какой же он был большой. И сам по себе: Агния почти не могла обхватить его руками за плечи. И в той части, ну… где член. Она хоть мысленно заставила себя применить это слово касательно конкретно этого мужчины. Хотя, думать о чем-либо, когда он двигался в ней, было так сложно. Мысли разбегались от жара, который горел внутри ее тела, игнорируя боль. Сердце колотилось, как сумасшедшее и этот грохот отдавал в ушах. И было так радостно — ведь он, точно, не пьяный. И точно знает, кого целует и раздевает.

Да, раньше она не представляла, что секс — это так… Жарко, жадно, почти на уровне потребности в воздухе. Потому что до того момента, как Вячеслав Генрихович вошел в ее тело, до этой боли, которая сейчас немного притупилась, хоть и не прошла совсем, до всего этого короче, Агния думала, что умрет, если Боруцкий отодвинется от нее. Она готова была на что угодно — просить его, выполнить любое требование, сделать все, чтобы он ни сказал, лишь бы Вячеслав Генрихович и дальше обнимал, целовал, гладил ее тело. Сжимал ее так, словно вокруг больше вообще ничего нет, и она — единственное, что ему надо.

Это было безумием, точно. Разумом тут и не пахло. Зато, когда он впервые поцеловал ее так, что сердце в горле встало, Агния поняла всех тех, кто грешил против такой простой и понятной заповеди: «не прелюбодействуй». На какую-то долю секунды в голове всплыл вчерашний разговор с отцом Игорем, и потонул под натиском той бури чувств, которую будило в ней каждое прикосновение Вячеслава Генриховича. И не хотелось, не моглось думать больше ни о чем.

Вячеслав Генрихович… Ей стало как-то странно называть его так, пусть и в мыслях, когда он ее целовал, когда так сжимал и гладил ее грудь, раздевая Агнию. Если честно, в последний месяц, не раз просыпаясь ночами от снов, после которых сердце стучало почти так же, как и сейчас и где фигурировал Боруцкий. Голый. И после которых Агния просыпалась с тянущим жаром внизу живота… Да. Так вот, в такие ночи, со смущением и некоторым стыдом смакуя в уме образы его тела, представляя себя на месте той женщины, с которой видела его, и понимая, что готова на что угодно, лишь бы Боруцкий был с ней, она задумывалась, что как-то странно называть его по имени-отчеству в таких вот мечтах. Имя его Агния крутила по всякому, но почему-то «Слава» никак не вязалось в ее представлении с этим мужчиной. И тогда она даже для себя тайком (если только

бывает так) стала иногда позволять в своих мыслях называть его «Вячек». Редко. Очень. Ну, может, раз в день, не чаще. Тогда, когда становилось совсем грустно от понимания, что он ее не замечает, и смотрит только как на подопечную.

Сейчас… Господи, когда он раздел ее, когда ворвался в ее тело… Несмотря на опасения и страх, которые Агния испытала в те минуты, от понимания, что на самом деле совсем не понимает, что делает. И что будет делать дальше. И чего он хочет от нее…

В общем, ей очень захотелось назвать его именно так. Хоть и было неловко и сумбурно, и вообще…

Агния дрогнула, вдруг поняв, что тихо застонала, уткнувшись лицом в его плечо. И не от боли. Просто… Он как-то так… Ох, она не знала, что он сделал, и понятия не имела как, но по ее телу прошла сладкая дрожь, несмотря на продолжающее саднение. И вернулся отзвук того вожделения, которое она испытывала до его проникновения в ее тело. Вячеслав замер, будто прислушивался к звуку ее стона, словно растворяющегося в тишине кухни. А она растворилась в хриплом и жадном звуке его вздохов. Он толкнулся в ее теле снова. Так, что Агния вдруг запрокинула голову, выгнувшись, чтоб теснее к нему прижаться:

— Да… — слово вышло хриплым, низким.

И голос был таким… будто она хныкала, признавая, что в чем-то нуждается, в повторении этой жаркой волны, будто отзвуком или эхом прокатывающейся по ее нервам.

Боруцкий, вообще ведущий себя в последние полчаса не так, как она привыкла, вдруг принялся целовать ее, как безумец. С такой алчностью, с такой властью и давлением, что Агния снова застонала, ощущая, как заново зарождается в животе томление, угасшее от боли.

— О, Господи… — почти беззвучно выдохнула она, забыв обо всем, что столько говорила себе помнить и обхватила шею Вячеслава. Провела ладонями по его щекам, ощущая, как ходят желваки на его щеках.

Не выдержала нового движения его тела у себя внутри, подалась навстречу и спрятала лицо у Вячеслава на груди, прижавшись щекой к влажной коже. Зажмурилась от того, как приятно это было, несмотря на все болевые нюансы, которые все еще заставляли ее морщить нос. И вдруг, кто знает: зачем и с чего, повернулась и поцеловала его кожу, провела языком по груди Вячеслава, осторожно собирая капельки пота.

Он застонал. Низко, так… у нее все сжалось внутри. Его ладонь надавила на ее затылок, принуждая Агнию еще плотнее прижаться ртом к груди Вячеслава, но тут же он отдернул ее, и наклонился, снова с силой целуя. И при этом так сильно, так часто начал двигаться, что Агния потерялась — в эмоциях, в этой его силе, в боли и в каком-то, очень непривычном удовольствии. Будто она могла ощутить что-то еще большее, но никак не выходило понять, достичь, какой-то мелочи не хватало….

Агния даже не поняла, что кричит. Ну, не совсем конечно, может просто протяжно выдыхает.

Но и не стонет. И не молчит. Она не знала, что с ней, чего именно не хватает и чего хочется. В ее голове были, конечно, знания об оргазме. Но это ли он или еще нет, и что тогда это — она не знала и не могла сейчас понять. Все, чего ей хотелось — прижаться к нему так сильно, так крепко, чтобы никогда не остаться одной. Без этого человека. Единственного постоянного и стабильного, кто был в ее жизни сейчас, и кого хотелось бы ей иметь всегда. Не из-за того, кем он был для других или что мог обеспечить Агнии. А потому, что она хотела для него сделать, потому что хотела его любить. Уже любила, кажется.

Вячек вдруг дернулся, будто вздрогнув всем телом и хрипло застонал, глубоко толкнувшись в нее. От этого движения Агнию окатило новой порцией не очень приятных ощущений, будто от

трения свежей ссадины. А Вячеслав, тяжело уронив голову так, что зарылся лицом в ее волосы, замер на какое-то мгновение.

У нее в груди что-то дрогнуло, словно сжалось. Томительно так, пронзительно. Таким близким и открытым, родным вдруг показался ей этот взрослый и такой сильный мужчина, вызывающий у стольких людей страх. Захотелось провести рукой по его коротким волосам, покалывающим ей ладони. Поцеловать в висок, тихо выдохнуть: «Вячек».

Но вместо всего этого, почему-то вдруг оробев, Агния спряталась у него между плечом и шеей.

Все то, что нарастало внутри, обернулось непонятной томительной и ноющей тяжестью, заставляющей все внутри пульсировать. А еще стало как-то вязко и влажно. И словно липко, будто что-то стекало на кожу. От этого она непроизвольно сжала все мышцы и поерзала бедрами.

— Бусинка моя. Маленькая… — Вячеслав резко выдохнул, дернувшись от этого ее движения. Что-то пробормотал и сжал одной рукой ее бедра, словно припечатав Агнию к себе. Поднял голову, повернулся, глянув на нее каким-то непривычным совсем тяжелым взглядом. Не сердитым или злым. Не раздраженным. Нет. Будто определяющим что-то. Обозначающим. Только, что именно — Агния не могла понять.

И глубоко вздохнул.

— Ты как, малышка? — не очень ловко или красиво, наверное, спросил он.

Наклонился, пытаясь заглянуть своей девочке в глаза и оценить масштаб бедствия. Блин! Вот знал же, что не сможет сдержаться, набросится на нее, как бешеный. И что теперь? Испугал ее? Сильно больно сделал? То, что она не испытала и половины того кайфа, что он получил — не идиот, и так понял.

Мать его так! Малышке еще семнадцать не стукнуло, а он мало того, что оттрахал ее как дикарь, так еще и у стенки. Лишил девственности, бл…! Он бы понял, если бы она его сейчас попробовала в морду двинуть, или еще там куда.

Боров был конкретно зол на себя. Кажется. Он не мог сказать точно. Слишком сильно его проняло. Так классно было, что даже отодвинуться от нее — не мог, уперся в стену ладонью, чтоб хоть какую-то опору им дать, да так и продолжал стоять, с наполовину спущенными штанами, держа свою девочку на весу.

И вот в этот момент Вячеслава и бухнуло, как булыжником по затылку: он в нее кончил. И не предохранялся. И вряд ли, чтоб его Бусинка на таблетках сидела или еще что-то в этом роде.

Бл…

У него не осталось других мыслей в данный момент.

Где его ум был? Чем он думал? Хотя, ясно чем, дебил.

Она же дите, что с нее спрашивать? И первый раз. А он…

Не то, чтоб у него была резинка, конечно. Ну не думал он, что дело может этим кончится. Даже если они поговорят в итоге. Да и не было у Борова привычки таскать за собой презервативы. Но блин, он же взрослый мужик! Че, не мог выйти до того, как кончит?

Бл…!

Совсем мозги набекрень свернулись.

Вячеслав отстранился, поддерживая Бусинку. Медленно опустил ее, помогая стать на ноги, которые, похоже, не очень держали малышку. Только она почему-то не хотела за него держаться, и глаза в пол уперла. Снова за стену уцепилась.

Не хватало еще, чтобы она залетела по ходу. Сама ж еще малышка. Его малышка. Блин. Надо было думать! На фига ему потом вся эта канитель? Да и она, вряд ли до потолка прыгать будет,

когда он ее к врачам потом потащит, от своих же проколов чистить. Идиот.

— Бусинка, ты как? — повторил он свой вопрос, только сейчас доперев, что она так и не ответила. — Блин, малышка, глянь на меня…, - Вячеслав чуть не ругнулся вслух, вспомнив, что с таких слов у этой стены все и началось.

Глянула. Но назад-то уже не сдашь. Да и не хочет он. Черт. Он свою девочку теперь из рук не выпустит. И ей увильнуть не даст. Она к нему тянулась. Он же не придурок, видел. Ясно, что ей это все не фонтаном показалось. Ну, так у девчонок первый раз и не может быть с фейерверком, как он себе это представлял. Или может?

Боров понимал, что все больше начинает нервничать. Он ни хера, по сути, о девках не знал. А если можно было все лучше сделать? А он у нее теперь всю охоту к себе отбил? Спугнул?

Какого ляда она на него не смотрит?

— Агния? — Боров обхватил ее лицо ладонями и заставил посмотреть себе в глаза. — Совсем все плохо, да? — осторожно попытался он прощупать почву.

Малышка залилась краской и наконец-то глянула ему в глаза. Смущенно. Матерь Божия. Она просто стеснялась, а он уже готов головой об стену биться. Хотя, это тоже не помешает, исходя из дурных поступков.

— Я не знаю, — еле слышно пробормотала Бусинка. — Но, нет, вроде бы… Кажется, — она неловко обхватила себя руками, то ли замерзнув, то ли пытаясь прикрыться.

Протянув руки, Вячеслав ухватил ее за плечи и притянул к себе, запустил пальцы в волосы, которые совсем запутались и растрепались. Так непривычно для его Бусинки. И как же ему такой вид ее волос нравился. Особенно от того, что это он, Вячеслав был повинен.

— Я что-то не так сделала, да? — прошептала малышка куда-то в район его груди. — Вам не понравилось? Я…

О-па. И че говорить?

Это с какого дуба девочка рухнула, что такое выдумала? Он ей че, претензии какие-то предъявлял? Да у него до сих пор в ушах звенит, так здорово было.

— Стоп, — Боров накрыл ей рот рукой. Мягко, не надавливая. — Бусинка, прекрати чепуху городить, — снова надавив ей на щеки, он опять поднял лицо малышке и коротко поцеловал.

Отстранился. Провел ладонью по волосам, поняв, что начинает улыбаться, как идиот… Кстати, к вопросу об идиотизме. Это надо решить и быстро, хоть Вячеслав и мало сек в таких вопросах.

Его внимание привлекло то, что Агния поеживается. Да и стоит все так же неуверенно.

— Иди сюда, малышка, — Вячеслав скользнул ладонями вниз, обхватил ее руками, растирая плечи. А потом просто поднял на руки свою девочку, которую явно не держали ноги. — Тебе сильно больно? — поинтересовался он, выйдя из кухни и свернув в сторону ванной.

Бусинка опять спряталась у него на груди, покраснев пуще прежнего. Его развеселило ее стеснение. Он решил не давить пока, с полчаса дать ей оклематься. Как раз все и утрясет.

Почему-то Боров вспомнил намек Федота про его наколку. Агния сейчас как раз в ту носом и тыкалась. Следом уцепилась мысль о разговоре, которого так и не было. Надо ли теперь еще что-то объяснять и говорить? Вроде и так все ясно… Хотя, если пораскинуть мозгами и вспомнить ее вопрос про «не то», поговорить им с Бусинкой точно надо, обо всем. Чтоб не придумывала себе всяких глупостей.

Плечом включив свет в ванной комнате, он зашел и, поставив Бусинку в ванную, включил воду, немного повертев краны, чтоб настроить теплую.

Она, все еще обхватив себя руками, стояла и следила за ним с некоторым непониманием. Но все же продолжала молчать и неуверенно сжимала губы.

А Боров старался не смотреть. Потому что ему опять ее поцеловать хотелось. И по плечу провести. И грудь, что она сейчас руками прикрывала, в свою ладонь взять. И… короче, дело могло снова скатиться к тому, что он не сдержится. Потому что Вячеслав понимал, что и наполовину не получил того, чего хотел сейчас, в эту конкретную минуту. А ей оно сейчас триста лет не надо, судя по виду.

— Вячеслав Генрихович, — с запинками и прерываясь, тихонько протянула она. — А что вы делаете?

Он закрыл глаза и глубоко вдохнул. Теперь, когда он ее получил в полной мере, это дурное обращение снова стало резать ему по нервам, напоминая о том, насколько она девчонка.

— Знаешь, нам стоит что-то решить с этим. С выканьем твоим, Бусинка, — заметил он, выпрямившись. — Ты сейчас ванну прими. Или душ, что хочешь. Я на пять минут отойду. И вернусь. И мы поговорим. Про все. И про обращение тоже, — медленно распорядился он, стараясь удерживать глазами ее взгляд, хоть малышка то и дело пыталась потупиться, все еще стесняясь. — Ясно?

Боров дождался, пока она кивнула. Притянул ее лицо к своему, пользуясь тем, что из-за ванны она была почти на одном с ним уровне, и вновь поцеловал.

Столько сдерживаться… Елки-палки. Его б воля, он бы ее сейчас бы в постель снова затащил и три дня не выпускал, наверное. Но и то, что теперь таиться не надо, и целовать ее можно, когда припечет, и остальное все — уже неплохо. А девочке точно передышка нужна. И уму, и телу. Вряд ли он сумеет исправить ее впечатление о первом разе, если тут же, по «свежему и живому» опять полезет.

Агния на поцелуй ответила. Неуверенно и робко, не совсем так, как уже целовала там, на кухне. Но и не отпрыгнула, что не могло его не радовать.

Оторвавшись от малышки, Боров включил душ, по ее сжавшемуся виду, серьезно заволновавшись, что она совсем замерзнет, и еще раз сказав, что сейчас вернется, вышел.

Агния ошарашенно смотрела на закрытые двери ванной. Сверху лилась горячая вода, стекая по волосам, лицу, напряженному телу. Затекая в глаза и ручейками сбегая к губам, которые немного щипало от этого. А она все смотрела на дверь.

Сквозь шум воды она услышала, как хлопнули входные двери.

Агния неуверенно оперлась о кафельную стену, постояла так несколько секунд и села на дно ванны, не доверяя ногам, которые еще дрожали после всего, что случилось.

Почему он ушел?

Она не понимала. Что Агния не так сделала? Ведь сделала, наверное, если он не ответил ничего на ее вопрос и сейчас куда-то ушел. Совсем ушел? Не вернется, хоть и пообещал? Или вернется?

Агнии захотелось закричать, громко, в голос, от непонимания!

Господи! Что не так? Что она не так сделала? Коснулась его? Целовала? Так она же сдерживалась, сама не тянулась. Только если он целовал, отвечала. Хотя, касалась, да. Сама его обнимала. Он сердится? Или не в этом дело? А в чем тогда?

Разве все так бывает после этого?

Ей хотелось точно знать, понравилось ли ему, доволен ли Боруцкий? А если нет, чтобы он рассказал, объяснил ей, что от нее хочет, а не исчезал куда-то.

Как понять? Она не могла этого сделать. Не могла сопоставить что-то с чем-то, совместить факты и сделать выводы. Тело тянуло, а влагалище саднило. Все мышцы дрожали мелкой дрожью, и

не ясно — от холода, или от того, что Агния все больше нервничала.

А если Вячеслав Ген… Вячеслав, не вернется?

Она подтянула колени к груди и обхватила себя руками, сидя под колючими струями горячей воды.

Во время того, как он находился в ее теле, Агнии было как-то легче называть его для себя по имени. Сейчас это вызывало внутреннее смущение, усиливая растерянность. Из-за этого всего, не зная как поступить и что делать, она вдруг ощутила страшную усталость от этого вечера. Словно и страх, когда увидела у себя двух чужих мужчин, и ужас при мысли, что у нее отобрали квартиру, и облегчение, когда появился Боруцкий, и все что было потом, на кухне — все это разом навалилось на нее, придавило. Агния не заметила, как спрятала голову в коленях, не в силах больше держать ее поднятой, а по щекам побежали растерянные и горькие слезы.

Вячеслав вернулся минут через двадцать. Не так просто оказалось добиться от продавца в аптеке того, что ему было надо. Особенно, если учесть, что Боров сам не особо понимал, чего хочет. Но твердо нажимал на продавца, уверенный, что что-то же должно быть для таких вариантов. Заодно и презервативов купил. Зайдя в квартиру малышки, он удивился, услышав, что вода в ванной все еще льется. Судя по звуку, Бусинка сидела под душем.

— Ты не растаешь, малышка? — с усмешкой спросил он, зайдя в ванную, полную пара, и привалился к косяку.

Девчонка аж подскочила, услышав его голос, и уставилась на него, моргнула пару раз. И резко лицо опустила. Только поздно. Может он за водой из душа и не увидел бы, так она сама себя выдала, шмыгнув и потянувшись к щекам пальцами. И по херу, что отдернула руки, не донеся до лица. Он уже понял, что она плачет.

Вячеславу как кулаком под дых врезали. Он ни хрена не понял, с какой стати ей реветь? Неужели, она все-таки не хотела? А он в угаре не понял? Желаемое за реальное выдал? И девочка теперь жалеет? Или сильно больно было? И она теперь боится его, придурка, и всего того, что Боров может от нее захотеть?

Оттолкнувшись от двери, он чуть ли не рухнул на пол у ванной, присев на корточки.

— Бусинка, маленькая моя, ты чего? Малышка, ты зачем плачешь? — враз осипнув, он поймал ее мокрое лицо ладонями, наплевав, что одежда промокает. — Что?

— Вы вернулись, — всхлипывая, протянула она, все-таки начав вытирать щеки. Хоть смысл? Вода с душа все равно лилась.

— Ты поэтому плачешь? — нахмурился он. — Мне уйти? Я испугал тебя, маленькая? Больно сделал? — обреченно сжав зубы, процедил он.

— Нет! — она вскочила с дна, встав на колени, и обхватила его руками за шею. — Не уходите, пожалуйста! — глянула на его растерянное лицо, и дернулась назад, сцепив руки за спиной. — Не уходите, Вячеслав Ген… Вячеслав, не уходи, пожалуйста, — Бусинка снова на него уставилась с отчаянием в глазах. — Я что угодно сделаю. И трогать больше не буду, правда. Я просто не поняла, что можно, а что нет. Но скажите… скажи мне, и я буду делать так, как вы… ты хочешь. Я всему научусь, правда! — робко глянув на него, Агния вдруг зажмурилась. — Не уходи, пожалуйста. И к другим не ходи. Я все для тебя сделаю, только скажи, что.

Боров выругался и с размаху саданул кулаком по ближайшей стене. Все вопросы сами собой закрылись. Поднявшись, он сел на край ванны и притянул к себе свою малышку, ощутив все ее напряжение и дрожь, бьющую ее тело.

— Видела, значит, — хмыкнул Вячеслав, прижавшись ртом к ее лбу. И плевать ему сейчас

было, что сверху вода льет, и свитер, да и джинсы, в момент стали мокрыми. — Много?

— Я не специально, Вячеслав Генр… Вячеслав. Правда. Просто подарок принесла, а потом ваш голос услышала. Думала, что в руки отдам… — Бусинка снова всхлипнула. — Но я не… Вы не думайте. Я ушла. Просто — это так больно было. Вы с другой. А перед этим ночью меня целовали. И я растерялась…Очень больно, — она снова бормотала, глядя вниз.

— Бусинка, — Вячеслав прочистил охрипшее горло, снова подумав, а чтобы он бы ощутил, застав ее в такой ситуации? Точно не ушел бы. Однозначно…

— Нет, я не маленькая, и понимаю, что у вас, вам… надо… Тебе, — она вцепилась в мокрый свитер у него на груди. — Просто, эта женщина… Мне хотелось ей так же больно сделать. Очень, — еле слышно призналась его девочка, так, что Борову пришлось пригнуться к ее лицу, чтобы услышать. — Просто… я для тебя все-все сделаю, не надо… Пожалуйста, — она придушенно вздохнула.

Против воли уголки его губ дрогнули. Девочка, девочка. Это он мог понять. Сам, наверное, тупо мордобой бы устроил. Если не хуже.

— Агния, — надавив на ее щеки, он поднял лицо малышки. — Девочка моя, грозная ты, как я погляжу, — попытался пошутить Вячеслав, и провел по щекам Агнии большими пальцами, пытаясь стереть слезы. Хоть, хрен там разберешь, где слезы, а где просто вода. — Малышка, я тебе даю слово, что не уйду. Только так, на минутку, ты в курсе, вообще, что это преступление? — он подмигнул ей. — То, че я на кухне с тобой делал. Подсудное дело…

— Вам страшно? Тебе, — вот, только плакала, а теперь наглости хватает прятать лукавую улыбку, хоть и шмыгает еще носом.

— Ага, до жути просто, — рассмеялся Боров.

Понял, что с него уже на пол вода течет. Встал, стянул свитер. И застыл, услышав тихий вздох со стороны малышки. Вячеслав обернулся, собираясь успокоить ее, что не будет больше трогать. И не смог.

Она так на него смотрела. И покраснела опять. И стояла посреди ванной во весь свой рост полностью голая, сводя его с ума. Он вновь ощутил, как кровь рванула в пах и в ушах пульс застучал.

— Вячеслав Ге… — она провела рукой по волосам, кажется поняв, что у него в голове закрутилось. Хреновый из него сегодня конспиратор, блин. — Я правда, все могу, скажи только… И я готова… — малышка неуверенно переступила с ноги на ногу.

— Успокойся, Бусинка, что я, совсем зверь? — обняв ее ладонями за талию, Боров притянул девочку к себе и коснулся ртом впадинки пупка, втягивая воду, которая скопилась на коже. — И так тебя сегодня измучил…

— Нет! Ты что! Мне понравилось, правда, — она уцепилась в его плечи руками. — Ой! — отдернула.

Вячеслав вздохнул. Ругнулся в голос.

— Можно, Бусинка, — хрипло разрешил он, или приказал даже. — Можно касаться. Блин! Я ХОЧУ чтобы ты меня касалась. Ты разве не видишь? Я от взгляда твоего на взводе, девочка моя. Тебе все можно! Что ни захочешь.

— Но, ты там, той говорил… — она робко протянула руку и погладила его плечо, замедлив пальцы на наколке в виде ножа.

— Забудь, — Вячеслав стиснул ее пояс руками и сам подошел ближе, понимая, что реально не может перестать ее касаться и целовать живот Бусинки. — Все, малышка. Обо всем, что видела и слышала — забудь. Я тебе дал слово? — он дождался, пока она кивнула. — И что других не будет

больше — говорю. На кой хрен они мне нужны, если ты у меня есть, Бусинка?

Она вдруг сильно обняла его, обхватив шею руками, и прижалась губами к губам Вячеслава. Не то, чтоб умело, но да, явно помня все, что он показывал ей на той крыше. Он застонал, обхватил ее затылок, сильнее прижав к себе, к своему рту, и опять погрузился языком в ее рот.

— Бусинка моя, — его руки сами скользнули ниже, обхватив ее грудь, пальцы потерли соски.

Она выгнулась, застонав в его рот. И он почувствовал, как участилось дыхание его малышки.

— Вячеслав… — с той же хныкающей тоской в голосе, которая уже раз сорвала ему крышу напрочь, протянула она. — Мне… Это нормально, что мне опять хочется? — не глядя на него, покраснев, все-таки спросила она достаточно внятно и громко.

Блин, ему, наверное, не стоило бы так лыбиться.

— Тебе больно будет, Бусинка. Мы подождем, — заметил он, пряча улыбку тем, что добрался ртом до ее груди.

— А тебе не хочется? — с недоумением спросила она, проводя пальцами по его голове.

Вячеслав не выдержал, рассмеялся, поднял голову, глянув ей в глаза.

— Девочка, я из-за того, что тебя хочу, уже год спать нормально не могу, так что еще ночь как-то перетерплю, тем более что ты моя, и не денешься никуда уже, — он с довольством осмотрел ее всю.

— Но… — Бусинка наклонила голову к плечу.

Боров улыбнулся, узнав свой жест. И вдруг его что-то стукнуло. Опять, по ходу. Вот, глядя на нее, всю такую мокрую в каплях, разомлевшую и распаренную, Вячеслав вспомнил все свои косяки за сегодня. Впрочем, это не помешало ему по новой завестись с полоборота. И стояк был такой, словно он и не брал ее меньше часа назад.

— Повернись, — севшим голосом велел Боров, дернув застежку мокрых джинсов.

Бусинка помедлила только секунду, с удивлением глянув на него. И послушно повернулась лицом к стене. Вячеслав переступил край ванны. Впритык подошел к малышке. Обхватил ее бедра и дернул Бусинку на себя, упершись членом чуть пониже соблазнительной попки, которую он еще и не рассмотрел толком так, как хотелось. Но сейчас он не тем собирался заняться.

— Иди сюда, Бусинка.

Не позволив ей развернуться, Вячеслав сжал ее запястья и заставил поднять руки, забросив их себе на шею. Ладонями скользнул по мокрой коже. Накрыл одной рукой грудь, вырвав у малышки легкий вздох. Скользнул ниже, к животу, погладил. И надавил, заставив прогнуться так, чтоб устроиться членом у нее между бедер. Не входя внутрь тела малышки, каким бы сладким и желанным это ему сейчас не виделось. Но и мучить ее лишний раз Боров не хотел. Заставил малышку сжать ноги, показывая, чего хочет от нее. И после этого провел пальцами, стирая капли воды с кожи, пока не добрался до низа ее живота. Надавил, накрыв ладонями мягкие складки. И скользнул пальцем между ними.

Агния задыхалась. Смена страха, отчаяния, радости и почти восторга от того, что он сказал ей, что пообещал — и так было много для нее после всего. И новое возбуждение, вдруг всколыхнувшее, поднявшее внутри все, что затаилось после прошлого раза, так и не найдя выхода.

А теперь, когда он начал касаться ее, гладить — она совсем понимание чего-либо потеряла. Агния растворилась, потерявшись в струях теплой воды, в прикосновении губ Боруцкого, целующих, покусывающих ее затылок под волосами. В движениях его тела, не очень ей понятных, вызывающих недоумение тем, что он так и не погружался внутрь нее. Но больше всего ее сбивало с толку прикосновение его пальцев к ее телу. К таким чувствительным точкам в ней, о которых

Агния и не знала. Она пыталась отодвинуться, как-то уменьшить давление, напор, трение, но Вячек не позволял, не отпускал. Не давал сдвинуться и на сантиметр, продолжая свои настойчивые движения.

И это было больше, сильнее того, что она уже испытала. Напряжение внизу ее живота закрутилось, сжалось в такую спираль, стало таким невыносимым, что когда он изменил ритм, надавив и задержав пальцы — Агнии показалось, что она действительно взорвалась.

И она не слышала ни свой тихий крик, ни того, как повторяла в этом крике его имя, ни шума воды, ничего уже. Только пульсацию крови в ушах и безумно сладкую дрожь в каждой мышце, в каждой клетке тела, которое стало слабым-слабым. И даже сомнения уже не возникло, что уж вот это — оргазм. Однозначно.

Он подхватил ее, не дал сползти, удержав. И это было хорошо, потому что Агния не устояла бы. Она покорно опиралась на него, подчиняясь, когда Вячек вдруг прижал ее к стене животом, сжал бедра ладонями и еще несколько раз сильно толкнулся между ее кожей. И сам обмяк, придавив ее всем телом к кафелю. Агния подчинялась. Ей было слишком хорошо, чтобы пытаться на что-то влиять.

Глава 24

Наше время

Просыпаться не хотелось, она устала, пытаясь занять каждую минуту в течение дня. Но что-то тревожило, заставляя ее ворочаться, что-то не давало полноценно уснуть. Смирившись, Агния открыла глаза, даже благодарная в чем-то за этот всплеск чувств, интереса. Она сейчас боролась за любое отличие от серой, пассивной и апатичной мглы, поджидающей, чтобы наброситься на нее, стоило только Агнии дать себе минутку отдохнуть.

В комнате было темно. Очень. Она явно проспала не больше двух-трех часов, и сейчас, похоже, едва перевалило за полночь. Но не время заставило Агнию буквально соскочить с дивана — Вячека не было рядом.

Наверное, потому она и проснулась, не ощущая тепла мужа рядом с собой. И в этот момент она не помнила о том, что имеет разум, не могла сформулировать ни единой мысли. Дикий страх, подавляющий, вновь превращающий ее в беспомощную и бессильную жертву убийцы и насильника, завладел всем ее существом. Отупляющий, лишающий воли ужас, что *его*нет. Что мужчина, который был для нее всем — убит. И она больше никогда его даже не увидит.

Спустя секунду разум и память все же вернулись в тело, и каждая мышца мелко затряслась от невероятной силы нахлынувшего на нее облегчения. Агния ухватилась за край старого письменного стола, за которым когда-то делала уроки. Бочком прошла до стула, и буквально рухнула на тот, понимая, что не может стоять. Упадет. Закрыла лицо руками, стараясь не разрыдаться от радости, что Вячек жив. И задыхаясь от того, какой силы было это облегчение. Да и страх, если уж на то пошло.

С каждым днем она все больше отвоевывала у зависимости самое себя. И остроту чувств в том числе. Это было победой. Безусловно, победой. Хотя, еще ощущая отголосок безвольного ужаса в душе, Агния поняла, что могла бы и усомниться в желанности победы ценой таких встрясок.

Сделав несколько глубоких вдохов, Агния заставила себя встать, усилием воли удерживая тело в вертикальном положении. Как бы там ни было, но она не хотела спать без Вячеслава, и собиралась найти мужа.

Но едва дойдя до плотно прикрытой двери спальни, Агния оказалась вынуждена остановиться и вернуться, чтобы отыскать себе хоть какую-то одежду. Вячеслав с кем-то тихо разговаривал, она не слышала слов, но муж точно был не один. А Агния из-за жары спала обнаженной, и уже даже готова была поддаться убеждениям Вячека, который каждый день уговаривал ее согласиться на кондиционер. И все же, от одной мысли о холодном воздухе, ей хотелось свернуться клубочком и спрятаться от всего. Кожу начинало колоть, и в душе поднималась та илистая муть, о которой Агния пыталась забыть. Этого не мог объяснить ни Алексей, ни Вячек, ни сама Агния, ни отец Игорь, к которому она все-таки уговорила мужа ее отвести. Но факт оставался фактом — при жаре она чувствовала себя лучше.

Натянув через голову какой-то хлопковый сарафан, попавшийся под руку первым, Агния вернулась к двери и тихонько, стараясь не шуметь, приоткрыла. Прислушиваясь, чтобы сориентироваться, кто к ним пришел, и стоит ли ей выходить? И до того почти неслышный разговор тут же стих. Мимо ее воли на губах появилась грустная улыбка: как только Вячек понимал, что она рядом? Как слышал?

Уже не таясь, Агния вышла в коридор и пошла в сторону кухни, где горел очень тусклый свет, вызвавший у нее недоумение. Спиной к ней сидел Федот, который обернулся и сейчас следил за приближением Агнии. Вячеслав сидел на табурете у открытого окна. Видно курил. Агния чувствовала легкий привкус табачного дыма в воздухе. Да и окурки в пепельнице были достаточно красноречивы. Но нельзя было не отдать этим мужчинам должное: они очень старались проветрить. Все освещение ограничивалось горящей конфоркой, на которой стоял чайник.

Агния дошла до порога и остановилась, упершись ладонями в косяк. Посмотрела на мужа, словно впитывая в себя всего его: живого, здорового, такого сильного и надежного. Страх, вцепившийся в душу при пробуждении, не до конца разжал свои челюсти на ее душе.

Вячеслав, улыбнувшийся, когда она появилась, теперь чуть прищурился, похоже, заметив ее настроение.

Агния устало улыбнулась ему в ответ и посмотрела на Федота:

— Привет.

— Привет, малышка, — Федот кивнул ей и посмотрел с каким-то весельем в глазах. — Мы тебя разбудили? Скажи — нет, а то меня этот припадочный убьет, что я слишком громко дышал.

Агния рассмеялась. Больше, чтобы сделать приятное Федоту, старающемуся ее развеселить, чем от того, что и правда, стало смешно. Снова глянула на Вячека.

— Тебя не было, — объяснила она в ответ на молчаливый напряженный вопрос в его глазах.

— Я сейчас подойду, Бусинка, — Вячеслав поднялся, подошел, обнял ее за плечи. — Иди, ложись. Я рядом. Тут. Только договорю.

Он даже попытался ее мягко развернуть. В принципе, Агния так сразу и подумала, стоило им замолчать.

— Вячек, тебе не кажется, что после всего, я достаточно «в курсе»? Шамалко, — она опустила лицо и прижалась к голому плечу мужа, — он, знаешь, не таит свои дела. Даже хвастается, по большому счету, я много насмотрелась. Да и не только я…

— Иди назад, маленькая, — руки Вячека сильнее сжали ее плечи, а голос стал тверже.

Он не собирался это обсуждать или позволять спорить с собой. Ее муж всегда держал Агнию вне границ этой области своей жизни. Бог знает, как ему это удавалось, но, несмотря на то, сколько она с ним прожила, Агния почти никогда и не знала, не слышала ничего, кроме неясных слухов, да своих собственных домыслов и догадок. Вячеслав считал, что это не должно коснуться ее, и делал все для этого. Хоть, если рассудить здраво, не очень это и спасло, по большому счету.

Однако он не изменил своего мнения, похоже.

— Вячек…

— Ты сарафан навыворот надела, — он наклонился к самой ее шее, щекоча губами и носом кожу в маленькой впадинке за ухом. По позвоночнику Агнии пробежала щекотная дрожь и она не сразу поняла, что именно Вячек прошептал.

— Ой! — она со смущенным смешком потерлась о его грудь. — Ну, и ладно, подумаешь, все равно, — попыталась Агния отмахнуться от слишком уж надуманного предлога, чтобы ее выставить.

— Иди, — Вячек не уступил. — Я сейчас договорю, и приду, Бусинка моя.

Он практически развернул ее, правда, поцеловав при этом в губы коротким, но таким жадным, таким родным поцелуем, что у нее дыхание сперло в груди.

А может воздух пропал потому, что Агния поняла — они не просто «свои дела» обсуждают. Нет, это большее. Это связано с Шамалко, и он никогда не скажет ей ничего.

Федот все это время молчал. Пересел к окну и прикурил, отвернувшись от них, и всем видом

давал понять, что понятия не имеет, о чем сам говорил с Вячеславом до ее появления.

Агния моргнула, отвернулась и послушно пошла в сторону комнаты, не заметив, как обхватила себя руками, будто бы в квартире резко стало холодно. Она пыталась не думать ни о чем, но мысли, которые до этого просто не появлялись в голове, сейчас заполнили мозг так, что тот, казалось, грозил взорваться. И эти размышления совсем не были веселыми.

Восемь лет назад

Малышка просто отключилась в его руках, реально. Борову пришлось самому вынимать ее, полусонную и разомлевшую из ванны и буквально тормошить, чтобы велеть выпить таблетку. Бусинка проглотила ту без возражений, ничего не спрашивая. И, кажется, не до конца поняв, что делает. После чего снова уткнулась ему в плечо лицом, и просто-напросто уснула у него на руках, с мокрой головой, закутанная в одно полотенце.

Вячеславу даже весело стало. Вот не видел он еще, чтоб кто-то так вырубался. Целиком и полностью. Ну, если только по голове не огреть чем-то тяжелым перед этим. Видно слишком много всего навалилось на его девочку в этот день, не удивительно, что малышка не выдержала. Да и сколько она под горячей водой проторчала еще, пока он в аптеку мотался. Тоже, небось, добавило.

Он отнес ее в комнату, потоптался какое-то время перед диваном, и сам ощущая, что чё-то и он тормозит не по-детски. Но так и не придумал, как расстелить тот не разбудив при этом малышку. Плюнул на все, взял плед, переброшенный через спинку, укутал ее прямо поверх полотенца и осторожно устроил на диване. Бусинка только вздохнула и поерзала, словно удобней зарываясь в этот кокон из одеяла и полотенца. Вячеслав посмотрел на нее минуту и сел рядом. Вытащил сигареты из кармана джинсов, которые натянул, когда выбрался из ванны, и сжал одну зубами, не прикуривая. Снова глянул на девчонку через плечо, хрустнув пальцами от того, что сжимал кулаки, не позволяя себе ее тронуть, провести рукой по щеке, чтоб вытереть кали воды, стекающие с волос. Посмотрел на свои руки и понял, что лыбится, так до конца и не веря что все: тормоза-то отпущены, по ходу. И он может дотронуться до своей Бусинки, когда только не припечет.

Только после всех этих месяцев — не верилось. Вот не верилось и все тут, блин. И что она его не шуганулась после всего, и что сама потянулась. У него даже сейчас от этого внутри полыхнуло огнем. И от того, как она его имя простонала, когда кончила. Первый раз в жизни, по ходу.

Вячек…

Вот кто его Бусинку раскусить может? То не заставишь ее «выкать» перестать, то придумает такое.

Вячеслав покачал головой, разминая мышцы шеи.

Его так в жизни никто не звал, с самого детства. Того, о котором он и не помнил ничего толком. Боров, по имени-отчеству обращались. Ну, Славкой, на крайняк, Федот мог кликнуть или кто-то из партнеров.

Но Вячек…

Было в этом обращении что-то такое, что задело, зацепило его, как ножом по кости. Врезаясь, вспарывая плоть и вены. Так, что у него взорвалось все внутри, когда он этот стон услышал. И хер его знает, как удержался, чтоб все-таки не взять ее, не толкнуться в тело малышки, которой и так от него досталось за этот вечер. Как взбесился он, если честно, до печенок проняло, так, что вжал ее в себя слишком сильно и сам тут же кончил, а в ушах так ее стоны и звенели.

Вячеслав провел рукой по лицу, пытаясь переключиться, о чем-то другом подумать, а то, черт

знает, куда такие мысли и воспоминания его сейчас могут увести. Взял пальцами изжеванную сигарету, помял.

Девять вечера, а он так вымотался, будто сутки на ногах, или побольше. Мелькнула мысль о всем, чего тут было за последние пару часов и Вячеслав аккуратно поднялся, чтоб ее не разбудить, собираясь прозвонить Федоту, узнать, чего-там? Все ли утрясли? На пороге комнаты еще раз оглянулся, проверяя, спит ли Бусинка? И только потом вышел в темный коридор. Через пару шагов под ногами что-то хрустнуло. Боров даже остановился, прищурился, пока понял, что это мобильник Бусинки. Тот, что разбили эти недоумки. Надо будет завтра ей новый купить. При одной мысли о том, что с малышкой могло бы произойти, не имей она возможности позвонить ему, хотелось все-таки лично «поговорить» с каждым из тех двух гадов.

Тут, отвлекая и послужив ему ориентиром заодно, запиликила его мобилка. Ругнувшись, Вячеслав быстро добрался до пальто, чуть не рванув карман, и с некоторым удивлением глянул на номер ресторана:

— Вячеслав Генрихович? — начал Семен сразу же, стоило ему нажать на прием.

— Да, — тихо отозвался Боруцкий, закрыв за собой дверь кухни. И только обернувшись, мысленно ругнулся. Вряд ли чтоб он тут смог на чем-то теперь сосредоточиться в ближайшее время.

— Я подумал, что стоит вам сообщить: Агния не вышла сегодня на работу и не позвонила. Да и я не смог ей дозвониться.

Вячеслав уже открыл рот, чтобы сказать, что он в курсе, но тут же захлопнул. Хмыкнул:

— Лады, разберемся, — коротко бросил он в трубку и сбросил вызов.

Постоял минуту в темноте, потом все же прикурил, открыв форточку и игнорируя сквозняк, потянувший по голым плечам. И затянулся, думая о том, как она его просила не уходить. Да и обо всем остальном тоже. Особенно о том, что и сам понимал, да и Федот напоминать не ленился. А теперь надо было как-то объяснить это все малышке. Чтоб не испугать, и чтобы она себе еще чего при этом не напридумывала.

В итоге, раздумывая над этим, прокручивая ситуацию то так, то эдак, Федоту он так и не позвонил. Да и потом, че друг маленький, что ли? Были б какие-то не состыковки, уже сам бы набрал и вызвонил Борова. А так вон, тишь да гладь. Или снова местом своим гадальным чует, что лучше друга не трогать сейчас?

Хмыкнув, он выбросил окурок в открытую форточку и пошел назад, к Бусинке. Закрыл входную дверь, про которую они как-то позабыли в суматохе. Решил, что надо будет не только замки ей заменить, а чтоб, вообще, двери нормальные поставили. А зайдя в комнату, увидел, что малышка сидит на диване, поджав под себя ноги и осоловело хлопает сонными, «поплывшими» глазами, осматривая комнату.

— Ты чего вскочила? — тихо поинтересовался он.

Его Бусинка моргнула и чуть сощурила глаза, будто пыталась сфокусировать взгляд на нем. Ясно, спит еще, по сути. Вячеслав усмехнулся и подошел впритык к малышке, искренне тащась от того, что может смотреть не таясь. И коснуться. И поцеловать.

— Вячеслав Ген… Вячек…, - малышка даже выговорить четко не смогла, еще раз моргнула и, запрокинув голову, сонно глянула на него в темноте комнаты, — я просто… не было, — Бусинка умолкла и с глубоким вздохом закуталась глубже в одеяло. С какой-то придури поднялась на ноги. Покачнулась.

Он мало понял из этого лепета, но тут же поймал ее, обхватив руками, а она прижалась лицом к его груди. Снова вздохнула, только теперь будто с облегчением, и по ходу, провалилась в сон. Вот

так, стоя, опираясь на него. Блин, он не мог перестать улыбаться, как баран какой-то. Хорошо еще, что не видел никто, даже она.

— Эй, Бусинка? — Вячеслав провел рукой по ее макушке, вроде и стараясь понять, что его девочка делает, и не желая будить, в то же время.

Она в ответ только потерлась щекой о его кожу. Да, содержательный диалог. Решив отложить выяснение всех вопросов на потом, он воспользовался тем что, несмотря на сонливость, Бусинка стоит. Поддерживая ее одной рукой, он второй раскрыл диван и кое-как вытащил подушку и одеяло. Наклонился за простыней, валяющейся на самом дне, но Агния, лишенная его опоры, тут же покачнулась.

Махнув рукой на простынь, он подхватил свою малышку, разложил диван и, абы-как бросив подушку, надавил Бусинке на плечи, заставив ее сесть назад. Она села. И продолжила спать уже сидя, даже не попытавшись лечь. Только к ладони его, которой Вячеслав ее плечо придерживал, щекой прижалась. Почему-то подумав, что так, наверное, чувствуют себя девчонки, когда в куклы играют, он приподнял ее и аккуратно уложил на подушку. Укрыл одеялом поверх пледа и полотенца, все еще намотанного на Бусинку. А потом, отложив на подоконник мобилку и пистолет, улегся рядом, закинув руку под голову, разглядывая свою спящую малышку. Самого Вячеслава спать пока не тянуло. А уезжать — даже мысли не мелькнуло. Уж не после того, как в ушах до сих пор звучал ее голос, полный слез, просивший не уходить больше.

Вот он и лежал рядом с Бусинкой, которая подтянулась под его бок, не успел Боров улечься, и как-то лениво думал обо всяком: о квартире и этих махинациях, и о телефоне себе мысленно напомнил, чтоб сразу купить, не забыть. Девчонку его же еще и не уговоришь саму поехать, на себя деньги зажмет, и у него не возьмет, что он, не пробовал? И о том, что поговорить с ней надо с самого утра, объяснить, чтоб не дай Бог нигде не засветилась. Донести, как важно это. Для ее безопасности, в первую очередь. Хоть Боров сам, если честно, не очень пока представлял, как сумеет и себя от нее подальше на людях удержать. Сейчас, особенно, когда дорвался до малышки, как алкаш до водки после нескольких лет завязки.

Эти размышления потянули за собой другие. О том, что лучше бы ей, вообще, пропасть из поля зрения тех людей, которым Бусинка уже давно примелькалась. И которые, так или иначе, а знают малышку. И могут просечь, зацепиться глазом за малейшую ошибку в поведении. Идеалом было бы ей просто исчезнуть из того же ресторана. Только как это провернуть — голова пока не соображала. Потому как, снова-таки, у него денег Бусинка если и возьмет, в чем Боров сомневался после двух попыток, то только под дулом пистолета, и то не факт. И как ее убедить? Любой вариант с иной работой тоже не казался Вячеславу безопасным для его девочки. Он решил пробить больше информации по возможности того, чего Бусинка, в общем-то, и хотела. К тому же, Боров уже и так заявил Щуру, что собирается раскручивать девочку, а тот не отличался особой молчаливостью. Так что никто ничего крамольного в этом не увидит. Только с этим еще разобраться надо, а пока придется как-то петлять.

Голова пока не особо «варила» по этой теме. Так или иначе, а и для Вячеслава сегодняшний вечер не прошел мимо. Клинило его. Все-таки клинило. И хотелось просто расслабиться. Отключиться от всего и по полной насладиться этим моментом.

Только вот, даже попытавшись, совсем отключиться от мыслей и уснуть Вячеслав не мог — не так и просто оказалось уснуть с кем-то под боком, пусть и с Бусинкой. Он просыпался чуть ли не каждые пять минут, не привыкнув, чтобы рядом кто-то дышал, даже так тихо. Или чтоб кто-то ворочался рядом, укладываясь на его плече головой, задвинув подушку под стену. А когда она во сне выпуталась из своего кокона и чуть ли не забралась на него, закинув бедро поперек живота,

Боров, только уснув в очередной раз, чуть не подскочил с дивана. Дезориентированный, не до конца понимающий, где находится и лихорадочно пытаясь вспомнить, куда свой пистолет дел? А Бусинка — хоть бы хны, только носик недовольно сморщила и продолжила спать дальше, словно и не ощущала всех этих его ворочаний и прыжков. Блин, дикий он, все-таки.

Пару раз глубоко вздохнув, чтобы очухаться, Боров улегся назад. Не прошло и пяти минут, как Бусинка снова его обхватила рукой. А потом и ногу закинула. Он почему-то вспомнил, как раз наблюдал за спящей малышкой. И она медведя к себе прижимала во сне. Мысль о том, что теперь он выступал в этой роли, заставила Вячеслава хмыкнуть. А че, Боров был очень даже не против. Особенно, как в полной мере прочувствовал, что девочка-то его совсем голая. Похоже, потеряла полотенце, в которое он ее укутал, где-то под одеялом. И такая теплая, мягкая, вся его…

Короче, заснул Боров только около шести, проворочавшись всю ночь и потратив пару часов на уговоры себя самого же, что Бусинке надо поспать. И нечего ее тормошить, если сам сказал, что подождет. Мужик он или не мужик, в конце концов? Че, силы воли не хватит перетерпеть, если уже столько вытерпел? Только вот, как выяснилось, терпеть, когда Бусинка где-то там, на другом конце города — это одно, а когда тут, под боком, такая сладкая и возбуждающая — вообще, третье.

Агния проснулась по привычке, даже удивляясь немного, отчего не слышала, как будильник в телефоне звенел? Ведь наверняка пора подниматься. Тут же, еще не открыв глаза, вспомнила, что телефон разбит. А сразу за этим пониманием, пришло другое осознание, отодвинувшее все остальное на задний план. Она лежала на Вячеславе Ге… На Вячеславе (приходилось даже мысленно одергивать себя, чтобы привыкнуть, и лишний раз вслух не ошибиться, а вдруг это вызовет его раздражение?). Ну, в общем, сейчас ее даже не это больше волновало, а все-таки то, что ее щека находилась у него на груди, а руками и ногами Агния словно оплелась, обхватывала Боруцкого. И при этом она точно была голая. Совершенно.

Ох.

И ей было так тепло. Так хорошо и спокойно. Но и не только. Волнительно. Да, наверное, так. Когда внутри было щекотно и возбужденно, и горячо от того, что она обнимала его.

Вот только еще и немного неловко. Особенно, когда она вспомнила все, что вчера на кухне было. И потом, в ванной.

Наверное, поздно было играть в невинность и стесняться. Но Агния вдруг и правда испытала смущение. А еще ей стало стыдно. Не того, что она вчера ничуть не сопротивлялась, а практически сама отдала себя Вячеславу. Нет, конечно. Или все-таки этого?

Ей было сложно сейчас понять. Что она знала точно, это то, что никто из ее родных не одобрил бы этого. Не говоря уже о том, что такой поступок выступал против всех канонов веры, в которой ее воспитывали.

Почему-то опять вспомнился позавчерашний уже разговор с отцом Игорем. Когда Агния вопреки запрету Боруцкого все-таки пошла в церковь, чтобы он понял, что не откажется она от этого. Священник, увидев ее, искренне волновался, несколько раз переспрашивал — все ли у нее хорошо? Не обидел ли ее тот человек?

И, кажется, так до конца и не поверил, что Агнию и правда не били, как минимум. Видно решил, что синяков просто под одеждой не видно. Ну вот, как-то так он на Агнию смотрел.

А потом про Боруцкого спросил, кто он Агнии?

Она-то сказала, то, что и всем говорила, что крестный, что опекун. И мысленно у Бога попросила прощения. Потому что показалось Агнии, что в этот раз отец Игорь что-то знает. Вот тогда, когда она после Рождества приходила, и Вячеслав за ней пришел — священник его точно не

знал. А сейчас — было что-то такое в глазах отца Игоря: какое-то внимание, настороженность и будто страх за нее. Потому Агния не собиралась вдаваться в подробности, чтобы не сказать чего-то лишнего.

А еще, священник начал интересоваться, не делает ли ее… «опекун» чего-то … неверного в отношении Агнии. Вот так осторожно и с паузами. Она даже не сразу поняла, на что отец Игорь намекает. А когда до Агнии дошло… В общем, она не сказала священнику, что сама хочет, чтобы Вячеслав сделал в ее отношении что-то «неверное». Но тот, кажется, что-то понял по ее глазам. Потому как минут десять потом говорил с ней о людских грехах и о прелюбодеянии особенно. Безрезультатно, в общем, если посмотреть на нее сейчас.

Подумав обо всем этом еще около минуты, Агния пришла к выводу, что ей конечно немного стыдно и неловко, но она не жалеет. Правда. И очень надеялась, что Бог ее понимает и простит, ведь Он видит, что у нее на сердце так, как ни одному человеку не дано увидеть или понять.

Только вот, кроме ее сожалений или отсутствия таковых, сейчас появилось столько вопросов: что думает обо всем Вячеслав? Ну, он вчера конечно сказал, что не уйдет, но как долго, и имел ли он в виду то, что Агния хотела бы услышать и верить? И чего он ждет от нее сегодня? А даже если не ждет, что ей просто надо делать?

Легко вздохнув, Агния все же заставила себя открыть глаза, понимая, что больше тянуть время нельзя, опоздает. Да и на фоне всех этих вопросов и сомнений, вдруг атаковавших голову, поход в консерваторию казался довольно желанным выходом. В конце концов, у нее будет хоть какое-то время разобраться во всем и понять. И с этим пониманием она попыталась встать.

Ага, как бы ни так. Стоило ей пошевелиться, как руки Вячеслава обхватили ее крепко-крепко, сам он недовольно нахмурился и, не открывая глаз, перевернулся так, что теперь Агния оказалась не на Вячеке, а под ним.

Он был таким большим. И тяжелым, хоть, кажется, и опирался на локти по бокам от нее. И Агнии тут же стало жарко. Правда она не смогла бы сейчас понять, был ли этот жар внешним или внутренним. И вдруг еще острее почувствовалась, что она совсем без ничего. А на Вячеславе были джинсы, плотная ткань которых давила на ее кожу.

— Куда собралась? — хрипло поинтересовался он, обхватив лицо Агнии ладонями и глянув на нее чуть приоткрыв глаза.

— Мне в консерваторию надо, Вячеслав Г… — насмешливо вздернутая бровь Боруцкого заставила ее осечься. Агния тут же поняла что, несмотря на все свои старания, все равно по привычки обращается к нему на «вы». И даже немного расстроилась из-за этого. — У меня пары в девять начинаются, Вячек…

— Забей, — тоном, который явно указывал, что он не просил и не предлагал, велел Вячеслав.

Опять закрыл глаза и опустил голову так, что устроился лицом между ее плечом и шеей.

У Агнии дрожь прошла по телу, когда щетина на его щеках царапнула ее кожу. Такая тягучая и сладкая дрожь, от которой внутри все свернулось в пульсирующий узел. Это чувствовалось так остро. Куда сильнее, чем вчера. Так интенсивно, что ей захотелось выгнуть спину, уткнуться лицом в его плечо, потереться своей щекой о его грудь.

— Совсем? — как-то растерянно переспросила Агния.

— Совсем, — хмыкнул Вячеслав, чуть грубовато погладив ее щеку тыльной стороной ладони.

Повернул голову и немного неожиданно для Агнии с жадностью прижался губами к впадинке у снования ее шеи. Даже кожу втянул, легко прикусив. И так втянул в себя воздух, словно кожей ее дышать пытался.

У Агнии обжигающие разряды пробежали по каждому нерву. И она сама не поняла, в какой

момент все же выгнулась, потянувшись ему навстречу, когда обняла его за шею, вдавив пальцы в затылок.

— Ох! — не удержавшись, тихо выдохнула она, сама ощущая, как усиливается дрожь в теле. Переполненная всеми этими чувствами.

Словно кровь пульсировала с нарастающей частотой, и волны этой пульсации передавались каждой мышце, каждой клетке в ее теле.

Вячеслав на секунду остановился, приподнялся и посмотрел на нее. И Агния замерла под этим взглядом. Хотела моргнуть, и не смогла. И горло осипло, так что даже вздох вышел хриплым и шумным. И еще — ей стало немного страшно. Наверное, впервые с того, первого вечера знакомства с Вячеславом. Не потому, будто она решила, что он с ней что-то сделает страшное. А оттого, что Агния сама не знала, что ей делать с тем, что она видела в глазах Вячеслава. У нее не было опыта, и сравнить ей было не с чем, на Агнию никто и никогда так не смотрел. С интересом, с оценкой — да, парни в консерватории поглядывали, да и в школе еще. Но так…

Вячек смотрел на нее так же, как вчера, у той стены на кухне после всего. Только еще… сильнее? Если можно было это слово применить к описанию взгляда. Его карие глаза казались ей сейчас безумно темными, чуть ли не черными, и такими глубокими. И взгляд… Он был одержимым.

Возможно, будь Агния старше в тот момент или хоть немного опытней, она бы сделала что угодно, чтобы убежать. Придумала бы какие-то способы. Но она не была взрослой и опытной, и лишь интуитивно могла ощутить — что даже попробуй сделать что-то подобное — Вячеслав не позволил бы. Из-под земли ее достал бы. Вернул.

Его глаза, они не просто давили, ей вдруг показалось, что они «кричали», будто этот мужчина считает ее своей, целиком и полностью, и никогда никуда не отпустит. Ни с кем не разделит. Даже Богу, похоже, не даст уделять время, желая всю Агнию только для себя. До каждой ее самой крохотной клеточки, до самого тихого вздоха. А Агния просто не представляла, как ей отреагировать, что сделать для человека, который смотрел на нее, как на самое желанное владение в мире, и это вызвало в ней какую-то отчаянную растерянность.

И в этот момент, будто поняв, что напугал ее, Вячеслав закрыл глаза и с жадностью впился в губы Агнии, словно ловя отголоски ее тихого вскрика. Закинул руку, обхватив ее ладонь, лежащую на его затылке. Сжал пальцы Агнии, переплел со своими, второй рукой продолжая удерживать ее голову, поглаживая щеку. Опасения и неуверенность улетучились, вытесненные куда более приземленными желаниями и чувствами.

Агния потянулась к нему, желая быть еще ближе, чувствовать больше.

А когда Вячек хрипло, тихо прошептал ей в рот:

— Девочка моя, Бусинка, — вдавливая при этом, вжимая то ли себя в ее бедра, то ли ее пытаясь сделать частью себя, она и подавно забыла о любых страхах.

Еще сильнее сжав ее пальцы на какое-то мгновение, Вячеслав отпустил, провел ладонью вдоль всей ее руки, до самого плеча, не прекращая целовать губы Агнии. А потом скользнул этой ладонью вниз, по всему ее телу и остановился, только дойдя до промежности, где сейчас Агния ощущала усиливающуюся тягучую и горячую потребность.

Он не говорил больше ничего, и ей не давал, продолжая алчно целовать. И только напряженное, громкое дыхание обоих сейчас звучало в тишине комнаты.

Чуть приподнявшись, почему-то неожиданно для нее и без всякого предупреждения, Вячек вдруг осторожно скользнул вниз ладонью, и она ощутила, как его палец входит в нее. Это оказалось больше, чем Агния смогла бы выдержать молча.

Выгнувшись дугой под его телом, насколько тяжесть Вячеслава позволяла ей, Агния застонала ему в рот. Тихо, гортанно, с удовольствием. Потому что ей не было больно. Может быть не очень комфортно сразу. Немного неожиданно, для нее все было ново, но очень приятно. И любой дискомфорт был куда меньше той бури неожиданных и сладких ощущений, которые вдруг закрутились в ней. И смущение куда-то делось, и смятение ушло. Нет, они были здесь, рядом, но отодвинулись на задний план от всего того, что Вячеслав с ней делал, из-за всех эмоций, которые рождали все его действия.

Впрочем, стоило Вячеславу обхватить ее и перевернуться так, что Агния оказалась сидящей на нем сверху, как даже сквозь это желание в мозг вдруг пробилась мысль, что она заснула с мокрыми волосами. И на голове, наверное, ужас что творится…

Впрочем, додумать о том, не спугнет ли она своей прической Вячеслава Генриховича, Агнии не удалось. Потому что, едва Агния оказалась сверху, он надавил одной ладонью ей на спину, заставив нагнуться так, чтобы завладеть ее грудью. На нее обрушилась новая порция настолько острых ощущений от грубоватых поцелуев его рта, от жесткого трения щетины по совсем непривычной и такой чувствительной коже груди, что Агния от всего отрешилась. Она задыхалась, хоть и дышала распахнутым ртом, и едва могла держаться, упираясь руками в плечи Вячеслава. И потому не совсем поняла, когда все опять поменялось. Хоть и чувствовала, слышала, как он приподнимал ее, как расстегивал и стягивал джинсы, и как что-то с негромким треском рвалось. Зато очень хорошо Агния ощутила, как он вошел в нее, сжав своими руками ее талию, и продолжая целовать лицо, шею, грудь. Его дыхание вырывалось резкими, короткими вздохами. А когда он проник в ее тело, Агнии показалось, что Вячеслав Генрихо… Вячеслав просто задержал дыхание. И от его резкого, хриплого вдоха, когда Вячеслав одним движением проник в ее тело на всю длину, у Агнии все внутри пронзительно сжалось.

И только спустя какое-то мгновение она осознала, что же не так — почувствовав незнакомое по вчерашнему опыту давление презерватива. На какой-то момент Агния даже растерялась, не сумев сориентироваться: «зачем? Почему именно сейчас?» Потом с ужасом мелькнула в голове мысль о последствиях вчерашнего. А еще через миг она обо всем забыла. Все стало неважно. Только его жадные руки и губы, и движения, в которых Агния просто-напросто теряла себя.

Она опять смущалась. Блин, он не мог понять, что надо сделать, чтобы малышка поняла, что у него от нее крышу рвет капитально? А она вон стоит перед зеркалом, глаза в пол пялит и пытается волосы в косу заплести, лопоча что-то про бардак на голове. Так ему этот «бардак» даже очень нравился. А еще больше то, что было десять минут назад. Да и ее стоны до сих пор звучали у него в ушах. Похоже, в этот раз ей понравилось куда больше.

— Вячеслав… — он аж губы поджал, когда снова эту паузу услышал, но Бусинка остановила себя вовремя, — а вчера мы… — она зыркнула на него через зеркало и снова уткнулась в пол взглядом. — Ну, не использовали… ничего…

До него дошло, о чем малышка лепечет только потому, как сильно она покраснела.

— Ты таблетку вчера пила, помнишь? — устав наблюдать, как Бусинка мучает свою голову, он подошел к ней со спины и поймал ладонь с расческой. Забрал ту у Агнии, несмотря на легкое сопротивление. — Сегодня вечером еще одну выпьешь. Накосячил я, признаю, — повинился Боров, опять растрепав рукой ее волосы. Притянул к себе свою девочку и опустил лицо в ее пушистую шевелюру. — Но это должно тебя обезопасить.

Глава 25

— Я вчера в ресторан не ходила! — Агния вдруг настолько растерялась от неожиданности этой мысли, что чайник «встал» на плиту с куда большим грохотом, чем она планировала. — И не позвонила Семену Владимировичу, — с огорчением и некоторой долей вины добавила она.

Больше для себя, конечно. Хотя и Вячеслав Г… Вячеслав тоже стоял здесь, в проеме дверей кухни, как-то так методично мял в пальцах сигарету и смотрел на нее из-под бровей.

— И? — Боруцкий с усмешкой вздернул эти самые брови еще выше.

Он пришел на кухню следом за ней, хотя Агния надеялась хоть на пару минут перерыва, чтобы прийти в себя и осмыслить то, что ей теперь надо делать. Только, похоже, никто не собирался оставлять ее одну. Вячеслав недвусмысленно давал понять, что ей не убежать. А Агния не то, чтобы пыталась, она снова стеснялась. И волновалась. И просто не знала, что делать и как. Накормить его завтраком? Или это глупо? Так ей самой есть хотелось, да и он же у нее со вчера и не ужинал. Но ведь Вячеслав не завтракает обычно, это она давно уже поняла. Поговорить? О чем? Она не могла придумать ни единой темы, хотя обычно с этим не было у них проблем, и собственное молчание уже начало давить на нервы, заставляя Агнию дергаться.

Ох, а все так хорошо начиналось с утра. Хотя и сейчас еще утро ведь.

Может просто сказать ему все, как есть? Что ей непонятно и страшно, и она не знает, чего он от нее ждет? Пусть Боруцкий скажет, и Агния будет знать, и все сделает. Или так нельзя?

— Я не особо понял, Бусинка, ты чего кипишуешь-то? Ничего тебе Семен не сделает, — она так задумалась, что не заметила, когда он подошел.

Подняла лицо и растерянно уставилась на Боруцкого.

— Нет, просто… Я и так в этом месяце уже несколько раз прогуляла работу. Нехорошо так, как-то, вышло. И без предупреждения, — Агния прикусила указательный палец, раздумывая над этим.

— А ты могла предупредить, что к тебе в квартиру эти недоумки влезут? — усмешка на лице Вячеслава стала шире. Он отбросил сигарету на стол и притянул ее к себе, взяв за плечи. — Не заморачивайся. В конце концов, я же в курсе, считай, что своего непосредственного начальника ты предупредила, — он легко провел костяшками пальцев по ее щеке.

А Агния только сейчас заметила, что Вячеслав смотрит на нее очень серьезно и внимательно, в отличие от шутливого тона его замечания.

Заметил, что она нервничает?

— И потом, на зарплате это не…

— Вячеслав Генрихович! — она даже зажмурилась от досады. И расстроенно вздохнула, открыв глаза и глянув на его, уже совсем серьезное и непроницаемое выражение лица. — Я же не из-за этого … Вячеслав, — поправилась Агния. — Совсем не из-за денег.

Поддавшись какому-то импульсу, видя, что выражение его лица не меняется, она подняла руки и вцепилась в его ладони. Даже сама не до конца зная, то ли пытаясь показать, что нуждается в нем, то ли испугавшись его расстроить или огорчить и стараясь теперь исправить свой промах. А потом и вовсе махнув мысленно на все рукой, наклонилась и прижалась лицом к его груди, слушая размеренный стук сердца Вячеслава. Он так и ходил в джинсах. Свитер они обнаружили на полу в ванной, мокрым. И сейчас тот висел на батарее. Сама Агния невпопад натянула первую попавшуюся под руку футболку перед тем как ринуться на кухню.

Боруцкий как-то напряженно вздохнул, обхватил ладонью ее затылок, крепче прижав голову

Агнии к себе. Второй рукой обнял ее плечи.

— Не сердись, пожалуйста, — тихо прошептала Агния, зачем-то обводя пальцем контуры наколки в виде большого распятия у него на груди. — Я просто… Я не знаю, что делать, и как. И как тебя не разозлить, и что ты ждешь. Я не знаю. Только не надо опять про деньги, пожалуйста, будто я из-за них с тобой время…

Она умолкла. И даже сжалась вся, когда за ее спиной Вячеслав хрустнул пальцами и тихо ругнулся.

— А если тебе надо будет уйти из ресторана? Если я скажу, что ты не можешь там больше работать, ты что делать будешь? Опять лапшу грызть или на стипендию свою жить, малышка? Только бы у меня денег не взять? Блин, я же не просто какой-то человек с улицы тебе!

Кажется, Вячеслав даже обиделся.

Только она выделила совсем другую часть фразы и ошарашенно посмотрела на Боруцкого, подняв голову и попытавшись отступить от него. Ясное дело, Вячеслав не позволил.

— Я не могу больше работать в ресторане? — растерянно переспросила Агния. — Почему? Из-за того, что мы… Что вчера? Из-за этого?

Вячеслав откровенно выругался, крепче притиснув ее к себе.

Как-то оно все не так ему представлялось, по ходу, когда он думал об этом разговоре. И Бусинка вон, уже чего-то себе напридумывала, сто пудов. Хлопает своими глазами и смотрит на него так, будто он ее ударил. Твою ж мать, а! И как с ней говорить, чтоб поняла? Это не Лысому что-то донести, где и объяснять не надо, не обсуждается. И не Федоту, который и сам все поймет.

И курить хотелось до ломоты в пальцах.

Как объяснить его девочке, что ее убить из-за него могут и чтоб она не убежала после этого? И что все ото всех прятать надо.

— Можешь. Пока. Возможно. Бл…!

Он отпустил ее и отошел к окну, дернул форточку, игнорируя потянувший морозом сквозняк. Вытянул сигарету из пачки и щелкнул зажигалкой. Все той же, поломанной, без крышки. Никак руки не доходили отнести ее в ремонт с нервотрепкой последних дней:

— Бусинка, а ты думала о том, что вообще хочешь делать дальше? Не век же ты будешь в ресторане петь, — как-то так тихо, но серьезно, что ли, спросил вдруг Вячеслав, выдохнув дым в форточку, обернулся к малышке.

Она обхватила себя руками, видно до нее холод дошел, и медленно покачала головой, настороженно следя за каждым его жестом.

— Петь…

— Вот, ты ж не у меня в ресторане петь через пять лет собиралась, когда пришла работу просить? Небось, в театре каком, или как это у вас называется, — хмыкнул Вячеслав, еще раз глубоко затянувшись. — В филармонии, о которой Щур чет плел, так?

— А почему я сейчас не могу петь у вас в ресторане? — проигнорировав его вопрос, вскинулась Бусинка.

И опять выкает. А голос уже сел. Елки-палки.

Боров снова коротко затянулся и выкинул окурок. Выдохнул, захлопнул форточку и повернулся к малышке, сев на подоконник.

— Бусинка, я ж, так, на минутку, не елочные игрушки на заводе разрисовываю, — с нажимом проведя ладонью по своим волосам ото лба к затылку, он глянул на нее из-под бровей. — И тех, кому я поперек горла стою — в городе не один, и не два человека. Ты хоть отдаленно

представляешь, чего с тобой сделать могут, если кто-то хоть заподозрит, как меня на тебя клинит? Как меня твоей жизнью прижать можно?

Судя по напряженному и недоумевающему взгляду Бусинки, она не очень секла, о чем он.

— Иди сюда, — Вячеслав протянул руку в ее сторону, подзывая к себе малышку.

Несмотря на все свое непонимание и недоумение, она тут же приблизилась вплотную к нему.

— Бусинка, — Вячеслав обнял ее за плечи, прижав к себе. — Никто не должен знать, никто не должен заметить, что между нами что-то изменилось, понимаешь? В первую очередь потому, что это для тебя опасно. Ты сумеешь так вести себя в ресторане, чтобы никто, даже Семен не понял ничего? Чтобы Федот засомневался? — невесело усмехнулся он.

Агния вдруг потупилась:

— А что, Федот знает? — глядя ему в ладонь тихонько спросила она.

— С первого взгляда просечет, малышка. Он и сейчас в курсе обо всем, думаешь, чего над тобой тучей ходит? Доставал же он тебя, было? — Боров пальцем поднял ее лицо, дождался слабого кивка. — Так потому и дергал, что полностью знает, какой ж… чем это все обернуться может, усекла? — он старался, правда.

Бусинка сдвинула свои бровки, против воли заставив его ухмыльнутся. Стрельнула в Вячеслава глазами.

— Вячеслав Генрих… — она даже вздрогнула, когда сама себя прервала, он ощутил это. Тяжело вздохнула и прижала свой лоб к его плечу. — Вы… ты ведь ту, ну, тогда, в клубе… Ты же ее ни от кого не прятал, и ничего, вроде…

Вячек сдавленно ухнул, не зная, смеяться ему или выругаться. Дите-дите.

— Бусинка, девочка моя, — он уже двумя руками обхватил ее лицо и снова поднял голову, не обратив внимание на сопротивление смущенной Бусинки. — Да мне по херу, что с той девкой будет. Она никто для меня, ноль, понимаешь? За тебя — я не просто кого угодно урою, себя пристрелю, лишь бы тебя выгородить, защитить.

Агния не была уверена, что сумеет сейчас вдохнуть. Что помнит, как люди дышат. То, что он говорил — это было и страшно, и как-то так… Его слова будоражили все внутри нее.

И вспомнилось то, что раньше прошло мимо сознания, чего Агния не замечала, не понимала, хоть и видела, слышала. Как он смотрел иногда на нее, как спал у нее на коленях и его аж трясло. Агния даже рот уже открыла, чуть не спросив о той ночи и их первой ссоре. И тут же захлопнула. Бог знает отчего, но не смогла, не посмела голосом оживить то, что, казалось, только на уровне ощущений стоило оставить. И как совсем недавно Вячеслав то ли пошутил, то ли пообещал: «сам подохну, тебе не дам» — вспомнила. Она тогда мимо ушей пропустила, а сейчас… Выходит, все это время, что Агния боялась, будто Вячеслав Генрихович в ней только подопечную видит, он…

Ей и страшно стало, да. Он говорил не то, чтоб веселые вещи. Нет, конечно, то, что касалось его слов о ней — это… Ух, у нее даже сравнения не было. И сердце в горле колотилось, и глаза «приклеились» к его лицу, к его глазам, таким же темным и яростным, как и когда он над ней нависал сорок минут назад.

— Бусинка, ты меня, вообще, слышишь? Че замерла, как каменная? — с невеселой усмешкой, Вячеслав провел по ее лицу пальцами.

Она кивнула, не в силах пока еще ни подобрать слова, ни произнести их. Не в состоянии выразить то, что бушевало в душе. И вместо этого подалась вперед, крепко-крепко обхватив Вячеслава руками за пояс, прижавшись губами к его коже.

Его руки в ответ сжались на ней просто нереально сильно. Так, что Агния даже немного

поморщилась. Но тайком и ничего не сказав Вячеславу.

— Ну, так что, Бусинка? Ты сумеешь понять, если я пройду мимо и не гляну на тебя? А не рыдать, как вчера, когда я пообещал, что вернусь, к тому же. Сама сможешь на меня посмотреть, будто я тебе по фигу? — тихо спросил Вячеслав, прижавшись лицом к ее волосам.

— Я… — она замолчала, вздохнула, — попробую. Не знаю. Правда. Вы… ты — все для меня. И если так надо…

— Не надо, малышка, в том и дело. Не надо, — Вячеслав глубоко и жадно вдохнул, собрал ее волосы в пригоршни, и прижался губами к виску. Так сильно, давяще. — Я дам тебе денег, вообще забудь об этом ресторане. Чтоб все забыли о тебе…

— Нет, Вячек, — она не хотела с ним спорить, но и просто так согласиться на то, что он хотел, не могла. — Я не знаю, правда. И … Ты, наверное, лучше знаешь об этом, только…Я… — Агния зажмурилась. — Это все так…

Он вздохнул, прервав ее:

— Бусинка, глянь на меня, — не ожидая, пока Агния поднимет голову, Вячеслав сам заставил ее посмотреть на него. — Неделю, давай, пока, хоть на неделю отодвинем ресторан. И что-то попробуем решить? Я, между прочим, уже Щуру сказал, что тебя буду продвигать, а за базар… — он усмехнулся.

Агния не нашла сил спорить. Да и подозревала, что он бы не позволил. Вот было у нее такое ощущение, что реши Вячеслав запереть ее в квартире, а то и еще где-то, где ее никто точно не узнает, и ни на что уже он не посмотрит. И ей казалось, что у него сейчас есть такое желание, очень сильное. Просто Вячеслав с тем пока борется. А может она и ошибалась.

Так или иначе, но Агнии пришлось согласиться на недельный «отпуск». Вячеслав сказал, что все объяснит Семену Владимировичу. А потом ему позвонили, и он начал звонить, про дверь кому-то что-то велел. Про дверь в ее квартире, как поняла Агния. И еще что-то, что ей уже не было слышно, потому как Вячеслав отошел и отвернулся от нее, и говорил шепотом.

И оказалось, что ему надо уходить.

Тогда Агния, все еще растерянная, мало что уяснившая и понимающая, и еще больше нуждающаяся в пространстве и времени после всех этих слов и откровений, заявила, что пойдет в консерваторию. У нее после обеда две пары еще. А если Вячеслав уедет, какой смысл ей сидеть?

Вячеслав не хотел. И нахмурился. И даже уже головой дернул. А потом все же кивнул. Пусть и с тем же хмурым выражение:

— Я отвезу. Но сначала телефон тебе новый купим, — сообщил он, взяв свой чай, который Агния уже заварила.

В консерватории она присутствовала только условно, если честно. Агния даже не пыталась сосредоточиться на том, что рассказывали на паре по итальянскому языку, и ужасно выступила в сценке, которую разыгрывали на актерском мастерстве. Преподаватель удивленно и довольно разочарованно оглядела ее с ног до головы, но все-таки простила на первый раз. Одногруппники помучили некоторое время вопросами о том, где она была с утра и что сейчас с Агнией не так? Она отделалась тем, что адаптировала вчерашнее происшествие, описав то, как проникновение в ее квартиру не особо удачливых воров, пока сама Агния была у соседки. И то, как они с Алиной Дмитриевной успели вызвать милицию. После чего ее оставили в покое, а Агния задумалась над тем, что все больше и больше начинает обманывать всех вокруг, даже священника. Так ей скоро свои грехи надо будет ходить отмаливать…

Впрочем, разве не об этом ее и предупреждал Вячеслав?

И об этом тоже.

Он о многом ее предупреждал. И говорил такие вещи, которые и с натяжкой не назовешь легкими или не страшными. По правде сказать, Агнии сложно было действительно понять весь масштаб того, как должна измениться ее жизнь. Уже изменилась.

То есть разумом она вроде могла сопоставить «два плюс два» и сделать выводы, но вот осознать… Это было так непросто. Все. Все-все, чего оказалось сразу так много. Его отношение к ней — Агния мечтала о том, чтобы Вячеслав стал к ней неравнодушен. Но даже представить не могла, что внимание мужчины может быть таким всепоглощающим, яростным, сбивающим с толку и забирающим разум.

Отношения ее родителей всегда были очень ровными, мягкими и уважительными. Агния не сомневалась, что они любили друг друга. Но это казалось таким спокойным и тихим по сравнению с тем, что бушевало сейчас в ней. О том же, чтоб пытаться анализировать сумасшедшую насыщенность чувств и эмоций Вячеслава — она даже не думала. Более того, размышляя об этом, Агния даже не стала бы утверждать, что в полной мере увидела те. И она соврала бы, заяви, что такая эмоциональная насыщенность ее не настораживает. Ладно, пугает и дезориентирует. Но не так, чтобы убежать. Нет!

На самом деле, у Агнии даже мысли не мелькнуло попытаться скрыться от Вячеслава. Но появился настоящий страх не соответствовать, что ли. Не оправдать даже не то, что его ожиданий или чего-то в этом роде, а уровня в каком-то смысле. Ведь Боруцкий был настолько старше, опытней, искушенней. Сколько еще ему будет интересно с ней?

Хотя, после его слов о том, что он готов сделать ради ее безопасности…

Обхватив голову руками, Агния уперла локти в потертую деревянную поверхность стола и задумалась о том, было бы ей так сложно все понять и разобраться, будь она на пять-десять лет старше? Легко ли сейчас и все ли понятно Вячеславу?

Вздохнув, она осмотрела аудиторию, и только тут поняла, что одногруппники собирают вещи, и пара, похоже, уже закончилась. А она и не заметила. Даже не вспомнила бы, что тут происходило после того, как она села на свое место. И не додумалась же ни до чего. Разве до того, что поняла: сколько бы неуверенности она не испытывала, как бы страшно и непонятно ни было — она не откажется ни от чего из того, что несет в себе возможность быть с ним. Потому что не могла себе представить, не хотела даже думать о том, что потеряет Боруцкого. Этот вариант Агния не рассматривала, хоть ей сложно было примириться с мыслью, что ради этого, вероятно, придется отказаться от работы в ресторане. Она сомневалась, что сумеет скрыть все то, что в данный момент бушевало внутри. Может быть позже… Но пока — вряд ли. И глупо, совсем неразумно было бы заявлять, что это не так. Ей даже сейчас, в эту самую минуту хотелось быть рядом с ним, хотя всего пару часов назад она так стремилась получить перерыв. А теперь мечтала только о том, чтобы снова оказаться в безумно крепких объятиях Вячеслава. Почему-то казалось, что стоит ей прижаться к нему, сказать — и Вячеслав найдет решение. Ведь не рассердился же он на нее утром, когда Агния рассказала о своей неуверенности и сомнениях? Хотя, конечно, тогда тема поменялась достаточно быстро, но все же…

Взяв свою сумку, она пошла к выходу из уже совсем пустой аудитории. Прошлась по коридорам, из которых, подобно ей самой, торопились уйти последние студенты. Хотя Агния не торопилась. Куда? В ресторан-то спешить не надо было.

Может, стоило попробовать найти другую работу? Совсем не связанную с Вячеславом? Хотя, что она умела, кроме пения? Ничего. Но тут она ведь уже все пробовала, не к Щуру же в филармонию идти. Или попробовать заняться чем-то совсем другим? Только куда ее возьмут в

неполные семнадцать? Раздавать листовки и рекламные проспекты на улице? Чем, вообще, можно зарабатывать, не имея никакого опыта в любой иной сфере, кроме пения? И другой вопрос: как к этому отнесется Вячеслав? Почему-то Агнии казалось, что он не придет в восторг, если она скажет, что будет раздавать рекламки у переходов. О том, что он говорил про возможность развития ее карьеры как певицы, она как-то не задумывалась. Серьезно, ей казалось, что у Боруцкого столько дел, ну куда ему еще этим заниматься? Да и что ж ей, все свои проблемы и дела на его плечи переложить? У него, наверное, своих столько, сколько ей и представить сложно.

Размышляя обо всем этом, она подошла к выходу из здания консерватории. В холле уже почти никого не осталось: только консьержка, да группка что-то шумно обсуждающих студентов старших курсов. Агния никого из них не знала. Подумав, что по дороге ей стоит зайти в магазин, купить чая, она протянулась к двери. И промахнулась мимо ручки. Да еще и так неудачно, зацепившись за нее браслетом. И только начала аккуратно высвобождаться звенья, как в небольшой предбанник со стороны улицы забежали девушка и парень, над чем-то весело смеясь и что-то обсуждая. И девушка резко потянула дверь с той стороны, не посмотрев, что с этой стоит Агния.

Ручка дернулась, а тонкие звенья цепочки-браслета не выдержали, лопнули. И украшение слетело с руки:

— Ох!

Они с той девушки выдохнули это вместе. Только та испуганно, а Агния горько. С ужасом. И с таким же ужасом она уставилась на обрывки браслета, упавшего на гранит пола. И подвески: бабочка и медвежонок — отлетели.

— Прости, — начала было извинять девушка.

Но Агния, не слушая ее, рухнула на колени, стараясь собрать все части, чтобы никто не наступил и ни одна не потерялась.

— Извини, — снова повторила девушка, последовав примеру Агнии, и присела на корточки, аккуратно подняла золотую бабочку. — Я не заметила тебя. Вот, держи.

Агния, как раз поднявшая обрывки самого браслета, только молча кивнула и взяла фигурку, судорожно выискивая взглядом третью подвеску.

— Вот, — парень, стоящий за спиной своей подруги, наклонился и, подняв с пола, протянул ей медвежонка.

— Да. Ничего. Спасибо, — как-то невпопад кивнула она, чуть ли не с жадностью схватив подвеску. — Я сама зацепилась, — подняв на них глаза, грустно заметила Агния.

И вышла из корпуса мимо посторонившегося парня, крепко сжимая обрывки украшения. Дошла до первой лавочки, стряхнула снег. И села, пониже натянув куртку. Поставила сумку рядом и уставилась на кусочки браслета в своей руке.

Все прошлые мысли, сомнения и страхи отошли на второй план.

Так глупо. До ужаса просто. Казалось бы, такая мелочь — случайно зацепиться о ручку. А в итоге — браслет, который подарил ей Вячеслав на Новый год, теперь совершенно порван. Совсем. И Агнии было так грустно, очень-очень просто.

Но и как-то… не весело, нет. Просто вспомнилась зажигалка. И как она сломалась. И как Агния обиделась на Вячека из-за этого. А теперь вот. Разве Агния хотела порвать браслет, который он ей подарил? Ни за что в жизни! Тем более теперь.

А вот как оно вышло. И не специально, и по глупости, случайно. А толку? Итог то один. Ведь и сам Вячеслав, наверняка, не собирался ломать зажигалку. Она даже очень отчетливо в этот момент вспомнила, как он тогда прощения просил. Не очень умело или витиевато, в двух словах. Тогда Агния решила, что ему просто безразлично и расстроилась еще больше. А сейчас, вспомнила все,

что он говорил и объяснял, как надо прятать и не показывать. И подумала о самом характере Вячеслава — попыталась представить: что говорила бы она сама ему, извиняясь за порванный браслет. Попробовала хоть в уме вообразить, как он говорит подобное — и улыбнулась. Господи, точно не Боруцкий. Она не могла себе представить, чтобы он так говорил. Только то, что и услышала от него в итоге. Да и привык ли он, вообще, говорить кому-то «прости»?

В этот момент, прерывая ее размышления, зазвонил новый телефон Агнии. Совсем еще непривычным ей звонком. И замигал не таким оттенком, хоть Вячеслав Ге… Вячеслав и купил модель той же фирмы. И карточку вставил старую, извлеченную из поломанного перед тем, как они вышли из ее квартиры. Просто у Агнии еще не было времени настроить все, как она в прошлом привыкла. Звонил точно не Боруцкий, его номер она знала на память. Потому оставалось не так много вариантов. Агния раскрыла телефон и поднесла к уху:

— Да?

— Слышь, Агния, а ты где? — Вова, она почти и не сомневалась в этом. — Мне тут надо ключи тебе отдать. Ну, от дверей. Новых. Уже поменяли. Ты еще в своей консерватории?

— Да, как раз закончились пары, — начала она.

— Ага, ну я так и думал. Я уже рядом, сейчас буду. Все равно мне домой тебя проводить приказано, — доложил Вова и бросил трубку.

А Агния посмотрела на экран. Потом на обрывки браслета, которые так и сжимала в другой руке.

Кто Вове велел ее проводить — было ясно. И теперь ей еще больше захотелось к Вячеславу. Обнять его, прижаться. Просто оказаться рядом. И извиниться за то, что так вышло с его подарком. И просто, хоть голос услышать… А она даже не знала, может ли ему сейчас позвонить. Не по делу, это он бы разрешил. Но ведь ничего экстренного не произошло. Ей просто тоскливо и грустно. А у Вячеслава какие-то серьезные дела же. И, наверное, будет совсем по-детски звонить ему из-за таких мелочей.

Поддавшись какому-то порыву, она выбрала в меню телефона функцию сообщений. Быстро набрала: «извини…».

А вот дальше — ничего набрать не успела. Потому как на аллее у консерватории появился Вова и громко окликнул Агнию, помахав рукой, чтобы привлечь ее внимание. Она вздрогнула от этого крика. Поднялась, не сообразив, как взять сумку. И торопясь освободить руку, нажала на «отправить». И тут же фыркнула: ни за что, ни почему, не объяснила. Глупо.

— Агния, здорово! — Вова подошел совсем близко.

Решив, что потом отправит еще одно сообщение, где объяснит, за что просит прощения, Агния сунула телефон в карман, подхватила сумку со скамьи и пошла навстречу Вове:

— Привет.

Федот молчал. Смотрел, конечно, так, что и добавлять уже было нечего. Но все же делал это молча. И хорошо, у Борова не имелось пока желания мутузить другу морду. А вот подозрение, что это желание появится, если Федот все же распахнет свою пасть — присутствовало стойкое. Наверное, друг тоже все это понимал, уже наученный опытом. Да и потом, дураком Федот не был и замечал многое. Потому не мог не понимать — Вячеслав и ему не спустит поддевок по поводу Бусинки.

Сейчас друг курил, не нарушая тишину коридора, куда они вышли из кабинета. Только косо глянул на зажигалку без крышки, которую Боров бросил в ответ на просьбу «прикурить». То, что Федот был в курсе, Вячеслав не сомневался, о чем и говорил Агни утром. Слишком хорошо они с

Андреем друг друга знали и давно секли любые мелочи.

— Ты хоть приставь к ней постоянную опеку, че ли. На всякий…

— Уже, — коротко бросил Вячеслав, и сам прикурив.

— Лысый?

— Есть вариант надежней? — он поднял бровь.

— Не, Лысый — самое то, я вчера так его прощупал, немного, — друг хмыкнул — Выше головы не прыгнет, ясень пень. Но это потянет. Да и сам к Бусине твоей прикипел душой…

— Что там, насчет умельцев тех, кстати? — прервав размышления Федота, уточнил Вячеслав, исподлобья наблюдая, как один за одним выходят из комнаты парни. Конечно, пойди, угадай, о чем они с Федотом, но мало ли. Нечего лишним ушам слышать.

Пацаны тихо гудели. Разговоры шли уже больше по отдыху. Правда, тут же затихли, когда пацаны заметили их, курящих в стороне.

— Это утрясли, но ты, небось, сам захочешь с Берчевым потолковать?

— Есть такая мысль, — хмыкнул он, глядя на спины удаляющихся подчиненных.

— Могу передать ему приглашение в ресторане пообедать. От твоего имени? — Федот бросил окурок в урну.

Боров кивнул, молча одобряя.

— Кстати, еще по этим лохам: информацию для них собирала девка, типа квартиру там снимала, потерлась среди соседей. Про крестного Бусины тоже информацию нарыла. Тебе понравится, — Федот ухмыльнулся. — Как могли эти идиоты заволноваться, коли этот самый «крестный» — начальник цеха на каком-то буксующем заводе. Живых денег в глаза не видел несколько лет, (видно бабками они и собирались рот тебе заткнуть, когда квартиру заберут). И каждую неделю горбатится на огороде. Каков портрет, а? — Федот, по ходу, конкретно наслаждался. Отрывался за то, что про свои мысли о прошлой ночи Борова ничего сказать не мог.

А сам Вячеслав несколько ошалел.

— Чего? Это кто им муть такую наплел?

— А Бусина твоя и наплела. Соседке своей. Ну, той, которая сведения собирала, — ехидно ухмыльнулся Федот.

Боруцкий недоуменно нахмурился, размышляя, что соц. службам и всем другим малышка вовсе другое рассказывала, и вдруг начал хохотать:

— Это она меня от правосудия прятала, — объяснил он Федоту, который с вопросом уставился на него. А Вячеслав вспомнил, как девочку свою к двери прижимал. Полез в карман, чтоб спрятать зажигалку и достал телефон. — Информаторша эта их, она юристом Бусинке представилась. Так малышка ей даже двери не открыла как-то, когда я в гостях сидел. И на меня шикала, чтоб я не спалился.

Друг ехидно покачал головой:

— Малышка, конечно, хитра, но тут сама облажалась, зря такое придумала, и проблемы себе на голову нашла, — скривил рот Федот.

Но Боров заметил промелькнувшую задумчивость в прищурившихся глазах друга. Только поинтересоваться причиной не успел, открыл мигающее на экране уведомление о принятом сообщении — и уставился на экран:

— Не понял… — сквозь зубы процедил Боров, но только отмахнулся на вопросительный кивок Федота.

С полминуты, наверное, смотрел Вячеслав на это сообщение, пытаясь понять. Несколько раз проверял номер. И все равно не врубался.

«Извини».

Что малышка этим пыталась сказать? За что извинялась? Вячеслав попытался восстановить все, о чем они говорили и вспомнить, не могло ли это иметь отношение к чем-то, к какому-то вопросу, действию, просьбе… И вдруг его как током шибануло, когда он свои утренние откровения на кухне вспомнил. Да, она сказала, что на все готова, лишь бы с ним быть. Так может, это на подрыве чувств было? Может, сейчас, подумав пару часов, пока сама была, когда мозги прояснились — она испугалась? Может до нее дошло, насколько ситуация, на самом деле опасна? И Бусинка решила, что лучше сразу все обрубить?

Да, нет. Девчонка, которая столько его ресторан штурмовала, не обращая внимания на раздражение Вячеслава не могла… Но тут же мелькнула мысль, что потому она и штурмовала, что так до конца не понимала, кто он такой, и чем это чревато. И не шутил он в тот первый вечер, когда говорил, что может прихлопнуть ее одной рукой.

И все равно, ну не врубался Вячеслав. Не верилось, что струхнула его девочка. Ну, не такая она.

Но от самой мысли, что могло, все-таки могло случиться и такое, не дура же девка, а своя жизнь завсегда дороже любого хахаля — у него внутри все жгутом сворачивалось.

Ага, фиг вам, не даст он ей пойти на попятной, если в этом все дело. Боров свою малышку никому не отдаст и не отпустит никуда. И если для этого ему просто надо быть все время рядом, чтоб у Бусинки мозги хреновыми идеями не забивались — да, легко. Он это как-то, да обеспечит.

И вообще, надо разобраться с этим гребаным сообщением. Выяснить все.

— Я поехал, если что — наберешь, — бросил он Федоту сквозь зубы, продолжая в мыслях искать мотивы для подобного извинения Бусинки. И ничего больше не объясняя, пошел в сторону выхода из офисного помещения, в котором квартировалась одна из его «фирм».

Глава 26

Двери он открыл сам. Второй комплект ключей, ясное дело, Вячеслав сразу забрал себе. В квартире было тихо. Неужели еще не вернулась из своей консерватории? Да, нет, куртка вон, на вешалке. И эти дурацкие сапоги, которые она ему вечно под нос тыкает.

Не оборачиваясь, он толкнул двери, захлопывая, и только начал снимать туфли, уже открыв рот, чтобы позвать Бусинку, как малышка сама выскочила в коридор. В одной футболке, по фигу, что длинной, с растрепанными влажными волосами, взъерошенная. Прижала ладони к горлу. Похоже, она как раз переодевалась, после ванны, что ли.

Однако, несмотря на безумно привлекающий его внешний вид, внимание Вячеслава сосредоточилось в этот момент не на этом. А на огромных, перепуганных и растерянных глазах Агнии.

Бл…ин! Ну, точно, что ли, решила смотать удочки?

Он уже стиснул кулаки, стараясь унять взметнувшиеся опасения и как-то начать налаживать ситуацию, а не просто заорать, что никуда ее не отпустит. И в этот момент выражение лица малышки изменилось кардинально:

— Ох, Господи! — она глубоко вздохнула, отпустив свое горло и опершись о стену. — Я решила, что снова кто-то забрался, — не очень разборчиво пояснила Бусинка, пока Вячеслав все еще пытался разобраться в ее мыслях, вглядываясь в выражение глаз и лица девочки.

Агния же, судя по всему, совсем подобным не заморачиваясь, вдруг расплылась в такой счастливой улыбке, что как только искриться не начала, и бросилась к нему. Уже через секунду крепко обняла Борова за пояс и прижалась лицом к его груди:

— Привет. А я не знала, придет… придешь ли ты сегодня, — все с тем же восторгом в голосе пробормотала его девочка и запрокинув голову, заглянула ему в глаза.

И ни одной тени во взгляде. Ни хера не прячет — все как на ладони: радость ее, восторг, смущение и даже то, что заставило ее дыхание сбиться, пусть и не очень еще осознанное. И щеки румяные.

Агния вдруг с некоторым недоумением и растерянностью приподняла брови и попыталась отступить. Но вот этого Вячеслав не позволил, махнув пока рукой на изучение и попытки разгадать ее мотивы, он обхватил свою девочку за плечи и, потянув на себя, прижался к ее рту своим, пальцами зарывшись во влажные волосы. Малышка с тихим вздохом, который он проглотил, привстала на носочки и обняла его за шею, практически улегшись на Вячеслава. Блин, когда встречают с такой радостью, какая уже разница, что там было в том смс?

Он неохотно позволил Бусинке отстраниться, только когда понял, что девочка уже серьезно нуждается в воздухе. Но из своих рук не выпустил, даже пальто сбросил, продолжая обнимать Агнию. И мимоходом отметил, что бардака в коридоре, который утром еще был, теперь и след простыл. Ни обрывков бумажек, ни грязи, все убрала. А потом че, в ванну решила залезть? Он, еще целуя ее, заметил, что не только волосы, а и кожа Бусинки влажная, и такая теплая, словно малышка парилась. И от этого, видно, ему так хотелось прижаться к ее макушке, вдохнуть поглубже. И шею поцеловать, и… Но все же Вячеслав решил прояснить сначала все вопросы:

— И что это значило? — он достал из кармана мобильный.

Бусинка, кажись, еще не совсем «включившаяся» после поцелуя, с недоумением перевела глаза на телефон. Потом глянула с этим же выражение на Вячеслава.

Его попустило. Реши она убежать, вряд ли с таким трудом бы об этом вспоминала.

— Ты за что прощения просила? — пояснил он, решив, что так она еще долго соображать будет.

— Ой, точно! — Агния прижала ладонь к губам. — Я же так и не дописала! Прости! — она просто вцепилась в его руку.

— Ага. Не дописала. Ну, я так и понял, — кивнул он, ничего не понимая пока, если честно. — А извинялась за что, Бусинка?

Она зыркнула на него из-под бровей, вновь заставив Вячеслава насторожиться, а потом юркнула в свою комнату:

— Вот, — повернулась Агния к нему, когда он зашел следом. И протянула руку, сложенную пригоршней. — Я браслет порвала. Прости, правда. Я не хотела, просто он зацепился за ручку, а дверь с другой стороны дернули и… — малышка тяжко вздохнула.

А Вячеслав сел на диван, упер локти в колени и провел ладонью по лицу, стараясь не расхохотаться. М-да, херовый из него знаток мозгов девчонок. Напридумывал себе фиг знает что, а у нее цацка порвалась.

— И все? Ты поэтому извинялась. Из-за браслета? — уточнил он, глянув на пасмурную Бусинку. — Блин, нашла повод. Да, завтра новый себе выберешь. Хоть десять, — подмигнул Вячеслав, стараясь ее развеселить.

— Нет. То есть, да. Не совсем, — его девочка тяжко вздохнула и подошла ближе к нему, глядя на обрывки браслета. — Мне очень жалко, что он порвался. Только я не из-за этого. Хотя, и за браслет тоже, — она снова вздохнула.

А Вячеслав, не особо понимая, че она так из-за цацки этой грузится, обхватил талию своей малышки и подтянул девочку к себе так, что ей пришлось согнуть ноги и усесться поверх его колен. Ему понравилось. Вячеслав откинулся на спинку и глянул на нее всю, целиком, все еще не до конца веря, что все-таки заполучил свою малышку.

— Бусинка, ты зря нос повесила, вот серьезно: было б из-за чего, — он пальцем приподнял ее подбородок. — Сечешь? Ну, хочешь, поедем сейчас, выберем тебе новый?

— Нет! — она вскинулась. — Я же не об этом. Просто, мне стыдно. Очень, и … Я так тогда на тебя обиделась, что с зажигалкой так вышло. А теперь… — Агния снова глянул на браслет. — Прости, что на тебя обижалась. Это так глупо было. Вот, — осторожно отложив обрывки украшения на подоконник, она обняла его за шею, нежно прошлась пальцами по затылку, будто гладя волосы.

И смотрела с каким-то настороженным ожиданием. Он не знал, может, думала, что он на нее разозлиться должен там, что она тогда так отреагировала, или еще что, ну, из-за браслета этого. Только Вячеславу все это до одного места было. Не ее переживания, в смысле, а сам факт. И так хорошо стало от того, что для нее важно, что он думает, что переживает, как бы не задеть его. Маленькая такая, ни хрена о жизни не знает, а заботится о нем и его чувствах (о которых он сам, по ходу, и не в курсе, если уж на то пошло; не то, чтоб Боров сильно загружался или переживал, ну порвался и порвался, всяко бывает). Внутри аж тепло стало. Он надавил ей на спину и снова начал целовать, решив доступно объяснить, что никакого зла на нее не держит.

— Агния! Привет, — Аня догнала ее в коридоре и остановилась рядом, чуть задыхаясь.

— Привет, — Агния обернулась, рассматривая однокурсницу. — Что-то случилось?

— Да, нет. Не случилось, в общем-то, — девушка немного смущенно пожала плечами. — Я хотела спросить, ты мне денег дать взаймы не можешь? На неделю, всего пятьдесят. Я отдам, — Аня с надеждой посмотрела на нее.

А Агния с сожалением вздохнула. У нее самой в кармане сейчас было пять гривен. Да и дома двадцать уже не наберется, наверное… Хотя, нет, конечно, дома у нее лежали деньги. Много. Вячеслав еще позавчера оставил на столе в комнате пачку со словами: «не вздумай отнести попам». Агния их еще даже не считала, но ей казалось, что там куда больше, чем она получила бы в качестве зарплаты в ресторане.

О самом ресторане, кстати, больше не упоминалось. Прошло уже две недели с тех пор, как он попросил ее «на неделю тот отодвинуть». И ничего: Вячеслав не упоминал больше об этом, и Агния никак не могла решиться напомнить, слишком опасаясь сделать что-то не то и вызвать его неудовольствие. К тому же, если совсем честно, она не знала, действительно ли сумеет делать вид, что между ней и Боруцким ничего не изменилось. Потому и не заговаривала. Только и взять те деньги, что он ей оставил, пока не могла. Не могла, и все тут. Будто бы это была оплата за то, что он с ней… Что она с ним… Вроде и понимала, что не так, но все равно Агнию это коробило.

Хотя, нельзя сказать, что искушения не возникало. И все же, пока она сомневалась в том, насколько это правильно. И пыталась придумать любую другую возможность, искала варианты с работой. Не особо распространяясь об этом, конечно.

Аня все еще ждала ее ответа.

— Я б с радостью, Ань, но у меня сейчас у самой проблемы. Да и с работой, вообще, — с невеселой улыбкой Агния покачала головой.

— М-да, вот и у меня проблемы, — Аня тяжко вздохнула и опустилась на один из нескольких стульев, стоящих вдоль стены коридора консерватории. — И думать что-то надо, как-то дотянуть до стипендии и зарплаты родителей. Но тоже, ведь, не могу же я все время у них деньги брать, не маленькая уже.

Агния только кивнула, разделяя грусть и проблемы однокурсницы, но слабо представляя, чем может тут помочь. Даже посоветовать нечего.

— Ладно, — Аня поднялась и взяла свою сумку. — Буду еще что-то думать. В любом случае, спасибо, — она улыбнулась Агнии и пошла в сторону аудиторий.

Та улыбнулась в ответ, хоть и не за что было ее благодарить-то. Но следом за Аней пока не торопилась, пусть у них и одна лекция сейчас стояла в расписании. Вместо этого Агния подошла к окну и посмотрела на улицу: начало февраля, девять утра, пасмурно, туманно, снег на земле тает, а с неба вот-вот начнет срываться новый. Снова будет слякоть и квашня. А в новых сапогах ноги мокли так же, как и в предыдущих. Конечно, сейчас она почти и не ходила пешком, Вячеслав ее каждое утро привозил в консерваторию. Вот и добиралась она своим ходом только до маршрутки, когда домой с Вовой ехала. Да и в ресторан теперь не надо было ходить…

Зато Вячеслав к ней ежедневно приезжал.

— Агния!

Аня, которая две минуты назад скрылась в аудитории, опять бежала к ней по коридору, что называется «на всех парах». Это заставило Агнию весело улыбнуться, несмотря на то, сколько в душе было сомнений, неуверенности и вопросов, на которые она не знала ответов:

— Что? — Агния отвернулась от окна.

— Тут мне вариант один предложили, — Аня остановилась рядом, снова стараясь восстановить дыхание. Ухватила ее за руку. — Слушай! Можно после второй пары съездить, две остановки всего. Сдать кровь. За это деньги дают. Не очень много, конечно, но все-таки. Хочешь? — Аня с надеждой заглянула ей в глаза.

Агнии от одной мысли о подобном стало плохо. Ну, то есть она понимала, что это для хорошего дела и все такое, но вот как-то так, с бухты-барахты… Да еще и ради денег. Ей такое даже

в голову, наверное, не пришло бы.

— Ох, знаешь, я как-то не настолько, вроде бы, нуждаюсь, — заметила Агния, сглотнув ком в горле. — Оригинальный, такой, вариант. Слишком уж для меня экстравагантный. И потом, ты же так постоянно не будешь, Ань. Может, лучше, о нормальной работе подумаешь?

— Ну, как знаешь, — Аня пожала плечами. — И сама понимаю, что это экстренный вариант, но мне сейчас позарез нужны деньги, я и на это согласна. А потом уже и работу дальше искать буду. Только, — Аня неуверенно прикусила уголок губы. — Слушай, мне тоже как-то одной не очень хочется. Может, ты сходишь со мной просто так, как поддержка, а?

Через четыре часа Агния сидела на стуле в холле первого этажа консерватории и пыталась вспомнить, ощущала ли себя еще когда-то такой глупой? Был момент с ее ревом в ресторане и ощущением собственной дурости и беспомощности, конечно. Но то воспоминание до сих пор отдавало ей горечью и некоторым чувством стыда. Сейчас же больше посмеяться над собой хотелось. Еще б голова не кружилась, вообще здорово было б.

Аня, вообще, домой поехала. Клятвенно пообещала, что больше в жизни на такое не решится, но сейчас сил сидеть на парах у нее больше нет. А Агния все-таки вернулась, еще и торопилась так, а все равно опоздала на пару. Лучше бы на станции переливания крови задержалась, и чай попила бы, как сотрудники предлагали, с булкой. Но тогда ей показалось, что она себя нормально чувствует, а как до консерватории добралась — уже была не так в этом уверена. И ничего страшного, вроде, но легкая слабость появилась, да и голова кружилась, все же. Видно, с непривычки, как и предупреждала ее испуганная медсестра, когда поняла, что зря возраст не уточнила, и на автомате заполнила карточку, спохватившись лишь тогда, когда маркировала взятую у нее кровь.

Агния все-таки тихо засмеялась над собой и ситуацией, уткнувшись носом в ладони.

— У нас декан, конечно, либеральный, но если ты пьяная, лучше не сидеть прямо в холе, — веселый голос заставил ее поднять голову и обернуться.

На соседний стул, попутно вынимая из ушей наушники, уселся какой-то парень, лицо которого показалось Агнии смутно знакомым, но она так и не вспомнила, где его видела. Он был явно старше, курс третий-четвертый, может, и с доброжелательной улыбкой смотрел на нее:

— Что? День рожденья чей-то праздновали? Развезло? — без всякого осуждения в голосе, а с добродушным пониманием, поинтересовался он.

— Нет, — Агнии стало еще веселей почему-то, при мысли, что ее могли принять за выпившую. — Я не пьяная, я глупая, — под конец она снова тихо рассмеялась.

И то и дело косилась в сторону парня, пытаясь понять, откуда его знает.

— Я — Стас, — видно догадавшись о ее затруднении, парень представился. — Мы с Динкой тебе браслет порвали недели две назад. Вижу, ты смогла его починить? — он кивнул на ее руки.

Агния переплела пальцы и спрятала ладони между коленями. Нет, тот браслет она не отремонтировала. Вячек ей новый подарил, такой же изящный, но куда дороже, как ей показалось. Привез на следующий день. Хотя подвески Агния все же перевесила с первого.

— Нет, это новый. Мне подарили вместо того, — уже без улыбки ответила она.

— Упс, прости, — парень постарался изобразить на лице раскаяние.

— Да, ладно, — покачала она головой. Не ругаться же теперь. — Меня, кстати, Агния зовут, — запоздало представилась она, вспомнив, что парень назвал свое имя.

— Да, я в курсе, — Стас ей подмигнул. — Я был на вашем новогоднем концерте, а имя у тебя… Не из тех, что быстро забудешь. Да и поешь ты, — он даже руками взмахнул, — здорово,

короче, поешь!

— Спасибо, — Агния тепло и благодарно улыбнулась, но отвернулась от Стаса, зачем-то уставившись в ближайшее окно.

На минуту между ними повисла пауза.

— Так, комплимент не пошел, — парень хмыкнул. — Видно я не оригинален.

— Мой голос часто хвалят, — без всякого тщеславия или попытки набить себе цену, заметила Агния. — И мне всегда приятно, я искренне поблагодарила. Только заслуга-то в этом не моя, от Бога и родителей такое богатство досталось.

— Не скажи, ты же здесь сидишь, а значит — развиваешь этот дар, а не в ванной поешь потихоньку, так что и твоя заслуга есть. И гордиться можешь законно.

Агния глянула на Стаса с некоторым недоумением, не совсем поняв, с какой стати он решил ее убеждать в этом.

Парень усмехнулся:

— Все, понял, меняю тактику. Не привык просто, чтоб на мои комплименты реагировали так, — он бесшабашно пожал плечами. — Тебя действительно не трогает, когда хвалят твое пение? Из академического интереса спрашиваю? — лукаво прищурившись, уточнил Стас.

Агния покраснела и отвернулась, теперь, чтобы спрятать этот румянец. Только дело было не в Стасе и его словах, а другой похвале, которую она вспомнила. «Ты всегда офигительно поешь, даже перед пьяными посетителями в ресторане». Эти слова Вячеслава, всплывшие в памяти, даже сейчас, после всего, заставили пройти дрожь по ее телу.

— Трогает, — не вдаваясь в подробности, ответила она.

— Ясно, это я просто не из той оперы, — все так же весело покачал головой Стас, сделав сокрушенный вид. Впрочем, было отлично видно, что парень шутит. — Хорошо, эту тему опускаем. А что там с глупостью и вероятным пьянством?

— Я не пила, — еще раз заверила его Агния, почувствовал облегчение, что они ушли от неудобных намеков. — Просто на перемене поехала с подругой в качестве моральной поддержки на станцию переливания крови. Она денег подзаработать решила, — с широкой улыбкой поделилась она.

— И что? — Стас выглядел немного растерянным, явно не поняв.

— И они с медсестрой уговорили и меня сдать кровь, — тут Агния вновь уткнула лицом в ладони. — Господи, я же даже не собиралась, мне муторно от одной мысли было. А там все эти плакаты и лозунги, про жизни, и в таком духе… — все еще улыбаясь, она сквозь пальцы глянула на парня, который старательно делал вид, что не смеется над ее словами. — Короче, теперь Аня уехала домой, а я так торопилась на пары, что даже чай не попила. Вот, и у меня голова кружится.

— Да, — Стас прочистил горло. Втянул носом воздух, крепко сжимая губы. И все-таки не удержался, засмеялся. — Ты сострадательная личность, оказывается.

— Видимо, — согласилась Агния с выводом парня.

— А вот с чаем — это плохо вышло. Поверь мне, я тоже пару раз таким по молодости страдал, — напустив на себя серьезный вид, добавил Стас.

Агния отняла руки от лица и посмотрела на него внимательней. Почему-то такое заявление парня ее насмешило. Можно подумать, сейчас он очень «не молодой».

— Тебе стоит выпить чего-то горячего, и булка не помешает, проверено. Слабость сразу уйдет, — не заметив ее скепсиса, продолжал говорить Стас. — Давай-ка, я тебя до столовой провожу, все равно свое занятие по фортепиано я уже прогулял, так что и сам чая выпью, — все с той же бесшабашной улыбкой предложил он.

Агния уже почти согласилась, даже кивнула. В конце концов, ей стоило поесть, она и сама это понимала. Но в этот момент двери в холе хлопнули, и она с удивлением увидела Вову, достающего из кармана куртки телефон. Она нахмурилась, почти уверенная, что он собрался звонить ей. Только почему он пришел так рано?

Неприятный холодок прошелся по горлу и сжался внутри груди Агнии. Тут же забыв о Стасе, она подскочила со стула, на миг замерла, пережидая головокружение, и пошла в сторону охранника и друга по совместительству.

— Вов? Ты что тут так рано делаешь? У меня еще полторы пары, — из-за того, что холл был пуст, ее было прекрасно слышно, хоть Агния и не кричала.

— О, Агния, здорово, — Вова поднял голову и обрадованно посмотрел на нее. Спрятал телефон. — Да, я в курсах, что у тебя еще не все. Но, тут такое дело, понимаешь, — Вова замолчал, словно поджидая, когда она ближе подойдет, и внимательно осмотрел помещение. Прищурился зачем-то и как-то пристально глянул Агнии за спину. — Короче, — чуть ли шепотом, который звучал довольно смешно от такого крупного парня, продолжил он, — мне Вячеслав Генрихович тебя забрать велел. Вот. Так что, давай, пошли, — Вова протянул руку, явно ожидая, что Агния отдаст ему номерок из гардероба, чтобы он взял ее куртку.

— Что-то случилось? — еще больше заволновалась она. — Вов, почему?

Лысый глянул на нее как-то неуверенно и, Агния решила что ошиблась, но вроде как смущенно. Хотя, неужели Вова может смущаться?

— Слушай, я откуда знаю? — резко забрав номерок из ее ладони, Вова отвернулся. — Мне крестный твой велел тебя забрать. И все. Я только распоряжения выполняю. А дальше…

— Агния?

Ох, она забыла о Стасе. А вот парень, похоже, пошел за ней. И сейчас стоял неподалеку, с интересом посматривая то на нее, то на Вову. Наверное, именно на него и смотрел сам Владимир. Да и сейчас настороженно обернулся, выдвинувшись вперед так, что встал вровень с Агнией.

— Так что насчет чая? — не особо, вроде бы, обратив внимание на Вову, Стас вопросительно кивнул в ее сторону.

— Прости, не выйдет, Стас. Мне идти надо, — Агния покачала головой. — До свидания, — добавила она, когда Вова, с прозрачным намеком, ухватил ее за руку и потащил к гардеробу.

— Ага, давай, пока, — наклонив голову к плечу, Стас смотрел ей вслед.

— Это что за хмырь? — стоило им отойти метров на пять, не особо таясь, поинтересовался Вова, со звоном хлопнув номерком о деревянную стойку гардероба.

— Ну, — Агния даже растерялась. — Я даже не очень знаю. Видела его пару раз в консерватории. Вот, случайно встретились сейчас, поговорили, — она пожала плечами, ожидая, пока немолодая гардеробщица принесет ее куртку.

— Пристает? — деловито поинтересовался Вова с такими нотками в голосе, которые заставили Агнию настороженно вскинуться.

— Нет, просто поговорили, ты что?

— Ну, смотри, говори, если что. А то, знаешь, что на уме у студентов этих, — с таким «знанием дела» заявил Вова. — Лучше сразу на место ставить, а не ждать неприятностей, когда лезть начнет.

— Вов, ты что? — Агния даже моргнула. — Я просто поговорила с человеком. Какие неприятности? И не лезет он ко мне. И ножом куртку не рвет, кстати, — намекнула она слишком уж «умному» охраннику. — Просто тема общая была, вот и поговорили, — Агния резко застегнула «молнию» на куртке, где сбоку, пусть и спрятанный, но виднелся шов.

Вова смутился.

— Ну, ладно, ну че ты напоминаешь? Думаешь, мне Боров мало рыло начистил за то? Я ж не знал, что ты — наш человек. Проехали, а? — тут же пошел он «на мировую».

Агния только улыбнулась. И постаралась незаметно сглотнуть, стараясь смочить пересохшее горло.

— Ладно, пошли, Вов. Забыли, — согласилась она. — А куда идем, кстати? Домой? — поинтересовалась она, выходя на крыльцо.

— Не, — с сожалением вздохнул Вова. — Жаль, у меня для тебя такой сюрприз есть, закачаешься! — он даже губы выпятил и с важным видом покачал головой. — Мы теперь с тобой — не пешеходы, Агния. У нас теперь «колеса» есть, во! — Вова махнул указательным пальцем перед ее лицом. — Но не сегодня. Тебя Боруцкий сам заберет, поговорить с тобой хочет. На парковке ждет.

Новость о том, что Вячеслав ждет ее на парковке, вытеснила все остальные мысли и новости. Агния даже не вникла и не уточнила, о чем Вова говорил, упоминая колеса. Вместо этого она удивленно глянула на друга, недоумевая, почему Вячеслав ей не позвонил. Ясно, что сам он просто так являться в консерваторию не будет. Но зачем Вову гонять? Что Агния сама не вышла бы, если бы он ей позвонил?

Но тут они завернули за угол здания, и в самом краю парковки Агния увидела знакомый внедорожник (в марках машин она никогда особо не разбиралась, различая их в основном по габаритам). Все вопросы тут же исчезли, и осталась только радость, что она сейчас *его* увидит. Радость такая сильная, что пришлось уткнуться глазами в тающий под ногами снег и вонзить ногти в ладони, чтобы как-то скрыть свой восторг от Вовы и не дать ему ничего заподозрить. А вот замедлить шаг она не смогла даже несмотря на слабость. И уже через несколько минут добралась до машины.

Вова, махнув ей, свернул в сторону автомобиля, припаркованного рядом. Но Агния не оборачивалась, чтобы тот рассмотреть, торопилась. Правда, по непонятной для себя причине, видно из-за «потери» крови или уж очень маскируясь на уровне подсознания, отчего-то открыла заднюю дверь и только сев, вспомнила, что в последний раз, когда ехала на этом сидении — Боруцкий ее ругал. Впрочем, в приметы Агния особо не верила. И едва захлопнув двери, наклонилась вперед, перегнувшись через спинку переднего сиденья, обняла Вячеслава за шею:

— Привет, — тихо, испытывая блаженство, прошептала она, прижавшись щекой к его затылку. — Что случилось?

Он не ответил. Поднял ладонь и обхватил ее скрещенные запястья, с нажимом погладил холодные пальцы, пройдясь рукой вверх-вниз, словно согревал ее ладони. Но все молча, только тяжело глянул на Агнию через зеркало заднего вида, так, что ей даже стало немного страшно:

— Вячеслав? — неуверенно переспросила Агния, попытавшись отстраниться, чтобы заглянуть ему в глаза напрямую.

Но он не отпустил ее рук. Вместо этого развел их и без всякого объяснения методично закатил один рукав, вместе со свитером, а потом второй. Агния замерла, почему-то испугавшись. И настороженно следила за его действиями, но не решалась больше что-то спрашивать. Вот, будто он точно знал, где она сегодня была и что сделала. Хотя, откуда? А Боруцкий ругнулся, когда увидел маленькую точку прокола в правой локтевой впадинке и повернулся к Агнии всем телом, смотря совсем сурово:

— И какого хрена ты это сделала, объясни мне, Бусинка?

— Вячек? — она наклонилась между передними сиденьями, хоть он так и не отпустил ее рук. И ясно, что неудобно было малышке. А все равно полезла, лишь бы ему в глаза глянуть. — Ты сердишься?

У него в затылке застучало от интонации ее голоса. Точно там, где она всего секунду назад прижималась щекой.

Он сердился. Да. И бесился. До этого самого момента. Пока ее голос не услышал. Со всей этой настороженностью, страхом. И все, как отрезало. Как он мог дальше сердиться, если слышал страх? Если знал, чего его девочка сейчас боится?

Не оправдать, разочаровать, подвести… его.

Блин. Не успел толком ничего сказать, а уже наворотил.

Вячеслав тихо ругнулся и медленно втянул воздух через нос.

Он понимал, что слишком на нее давит. Ей всего шестнадцать, ну, семнадцать через три месяца стукнет, а он? Сходу налетел и ни одного послабления за эти две недели, ни одной минуты не дал, чтобы его девочка могла хоть продохнуть. Прессовал, опасаясь отступить хоть на сантиметр и что-то потерять, не углядеть. Просто, из рук выпустить боялся. И понимал вроде, что ей непросто при таком напряге, а сбросить обороты не выходило. Надо было дать ей хоть пару дней за это время, чтобы Бусинка посидела одна, обдумала все, как-то расслабилась. А он не выдерживал. Даже решая не ехать к ней, все равно срывался с места в последний момент. И ведь не потому, что пах прижимало. Зачастую, он приезжал, когда она уже спала, и иногда по несколько часов сидел на стуле в ее комнате, глядя, как малышка хмурит брови или улыбается во сне. Или курил на кухне. А потом все-таки шел и устраивался рядом с ней на этом долбанном старом диване. И остаток ночи пытался уснуть, все еще вскидываясь от каждого ее сонного вздоха. А ведь кайф ловил от этого. И продолжал приезжать и приучать себя к тому, как она спит рядом. Зачем, спрашивается?

А вот надо было. Надо.

И еще кучу всего «надо». Ему то позарез требовалось в эту же секунду точно узнать: ела ли она сегодня и что? И он «впадал в маразм» по словам Федота, привозя ей полные пакеты с едой из ресторана. Ведь видел же, как она на себя бабки зажимала. И сидел потом, следил, чтобы Бусинка это съедала. То срочно хотел выяснить: почему отказалась идти куда-то с однокурсниками своими, передумав в последнюю минуту, о чем ему Лысый докладывал. То чем она занималась, просидев весь этот вечер дома, когда про ресторан он больше разговор не заводил, стараясь перестраховаться, уберечь малышку. Хотя, наверное, стоило просто этот вопрос прояснить окончательно, чтобы убрать все непонятки. Может тогда она и деньги брать начнет, что Боров ей оставлял? Он-то видел, что за эти пару дней из стопки ни одна купюра не исчезла.

А теперь вот, кровь сдавать поперлась. О чем она думала только, кто б ему расталдычил? Зачем? У нее этой крови че, много, что ли? Лишняя есть?

— Вячек?

Бусинка совсем сжалась, он руками почувствовал, как она дернулась. Видно из-за его молчания извела себя еще какими-то придумками.

— Не сержусь, — шумно выдохнув, он прижался ртом к ее коже, целуя локтевую впадинку, где виднелся след укола. — Не сержусь я, Бусинка, — повернув ключ, он тронул машину с места, продолжая поглаживать ее руки, все еще обнимающие его шею. — Ты мне только объясни внятно, какого хрена ты кровь поперлась сдавать? Потому как я ни одной вразумительной причины не вижу, — Вячеслав все-таки не сумел до конца придушить раздражение в голосе.

— Так вышло, — малышка снова прижалась щекой к его затылку.

Блин, у него так выдержки не хватит. Бросит руль и примется ее целовать. Зря он двинулся с

места.

— Как это — вышло? — сипло передернул он. — Шла мимо, решила зайти? — Вячеслав хмыкнул. — Я чего-то не помню, чтобы утром, жалуясь на нудность пар по итальянскому, ты упоминала, что собираешься кровь сдавать. Ты че, ради бабок на это пошла? — прищурившись, он глянул на нее через зеркало, понимая, что опять заводится.

— Нет! Вячеслав, я действительно не собиралась, и не думала. И деньги… Ну какие там деньги? Сомневаюсь, что так заработать можно, — она даже слабо улыбнулась, потерлась щекой об его шею. — Не сердись, пожалуйста.

Он не удержался, скупо улыбнулся, но от требовательного тона не отказался:

— Не сержусь, сказал же. Но и объяснения пока не услышал.

— У меня однокурсница пошла сдавать, Аня, — немного торопливо принялась говорить малышка. — Меня попросила с ней сходить, в качестве поддержки. Ну а там, знаешь, все эти призывы спасти чью-то жизнь. И медсестра… В общем, они и меня уговорили, — она уставилась в пол, пряча глаза от его взгляда.

— Ну, твою ж ма…! — он хлопнул по рулю от досады. — Ну что ж ты у меня такая жалостливая, а? Или у тебя кровь лишняя, себе много? Какого хрена ты кого-то жалеешь? Тебя хоть раз кто-то пожалел, Бусинка? — все-таки припарковавшись у бровки, пользуясь тем, что на бульваре почти не было движения, он развернулся к ней всем телом.

Обхватил руками ее лицо и запрокинул, заставив смотреть на него. А может просто хотел ее коснуться так, что сил терпеть больше не было.

— Ты, — с робкой улыбкой выдохнула Бусинка, даже прижмурившись чуть-чуть. Будто грелась от тепла его рук.

— Что я? — он как-то потерял нить разговора, гладя большими пальцами щеки малышки.

— Ты пожалел, — выдохнула Бусинка. — И там же немного крови взяли…

Он тихо ругнулся, притянул ее, прижав к себе, практически усадив на колени:

— Дурочка моя, — Боров даже хмыкнул, коснулся губами ее виска, зарылся пальцами в волосы, растрепывая косу. — Ты реально думаешь, что я тебя жалею? — Вячеслав хмыкнул, видя некоторую растерянность в ее глазах. Покачал головой, дивясь, как она до такой мысли дошла. — Плохо, видно, жалею, малышка, если ты кровь сдавать шляешься, — он с жадностью прижался к ее губам, наконец-то целуя.

С утра прошло слишком много времени, если судить по тому, как он по Бусинке в своих руках изголодался. Увезти бы ее сейчас домой и самому с ней остаться. Даже не лезть, просто на колени усадить и держать бы так, целуя. Только времени не было. У него через час встреча в ресторане.

— Ладно, забыли, — со вздохом отстранившись от ее губ, Вячеслав прижал растрепанную голову малышки к своему плечу. — Но еще раз узнаю, что ты такое вытворила — выпорю, усекла?

— А как ты узнал? — вместо того, чтоб покорно кивнуть, вдруг спросила Бусинка. Даже нахмурилась. Грозная такая, просто «ух».

— Ты реально думала, что я тебя без охраны оставлю, малышка? — усмехнулся Вячеслав ее «суровости». Достал телефон. — Тебя Лысый теперь все время пасет, так, на всякий, чтоб не случилось ничего.

— Вова за мной следит? — она нахмурилась еще больше, глядя на него снизу вверх.

— Охраняет, — поправил Боров, продолжая перебирать ее волосы и ждать, пока Леха ответит на звонок.

— Вячек, — судя по всему, она была с чем-то не согласна.

Но он прижал палец к ее губам, услышав в трубке:

— Да? Слава?

— Леха, здоров. Скажи мне, как спец в этом, у меня тут дите кровь сдавать поперлось с какого-то испугу, людям помогать. Чего мне теперь с этим делать? Надо что-то давать? Витамины какие-то? — Агния снова попыталась вмешаться, и Боров покачал головой, глянув на нее с предостережением.

Малышка надула губы, он это ладонью ощутил и улыбнулся против воли.

— О, а кто это у тебя волонтером заделалася, раньше ты жалостливых пацанов не брал к себе, вроде. Стареешь, Боров, — усмехнулся Леха. — Че, много выкачали?

— Без понятия, — проигнорировав его шутку, заметил Вячеслав. — И это не парень, девчонка.

— Ну, девчонка — проще, они по жизни к кровопотерям терпимей, — заметил врач уже с другими интонациями в голосе, явно любопытствуя. Но не углублялся, не первый год с ним работал, видно докумекал, что развивать тему не надо. Леха с ними повязан был давно и такими делами, которые никакому врачу в свете закона ничего хорошего не сулили. Так что не подставит, это ясно. Но лучше перестраховаться. — Сколько лет дитю-то?

— Шестнадцать, — Вячеславу стало совсем весело от того, какую гримасу скривила девчонка. Но промолчала. Ясно, что семнадцать было бы ближе к истине, но он хотел перестраховаться. Мало ли, может тут и год значение имеет?

— Да ничего страшного, это даже полезно, если не часто, — хмыкнул Леха. — Она поела после этого?

— Ты ела? — отодвинув трубку от уха, спросил он у Бусинки.

Она моргнула и с виноватым видом покачала головой.

— Ё… — п-т! — надеясь, что она по взгляду поняла, что он думает о ее действиях, Боров вновь прижал мобилу к уху. — Нет, не ела, — буркнул он Лехе.

— Ну, пусть поест нормально, мясо дай, чаю сладкого. Можно грамм тридцать вина красного, если родители не запретят. И все. Жить дите будет, — весело заключил Алексей.

— Ладно, понял, — Боров отключился.

Спрятал телефон и посмотрел на свою малышку:

— Поехали, Бусинка, накормим тебя. Да и меня в ресторане скоро люди будут ждать, — решил он, снова скользнув губами по ее виску.

Он переоделся с утра. Темно-синяя рубашка, с расстегнутым воротом, брюки. Пиджак и галстук, небрежно отброшенные на соседнее сиденье. Она знала, что ему не особо нравилось такое носить. Как и дорогие часы, которые сейчас виднелись под манжетой сорочки. А все равно, Вячек очень нравился Агнии в таком виде.

Потому, что он сейчас таким выглядел… Ну, не зная, чем он занимается, наверное, никто и не подумал бы про него ничего плохого. Наоборот, солидный бизнесмен. Даже взгляд казался не таким страшным… Хотя, она лукавила. На нее он уже давным-давно тем своим «темным» взглядом не смотрел, так что, не узнаешь, так ли и другие его воспринимают, как она.

Отвернувшись к окну, Агния откинулась на спинку кожаного сидения.

Видно Вячеслав заезжал к себе после того, как ее утром в консерваторию отвез. Агния за эти две недели один раз была в квартире Вячеслава, и то, «проездом», так сказать, буквально на минуту в коридор заглянула, пока Вячек что-то брал. Даже не рассмотрела толком ничего, слишком они тогда торопились.

Наверное, он и сейчас ехал с какой-то встречи, раз так одет. И предупреждал ее, что будет

сегодня занят, потому она и разволновалась так, когда Вова сказал, что надо уезжать. Мало ли, что «дела» Боруцкого могли под собой подразумевать? Но все равно ведь, приехал к ней.

Правда, Агния пока не могла сказать с уверенностью, как относится ко всему, что только что было сказано. Она подозревала, что Вячеслав может не прийти в восторг от ее донорства и, в общем-то, даже не была уверена, что ему стоило об этом говорить. А он и сам узнал, оказывается.

Вова все время за ней приглядывает. Охраняет.

Что ж, Агния не видела смысла в предположении, что Боруцкий решил бы за ней следить, просто, чтобы контролировать. Зачем? А с ней и правда, много чего приключалось в последнее время. Только…

Агния вздохнула. Отвела волосы с лица.

Что толку об этом думать, если она, в отличие от Вячеслава, мало что понимала в той среде, куда ринулась с головой, не оглядываясь? Вероятно, он куда лучше знает, что надо делать и как.

Стоило им приехать в ресторан, как что-то неуловимо изменилось. И хоть Агния настраивалась на это, все равно, на душе стало как-то тоскливо. Еще на пороге их встретил Федот, который куда-то потащил Боруцкого, смерив ее саму предостерегающим взглядом. Ну, или Агния предпочла трактовать этот взгляд именно так. И Вячеслав ушел, распорядившись Семену: «нормально накормить ребенка, полноценным обедом и дать мяса». Что Семен Владимирович и сделал, не задав ей ни одного вопроса, кстати, по поводу исчезновения и возможного возвращения. Видно здесь Вячеслав уже все объяснил, в отличие от нее. Правда, сидя в одиночестве за *его* столом и вяло ковыряясь в тарелке, Агния и сама понимала, что прав он был, не выдержит она подобного. Не стоит даже заикаться о возвращении. Одно дело зайти на час, как сейчас, и другое — каждый день притворяться.

Впрочем, Вячеслав все же появился рядом на пару минут. С бутылкой и бокалом. Налил ей вина и, проигнорировав протест Агнии, заставил выпить. Не много, конечно. Но все же стоял над душой, пока она последний глоток не сделала. И, главное, глянул раз так, что у нее это вино поперек горла стало, и Агнию всю в жар бросило. Правда, этот взгляд был мимолетным. И, тихо сообщив, что ее Вова отвезет домой, Вячеслав опять куда-то ушел. А она еще минуты три в себя приходила, стараясь угомонить возбуждение, которое, казалось, растеклось с этим вином по телу от его взгляда.

Не стремясь задерживаться, слишком тяготясь всем, о чем следовало помнить, Агния торопливо закончила обедать, и быстро пошла к выходу, на ходу здороваясь с работающими официантами. Те приветливо кивали ей в ответ.

Однако, уже почти дойдя до выхода — оглянулась, заметив краем глаза Вячеслава. Он стоял у одного из столов, расположенных около сцены и сейчас пожимал руку какому-то мужчине, что-то тому говоря. Рядом стояли еще один мужчина и женщина. Как раз когда Агния обернулась, они все над чем-то рассмеялись.

Впрочем, она не то, что не слышала реплик, даже рассмотреть никого толком не смогла. Непонятно откуда перед ней появился Федот, закрыв обзор. И снова уставился на Агнию тем взглядом. Молча.

Она подождала секунды две хоть какой-то реплики. Но безрезультатно. А у нее внутри вдруг такое раздражение на всех и вся всплеснулось, что просто ужас. Агния не отвернулась и не опустила глаза, выдержав этот взгляд Федота. Вздернула бровь, надеясь, что у нее получилось сделать это достаточно надменно и, поддавшись порыву, с чувством процитировала:

— «Что молчишь, мил друг Федот,

Как воды набрамши в рот?..

Аль не тот на мне кокошник,

Аль наряд на мне не тот?»

Ее оппонент дрогнул. Образно, конечно. Но она видела, как дернулся его сжатый рот, да и взгляд повеселел.

— Тебя Лысый на парковки ждет, не задерживайся, Бусина. И не пались, — тихо проговорил он, головой кивая ей в направлении двери.

— «Палитесь», как вы говорите, сейчас только вы. А я как раз к выходу и иду, — так же тихо, зато, не скрывая своего раздражения, хоть это и было некультурно, ответила Агния.

В конце концов, они с Федотом давно свое отношение друг к другу выяснили. Потому она развернулась, больше ничего не добавляя, и вышла в холл.

Настроение продолжало стремительно ухудшаться, причем Агния даже не смогла бы сформулировать конкретную причину. Но она не ощущала сейчас внутри эйфории и счастья. Она даже не слушала полный восторга рассказ Вовы о машине, которую он вел. И не рассматривала салон. Бесцельно уставилась в окно, не замечая, мимо чего они едут, и думала, думала, думала. О том, что Вячеслав дважды назвал ее сегодня «дитем» и «ребенком». Об одиноком обеде, важность которого понимала, но облегчения от этого не чувствовала. И о женщине. Красивой, с длинными темными волосами, завитыми локонами. Похожей на ту, с которой Агния видела Вячеслав в клубе… Хотя сейчас Агния и не смогла бы сказать — действительно ли это она. Далеко эта компания стояла, и смотрела Агния в их сторону недолго. И женщина одета была. Красиво одето, в элегантное платье, подчеркивающее, насколько его хозяйка не обделена фигурой, а не в джинсы и свитер, как сама Агния. И еще, она думала о том, как эта женщина улыбалась, глядя на Боруцкого с откровенным интересом.

Продолжая что-то рассказывать, Вова остановил машину на светофоре, и Агния несколько мгновений бездумно смотрела на яркую неоновую вывеску нового торгового центра, выделяющуюся среди тумана, опустившегося на город после обеда. И вдруг чуть ли не подскочила на сиденье:

— Вов! Поверни сюда, пожалуйста, — Агния в каком-то лихорадочном возбуждении повернулась к парню.

— Куда? — не поняв, переспросил тот, игнорируя гудки автомобилей, водители которых возмущались тем, что машина не двинулась со сменой сигнала светофора.

— Сюда, к магазину, — Агния ткнула пальцем в стекло, показывая.

— Счас, — без дальнейших вопросов согласился Вова, и спокойно повернул, похоже, не волнуясь о том, что одним махом пересекает три полосы. Не обращал он и внимания на продолжающиеся гудки сигналов. — А чего тебе там надо? — вместо этого спросил он у Агнии, заезжая на парковку.

— Надо… — Агния вдруг вспомнила, что денег у нее — аж пятьдесят гривен, полученных за донорство. — Вов, а у тебя деньги есть?

— Есть, — задумавшись, кивнул парень. — Не особо густо, гривен триста, а что?

— Одолжи, а? Я отдам, когда домой приедем, — почему-то испытывая и какой-то страх, и отчаяние, и лихорадочное возбуждение сразу, попросила Агния, одним махом решив переступить все свои сомнения.

— А тебе хватит? — спросил Вова, уже выгребая купюры из карманов.

— Не знаю, — вновь глянув на вывеску центра, вздохнула Агния, подозревая, что для того, о

чем посетила ее мысль, надо куда больше. Но начать с чего-то же можно. — Но на что-то — точно хватит, — решительно добавила она, складывая в свой карман деньги, которые ей всунул в руки Владимир.

Глава 27

Он закрыл двери как можно тише. Час ночи — малышка стопудово спит. Повесил пальто, снял туфли и прошел по коридору, в котором она всегда оставляла для него свет. И остановился в дверях спальни, привыкая к темноте.

Да, Бусинка спала. Как обычно, укрывшись чуть ли не до самого носа. Это смешило Вячеслава: она просто укутывалась в одеяло, пока лежала одна. Но стоило ему лечь рядом — и Бусинка, даже не просыпаясь, начинала выпутываться из своего «кокона», откидывать одеяло, чуть ли не сбрасывая на пол. Вячеслав, понимая так, что раз до этого она куталась, то Бусинка мерзнет, пытался ее опять укрыть. А она снова раскрывалась. Обычно такая полусонная возня с ее стороны продолжалась с полчаса, и если малышка не просыпалась, то заканчивалось все тем, что она устраивалась чуть ли не целиком на Вячеславе, и он укрывал ее уже вместе с собой. И вот так и удерживал одеяло поверх нее (и себя соответственно) весь остаток ночи.

Но сейчас Вячеслав не спешил укладываться на диван. Так и остался стоять на пороге, прислонившись к косяку, глядя на Бусинку и медленно вертя в пальцах все ту же зажигалку. Малышка продолжала спокойно спать, обхватив рукой подушку, на которой обычно лежал Вячеслав.

Прошло, наверное, уже минут сорок, а он так и не сдвинулся с места. И практически убедил себя, что все же стоит уехать. Из-за того, о чем уже думал сегодня. Пусть она хоть немного придет в себя, пусть расслабится. Он думал об этом весь остаток дня, не позволяя себе позвонить ей. Старался дать продых. И сейчас уйдет. Еще минуту постоит…

В итоге Боров еще двадцать минут проторчал на этом же самом месте, а потом все-таки развернулся и пошел назад, к двери. И уже даже снял пальто с крючка, когда тихий шорох заставил его замереть. Таки разбудил. Уход — теперь не вариант. Не поймет. Достав пачку сигарет из кармана, он вернул пальто на прежнее место, прислушиваясь и впитывая в себя каждый звук, сопровождающий ее сонные, медленные движения.

— Вячеслав? — тихий, немного хриплый, обалденный голос Бусинки будто горячим шаром прокатился по его спине. — Ты пришел или уходишь?

У нее был какой-то непривычный ему тон. Настолько, что Вячеслав, пытаясь уловить эти несостыковки, молча развернулся. И просто разжал часть пальцев, показывая пачку сигарет, которую держал, а сам внимательно глянул на свою малышку. И тут же об этом пожалел, забыв, что собирался сделать: вдохнуть или выдохнуть.

Она стояла на пороге. Там, где он проторчал все это время. Даже оперлась на тот же косяк плечом, держась пальцами за наличник. Голову Бусинка наклонила, и сейчас смотрела на него чуть прищуренными глазами: сонно и как-то так… Он не мог понять.

Бред. Боров свою малышку просто «читал» в последние недели. Достаточно было глянуть в глаза — и он хоть приблизительно, но понимал, что у девчонки на уме, и как ему реагировать на это. А сейчас — не мог врубиться. То ли она смотрела слишком ровно, то ли у него мозг мигом протух, когда он целиком свою Бусинку осмотрел. И ничего такого, вроде. Все даже очень прилично. Только пижамы ее и в помине не было. Впрочем, нельзя сказать, что то, что было на малышке, торкнуло его меньше.

Бах. Как получить удар под дых. Только вместо боли — нервы разом скрутило нуждой, бухнуло в голову жаром, что аж во рту пересохло. И руки сжались в кулаки. От жадности, от желания к своей малышке.

Она стояла в ночной рубашке, такой, до середины бедра. То ли шелковой, то ли атласной, хрен знает, Боров в этом плохо разбирался. И простая, вроде. Как майка на бретелях, только длинней, и в тоже время такая, что «ух». Просто ткань так прилегала, словно ластилась к коже Бусинки что и, не просвечиваясь, давала возможность то ли увидеть, то ли угадать детали.

Вот он стоял, пялился, а не мог понять — видел ли каждую черточку ее груди, с мягкими сейчас, плавными линиями сосков? Действительно ли заметил тень во впадинке пупка и треугольник, в котором сходились ее бедра? Или просто додумывал это все, следя за игрой тени и света в складках золотистой ткани на теле своей малышки. У Вячеслава зуд в ладонях прям появился от желания подойти ближе и провести рукой, расправить пальцами все эти складки, почувствовать кожей все это.

Поверх сорочки, не подпоясав, Бусинка накинула халат из такой же ткани, который сейчас медленно сползал с левого плеча, а она, похоже, продолжая дремать на ходу, не замечала этого. И пряча зевок, ежилась вместо того, чтобы запахнуться плотнее.

Что-то он раньше на ней такого не видел. А то точно сорвался бы с цепи, открой она ему как-то двери в подобном наряде, а не в своей пижаме. Вячеслав выдохнул, таки осознав, что грудь уже давит от воздуха. И снова втянул воздух в себя, ощущая, как все внутри начинает дико жечь от желания.

Бросил пачку сигарет на полку небольшого комода, стоящего у нее в прихожей под вешалкой. И в три шага приблизился к своей Бусинке, которая как раз обхватила себя руками, оттолкнувшись от косяка двери, словно пыталась согреться.

— Замерзла? — спросил Вячеслав, обхватив ладонями ее плечи.

Или от того, что до этого он молчал, или еще с чего-то, голос сипел, грубо нарушив сонную тишину квартиры. Так, что Бусинка даже легонько вздрогнула. Но кивнула. А у него не вышло остановить свои руки, и ладони Вячеслава уже скользили по ее шее, спине, плечам, непонятно — растирая, чтобы согреть? Или все же в жадной попытке коснуться всего, чем дразнила, пряча, эта мягкая и шелковистая ткань сорочки.

Агния шумно втянула носом воздух, явно ощутив то, что Вячеслав и не пытался скрыть, и потянулась ему навстречу. А Боруцкий, обхватив одной ладонью ее затылок, запрокинул голову малышки и поймал ртом ее приоткрытые губы, целуя со всей той потребностью, которая еще днем вены жгла. Ощутил, как она привстала на носочки и закинула руки ему на шею, обнимая. И загребая полными жменями ее распущенные волосы, эту ткань и саму Бусинку, поднял малышку на руки.

— А что с пижамой случилось? — так же хрипло поинтересовался он, продолжая целовать ее, добрался до горячих щек. Прошелся губами по прикрытым векам. Шагнул вперед, внося ее в комнату.

— Постирала…? — он не понял, объяснила или сама спросила его девочка с лукавыми нотками в голосе.

Но точно ощутил подбородком, как сжались ее губы, когда она попыталась подавить улыбку, целуя в ответ его щеки, подбираясь к шее.

— А не околеешь от холода в сорочке? — опустившись на диван так, чтобы усадить ее себе на колени, хрипло поинтересовался Вячеслав.

— Ты же не уходишь? — Агния спросила это ровно. Спокойно.

Но он успел ощутить ладонями, как она напряглась, замерла. А потом обмякла, словно заставив себя расслабиться.

Поняла, значит, что он не курить собирался.

Уходит? Ага, фиг вам. Он пытался вспомнить, в какой карман брюк сунул презервативы. И уж точно не планировал уже никуда валить. Да его сейчас отсюда и танком не выпхаешь. Разве что вместе с Бусинкой.

Вместо ответа он сильнее сжал пальцы, снова с нажимом прошелся рукам по ее спине, плечам. Накрыл грудь, забираясь под сорочку, второй ладонью снова вернулся, запутался в волосах. И откинул свою девочку на подушки, так, что она легла на его руку. Навис над Бусинкой всем своим телом, коленом разведя ее бедра.

— Похоже на то, что я ухожу? — сдавленно хмыкнул Боров, спускаясь губами до ее груди.

Накрыл ртом сосок прямо через эту ткань, которая продолжала его дразнить. Втянул в себя, понимая, что заводится все сильнее, реально теряя контроль над собой. Хотелось ее всю, сразу: и руками коснуться каждого сантиметра тела, и губами пройтись по ее сладкой коже, подмять под себя и не выпускать. Вообще. Заставить все время быть рядом.

— Тогда не замерзну, — прошептала Бусинка ему в макушку. — Вячек! — вдруг выгнулась она, задохнувшись, когда он, собрав подол сорочки, добрался рукой до ее бедер.

Блин. Несмотря на весь его опыт, у него каждый раз в глазах темнело и в голове начинало шуметь, когда Вячеслав слышал, как она *так*стонала его имя своим обалденным голосом. И всегда вспоминалось, как близок он когда-то был к тому, чтобы заставить ее это делать. И как был благодарен, черт знает чему, что его все-таки остановило. Не дало сломать свою девочку.

— Вячек, я… — задыхаясь, Агния прижалась губами к его виску, надавила ладошками на его плечи, словно останавливая.

Капец, это была не такая и простая задача, отреагировать на ее действия. Тем более что он не врубался, что именно заставило ее затормозить.

— Что, малышка? — он приподнялся, обхватив пальцами щеку Бусинки, заглянул в глаза, в которых не осталось ни тени сна.

Зато там кружилось что-то такое напряженное и неуверенное.

Добравшись большим пальцем до ее рта, Вячеслав прижал уголок губ, который она закусила, высвобождая. И немного отклонился, нахмурившись, вглядываясь.

Она продолжала обнимать его, да так, что пальцы вжимались в плечи, тянули ткань его рубашки, царапали. Словно малышка хотела ее порвать. А потом закрыла глаза на мгновение и, молча покачав головой, сама потянулась к его губам. Вячеслав не успел, а может не хотел отстраняться. Он уже был на той стадии, когда все мысли, кроме плана определенных последовательных действий, в мозгу задерживались с трудом. Еще пять минут назад отпустил все тормоза. И ее поцелуй, уже куда более искушенный, только усиливал его горение. Честно говоря, он не думал, что она настолько стремиться дать в их отношениях. Скорее допускал, что позволит брать. Но, сразу заявив, что готова для него что угодно сделать, малышка, оказывается, таки именно это имела в виду. Не то, чтоб Вячек на нее давил или пер в этом плане. Блин, да он кайфовал просто от того, что заполучил ее. Но девочка стремилась узнавать, что именно в ее действиях доводило его до белого каления. Пусть не всегда с уверенностью, но пыталась и училась

Вот и сейчас, от ее поцелуя, в разы более смелого и открыто страстного, чем в начале; от того, как она притянула его голову к себе, легко давя ладошками на затылок; от того, как выгнулась под ним, откровенно скользя своим телом по его, показывая, что и сама на взводе — у него мозг отключился. Вжав малышку в диван так, чтоб лишь бы не причинить боли, он потянул вниз ее белье, стянув то с нее до колен. Приподнялся, все-таки сумев вспомнить, куда засунул эти долбанные резинки. На секунду оторвавшись от поцелуя но, не желая отрывать еще и пальцы от ее волос, щек, кожи, надорвал уголок упаковки зубами. Снова принялся целовать Бусинку, натягивая

презерватив. Обхватил ладонью бедра своей девочки, вскидывая, вжимая в себя. Она обняла его ногами за пояс. И его реально затрясло, от того, что малышка низко застонала, закинув голову, когда Вячеслав наконец-то погрузился в нее. А потом, жадно вдохнув, принялась покрывать короткими, лихорадочными поцелуями его подбородок, шею, плечи. И распаляла Вячеслава все больше и больше, продолжая стонать на каждый его новый толчок внутри нее. Пока он совсем перестал подчинять свои движения хоть какому-то контролю, сорвавшись, покрывая ее лицо такими же алчными поцелуями. Прикусывая кожу, стараясь удержаться на грани, но понимая, что все же немного переступает ее, втягивая слишком сильно, оставляя следы, а прекратить не мог. Потому что не хватало ему Бусинки, недостаточно было, он нуждался в еще большем ощущении ее, чтобы удовлетворить эту потребность.

Малышка тихонько вскрикнула, на вдавив затылок в подушку, на пять секунд опередив его. И плавное скольжение, трение ее живота о его напряженный пресс, из-за прерывистого дыхания, сокращение ее тела вокруг него — довели Вячеслава до своего предела. С хриплым коротким рыком он кончил, уронив голову в ее волосы, рассыпанные по подушке и плечам Бусинки. И глубоко вдохнул.

— Что значит эта татуировка?

Бусинка почти шептала. Ему пришлось встряхнуть с себя уже навалившийся сон, и секунду осмыслить то, что она спросила. Малышка лежала щекой на его плече, а кончиками двух пальцев правой руки едва ощутимо водила по контурам наколки на его груди.

Заведя руку за голову, он чуть приподнялся и глянул на нее сверху вниз. Молча приподнял бровь, интересуясь, на кой черт ей это надо?

— Если ты не веришь в Бога? Если так относишься ко всему этому, не крещен, зачем надо было делать такую татуировку? — Бусинка недоуменно наморщила лоб.

— Оно тебе не надо, — хмыкнул он, крепче прижав ее к своему боку. — И я не верю во всю эту поповскую канитель.

— Вячек, — несмотря на давление его руки, она настойчиво пыталась поднять голову, упираясь подбородком в грудь Вячеслава. — Я завтра пойду в церковь, — она смотрела на него уверенно и спокойно.

— Забудь.

Вячек перевернулся на бок, уложив малышку на подушку. Обхватил за талию и крепко прижал к себе, подложив вторую ладонь под щеку Бусинки. Устроился подбородком между ее шеей и плечом.

— Я не спрашивала разрешения, Вячек, — поцеловав кончики его пальцев, малышка вздохнула. — Я просто сказала тебе о своих планах, чтобы ты не волновался, как сегодня, — добавила она, напоследок прижавшись губами к центру его ладони.

Он как-то аж совсем проснулся. Уперев локоть в диван, Вячеслав приподнялся и со всей суровостью, на какую был способен в отношении нее, глянул на Бусинку сверху вниз:

— На хера туда шляться? Малышка, серьезно, прекращай спускать бабки на этот бред, — твердо велел он, чуть нажав ладонью ей щеку.

Агния моргнула, отвела голову, поднявшись с его ладони. А через секунду и вовсе села напротив, подтянув ноги под себя и скрестив их по-турецки. Обхватила свои лодыжки пальцами. И только после всего этого снова глянула на него:

— Хорошо, Вячек, я не буду брать твои деньги, — тихо проговорила она. Опустила глаза на свои ноги. И вдруг одним движением поднялась с дивана.

Мало что понимая, он обернулся, следя за ней. А малышка подошла к столу и сдвинула к краю что-то. Вячеслав сжал зубы аж до скрипа, когда понял, что это деньги, которые он ей оставлял.

Твою ж…

— И раз с рестораном уже все решено, как я поняла, ты подождешь? Я верну триста гривен, которые уже потратила. Найду какую-то работу, и верну, — не поворачиваясь к нему, спросила Агния. — И завтра… В общем-то, я и пешком или даже на маршрутке спокойно доберусь до церкви, так что и Вове не надо будет беспокоиться или тратиться на бензин…

Бл…! Вот этого он точно не добивался!

Резко спрыгнув с дивана, Вячеслав за шаг добрался до нее и, обхватив за плечи, развернул малышку к себе лицом. И теперь выругался в голос, глядя на совершенно спокойное и пустое выражение ее лица. Захотелось по чему-то ударить, чтоб согнать плеснувшуюся злость. Но тут же вспомнился последний их разговор о церкви, закончившийся сломанной зажигалкой и почти таким же выражением глаз Бусинки.

— Ты из-за этих попов у меня деньги брать не будешь? С какой стати? Чем они тебе так дороги? Ради чего готова голодать?! — не сумев сдержать злость полностью, рыкнул он, продолжая держать ее за плечи. Даже легко встряхнул, пытаясь заставить смотреть на него, а не пялиться куда-то в пространство. — Заруби себе на носу — если узнаю, что ты поперлась куда-то работу искать…

— Выпорешь? — Бусинка прикусила губу.

Он был бы лохом, если бы не понял, что малышка пытается спрятать улыбку. Хотя взгляд ее не был веселым, скорее даже грустным. Никакого уважения. Может, не так и плохо было бы, если бы она хоть чуточку его боялась?

Бусинка протянула руки и обняла его за пояс.

Боруцкий вздохнул. Вот, как он мог на нее злиться? Никак не мог.

— Выпорю, — хмыкнул Вячеслав, притянув ее к себе, и обнял за плечи так, что Агния щекой крепко прижалась к его груди. — Блин, малышка, вот возьму, и выпорю! Чтоб точно знала, что я тут не шутки с тобой шучу, — проворчал он ей в волосы.

— Вячек, я буду ходить в церковь, понимаешь? Нравится тебе это или нет. Я же тебя не заставляю ходить со мной. И не прошу на это денег, не надо, и…

— Только попробуй мне бабки возвращать, — он поднял ее лицо, удерживая ладонью, чтоб Бусинка поняла, что сейчас бессмысленно спорить. — Поздно давать задний ход, малышка, я предупреждал. Ты — моя. Точка. Усекла? И о работе — забудь.

— Вячеслав, но так же невозможно, — она тяжело и глубоко вздохнула. — Я не могу забыть обо всем: о консерватории, о работе, о церкви… Я же не что-то, что можно закрыть где-то в кладовке и дожидаться, пока у тебя будет время ко мне приехать. И я же не спорю — твоя. Твоя. Но… — впервые за эти пять минут она глянула на него с какой-то отчаянной неуверенностью. — Я не откажусь от своей веры, от церкви. И от учебы. И от пения. Это не потому, что я не хочу быть с тобой или твоей. Очень хочу. Я же и так с тобой, — Бусинка уткнулась лбом ему в бок, продолжая обнимать. — Но с тобой я не для того, чтобы ты решал все мои проблемы или чтоб деньги из тебя тянуть. У тебя, наверное, дел и так безумно много, ну куда…

— Агния, я тебе говорил — не надо за меня решать, — с предупреждением в голосе отмел Вячеслав все ее возражения и хрустнул суставами рук, сжав кулаки, полные ее прядей. — Хочешь петь — будешь, я это уже решаю. Но ты куда собралась переться работу искать? В другой ресторан или кафе? Кто тебя возьмет? На базар торговать? Или еще куда? Это к пению причем?

Он злился. Злился сильно. Потому что и правда хотел бы, чтобы она никуда не ходила, ничего не хотела больше него самого. Чтобы просто была для него только. И чтоб постоянно находилась в

безопасности.

— Ну, я могу рекламу раздавать после пар, у нас многие этим подрабатывают. Или утренники там, праздники детские, — попыталась перечислить малышка, а у него аж в виске застучало.

Аккуратно отодвинув ее от себя, Вячеслав вышел из комнаты, добрался до пачки сигарет и пошел на кухню. Не включая свет, дернул форточку, выкурил подряд три сигареты, ощущая на коже лица холодный февральский туман. Провел рукой по волосам, когда третью сигарету выкурил до самого фильтра. И пошел назад, выбросив окурок на улицу.

Бусинка сидела на подоконники, как и он сам, не включив свет в комнате. Закуталась в одеяло по щеки и смотрела в окно. Внимательно так смотрела. Не повернулась даже в его сторону, когда Вячеслав вошел в комнату.

Ничего не говоря, он приблизился, взял ее на руки вместе с этим коконом из одеяла и понес к дивану:

— Забудь об этой дребедени: рекламе и праздниках. Я сказал, что будешь петь? Сделаем? Значит — будешь, — даже сев на простыню, Боруцкий не выпустил ее из своих рук. — И, елки-палки, не носи ты все эти деньги в церковь, на себя потрать! — Недовольно выговаривал он, ощущая, как она уткнулась ему в шею своим носом.

А кожа холодная. И влажная. Только фиг вам он поверит, что и она окно открывала. Капец. Ну что ему делать с этой девочкой? Как ей мозги на место вправить? Как самому не свихнуться, когда внутри все в узел скручивается из-за того, что довел ее?

— Ты — моя, сама признала, — стараясь не сильно сипеть, проворчал Вячеслав. — Значит, я о тебе и забочусь. И точка. И больше вопрос о деньгах не всплывает. Иначе, таки накажу, так, что мало не покажется. Страшно? — он встряхнул малышку, вынуждая кивнуть.

Не удержался, прижался губами ко лбу, спустился на веки, подрагивающие от ее яростных попыток сдержать слезы.

— Вот и хорошо, — прошептал Боров, понимая, что уже не встряхивает, а укачивает ее. — Значит, все ясно.

Он так и заснул, держа ее на рукав в этом одеяле. Но только тогда, когда удостоверился, что и Бусинка уснула, совсем перестав плакать.

В общем-то, она не знала точно, правильно ли поступает. И совсем не выспалась ночью, от чего думалось вовсе плохо. Собственно, сколько Агния спала сегодня? Часа два-три?

Вздохнув, она закрыла глаза и прижалась лбом к зеркалу.

Какие-то напряженные выдались сутки, да и не стоило ей все же, видимо, сдавать вчера кровь. Наверняка и это сказалось на нынешнем разбитом состоянии. А у нее столько планов на сегодня, и они не ограничивались церковью.

С очередным вздохом Агния выпрямилась и принялась пытаться устранить последствия ночного разговора об этой самой церкви умыванием холодной водой. Вячеслав, скорее всего, курил на кухне. Нельзя сказать, что она не чувствовала некоторого напряжения в их попытках общения с утра. И это не добавляло ей настроения. Расстраивало еще больше.

Все оказалось не так просто, как ей думалось. Собственно, попав в магазин прошлым вечером, Агния вначале подумала, что самым сложным окажется выбор: что же купить первым, исходя из имеющейся в наличии суммы? Потому как она могла реально оценить полное несоответствие практически всех своих вещей той цели, которую Агния перед собой поставила. Однако на самом деле — все оказалось куда сложней. Именно потому, проведя в торговом центре больше пяти часов, она и вернулась домой с одной только ночной рубашкой. Простой пеньюар с рубашкой, да еще пара

мелочей — оказались единственными из того, на что ей хватало денег, да. И Агнии очень хотелось сразу, вот сейчас уже что-то изменить, а это было самое реальное, что Вячек мог заметить, реши приехать вечером.

Но и не только в этом всем была причина.

Началось все во втором бутике, куда Агния зашла, рассматривая и выбирая одежду. Она давно не посещала магазины одежды, вообще, ну, кроме того, что требовалось постоянно: белье, колготы и тому подобное. Подобные же магазины, наверное, Агния не посещала ни разу, во всяком случае, с тех пор, как погибли родители. Ей было немного неудобно и неловко: одно дело, если бы она пришла сюда с кем-то, кто разбирался бы в том, что ей надо. Или если бы сама четко знала, чего хочет. А так…

И, тем не менее, она старалась что-то найти, подобрать. Хотя, нельзя не признать, что обрадовалась, когда к ней пришла на выручку консультант, предложив помощь. Но уже первый вопрос девушки, внимательно осмотревшей вначале Агнию, а следом блузку, которую она выбрала, собираясь примерить — поставил ее в тупик:

— Куда вы планируете это одевать? С чем? Если вы решите это, нам с вами будет куда легче выбрать и определиться.

Даже делая скидку на то, что смотрела девушка на нее с очевидным выражением скепсиса, видимо сомневаясь в том, что Агния все же будет что-то покупать; даже понимая, что к ней относятся здесь не очень серьезно — этот вопрос выбил ее из колеи. Полностью сбил с толку настолько, что Агния села на ближайший стул, уронив вешалку с выбранной вещью.

Куда? И правда, куда?

Куда Агния ходила? Что планировала делать в этой одежде? Кроме того, что доказать Вячеславу, что она не ребенок?

В последние две недели она не то, что ходила куда-то, Агния игнорировала и пропускала то, что должна была посещать. Она опаздывала на занятия и лекции, потому что Вячеслав зачастую противился ее раннему подъему, так как сам приходил после полуночи. Агния не посетила ни одного дополнительного занятия по вокалу в эти дни. Сразу после консерватории торопилась домой. Отменяла даже то, что давно планировалось, как поход на концерт с одногруппниками, на который Агния передумала идти в последний момент, хоть с января ждала этого события. И незначительное вроде бы выступление не такого уж известного коллектива. И все же, она собиралась идти на этот концерт. А потом — начала сомневаться. Волноваться о том, что Вячеслав может приехать к ней без предупреждения, а Агнии не будет дома. И это беспокойство не исчезало от мысли о том, что она сообщала ему об этом концерте. И Агния ушла домой, весь вечер бродя из угла в угол. Она хотела к Вячеславу. Проводить время с ним. Господи, ее воля, она бы каждую минуту хотела бы быть с ним. И в тоже время…

Она знала, что не могла этого делать. Не могла проводить столько времени с любимым человеком. Потому что он не позволил бы ей этого. Потому что изолировал ее от своего окружения. Защищая ее, да. И все-таки.

Но она не могла быть и со сверстниками. С людьми, с которыми, вроде бы, у нее имелись общие интересы. Агния боялась сказать что-то не то, спросить, выдать. Она даже не хотела обсуждать с ними что-то, потому что все остальное просто потеряло для нее значение.

О чем сегодня Стас спрашивал Агнию? О голосе? О пении?

А что вспомнила она? О Вячеславе.

Он стал всем, ее миром и вселенной в эти дни. Даже голос, пение, которым Агния горела с детства, дар, которым всегда гордилась, пусть и не кичась — сейчас утратили для нее свое значение

и перестали вызывать интерес. Все стало бесцветным и пустым в ее представлении, все, кроме Боруцкого.

Даже церковь в эти дни Агния перестала посещать.

Зачем ей другая одежда? Куда она будет в ней ходить?

Последние недели, начиная с того дня, когда увидела Вячеслава в бильярдной с другой, она старалась обратить его внимание на себя. Отчаянно, прилагая все свои усилия только к этой цели. С тех же пор, когда у них начались отношения, Агния и вовсе забыла обо всем другом. Так и бросив выбранную блузу на полу, Агния вышла вчера из того бутика и молча села рядом с Вовой на одну из скамеек, стоящих в проходе. По бокам этих скамеек были установлены высокие искусственные деревья: где пластиковые пальмы, где рябины или вишни, и это создавало какую-то иллюзию отгороженности от остальных посетителей и покупателей центра.

Вова пытался выяснить, почему Агния вернулась и закончила ли она свои покупки? Потом, не добившись ответа, начал встревоженно тормошить, просто стараясь выяснить, что с ней?

Агния отделалась вялым объяснением, что это последствия ее необдуманного донорства, и она чувствует себя разбитой.

Вова тут же вытащил у нее из кармана одну из сотен, что сам ей дал, и куда-то пропал. Правда не было парня каких-то две-три минуты, которые Агния провела на этом же месте, бездумно рассматривая свои руки. А когда парень вернулся, то сунул ей в руки какой-то пирожок и шоколадку. Оказывается: «Вячеслав Генрихович велел ему следить и если че, позаботиться о еде, правда, Вова то думал, что они домой сразу…».

Агнию это развеселило и немного отвлекло от слишком уж глубокой оглушенности, что вдруг накатила. Шоколад она взяла, пирожок разрешила съесть самому Владимиру, поскольку, если честно, еще и не очень проголодалась после обеда, который Вячек заставил ее съесть. И отломив кусок плитки, начала думать уже о другом.

У нее было куда носить одежду. Любую. С Вячеславом или без него. Хоть джинсы со свитерами, как сейчас, потому что удобно, хоть что другое, на выбор, что пожелает купить. Разве Агния не должна постоянно посещать консерваторию? А она и так уже столько пропустила за эти дни, что придется отрабатывать. Да и другие концерты будут, на которые с одногруппниками или той же Аней можно будет пойти. Или те, которые в консерватории регулярно устраивали среди учащихся. И, в конце концов, Агния может просто погулять по городу, и кто сказал, что она не может надеть для этого красивое платье или блузу с юбкой? Без особой причины, для своего удовольствия. Ведь на самом деле, она любила платья. Просто удобней было вечерами добираться из ресторана в джинсах, вот и привыкла за полтора года. Но теперь она может это изменить.

Хотя, разумеется, желание понравится Вячеславу так или иначе доминировало в этом стремлении обновить гардероб. Однако теперь она учитывала и другие причины.

В общем, в том числе и по этим причинам, Агния и пошла выбирать ночную сорочку. Выбрала, купила. Долго колебалась, смущенная предлагаемым выбором между этой и куда более откровенной: черной, с кружевом. И все же не решилась так однозначно обозначить свое стремление стать самой соблазнительной и искушенной для него. Да и не ощущала Агния себя таковой. Правда, судя по реакции Вячека, соблазнить ей все-таки его удалось, и покупка явно оказалась удачной.

Агния невольно улыбнулась, ощущая удовольствие внутри от воспоминаний об этой ночи. То есть, о той ее части, которая предшествовала разговору. Это было так замечательно, несмотря на то, что проснулась Агния ночью с чувством одиночества и страха, словно от какого-то толчка. И едва ли не с отчаянием увидела, что Вячеслав, похоже, собирался уходить так и не разбудив ее. Почему-

то не желал остаться, как делал все предыдущие ночи. Но ведь передумал же? Может, не последнюю роль в этом сыграло и ее стремление измениться?

Сегодня же, после консерватории и посещения церкви, она планировала вернуться в магазин, чтобы продолжить эти изменения. Если, конечно, сил хватит и она не уснет на парах. Потому как сейчас ей только этого и хотелось: остаться дома и просто спать. Но ведь именно против этого она вчера и спорила с Вячеславом. Или нет?

М-да, не так все просто, все-таки.

Она уперлась двумя руками в раковину и, так и не выключив воду, глубоко вдохнула, подавляя новый зевок.

— Спать хочешь?

Наверное, звук льющейся воды заглушил его шаги. Агния не услышала приближения Вячека, только ощутила, как его руки легли ей на плечи. Пальцы прошлись по коже, поглаживая, и сжались, надавив. Вячеслав притянул ее к себе. А она повернулась и прижалась щекой к его груди:

— Хочу, — честно признала Агния.

А еще ей хотелось снова попросить не сердиться на нее. И понять. И провести весь день с ней. Но она ничего из этого не сказала.

— Так ляг и выспись, — хмыкнул Вячеслав, гладя ее щеку тыльной поверхностью костяшек пальцев.

— Не могу, мне и так надо много отрабатывать. Уже замечание получила. Так и отчислить могут.

— Думаю, это легко утрясти, — Вячек усмехнулся, когда она закрыла глаза и в очередной раз зевнула. — Вряд ли твой деканат откажется от материальной помощи за некоторое послабление режима.

— Вячек! — Агния заставила себя открыть глаза и хмуро посмотрела на него.

Он ответил спокойным и насмешливым взглядом.

— Че глазами стреляешь? Все равно это решать надо будет, если с пением твоим все заладится. И потом, на кой хер ты в консерватории своей спать будешь на лекциях, если это дома удобней делать?

— Дома, конечно удобней, согласилась она. — Может, приезжай раньше сегодня? Тогда я высплюсь, — не глядя ему в глаза предложила Агния. — А сегодня я пойду на занятия, — надеясь, что сумела выдержать голос с достаточно ровной и твердой интонацией, возразила она на его вариант.

— Тогда иди, завтракай, — не особо довольный, Вячеслав протянул руку, выключив воду, и подтолкнул саму Агнию в сторону двери. По поводу ее предложения она ответа не услышала.

— Не успею уже. Там куплю, — возразила она, тем не менее, покорно выйдя в коридор и на ходу поправляя халат, сползающий с плеча. Все-таки в пижаме было гораздо удобней. И теплее.

— Не поешь — не выйдешь из дому, — как-то так, «ненавязчиво» заметил Вячеслав, проходя мимо. — Нечего было своей кровью разбрасываться, — добавил он, глянув на нее так, что Агния не успела и не смогла уже возмутиться. — Чай стынет, — отвернувшись от нее, Вячек зашел в кухню

К тому же поняла, что любые возражения окажутся бессмысленными.

— Бусинка, ты передумала? — Боров оперся о стену около входных дверей и вертел в пальцах зажигалку, ожидая, пока его девочка закончит собираться.

Не то, чтоб он торопился куда-то. В восемь утра у Вячеслава никаких особых забот не имелось. Разве что уговорить свою малышку вернуться с ним в кровать. Но она сегодня, похоже, упорно

решила себя мучить и ни в какую не соглашалась. Потому, вероятно, придется уладить другое дело, нарисовавшееся вчера ночью после разговора с Агнией.

— Решила остаться и доспать? — снова поинтересовался он у пустого коридора, глянув на часы.

Агния обычно одевалась быстро. Вот он и обулся, привыкнув, что на сборы уходило не больше десяти минут, но сейчас дело по ходу затягивалось. Оставалось ждать и размышлять о ее замечании о том, что он мог бы и раньше приезжать. Да уж, а Вячеслав считал, что и так примелькался ей, насев так, что проходу не давал.

— Нет, я уже, — все-таки тихо отозвалась Бусинка, выйдя из комнаты.

Прошла мимо, не подняв головы и начала обуваться. Все еще ни разу не глянув в сторону Вячеслава. Зато он вот смотрел очень внимательно. Даже зажигалку спрятал, хоть курить припекло сильнее, чем пять минут назад, и выпрямился, оттолкнувшись от стены.

— У вас сегодня гулянка какая-то в консерватории? — поинтересовался он, осматривая ее от макушки до ступней, и точно зная, что она ни о чем таком не рассказывала.

Ну, так и есть. То самое платье, в котором она с ним Новый год встречала. И волосы. Бусинка их не заплела, вопреки своей привычке. Так и оставила свободными прядями. Отчего у Вячеслава, как и обычно, руки сами к ним полезли.

— Нет, — Агния потянулась к куртке.

Вячеслав перехватил ее руку, потянул, заставив малышку обернуться, и оценил вид спереди. Блин. Чет ему не хотелось ее в консерваторию отпускать. И столько в памяти промелькнуло, пока он ее осматривал. Хорошего. И все же.

— Это ты для церкви так оделась? — толкнул он очередное предположение.

Обнял малышку и сам снял куртку Бусинки с вешалки за ее спиной, все еще ожидая ответа.

— Просто, захотелось, — пожала Агния плечами, стрельнув в него глазами сквозь ресницы. А взгляд какой-то неуверенный и настороженный.

Вячеслав нахмурился, но Бусинка не дала ему возможности еще что-то спросить, выскочила с сумкой за двери:

— Я опоздаю. Пошли? — обернулась она уже с лестничной площадки.

— Сюда иди, — Вячеслав поманил ее пальцами, велев подойти назад. Присмотрелся. И хмыкнул, решив не мучить малышку, хоть и не смог пока понять, какого лешего она дергается. — Где соседка твоя, кстати. Я ее за эти дни ни разу не видел? — закутывая Бусинку в куртку, которая так и осталась у него в руках, уточнил Боров, поглядывая по сторонам.

— Алина Дмитриевна? Она опять к сыну уехала, — затараторила Агния. — У нее со здоровьем проблемы начались. Ее часто зимой суставы беспокоят. А у сына в том городе врачи знакомые. И лечение проводят, и путевку в санаторий помогают получить.

— Ясно, — кивнув, Вячеслав подтолкнул Агнию к лестнице, продолжа присматриваться к своей малышке.

Приглядывался он к ней и по дороге. Причем, ловил себя на том, что чаще всего смотрит на колени, обтянутые тонкими капроновыми колготами. И это капец как отвлекало от дороги, и совсем не помогало понять, почему малышка вся на стреме. Но глаза Вячеслава, как приклеенные, все время тянуло вниз на это не особо привычное зрелище. Так и хотелось коснуться рукой, погладить эти колени каждый раз, как переключал скорость. И, чего уж таить, не удержался, пару раз таки поддался этому искушению. И совсем уж не сдерживался, дорвавшись до нее, когда припарковался неподалеку от консерватории.

Ее волосы, теплые губы, фигура, которую платье ни фига не прятало, ее ноги, обхватившие его

бедра, когда он в процессе «прощального» поцелуя, просто пересадил Бусинку с сидения к себе на колени. Да. Вячеславу вообще не хотелось ее никуда сейчас отпускать. Но он еще помнил, как держал ее на руках ночью после разговора. И мокрые дорожки ее слез на своей шее помнил. Потому где-то откопал в себе силы отпустить Бусинку, а не развернуть машину и увезти ее назад. Или просто взять прямо тут, так вдруг в голову ударило.

Малышку проняло не меньше, он по глазам видел. И не без некоторой доли самодовольства наблюдал, как неохотно она все-таки выбралась из машины, бормоча, что ей «надо в консерваторию. Очень надо. Обязательно». Кого Агния убеждала, Вячеслав не уточнял. Точно не его.

Только дождавшись, когда Бусинка зашла внутрь здания, он снова завел машину и тронулся с места, зная, что через десять минут подъедет Лысый. А Вячеславу еще надо было со священником тем потолковать до того, как Агния пойдет в свою церковь.

Глава 28

Отец Игорь внимательно смотрел на девушку, которая сейчас стояла перед иконой и, похоже, тихо молилась, судя по беззвучно двигающимся губам. Агния сейчас одна находилась в зале. В помещении стояла почти звенящая тишина, в которой отчетливо слышалось тихое потрескивание свечей, но слов молитвы девушки слышно не было. Хотя он и не пытался их услышать. Просто стоял в проходе, смотрел на Агнию, а видел перед глазами другого человека.

Вячеслав Боруцкий приехал к нему утром. Игорь еще службу служил. Елена Петровна ждала его, чтобы сразу предупредить о «посетителе». Впрочем, едва глянув в глаза этому посетителю, отец Игорь понял, что тот не исповедоваться пришел, и не наставлений просить. Хотя, он и не ждал подобного. Более того, даже был рад, что ему не пришлось самому искать Боруцкого.

Агния не появлялась в церкви больше двух недель. А отец Игорь искренне беспокоился о судьбе этого ребенка. Как и о всей своей пастве. И все же этой девочке выпало немало испытаний за не такой уж и долгий жизненный путь. Он беспокоился о ней с того момента, как Агния впервые принесла деньги, понимая, что не может девочка-подросток, не относящаяся к слишком уж обеспеченному слою населения, по словам Елены Петровны, правомерным способом получить такую сумму. Когда же Игорь увидел, за кого Агния просила молиться, беспокойство о ее судьбе усилилось во сто крат. Оказалось не так и сложно узнать, кто же такой этот «Вячеслав Генрихович». Пусть церковь занималась душами людей, но и о их мирских заботах — священникам следовало знать. Но вот насколько хорошо сама Агния знала, о ком просила? Этого отец Игорь не смог пока окончательно выяснить. А в ее ответах о «крестном» … сомневался.

Он не думал, что Агния сознательно и обдуманно лгала ему. Скорее, в силу своей наивности и неопытности, девочка попала под влияние этого человека, так до конца и не понимая, кто же он такой. И пыталась защитить Боруцкого. Игорь действительно волновался о ребенке после той сцены в холле церкви. Тем более теперь, зная, какое положение в городе уже не один год удерживает этот человек.

И вот Боруцкий пришел сам. Не совсем ожидаемо. Но пути Господа неведомы даже слуге Его, а это была настоящая возможность узнать, что с Агнией и куда пропала девочка.

Боруцкий ждал его в одном из подсобных помещений. Когда Игорь зашел в комнату, посетитель стоял около окна, опершись о стену. И лицом к двери, вроде, а свет падал так, что попытаешься рассмотреть — только без толку ослепнешь. Хороший ход для навязывания своей игры. Скользнув взглядом по мужчине, Игорь осмотрелся и прошел глубже в комнату, став под иным углом к Боруцкому и окну:

— Как дела у Агнии? Девочка не заболела?

Он был готов к тому, что ему скажут не лезть не в свое дело и забыть о том, что вообще видел здесь ребенка. И даже приготовил аргументы, чтобы, с Божьей помощью, попытаться как-то ей помочь. Ведь помнил, каким бешеным выглядел этот мужчина, застав здесь Агнию.

Но Боруцкий сделал вид, что не услышал его:

— Девочка сегодня придет, вы ее тут трогать не будете, на мозги капать прекратите. Узнаю, что опять ее деньги тяните… Что в рясе, что без — один бес, у всех за душой грешки есть… Достану.

Боруцкий выпрямился, оттолкнувшись от стены и, вытянув из кармана пачку сигарет, достал одну, щелкнул зажигалкой. А потом поднял голову и глянул на Игоря так, что продолжать мысль уже было и не надо, в общем-то.

Впрочем, на все воля Божия, а в страхе нет веры.

— Мне кажется, мы изначально неверно поняли друг друга, Вячеслав Генрихович, — спокойно наблюдая за тем, как Боруцкий курит, заметил Игорь. — На Агнию не только не давили, я несколько раз говорил с девочкой, объясняя, что в таких суммах нет необходимости. Это было ее решение. В ее душе и перед Богом…

— Я предупредил, — вдавив окурок в бетонный подоконник, окрашенный белой краской, Боруцкий отвернулся от Игоря и направился к двери.

Вряд ли была нужда в такой демонстрации пренебрежения.

— Зачем вам этот ребенок? — не собираясь прекращать разговор и искренне ратуя за Агнию, негромко спросил Игорь, следя взглядом за мужчиной. — Ей же всего шестнадцать. Она еще совсем ребенок, не понимает до конца, что и кто вы. Отпустите вы ее. Или и детей используете? Зачем? Какой вам с нее толк? Не губите ребенка, дайте шанс жить нормальной жизнью.

Боруцкий остановился и глянул на него через плечо холодным и отстраненным взглядом. Игорь умел читать в глазах и сердцах людей, но здесь он не стал бы даже строить предположений о мыслях собеседника.

— То есть, по вашему разумению, ребенку лучше от голода умереть, или увязнуть и потонуть в системе приютов? — Боруцкий хмыкнул. — Интересное у вас, попов, представление о сочувствие. А как же помощь ближнему? — он насмешливо изогнул бровь.

— Мы оба знаем, что вами руководят вовсе не самаритянские мотивы. Вы хотите во что-то втянуть невинного ребенка, который просто не может еще сам разобраться в мире.

— А вы ее научить и показать этот самый мир хотите? — все тем же тоном поинтересовался Боруцкий.

— Она говорит, что вы ее крестный, но я сомневаюсь в этом, — Игорь внимательно наблюдал за собеседником. — Церковь вполне может позаботиться об Агнии, попечительствовать ей…

Боруцкий хрипло и иронично рассмеялся.

— Чет я не помню, чтоб рядом с ней попы крутились, когда она ко мне пришла помощи просить после того, как родителей потеряла. Да и когда бабка ее померла, я тебя рядом с ребенком не видел. А она в вашу церковь с пяти лет каждую неделю на поклон с этой самой бабкой ходила. Э, нет, был один поп, на кладбище, — словно только вспомнив, щелкнул пальцами Боруцкий, — наш, который с нашими гробовщиками работает, и за нас, коли приспичит кому-то, молится. Больше я никого возле Агнии не видел, так что ты мне тут про доброту церкви не заливай. Я не Агния — не поверю. Да и ты не горел желанием сироту под крылом обогреть, пока бабки в ее руках не увидел. А я — ее опекун. По закону. Официально.

— Я только четвертый месяц в этом приходе, — честно признал Игорь, — и мне искренне жаль, что девочка не нашла поддержки в такой тяжелый момент. Но знаю, что мы вполне можем помочь ей сейчас. А вы…

— И че? Я прослезиться от доброты твоей должен? — Боруцкий почесал большим пальцем бровь. — Не твое дело, чего я думаю и как. И об Агнии думать — тоже не тебе. Хочется девочке ходить сюда, верит она по блажи какой-то, что надо оно ей — ладно. Пусть ходит. Но узнаю, что на бабки пытаетесь ее развести — по-другому будем говорить, — в его голосе прозвучала явная угроза.

Они на какое-то мгновение оба замолчали, рассматривая друг друга. И тут у Боруцкого зазвонил мобильный.

Игорю показалось, что мужчина не ответит. Но Боруцкий, удивив его, достал трубку и глянул на дисплей. Отвернулся, отошел к самой двери и нажал на прием вызова.

— Да.

Тон мужчины стал совершенно спокойным и ровным. Исчезла любая угроза и ирония.

Игорь не знал, да и не интересовался — с кем и о чем говорил этот человек. Скорее воспользовался представившейся возможностью посмотреть на него со стороны, а не как оппонент.

— Можно, — что-то позволил Боруцкий неизвестному собеседнику. — Скажешь, что я в курсе и разрешил. Прекрати. Решили все.

Игорь даже пожалел, что видит лицо Боруцкого под косым углом. Не лицо даже, ухо и скулу, да глаз краем. Ему показалось, что у того что-то изменилось и в голосе, и в настроении. Но так было сложно точно понять, в какую именно сторону качнулось настроение этого, явно непростого, человека.

А понять его стоило. Да и хотелось. Не просто так ведь приходили сюда люди. Так или иначе, осознавая или нет, а Бог вел их. Хороших, плохих. Только Боруцкий для чего пришел? Для себя? Или для иного чего-то или кого-то Бог его сюда привел? Разобраться бы. И в том, что этого человека, *такого*человека, с ребенком связывает. Особенно в свете этого разговора и вероятного появления Агнии, если Игорь все верно понял.

Боруцкий тем временем закончил говорить и снова посмотрел на Игоря:

— Считай, что тебя предупредили.

Он спрятал телефон и вышел, оставив Игоря размышлять о планах Господа и его роли в этих планах.

А сейчас Игорь смотрел на девушку, уже закончившую свою молитву, и понимал, что пока так и не разобрался. Агния перекрестилась и пошла в его сторону с робкой и какой-то смущенной улыбкой:

— Здравствуйте, — тихо поздоровалась она, наклонив голову.

Игорь кивнул, тепло улыбнувшись ей в ответ:

— Ты давно не появлялась, Агния. У тебя все хорошо?

— Да, конечно, — она не смотрела на него, разглядывая пол притвора, выложенный плиткой. — Так вышло, просто. Но все хорошо.

— Тебя никто не обижал? — все-таки уточнил он, внимательно вглядываясь в девочку.

Он искал следы недоброго отношения. Страх, возможно. Поскольку допускал мысль, что ему могла отводиться роль помощника этого ребенка. Того, кто даст ей возможность уйти из цепкой хватки Боруцкого.

Но он не видел ничего подобного. Агния казалась немного потерянной, но не запуганной или несчастной. Наоборот, в глазах девочки светилось что-то такое, словно бы она имела четкую цель и приняла твердое решение до этой цели дойти. Агния выглядела решительной. И… другой. Она изменилась за эти недели, что он не видел ее. Словно повзрослела.

— Я попросить вас хотела… — он почти не сомневался, о чем именно.

— Как я понял, человек, за которого ты просишь молиться и жертвуешь, не одобряет этого? — Игорь доброжелательно смотрел на девушку.

Она отвела глаза, которые только оторвала от пола:

— Это ведь не так важно. Я пришла со своим решением. Я молюсь за него. Это мое желание, разве не так? — Агния коротко глянула в его сторону.

— Агния, ты уверена, что Вячеслав Генрихович крещенный? — спросил Игорь, скорее испытывая ее твердость.

— Разве это важно?

— Я не могу отмаливать грехи человека, который не признал Бога, не крещен, отвергает

Его, — напомнил ей Игорь.

Агния молчала, продолжая стоять напротив, но смотрела в сторону. А потом глянула прямо в глаза, с той самой уверенностью, что Игорь в ней заметил:

— Это важно? — снова спросила она, с какой-то спрятанной в уголках рта улыбкой. — Вы крещены — я прошу вас читать Псалтырь и за здравие, — Агния отошла на два шага и положила пятьдесят гривен на стол Елены Петровны, которая сейчас вышла. Подошла к коробке для пожертвований на храм и, вытянув из кармана несколько свернутых крупных купюр, опустила их в прорезь, глядя при этом на Игоря. — И я буду молиться, — добавила она. — Я крещенная.

Агния улыбнулась чуть сильнее. Хоть он и не сказал бы, что ей весело.

— Вы простите, мне сейчас идти надо. Я приду еще. Как и раньше. Спасибо, что находите для меня время, — она пошла к выходу.

А отец Игорь перекрестил ее в воздухе, глядя в спину девушки, размышляя о том, что именно она подразумевала, *так*ему ответив.

Музыку было слышно даже через двери. Тихо открыв замок, Вячеслав зашел внутрь квартиры, прислушиваясь к тому, как играет его малышка. Внутри кольнуло вопросом, почему Бусинка не пела? Он не слышал ее пения с тех пор, как попросил прекратить работать в ресторане. И как вдруг понял сейчас — соскучился по этому. По тому, как слушал, когда она поет. Тихо закрыв двери и раздевшись, он пошел по коридору. Краем глаза отметил, что в комнате Агнии стоят на полу какие-то пакеты, но пока решил не выяснять. Дошел до комнаты, которая раньше была спальней ее родителей, и остановился, любуясь тем, как его малышка играет, полностью погрузившись в это. Даже его не заметила. И свет не включила. Правда, еще не до конца и стемнело, но все-таки уже сгущались сумерки. А Бусинке хоть бы хны. Сидела и играла, все в том же платье, что утром уходила, и в колготах, будто только в дом зашла.

Вячеслав прислонился к косяку дверей, продолжая смотреть на нее. Даже не думал ни о чем, то ли не хотелось, то ли музыка эта ее все из головы вытеснила. Так, о мелочах разных: о том, что вот, таки загрызли его слова Бусинки — приехал к ней, а еще и пяти вечера нет. Скинул все, послал всех, и приехал. На комнату эту пустую смотрел, где кроме пианино и скамейки, да шкафа — не было ничего. Бусинка говорила, что кровать родителей, сразу почти после их смерти, еще бабашка Алине Дмитриевне взять разрешила. Смотрел, и думал, что его квартира в три раза больше. Да и обставлена куда лучше…

А толку? Малышку туда привозить опасно. Про переезд и говорить нечего. Пусть и не многие, но кое-кто наверняка был в курсе того, где он жил. И тащить Бусинку к себе — дурость. Но и здесь, у нее, сколько он еще сможет каждый день приезжать, пока кто-то не заинтересуется, случайно не пересечется? Или тот же мент, чьи люди уже лезли к Агнии — не сболтнет где-то лишнее что-то про крестницу Боруцкого. Хоть и нормальный мужик вроде, и потолковали они с Берчевым, а мало ли, человек новый, попробуй, просчитай его ходы.

Если бы Боров меньше тут мелькал. Но не мог. Блин, он ее все время видеть хотел. Да и Бусинка не похоже, чтоб его компанией тяготилась. Иначе не звала бы еще раньше приезжать. Засада, с какого боку не глянь. И надо что-то решать, пока все тихо еще, пока не допекло, и не засек никто. Много чего решать надо. И с продюсерством этим, и с остальным всем.

Так и продолжая смотреть на ее склоненную голову, на руки, порхающие над клавишами, Вячеслав оттолкнулся от своей опоры и зашел внутрь комнаты. Бусинка все еще не заметила его присутствия, а музыка скрадывала звук шагов. Подойдя к ней, он так же тихо и без единого слова опустил руки, обхватив плечи своей малышки. Пальцы Агнии сбились, ударив по клавишам, а сама

она вскинула лицо, глянув на него снизу вверх:

— Вячек!

Агния выдохнула его имя с такой радостью, что он против воли улыбнулся. Наклонился и прижался к ее губам, продолжая держать Бусинку за плечи:

— Ты что, только из своей церкви вернулась, что до сих пор не переоделась? — чуть отодвинувшись и несерьезно нахмурившись, спросил он.

Она помахала головой, все так же счастливо улыбаясь. Развернулась и обняла его за пояс:

— Нет, я в магазине была. Задержалась там. Так вышло, — вроде смущенно пояснила Бусинка, все еще открыто глядя ему в глаза. — Где-то полчаса назад вернулась.

Магазин. Это ему понравилось больше церкви. Он понадеялся, что пакеты в ее комнате имеют к этому отношение.

— И сразу играть села? — Вячеслав обхватил рукой ее щеку, мягко журя свою девочку. — Хоть бы поела.

Блин, он сам себя уже чувствовал каким-то гиперопекающим «отцом» и его это нервировало. Но за ней реально приходилось бегать чуть ли не с куском хлеба, напоминая о еде. Если она весь этот год так ела, не удивительно, что того и гляди, ветром сдует.

— Без тебя не хотелось, — казалось, не заметив его ворчания, Агния состроила гримасу.

— А если бы я опять в полпервого ночи приехал? — уже по-настоящему серьезно нахмурился Вячеслав, показывая свое недовольство.

Но малышку и это не испугало.

— Но ты ведь приехал! — со смехом подскочила она со своей скамейки и обхватила его руками уже за шею. — А только начало шестого.

Малышка поцеловала его в щеку, прошлась губами по скуле, заставляя Вячеслава крепче сжимать ее в своих руках. Прижалась к его рту:

— Мы теперь вместе поедим, — с довольным вздохом заключила она.

Вячеслав не сумел дальше ворчать, улыбнулся:

— Споешь мне потом? — спросил он, притянув к себе и прижав к плечу голову своей Бусинки. Взял ее руку, поцеловал в центр ладошки.

Агния кивнула, глядя на него такими сияющими глазами, что Вячеславу уже и света в комнате, по ходу, было не надо.

Шум в буфете не только не разгонял сонливость, а, казалось, еще больше усыплял ее. Прикрыв зевок ладонью, Агния скосила глаза на Аню, сидящую сбоку за этим же столиком. Соседка казалась полностью погруженной в чтение книги. Удовлетворенная этим, Агния отпила кофе из своей чашки и еще раз осмотрела небольшое помещение, в котором они с Аней решили скоротать полтора часа промежутка между второй и третьей парами. Людей в буфете собралось не очень и много: из десяти столиков занято было только четыре, но совокупность разговоров создавала ощущение монотонного гудения, которое убаюкивало.

— Не выспалась? — поинтересовалась Аня, не отрываясь от чтения, когда Агния опять зевнула.

— Немного, — со слабой улыбкой признала она, кивнув, и отвернулась к окну.

На улице третий день стоял туман. Вместе с первыми днями весны на город «обрушилось» потепление, проявляющееся, к сожалению, лишь огромной влажностью. Из-за чего Агния мерзла порою сильнее, чем во время морозов. А может, дело было в том, что она кардинально сменила гардероб. А новое пальто: светлое, оттенка топленого молока, хоть и смотрелось на ней просто

потрясающе, защищало от ветра и влажности куда хуже старой и проверенной куртки. Да и блузы с юбками, вместе с платьями теперь составляющие большую часть ее одежды — пусть и подчеркивали все достоинства фигуры Агнии, грели вовсе не так, как свитера и джинсы. Хотя, ей ли жаловаться? Пешком Агния практически и не ходила, разве что от подъезда до машины, да потом до корпуса консерватории. Зато ей точно удалось произвести впечатление на Вячеслава, а неудобство в виде зябкости в аудиториях можно и потерпеть.

Спрятав немного смущенную, но в тоже время довольную улыбку за очередным глотком кофе, Агния откинулась на спинку стула. Разговор с Аней больше не возобновлялся. Соседка была полностью погружена в чтение. А Агния за это и ценила компанию Ани, что та не никуда и ни во что не лезла и мало чем интересовалась. Особенно личной жизнью однокурсницы. В последнее время слишком много людей с курса стали проявлять к ней интерес: видно не один Вячеслав заметил кардинальную смену гардероба Агнии. Девчонки с курса, те, кто разбирался в этом, тут же принялись выяснять, где она купила все это. И главное, откуда сирота взяла деньги на вещи, которые и не каждая из них могла позволить себе купить? И даже несмотря на то, что она не спешила удовлетворять их интерес, продолжали навязчиво предлагать свою компанию для последующих совместных походов по магазинам. Но и не постоянные разговоры о новинках мира моды оказались самым неожиданным и неприятным последствием измененного внешнего вида Агнии. Стремясь стать красивее и привлекательнее, выглядеть взрослее в глазах Вячеслава, Агния даже не думала о других мужчинах или парнях. Господь свидетель, она никого вокруг за своим Вячеком не видела. Да и не нужен ей был никто кроме него.

Зато эти самые парни заметили все изменения в ней. И теперь соперничали за то, чтобы куда-то пригласить ее или просто занять соседнее с Агнией место на лекциях и парах. Осыпали ее комплиментами, которые, наверное, считали совершенными. Нет, конечно, это не было повальным увлечением. И все-таки, интерес парней к ней возрос значительно по сравнению с тем, что раньше они практически не обращали внимания на сироту вечно сторонящуюся всех.

Она же просто не знала, что со всем этим делать. Избегала компаний, отказывалась от совместных походов куда бы то ни было, однозначно давала понять, что не желает «лучше узнавать» кого бы то ни было. Однако и боялась сказать, что с кем-то встречается, опасаясь ненароком совершить ошибку. Да и встречалась ли она с Вячеком? Разве он был ее «парнем»? Разве это все могло как-то охарактеризовать хоть толику того, что между ними было?

Вот он ни слова не сказал о ее внешнем виде. То есть, ни одного комплимента на подобии тех, которыми так охотно сыпали парни с курса. И в тоже время, у нее дыхание в горле замирало, а по спине шла жаркая дрожь просто от того, как он смотрел на нее. Причем, неважно, надевала ли она что-то из обновок, или просто умывалась утром, стоя в ночной сорочке. Хотя, Агния точно знала, что он заметил все изменения. Вячеслав дал ей это ощутить. Да и говорил. Просто его слова… Обычные, вроде бы, не изысканные и не напыщенные: «красавица моя, малышка, Бусинка»… Но они не были такими легкими и пустозвонными, как всё восхищение парней из консерватории, что ли. И шептал он это тихо, еле слышно, перебирая ее волосы. Часто уже тогда, когда Агния засыпала, полностью обессилевшая от силы его страсти. А не кричал, чтоб кто-то слышал, как другие, а может, и чтоб она слышала — не очень хотел. Ей иногда и так казалось. И все же, все что он говорил или делал, каждый его взгляд или жест, каждое касание были такими… сильными, полными какой-то бешенной, иногда даже подавляющей энергии. Такой, что он смотрел на нее, а Агнии казалось, что вокруг Вячеслава воздух вибрирует от того, что он ощущает, но не дает до конца увидеть ей. Потому что боится спугнуть ее.

А она иногда и правда еще ощущала отголоски той робости и неуверенности, видя в его глазах

бешенную, сумасшедшую жажду обладания, едва ли не единоличного владения ею. И все же, ни разу, даже испытывая эту робость, Агния не думала свернуть назад. Она игнорировала все: и эту робость, и предостерегающие взгляды отца Игоря, уже понявшего, что она испытывает к своему опекуну и то, как изменились их отношения, разгадавшего ее мысли, о спасении Вячеслава своей верой. Так, как любая верующая жена может спасти своего мужа по Писанию. Даже напоминание священника о том, что ее ничего не связывает с Вячеславом — не умалило ее решимости. Вячек был для нее куда большим, чем даже просто муж, кажется. Она не мыслила себя, своей жизни и своего существования без этого мужчины. И пусть отец Игорь пытался напомнить ей о юношеском максимализме и безоглядной бескомпромиссности подростков — Агния это все словно и не слышала.

Вращая полупустую чашку с кофе, стоящую на столе, Агния размышляла о том, что для нее все решено и уже давно. А еще — вспоминала сегодняшнее утро, когда проспала, потому что Вячек ей до трех утра почти спать не давал своими жадными губами, своей страстью, и какой-то лихорадочной потребностью вновь и вновь делать Агнию своей. Словно опасался отпустить, не мог удержаться. Тем более что предыдущие две ночи Вячек приезжал, когда Агния уже спала. Она не очень спрашивала, но поняла, что у него было много каких-то дел. А может и проблемы, Вячеслав не очень стремился обсуждать с ней это. И он не будил ее. Агния просто ощущала, как он устраивался рядом, обнимая ее, но не мешал спать. Только что-то говорил, словно тайком, тихо. Будто и хотел ей рассказать что-то, и не желал, чтобы она это знала. Вот Агния и не слышала, не удавалось ей проснуться настолько.

А вчера Вячек пришел рано, Агния сама только вернулась после дополнительного занятия с Зоей Михайловной. Она как раз переодевалась, когда он вошел в комнату. И… в общем, до ужина они добрались ближе к одиннадцати вечера. И потом, как-то так вышло, что опять оказалось им не до сна. Вот Агния утром и проспала. Даже звонок будильника не услышала. Ничего не слышала, пока Вячек ее сонную на руки не взял. Наклонился и начал щекотать ей брови, нос, поцеловал веки:

— Бусинка, ты сегодня собираешься в свою консерваторию? Или забьешь?

Наверное, впервые за последние недели у нее было настолько сильное желание махнуть рукой на все то, что она отстаивала все это время и действительно остаться. И ведь он это знал, похоже. Сам же ее всю ночь… ну, не мучал, конечно. Ох, она была бы не против каждую ночь по такой причине не высыпаться. И именно эти мысли заставили ее улыбнуться даже с закрытыми глазами. А Вячек, похоже, понял, почему она развеселилась.

— Так что, малышка? — хмыкнул он, продолжая баюкать ее на руках.

В таких условиях просыпаться не хотелось никак. Ну, совсем. И все-таки Агния вздохнула и заставила себя открыть глаза.

— Пойду, — ее голос звучал скорее жалобно, что еще больше рассмешило Вячеслава, кажется.

— Уверена? — вновь переспросил он с явно слышимым весельем.

Невнятно пробормотав нечто, что должно было означать ее уверенность, Агния с тяжким вздохом выпрямилась, сев на его коленях.

— Ладно, если точно уверена, — предоставляя ей еще одну возможность отказаться, Вячеслав поднялся, не дав Агнии встать с его рук. — Пошли тогда, чай остывает.

И он отнес ее на кухню. Где Агнию ждал завтрак.

Она и сейчас, спустя несколько часов, была несколько ошарашена этим фактом. Вячеслав Боруцкий вообще не казался ей таким человеком, который привык что-то готовить. Ну, чай, максимум, заварить. Или кусок хлеба отломить от буханки. А такое…

И нельзя сказать, что там было нечто «эдакое»: бутерброды с маслом и сыром, колбаса

порезана, да холодные закуски, что он вчера из ресторана привез. Но сам факт того, что Вячеслав это все сделал, нарезал, сервировал хоть как-то — это было для нее очень неожиданно.

— Привет девчонки!

Голос Стаса отвлек ее от воспоминаний сегодняшнего утра. А сам парень уже устраивался за их с Аней столиком: бросил на стол сумку, вытянул из ушей свои вечные наушники и наклонился, целуя Аню, оказавшуюся ближе к нему, в щеку. Та только весело улыбнулась. Но Агния заметила спрятанный взгляд, полный обожания, которым Аня следила за каждым движением парня.

В отличие от однокурсницы, Агния отвернулась, уклоняясь от такого же «приветственного» поцелуя, предназначенного ей. Ей не было приятно даже то, что Стас легко коснулся ее плеча, здороваясь, заметив этот маневр. Агния ограничилась слабой улыбкой в качестве приветствия и сделала вид, что полностью поглощена остатками своего кофе, пока Аня пыталась завязать общий разговор.

Стас уже не раз не просто намекал, а открыто звал Агнию на свидание. И пока не желал окончательно принимать отказ или признавать свое поражение. Он изучил расписание Агнии, узнал все ее любимые места в консерватории, и теперь создавалось ощущение, что Стас все время оказывался рядом. И вроде бы перестал активно ухаживать за Агнией, но и без своей компании не оставлял. Агния уже искренне жалела, что упустила замечательную возможность избавиться от этой проблемы, выдав Вову за своего парня: когда Стас поинтересовался тем, кто тот парень, который ее однажды забирал, она думала совсем о другом. И окрестила Вову родственником. Что полностью устроило Стаса. А намеки Агнии на то, что у нее есть близкий и любимый человек Стас просто пропускал мимо ушей, аргументируя это тем, что ни разу того не видел.

Вообще, конечно, правильно было бы просто однозначно пресечь все поползновения Стаса. Но вот тут как раз и появилась проблема в виде Ани — однокурсницы, которую, пожалуй, Агния могла бы считать своей единственной подругой. Конечно, с поправкой на то, что она сама не позволяла себе быть достаточно откровенной или открытой для того, чтобы действительно по-настоящему дружить с кем бы то ни было, утаивая большую часть своей жизни и мыслей. Аня влюбилась в Стаса. И была уверена, то тот — ее судьба. Она уговаривала Агнию не прекращать общения со Стасом, обещая, что сумеет «переключить» внимание парня на себя. Пока Агния не сказала бы, что Ане это удалось.

Однако, поскольку стремление подруги было в ее собственных интересах, Агния и не думала мешать. Наоборот, дождавшись пока Стас возьмет себе чай и удобно устроится, начав рассказывать очередную историю из своего обширного запаса студенческих баек, она поднялась:

— У меня еще пара дел есть, — не вдаваясь в подробности заметила она, подхватив пальто и сумку. — До встречи.

И не задерживаясь, чтобы не пришлось выдумывать эти самые дела, быстро вышла из буфета, стараясь не встречаться взглядом со Стасом. «Давай, Аня, действуй», хотелось ей прошептать подруге. Но Агния надеялась, что та и сама это понимает.

Конечно, никаких дел у нее не имелось. Как не было и желания бродить по промозглому туману. Лучше всего было бы, наверное, найти какую-нибудь пустую аудиторию, и просидеть там до начала пары. Именно с этой мыслью она и вышла на улицу, на ходу одевая пальто.

За последний час погода не изменилась: было так же влажно, пасмурно и холодно. Торопясь преодолеть небольшое расстояние до основного корпуса консерватории (что было все еще не очень просто сделать в новых сапогах, пусть и не на очень высоком каблуке), Агния не особо разглядывала встречных студентов и потому не обратила внимания на парня, который прошел

мимо. Даже то, что он заметно прихрамывал, не заставило ее насторожиться. И только прозвучавшие чуть ли не одновременно несколько окликов вынудили ее резко остановиться и обернуться:

— Агния!

— Сучка.

— Саш, ты чего?!

Автором первой и последней реплик был Стас. Судя по тому, что парень бежал и громко звал ее, размахивая чем-то, зажатым в руке, она что-то забыла в буфете. А вот другим парнем, тихо пробормотавшим такую нелестную ей характеристику, оказался тот самый Саша, с которым прошлой осенью Агния недолго ехала по дороге в Киев. Она бы, наверное, и не услышала то, что он сказал, если бы не обернулась на окрик Стаса. Собственно, и не слышала, скорее по губам прочла. Да и не похоже было, чтоб Саша хотел оказаться услышанным. Судя по настороженному и злому испугу, мелькнувшему в глазах парня, когда она обернулась, все обстояло с точностью до наоборот. Услышал его и Стас, видимо знавший Сашу. И сейчас удивленно и даже с возмущением смотрел на того. Однако сам Саша не спешил вдаваться в объяснения. Поняв, что стал центром внимания, он резко отвернулся и от Агнии, и от Стаса и пошел в другую сторону.

Стас еще пару мгновений смотрел тому вслед, а потом с явным непониманием пожал плечами и подошел к Агнии:

— Вот, я забыл тебе диск отдать. Сколько обещал принести послушать, а никак не выполню, — он протянул ей музыкальный диск с улыбкой, за которой, похоже, старался спрятать свое непонимание и некоторую растерянность от странной, по его мнению ситуации.

Агния даже не сразу перевела глаза на Стаса и то, что он ей давал. Все еще стояла и смотрела в спину удаляющегося Саши. Наверное, не было ничего удивительного в том, что он ее узнал. И что сказал такое, дав выход своей злости и гневу, хоть и надеялся, что это останется в тайне.

Она даже не злилась на него. И не обиделась. По какому праву? Это ведь из-за нее, из-за ее необдуманных поступков и слов Саша на всю жизнь останется хромым. А испуг в его глазах, когда он смотрел на нее, жгучей горечью сейчас разливался внутри, словно Агния кислоты глотнула. И еще ей было стыдно. Очень.

— Агния? — видя, что она не обращает на него внимания, Стас еще приблизился. — Эй? Ты чего, ты не грузись, Сашка не думал ничего такого, видно, ошибся. Он, вообще, немного не в себе после того, как его избили. Часто на людей кидается. Бесится, оно и понятно. Он не тебя имел в виду, серьезно. Вы же и не знакомы, наверное?

Глянув на Стаса, Агния ничего не ответила. И диск не взяла, ради которого Стас ее догонял. Почти так же как Саша, она отвернулась, неопределенно махнув головой, и пошла совсем в другую сторону от консерватории, в которой собиралась отсидеться. Ей точно не хотелось ничего объяснять, кому бы то ни было.

Очень хотелось к Вячеславу, но Агния знала, что не поедет. И звонить не будет. Хоть уже знала — он бы ответил на звонок, и не сердился бы. И дело было не в том, что она вдруг испугалась или вздумала вменить в вину любимому его принципы жизни или представления о правильных поступках. Просто Боруцкий по голосу, по выражению ее глаз сейчас поймет, что что-то случилось. И точно не успокоится, пока не добьётся от нее правды. А Агния этого меньше всего хотела. Ей надо было полностью успокоиться. И желательно до того, как они с Вячеком вечером встретятся. А кроме объятий самого Вячеслава у Агнии имелось только одно убежище, где она привыкла искать покоя и понимания.

Глава 29

Настроение у него было не фонтан и Вячеслав это четко осознавал. Как и то, что вряд ли удастся сразу спустить пар. Не при малышке, точно. А значит, как минимум, придется ждать, пока отвезет ее домой и сможет вернуться.

Три часа. Вот, какого хрена можно торчать в церкви три часа, кто б ему объяснил? Не иначе, как тот поп так и не внял предупреждению Борова и чего-то хочет от его Бусинки. А вот зря. Ничего им тут не светит. И не в деньгах дело. По правде сказать, в последнее время Вячеслав даже был доволен, что малышка успокоилась насчет своих пожертвований. По крайней мере, с тех пор как он позволил ей ходить в церковь и жертвовать, она стала и на себя тратить деньги, чего он и добивался от нее все это время. Да так тратить, что «ух», просто. Не в смысле сумм. А в смысле толка. Правда, попробуй разбери, хорошо это или плохо. Но это все ладно, с этим он знал, что делать.

А вот чего Вячеслав реально опасался, зная набожность своей девочки и ее чистоту, что попу удастся внушить ей сомнения, как-то повлиять на Агнию. Вбить в ее голову мысль, какой он на самом деле «страшный и ужасный». Хотя, конечно, по его прикидкам, поп не мог не понимать, что если Агния попытается уйти от Боруцкого, то и денежный приток с ее стороны в эту церквушку пересохнет. Так что отговаривать Бусинку попу вроде и не с руки. Но Вячеславу все равно дико не нравилось, что кто-то еще имеет на нее влияние и пользуется уважением Агнии. Тем более что до самой малышки всем этим церковникам никакого дела нет, сто пудов ведь.

Короче, как бы там ни было, а поиграли, и хватит. Он предупреждал. Не послушали — сами виноваты.

Вячеслав припарковался у машины, которую дал Лысому, чтобы тот возил Бусинку:

— Она еще там? — поинтересовался он у Вована, курящего на улице.

Пацан кивнул, тут же бросив на землю и затоптав сигарету:

— Не выходила, Вячеслав Генрихович, — отрапортовал он. — Я ж вам чего и позвонил полтора часа назад. Вы не подумайте, мне не сложно. Просто столько времени в церкви торчать — это на Агнию не очень похоже. Тем более что не праздник там какой, и решила она это с бухты-барахты. И с пар ради этого смылась. А вы ж говорили, чтоб я вас в курсе насчет церкви держал, да присматривал в этом вопросе.

Вячеслав сплюнул. Вытянул сигареты. Прикурил.

Говорил. Правда теплилась у него слабая надежда, что Агния и сама будет его в курсе держать. Да и держала, вроде все это время. А сегодня ни словом о церкви не обмолвилась. Даже и не собиралась, вроде. Да и была там пару дней назад, как обычно. Почему его это так и встревожило.

Блин. Мог бы, приехал сразу бы. Но вроде не горело, а ему нельзя было так палиться — бросать все только потому, что «крестнице» приспичило лишний раз в месяц свечку поставить. И напряг по делам в последние две недели был такой, что мама не горюй, они с Федотом как по лезвию ходили. А иначе никак, если уж решили все разыграть с переходом в легал. Не мог бизнес все время находиться в подвешенном состоянии. Раньше его вроде и так все устраивало, а тут прискакал бухгалтер с какими-то новыми законопроектами, которые ему, Вячеславу были до одного места. Но счетовод не слезал с него, наседая с убеждением, что если «поддержать» тех, кто этот закон продвинуть хочет, помочь им (материально, ясное дело), то потом никто прикопаться к нему не сможет, и не докажут, каким именно путем Вячеслав весь свой бизнес развернул когда-то. Да и благодарны ему будут эти самые законники. Тем более что один из депутатов этих, Мелешко, так и

так с ними дела крутил. Да и Соболь, которого Боруцкий пробил по этому вопросу, собирался взять долю в продвижении этого закона, прикрывая какие-то свои махинации с комбинатами области.

Вот нельзя сказать, что так уж тянуло Вячеслава «отмыть» все свои фирмы. Но и не мыкаться же им туда-сюда, как было последние три года. Надо было что-то решать. И если сваливать в законные дела, то разгрести долги с парнями. А если руководствоваться старыми понятиями, то спрыгивать с курса дельца.

Только в свете последних размышлений Вячеслав все больше склонялся к первому варианту. Вечно в кулаке всех не удержишь, прыткие и молодые всегда пролезут через пальцы и слабину почувствуют. А значит, надо менять полюса пока никто эту слабину не нащупал и не приметил. Тем более схемы давно налажены и ему еще «спасибо» скажут, если он правильно разыграет это все и переведет стрелки на кого-то вменяемого. Ясно, что контроль можно оставить, да и дурь — слишком выгодное дело, чтоб кому-то дорогу уступить. И Мелешко, с которым Боров уже успел это все обсудить, был бы только рад, если партнерство останется в силе, несмотря на вероятные изменения статуса Борова. Сам Мелешко провернул подобную схему пару лет назад, и теперь вон выбился в депутаты. Борову мандат был не нужен и задаром. Разве что какой-то местной власти, чтоб не мелькать особо, но и неприкосновенность получить для страховки от каких-нибудь особо рьяных следователей.

Короче, атмосфера накалялась. Парни, почувствовав реальный шанс урвать куш, встали в стойку. Федот, и сам уже подуставший все время жить на износе, в принципе идею одобрял и тоже был за предложенный Вячеславом план. Хотя нельзя сказать, что все мотивы Борова ему пришлись по душе. Но от этого друг работал и крутился сейчас не меньше Вячеслава.

— Так что, Вячеслав Генрихович? Мне ее не возить сюда, если она дальше просить будет?

Лысый, который все еще неуверенно топтался рядом, заставил Вячеслава оторваться от своих мыслей.

— Разберемся.

Боров бросил недокуренную сигарету под ноги и пошел к церкви.

Попа даже искать не пришлось. Боров засек того сразу, едва зашел в церковь. Тот самый священник, с которым он уже раз базарил, стоял в притворе церкви, у входа в основной зал, и на что-то смотрел. Подойдя ближе, Вячеслав понял, что пялился поп на «кого-то» — на его малышку, если уточнять. Бусинка стояла у иконы с каким-то святым, неизвестным Вячеславу, и с отрешенным видом смотрела на горящие свечи. Вроде и его девочка, а какая-то далекая. Даже платок не тот напялила, что всегда. Как же Вячеслава выбешивало, когда она такой становилась, все разнес бы, что бы под руку ни попалось. Наверное, потому и никогда не соглашался с ней в церковь эту долбанную заходить, хоть Агния каждый раз просила его об этом.

Вячеслав остановился рядом со священником, сжав в кулаки руки, спрятанные в карманы, чтобы сдержаться и тут же не забрать ее отсюда. Для начала он с попом хотел переговорить. Однако Вячеслав не успел сказать и слова, когда священник обернулся и одарил его таким обвиняющим взглядом, словно в убийстве уличил:

— Что вы с ней сделали? — сурово и обвинительно, но тихо вопросил этот поп так, будто бы имел право требовать ответа с него, с Боруцкого. — Чем довели до такого состояния?

Боров даже на пару секунд протормозил, уставившись на него:

— Ты меня в прошлый раз плохо понял? — заметил он так же тихо в ответ, не желая пугать или расстраивать свою девочку. Бусинке это точно не стоило слышать. — Я недостаточно ясно выразился для твоего ума? Оставь ее в покое, прекрати свои промывки мозгов. Я вам на нее давить

не дам и доводить до такого состояния — не позволю. Сами получите по мозгам. Что ты ей сказал, что она стоит, как в воду опущенная? На что давил, падла?

Священник посмотрел на него удивленно. Перевел глаза на Агнию, продолжающую стоять у иконы. Вячеслав заметил, что малышка стала беззвучно шевелить губами.

— Это к вам вопрос. Она сюда пришла убитая. Даже со мной говорить не захотела. Уже три часа молится одна, — не сбавив наезда в голосе, обвинил его поп. — Что вы ей сделали? В чем заставили участвовать? — Священник вдруг глубоко вздохнул, словно оборвал себя, пытался утихомирить. — Разве вы не видите, что убиваете ее? То, что в ее душе? Наизнанку выворачиваете. Она же не такая, как вы. Зачем вы ребенком играете? Неужели не видите, что вы для нее второй, после Бога? Прости Господи! — священник сжал распятие, болтающееся у него на груди. — А на земле для нее уже кроме вас и нет иного светоча. Зачем вам это дите?! — Поп глянул на него с таким укором, что Вячека могло и пронять. Но не вышло. Мысли другим забиты были. — Что надо было сделать, чтоб довести ее до такого состояния, в котором она пришла?

Хороший вопрос. Когда Вячеслав свою Бусинку в последний раз целовал, привезя в ее консерваторию, малышка в шикарном настроении была. В офигительном просто. Сонная, это да. Тут он и не отрицал своей вины. Не мог от девочки своей оторваться, это да. Два дня перед этим только обнимал ее. Не мог разбудить, хотел, чтоб малышка отдыхала. А вчера, что называется, дорвался. Да еще и все эти ее изменения, платья, юбки, кружева… Будто Вячеслав и без этого всего не кидался на нее как голодный зверь.

Так что Бусинка явно не выспалась вчера, это да. Но она определенно была довольной. И он не врубался, о чем ему поп талдычил. Если этот священник с Бусинкой не говорил, и она уже пришла сюда расстроенная, значит, что-то случилось в консерватории…

— Сколько у вас таких, которым все равно? Которые сами приходят? Сколько женщин, которыми вы пользуетесь? Две? Три? Десять? Ее за что так мучаете? Агния же за вами — уже мира не видит. Своей верой спасти вас надеется. А вы…

Священник все еще продолжал ездить ему по нервам. Впрочем, Вячеславу уже стало не до попа. Даже развеселили его эти обвинения. Этому священнику с Федотом бы поговорить — нашлись бы две родственные души, только с разных полюсов его пилят. А толку? Оба неправы. И поп этот — дурак, видимо.

Косо глянув на него сверху вниз, Вячеслав насмешливо хмыкнул и пошел внутрь зала. Бусинка тут и так задержалась по ходу.

Игорь умолк на полуслове, остановленный взглядом Боруцкого. Все возмущение и праведный гнев, тлевший внутри эти часы — опали сами собой. Нет, в глазах Боруцкого не было ни капли той угрозы, с которой этот человек вошел в церковь. Скорее насмешка и пренебрежение. Какое-то знание, которое словно давало Боруцкому превосходство. И Игорь не остановил, когда Боруцкий направился к девочке.

Проследил, как она встрепенулась в тишине, оторвавшись от созерцания иконы и свечей, будто по звуку шагов узнала идущего. Еще до того, как обернулась. Наблюдал, как Агния улыбнулась, быстро закончила молитву и перекрестилась. И тихо отошел в сторону, не препятствуя этим двоим выйти. В этот момент он практически не сомневался, что эта девушка вернется. И мужчина, который пришел сегодня за ней, не будет ей запрещать приходить к Богу. И следом за ней придет.

Он не был совершен и как всякий человек мог совершить ошибку. Но Игорь был бы плохим священником, если бы впав в грех гордыни, отказался это признать. Как и заметить то, на что ранее не обращал внимания.

— Тебе Вова позвонил? — малышка следила через стекло, как машина Лысого сворачивала в противоположную сторону.

— Напугала пацана, — Вячек хмыкнул, держа ровный тон и наблюдая за ней. — Он уже струхнул, не решила ли ты в монашки податься…

— Просто захотелось постоять, подумать, — со спокойной улыбкой Бусинка пожала плечами. — Настроение такое. Извини, что тебе пришлось приехать.

Его умница. Растет Бусинка. Стала врать куда лучше. Общение с ним сказывается?

Другой бы купился. Только Вячек ее уже как свои пять пальцев знал и чувствовал, когда малышка юлила. Все равно видел в глубине глаз смятение и растерянность. А еще что-то такое непростое и не до конца ему понятное, что у Вячеслава таки заскребло за грудиной, как гвоздем по кости. Его девочка все же в чем-то сомневалась. В чем?

Боруцкий резко махнул рукой, отметая ее извинения:

— Утром у тебя было другое настроение, — тем же спокойным тоном заметил он. И косо глянул на нее, следя при этом и за дорогой. — Что случилось, Бусинка?

— Ничего, Вячек, правда, — он почувствовал прикосновение ее ладошки. Тонкие пальчики Бусинки погладили его руку, лежащую на рычаге переключения скоростей. — Погода пасмурная, суматоха в консерватории перед праздниками — вот и захотелось покоя и тишины.

Агния все еще грела его руку своей ладошкой. Теперь же она немного подалась вперед и на минуту прижалась к его щеке губами. Ладно, это отвлекало.

— Настолько захотелось тишины, что ты с пар своих слиняла? — недоверчиво хмыкнул он. — Утром пошла, хоть глаза продрать не могла, а тут так все достало?

Бусинка промолчала, продолжая улыбаться и касаться его щеки. Отвела глаза. Легко потерлась своей щекой о скулу Вячеслава.

Он улыбнулся, не смог удержаться:

— Я ведь все равно узнаю, что стряслось, малышка, — констатировал он очевидное. Хоть и не прятал улыбку. — И почему ты убитая такая была, докопаюсь. Так что лучше сама скажи, — предложил Вячеслав как вариант.

— Нечего узнавать, правда.

Агния выпрямилась на своем сидении и выскочила на улицу, едва Вячеслав остановил машину. На бешеной скорости понеслась к подъезду, не ожидая его.

Ага, он так и понял, что нечего. Сразу ж видно.

Вытащив ключи из замка, Боруцкий покачал головой, наблюдая за этим бегством, и пошел за своей малышкой.

Агния проснулась очень рано. Она даже не знала, что ее разбудило. За окном еще даже рассвет не начался. Часы показывали начало шестого. А ей больше не спалось. И опять вернулись мысли, с которыми она вчера столько времени в церкви простояла. Такой сумасшедший коктейль всего, что хотелось головой встряхнуть: стыд перед Сашей за все, за свою глупость и необдуманные слова, так отразившиеся на его жизни. Страх за Вячеслава, за тот путь, которым он шел, и за то, с чем она ничего не могла поделать, только молить Господа о милосердии к любимому человеку. А еще — такая любовь к нему, что не хватало сил держать это в себе. Агния то и дело прикусывала язык, чтобы признание не сорвалось, как уже едва не случилось однажды. Почему-то было безумно страшно сделать неправильный шаг и казалось, что этим она может вызвать лишь его раздражение. Наверное, потому, что Вячек никогда и не интересовался: любит ли она его? Вообще ни разу не

упоминал хоть о чем-то подобном. Лишь определил принадлежность Агнии понятием «моя», и был этим совершенно доволен, вроде бы.

Очень осторожно она повернула голову. Агния уже имела возможность убедиться в том, насколько чутко спит Вячеслав. Но сейчас ей вовсе не хотелось его будить. Наоборот, хотелось, чтоб он отдохнул, хоть раз выспался. Еще вчера она и не задумывалась об этом, не сопоставляла очевидные факты и не анализировала, сколько же на самом деле Вячек отдыхает. А теперь — оказалась очень обеспокоена этим. Потому что вчера вечером Вячеслав просто уснул сидя. На полу.

У них не то чтоб получилось непринужденно провести вчера время. Агния так боялась выдать настоящую причину, по которой сорвалась в церковь, что готова была выдумать любой предлог улизнуть от разговора. Правда, Вячеслав не то чтобы и очень давил. Но при этом так смотрел, словно посмеивался в душе и не сомневался — еще пара часов и он все поймет. А она не была уверена, что его мысли безосновательны. Потому сначала сделала вид, что ужасно занята приготовлением обеда и «не замечает» Вячека, стоящего в дверях кухни. И видно делала это удачно. Потому как он, поинтересовавшись: не нужна ли ей помощь и уточнив, стоит ли морочится, если можно за полчаса из ресторана привезти, оставил Агнию на время в покое. После того, как она отвергла вариант с рестораном, заявив, что хочет «домашнего». А иначе чем бы Агния прикрылась от его вопросов и догадок?

Следующий час она готовила, а он разговаривал по телефону. И возможно ей только привиделось, но у Агнии сложилось ощущение, что Вячеслав весь какой-то настороженный и взведенный, что ли.

Звонки на его телефон продолжались и во время самого обеда. Так что с разговором и тут не сложилось. А поев, Агния быстро скрылась в бывшей спальне родителей и села за пианино под предлогом необходимости тренировки и чтоб Вячеку не мешать свои дела «решать».

Играла Агния долго — часа три. И уже не столько, чтобы не общаться с любимым, а просто расслабилась. Как-то отошло все на задний план: и страхи, и неуверенность, и все-все. Она даже петь тихонько начала. И оторвала руки от клавиш, когда за окном уже давным-давно полностью стемнело. В комнате мягко горело одно бра, которое Агния включила сразу. А по всей квартире стояла такая тишина, что Агния даже растерялась, не поняв, куда делся Вячеслав. Неужели уехал, не сказав ей?

Но эта мысль исчезла, стоило Агнии развернуться к дверям: Вячеслав сидел прямо на пороге комнаты, на полу, опираясь спиной и затылком на косяк двери. И спал. Поначалу она просто опешила. И от того, что не слышала, не заметила, как он пришел. И потому, что вид такого Вячеслава — сбил ее с толку. Словно он пришел послушать, как она играет, да так и уснул, и музыка не помешала, и пение ее.

Как же надо было для этого устать?

Агния не думала о том, как же он справляется с усталостью, ведь, по сути, Вячеслав спал раза в три меньше нее самой, зачастую приезжаю уже за полночь. Да и потом… ну, не всегда сразу ложился все-таки. Она вон все время спать хочет из-за их рванных и бурных ночей. А ему, наверное, и того тяжелее, ведь судя по тем же телефонным звонкам, у Вячека и помимо Агнии проблем хватало. И это понимание только сейчас обрушилось на нее.

Она очень тихо встала со скамейки почти готовая к тому, что Вячеслав немедленно проснется. Но этого не произошло. Еще осторожней сняв тапки, Агния как можно тише подошла к нему, ступая босыми ногами по паркету. Опустилась рядом, сев коленями на пол. И на какое-то время замерла, рассматривая спящего Вячеслава.

Он не отреагировал на ее передвижения по комнате, только нахмурился немного, но во сне. И

показался вдруг Агнии таким открытым, как никогда до этого. Близким и самым родным. И таким… Таким любимым. Таким необходимым, что она готова была в тот момент все что угодно сделать, или отдать ему или для него. Укрыть, избавить от всех проблем и всего того, что выматывает Вячеслава, что не дает ему спокойно и полноценно расслабится и спать ночами.

Смешно, конечно. Агния — такая маленькая и непритязательная, неопытная во всем девчонка, пытающаяся защитить взрослого мужчину, заправляющего большей частью криминала города. Зачем ему ее защита? Да и что она может сделать? И все-таки, ей до безумия сильно хотелось хоть что-то дать ему. Хотя бы сейчас осторожно разбудить и уговорить перейти на диван в ее комнате.

Агния протянула руку и мягко коснулась его щеки. Вячеслав тут же открыл глаза. Но не вскинулся, не схватился на ноги, как это часто бывало ночами, отчего Агния даже просыпалась. Нет, он только моргнул. И просто молча посмотрел прямо на нее. А Агния почему-то вместо того, что собиралась сказать, чуть приподнялась на коленях, продолжая держаться за Вячеслава и, подавшись вперед, нежно прижалась к его губам. Вот просто дико захотелось его поцеловать. И сказать все, что на сердце не лежало, нет. Бушевало. Рвало ее душу. Но она и теперь не решилась.

У них вообще разговоров о том, что между ними происходит — не было. И начинать это сейчас — не показалось ей разумным. Ведь так хотелось, чтобы Вячек отдохнул.

— На диване будет удобней, — только и заметила она, легко целуя его губы. Скользнула ладонями по щекам, шее, уперлась в грудь, ощущая мерный стук сердца под ладонью.

— Угу, — невнятно согласился Вячек, обхватив ее плечи одной рукой. Притянул ее ближе к себе, так что Агнии пришлось лечь на него сверху. Не позволил ей отодвинуться, не дал прервать поцелуя. — Сейчас, — коротко выдохнул он ей в губы. И снова закрыл глаза. — Посиди со мной минуту, — тихо велел он и кажется, снова заснул.

А она его больше не будила. Было неудобно и жестко, колени давило из-за пола. Но тепло от его тела согревало. А под ее рукой продолжало размеренно стучать его сердце. И это почему-то компенсировало Агнии все неудобство такого положения. Да так, что спустя минут двадцать она и сама задремала, уткнувшись лицом в шею Вячека.

В ее комнату они перебрались только спустя два часа. В этот раз проснулся Вячеслав и перенес ее на диван, почти не разбудив.

— Спи дальше.

Что ж, маневр не удался. Агния улыбнулась в темноте. Видно Вячек уже достаточно отдохнул, чтобы ощутить ее движения.

— Я вчера не смотрела, что нам задали, — шепотом ответила она. — Сейчас просмотрю. А ты спи.

— Зачем? Все равно ты сегодня в консерваторию не пойдешь, — возразил Вячеслав и перевернулся, обняв ее рукой. Притянул к себе еще ближе.

— Нет, Вячек, выходной — завтра. Сегодня еще седьмое, мы занимаемся, — поправила его Агния, продолжая улыбаться. Не удержалась, провела пальцами по лбу.

Он хмурился даже во сне. И ей вечно хотелось разгладить, расправить эти морщины, словно бы так Вячек сможет скорее расслабиться и отдохнуть.

— Я в курсе, когда праздник, Бусинка. — Вячеслав открыл глаза и посмотрел на нее в темноте. — Но в консерваторию ты пойдешь, только если расскажешь, что случилось вчера. А так — считай, у тебя незапланированные каникулы начались, — заявил он спокойно.

Агния растерялась. Попыталась немного отодвинуться. Только ее, ясное дело, никто не пустил.

— Вячек, я пойду в консерваторию, — сама не заметив, как нахмурилась, возразила она. — Ты

что? Мы же это уже обсуждали…

— Пойдешь. Когда расскажешь. Я слушаю.

Он смотрел ей прямо в глаза. И ждал.

Ну как Агния могла сказать ему про то, что ее расстроило? Про Сашку? Ей отчего-то казалось, что Вячеку совсем не понравится то, как парень ее назвал. А повторять свои ошибки она не хотела.

Видимо он правильно истолковал ее молчание:

— Что ж, я тоже думаю, что тебе стоит отдохнуть, — насмешливо хмыкнул Вячеслав, продолжая смотреть на нее с улыбкой. — Так что спи, малышка. Торопиться некуда.

Он притянул ее так, чтоб упереться подбородком в макушку Агнии, наверное, демонстрируя, что не выпустит из постели.

— Вячек, серьезно, у меня сегодня куча дел. Я не могу остаться дома, — даже завтракая тогда, когда оставалось пять минут до ее первой пары, она все еще надеялась его переубедить.

— Да, легко можешь, поверь мне, — Вячек пожал плечами. — Что там у тебя за дела? — он с интересом глянул на нее.

— Мне в поликлинику надо, — Агния вздохнула. — Нам до девятого карты профосмотра сдать необходимо, а я еще ни у одного врача не была. Все откладывала. Мне очень надо. И на пары тоже. Я только те пропуски закончила отрабатывать.

— Давай сюда свою карту, я улажу, — улыбнувшись с некоторой снисходительностью, предложил Вячеслав. — Тоже мне — проблема. А насчет пар — решать тебе.

— Вячек! — Агния вскочила. — Ну не случилось ничего. Серьезно! Я же уже говорила. И как ты с осмотром уладишь? Вместо меня всех врачей пройдешь?! — разозлившись, она поджала губы и глянула на него из-под насупленных бровей.

Вячеслав рассмеялся. Даже чай отставил, видно, чтоб не разлить.

— Бусинка, ты че, серьезно? Да кто этих врачей проходит?! Не смеши меня. Я подъеду, побазарю. Поставят тебе все печати, не парься.

— А я хочу пройти врачей. Правда. Я собиралась их всех посетить, — возразила она.

И даже не из чувства противоречия. Хоть и злилась на него за этот дурацкий ультиматум. И то, что он сам, похоже, собирался сидеть с ней, в случае, если Агния попробует ослушаться решения Боруцкого.

— На хрена? — искренне удивился Вячеслав. Вдруг стал серьезным. Нахмурился. — Ты себя плохо чувствуешь? Заболела? Я тебя отвезу к нормальному врачу. Все равно в поликлинике ты всем до одного места будешь. Никто тобой не займется, пока не подмажешь или если связей нет. Да и какие врачи в поликлинике вашей сидят? — Ох, похоже, он действительно серьезно отнесся к вероятности, что она могла заболеть.

Агния даже злиться перестала.

— Я здорова, Вячек, — вздохнув, она отвела распущенные волосы с лица. — Просто хочу сделать, как положено. Пройти врачей. По-честному.

— Бусинка… — Вячек скривился.

— Ну почему мне в поликлинику-то нельзя? — не дала она ему развить идею своего пренебрежения.

Вячеслав посмотрел ей в глаза.

— Что вчера случилось, малышка? — тихо и серьезно, даже как-то сурово спросил он.

Агния вздохнула:

— Ничего.

Только взгляд отвела.

Боруцкий раздраженно цокнул языком. Ругнулся, но тихо. Подошел впритык и поднял лицо Агнии, чтобы она на него глянула:

— Позвони Лысому. Пусть он тебя в поликлинику отвезет. Узнаю, что поехала в консерваторию — приеду и сам заберу. И попутно там выясню, что произошло, что ты «убитая» в церковь свою приперлась, если поп не соврал. Ясно?

Агния часто заморгала, вдруг поняв, что он не шутит, и судорожно кивнула, решив, что лучше согласиться. Даже немного испугалась. Не за себя. Просто, если Вячек это знал — в каком плохом настроении она вчера пришла… Зачем же отец Игорь сказал ему? А если Вячек начнет и правда допытываться? Меньше всего она хотела, чтобы он еще больше навредил себе. И еще кому-то тоже.

Придется, похоже, и правда, пропустить несколько дней в консерватории и надеяться на то, что Вячеслав переключится на что-то другое. Или что ей удастся его переубедить.

За день его настолько достали, что пару раз у Борова реально возникало сомнение: может вчера Бусинка и правда не врала? Вот сегодня он сам имел непреодолимое желание послать всех на хрен и куда-нибудь смыться. Желательно туда, где будет его малышка.

В клубе назревал аншлаг из-за предпраздничного вечера. Ди-джей готовился чуть ли не с полудня, отчего к шести часам у Вячеслава уже просто гудела голова от визжащих обрывов и скачков музыки, а внутри кипело раздражение. Хотя немало в этом был повинен и его бухгалтер, который на пару с адвокатом сегодня переводили в легал активы Боруцкого по автомобильным сетям и автозаправкам. И постоянно вызванивали, уточняли что-то, сообщали, требовали какие-то подписи. А тут еще Федот подливал масла в огонь, выясняя, на кой ему припекло именно сейчас это все делать? В таком угаре? Мало было текущего геморра?

Вячеслав посылал друга несколько раз, но тот все равно лез. И, гад, знал же, понимал в чем дело, Боров не сомневался. А продолжал нервировать. Ну, прям следователь на дознании. Ясно, Вячеслав не собирался поддаваться на давление друга. Обойдется. То, что Боров готов любой ценой, даже таким геморроем, как выражался Федот, обезопасить Бусинку — и так понятно. И то, что делать это надо как можно скорее, пока не узнал никто о девочке — тоже знали они оба. Толку об этом еще базарить и языками чесать, когда дел куча?

Но другу этот аргумент не казался убедительным, судя по всему.

Да еще, будто мало этого всего, именно сегодня отзвонились по другим делам и пришлось ехать фиг знает куда, чтобы все уладить. В общем, закончив со всем этим, он уже ничего не хотел, тем более шляться по улицам, полным мужиков, оголтело сметающих цветы, продающиеся едва ли не под каждым фонарным столбом.

Бусинка давно вернулась домой, он звонил ей. В консерваторию малышка не ездила, не оспорила его условия. Вот и Вячеслав решил, что может махнуть на все рукой и поехать к своей девочке. Была даже мысль о том, что может, стоит как-то съехать с ультиматума, еще раз глянуть, вдруг и правда перегнул палку?

Зашел в квартиру. Глянул. И вообще отодвинул назад все, о чем думал в течение дня.

Бусинка сидела на кухне, за пустым столом. В темноте. И просто смотрела в темное окно. И не грустная, вроде. Хотя, хрен что-то нормально разберешь в полутьме. И даже повернулась, когда услышала, как он вошел. Улыбнулась. Попыталась встать. Только он сам подошел и сел на край стола, вглядываясь в ее глаза. А там снова было то же выражение, как вчера, когда он ее из церкви забрал.

— Привет, ты раньше, чем я думала, — Агния все-таки поднялась и, взяв со стола какую-то

бумажку, выбросила ту в мусор.

Включила свет, принялась суетиться: сметать со стола несуществующие крошки, доставать посуду из шкафов.

— Бусинка, угомонись, — Вячеслав поймал ее за руку и потянул к себе. — Сегодня что? Ты же нигде не была, кроме больницы. Что теперь случилось? И не смей говорить «ничего». Не поверю, — резко прервал он, когда Бусинка открыла рот.

Блин. Непонимание происходящего с ней — бесило. Вячеслав не привык ощущать себя беспомощным. Отвратительное чувство. У него всегда все было под контролем, даже в самой паскудной ситуации. А с ней — Вячек словно вслепую по туману брел.

В ответ на его требование Агния вздохнула. Села на прежнее место и посмотрела на свои ладони:

— Я запуталась, Вячек, — как-то совсем тихо и потерянно призналась малышка, по живому вспарывая ему плоть этими словами. Тем, что могло за ними стоять. — Совершенно не знаю, что делать. И мне так страшно из-за этого.

Она сглотнула, подняла голову, но глянула в окно, а не на него.

— Страшно? — Он нахмурился, не врубаясь. — Почему? Кого ты боишься? На тебя кто-то наехал? В консерватории? Почему ты мне сразу не сказала? Кто?

Он встал со стола и опустился на корточки перед ней, стараясь поймать взгляд Агнии.

А она улыбнулась, правда, не очень весело:

— Нет, Вячек. Нет. Никто меня не трогает. — Она провела пальцами по лицу. Закусила губу. — Я у врачей была сегодня. В поликлинике…

— Ну? — Он совсем перестал ее понимать. — Я помню. И что? Замурыжили тебя? Или нашли что-то? Ты таки заболела? Блин, малышка, ты можешь конкретно сказать?! — Вячеслав хрустнул пальцами, начав серьезно нервничать.

Агния шумно выдохнула и вдруг чуть ли не хлопнула по столу ладонями:

— Не могу! Не могу конкретно! — Его девочка прилично повысила голос. Или это она кричала на него? — Чтобы конкретно говорить — надо знать, понимать, разбираться. А я ничего уже не знаю. — Агния глянула на него с выражением беспомощности. — Я у гинеколога была, а она, спросив о том, — малышка опять отвела глаза, по ходу, все еще смущаясь говорить об этом вслух. — Ну, есть ли у меня регулярные отношения, — невнятно пробубнила она. — Посоветовала мне таблетки, которые надо постоянно принимать. Выписала рецепт. Чтобы вместо презервативов… — Агния переплела пальцы рук. — А я пришла домой, сижу и не знаю: пить мне их или нет? Понимаешь?

Нет. Он ни фига не понимал.

— Если ты не хочешь пить химию, не пей. — Вячеслав попытался поймать ее ладошку.

— Нет, Вячек, не в этом дело. — Агния снова уставилась в окно, не заметив его попытки. — Эти таблетки, их просто так бросить принимать нельзя. В инструкции написано. А я не знаю, сколько они мне нужны будут. — Она вдруг ссутулилась, будто пыталась голову в плечах спрятать. — Понимаешь? Я ничего не знаю: будешь ли ты со мной на следующей неделе? И кто я тебе? Липовая крестница? Случайная… — она неуверенно облизнула губы. — Случайная любовница, потому что ты меня пожалел? Та, которую ты просто захотел, и получил? Возможная певица, которую ты, быть может, возьмешься потом продюссировать? И имею ли я вообще право о чем-то таком спрашивать? Или нет? — Она оперлась локтями о стол и спрятала лицо в ладонях. — Ты прости меня, правда. Не сердись, Вячек. Наверное, я просто глупая, или это от того, что у меня опыта никакого в этом нет. Но я совершенно не представляю, что и как мне делать. Объясни мне,

пожалуйста.

Подняв голову, она глянула прямо ему в лицо. Будто не видела и не понимала, что творила с Вячеславом своими словами, своей неуверенностью в нем. Этим страхом.

— Ты тогда, в начале, сказал, что я дорога для тебя. Но… Я не знаю, понимаешь! И не требую от тебя ничего. Не прошу, ты не подумай. Господи! — Агния прикусила костяшки пальцев. — Я просто хочу знать, что мне делать и как. Чтобы не ошибиться. Чтобы правильно все сделать. Мне не у кого спросить. Разве что у Федота, кроме него же никто не знает о нас. А у меня столько вопросов, и я не знаю…И это так сложно. Потому что я так не могу. Не могу все время бояться сказать лишнее или призна…

— Бл…!

Он не выдержал. Вскочил на ноги, прервав ее. С силой провел по лбу, по волосам. Отошел в другой угол кухни. Уперся кулаками в стену, перенеся на них весь вес тела. И снова выругался.

А малышка от всего этого зажмурилась и словно вся сжалась на своей табуретке.

Вячеслав и сам закрыл глаза на минуту, пытаясь собрать, как-то облечь в слова разлетающиеся мысли.

Это из-за таких страхов она сама не своя в последнее время? Вот это имел в виду поп, говоря, что Боров убивает, губит ее?

Но как же? Твою мать! Неужели Бусинка не видит? Не понимает, что с ним делает? Не осознает, что Вячеслав не то, что «с рук ее есть готов», а с пола бы помои хлебал, если бы она те перед ним вылила. Что он надышаться на нее не может? Что отодвигает все и всех, только потому, что она просит его приехать раньше?

Вячеслав обернулся, уже открыв рот. Глянул на нее. И захлопнул. До него вдруг дошло, что неоткуда ей это понять. Что Бусинка его — еще совсем девчонка. И правда, ведь, ни хрена у нее опыта общения с мужиками нет (и, слава Богу, конечно). И его она знает не двадцать лет, как тот же Федот, который сразу сечет, что с другом происходит. А каких-то неполных два года. Да и то, реально, сильно ли она к нему в первое время приглядывалась? Разве что, как к человеку, который не отвернулся, помог сироте.

— Бусинка…

Вячеслав оттолкнулся от гребаной стены и подошел к ней. Сел прямо на пол около табурета малышки и обхватив своими руками ее ладони, крепко сжал пальцы.

— Девочка моя. Ты что? — Он наклонился и уперся головой в ее колени. — Ты…

И снова ругнулся.

Все эти мысли никак не желали выражаться словами. Вячеслав не то, что не привык о чем-то подобном говорить, даже не пробовал никогда. Да и не припекало раньше. Как о таком говорить? Как объяснить то, что и сам не столько обдумывал, сколько просто принял однажды, как новую, неизбежную, но свою реальность. Их реальность.

— Блин, Бусинка моя. Ты что такое выдумываешь? Ты — моя. Ты — все, просто …

Проклиная в уме свое косноязычие и неспособность нормально выразить то, что есть, Вячеслав попытался достать из кармана подарок для завтрашнего праздника. Сам точно не знал, чем тот может помочь. Но так ему было проще это все показать. Облечь в материальную форму.

— Извини, — прошептала она совсем без выражения. — Мне, наверное, не стоило об этом говорить. Я… Просто… Только не сердись, Вячек! — Теперь она схватила его руку, реально испугавшись, что его расстроила, похоже. — Я попытаюсь разобраться и понять. Просто… — Малышка ни с того, ни с сего снова зажмурилась и глубоко вдохнула. — Я люблю тебя, Вячек. Очень. Господи! Больше всего и всех, наверно! И так боюсь говорить об этом. Боюсь разозлить,

потому что тебе это совсем не нужно, наверное. И не требовать чтобы, что-то говорю. Не пытаюсь добиться. Я просто не могу это в себя держать. Я пыталась, но… И мне так страшно сказать… И не сказать — тоже страшно…

Она частила, запиналась, тараторя это все с закрытыми глазами.

А вокруг Вячеслава будто все замерло. Весь мир стал. Только она жила и двигалась. А он смотрел на свою малышку.

Смотрел, вглядывался до рези в глазах… Или в груди, потому как, похоже, забыл дышать.

Смотрел, и не до конца въезжал в то, что она говорила. Что она делала. Себя отдавала ему целиком и безвозмездно, и правда, по сути, все остальное махом отодвигая в сторону.

Смотрел, и завидовал. Ей, что может это все так легко, ясно и четко выразить, хоть и младше его на жизнь, и никакого опыта. И себе. Дико так завидовал. Из-за того, что она у него была.

Вячеслав даже сам не очень понял, когда поднялся на ноги и как ее поднял, сняв с табурета, как усадил ее на стол перед собой. Кажется, он в тот момент вообще ничего кроме ее лица и зажмуренных глаз не видел. А хотел бы в те заглянуть.

— Как же ты попала, Бусинка, — хрипло прошептал Вячеслав, сжав ее плечи так, что сам испугался своей силы и жадности. — Сама ведь не понимаешь, как попала, — он прижался к ее виску губами, только теперь ощутив, насколько рванными и напряженными толчками дышит и дышал все это время. — Я же теперь тебя ни за что, никогда не отпущу. — Добрался до сомкнутых век, не то целуя, не то просто давя губами, настолько его самого прошибло это все. — Ни за какие бабки или посулы. Не упросишь.

А она вдруг открыла глаза и как-то облегченно улыбнулась, пусть неуверенно и самым краешком губ, до которых он как раз собирался добраться, но все же:

— А если бы я промолчала — отпустил бы?

— Ни хрена, — мотнул Вячеслав головой, зарываясь лицом в ее волосы. — У тебя с первого дня ни одного шанса не было. Можешь и не надеяться, — «успокоил» он ее.

И Агния действительно расслабилась. Он это почувствовал:

— Ты не сердишься? — все-таки робко уточнила она. — За то, что я призналась…

Он че, похож на придурка?

Не комментируя этот дурацкий вопрос, Вячеслав молча впился в ее губы. И не потому, что хотел сейчас секса от нее. Он просто пытался вдолбить в себя понимание того, что она сказала. Словно стремился сделать ее признание материальным. А малышку будто прорвало. Видно она и правда все это время копила в себе столько, что как голова не лопнула только от этих страхов и мыслей? И пусть поначалу ее вопросы были прерывистыми и полными стеснения, пусть сам Вячеслав больше отвечал односложно и не очень внятно, все еще захваченный теми словами, которые и часы еще пульсировали у него в мозгу — Агнии это уже не мешало. Она и про таблетки, что ей гинеколог выписала, рассказала и его мнение пыталась выяснить. И вдруг призналась, что весь гардероб поменяла только потому, что боялась недостаточно сильно ему нравиться. Что все это — лишь бы ему ребенком не казаться, когда вокруг все такие красивые. И он красивый…

Тут Вячеслав расхохотался, не специально, не планируя ее обидеть или смутить еще больше. Просто, ну серьезно, он че, себя в зеркале никогда не видел? Или реально оценить не может?

А Агния не обиделась. Она возмутилась. И с этим возмущением начала доказывать ему свою правоту.

— Бусинка моя, ты глазника, я вижу, не проходила сегодня, — обхватив ладонями ее щеки, Вячеслав большими пальцами рук надавил на ее губы, вынуждая Агнию умолкнуть. — Тебе точно нужны очки. Или нет, — тут же передумал Вячеслав, заменяя свои пальцы ртом. — Ходи лучше

так. Пусть так и будет.

Он оказался настолько выбит из колеи, настолько сбит и дезориентирован ее простым и безоговорочным признанием, что не мог никак это утрясти у себя внутри. И спустя три часа, кода они давно перебрались в спальню, и она даже заснула на середине очередного вопроса, вдруг принялся будить малышку, несильно растирая ее щеки ладонью:

— Почему? — потребовал ответа Вячеслав, как только Агния слабо прищурилась.

Малышка моргнула, открыла глаза, уставилась на него непонимающим взглядом. И снова опустила веки:

— Что «почему»? — едва шевеля губами, переспросила она.

— С какой стати ты в меня влюбилась? Я тебе, вообще, чуть башку не прострелил, ты что, не помнишь? — кажется, он сам себя накручивал.

— Помню, — Бусинка улыбнулась. Немного подвинулась и потерлась щекой о его грудь. — У тебя сердце стучит, Вячек. И ты красивый, самый. И лучший. И, вообще…

Голос малышки вовсе затих, прекратив это перечисление крайне нелепых и тупых причин, по которым его можно было бы полюбить. Собственно, Вячек потому и спрашивал, что не мог придумать эти причины. Он же четко знал, кем был. И что от нее хотел, и какие мысли на счет Агнии имел — помнил. Как окружал девочку, делал от себя зависимой во всем, в каждой мысли или решении. Но потребность и зависимость — это же еще не любовь? Или…

— И ты — мой, — вдруг заявила она, зевнув и еще поерзав щекой. — Совсем мой, — уточнила Бусинка, обхватив его руками и ногами. Непонятно, то ли уже во сне, то ли засыпая.

Вячеслав минуты две осмысливал это заявление глядя на нее. А потом усмехнулся, намотал себе на пальцы волосы Агнии:

— Твой, Бусинка, — признал он, целуя ее в макушку, — со всеми потрохами.

Глава 30

Впервые за последние недели она проснулась с такой легкостью. Будто внутри нее что-то переливалось и искрилось. И росло, как воздушный шарик, распирая грудь Агнии таким счастьем, что хотелось смеяться от этой легкости и радости. Словно мыльные пузыри поднимались внутри нее от самых кончиков пальцев ног, добирались до головы, а тут лопались, разбрызгиваясь этим счастьем и радостью.

Он не рассердился.

«Господи! Спасибо Тебе!»

Агния перевернулась на спину и все-таки рассмеялась, тихо, почти беззвучно, просто не в силах контролировать всю ту эйфорию, которая поселилась у нее внутри. Вячек не просто не разозлился из-за ее признания, а совершенно точно был рад. Что там! Этим словом не выразить того, что вспыхнуло в его глазах, когда Агния призналась в своих чувствах. Что-то настолько же сильное, как она уже видела в глазах Вячека.

Никогда, наверное, она не забудет этого.

Никогда.

Кто бы мог подумать, что ее может сделать невероятно счастливой слово, означающее отрицание?

Он никогда ее не отпустит. Сам так сказал. И что она всегда его будет, говорил. И что он — ее, Агнии. Она точно это слышала. Не могло же ей такое присниться! И пусть это все не было словами любви в привычном понимании, Агнии ощущала себя так, словно он сказал ей куда больше. Господь ведает, отчего она так это восприняла. Может быть потому, что и не ждала от любимого никаких признаний? Или потому, что Вячеслав выслушал все ее вопросы? Даже те, которые сейчас, утром, и Агнии показались глупыми? И эти вопросы тоже не вызвали раздражения Вячеслава. Он отвечал на них. Не всегда так, что ей прям все стало ясно. Но ведь не это главное. А то, что теперь она знала — всегда можно снова спросить. Что угодно и когда угодно.

— Это ты празднику так радуешься?

Только сейчас она открыла глаза, и задумалась над мыслью: а спал ли он все это время? Или наблюдал за ее пробуждением? А, даже если и так — пожалуйста, Агнии было не жалко!

Вячеслав лежал рядом, на боку, упираясь в подушку локтем руки, которой подпирал голову, и внимательно смотрел на нее. Агния не смогла спрятать улыбку, видя то, как пристально он всматривается в ее глаза. И покачала головой, отвечая на его вопрос:

— Доброе утро, — прошептала она, переворачиваясь на живот.

И сама подперла голову ладонями, чтобы их лица были на одном уровне. У Агнии сжалось все внутри от очередного «лопнувшего пузырька» счастья, когда она увидела, как подрагивают уголки губ Вячеслава от подавляемой улыбки.

— Доброе, Бусинка.

Он обнял ее одной рукой и чуть переместил, устроив у себя на груди. Теперь их лица оказались близко-близко. Настолько, что она видела каждую его черту, лучики каждой морщинки, появившиеся из-за его вечной напряженности и хмурости. Но сегодня Вячеслав, определенно, был в хорошем настроении.

Агния не выдержала — рассмеялась вслух и с восторгом обняла его, крепко обхватив руками шею Вячеслава. Спрятала лицо на его плече. Как же ей хорошо было! Просто нереально.

Однако долго прятаться там Вячеслав ей не позволил. Ладонью собрав ее волосы, он легко

потянул и заставил Агнию снова посмотреть на него:

— Ты какие цветы любишь, малышка? — будто мимоходом поинтересовался Вячек.

Но Агния пропустила этот вопрос, отвлеченная тем, что второй рукой он что-то надевал ей на шею, протягивая под волосами холодную цепочку. Застегнул. Надавил на затылок, вновь уложив ее щекой на свое плечо.

— Бусинка? — Вячеслав вновь потянул ее волосы, не дождавшись ответа.

— А? — она даже глаз не подняла, немного ошалевшая от украшения, которое пыталась рассмотреть.

Но это было достаточно проблематично сделать без зеркала. Цепочка оказалась короткой, такой, что как раз свободно охватывала шею. И округлый кулон, который она пальцами и кожей ощущала, укладывался во впадинку между ключицами. Но рассмотреть его никак не выходило. Все, что Агния могла понять — он был немного вытянутым, расширяющимся и округлым книзу. С несколькими камнями, выложенными по кругу в нижней части.

— Это мне? — снова не ответив, Агния попыталась повернуть голову под другим углом. Но и так мало что увидела. — Не надо было, Вячек, ты мне и так столько всего…

— Нет, мне, — он хмыкнул и прервал ее просто и эффективно: опустив ладонь на рот Агнии. — Вот буду смотреть на тебя и любоваться. Малышка, прекрати уже эту тему. Уже привыкнуть должна, так что просто порадуйся подарку. — Вячеслав посмотрел на нее с такой иронией, что она смутилась, ощутив себя маленькой и глупой.

И все-таки, веселье в его глазах делало даже это ощущение приятным. Потому что теперь она куда больше знала о нем и его мыслях.

— Бусинка, ты мне таки ответишь? Или ты по ходу не любишь цветы? — третий раз переспросил Вячеслав, насмешливо скривив губы.

Она состроила гримасу, оставив пока попытки рассмотреть украшение. Хотя тут же захотелось подскочить к зеркалу. Но все равно он не позволял ей пока подняться.

— Не то чтобы.

Вячек кажется удивился.

— Не понял.

Видя, что он ждет объяснения, Агния вздохнула и попыталась как-то понятно выразить свои мысли по этому поводу:

— Я люблю цветы. И когда их дарят, не важно какие. Это приятно, — она вновь повернулась так, словно пыталась спрятаться на его плече. Просто Агния как-то смущалась это говорить. — Но дальше… Понимаешь, у меня родителям много цветов дарили, когда они в нашем городе выступали. И за ними хаживать — столько мороки, — Агния «одним глазом» выглянула из своего убежища. — Этим часто приходилось заниматься мне — подрезать, менять воду. И так каждый день… А мне все время было лень этим заниматься, и цветы часто быстро вяли, — до конца уже призналась она в своем «грехе».

Вячеславу стало совсем весело. Лежа на нем, Агния прекрасно ощущала смех, который душил любимого. Но он ограничился только коротким:

— Ясно.

Помолчал секунду.

— И что ты сегодня собираешься делать? — тут же перевел разговор на другую тему.

А настроение Агнии впервые за утро «притихло». Это у нее сегодня был выходной в консерватории. А у Вячека, наверное, как и обычно, полно дел.

— Тебе уезжать надо, да? — спросила она, упершись подбородком.

Ему надо было. А как иначе? Ясень пень, дел и сегодня можно кучу нагрести. Однако, посмотрев в погрустневшие глаза Бусинки, он покачал головой:

— Нет, — ага, фиг вам он куда-то поедет, когда ловил такой кайф, наблюдая за тем, какая она сейчас веселая и счастливая.

Вячеслав свою малышку такой счастливой слишком давно видел. На Новый год, пожалуй. До всей этой кутерьмы и запары. И как же, оказывается, она грузилась, не понимая его. А он, придурок, только вчера до этого своим мозгом допер.

В глаза малышки вернулась радость после его ответа. Она подскочила на диване, выпутавшись из его рук. Впрочем, Вячек не препятствовал. Да и видел, что ей хотелось посмотреть в зеркало на его подарок. Вон, все время пальцами щупала. Так что он только проследил, как малышка соскочила на пол и босая пошлепала к зеркалу в одной рубашке. Которую купила, чтобы ему еще больше нравится.

Девочка-девочка. Он так и так был на ней целиком и полностью свернут.

Вячеслав надеялся, что ей понравится кулон. В этот раз Вячек потратил на выбор несколько дней. Перебрал кучу украшений. Этот ему пришелся по душе для его Бусинки. Только как ни старался, не сумел тот ей с толком и красиво подарить. Разозлился на себя до чертиков. А толку? Как пальцами ни хрусти, подобрать нужные слова не выходило. Чтобы донести до нее все, чтобы малышка больше в жизни не боялась, будто не нужна ему.

— Ой, это правда, мне? — Агния уже вертела в пальцах кулон, поднося тот ближе к зеркалу. И тут же рассмеялась, увидев в отражении, как он нахмурился. — Прости, Вячек, я постараюсь, правда, — пообещала Бусинка. — Спасибо! — она подбежала назад к дивану и не просто забралась в постель. А уселась прямо поверх Вячеслава, отчего у него кровь побежала по венам быстрее. — Спасибо! — малышка наклонилась, прижавшись к его губам.

Вместо ответа он обнял ее и заставил лечь:

— Так что ты собралась сегодня делать? — поинтересовался Вячеслав, наслаждаясь тем, что ощущал каждый ее вдох, каждое движение, полное радости и веселья.

Бусинка задумалась: поджала губки, которые ему тут же захотелось опять поцеловать, свела брови. Помолчала минуты две, и робко глянула на него:

— Вячек, — не очень уверена начала его малышка, — а можно… я не знаю, но может быть, можно… — с перерывами тянула она.

Он вздохнул:

— Все можно, Бусинка, — повернувшись, он провел пальцами по ее бровям, по носу, погладил скулы. — Тебе можно все. Чего только в голову не стукнет, ясно? — Вячеслав смотрел ей прямо в глаза.

— Сегодня? — почему-то шепотом уточнила Бусинка севшим голосом.

Он понял, что начинает улыбаться:

— Всегда.

Малышка моргнула, даже рот немного приоткрыла, будто хотела вдохнуть и забыла. И вдруг лукаво прищурилась:

— И в консерваторию завтра пойти?

Он расхохотался, запрокинув голову. Хитрюга.

— Лады, и туда можно, — согласился Вячеслав, целуя ее в шею. — А сегодня ты что хотела? — подтолкнул он ее.

Агния выпрямилась, села на край дивана. И вдруг совсем встала, отойдя к своему столу.

Не очень поняв все эти маневры, Вячеслав и сам сел, опустив ноги на пол.

— Вячек, а мы совсем вместе погулять не можем, да? — Она не повернулась, рассматривая пустую поверхность письменного стола.

У него шею заломило. И ведь знал, что верно все делает. Да и она, говоря это, не просила даже, просто констатировала очевидное. А все равно, у Вячеслава нерв дернулся на виске от спрятанной в ее голосе грусти.

— Бусинка…

Он подошел к ней впритык, обхватил плечи ладонями, чтобы развернуть к себе. И не совсем знал: собирается ли ей напомнить все, что уже обсуждалось, что это для нее же делается в первую очередь. Или просто будет просить прощения за то, что не мог дать ей столько всего, о чем и сам имел весьма смутное представление.

— Нет, Вячек, я помню все, — малышка сама развернулась к нему и посмотрела так, словно это она его сейчас планировала успокаивать. — И потом, там все равно, дождь, кажется. — Агния беззаботно улыбнулась. — Но может, мы можем просто покататься по городу? В машине? Не выходить никуда. Мы даже можем еду купить в «Макдоналдсе», там же из машины можно…

— Где? — он решил, что не так что-то понял. — Бусинка, ты издеваешься надо мной или че?

У нее праздник, а она предлагает, чтобы он ее в фаст-фуде накормил? Имея свой ресторан? Это, типа, нормально?

— Чем тебе мой ресторан не нравится?

Не так уж и часто он теперь ее туда притаскивал. Тем более в праздник «крестницу» — можно спокойно. Вроде не должен спалиться.

— Вячек, ну ресторан все равно до одиннадцати закрыт и повара не придут раньше, — похоже, поняв его оторопь и доводы, эта «умница» начала приводить ему свои аргументы.

— Блин, ну ладно, но есть куча нормальных кафе, которые с утра работают. Кондитерские, ну, я не знаю… — он аж зубами заскрипел, мысленно представив, как повезет ее в Макдональдс.

— Вячек, все равно… Это не совсем так будет, там ведь нас могут узнать. Ну, тебя, не меня. А значит… Ты сам говорил, нельзя, чтобы поняли или подумали что-то такое. Задумались, с чего это ты кого-то в кафе по утрам на праздник водишь. — Агния обхватила своими ладонями его руки, все еще лежащие на его плечах. Переплела их пальцы. — И потом, — она смущенно потупилась, уставившись на его наколку. Глянула через ресницы. — Я, правда, хочу в «Макдональдс», — похоже, стесняясь этого после его реакции, призналась малышка. — Я очень давно там не была, а мне всегда нравилось. Я согласна, что это не кондитерская и не ресторан… Но у меня там всегда появляется ощущение праздника. Я не знаю… — Пожав плечами, она со смущенной улыбкой потянулась и обняла его за пояс.

Вот что ему с ней делать? Бусинка, Бусинка. Он ей бриллианты дарит, что угодно готов дать, лишь бы девочка поняла, сколько для него значит… А она просит отвезти ее в забегаловку. И как ему поступить?

— Капец. — Боров прижал ее голову к своей груди, крепко обхватив руками Агнию. — И чего мне делать с тобой, а, малышка? — вздохнул он. — Будет тебе «Макдональдс», раз так стукнуло в голову. И чего уже в машине? Внутрь пойдем. Лично я даже представить не могу, чтобы кто-то подумал чего-то не того, увидев нас там утром, — с иронией хмыкнул он, продолжая ее обнимать.

Агния заулыбалась еще шире, но в то же время замотала головой:

— Нет, давай в машине! Купим, что захотим и поедем куда-нибудь… Ну, хоть к реке. Зачем нам толпа других людей вокруг? Я только с тобой хочу.

— Бли-ин, малышка, — он скривился. — Так дело вообще не пойдет! И че это за праздник

получается? Тупо пожрать в машине какую-то белиберду?

Ему выругаться хотелось. Появилось гадкое и паршивое ощущение какой-то никчемности. Реально, он раз за разом пыжится, а не может ей нормально ни одного праздника устроить: и Новый год испоганил, да потом еще и так лоханулся, что полный аут. И теперь вот…

Даже то, что вчера удалось кое-что утрясти — теперь не радовало. Не ясно, сколько еще времени он вот так мотыляться будет туда-сюда. Да и все равно, нельзя Бусинку светить, даже потом…

— А давай, — прерывая его невеселые мысли, малышка запрокинула голову и посмотрела Вячеславу в глаза, — ты меня в клуб вечером сводишь?

Ага. Счас. У них там сегодня «в честь» праздника мужской стриптиз намечался. Так он малышку и пустил. Прям разбежался уже. И по фигу, что благодаря его собственным стараниям для девочки в этом не было бы уже ничего нового.

— В клуб? — переспросил он, глядя на ее счастливую мордочку. — Можно, конечно. Только че тебе за интерес опять у меня в кабинете торчать? — поинтересовался Боруцкий.

— А мы не будем в кабинете, — еще жизнерадостней заявила Бусинка, уже едва не подпрыгивая на месте. — Давай, ты меня в бильярд научишь играть!? — предложила она до того, как он успел рыкнуть, что не пустит ее в зал. — Ты же часто с Федотом играл? А я даже толком не видела, но даже у нас в консерватории многие хвастаются тем, что ходят играть. И мне интересно. Пожалуйста.

Вячеслав улыбнулся, скорее от неожиданности такой просьбы. И внутри попустило. Это он мог легко. Лишь бы ей серьезно весело было. Вот ему бы в голову вообще не стукнуло, что девочке такое может быть интересно. И не додумался бы сам взяться учить свою малышку чему-то такому. Может ей потом еще и покер показать? Вдруг тоже интересно станет. Хотя, надо будет тогда позвать Федота. И втроем не особо разгуляешься, а вдвоем, так вообще — мало интереса. Разве что пока Бусинка азы усвоит.

— Ну, смотри. Научу, если хочешь, — согласился Вячеслав, рассмеявшись, когда она даже легонько на месте подпрыгнула от радости.

Она и не думала, что Вячек будет так переживать из-за «Макдональдса». Даже купив через окошко заказа для водителей все, что она выбрала, отдав ей пакеты, в которые Агния тут же нетерпеливо сунула нос, Вячек хмурился. И опять предлагал выкинуть это все «на фиг», и заехать в нормальную кофейню или кондитерскую. Но Агния ни за что не согласилась бы. Ей и правда, очень хотелось именно этого. Может быть потому, что в последний раз, когда Агния праздновала восьмое марта, еще с родителями, они ее приводили именно сюда. Может оттого, что просто «постыдно» любила гамбургеры. Не так, чтоб каждый день питаться подобным. Но раз в два года можно и побаловаться. Тем более, когда тебе «все-все» разрешают. И не кто-нибудь, а самый любимый человек на свете. Вот она и баловалась. А еще целовала его и обнимала чуть ли не каждые две минуты, мешая вести машину.

Ее настроение не просто не спадало, а становилось еще радостней и веселее. Ни дождь, ни серость этого дня не могли умерить для Агнии «праздничности». Тем более что Вячеслав, хоть и бурчал по поводу выбранного ею меню, все-таки смотрел, как Агния это все ест с таким веселым и довольным выражением, что она пропускала его ворчание мимо ушей. Еще и его попыталась накормить картошкой-фри. Он, правда, больше отмахивался, грозя ей вероятной язвой. Агния в ответ на это поинтересовалась: не бывает ли язвы от сигарет и водки?

Вячек минуту смотрел на нее так, будто не мог решить: то ли рассмеяться, то ли отругать ее за

то, что с ним спорит и «не слушается». В итоге заявил: «сама напросилась». И забрав у Агнии из рук бутерброд, который она только распаковала, принялся есть, аргументируя тем, что его «закаленному» желудку, точно ничего не грозит.

Немного придя в себя, она рассмеялась и, совсем по-детски показав Вячеславу язык, достала еще один гамбургер, поскольку изначально рассчитывала в еде и на любимого. И тайком думала о том, как он может отреагировать на ее главное «баловство» сегодня, которое еще не заметил и о котором не знал? Еще вчера, даже желая так поступить, Агния не решилась бы, наверное. А сегодня — ощущала себя так, словно ей «море было по колено».

Они катались по городу больше трех часов. И ей безумно нравилось любоваться почти пустыми мокрыми улицами, каплями воды на стеклах машины Вячека и на витринах магазинов, мимо которых они проезжали. Яркими пятнами цветочных букетов в руках редких прохожих и суетливой толкотней людей у супермаркетов.

Внутри машины было тихо, тепло и так уютно, что Агния сбросила свои сапоги и забралась на сидение с ногами. А потом просто прижалась щекой к плечу Вячека, следя за тем, как он ведет автомобиль: рядом с ним ей всегда было хорошо. И не важно, какой в календаре день.

В этот момент Агнии вообще вспомнился самый-самый первый вечер их знакомства, когда она пришла проситься к нему петь. И как Вячек назвал ее «принцесской». Ясно, конечно, что тогда он просто смеялся над зарвавшейся, по его мнению, и мало что понимающей в жизни девчонкой. Собственно, она и сейчас понимало не сильно уж больше. Но вот что изменилось — с ним Агния стала ощущать себя принцессой. Его принцессой. Которую оберегали, холили и лелеяли. Причем, без издевки. По-настоящему. Так он смотрел на нее, так реагировал на каждое слово, на любое движение, что…

Днем он все-таки отвез ее домой и настоял на том, что обед привезет из ресторана. И привез спустя час, максимум. А еще — огромный букет кремово-розовых роз. Такой нежный, красивый и «пушистый», что Агния не удержалась, зарылась лицом в эти ароматные лепестки, лишь смущенно сморщив нос на веселье Вячека. Она никогда еще так цветам не радовалась, наверное. Может быть еще потому, что, несмотря на утренний интерес Вячеслава — не ждала от любимого такого жеста. Все-таки он был не кем-нибудь, а Боруцким. Вряд ли кто-то, да тот же Федот, мог бы предвидеть от него подобный поступок. Агния так точно удивилась.

И все-таки, ощущая укоры совести, Агния не могла не напомнить любимому, что утром его не обманула. И может забыть или поленится те подрезать. Вячеслав, продолжая посмеиваться, только отмахнулся. «Сколько простоят, столько и будет», заявил он.

В клуб они поехали сразу после обеда.

Ему еще не приходилось кого-то обучать играть в бильярд с нуля. И сейчас он столкнулся с проблемой — Агния вообще ничего не знала об этом. Разве что стол да кий видела, когда в ресторане работала. Впрочем, отсутствие знаний малышка старалась компенсировать рвением — она действительно хотела понять и научиться. И все вроде бы шло неплохо, пока Вячеслав объяснял ей вводный курс, растолковывая: что такое биток, удар с руки и из дома, что такое сыгранные шары и когда шар остается в игре, а когда считается выскочившим. Рассказал ей, как начинают игру, разыгрывая право первого удара перед началом партии, и как игроки чередуют удары, стремясь загнать шары в лузу. А потом решил, что хватит «лясы точить», пора показывать все на практике, так она и запомнит и поймет быстрее. И вот тут появились проблемы: стандартный кий оказался для малышки немного великоват. А может с непривычки, но у нее никак не получалось взять его так, чтобы нормально ударить. Бусинка и так, и эдак пыталась. Даже туфли сняла, греша на то, что

это из-за отсутствия практики балансировать на каблуках. Все равно без толку. Она расстраивалась и злилась на кий и шар, хоть и пыталась это скрыть, но Вячеслав видел. Однако упорно продолжала стараться.

Он подошел чуть ближе и стал сбоку, собираясь присмотреться и посоветовать ей, где удобней будет перехватить кий. Проследил, как девочка нагнулась, примериваясь и… И завис, зацепившись глазами совсем не за то, на что собирался смотреть.

Фигурка Бусинки так и так не оставляла его равнодушным. Потому, обучая ее, Вячеслав честно старался следить только за ударами. Ага, куда там! Глаза сами пялились куда не надо. И вот тут она наклонилась, прицеливаясь, а он, как любой нормальный мужик, повернутый на своей женщине, с удовольствием наблюдал, как платье обтягивает ее тело и чуть вздергивается вверх. И даже сначала решил, что чудится. Подошел сзади впритык, и все еще не очень веря себе, опустил ладони на бедра своей малышки. Чтобы убедиться. Руками прочувствовать, так сказать:

— И давно ты чулки носишь? — прижавшись губами к ее щеке, уточнил Боров хриплым шепотом.

Бусинка вздрогнула всем телом, ясное дело, промазав по битку. Уронила кий на стол. И покраснела, он своей кожей ощутил жар, которым вдруг запылали ее щеки. Дыхание малышки стало частым и жадным, словно бы у нее не выходило вздохнуть полной грудью:

— С утра, — ответила она.

Да, тихо. Чуть хрипловато и прерывисто. Не так, чтоб бравируя, скорее реально смущаясь. И все-таки ответила. И даже подалась назад, плотнее прижавшись к нему самому. И дыхание у нее сбилось. Смелая девочка.

Ни фига себе! А он ни слухом, ни духом! Да Вячеславу и в голову бы не пришло, что его Бусинка такое вычудить может. Хотя, это он тормозит не по-детски. Разве не она сменила весь гардероб, лишь бы его внимание не переключалось? Сама призналась…

Только, какой к черту гардероб, да и вообще — какие-то мысли, когда тут такое?! У него в голове жаром полыхнуло, что уж о пахе говорить? А от понимания, что она вот в таком весь день рядом вертелась — воздуха в зале становилось реально мало. Вот просто представил, что достаточно только чуть выше, вот так, скользнуть рукой, чтобы коснуться безумно мягкой кожи ее бедра; что еще немного выше и его пальцы, приподняв юбку ее облегающего платья, накрывают шелковистую ткань белья, немного задирая кружева…

— Блин, девочка, ты мне совсем крышу сорвать хочешь, да? — неясно: дразня или уже всерьез целуя, Вячеслав прошелся губами по ее скуле. Обнял Бусинку за талию и, приподняв, развернул лицом к себе. — На колени поставить решила? — поддел он свою девочку, развеселившись от крышесносной смеси возбуждения, смущения и растерянности в ее глазах.

А сам продолжал поглаживать пальцами нежную кожу чуть повыше кружева чулок.

— Я…Нет, Вячек, — она зыркнула на него из-под ресниц и облизнула губы. — Я просто… Мне все время хочется тебе нравиться. — Несмотря на смущение, эта хитрюга не могла до конца подавить довольную улыбку.

Нравиться… И смех, и грех с его Бусинкой. Разве «нравится» это про то, что он чувствует глядя на нее? Да Вячеслав едва удерживался, чтобы не опрокинуть ее на стол. До того сильно желал Агнию, что пальцы подрагивали от жадности. Хотел совсем снять ее платье и… Вероятно, первые минут пять он бы тупо пялился, любуясь своей малышкой. И целовал бы, точно. И гладил бы ее безумно мягкую кожу, не удержался бы, однозначно. Только фиг они тогда к бильярду вернутся. К той части, где было обучение игре, а не осваивание инвентаря, как подсобного материала в сексе.

Но и четко это понимая, все еще веселясь, он не удержался, прижался к подрагивающим губам

малышки. Только вместо того, чтоб успокоиться, поцеловал так, что тут же захотел еще больше. Приподнял, удерживая ладонями за бедра, довольно выдохнул, когда Бусинка обняла его за шею и принялась ерошить его короткие волосы своими пальчиками. И Бог знает, куда бы их обоих завел этот поцелуй и ее непреднамеренное искушение. Но тут кто-то, кого Вячеслав явно по ошибке столько лет считал своим другом, заорал не своим голосом:

— Боров?! Да где ты, мать твою! Я уже задолбался искать тебя по всему клубу!

Судя по эху, Федот сейчас был в его кабинете.

Вячеслав ругнулся, ощутив, как Агния вздрогнула от этого крика и замерла в его руках. Отклонилась немного, глянув ему в глаза с каким-то странным выражением. Вячеслав даже нахмурился, пытаясь понять, чего там закрутилось в уме у малышки. Но Бусинка уже улыбнулась, состроив немного растерянную гримасу, и соскользнула по его телу на пол:

— Ой, — выдохнула она, пытаясь одернуть платье.

— Точно «ой», принесло чертяку, — с сожалением согласился Вячеслав, позволив ей это сделать.

Хрустнул пальцами и повернулся в сторону двери:

— В бильярдной!

— Понял, — отозвался Федот.

Агния старалась пригладить волосы и утихомирить дыхание. Внутри было как-то так странно и некомфортно. Когда они приехали в клуб, она решила, что не будет думать ни о чем, что могло бы испортить ей настроение. Ведь Вячеслав однозначно дал понять, как много она значит для него. И она помнила его обещание. Господи! Если честно, она вспоминала то так часто, что будь оно «записано» где-то, а не хранись в ее памяти, уже совсем истерлось бы. И быть может именно поэтому, благодаря новообретённой уверенности в их отношениях после вчерашнего разговора, Агния сумела задвинуть неприятные воспоминания об этой бильярдной на задворки сознания. Она, правда, хотела научиться играть в игру, которая нравилась Вячеславу. Ей казалось, что это сделает ее еще немного ближе к нему. Ну, словно еще одна ниточка между ними. И она так старалась. Не хотелось его разочаровать, показаться бездарной и неспособной.

А потом этот нежданный всплеск желания и страсти…

Агния так старалась понять правила и хоть раз попасть по шару, что уже и забыла, что там ей в голову стукнуло утром. И как она с трепетом надевала в ванной чулки (давно купленные, но так и не распечатанные из-за робости). Даже то, что весь день она сама себе казалась из-за этого безумно смелой и жутко сексуальной, отошло на второй план. Забыла Агния о своем баловстве в горячем стремлении победить непокорную игру. Увлеклась. А баловство это аукнулось вон каким жаром, что у нее все еще сердце колотилось, барабаня пульсом в ушах. И было здорово и радостно, что Вячеслав *так*отреагировал и такое сказал, заметив.

Только вот нежданное вмешательство Федота одернуло Агнию так, словно окатило холодной водой. И тут же всплыли в памяти мысли, которые она подавляла, которые не хотела вспоминать. Вот и она когда-то искала здесь Вячеслава…

— Бусинка? Что такое?

Видно, ей не удалось до конца это спрятать, потому что Вячек нахмурился и заставил ее глянуть на него:

— Ты из-за Федота? Не парься, сейчас разберемся чего ему надо, и дальше попробуем тебя научить… Или, — он усмехнулся, — еще чего придумаем.

Она улыбнулась и покачала головой. Поймала себя на том, что вот так бы стояла и смотрела на

него. Долго-долго, и не моргала бы даже. Лишь бы он был рядом и касался ее, смотрел так, как сейчас.

— Все нормально… — начала, было, она.

Но тут дверь коридора открылась и на пороге замер Федот.

— Ага. — Она просто почувствовала, как он смотрит на них. Как замечает, что она босая и что волосы растрепаны, и еще кучу мелочей. И все-таки заставила себя повернуться и посмотреть в лицо другу Вячека. — Это я, типа, не вовремя. — Он как-то так неловко переступил на пороге. — Бля. — Федот засунул руки в карманы джинсов. — Мог бы допереть, раз двери бильярдной были заперты, но ты все равно тут…

Ну, если бы на месте Федота был кто-то другой, Агния бы решила, что человек даже ощутил себя не к месту. Но касательно Федота она сомневалась в подобном.

Вячеслав, все еще поглаживающий ладонью щеку Агнии, рассмеялся:

— Да не парься, Федот, нормально все. Я малышку в бильярд учу играть. Двери закрыли, чтоб гуляющие не лезли. А ты по делу или просто, решил в праздник зажечь? — поинтересовался он у друга.

Но тот, казалось, не услышал вопрос:

— В бильярд. — Федот снова уставился на босые ноги Агнии. Хмыкнул, с весельем встретил ее взгляд, в котором наверняка читался вызов. — Не, ну я так и понял. Что в бильярд. И как успехи?

— Не особо. — Вячеслав подошел к столу и взял в руки кий, который Агния уронила, когда он начал ее целовать. — Стандартный кий для нее великоват. А других у нас тут нет. В общем, ей не очень удобно, никак не могу придумать, чего посоветовать, чтоб нормально ударить вышло.

Агния почему-то молчала, просто наблюдая за ними.

Федот откашлялся:

— А какого хрена вообще над этим париться? Больше заняться нечем? — насмешливо протянул он.

Вячек как-то так глянул на друга. Агния не очень и видела, любимый стоял боком к ней. Но что-то в этом взгляде ее зацепило. Да и Федота, судя по всему:

— Бусинка захотела научиться, — спокойно повторил Вячеслав, бросив кий назад на стол. — Ты, кстати, раз уж пришел, хоть бы поздравил.

— Таки туплю, — то ли насмехаясь, то ли просто веселясь, Федот покачал головой. — Поздравляю, Бусина. Расти большой. О-па. Это не из той оперы. Ну, просто, всего тебе, чего еще нет. Мордашкой природа не обделила. Голос тоже, дай Бог. А над осуществлением желаний, я так понимаю, есть кому работать. — Тут он ехидно глянул в сторону Вячеслава.

Агния снова промолчала, не особо зная, как реагировать на такое «поздравление».

— Андрей, счас в морду получишь. Не смущай мне малышку, — хоть и посмеиваясь, но, похоже, серьезно предупредил Вячеслав.

Во всяком случае, Федот (а она и не знала, что его-то Андреем зовут) примирительно вскинул руки:

— Смутишь твою малышку, как же. Это она при тебе смирная, а так — палец в рот не клади, по локоть руку отцапает. Че я, не знаю, что ли? — Ему даже хватило наглости ей подмигнуть. Хоть насмешка из глаз никуда и не делась. — То есть, вы тут реально играть учились, — совсем другим тоном добавил Федот. — Не тупой, понял. — Даже подошел к ним, посмотрел на тот кий, словно примериваясь. — Во, молодежь пошла, — добавил он, иронично оглядев Агнию через плечо. — Бриллиантов им уже на подарки мало, эксклюзиву просят.

— А что не так с желанием научиться играть? — не совсем понимая его издевки и намеков, не выдержала Агния до того, как Вячеслав ответил. — В чем тут проблема? — уточнила она у Федота, вскинув голову.

И даже ухмылка, расплывшаяся на лице Вячека, который снова подошел и обнял Агнию за плечи, не настроила ее на миролюбивый лад.

— Никаких проблем, — Федот цокнул языком.

Коротко глянул на Вячеслава с выражением, слишком уж похожим на: «что я говорил». И вдруг очень удивил Агнию:

— Раз уж так дело обстоит, придется помогать, — тяжко вздохнул Федот. Снова глянул на друга, но в этот раз Агния не смогла этот взгляд увидеть. Только заметила, как что-то в осанке любимого изменилось. — Ты бы отошел от малышки, ясно ж, что у нее башка не варит, когда ты рядом, Боров. Куда уж тут до ударов? — Вроде бы посмеиваясь, но не зло, продолжил Федот разглагольствовать. А у Агнии какое-то такое ощущение сложилось непонятное, словно ей «зубы заговаривают». Хотя с чего бы? — Ты, знаешь что? Сходи-ка, принеси малышке коктейль или шампанского, что ли. Небось, и не додумался, а праздник, сам говорил. А я попробую Бусине твоей подсказать. Вдруг у меня лучше получится ее научить бильярду?

И, к огромному удивлению Агнии, Вячеслав согласился:

— Ну, попробуй, — усмехнулся Вячек, подошел к ней и погладил по щеке, видно заметив, как удивленно Агния моргает. — Что-то я, правда, протупил, Бусинка, — наклонившись, он погладил ее по волосам, говоря почти шепотом. — Серьезно, праздник, а мы все в сухую.

— Я не хочу, — попыталась отказаться Агния.

Но Вячеслав ее не послушал. Прижался губами к ее виску, поцеловав коротко, но жадно вдохнул, что у нее мурашки по спине побежали. И вышел из зала, добавив:

— Я быстро.

Уже через год им приходилось выдумать куда более изощренные поводы и увертки, чтобы Агния ничего не поняла. Попытайся они отвлечь ее таким способом потом — ничего бы не вышло. Она сразу бы заметила, что что-то происходит. И начала бы нервничать, волнуясь о Вячеславе. Да и о его вредном друге тоже. Но в тот момент она еще не имела опыта и была слишком растеряна, чтобы сложить в голове настолько незначительные мелочи. А потому все ее волнение сосредоточилось на том, что Агнии вовсе не хотелось оставаться один на один с Федотом, который обычно не отличался расположением к ней. Да и сомневалась она, что он действительно решил ее чему-то учить. А потому вовсе не понимала, зачем Вячеслав куда-то ушел, оставив ее с другом.

Пару секунд потратив на то, чтобы как-то сориентироваться, она в итоге отвернулась от Федота и пошла к своим туфлям, ощущая себя неловко, будучи босой при нем.

— И куда намылилась, Бусина? — тут же оживился Федот. Но не повернулся в ее сторону, а наклонился над столом, прицеливаясь для удара тем самым кием, который все так охотно обсуждали. — Или это ты Борову про бильярд чесала просто так, чтобы знамо к чему все свести? — все еще не распрямившись, но и не ударив по битку, он с издевкой усмехнулся, глянув на нее через плечо.

— Я действительно хочу научиться играть в бильярд. — Агния обернулась и вздернула голову еще выше, уговаривая себя не обращать внимания на его поддевки.

Не хватало еще расстраиваться и портить себе такой замечательный праздник из-за Федота. Тем более Вячеслав сейчас вернется и все снова будет великолепно.

— Ну, так куда тогда почапала? Давай, дуй сюда. Раз уж я взялся, научу.

Он выпрямился и подошел к стойке у стены, где стояли другие кии. Выбрал еще один. И

кивком головы поманил ее к себе.

Что ж, меньше всего ей хотелось в чем-то уступить Федоту. Потому, наверное, Агния подошла.

Федот учил совсем по-другому. Вячеслав старался ей объяснить, показать, как-то посоветовать. Этот же только и знал, что подкалывал ее неловкостью, посмеивался и шутил по поводу каждой неумелой попытки и неудачного удара. И страшно злил этим. Как ни старалась, Агния не могла не реагировать, даже напоминая себе, что не стоит обращать внимания и стараясь сохранить спокойствие и терпение.

Правда, нельзя не признать, что она совсем позабыла о своем смущении и уж точно не стремилась «не разочаровать» Федота. Наоборот, закусывала губу и старалась назло его издевкам сделать правильно. Так, чтоб «утереть ему нос». Да так старалась, что даже не обратила внимания, сколько же на самом деле отсутствовал Вячек. И периодические напряженные взгляды Федота, которые он то и дело бросал в сторону дверей — не замечала. Вся сосредоточилась на подсказках и советах, которые ее нежеланный «учитель» все-таки давал, пусть и маскируя насмешкой.

И ей удалось! Ох! Она сначала сама не поверила, что не просто попала по битку так, как требовалось. Чтобы тот не отлетел на пол, не отскочил к лампе, и не понесся с угрозой в сторону умничающего Федота (прости Господи, но и такое у нее пару раз вышло, хоть и не специально). Нет, ей в этот раз все удалось! И даже так, что один из прицельных шаров попал в лузу. В ту, в которую Агния и планировала.

Поняв это, она даже подпрыгнула от радости. И просто счастливо рассмеялась, услышав за спиной хлопки. Оказывается, Вячеслав уже вернулся и, вероятно, какое-то время наблюдал за ее попытками. И теперь с искренней улыбкой радовался ее успеху, аплодируя. Около него, на одном из небольших столиков, стоял поднос с пустыми бокалами и бутылкой шампанского. И еще один бокал с каким-то напитком. Но ее сейчас не интересовали коктейли:

— У меня вышло! — Продолжая довольно смеяться, Агния бросила кий на стол и подлетела к любимому.

— Я видел, — Вячеслав с улыбкой подхватил ее и чуть приподнял, поцеловав в кончик носа. — С таким тренером, как Федот, тебя ждет великое бильярдное будущее. Плюнь на оперу, малышка. Давай будем тут реальные бабки загребать, а? — Посмеиваясь, он подмигнул ей.

Агния смущенно спрятала лицо, прижавшись к шее Вячеслава.

Ну, ясно, что для них ее радость — смешна, наверное. Ведь Агния не сделала ничего особенного, что бы не казалось им обычным и естественным. Но сама она все равно очень обрадовалась. И честно признавая, что в этом «успехе» львиная доля чужой заслуги, высунула нос из своего убежища:

— Спасибо, — Агния искренне поблагодарила Федота, продолжая прижиматься щекой к плечу Вячека.

Федот все еще стоял у бильярдного стола и смотрел на нее с усмешкой. В ответ на ее благодарность он только отмахнулся и хмыкнул. Но все-таки, может Агнии и показалось, но в его взгляде было уже не столько насмешки. И он даже казался довольным… Ну, спорить бы на это она не стала.

Глава 31

— Вячеслав Генрихович, тут такое дело, — Лысый как-то неуверенно мялся около машины, то поднимая глаза на Борова, то опуская взгляд на сигарету, которой еще ни разу не затянулся. — Короче, насчет того, ну, не случилось ли чего в консерватории. — Пепел с сигареты сыпался на асфальт, но Лысый этого по ходу не замечал.

— Ну? — поторопил Вячеслав парня. — Ты разродишься уже, или целый день телиться будешь?

Вован скривился:

— Я не совсем понял, чего там происходит, если по чесняку, Вячеслав Генрихович, Агния не особо колется. Но, что я сам могу сказать: она то ли рассорилась с девчонкой той, что ее кровь таскала сдавать, то ли еще чего. Раньше они часто вместе сидели на перерывах. А теперь Агния все время одна. Ну, или ко мне в машину приходит сидеть, когда у нее свободное время. Книжки свои читает. Мне то, ясное дело, не жалко. Только это ж ненормально для молодой девушки, вы как считаете? — Лысый неуверенно зыркнул в его сторону.

Боруцкий промолчал. Отвернулся и посмотрел на вход в клуб, где уже группками толпилась молодежь, планирующая хорошо провести сегодняшнюю ночь.

Он и сам заметил, что с Агнией что-то творится в последние две недели. Если сразу после восьмого марта девочка просто летала и искрилась счастьем, то сейчас все стало иначе. И дело не в том, что она ходила пасмурная. Нет. И улыбалась, и смеялась Бусинка все так же часто. И в любви ему признавалась так, что Вячеслав каждый раз с ума сходил, дурея от этих простых слов, когда она те шептала. Но все равно, хоть убейте его, но он что угодно мог поставить на то, что с ней что-то творилось. И кто мог Борова переубедить, если он дня четыре назад приехал к ней раньше, а малышка сидит в комнате, вертит в руках кулон, что он ей подарил, а глаза такие… Капец просто.

Его тогда перетрясло не по-детски. Хотя, блин, сам не понял с чего. И с ней что творится — не врубился. Не первый же день она этот кулон носила, и он ей нравился. А тут:

— Ты чего, Бусинка? — не въехав в происходящее, Вячеслав подошел к ней и присел на корточки перед диваном.

— Привет. — Она отвела глаза. Улыбнулась ему. — Ты о чем? Все хорошо. Замечательно просто. — Бусинка наклонилась и обвила его шею руками. Прижалась к его скуле губами, щекой. Глубоко втянула воздух носом. — А у тебя как дела?

Угу. Замечательно. Только кожа у нее такая: влажная и прохладная, словно малышка только перестала плакать.

У него за грудиной похолодело. Боров терпеть не мог, когда она тайком рыдала. И главное, чего б опять? Все же, как он понимал, и правда, должно было быть хорошо?!

— Бусинка, — он тяжело глянул на нее, показывая, что фиг ей удастся ему тут что-то впарить.

Она только шире улыбнулась:

— Вячек, серьезно, все хорошо.

Вместо ответа он поднялся, хрустнул пальцами. И глянул на ее руки, продолжающие теребить кулон.

— Что, разонравился? — не понимая, при чем тут это цацка, поинтересовался он, чувствуя, как сильно хочется курить. Но спустил это на игнор.

— Нет! Ты что?! — Агния вскочила со своего дивана и подошла к Вячеславу со спины. Прижалась всем телом. — Мне очень нравится.

Он закрыл глаза, ощущая, как ее пальчики поглаживают его затылок, спускаются к плечам и спине, чуть придавливая над позвонками. Тепло ее кожи словно пропитывало его, проникая и сквозь рубашку. И внутри так хорошо становилось. Все отпускало.

— Вячек? — Бусинка говорила глухо, уткнувшись лицом в его бок.

— Мм? — не хотелось говорить. Он пока не понял, что с ней творится, и не хотел напортачить.

— А это, правда, бриллианты? — так же глухо уточнила малышка.

Это она про кулон?

— Ну не стекляшки же, — хмыкнул Вячеслав. Повернулся и обнял ее, запрокинул одной рукой голову Бусинки, всмотрелся в лицо, чтобы понять, о чем она думает. — А че за запара?

Она как-то расстроенно прикусила губу:

— Я думала просто кристаллы, ну или цирконий…

— Ты плачешь, потому что кулон с бриллиантами? Блин, я че-то вообще не врубаюсь! — совсем опешил Вячеслав.

Она моргнула и покачала головой:

— Нет, что ты, я не плачу вообще. — Агния улыбнулась. Показательно так. — Я просто не думала, что кулон такой дорогой. Мне не стоит его носить каждый день, наверное. И в консерваторию…

Однако до того как он успел выяснить, с какого это дуба на нее рухнуло такое озарение, Агния уже снова улыбалась.

— А когда мы сможем еще поехать, потренироваться играть? — обняв его за шею, уточнила малышка.

Только Боров не собирался еще прошлую тему закрывать:

— Ты боишься, что его свистнут, что ли? Или че? — нахмурился он.

— Он дорогой, Вячек. А если будут спрашивать, откуда я такой взяла? — Агния снова отвела глаза.

— Скажи, как есть, — ухмыльнулся он. — Крестный подарил. Или ты и там растрезвонила, что я на паршивом заводе вкалываю? — вспомнив проблему с квартирой, уточнил Вячеслав.

Агния уставилась на него, распахнув свои глазища. И покраснела. И вроде рассмеяться хотела, но и губы закусила:

— Ты знаешь? Прости. — Она наклонила голову, прижав свой лоб к его груди. — Я… не хотела, чтобы та соседка знала, кто ты, и…

— Да, не парься, Бусинка. — Он поцеловал ее волосы. — Я помню: юрист…и «сами знаете кто».

— Да, я не хотела, чтобы она знала. И еще… — Агния так и не подняла лица, бормоча ему в район груди. — Ну, в общем, я боялась, что она тебе может понравиться. И ревновала, вот и напридумывала такого.

Кажется, она ему на рубашке пуговицу открутила, пока это из себя выдавливала.

Вячеслав постарался вслух не рассмеяться. Он, конечно, лично так и не встретился со всей той компашкой, но сильно сомневался, что какая бы там ни была та «юристка», его бы торкнуло что-то сильнее этой малышки. Но все равно смех рвался наружу.

И вроде бы выяснили, и уладили вроде, а Борову все равно что-то не давало покоя в поведении Бусинки. Она списывала это все на таблетки, которые-таки стала принимать, и убеждала Вячеслава, что это из-за гормонов у нее меняется настроение. Он не то, чтобы поверил. Но если так — потребовал, чтобы она прекратила те принимать. На фиг ему такое счастье надо, чтоб его Бусинка

плакала из-за каких-то пилюль? Он вполне готов был терпеть и "резинки", лишь бы с ней все в порядке было. Но малышка с ним не согласилась, настаивая, что надо лишь перетерпеть период привыкания, а это пару месяцев. Убедительно в принципе…

Но что-то все равно заставляло его «становиться в стойку», как говорил Федот. Вот и заставил Лысого в оба смотреть в консерватории.

Тем более что у него и так внутри неспокойно было после того, как на праздник Мелешко в клуб заявился. А Бусинка всего в пятнадцати метрах, в зале. Блин. Он, конечно, Федоту доверял, что тот ее прикроет по любому. Только не хотелось девочку свою вообще никому на глаза показывать.

И общались они с Коляном давно, и дел столько было совместных, что попробуй еще сосчитай. И не кидал его Мелешко ни разу. Даже как в депутаты Парламента подался, держался прежних договоренностей. А все равно, не хотелось Вячеславу рисковать.

Тем более после того, как тот озвучил, с чем пришел. И интересное предложение, вроде. Колян узнал о том, что Боров уходит в легал и присматривает прикрытие в виде мандата местной власти. Решил, что мелко ему в этом болоте вариться и пришел зазывать в стройные ряды своей партии. Мороки не больно и много по факту, а кормушка побольше будет. Так, что материальные вливания Вячеслава в казну партии (а куда ж без них?) окупятся на «раз-два» в первые полгода. Мелешко готов был гарантировать. А там они еще так раскрутятся, опыт совместной работы есть, просчитают новые схемы. За оружие могут взяться, а не только на дури сидеть. А даже если и дурь — можно ж территорию расширить…

В общем, Мелешко пришел с серьезным разговором, а не просто «посидеть». Боров все выслушал и обещал подумать. Только он же не дурак и головой сек, что все не только красиво и радужно. И чего это все могло стоить — понимал.

Да и Мелешко не спрыгивал с темы, признавал, что тут своих подводных течений и геморроя хватает, и не меньше, чем Боров имел сейчас. Просто уровень выше. Но Вячеслав потянет. В этом Мелешко даже не сомневался, иначе не пришел бы с предложением, не сам же такое решил. Тут было необходимо получить одобрение всех, кто имел какой-то вес в партии. Короче — «почтили» Вячеслава и «осчастливили».

А он разве для этого все мутить начал? Нет. Наоборот, чтобы с арены в тень уйти. Чтобы исключить вероятную опасность, которую мог притянуть на головку своей Бусинки.

Так что: с виду Боров сейчас вроде думал и взвешивал предложение Мелешко. Но по факту сразу знал, что откажется — как только увидел ее счастливую мордашку, когда малышка забила в лузу своей первый шар.

Но сказать это Мелешко и отказаться надо было умно, деликатно. Так что еще какие-то непонятки с консерваторией ничуть не облегчали жизни Вячеславу. Голова и так забита делами.

— Ладно. Ты в самой консерватории покрутись. Присмотрись, послушай, — велел Вячеслав Лысому, так и не прикурив своей сигареты. — Может, выяснишь, из-за чего они с этой разругались. Или еще чего-то.

— Хорошо, Вячеслав Генрихович, — Лысый послушно кивнул. — И, того, я еще хотел уточнить, — замялся пацан, когда Боров уже отвернулся, собравшись уходить. — Там хмырь один возле Агнии все время крутится. Друг, типа. С ним как быть?

— Агния!

Стас заметил ее с другого конца коридора и сейчас активно махал рукой, привлекая внимание. Да и сам не ждал, чуть ли не вприпрыжку бежал в ее сторону.

— Привет, — Агния сдержанно улыбнулась, поздоровавшись с парнем, когда он приблизился. Хотя на самом деле сильно торопилась и совсем не имела времени на разговоры. Вот-вот должен был подъехать Вячеслав.

— Привет! Давай в буфет сходим, посидим? Кофе выпьем. У тебя же перерыв сейчас?

Стас широко и искренне улыбался, зовя ее с собой. А вот Агния сомневалась, что ее ответная улыбка вышла такой же чистосердечной.

Правда, Стас был не виноват. На самом деле, за последние две-три недели только он нормально и общался с ней в консерватории.

И другие общались, конечно. С улыбками и вежливо. Когда говорили «глаза в глаза». А вот за спиной…

Агния даже не сразу поняла и разобралась, что что-то происходит. Поначалу просто не прислушивалась и не присматривалась, но потом… Хочешь, не хочешь, знаешь-не знаешь, а когда о тебе начинают сплетничать, ты словно ощущаешь это. Сначала неосознанно и не понимая, что происходит, но задумываясь: почему люди стали чаще глазеть в твою сторону, перешептываться друг с другом, но тут же отводить глаза, если ты к ним оборачиваешься. Почему иногда замолкали, стоило тебе войти в аудитории или сесть рядом на лекции.

Вот и Агния так, вроде бы и замечала какие-то странности, но не задумывалась, слишком погруженная в свое счастье, в свой собственный мир, в котором не было никого, кроме нее и Вячеслава.

А потому была просто огорошена, когда Аня ее прямо так и спросила — что правда из слухов, бродящих по консерватории: то, что Агния нашла себе «богатого спонсора» и теперь спит с тем за подарки и содержание? Или то, что она ввязалась чуть ли не в криминал, и нашла какого-то сутенера, который обеспечивает ей богатых и щедрых «клиентов»? И если это так, дело, конечно ее личное, каждый выживает, как умеет, но зачем Агния тогда и Стасу голову дурит? Что она с него-то хочет взять? Ведь он ей таких подарков не купит, и денег столько не даст. Один кулон Агнии сколько стоит? Ирка (девчонка с их курса, которую Агния и вспомнила-то не сразу) сразу всем сказала, что это бриллианты. А она разбирается, у самой семья состоятельная, она достаточно украшений видела. Да и гардероб вон, как изменился. Ни на какой обычной работе таких денег не заработаешь. Особенно если тебе еще и восемнадцати нет.

А Агния слушала это, смотрела на Аню, которую даже считала подругой, на то, как вертелось в глазах девушки что-то такое… обиженное и злое — и молчала. Просто молчала. Дослушала. Поднялась со стула и ушла, забрав свою сумку. Так ничего и не ответила.

А что она могла сказать? Заявить, что это неправда? Возмутиться подобной ложью? Но если посмотреть отстраненно и не разбираясь в том, что жило, горело внутри у Агнии — кто поверит, что она с Вячеславом потому, что любит его? Что готова от всего отказаться, лишь бы быть с ним. И разве здесь в деньгах причина?

Как и кому это объяснить? И стоит ли?

Но она и не собиралась никому ни о чем говорить. Более того, дико, безумно испугалась в первые секунды, что кто-то знает о них, и даже испытала облегчение, когда Аня начала подозревать ее в проституции. Значит, не знают. Просто такое предположили.

Было ли ей обидно? Было. Очень. И не столько из-за самих слухов, сколько от того, что их пересказывала Аня, да еще и с таким злорадством и злостью. Может дело, конечно, заключалось все в той же ревности из-за Стаса, который так и не обратил внимания на Аню. И подруга потому так упивалась грязными подробностями вероятных доходов Агнии? Только она при чем? Агния ведь давно сказала Стасу, что между ничего быть не может, и думать тут не о чем. И сейчас они

общались только как друзья, парень понял ее и больше не настаивал.

Внутри тогда стало так горько, словно она какое-то противное лекарство глотнула, и то разлилось горечью по языку и желудку. И убрать, избавиться от этого ощущения не получалось. Так и ощущала она это все внутри до самого вечера, пока Вячеслава не увидела, пока не обняла его. Пока он ее не обнял. И все тогда стало неважно, и настроение вернулось.

Однако с Аней она больше не общалась. Да и компании других однокурсников и студентов старалась избегать. Господи! Да даже Зоя Михайловна стала как-то так на нее поглядывать на дополнительных занятиях… Но Агния решила не обращать внимания. Деньги она исправно платила за эти занятия, а влиять на ее жизнь и давать советы Зоя Михайловна уже перестала.

— Эй, ты меня слышишь? Агния? — Стас с улыбкой повернул голову так, словно старался заглянуть в глаза Агнии снизу вверх. — Идем? Кофе? Я тебе еще дисков принес. И книгу, о которой мы пару дней назад говорили. — Парень показал ей обложку.

Она моргнула и покачала головой, продолжая все так же сдержанно улыбаться:

— Спасибо большое, но мне кофе не хочется, я бы лучше погуляла.

— Ок, давай прогуляемся, — тут же согласился Стас. — Погода сегодня классная.

— Нет, Стас, — Агния знала, что он понял ее намек, пусть и проигнорировал. — Я погуляю одна. Так лучше будет. Правда. Мне еще кое-какие дела решить надо.

И она быстро пошла в сторону выхода из здания.

— Агния, ну от меня бегать не надо, а. — Стас выскочил за ней на улицу, не обращая внимание на ее очевидное нежелание ускользнуть от него. — Я не знаю, что там у вас с Аней случилось: она злится, если у нее что-то про тебя спросить. Ты — просто бегаешь…

Все это время она просто шла, однозначно демонстрируя «занятость». Но, в конце концов, не выдержала:

— Стас! — Агния резко остановилась и обернулась, глянув на парня. — Мне действительно некогда. Правда. Сейчас не самый удачный момент. Я должна уехать, меня сейчас заберут. Давай потом, как-то? — она договаривала уже отвернувшись, потому что краем глаза заметила, как на стоянку вывернул автомобиль Вячеслава.

Да и Вова, часто сидящий в машине около консерватории целыми днями «на всякий, пожарный», сейчас стоял на улице и внимательно смотрел в сторону Агнии. Как-то ей не нравилась вся эта ситуация.

— Так ты уходишь? Тогда прости, я не сразу понял. Что-то случилось или просто прогулять решила? — Стас улыбнулся.

Но все еще стоял рядом с ней, что Агнию не устраивало. Но не гнать же его взашей?

— Не знаю. — Машина Боруцкого остановилась в двух метрах и Агния не сомневалась, что Вячеслав ее заметил. — Мне крестный позвонил, сказал, что сейчас приедет за мной.

— Крестный? — Похоже, парень был удивлен.

— Да, крестный. Мой опекун, — она чуть не споткнулась на этом определении, но справилась с собой и своим языком.

Не глядя больше на Стаса, она пошла к машине, планируя как можно скорее забраться внутрь, чтобы не заставлять Вячеслава ждать. Однако, к удивлению Агнии, шум работы двигателя стих, а дверь со стороны водителя раскрылась. И Вячеслав вышел на улицу, глядя на Агнию с непроницаемым выражением лица. Потом перевел глаза ей за спину, туда, где все еще стоял Стас.

— Здравствуйте, Вячеслав Генрихович, — Агния опустила глаза.

Боруцкий кивнул, продолжая молча смотреть за ее спину.

— Это Стас, мой друг. Он тоже в консерватории учится. На третьем курсе — объяснила она.

Косо глянула на парня, который с видимым интересом разглядывал то Боруцкого, то его машину. — Стас, это мой крестный, Вячеслав Генрихович, — Агния решила еще раз сделать на этом ударение.

— Здравствуйте.

Парень как-то неловко выступил вперед. Может даже руку собирался протянуть. Она не знала. Вячеслав на его действия не отреагировал. Просто глянул.

Не дождавшись ответа, Стас как-то так прочистил горло и передернул плечами. Агния надеялась, что он просто растерялся, а не что-то заподозрил. Во всяком случае, она точно растерялась бы, если бы на нее кто-то так смотрел — как на пустое место. Вот, вообще.

Хотя, помнится, смотрели. Сам Вячеслав и смотрел, в самый первый вечер, там, в ресторане. Воспоминания об этом заставили ее улыбнуться, и в попытке скрыть это Агния уставилась на свои руки. Но Вячеслав, кажется, все равно заметил:

— Давай, Бусинка, быстро. Тебя люди для прослушивания ждут, между прочим, — отстраненно заметил он спокойным голосом, проигнорировав приветствие Стаса. — Садись. — Вячеслав махнул головой в сторону автомобиля.

Вот тут она не удержалась, вскинула голову и удивленно уставилась на него.

— Давай, давай! — вновь поторопил ее Вячеслав.

Его лицо осталось невозмутимым, но в глубине глаз она все-таки заметила веселье.

Не оборачиваясь, Агния пробормотала Стасу:

— Пока.

И шустро забралась в машину. Правда, почему-то снова на заднее сиденье. Наверное, очень была поражена новостью. Утром Вячек ни о каком прослушивании не говорил.

На мгновение охватив всю ее взглядом, значение которого Агния не смогла уловить, Вячеслав сам захлопнул за ней двери. И больше ни на что не тратя времени, сел на водительское сидение. Она же в последний раз махнула Стасу, не особо уверенная, что парень это заметит: во-первых вид у Стаса был какой-то пришибленный, а во-вторых стекла в машине Вячека казались ей чуть ли не черными. Да и смотрел Стас больше на сам автомобиль, чем ее выглядывал, как показалось Агнии.

— Привет, — искренне улыбнувшись, она попыталась поймать взгляд любимого в отражении зеркала заднего вида. — А что за прослушивание вдруг?

Вячеслав повернул голову, и сам ища ее взгляд. И так глянул… В общем, у Агнии аж горло перекрыло и по затылку дрожь прошла. И при всем этом он совсем не смотрел на дорогу. Ну и что, что бульвар?!

— Вячек? — Агния попыталась откашляться, потому как голос внезапно охрип. — Что…

— Какого хрена ты туда опять уселась? — прервал он ее тихим и напряженным голосом. И вдруг резко затормозил. — Пересаживайся, — велел Вячеслав, пока Агния еще пыталась вернуть себе равновесие. — Или фиг мы куда-то поедем.

Он даже перегнулся через сидение и открыл дверь переднего пассажирского сидения, будто торопил ее. Она знала, почему он это потребовал — Вячеслав всегда предпочитал видеть ее глаза, когда они разговаривали. Веских причин, чтобы аргументировать выбор места у нее не нашлось. Но у Агнии ни с того, ни с сего, вдруг появилась другая идея.

Тихонько скинув с ног туфли, она оперлась одной ладонью о спинку переднего пассажирского сидения и поднялась. Чуть наклонилась и босыми ногами забралась на переднее сидение. Но сесть на то ей не дали. Не успела Агния перебраться вперед, как ладони Вячеслава ухватили ее бедра, смяв юбку платья, он резко потянул вниз, и уже в следующую секунду она сидела на его коленях. Задыхаясь, потому что Вячек тут же зарылся лицом в ее распущенные волосы и глубоко, шумно

вдохнул. Его хватка не ослабла ни на миллиметр, наоборот, руки скользнули по ее животу, обхватывая Агнию словно тисками. Плотными и жадными.

— Друг? — наконец хрипло и требовательно уточнил Вячеслав, заставив Агнию повернуться к нему лицом, надавив ладонью на щеку. — Пацаны с девчонками не дружат, Бусинка. Уж мне можешь поверить. — Его губы замерли на ее затылке. — Почему я об этом друге только сейчас узнаю?

Она растерялась. Честно.

— Ой, да я и познакомилась с ним не очень давно, Вячек, — совершенно искренне призналась она, извернулась в его руках, пересев так, чтобы оказаться лицом к лицу с ним. От этого ее юбка вздернулась еще выше. — Мы с его одногруппницей случайно порвали мой браслет, помнишь? Вот, а Стас помог все кусочки собрать. Ну, а потом мы иногда пересекаемся в консерватории, он мне несколько дисков дал послушать, я этой группы раньше не слышала, — не дождавшись ответа от Вячека, продолжила она. — Аня в него влюблена, мы часто втроем в буфете сидели…

— Аня, значит. — Вячеслав цокнул языком. — Разве ты не поссорилась с ней?

В первую секунду она опешила. А потом Агнии стало так смешно. Можно, конечно, было бы рассердиться за настолько полный контроль, и вероятно, кто-то бы именно так и отреагировал. А ей просто стало весело.

— Вячек! — стараясь подавить смех, возмутилась она, обняв его руками за шею. Прижалась своим лбом к его лбу. — А это не чересчур? — поинтересовалась она, имея в виду его желание иметь тотальное управление над всеми событиями в ее жизни.

Он скривился:

— В самый раз, малышка, — довольно раздраженно проворчал Вячеслав.

— А мне кажется, ты несколько переигрываешь… — начала было Агния, но его губы помешали ей закончить фразу.

Вячеслав обрушился на ее рот с напором, придавливая и гладя одновременно. Целуя так сильно, так крепко, почти алчно. Она даже застыла на мгновение, почему-то похолодев внутри, словно ощутив что-то нехорошее. Не от поцелуя любимого, а в нем самом, в Вячеславе. Он показался ей вдруг таким напряженным и настороженным. И Агния задрожала от непонятного холодка, отчего-то застывшего внутри, как раз за сердцем. Словно что-то плохое могло произойти. В машине же, в противовес ее внутреннему ощущению, наоборот, стало жарко. И тихо. Так тихо, что звуки их тяжелого дыхания грохотали по барабанным перепонкам Агнии.

— Вячек? — Чуть отстранившись, она заглянула в его глаза, стараясь восстановить дыхание.

Но ничего не смогла разобрать в темно-карих глазах, слишком много там всего бушевало. Ничего, кроме неоспариваемой и требовательной потребности, которую Вячеслав не замедлил озвучить губами:

— Моя, — низко и тихо рыкнул он, руками возвращая ее голову и ее губы на прежнее место. И поцеловал с новой силой.

Она крепко-крепко зажмурилась, стараясь избавиться от этой дурацкой изморози в груди, и обхватила ладонями его щеки. Сама подалась вперед, шепча:

— Люблю тебя.

И Вячеслава, как показалось, отпустило. Его напор стал мягче, каждое касание нежнее.

У Агнии в голове мелькнула глупая мысль: не мог же Вячеслав ревновать к Стасу? Серьезно. Ей было сложно даже попытаться их сравнить. И пусть Стас был одним из «красавчиков» консерватории, и немало девчонок строили ему глазки и вздыхали (да на ту же Аню достаточно посмотреть), она его «не воспринимала». Вот не воспринимала, как мужчину, и все. Возможно

потому, что была поглощена Вячеславом. Так полно и глубоко, так всецело, что не только у Стаса, но и у кого угодно другого, наверное, не получилось бы переключить ее внимание на себя. И не только потому, что сравнивать Вячеслава и парней вроде Стаса было для нее так же дико, как попытаться сравнить … Ну, горный массив, к примеру, и какой-нибудь камень, ростом с человека. Не совсем, но в этом роде.

И потом, не могла она серьезно воспринимать Стаса, и все тут. Она верила, что он хороший и интересный парень, и красивый, наверное, пусть и мальчишеской красотой, совершенно не трогающей ее. И что он, вероятно, мечта многих девушек и еще много «всего»… И даже могла допустить, что Стас, как и другие парни вроде него, могли очень красиво ухаживать. Но даже так не могла понять, как Вячеслав мог допустить хоть малейшую вероятность, что Стас мог нравиться ей как парень. Ведь он на это намекал всем этим разговором?

Но… но…

Она же просто не видела никого, кроме Вячеслава. И не хотела видеть.

Почему?

Она не думала раньше об этом. Но если подумать… Стас, наверное, обязательно подарил бы ей цветы на восьмое марта. Даже не спрашивал бы. Агния не сомневалась в этом. Обязательно подарил бы. Но как бы он отреагировал, скажи Агния то, что сказала Вячеславу? Что не любит и ленится ухаживать за цветами. Обиделся бы, что к его подарку так отнесутся? Посчитал бы цветы бесполезной тратой денег? Может быть и посмеялся бы. Агния могла допустить каждый из этих вариантов.

Но вряд ли бы он стал самостоятельно подрезать цветы, которые подарил и менять в тех воду. Конечно, Агния не поверила бы, что и Вячеслав способен на это. Даже удивлялась, что розы стоят так долго. А потом увидела в мусорном ведре обрезки стеблей. И это точно не Агния их туда выбросила.

— Люблю тебя, — еще раз повторила она, устроившись щекой на его плече.

Вячеслав провел рукой по ее волосам, собирая пряди в узел. Погладил пальцами затылок, так и не позволяя Агнии пересесть на пассажирское кресло.

— Ты говорил, что надо торопиться. Нас ждут. — Вдруг встрепенулась она, вспомнив, что он упоминал прослушивание. Обрадовалась. И сразу почему-то занервничала.

А Вячек рассмеялся, будто ощутил ее нервозность и неуверенность:

— Подождут. За наши бабки, они и домой тебя прослушивать приедут. — Погладив смутившуюся Агнию по щекам, он ей подмигнул.

Глава 32

Ощущение изморози за сердцем никуда не уходило. Становилось сильнее. И дело было уже вовсе не в прослушивании и ее возможных переживаниях из-за этого, как Агния пыталась решить поначалу.

О том, определит прослушивание ее судьбу или нет — вопроса не стояло, как заметил Вячеслав, видя ее нервозность. Судьба Агнии в вопросе развития карьеры уже была решена, да и в любом другом вопросе, похоже, тоже (он этого не сказал прямо, но Агния уже начинала понимать и то, о чем Вячеслав «молчал»). Так что прослушивание проводилось с целью показать ее людям, разбирающимся в том, что требовалось для сцены. Чтобы эти самые люди определились с образом, репертуаром, жанром, в конце концов, и начали работать с Агнией. Сам Вячеслав в этом не разбирался вообще, по его словам, вот и нашел тех, кто знал, что и как следует делать. И нервозность Агнии ушла, стоило окунуться в привычную атмосферу, и голос не дрожал, и пела она в полную силу, лишь тайком поглядывая на «Вячеслава Генриховича». Он сразу по приходу сел в одном из углов студии и открестился от всех вопросов, с которыми к нему пытались обратиться присутствующие. Заявил, что его дело — маленькое, деньги давать на раскрутку «девчонки». А во всем остальном они сами должны разбираться, для чего же их наняли?

Вот эти люди и разбирались сами, суетясь вокруг Агнии. Она познакомилась с учителем по вокалу: Элиной — девушкой лет двадцати пяти, совершенно не похожей на Зою Михайловну. Ее коротко подстриженные волосы торчали в разные стороны и переливались всеми возможными оттенками рыжего. Да и сама эта девушка была вся такая порывистая, яркая, эмоциональная. Музыкальный продюсер, мужчина лет тридцати, Михаил, наоборот, казался очень спокойным и уравновешенным, словно в противовес Элине. Еще присутствовал третий — Ник, хореограф. Но он себя пока никак не проявил и больше наблюдал за Агнией и тем, что говорили остальные. «Присматривался», как объяснил Михаил.

В общем, все очень интересно, в чем-то ново и непривычно. Столько неожиданных замечаний, предложений, идей. Очень отличающихся от привычного классического отношения к музыке и постановке, к обработке песен, хоть Агнии и дали исполнить разные произведения.

Однако, приблизительно на сороковой минуте этого прослушивания, Агния чуть ли не полностью утратила ко всему интерес, хоть и очень старалась никому этого не показать. Вячеславу позвонили. Не в первый раз за эти сорок минут. Но этот звонок он не проигнорировал, как все остальные, а ответил на вызов и вышел из студии. Вернулся быстро, минуты через три с половиной, как раз песня окончилась. И сел на свое прежнее место. И вроде такой же спокойный, как до этого. Но Агнию почему-то аж передернуло внутри, когда она на любимого посмотрела. И главное, сама не могла понять с чего вдруг? А в груди все похолодело. Как, бывает, выйдешь из жаркого дома на морозную улицу зимой, глубоко вдохнешь — и внутри аж леденеет и дыхание перехватывает, а щеки пылают, еще не остыв. Вот так она почувствовала себя в этот момент. А через несколько мгновений почувствовала в воздухе привкус сигаретного дыма, который принес с собой Вячек.

За следующие полчаса ему звонили еще трижды. И каждый раз он выходил. А привкус сигарет становился все сильнее. Настолько, что сначала Агния попросила воды, а потом и вовсе прекратила петь из-за першения в горле. Вячеслав глянул на нее так, будто действительно жалел об этом, но не мог позволить себе ничего больше взгляда. И Агния ведь знала, что это правда. После чего он вышел из студии, наверное надеясь, что таким образом перестанет препятствовать процессу. Но это оказалось лишним. Все равно у Агнии настроение полностью пропало, а Михаил, да и Эля —

заметили это. Потому, решив, что для первого раза неплохо присмотрелись и познакомились друг с другом, начали расходиться. К следующей встрече они пообещали Агнии озвучить предварительную концепцию образа и репертуара, исходя из чего и будет развиваться их дальнейшее сотрудничество.

Вячеслава она нашла на улице. Он стоял, облокотившись о капот своего авто, внимательно следил за выходом из здания, где находилась студия, наверное, ожидая Агнию, и опять курил. Минимум четвертую сигарету за последний час, как понимала она. А может и больше.

Ничего не сказав, она села внутрь автомобиля.

Едва увидев Агнию, Вячеслав бросил недокуренную сигарету на асфальт и сам сел в машину. Так же молча завел двигатель и выехал со стоянки. У Агнии внутри похолодело еще сильнее, и она сама не заметила, когда успела настолько сжать пальцы рук, что стало больно в суставах.

— Вячек, что-то случилось? — через три минуты она просто не смогла больше выносить этой напряженной тишины.

Он повернулся, глянул на нее. Даже улыбнулся уголками губ:

— Нет, малышка, все путем. Прости, что я своим куревом тебе помешал, — он протянул руку и погладил ее щеку.

Она вцепилась в эту ладонь так, словно другой опоры в пространстве вообще не имела. И главное, непонятно, с чего так? Ведь он смотрел на нее спокойно и уверенно. А Агнии еще страшнее стало:

— Ничего, это скорее от непривычки, видишь, они хотят, чтобы я поменяла манеру, а это не так просто, взять и поменять исполнение, приходилось себя одергивать. — Она выдавила из себя улыбку, в которую Вячеслав поверил ровно так же, как и она в его заверения, судя по насупившимся бровям.

— И что скажешь, нормальные люди? Смогут толково тебе помочь? — вместо этого спросил он.

Агния пожала плечами, все еще судорожно цепляясь за его ладонь, чем возможно, мешала Вячеславу вести машину:

— Ну, они работают не в классике, к чему я привыкла, и мне сложно оценить. Понимаешь, я же и в детских конкурсах только по классической опере участвовала, а там…

В этот момент у него снова зазвонил телефон. Умолкнув, Агния отпустила руку Вячеслава, позволяя глянуть имя звонившего. Вячек так и сделал. Тут же беззвучно ругнулся и резко перестроился в крайний ряд, паркуя машину:

— Да? — коротко бросил он в трубку уже выходя на улицу и прикрывая за собой двери. И снова достал из кармана пачку сигарет.

Агния наблюдала через стекло, как он губами вытащил одну, слушая того, кто ему звонил. Этот разговор продолжался недолго. Практически ничего не сказав своему собеседнику, Вячек закончил слушать и вернулся в машину. Сигарету он так и не прикурил. Но и не выбросил, продолжая сжимать фильтр зубами.

Агнии стало совсем зябко:

— Вячек, у тебя дела, наверное, — она уставилась на свои сцепленные руки. — А я и сама домой нормально доберусь, правда.

Он повернулся к ней. Глянул. Перебросил сигарету в другой угол рта. И так скривился, что она не нашла, что еще сказать.

— Блин, Бусинка, ты бы еще чего умнее придумала, — хмыкнул Вячеслав и тронул с места автомобиль, который так и не глушил.

Она снова промолчала. И только когда поняла по мелькающим за окнами улицам, что едут они вовсе не к ее дому, удивилась:

— Тебе к себе надо, да? — тихо поинтересовалась Агния, не отводя глаз от окна. Из-за уже начавшихся сумерек, ей было видно слабое отражение Вячеслава. — Ты бы меня все-таки высадил, я бы доехала…

Вячек выдернул сигарету изо рта и насмешливо хмыкнул. Но промолчал. Остановил машину у группы гаражей, дождался, пока автоматические ворота поднимутся, и заехал внутрь.

— Пошли, Бусинка, — заглушив машину, он обернулся к ней и заставил Агнию повернуться, обхватив ладонью затылок.

Притянул к себе и поцеловал в губы. Коротко. Отрывисто. Но так… ей стало легче. Как-то теплее. Хотя до конца зябкость не ушла.

— Куда? — она немного растерялась.

В прошлый раз, когда они к нему заезжали, Вячеслав машину в гараж не ставил.

— Ты че, тут собираешься ночевать, че ли? — он усмехнулся. — Пошли, Бусинка.

И он вышел сам из машины, да и ей руку подал, когда Агния неуверенно распахнула двери со своей стороны.

Гаражи располагались на огороженной территории, уже относящейся к дому, где у Вячеслава была квартира, так что, выйдя на улицу, они быстро добрались до подъезда. Лифтом поднялись на седьмой из пятнадцати этажей. Зашли в квартиру, как только Вячеслав отпер дверь. А Агния все никак не могла сориентироваться. Застыла на месте, ожидая, когда любимый включит свет, и пыталась понять, почему именно сегодня, когда она ощущала все эти непонятные эмоции, да и он не казался спокойным, как ни старался ее в этом убедить, Вячеслав привез Агнию к себе? Хотя до этого они лишь раз бывали здесь вместе, да и то всего несколько минут. Сейчас ей и любопытно было вроде, и опять страх нахлынул, заставляя ежиться с новой силой. Она постаралась отвлечься. Осмотрелась: прихожей как таковой — не было. Переступив порог, они сразу оказались в большой гостиной, а вот в обе стороны отходили коридоры. Туда Агния пока не поворачивалась. Посмотрела на огромный телевизор, висящий на стене. Такой непривычно тонкий. Она только в рекламе пока такие видела. У другой стены, углом, стоял кожаный коричневый диван. Сбоку от дивана — кресло в том же стиле и такого же оттенка. На столике, расположенном под окном, не было ничего, кроме пепельницы и какой-то чашки. Вот и все. Ни ковра, ни какого-либо другого покрытия на полу не было. Просто паркет.

— Малышка, ну чего ты на пороге торчишь? Заходи, — Вячеслав, уже успевший уйти в одну из комнат и что-то там разыскивая, судя по звукам, выглянул в коридор.

Вздохнул, видно замечая ее состояние, и бросив на диван какой-то блокнот в коже, а может футляр, подошел к ней.

— Бусинка, ну что такое? — Он обнял ее за плечи и сам принялся расстегивать легкий плащ, который Агния накинула к вечеру.

— Вячек, что происходит? — Она подняла на него глаза.

И видно было во взгляде Агнии что-то, что его зацепило. Лицо Вячеслава впервые за весь день отразило то напряжение, которое Агния в нем ощущала.

— Так, ладно. Заходи, — Вячеслав буквально стянул с нее плащ и бросил тот на диван. — Мне сейчас надо кое-кому позвонить, уладить пару вопросов. Потом посмотрим.

На секунду прижавшись лицом к ее макушке, он развернулся и опять скрылся в той комнате, в которую уже заходил. Прихватив с собой и предмет, который до этого принес.

Агния пару мгновений смотрела ему вслед. Потом все-таки сняла туфли и прошла к дивану.

Ходить в колготках по паркету было холодно, но тапок Агния нигде не увидела, и она обхватила себя руками, уже не в силах разобрать, какой озноб внутренний, а какой внешний. Забралась с ногами на диван. Просидела так минут десять, не зная, что делать и куда себя «приложить». Из комнаты, которую она для себя определила, как кабинет Вячека, доносились лишь невнятные звуки какого-то разговора.

Агния понятия не имела, сколько он еще будет разговаривать по телефону. И потому, наверное, в конце концов не усидела на месте. Резко встала и пошла искать кухню. Может быть, чай поможет ей согреться. А Вячек же не запрещал ей ходить по комнатам.

Кухню Агния обнаружила без труда, просто интуитивно повернув в нужную сторону. Большое, просторное помещение, кардинально отличавшееся планировкой от ее кухни, соседствовало с гостиной. Агния набрала воды из крана в электрический чайник, стоявший почему-то на подоконнике, а не на рабочей столешнице. Включила подогрев. Еще раз обвела глазами какие-то безликие, пусть и явно дорогие черно-белые шкафы и немного оробела, представив, как будет по ним шарить. Решила, что найдет чай позже. А пока осмотрит остальные комнаты. И тут же вышла, только оглянувшись с порога осознав, что стола в этой кухне просто нет.

Кроме гостиной, кухни и кабинета, в квартире было еще две комнаты: спальня, в которой стояла кровать (если честно, при виде нее Агнии стало как-то стыдно за свой диван) и висел еще один телевизор, похожий на тот, что в гостиной. Только меньше по размеру. У ближней к двери стены стоял большой шкаф-купе, на четыре секции, с каким-то абстрактным рисунком на дверях. Только одна секция была чисто-зеркальной. Напротив располагался открытый шкаф с полками, почти полностью заполненными книгами. Ладно, она помнила, что он не раз брал у нее книги, и они даже обсуждали их содержание. И все же Агния немного удивилась, а потому не удержалась от того, чтобы не подойти ближе и рассмотреть. В общем, знакомых ей «произведений» оказалось немного. «Криминальный кодекс», которого она насчитала несколько изданий разных годов, Агния точно никогда не читала. Как и книг по бизнесу, в том числе и учебников для ВУЗов, которых на полках так же оказалось немало. Была там и художественная литература: детективы, фантастика, триллеры, и, что ее удивило, пару книг Булгакова и Гюго. Даже литературный дебют второго Президента их страны, о котором Агния слышала, но никогда и в голову не приходило взять, прочитать. Нашла она и Дюма «Граф Монте-Кристо», первый том. Эту книгу Вячек брал читать у нее, после того, как Агния попыталась поделиться впечатлением от только прочитанной истории. И, похоже, оба они об этой книге в итоге забыли.

Назначения последней комнаты Агния не очень разобрала. Больше походило, что Вячек использовал ее как кладовку, запихивая туда все, что ему мешало или не было нужно. Во всяком случае, какие-то журналы, табуретки, монитор и системный блок от компьютера (в количестве двух штук), и куча всевозможных коробок — натолкнули ее на такую идею.

В каждой комнате имелся отдельный кондиционер, а вот ковров она так нигде и не приметила. Даже в ванной, тоже большой и очень современной, пол покрывал лишь кафель. В принципе, если вспомнить привычку Вячеслава практически везде ходить обутым, это, наверное, объяснимо.

Она уже и осмотрелась, вроде бы, а Вячеслав все продолжал разговаривать в кабинете. Подумав, что чайник давно должен был бы закипеть, Агния вернулась на кухню и занялась поисками чая.

Вячеслав зашел на кухню минут через тридцать. Когда Агния уже не просто разыскала, а и заварила чай, попутно подивившись количеству запасов спагетти на этой кухне. Она даже не представляла, что Вячек может так любить это блюдо.

— Ты чего без света? — удивился он, остановившись на пороге.

Агния не знала. Сначала не включила, а потом глаза свыклись, и стало достаточно света фонарей с улицы. Потому она просто немного смущенно пожала плечами, грея пальцы о теплую чашку и продолжая опираться на подоконник (на кухне не оказалось не только стола, но и табуреток).

— Голодная? — поинтересовался Вячеслав, подойдя ближе к ней. Взял чашку с чаем, который она заварила для него.

Агния и на этот вопрос не знала ответа. Она должна была проголодаться, ведь в последний раз ела во время обеда. Но нервозность и страх, которые никуда не делись, отбили аппетит напрочь. Потому Агния покачала головой.

Вячеслав хмыкнул, явно не поверив, и пошел к холодильнику. Но остановился на полпути, с явной досадой хлопнув по столешнице:

— Блин, я ж тут уже с месяц не ел, — он ругнулся сквозь зубы. Видно, не надеялся обнаружить в холодильнике пригодные продуктовые запасы. — Ладно, — Вячеслав хмыкнул.

Открыв один из шкафов, он достал серебристую кастрюлю. И если честно, вид того, как Вячеслав набирает в нее воду и ставит на плиту с электроподжигом, поразил Агнию куда больше, чем книжный шкаф в его комнате. Да, он часто предлагал ей помощь, когда Агния готовила. Но она никогда не считала, что Вячеслав Боруцкий делает это «на полном серьезе», как сказал бы сам Вячеслав.

— Спагетти тоже не плохо, — обернувшись к ней после того, как добавил в воду растительного масла, Вячек подмигнул.

Агния молча подошла к нему, оставив чашку на подоконнике, и обняла, обхватив руками пояс Вячеслава. Уткнулась носом в изгиб его шеи над воротом свитера, для чего ей пришлось привстать на носочки. И испытала настоящую эйфорию, ощутив, как его горячие руки обняли ее в ответ. Агнии сразу стало теплее.

— У тебя нет стола, — пробормотала она в район его плеча.

— Точно, нет, — Вячеслав даже обернулся, словно сам об этом не знал. — Засада. Придется есть в комнате, — он отодвинулся немного и двумя пальцами нежно сжал ее подбородок.

О таком варианте она сначала не подумала.

В понимании Агнии в гостиной или комнате вообще, можно было есть или во время праздника, или когда ты болел так, что вставать с постели тебе не разрешалось. Мама и бабушка были очень тверды в этом правиле, как и в недопустимости приема пищи при просмотре телевизора. И даже прожив последние полтора года самостоятельно, Агния ни разу не нарушила этого.

Только сейчас она не смогла сосредоточиться на данной вероятности. Потому что Вячеслав вдруг прищурился, а в его глазах появилось такое выражение: словно он последние пару часов сознательно контролировал себя, а теперь вдруг отпустил. И она буквально ощутила, как из-под этого жесткого контроля рвануло и бухнуло такое желание, такая страсть, что у Агнии самой сбилось дыхание и пульс зачастил, отвечая на жар, которым внезапно запылала кожа любимого. И ее собственные веки вдруг потяжелели, не в силах терпеть такой взгляд. Ей и в голову не пришло спросить, что у него на уме, когда рот Вячека завладел ее губами, а его руки вдруг оказались везде: она ощущала прикосновение горячих, чуть шершавых ладоней на затылке, под волосами. И тут же пальцы Вячеслава давили, «бежали» над впадинкой позвоночника по ее спине, сжимали бедра Агнии, сильнее притягивая ее к нему. Но и сама Агния не стояла, покорно позволяя ему делать то, что Вячеслав бы хотел. Потому что хотела его. Хотела безумно, может не так же жадно, как он, но

уже не раз задумывалась, что и до такой алчности и одержимости им в страсти, ей недалеко. Агния сама не знала, когда успела с такой силой вцепиться в плечи Вячека, но даже ногтями, кажется, впилась, будто боялась, что он решит отойти. И дышала часто, а все равно воздуха не хватало. А она только сильнее и больше тянулась к любимому.

На секунду оторвавшись от нее, Вячек резко повернул ручку на плите, куда-то тихо послав их вероятный ужин. Тут же вновь сжал Агнию в руках, подняв ее так, что она даже оказалась немного выше. Воспользовавшись этим, она с тихим вздохом удовольствия погрузила пальцы в его волосы и принялась сама его целовать: лоб, резкие дуги бровей, скулы, губы, подбородок. Коротко, с потребностью, торопясь, словно боясь что-то пропустить или не успеть дотянуться. Не понятно отчего. Наверное, потому, что и в Вячеке ощущала какую-то спешность, алчность. И это не помогало до конца изжить из груди тот страх, который так плотно там сегодня обосновался.

Вячеслав хрипло и низко застонал, когда Агния обвила его талию ногами и потерлась бедрами о возбужденный и твердый пах. Жадно вдохнул, чуть откинув голову назад. И так глянул на нее, со всем тем, что у него бушевало внутри. С таким очевидным требованием и правом обладания, которое испугал ее еще не так давно. А сейчас Агния ощутила, что у нее самой глаза распахнулись от этого, и сердце заколотилось еще сильнее. Не от страха, от возбуждения. Вячеслав резко выдохнул:

— Черта с два это снова будет кухня! — сипло, но достаточно выразительно пробормотал он, вновь впиваясь поцелуем в ее губы.

И продолжая удерживать Агнию на весу, развернулся, выходя из кухни. А она все с той же жадностью целовала его лицо и шею, пока они не очутились в спальне.

Наверное, Агнии следовало бы ожидать чего-то нового, в конце концов, она впервые занималась любовью на кровати. Однако, если честно, наверное, и останься они на кухне, или обоснуйся на полу коридорчика — ей в тот момент не было бы разницы. Так Вячеслав еще не занимался с ней сексом. Словно вообще забыл о чем-либо, что могло их сдерживать. Требовательно, поглощая своим желанием и жаром, заставляя ее даже имя свое временами забывать. Так, что она перестала что-то замечать кроме него, не ощущала ничего вокруг, кроме тела, рук, губ Вячеслава. А он будто пытался вдавить себя в нее или саму Агнию сделать своей неотделимой частью. Целовал с такой силой, что в паре мест на плечах и шее краснота, спадая, сменялась следами засосов. И погружался в нее так мощно, что Агния совершенно потерялась, утратив суть и само понимание течения их движений. Она испытывала оргазм за оргазмом, потерявшись в таком напоре любимого, в таком количестве наслаждения. И все-таки, так и не смогла избавиться от противного и холодного очага холодка за грудиной, стекающего горьким привкусом на ее языке при каждом поцелуе. Потому что и в Вячеславе, кажется, ощущал что-то похожее. В каждом его движении и требовании, в каждом прикосновении и ласке. И это ее пугало, хоть Агния не смогла бы сейчас ни сформулировать, ни выразить словами свои опасения. Но это чувство какого-то надрыва и холодного страха присутствовало.

Осталось оно и когда Вячеслав брал ее второй раз, позволив Агнии отдохнуть лишь несколько минут. И тогда, когда буквально вытащил из горячей ванной, чтобы снова заняться любовью. Так же жадно, сильно, пусть уже и не так торопливо.

А около двух часов ночи этот страх всплеснулся с новой силой, когда Вячеслав, медленно и почти лениво перебирая ее влажные волосы, погладил плечи Агнии, лежащей прямо поверх него самого и не имеющей силы даже для того, чтобы перевернуться.

— Я утром уеду, малышка. На пару дней. Мне надо в Киев смотаться, уладить несколько мелочей, — тихо и будто через силу проговорил он, не позволив Агнии переместить голову, чтобы

глянуть ему в глаза. Зато она щекой чувствовала стук его сердца. Правда, именно сейчас это не успокаивало. — Лысый при тебе пока постоянно будет. И Федот останется в городе. Запишешь его номер. Просто. На всякий случай.

— Вячек? — Она все же попыталась на него глянуть. — Может, ты все-таки скажешь, что…

— Да, нормально все, Бусинка, — обманчиво легко хмыкнул он, усилив нажим на ее затылок. — Все, как надо. Мелочи остались. Просто я страхуюсь. Не парься. Спи лучше.

И он обнял ее совсем крепко, видно ожидая, что Агния тут же заснет. Но она и понятия не имела, как это можно сделать после подобного разговора. Однако и не спрашивала больше ничего, четко поняв, что вдаваться в объяснения Вячек не намерен.

Глава 33

— Слушай, ну у твоего крестного реально крутая машина!

Стас бросил рюкзак на пол, вытянул из ушей наушники и плюхнулся на подоконник, у которого стояла Агния.

— Привет, Стас, — не прекращая поиски своего блокнота, где делала пометки на парах по актерскому мастерству, Агния слабо улыбнулась парню.

— Ага, привет, — невпопад отозвался он. — Не, серьезно, классная тачка! Кем он работает, а? Может, ну ее, эту консерваторию, поменяю специальность и буду тоже на такой машине гонять? — с усмешкой подмигнул ей Стас, хоть и было видно, что ему действительно любопытно.

— У него ресторан, — продолжая поиски, хоть и начала уже подозревать, что забыла блокнот в аудитории, откликнулась Агния. — И ювелирный магазин. — Про ночные клубы и остальные предприятия Вячеслава она решила не упоминать.

Стас присвистнул. И вдруг задумался:

— Ювелирный? — переспросил парень. — Это он тебе кулон подарил, да? — Стас махнул головой в сторону ее украшения.

— Да, — поняв, что возвращаться придется так или иначе, Агния сердито отбросила сумку.

Та подпрыгнула по подоконнику и упала на пол, все содержимое разлетелось вокруг.

— Тьфу ты!

Агния тяжело привалилась к стене и прижала ладони к лицу, постаралась вдохнуть и унять бушующий внутри страх и напряжение.

— Эй, ты чего? Все нормально? — Стас наклонился к ней, внимательно всматриваясь в лицо Агнии.

Она еще раз глубоко вздохнула. Нет, все не было нормально. И не в порядке. Совсем наоборот. Она ни одного раза не вдохнула полной грудью с тех пор, как закрыла за Вячеславом дверь своей квартиры сегодня утром. Он привез ее туда в шесть утра, перед тем, как сам уехал в Киев, чтобы Агния могла переодеться и собраться на пары. А через полчаса в ее дверь позвонил Вова. И парень честно сидел в гостиной, ожидая, пока Агния соберется, чтобы привезти ее сюда. Это оказалось не совсем тем, что она подумала, когда Вячек сказал «пока постоянно побудет». Он что, и спать у нее дома останется? Агния этого не хотела. И ей все равно было страшно и плохо, несмотря на присутствие Вовы.

Но, разумеется, ничего этого она не сказала Стасу:

— Нормально. — Агния присела на корточки и принялась собирать разлетевшиеся ручки, салфетки и прочую мелочь. — Да, Стас. Это Вячеслав Генрихович подарил мне кулон на восьмое марта, — запоздало ответила она на его вопрос. — Спасибо, — поблагодарила за вещи, которые он собрал и передал ей.

— А почему ты не скажешь девчонкам, что это крестный подарил? — Стас нахмурился с непониманием. — Ты в курсе, чего ни про тебя болтают и навыдумывали из-за этого украшения?

— В курсе, — Агния застегнула сумку и повернулась к Стасу. — Меня Аня просветила.

Видно он понял, что это не было преподнесено в участливой форме.

— Паршиво. — Стас потянулся за ней следом, когда Агния пошла назад, в аудиторию, где у нее проходила последняя пара. — Вы потому поссорились?

— Наверное, мы и не дружили, раз она так обо мне судит, — Агния небрежно передернула плечами, пытаясь при этом убедить себя, что нет никакого повода для волнений.

Вячек же несколько раз говорил, что все нормально, и ему лишь надо уладить какие-то мелочи…

— Агния?

— А? — Она обернулась, успев забыть, где и с кем находится. Никак не могла найти внутреннее равновесие, потерянное еще вчера. Никак не могла успокоиться.

Стас нахмурился еще сильнее:

— У тебя же пары уже закончились, ты зачем в аудиторию идешь?

— Забыла конспект, — пояснила она. Закрыла глаза и придавила веки пальцами. — Смысл кому-то что-то объяснять, Стас? Им нравится верить в то, что они говорят, и мои объяснения мало что изменят. Они другое что-то придумают.

— А тебе не обидно… — Стас замялся, стоя на пороге аудитории, ожидая пока Агния заберет блокнот, действительно лежащий на парте.

— Что меня проституткой записали? — Она выдавила из себя кривую улыбку. — Сначала было обидно. А потом стало безразлично. Я знаю, кто я. Мой любимый знает, кто я. А друзей, которые этого не хотят видеть — мне не надо. Ты же, вон, не считаешь меня проституткой, хоть все то же самое видишь и слышишь. Или считаешь? — Она глянула Стасу в глаза.

Он покачал головой:

— Ты меня прости, конечно, но из тебя проститутка, как из меня тракторист, — усмехнулся Стас. — И кстати, как прослушивание? — он так и плелся за ней следом, теперь к выходу из консерватории.

Агния улыбнулась почти искренне:

— А у тебя богатый опыт по части проституток? — подколола она друга. Он состроил недовольную гримасу. — Ладно, не спрашиваю. — Агния вскинула ладонь, словно демонстрируя свою искренность. — Прослушивание… Пока не знаю, вроде нормально. Сказали, что определимся на следующем.

— Ну, если еще одно назначили, это классно. Значит, ты им приглянулась.

— Посмотрим, — Агния пожала плечами.

— Расскажешь потом? Может, через пару месяцев я буду просить твой личный диск с автографом? — парень ей подмигнул.

Она же с улыбкой покачала головой, не желая торопить события всякими предположениями, да и не думая сейчас об этом. Больше всего в этот момент ей хотелось бы позвонить Вячеку. Но она уже делала это. Трижды в течении дня. И ей не хотелось еще больше его отвлекать, хоть Вячеслав ни разу и не сказал ничего подобного, наоборот, казалось, был рад тому, что она звонила.

— И какие планы сегодня? Снова на прослушивание? — поинтересовался Стас, когда они вышли на крыльцо.

— Нет, — Агния покачала головой и постаралась поглубже вдохнуть теплый, немного влажный и пряный воздух начавшегося апреля. Снова потерпела в этом неудачу. Легкие просто не желали двигаться. — Собираюсь в церковь. Я всегда хожу туда по средам и воскресеньям.

Она ждала этого, и была даже рада, что сегодня среда. Общение с отцом Игорем не было бы лишним, как ей казалось.

— Ясно, тогда давай, до завтра, — Стас махнул рукой. Глянул в сторону стоянки и немного нахмурился. — Ух ты, а это кто с твоим родичем? Тоже какой-нибудь опекун? — Стас лукаво улыбнулся.

Не поняв его юмора, она проследила взгляд Стаса. И застыла, почти чувствуя, как все тот же холод растекается по сердцу, а руки начинают дрожать.

— Эй, ты чего? — Стас заволновался. Наверное, у нее и лицо изменилось. — Что-то случилось, Агния? У тебя проблемы с этим человеком?

— Нет, нет проблем. И это не опекун, — она покачала головой.

И быстро сбежала по ступеням, а потом, не сбавляя скорости, понеслась к стоянке, совершенно не понимая, что здесь делает Федот? Она ему не звонила. Так зачем друг Вячеслава приехал? Почему-то его вид усилил ее страхи и невнятные опасения.

— О, Бусина, наконец-то, — Федот хмыкнул, стоило ей приблизиться к машине, которую он припарковал рядом с автомобилем Вовы. — Это ж надо столько время каждый день убивать неясно на что. — Федот покачал головой и достал сигареты из кармана.

— Что случилось? — Агнии не так просто дались эти два слова. И все же она смогла произнести их достаточно ровно. И тихо, стараясь, чтобы даже Вова не слышал.

Федот об этом догадался, похоже. Глянул на нее. Щелкнул зажигалкой.

— Да не парься, Бусина. Нормально все. Просто планы немного поменялись. — Он выдохнул сигаретный дым. В другую сторону от Агнии. Это ее удивило. — Мы с тобой сейчас заглянем к тебе на хату, соберешь кое-какие шмотки, и поедем, покатаемся. Подышим свежим воздухом, — Федот снова затянулся и подмигнул ей.

Она ничего не понимала. Правда-правда.

— Как «покатаемся»? — переспросила Агния. — Зачем? Куда? Я в церковь собиралась…

— Ну, че я тебе скажу? Не повезло попам, не обломится им сегодня ничего, — усмехнулся Федот и с некоторой издевкой распахнул перед ней двери своего автомобиля. — Милости прошу. Давай: «лезь ко мне в суму! Там, на месте, разберемся, Кто-куды и что к чему!».

Совсем растерявшись, Агния глянула в сторону Вовы, который, заметив это, махнул ей рукой.

— Не трясись, Бусина. Лысый с нами поедет кататься. — Федот ухватил ее за плечо и подтолкнул в сторону распахнутой двери салона. — Давай, шевели ножками, нам тут до ночи сидеть — никакого интереса.

Восстановив равновесие, она одарила Федота раздраженным взглядом и все-таки села внутрь его машины.

— Что происходит, серьезно? — не особо надеясь на ответ, все-таки спросила она, когда сам Федот уселся на водительское место. — С Вячеславом… все нормально? — ей пришлось сглотнуть, чтобы выговорить это ровно.

Федот глянул на нее через зеркало. Непонятно так. И как-то… Агнии было непросто выдержать этот взгляд. Но она не опустила голову. А он все молчал.

— Нормально. Он просто решил подстраховаться, — почти нормальным тоном и языком, кстати, ответил Федот после минут трех молчания.

Тронулся с места. А Агния тайком выдохнула.

Дома она собралась за двадцать минут. Как-то невпопад хватала вещи, не привыкнув, да и не зная, что надо брать и какие мелочи самые нужные. По сути, Агния ни разу в жизни еще сама не собиралась никуда. Взяла одежду, даже не особо разбирая, складывая то, что попадалось первым. Расческу и шампунь. Зачем-то прихватила чашку с кухни. Даже не свою, а ту, из которой всегда пил Вячеслав. Трижды проверила, взяла ли зарядное устройство для мобильного телефона? И спустилась вниз до того, как ее пришли бы подгонять.

— Ну, надо же, — только и заметил Федот, когда она вместе с этой сумкой забралась на заднее сидение. Больше ничего не добавив, он завел машину.

Агнии показалось, что они ехали долго, и потому она очень удивилась, когда оказалось, что

весь путь занял лишь тридцать минут. Из ее двора Федот прямиком направился к выезду из города. На улице уже темнело, и стоило им покинуть освещенные фонарями улицы, салон автомобиля погрузился во тьму. Агния ощущала себя неловко и не к месту. И еще больше стала нервничать. Глупо, конечно. Она знала, что Вячеслав безоговорочно доверял другу, и потому ей совершенно не следовало сомневаться или не доверять Федоту. Но она не стала бы пытаться кого-то обмануть, заявляя, словно действительно ему верит.

Выехав из города, машина какое-то время ехала по центральной трассе, потом свернула направо, въехав в небольшой пригородный поселок, почти сливающийся с самим городом. Они пересекли несколько узких улиц, и снова выехали на трассу, но уже ниже по рангу. А потом Агния немного потерялась в поворотах и изгибах дороги. Тем более что в темноте все равно не видела никаких ориентиров. Лишь время от времени за окнами мелькали огни домов, сбившихся в небольшие дачные поселки. Они проезжали те один за одним.

Наконец, после очередного поворота, которые Агния давно перестала считать, за окнами появились темные очертания домов еще одного поселка. Агния не могла не заметить, что здесь зажжённый свет в окнах встречался куда реже. Зато их салон осветил свет фар машины Вовы, теперь следовавшей за ними почти вплотную. Федот сбросил скорость, два раза свернул влево на очень узких даже не улочках — скорее пространствах между домами, и они остановились перед воротами у высокого забора из рыжего декоративного кирпича. Все это время ее спутник молчал. Не сказал ничего и сейчас. Покопался в кармане джинсов, вытащил какую-то связку ключей, с крупным брелоком, и нажал на кнопку, имеющуюся на этом самом брелоке. Агния почему-то вздрогнула, когда ворота поползли в сторону.

— Ну что, Бусина, добрались, — Федот глянул на нее через плечо.

Она попыталась рассмотреть дом, в двор которого они сейчас заехали:

— Это ваш дом? — спросила Агния Федота.

Тот хмыкнул и покачал головой.

Агния нахмурилась. Насколько она знала, у Вячеслава домов не было. Ну, она, конечно, не претендовала на то, чтобы все-все знать о любимом. Но все-таки, они много с ним разговаривали. И не только в последние месяцы, когда их отношения стали такими, как сейчас. Все те вечера, когда они обедали в ресторане и чаепития у нее на кухне — все эти часы Агния и Вячеслав разговаривали. Ну, больше она, конечно. Но и он много говорил, в основном тогда, когда был не согласен с ее идеями или рассуждениями. В общем, однажды они обсуждали и дома: Агния призналась, что ей хотелось бы когда-то иметь дом, может и не очень большой, но настоящий. Когда Вячеслав, рассмеявшись, спросил, что значит «настоящий», Агния смущенно призналась, что такой, который не был бы похож на обычные «хаты» в селах. Ей хотелось такой дом, как за границей. Тогда же она и поинтересовалась о том, хотелось ли ему когда-нибудь дом? Вячек сказал, что нет, никогда не хотел. Да и зачем? С квартирой «геморроя» в сто раз меньше. Поскольку Агния и сама не могла ответить на вопрос: «на кой ляд ей такая хата?», то и Вячеслава (а на тот момент он был для нее еще Вячеславом Генриховичем) переубеждать не бралась.

Потому сейчас ей было совсем непонятно, к кому же они приехали?

— Пошли, Бусина. Охота тебе на улице торчать? Еще не лето, между прочим, а нам определиться надо, чего там нет, чтоб Лысый сгонял, купил. И пожрать привез. — Федот вытащил ее сумку и отдал Вове, который уже подошел к ним. Перебирая ключи, направился к двери.

Но ей все равно было как-то не по себе:

— А хозяева хоть знают, что мы тут будем? — осторожно уточнила Агния, все еще не двигаясь с места.

Федот, уже успевший открыть входную дверь, обернулся и посмотрел на нее. Очень весело. Так весело, что она совсем не поняла, что же смешного сказала?

— Хозяева? Ну, да, Бусина, по ходу — знают, не трясись.

Хмыкнув все с тем же весельем, он пошел внутрь дома.

— Пошли, Агния? Че толку на улице торчать? — Вова, впервые за весь день с того момента, как в половине седьмого утра оказался у нее на пороге, глянул Агнии в глаза.

Наверное, он был прав. И, наверное, Вова стал понимать, что ее отношения с «Вячеславом Генриховичем» далеки от отношений крестного и крестницы, иначе, почему так вел себя? А может Вячеслав утром, уезжая, сам просветил Вову, когда велел быть все время рядом с ней? Агния не знала ответов на эти вопросы и не совсем представляла, следовало ли ей изменить свое поведение. Но думать — ни сил, ни желания не было.

Она достала из кармана плаща мобильный телефон, удостоверилась, что здесь имелась связь, и потом все-таки пошла в дом. Вова молча зашел следом.

Он не мог не признать, что она и его достала. Не в том смысле, что и он вдруг запал на эту малявку. Не дай Бог. Ему его жизнь и так нравилась, без всяких подобных напрягов и заморочек. Но чем больше девчонка вертелась рядом, тем больше Федот понимал, почему Боров так свернулся на своей зазнобе.

Малявка ходила по дому, как больная. Серьезно, встреть он на улице кого-то с такими побитыми глазами, перешел бы на другую сторону. Мало ли, может ненормальная? Но тут-то он точно знал, что с умом у девки все хорошо. Хотя, это еще, конечно, с какого боку глянуть. Федот не особо желал сидеть с Бусиной здесь. Он бы лучше Борова прикрыл. Но когда Славка попросил… Лады, Федот не мог отказать другу, тем более что чтобы он не плел девке, на так уж и перестраховывался Боров. Пацаны заволновались. Только прошел слух, что Боров решил свалить, все оказались на стреме. И хоть Славка провернул все так, что тот же Косяч только выиграет, если, конечно, сделает то, что ему предложили — попробуй, добейся, чтоб тебя послушали, если найдут слабину. А в такой ситуации эту слабину искать станут. Слишком большой куш. Слишком много нитей держал Боров в своих руках, слишком много влияния, которое не бросишь просто так. Так что слабину эту, сидящую сейчас напротив Федота с темно-синей чашкой в руках и бездумно втыкающую в чай, надо было спрятать. Чем он и занимался.

— Бусина, слышь, давай, ешь. Че, Лысый зря, че ли, мотался в город? Хоть булку съешь, — он подтолкнул в ее сторону пару сладких булок на тарелке.

Девчонка, встрепенувшаяся, когда он ее окликнул, опять уткнулась взглядом в свой чай. Кивнула и без всякого желания отломила пальцами кусочек. Курам на смех, блин. Этими крошками и воробья не накормишь, а она делает вид, что жует. Федот подозревал, что Боров не обрадуется, если его «Бусинка» хоть пару грамм потеряет в весе. Он помнил, с какой маниакальной настойчивостью друг следил за тем, чтоб девчонка всегда была накормлена. У Федота же с этим полный абзац — за сегодня она еще ничего толком не съела. Может, стоило отпустить ее в консерваторию? Развеялась бы девка. Боров насчет этого никаких конкретных указаний не оставил, и Федот решил перебдеть. Да и лень ему было торчать там, охраняя Бусину. В городе мелькать с ней, снова-таки. Это Лысый к ним был слабо привязан благодаря тому, что не особо в делах светился. Боров его сразу как приставил к малышке, так парень и таскался за ней. А морда Федота рядом с девчонкой на фоне сегодняшней ночной встречи могла бы и заинтересовать кого-то.

Он, кстати, был уверен, что это его решение приведет к скандалу. Но Бусина только выслушала его заявление, что пока лучше пересидеть, кивком выразила свое согласие и пошла в комнату,

которую выбрала прошлым вечером. Честно говоря, Федот некоторое время недоумевал. Ну ладно раньше она сидела тихо, но теперь, уже полностью зная, что Боров и себя, и всех вокруг в бараний рог скрутит ради любого ее желания — Федот ожидал, что Бусина не преминет использовать свой статус и положение. Собственно, он ждал истерики начиная с того момента, как приехал вчера за ней под консерваторию. Причем, мог допустит, что скандалить она может по поводу любой мелочи: ужин не тот, дом не обжит, в глушь заехали, комнат мало, чтоб выбрать… Да мало ли причин, при желании, может найти девчонка, привыкшая, что такой мужик, как Боров, готов ей что угодно на блюдечке с золотой каемочкой принести? Че Федот не помнил, как Славка одернул его, когда он решил пошутить над ее глупым желанием научиться в бильярд играть? На кой ляд, спрашивается? «Бусинка попросила». И все, дискуссия закрыта, а за насмешки и шутки можно еще и в морду получить, он это по глазам Борова прекрасно видел. Вот и готов был к тому, что эти два дня ему придется капитально сдерживаться, чтобы не размазать девку по стенке.

А в итоге единственным их «трением» оказался вопрос хозяев дома. Умора, учитывая то, что дом был куплен и оформлен исключительно на Бусину. Да еще проблема уговорить ее поесть. При этом им с Лысым девчонка постоянно предлагала что-то разогреть или нарезать, или сварить даже. Пока сам Федот, растерявшись от такого мельтешения на нее не прикрикнул, чтоб Бусина села и успокоилась. Сесть-то она села, а вот успокоилась ли? Вряд ли.

— С ним ничего не случится?

Он сначала даже не понял, то ли это продолжение его размышлений, то ли Бусина и правда что-то прошептала. Девчонка низко склонилась над своей чашкой и по маленькому глоточку отпивала чай. Видно отреагировав на его внимание, она коротко глянула из-под бровей и снова опустила взгляд вниз.

— Все нормально будет? — повторила девчонка, принявшись ковырять пальцем краску на подоконнике, у которого они сидели, за неимением элементарной мебели.

Несколько табуреток Лысый сегодня купил, но стол, ясное дело, не тащил. Так что из того, на чем можно сидеть, в доме имелась еще только одна кровать, в комнате, которую они малявке выделили. Да диван в гостиной, на котором они с Лысым спали по очереди, пока второй стоял на стреме.

Нормально? И чего ей сказать? Нормально. Должно быть нормально. Если никому ничего в голову не ударит, Косячу тому же. Если все мозгами решать будут, а не за пушки хвататься, когда тех самых мозгов не хватает. Все должно было быть нормально по идее. Только и другого варианта никто из них не исключал. Потому Боров и поперся в Киев, не доверяя местным адвокатам и нотариусам, которых легче-легкого было бы прижать местным браткам. А Славка меньше всего хотел, чтобы в случае чего кто-то раньше времени узнал, кому именно он большую часть всего, что имел, переписал. Чтобы малявке больше не пришлось побираться и думать о деньгах.

— Нормально. — Он поднялся и потянулся за сигаретами. Хоть и помнил просьбу Борова не особо шмалить при девчонке. — Все с ним будет нормально.

— Честно? — еще тише, чем до этого, пробормотала малышка.

Ему че? Расписку ей дать? Или она его за базарную цыганку держит?

— Мы все для этого сделали, — резко бросил он и пошел во двор, подальше от этой малявки и всех ее вопросов.

— Мы тебе точно больше не нужны?

Вячеслав повернулся к Костылю, который вместе с Лешим стояли у машины и смотрели на него. Глубоко вдохнул прохладный ночной воздух. Снова глянул на пацанов, которых брал сегодня

с собой вместо Федота, и покачал головой:

— Свободны, парни.

Те попрощались, разошлись по своим машинам. Боров проследил, как они уехали. А потом привалился к боку своего авто, закурил и уставился в темное небо, где сквозь облака где-нигде просматривались звезды.

Три часа ночи. Три часа. Блин.

Он вдруг выплюнул сигарету, жадно вдохнул и присел на корточки, с силой обхватив голову ладонями и прижав затылок пальцами.

Бл…! Обошлось. Не без того, что Косяч все-таки взбрыкнул. Не без того, что стволы достали, но ведь смог уладить! Смог утрясти! Сумел надавить, уболтать и прижать так, что все сыграли по его правилам и ушли довольные. И он, главное, был доволен.

Все. Теперь он не Боров. Теперь он — Боруцкий Вячеслав Генрихович. Депутат горсовета. И плевать, что выборы в местную власть только через три месяца. У него мандат уже гарантирован. И деньги уплачены.

Нет, конечно, самые козырные направления он оставил за собой, это все они с Мелешко еще раньше решили и утрясли. Да и свои «предприятия» Боров за собой оставил. Но в остальном… Че ему: своих магазинов, ночных клубов, заправок да ресторана не хватит? Да выше головы, если вместе с наркотой. Долбаться-не передолбаться. А остальным пусть теперь другие занимаются. Все.

Кровь бушевала внутри, подгоняемая адреналином, еще не успокоившись после «встречи».

Три часа ночи.

Вячеслав снова выпрямился и достал сигарету пальцами, которые подрагивали от напряжения последних трех часов. Все. Уладил. Можно ехать домой.

Другой, наверное, сейчас добрался бы до квартиры и завалился бы спать, без задних ног, учитывая то, что и предыдущую ночь почти не спал. Ну, или ушел бы в разгул, чтоб снять этот передоз адреналина внутри. А он хотел домой, к своей малышке. Может и тяпнет водки, чтоб немного попустило, но только после того, как ее обнимет.

Блин, Вячеслав так привык, что она рядом. Всю прошлую ночь вскидывался, нащупывая пистолет, от того, что чего-то не хватало, привычного уже и необходимого. Инстинкт срабатывал, прогоняя сон, ощущая отсутствие части себя. Самой родной и любимой части. Девочки его.

Отъехав от клуба, куда они с парнями приехали после встречи, он выехал на проспект. К дому, что он купил для Бусинки, можно было доехать минут за сорок. Это если машину пожалеть и ехать хорошей дорогой. Ему сейчас было плевать на машину, потому Вячеслав свернул к району комбинатов. Там, если знать проезд, держать приличную скорость и срезать через отвалы, а потом по проселочным — можно было добраться минут за пятнадцать.

Уже поворачивая в проезд, когда до дома оставалось метров двести, он набрал Федота, чтобы тот открыл ворота. Не хотелось будить Бусинку, а она наверняка спала в начале четвертого утра-то. У него аж шею ломило и плечи свело. И не от усталости после этих двух напряженных суток, а так сильно он ее хотел увидеть. Просто глянуть. Будить не будет, пусть поспит. Вячеслав надеялся, что хоть она-то в прошлую ночь не вскакивала каждые десять минут, а отдыхала. Потому как перед отъездом он своей Бусинке никакого продыху не дал. И понимал, что в конец выматывает, а расслабиться не мог. Его девочка ему настолько нужна была. Реально. И за прошедшие два дня он это еще четче понял. Странные конечно, выдались дни. Вроде напряга столько, и четкое понимание, по какому лезвию идешь. Шаг один не туда, и все, накроют тебя, пристрелят и на свалку отвезут. А в такой ситуации, как оказалось, все, кроме самого простого и до дикости очевидного и нужного на

задний план отодвигается. Все вторичным становится, кроме понимания, ради чего ты на такой рожон прешь.

Федот ворота открыл. Достаточно тихо. Напряженно и тяжело глянул на него. Вячеслав даже четко расслышал похрустывание суставов. Он мог понять друга. Сам на таком стреме последние дни провел, что «мама не горюй».

— Нормально все, Андрюх. Утрясли, — хлопнув Федота по плечу, махнул головой Вячеслав, ощущая внутри себя какую-то непривычную эйфорию, туманящую мозги похлеще водки.

Вот вроде и не видно было, а сразу почувствовалось, как Федот попустился. И тут же за сигаретами полез, начав ухмыляться во всю морду.

— Чего тут у вас? — поинтересовался Боруцкий, наблюдая, как закрываются ворота.

Краем глаза отметил Лысого, маячившего на пороге.

И все спокойно, тихо так, что слышно легкий ветер, которые шатал ветки с только пробивающимися листьями.

— Тихо, вроде. Нормально, — так же негромко, как он сам, отчитался Федот, затягиваясь. — Только знаешь че, Славка? Я думал, это ты двинутый. Ага, фиг вам, Бусина твоя сто очков вперед тебе даст, — друг как-то так неуверенно глянул в его сторону. — Вон, Лысый видел, как я ее есть заставлял. А она на полном игноре. Как помешанная по дому бродила. Так что если че — мы не при делах. И за малышкой смотрели.

Вячеслав чуть не рассмеялся. Сдержался, хоть и не до конца подавил улыбку. Кивнул, типа успокаивая друга, что не будет за это ему счет выставлять и наезжать. Сам все понимал. Да и че, он не видел, что ли, что Бусинка и его заверениям не особо поверила, когда он ее успокаивал. Так на него смотрела, провожая, будто точно знала, на что Боров идет. Чуйка в этом вопросе у нее на «ура» сработала.

— Она спит?

— Вроде, — Федот пожал плечами. — Я ее три часа назад чуть ли не силой наверх погнал. Сил смотреть не было, как она то в окно, то на ворота, то на свой телефон пялится. Или просто в чай втыкает. Так что или спит, или сидит тихо. Не знаю.

Еще раз хлопнув Федота по плечу, теперь в качестве благодарности за столь непривычную для него роль опекуна, Вячеслав пошел в дом. Уж больно невтерпеж ему было. Хотел убедиться своими глазами, что с Бусинкой все в порядке, хоть и понимал, что ничего с ней не случилось.

На втором этаже было темно, единственным источником света служили отблески лампы с лестницы. Вячеслав пару секунд переждал, пока глаза немного привыкнут. И пошел к единственной комнате, где могла быть малышка. Просто только в той спальне имелась кровать, идущая в «комплекте» к дому от застройщика, как подарок покупателям. Тихо открыл двери, он всмотрелся в темноту. И тут же нахмурился — Агнии там не было. Кровать оказалась совершенно пустой, даже без подушек и одеял, которые Федот купил бы точно, Боров предупреждал его, что здесь ничего этого нет.

Ни фига не понимая, он зашел внутрь и обалдел совсем: малышка спала, завернувшись в одеяло до носа, как и обычно, полусидя, опираясь спиной на подушку. На полу между кроватью и окном.

Какого хрена?

Он бы очень хотел задать этот вопрос вслух. Но сдержался, решив, что лучше просто поднимет ее вместе с этим коконом и уложит на постель. Однако стоило ему сделать еще шаг, как Бусинка встрепенулась и вскинулась, сев на своем одеяле. Сонно моргнула и глянула прямо на него. Он замер. Бог знает с чего. Но просто не получалось сдвинуться с места. Смотрел на свою девочку, на

ее растрепанные волосы, на бледные щеки. И в глазища ее, уставившиеся на него сначала с потерянным выражением, немного не от мира сего, явно еще не проснувшиеся, а потом начавшие наполняться таким счастьем, такой радостью. Смотрел, и у самого внутри такое закружилось, что грудь сдавило. Сердце бухнуло, раз, второй. И стоять больше сил не было.

Вячеслав шагнул к ней, только и малышка уже на месте не сидела. Бусинка подскочила со своих одеял, подушек. И неясно было, кто быстрее рванул, кинулся вперед. Да и неважно. Просто бросились навстречу друг другу, так что уже через секунду он слишком сильно сжал ее, обнял руками, притянув к себе. А она, ни капли не жалуясь, со всей своей силой прижималась к нему. И оба, казалось, не дышали. Только через пару секунд этого обоим же стало мало. И он запрокинул ее голову, вглядываясь в лицо, пальцами обводя каждую черточку лица малышки. А Бусинка, почему-то хватая воздух ртом, будто начала задыхаться, пыталась прижаться щекой к его ладони. Ее ладошки уже выдернули его рубашку из джинсов, и малышка скользнула, прижалась руками кожа к коже. Пробежалась пальцами по его спине, словно проверяя, все ли с Вячеславом нормально.

И куда уж теснее и ближе, кажется? А все равно обоим не хватало контакта. И хотелось стать еще ближе.

Вячеслав прижался губами к ее виску, поцеловал веки, ощущая, как отчаянно его девочка моргает. Чувствуя дрожь, которая трясла ее тело и с которой Бусинка пыталась справиться. Он обнял ее еще крепче, стараясь помочь малышке с этим совладать. Доказать, что все нормально и здесь он, и с ним все в порядке. Агния ткнулась лицом ему в шею, словно спряталась. Коснулась губами кожи, обжигая, заставляя по-новому бурлить кровь, которая и так еще не утихла.

Агния дышала, вроде, а кислорода не хватало. И мысли лихорадочно неслись в голове, сумбурные, радостные, встревоженные грустные одновременно.

Живой! Невредимый! Здесь. Рядом с ней.

Господи! Как же она была благодарна Всевышнему за это! Сколько молилась эти дни, сколько умоляла, чтобы Он сохранил Вячеслава от всего на свете.

Агния сама не знала, почему была так уверена, что с ним вообще может что-то случится, несмотря на все заверения и самого Вячека, и Федота. Просто ощущала, чувствовала, что все совсем не так просто, как они пытались ей показать. И дико боялась. А сейчас на нее нахлынуло такое облегчение!

Хотелось дотронуться, убедиться, точно-точно проверить, что все хорошо. И прижаться еще крепче. И обнять.

Но вместе с этим в Агнии плеснулось и возмущение. Злость даже. Так захотелось… ну, не отругать (как такого человека отругаешь?), а хоть сердито вычитать. Потребовать, чтоб он никогда больше так не делал. Чтоб не пропадал, не обманывал и не скрывал от нее того, что происходит на самом деле. Не сводил с ума, заставляя воображать Бог знает что, и медленно умирать от неизвестности.

Только что она могла сказать? Какие упреки высказать? Разве Агния не знала, кто такой Вячеслав Боруцкий? Чем он занимается? Знала, понимала, помнила. Как и то, что не имела по сути никакого права пытаться чего-то требовать и сердиться, заявляя, что он мучает ее. Он так жил десятки лет без нее. И она ведь полюбила и выбрала его таким, все видя и понимая. Не маленькая. Хоть и старой, конечно, не назовешь. Даже не очень взрослой. Но иногда «взрослость» ведь не возрастом определяется или прожитыми годами…

Вот и молчала она. Только тяжело дышала от избытка всего, что плескалось внутри. От слов и чувств, которые душили, проступали на глазах слезами, а Агния их отчаянно смаргивала. И от

этого напряжения дрожь в ее теле усиливалась еще больше.

— Бусинка моя, ну что ты? Хорошо все. — Он погладил ее плечи, поцеловал волосы, веки. — Ну чего ты дрожишь? Тебе холодно? Какого хера ты на пол улеглась? А если простудилась?

Она глубоко вдохнула, покачала головой, уткнувшись лицом в ворот его рубашки. Втянула в себя такой знакомый и родной запах Вячека, горьковатый от примеси сигаретного дыма.

— Хорошо все. Не замерзла.

Она запрокинула лицо, наслаждаясь каждым прикосновением пальцев Вячека. Посмотрела в глаза любимому. И почему-то зажмурилась от того, что бушевало там с безумной силой. Попыталась в себя прийти.

— Вячек, ты голодный, наверное? Хочешь, я чая заварю? Или нагрею чего-то, там Вова привез много. Или приготовить могу…

Ему вдруг так весело стало. От этого ее вопроса, вот о еде он сейчас меньше всего думал, если честно. И горячо было от того, как она его обнимала, как глянула. И хорошо так, словами не передать, просто потому, что стоял сейчас и обнимал свою малышку. И даже не хотелось ничего больше. Потому что реально казалось, что просто не выдержать ему сейчас большего кайфа.

— Вячек? Правда, мне совсем несложно чая тебе сделать. Хочешь? — Она снова прижалась лицом к его шее.

Он покачала головой, коснувшись губами ее волос на макушке. Обнял свою девочку еще сильнее, даже приподнял немного. Мало было Вячеславу. Именно соприкосновения мало. Все хотелось еще большего ощущения Бусинки около себя. И все вдруг стало куда проще и легче. Элементарно и четко. И сложности все, какие-то блоки внутри — ушли:

— Люблю тебя, — четко и внятно признался он, ясно поняв, что в эти слова можно вложить до невозможного много. Куда больше, чем кажется на первый взгляд. Всю его одержимость ею, все то, что с ним сделала эта девчонка.

А малышка вдруг, ни с того, ни с сего застыла в его руках. Ну, что статуя, ей-Богу. А потом медленно так запрокинула лицо и уставилась на него с совсем ошалевшими глазами. И губы закусила.

Ну, в общем, как-то Вячеслав ждал другой реакции.

Но попытаться выяснить причину такого странного поведения не успел. Бусинка, которую он все еще держал приподнятой на руках, вдруг резко, сильно обняла его за шею. Стиснула так, что чуть горло ему не перекрыла:

— Правда-правда? — тихо прошептала малышка, ему на ухо.

— Правда-правда, — в тон ей усмехнулся Вячек.

Блин, ее затрясло еще сильнее.

— Вячек, я… — Она сглотнуло, словно это ее горло было сдавлено чьими-то, неожиданно сильными ручками. — Я знаю, что не имею права. И все знала. И… Господи! Вячек, — Агния отклонилась, глянула на него, совершенно растерявшегося от этого ее бормотания. И вдруг прижалась к его губам. Жадно, с силой. Так он, наверное, ее всегда целовал, словно проглотить хотел. Оторвалась. Начала покрывать все лицо короткими, горячечными поцелуями. — Я не выдержу, если с тобой что-то случится, Вячек. Честно, — бормоча ему в рот, призналась Бусинка. — Тебя я потерять не смогу. Просто не перенесу.

Его тряхануло не по-детски. И чего-то такое изнутри поднялось, плеснулось в груди, голову обожгло. Так и держа ее на руках, он отступил на шаг назад и сел на кровать поверх матраса.

— Бусинка моя хорошая. — Он обхватил ее лицо руками, так, чтоб малышка смотрела прямо

ему в глаза — Девочка любимая. Все хорошо будет, обещаю. Теперь все будет хорошо.

Только Вячеслав не был уверен, что она в достаточной мере услышала и поняла его. Потому что так смотрела, что у него в груди что-то словно натянулось и вот-вот могло надорваться. Почти реально больно было от этого безнадежного, припрятанного страха, затаившегося во взгляде девочки.

— Я так люблю тебя, Вячек, — повторив его маневр с ладонями и щеками, она обхватила лицо Вячеслава. И снова поцеловала, так при этом надавив на плечи, что стало совершенно ясно, чего она хочет.

В общем-то, целиком и полностью разделяя ее желание, он охотно откинулся назад, потянув за собой и Бусинку.

Ей было страшно. Так, как редко когда до этого. При том глупо и алогично. И все-таки очень-очень страшно. Это его признание. Ох! Оно сделало Агнию безумно счастливой. Дико просто. Она даже не знала, что может быть настолько счастливой!

И одновременно дало понять, насколько «ненормально» было то, что Вячек делал эти два дня. Вот теперь Агния совсем не сомневалась, что не зря сходила с ума от страха.

Бог знает почему?

Казалось бы — радовалась бы себе, да наслаждалась тем, что мужчина, которого она так любит, и сам любит ее. А она не могла, и дыхание в груди давило, и комок в горле стоял. И так важно было почувствовать, удостовериться, что он живой. Что целый и невредимый.

Агния сама от себя такого не ждала: такой потребности и нужды в Вячеславе, которая ни с того, ни с сего вспыхнула в ней. И того, что заставит его лечь, что начнет лихорадочно расстегивать рубашку, не прекращая целовать губы любимого — не ждала и не планировала вроде. А пальцы уже сами дергали пуговицы, разводили ткань рубашки в сторону.

Она с таким жадным и в тоже время облегченным вздохом прижалась щекой к его обнаженной груди. Пробежала пальцам по коже, вдруг по-новому замечая светлые полоски и следы каких-то шрамов. И задрожала, хоть видела их уже не раз. Ни один не пропустила, стараясь каждого коснуться губами. Вячеслав низко застонал, когда она добралась до небольшого ровного шрама на правом боку, поцеловала, лизнула. Глухо рыкнув, он обхватил ее руками и перекатился, подмяв Агнию под себя. Такой огромный, тяжелый и горячий. И ей безумно, дико хорошо было от этого.

— Девочка моя, — целуя ее шею, он задрал футболку, в которой Агния спала.

Сам начал жадно целовать ее грудь. Застонал, увидев следы своих же засосов, оставшихся от той ночи, когда он вот так же дико, как она сейчас, похоже, боялся ее потерять.

— Бусинка, — снова прохрипел Вячек, добравшись до ее соска, сладко трущего ему кожу.

И рыкнул занятым ртом, когда ее руки, в ответ на ее ласку, забрались под пояс его джинсов и двинулись дальше, глубже. Блин! Вячеслав не удержался, дернулся вперед, вжал ее в матрас, когда пальчики Бусинки добрались до цели и обхватили его возбужденный член. Она никогда не оставалась пассивной. Но и так откровенно осмелела впервые. А он от этого просто сходил с ума, готовый сорваться. И сорвался-таки. Отодвинулся, обхватил ее запястья свободной рукой, продолжая при этом дразнить грудь Бусинки лаской. Завел ее руки за голову, не позволяя ей так его дразнить. Дыхание малышки стало надсадным и глубоким, а глазища затянуло поволокой такой страсти, такой нужды, что у него разум куда-то укатил, помахав ручкой. Второй рукой он дернул молнию джинсов, полностью расстегнув штаны, потянул вниз ее трусики, стягивая белье с малышки, и вдруг поняв, что не хочет ни тянуть, ни дразнить ее больше, полно и сильно толкнулся

в малышку напряженной плотью.

Агния выгнулась под ним от этого толчка, от его проникновения. Тихо застонала, сладко так, что у Вячеслава дрожь прошла по позвоночнику. И он снова надавил бедрами, погружаясь еще глубже. Бусинка всхлипнула, уткнулась лицом между его плечом и шеей, прижимаясь губами к коже Вячеслава, целовала, словно давила вскрики. И подавалась навстречу каждому его движению, сжимая его спину, вдавливая ногти в его кожу, что доводило Вячеслава до безумной степени возбуждения.

— Я люблю тебя…

Агния прошептала ему это в ухо, и вдруг так застонала, снова выгнулась всем телом под Вячеславом, задрожав от накатившего оргазма, что и он не выдержал. Безумно толкнулся раз, второй, целуя приоткрытые губы Бусинки, и сам кончил, выдохнув ей в рот:

— Люблю.

Они так и заснули, не расплетая этих жадных объятий. Вячеслав только на бок перекатился, чтобы девочке его было не тяжело. Но не дал и на миллиметр отодвинуться от него. Обнял руками и ногами, стараясь не позволить ей замерзнуть. А она, не замечая холода, обессиленная удовольствием, которое только что испытала, почти сразу провалилась в сон. И проснулась, когда уже давно рассвело. Вячек вскинулся, как только Бусинка слабо пошевелилась, удобней устраиваясь щекой у него на плече.

— И какого ты на полу спала, объяснить мне можешь? — Он провел пальцами по ее щеке, отводя волосы. Прижался губами к розовому ушку, которое стало подозрительно краснеть.

— Ну, понимаешь, — Агния принялась водить пальцами по его ладони, повторяя линии. — Я как-то не была уверена, кто и как… ну, спали на ней, что ли. И вообще, чья это кровать? И дом? Ну, в общем, так, как-то…

Вячеславу стало так смешно, что он захохотал в полный голос. Спать она побрезговала, а всем остальным заниматься — нет, значит. Но не прекратил ее обнимать. А Агния надула губы и косо глянула на него, словно поняла, отчего ему так весело.

— Блин, Бусинка, ну ты как выдумаешь, — заметил он, задыхаясь от хохота, в который, наверное, выплеснулась и часть напряжения, накопившаяся за эти два дня. — Никто тут не спал. И другого ничего не делал. До нас, — подмигнул Вячеслав своей покрасневшей малышке. — Твоя это кровать. И комната. И дом весь. — Он снова перекатился, навис над ней, упираясь локтями в матрас. А малышка глядела на него с непониманием. Вячеслав ухмыльнулся, легко поцеловал ее губы. — Ну, типа, с наступающим днем рождения, Бусинка.

Она часто-часто заморгала:

— Вячек, ты что? Ты серьезно? — как-то так неуверенно переспросила Агния, ухватившись руками за его плечи.

— А че такое? — хмыкнул он, наслаждаясь тем, что гладил пальцами ее лицо, обводя каждую впадинку и выступ.

— Вячек, но ЭТО — ДОМ! Кто дом дарит на день рождения? — Бусинка все еще моргала.

Павда, может и потому, что он сейчас балдел, гладя пальцем ее ресницы.

— Я, — вполне доступно, вроде бы, объяснил он очевидное. И поднялся, потянув Бусинку за собой. Одернул ее футболку. — А теперь насчет кухни. Если подумать, я таки дико голодный, — он подмигнул ей.

Все еще частично очумевшая малышка, попыталась кое-как пригладить волосы и достала штаны из сумки, стоящей у угла кровати. Повертела их в руках. Зыркнула в сторону двери в

ванную. Но ничего не сказала, блин. А он дурак, не сразу понял.

— Да, я сейчас что-то нагрею… — кивнула Агния, начав одеваться.

Вячеслав вздохнул, подошел, обнял ее со спины и жадно вдохнул. Поцеловал в затылок:

— Не парься, малышка. Че я, не в состоянии нам яичницы пожарить? Иди в душ.

— Вячек…

Кажется, она сомневалась в его кулинарных способностях. Ну, он на место шеф-повара своего ресторана и не метил по ходу. Но с яичницей точно справится. Дело нехитрое. Да и не всегда у него был ресторан или деньги, чтоб купить еду. Сколько они с Федотом сами перебивались.

— Давай, давай, — он настойчиво подтолкнул замершую Бусинку. — Если че, я еще и Федота поднапрягу. Он картошку хорошо жарит, кстати, получше меня, это факт.

Лысый сначала решил, что таки недоспал. Даже глаза потер, на всякий случай. Он, конечно, мало спал за последние сутки, дежуря по очереди с Федотом. Но из-за этого ли не врубался, что творится на кухне?

Вячеслав Генрихович, в джинсах и расстегнутой рубашке, что-то негромко рассказывал Федоту. При этом, стоял Боров спиной к Лысому. У плиты. И жарил что-то. Судя по звуку шипящего масла и запаху — яичницу. Федот слушал, периодически уточняя что-то «по движению и обороту», смысла в чем Лысый вообще не улавливал. И резал хлеб.

Агнии нигде видно не было.

— Ну, че пялишься, Лысый? Заходи, завтракать будешь?

Затылком Боруцкий его учуял, что ли?

— Эм… Вячеслав Генрихович, — Лысый переступил с ноги на ногу. — Того, может в ресторан сгонять? Я быстро. Честное слово. За полчаса обернусь… Чего вы это… Ну…

Боруцкий обернулся, глянул на него так… Ну, в общем, Лысый себя совсем тупым почувствовал от этого взгляда. А потом Вячеслав Генрихович усмехнулся. Взял одну тарелку и осторожно выложил на ту порцию яичницы:

— Придурок ты, Лысый, — незлобно поддел он. — Но есть шанс, что и до тебя что-то допрет когда-нибудь. На хера тебе тот ресторан сейчас? Садись, — Боруцкий кивнул головой в сторону подоконника.

Федот только хмыкнул, наблюдая за ними. А Вячеслав Генрихович, заставив Лысого совсем растеряться и почувствовать себя не к месту, повернулся к лестнице. Лысый только сейчас заметил, что по ступенькам спускается Агния. И волосы у нее мокрые.

Боруцкий так улыбнулся девчонке, что Лысый решил на участок в окне посмотреть. Он, конечно, уже допер, что никакая она ему не крестница. Не охраняют так крестниц, как Боров потребовал от него охранять Агнию, когда утром из постели поднял. Разве что жен или детей. А она ему дочкой точно не была. Но Вове все равно как-то не по себе было.

— Лысый, ты не голодный или че? — это уже Федот его окликнул. — Возьми и колбасу порежь.

Вова скосил глаза через плечо, проверяя обстановку: Агния сидела на одной из двух табуреток, совсем близко к Борову, ела с той самой тарелки, на которую Вячеслав Генрихович перед ее приходом еду накладывал, и следила за тем, что Боруцкий делает. А он, собственно, вместе с Федотом продолжал готовить.

Глава 34

Наше время (2011)

Вячеслав смотрел на дисплей своего телефона, где мигал значок сообщения. Оно пришло от номера, который мог активироваться только при определенном условии. Входящий вызов, четыре гудка. Подтверждение человека, которого он нашел для Соболева, чтобы все «подчистить». Картов мертв. Теперь надо позвонить Никольскому, чтобы тот Соболю отчитался…

— Что-то случилось? — Бусинка, стоящая у старой плиты, потому что ей вдруг показалось безумно важным приготовить блинов, неуверенно глянула через плечо в сторону Вячеслава.

— Нет, малышка. Мелочи. Федот насчет приема товаров в магазине уточняет.

Его жена кивнула и вернулась к своему занятию, тихо ворча, что совершенно разучилась управляться с блинами.

Вячеслав хрустнул суставами пальцев, ощущая себя абсолютно беспомощным, что было довольно паскудным чувством. Вышел в коридор, но так, чтоб продолжать видеть Бусинку, и набрал номер Бориса.

— Все. Готов, — сообщил он, как только Никольский поднял трубку.

С первым покончено. Теперь черед его шага. Начало расплаты Шамалко. И осознание этого было довольно приятным. Он ждал и предвкушал тот момент, когда доберется до этой твари…

Малышка на кухне вдруг раздраженно подхватила сковородку с плиты, резкими движениями собрала лопаткой блин и выбросила в мусор. Так же резко кинула сковороду назад, на конфорку. Так, что по квартире разнесся грохот. Выключила газ и уперлась руками в стол, чуть покачиваясь.

Боруцкий с силой вдавил кулак в стену, глядя на это.

Он не знал, что делать и как помочь своей Бусинке. Вячеслав наблюдал едва ли не за каждым ее шагом, за каждым вздохом. Видел, как его девочка старается, замечал каждое усилие, прилагаемое ею, чтобы побороть уже даже не тягу к наркотикам, а полное безразличие, овладевшее ею в последние недели. Она могла часами сидеть на одном месте и смотреть в стену, не реагируя ни на что вокруг. Словно не слышала звуков, не видела ничего. А потом вдруг вскакивала и начинала лихорадочно носиться по квартире, что-то готовить, перекладывать, убирать. И Вячеслав, если честно, не мог бы сказать, что рад хоть какому-то из этих ее сменяющихся периодов. Потому что, когда апатия вроде бы пасовала перед оживлением — он не мог смотреть в глаза своей Бусинке. Не имел сил видеть тот стыд и отвращение к самой себе, которое она испытывала.

Он старался, искал слова, пытался привести ей железобетонные доводы в том, что уж кто-то, а Бусинка меньше всех виновата в том, что с ней сделала эта сволочь. Агния же в ответ улыбалась губами, кивала, но не смотрела ему в глаза. Однако что просто убивало Вячеслава — Агния стала избегать его прикосновений. Даже от купаний пыталась увильнуть, малейшего контакта чуралась. И только во сне, как и прежде, как это было всегда, чуть ли не полностью взбиралась на него. Это было единственным, в чем ему удавалось черпать силы и выдержку. Что давало хоть какую-то надежду.

Поначалу у него сердце застыло, когда она в первый раз дернулась, попытавшись вывернуться из его объятий. Тогда он решил, что теперь, полностью избавившись от дурмана наркоты, оправившись от шока после его «воскрешения» — малышка в полной мере осознала, что именно перенесла по его вине, что с ней сотворили из-за Вячеслава. И что он мог ей на такое сказать? Как

искупить такую вину?

Но малышка нашла способ заставить Вячеслава чувствовать себя еще паршивей. Просто убила наповал. Оказывается, призналась она ему, Бусинка себя считала отвратительной и грязной после всего, что Шамалко с ней сделал. За то, что сейчас не могла полностью избавиться от последствий своей зависимости, хоть и прилагала столько усилий.

Он не ждал, конечно (хоть и надеялся глубоко внутри, что они этот вопрос еще в поезде уладили), что сумеет ее в два счета убедить в нелепости подобных идей. Говорил, объяснял, обнимал, удерживая рядом. Даже орал, чего уж там. Срывался и кричал, пытаясь доказать, донести, убедить свою девочку. Наглядно аргументировал, какой он сам гад, насколько виноват перед нею. А Агния только слабо и невесело улыбалась уголками губ, шепча: «люблю тебя». И позволяла себя обнимать. Даже сама уже пару раз шла ему навстречу, прижималась крепко-крепко, словно впитывала силу и тепло тела Вячеслава. И все равно, он чувствовал, что внутри у любимой нет мира. Нет покоя. Даже четкой уверенности в себе, в том, что делает — что всегда отличало Агнию, по ходу, нет.

А ему она продолжала верить. В нем не сомневалась. Даже после этого года.

За что? Почему? Чем он заслужил эту девочку после всего?

Не уверенный, что когда-нибудь окажется достаточно смелым, чтобы спросить жену об этом, по-настоящему спросить, чтобы получить искренний ответ и узнать ее мысли, Вячеслав делал то, что мог — крепко обнимал ее в ответ. Сжимал в своих руках.

Сказать по правде — у него волосы на затылке вставали дыбом, когда он видел, как она зябко кутается и растирает плечи, как сжимается вся, сворачивается клубочком, стоит ему отвернуться, словно мерзнет. А на улице тридцатиградусная жара, хоть еще и май не подошел к концу.

Вот и сейчас, не имея сил смотреть на ссутуленную спину жены, Вячеслав в три шага подошел к ней. Крепко обнял, пресекая это потерянное покачивание, которого Агния, кажется, и не осознавала.

— Плохо? — просипел он, целуя ее волосы.

— Нормально. Зябко как-то, и все. И блины пригорают, — пожаловалась она, словно и правда обиделась на блины. — Вячек, — Агния глянула на него снизу вверх.

— Что? — он прижался своим лицом к ее лицу.

— Можно мне сегодня в церковь?

Она еще спрашивает? Блин. Вячеслав отстранился и заглянул в глаза жене, кивнул.

Может Игорь тут больше поможет. Хоть и священник, кажется, не до конца сек, что происходит с Агнией.

Да и кто из них разбирался?

Леха, которого Боруцкий с неделю назад просто припер к стенке, требуя каких-то результативных действий, ушел в сторону, заявив, что это уже не его поле деятельности. По своему, врачебному, он все сделал: организм ее чист, и последствия по максимуму нейтрализованы. А вот теперь Агнии нужна психологическая помощь. Был у него искус заявить, что он сам поможет ей лучше кого угодно. Кто больше Вячеслава знал и понимал Бусинку? Да никто! Только вина за все, что с ней случилось, скручивала и гнула его, корежа изнутри. И он не собирался еще раз напортачить.

Нужен был спец по мозгам — Вячеслав такого достанет. Только к кому попало, свою Бусинку не поведешь. Не та ситуация. Да и она обычно не к мозгокопателям бежала, а совсем в другое место. Потому к варианту с посещением Игоря у него не было претензий.

Конечно, у них с этим попом не то, чтоб всегда были чистосердечные отношения. У каждого

имелись свои счеты к другому. Хотя Вячеслав мог признать, что иногда священник оказывался прав. Да и просто, хороший Игорь был мужик, нормальный. Когда про сан свой забывал. А уж после второй рюмки, так вообще замечательный. И уладили они все давным-давно, можно сказать, негласно приняли решение ради Бусинки найти точки соприкосновения.

Только вот проблема была в том, что и с Игорем Бусинка не разговаривала. Несмотря на то, что он был ее духовником с шестнадцати лет. Несмотря на то, что знал о них если не все, то очень много, и сам добывал разрешение на венчание когда-то, учитывая всю специфику ситуации и нежелание Борова «светить» свою девочку в официальных бумагах. Сумеет ли он помочь ей сейчас?

С одной стороны, Вячеслав и сам не особо болтал с попом весь этот год. Хоть приходил регулярно, особенно когда снова и снова понимал, что в очередной раз терпит поражение и пытается пробить лбом бетонную стенку. Осознавал, что ему не хватает сил, чтобы вызволить свою жену. В такие моменты, реально сходя с ума от того, что имел представление о том, что Бусинке приходится выносить, Вячеслав шел в церковь. Нет, он не говорил с Игорем, как попом. Не заходил в основной зал. Вячеслав даже не мог сказать, молился ли он. Просто не имел права отчаяться, не мог опустить руки. Вот и сидел в притворе, быть может надеясь на какое-то озарение или мысль. На какую-то идею, которая раньше ускользнула от него.

Хотя, он соврал бы, если бы сказал, что тайком, только в душе, не просил избавить его любимую от этого кошмара, уберечь ее, спасти.

Знал об этом Игорь или нет, но сильно к Вячеславу с душеспасительными беседами не лез. И не обвинял. За это Боров был благодарен попу отдельно. Он и сам в полной мере знал всю глубину своей вины.

Но это все он. А почему Агния сейчас не проявляла желания поговорить со священником о том, что давило и рвало ее изнутри, не понимал ни сам Вячеслав, ни Игорь. Однако оба не оставляли надежды, что ей просто необходимо еще немного времени. Потому Вячеслав ни разу не отказал, сам иногда предлагал малышке отвезти ее в церковь.

— Не надо, не иди. Пусть одна побудет.

Игорь остановил его на середине притвора. Вячеслав выходил на улицу, чтобы «не осквернять» церковь своим разговором с Федотом по мобильному. Игорь очень выразительно указал ему на дверь после третьего подряд звонка. Разумеется, Вячеслав вышел не потому, что вдруг струхнул перед попом. Просто не хотел мешать Бусинке, которая с самого их приезда, почти сорок минут уже, стояла перед иконами, переходя от одной к другим, и смотрела то на изображенных там святых, то на огоньки свечей, горящих под иконами. Если малышка и молилась, он этого не видел. Ее губы не шевелились в беззвучно проговариваемой молитве, как это бывало раньше. И все-таки, Вячеслав старался не отвлекать ее от того, что бы ни наполняло мысли Агнии.

Однако и решая дела, уходить далеко он не собирался. Тем более не планировал оставлять ее без присмотра. И потому совершенно не понял, с какой стати Игорь мешает ему вернуться к «наблюдательному пункту»: укромному месту в арочном проходе между притвором и залом, где Вячеслав обычно стоял.

Остановившись напротив священника, он вопросительно поднял брови.

— Слав, сейчас ей лучше побыть один на один с Богом. Пусть откроется, отпустит себя…

Хмыкнув, чем прервал шепот Игоря, Вячеслав только дернул головой, показывая, что не собирается выпускать Бусинку из виду. Обошел попа и подошел к проходу. Дошел без помех.

А вот рвануть в зал ему Игорь все-таки не дал.

Ухватил за плечо с такой силой, которой Боров не ждал от святоши. Но не поэтому Вячеслав остановился. Пусть и неожиданно, а все равно не выстоял бы поп против него. Только Игорь еще и болтать начал:

— Не иди, говорю тебе! Дай ей сделать то, в чем она нуждается…

— В этом?! Твою ж… налево, по-твоему, она нуждается в этом?! — оборвав себя только из-за того, что малышка могла услышать, Боруцкий зло махнул рукой в сторону зала.

Агния находилась там. И впервые за эти недели тихо молилась. Стоя прямо на коленях на холодном кафеле, склонив покрытую платком голову так, что лоб почти касался пола.

Ее вид: настолько униженный и раздавленный — причинял ему реальную, физическую боль. Не для того он привез ее в церковь, чтобы Агния еще больше терзалась. Его затрясло от ярости и бешенства. Даже веко начало дергаться.

Он уже раз видел ее почти такой. Давно. И тогда чуть не разнес всю эту церковь на фиг. Забрал ее. Даже клялся, что ноги его малышки больше тут не будет. Не позволит. Правда потом Агния сумела его убедить. Успокоить. Но тогда и она была другой. Не настолько подавленной. И меньше всего он сбирался позволить кому бы то ни было давить на то, что и так не давало Агнии дышать. Еще больше угнетать Бусинку не даст. Даже Игорю!

— Она нуждается в том, чтоб суметь открыться. Хоть кому-то. Неужели ты не видел, что до этого она даже молиться не могла? Не считала себя вправе или достойной обратиться к Нему? — Игорь твердо стоял на месте, не пропуская Вячеслава. — А сейчас — начала. Это уже какие-то подвижки. И если Агния так видит начало своего искупления и пути к прощению, не тебе мешаться.

— Искупления?! — Вячеслав глянул на попа с яростью. — Ты совсем обалдел? Ей за что прощения просить? В чем Бусинка виновата? В том, что над ней издевались? Да ты…

— Не торопись. И гневу с виной не давай тебе советовать. Мы все делаем выбор, Вячеслав. И Отец наш позволяет нам выбирать. Но всякий выбор имеет свои последствия. И разумный человек не может этого не понимать. Агния прошла через муки, никто не отрицает. И Бог не оставит ее без своей благодати. Не обделит милостью. Но кто без вины? Да и не всегда мы расплачиваемся за свои грехи. Иногда наше искупление приходит через муку другого. Того, кому мы дороги. Бог не дает нам больше, чем мы в состоянии вынести…

— А не пошел бы ты со всей этой хренотенью! — рыкнул Вячеслав, сжимая кулаки до хруста.

Слышать это было не просто неприятно. Сама мысль о том, что все это: не только физические страдания, а и все моральное самоуничижение Агнии — на его совести…

Вячеслав думал об этом и раньше. В глубине души знал это, даже. Сам считал именно так. Но… Он был готов что угодно сделать, лишь бы она не проходила через это. Лишь бы избавить ее. Не видеть свою девочку на полу, сжавшейся и унижающей самое себя.

Почему она?! Если это он был во всем виновен!

— Она этого не заслуживает! — Ухватив Игоря за грудки, прохрипел Вячеслав, ощущая внутри бессилие, сродни тому, что терзало его все последние месяцы. — Не она! — оттолкнув священника с дороги, он стремительно зашел в зал.

Но через два шага почему-то замедлился. А потом и совсем замер. Не ясно отчего. Может потому, что Агния даже не вздрогнула, будто и не услышала его приближения. А может потому, что вспомнил, как она смотрела на него утром, когда просила привезти ее в церковь. Так он и застыл, в четырех шагах от жены, наблюдая, как шевелятся ее губы в молитве, пока сама Агния, то и дело выпрямляясь, чтобы перекреститься, вновь склонялась едва не до пола. И все то время, что Вячеслав там стоял, у него настолько стучало в висках от гнева, вины и боли, настолько сжимало

голову, что было даже странно, что эхо этого грохота не разносится по залу.

Она молчала уже в течение двух часов. Вячеслав скосил глаза на жену, сидящую на соседнем сидении, и не заметил никаких изменений за это время. Бусинка смотрела в окно. Тихо и молча. Не интересуясь ничем. Ни о чем не спрашивая: ни куда они едут, ни с какой целью?

Ладно. Он старался себя держать в узде и очень надеялся, что все-таки сумеет встряхнуть свою малышку. Хотя его самого еще капитально трясло после этой долбанной церкви, вон, два часа по городу катаются, а толку? Затылок сводит все так же.

В этот момент, словно по сговору, на его телефон одно за другим пришло два сообщения: одно простое и лаконичное, указывающее лишь адрес. И второе, с другого номера, еще более краткое с простым «ок». Это пришло от журналиста местной «желтой» газетенки, активно муссирующей всевозможные слухи. Вячеслав начнет отсюда, с местных. Этих Шамалко будет достать сложнее. А шумок пойдет, и его тут же подхватят издания крупнее — слишком интересная тема: махинации кандидата. Одно дело, если бы у Виктора осталась поддержка, тогда Шамалко смог бы это замять. Но как раз поддержки у Шамалко и не осталось, хоть он сам об этом еще пока не знал. А когда слухи перейдут в разряд доказанных фактов и все президентские амбиции Виктора будут уничтожены, Вячеслав лично придет за платой по своим счетам.

Но это позже. Вячеслав планировал встретиться с писакой позже, ночью. Сейчас у него в планах первым пунктом значилось другое. Адрес, который скинули ему на телефон, был не очень знаком, но сам поселок Боруцкий знал: где-то здесь обитал Соболь. Ирония, однако. Но посмотреть дом стоит, может это как раз то, что надо.

Он немного поблуждал по переулкам, разыскивая нужный адрес, при этом то и дело поглядывал на жену: Агния пребывала все в том же ступоре. Он надеялся, что сумеет ее встряхнуть в ближайшее время. Наконец, свернув в последний раз, он остановился у открытых ворот, секунду посомневался, но все-таки въехал во двор и припарковался так, чтоб нормально заехала и машина с охранниками.

На встречу из дома тут же выскочил риэлтор. Но Вячеслав остановил его взмахом руки, дав понять взглядом, что они сначала сами осмотрятся.

— Пошли, Бусинка. Погуляем, поглядим, — он распахнул дверь и протянул ей руку.

Малышка пару мгновений просто не реагировала. Но потом все-таки встрепенулась, моргнула. Оперлась на его ладонь и вышла на улицу.

— Что это? — тихо спросила она, как-то неуверенно осматриваясь.

Вячеслав притянул ее ближе к себе и криво усмехнулся:

— Пока — вариант, дальше — видно будет.

— В смысле? — Агния все больше «включалась» и это ему нравилось, немного сгоняя тот горький привкус с языка, который он ощущал последние часы.

— Я тебе еще подарок на день рождения должен, малышка. Двадцать пять, все-таки. О таком забывать нельзя. Вот и посмотрим, а вдруг тебе понравится, не век же нам в той старой квартире торчать? — Вячеслав подмигнул Бусинке, ненавязчиво ведя жену в дом, провел по холлу, отвлекая разговором. Зашел в кухню.

А она вдруг остановилась, заставив его обернуться и так улыбнулась… Так, что Вячеслав замер, боясь упустить и секунду этого времени, и вроде весь «на стреме», и в то же время дико кайфуя.

— Вячек, — Агния подошла к нему близко-близко, чуть привстала и повернула голову, так, что прижалась лицом к его шее, глубоко вдохнула. — У меня ты — подарок на все нынешние и

будущие праздники. Живой, здоровый. Зачем мне еще что-то?

Он обнял ее так, что как косточки только не затрещали. И откашлялся, потому что горло реально сдавило.

— Ну, какой из меня подарок, Бусинка? — попытался он как-то снять то звенящее напряжение, которое натянулось, придавило обоих из-за слишком глубоких чувств. — Потертый, потасканный и весь покоцанный, — Вячеслав обрадовался, когда ее губы дрогнули в улыбке. — Давай, лучше, мы тебе нормальное что-то подарим. Вот, хоть дом посмотрим, лады?

Бусинка опустила голову, уперев лоб в его плечо.

— А что с нашим домом случилось? — спросила она тихо-тихо.

Боруцкий хрустнул суставами рук, не желая это вспоминать и думать о том, что и так железобетонно впечаталось в память. Но и промолчать на вопрос малышки не мог:

— Его нет. Сгорел.

— Сгорел? — Агния удивленно нахмурилась. — Но все фото, и вещи мои…

— Ты же не собиралась туда возвращаться? — чуть жестче, чем хотел, оборвал ее Вячеслав, едва справляясь с контролем над воспоминаниями, которые его уничтожали. Он не хотел вслух проговаривать, что сам сжег все.

Агния повернула голову и глянула на него с такой болью, что он против воли зажмурился. Качели ее настроения кого угодно могли сделать невротиком. Саму Бусинку в первую очередь. Особенно, если она будет снова и снова думать о том, что тогда случилось.

Бусинка успела отвернуться, пока он раскрыл глаза. Теперь Вячеслав мог только на ее затылок пялиться. И ощущать, как она вся сжалась, ссутулилась в его руках:

— Вячек, зачем я тебе такая нуж…

— Замолчи! — Он не собирался, но не просто проорал, рявкнул это.

Его так долбануло от ее вопроса, ее тона, того, что она в это вкладывала. Просто переклинило. Все ограничители сорвало напрочь. Так, что Вячеслав встряхнул Агнию, заставляя прекратить о таком даже думать:

— Точно! — заорал он. — Умнее ты ничего не придумала?!

Агния промолчала и только сильнее зажмурилась.

Вячеслав ругнулся, отскочил от нее, сдавив виски ладонями. А потом просто пошел к двери, ведущей в холл, где стояли охранники. Не оглядываясь.

Он же не дурак, он ее столько лет знает и все мысли, которые в голове малышки сейчас вертятся — насквозь видит. Вячеслав понятия не имел, как с этим по правилам каким-то или врачебным предписаниям справляться надо было. Если Игорь не знал, что делать, Леха в «кусты» сиганул, ему и подавно ни хрена здесь понятно не было. Но кое-что он собирался своей Бусинке втемячить раз и навсегда. Чтоб больше этого вопроса не возникало.

— Дай пушку! — резко протянув руку и плоховато душа все то, что сейчас бушевало внутри, потребовал он у одного из парней. Того, что стоял ближе к двери.

Охранник, кажется, засомневался, внимательно всматриваясь в лицо Вячеслава.

— Пистолет! — разъяренно повторил Боруцкий приказ, жалея, что свой оставил в бардачке.

Фиг знает, чего там подумал этот охранник, может приготовился кого-то из них хоронить, но пушку таки достал из кобуры и протянул Вячеславу. Выдернув пистолет, Боруцкий резко развернулся и пошел назад, к своей Бусинке.

А она так и стояла посреди кухни, опустив голову и обхватив себя руками. Словно опять мерзла.

— Зачем?! — зло и даже с какой-то обидой переспросил он ее, приблизившись. Обхватил,

дернул руку Агнии, сунул ей этот пистолет. Сжал дрожащие тонкие пальчики своими поверх рукоятки, игнорируя ужас в ее огромных и испуганных глазищах. — Ну, ты, блин, малышка, как придумаешь! — Вячеслав поднял их руки с этим пистолетом и прижал так, чтоб дуло ему в грудь уперлось. — Точно, зачем? На-хре-на?! Раз так думаешь, ты меня лучше сразу пристрели, Бусинка, ага? И лучше даже в башку, — передумал Боруцкий, дернув руки и прижав дуло выше. — Не дай Бог, и в этот раз выкарабкаюсь — опять же от тебя не отстану. Ты же у меня здесь, — он пальцами свободной руки себе по грудине провел. Выдохнул. — Здесь. — Прижал кулак ко лбу, так и продолжая второй рукой удерживать ее кулачок с пистолетом у своего виска. Палец на курке своим пальцем. — Под кожей. Так что или пристрели, или прекращай…

— Ты — ИДИОТ! Псих самый настоящий!

Ну, вот кто б знал, что можно так радоваться, когда жена на тебя орет?

Вячеслав аж ухмыльнулся, чувствуя, с какой силой Агния дернула руку. Разжал пальцы, позволяя малышке опустить пистолет на столешницу.

Раньше она никогда бы его так не позволила себе назвать, даже если и подумала бы. Но сейчас он действительно, реально был рад этому. И злости, которая буквально сотрясала Бусинку.

— Ты не нормальный, Вячек!

Она отодвинул пушку от себя, словно та сама подползти могла, как гадюка. А потом так же резко, как он недавно, повернулась и чуть ли не набросилась на Вячеслава, сжав руки в кулачки.

— Ты головой думаешь, вообще, что делаешь?! Или только и можешь, что пистолетом махать?!

Агния то пыталась толкнуть его, то прижималась лицом к груди Вячеслава, то просто принималась коротко, рвано и дергано целовать его щеки, лоб. При этом не забывая дубасить Вячеслава кулачками по плечам и груди. Еще и всхлипывать начала. Но так, видно, что от злости. А его на смех пробивало. Потому что попустило. Для него все лучше было, только бы не ее унижение и отрешенность. И даже злость ушла вся.

— Ну, все. Все, Бусинка, — он крепко-крепко притиснул ее к себе, — все, любимая, проехали.

Вячеслав уже укачивал ее, а она все еще злилась по ходу, продолжая сомневаться в его умственных способностях.

— Давай, все-таки, дом посмотрим, а? — Вячеслав попытался заглянуть в глаза своей Бусинки.

Агния его одарила таким взглядом, который по задумке, видимо, должен был его еще раз опустить ниже плинтуса. Тихо хмыкнув, она высоко подняла голову и пошла в сторону противоположной двери от той, через которую они зашли.

Этот дом отличался от того, который у них когда-то был. Больше комнат, больше пространства. Тут почти вся мебель уже была, пусть и самая необходимая. Даже бильярдный стол и спутниковое телевидение шли в наборе «самого необходимого». Впрочем, удивлялась только малышка, Вячеслав был в курсе того, что шло в комплекте к дому. Все, что его сейчас интересовало — это ответ на вопрос понравится ли дом Бусинке? И он его получил, когда она остановилась посреди второго этажа, на широкой застеклённой веранде. Повернулась и посмотрела уже совсем с другим отношением:

— А мы можем сегодня уже тут остаться? — немного робко поинтересовалась Агния, хоть все еще и не простила ему выходку с пистолетом.

Вячеслав обнял ее за плечи и прижал к своему боку:

— Думаю, мы это сможем уладить, — он поцеловал ее макушку. — Посидишь с Федотом, пока

я за вещами съезжу, — решил он, прикинув, что как раз спокойно и с писакой побазарит, не выдумывая ничего и не волнуя свою Бусинку.

Глава 35

Восемь — семь лет назад (2003)

Несмотря на то, что сидела в доме с вечера среды, Агнии даже в понедельник не хотелось ехать в консерваторию. Вообще, она все еще не могла «надышаться» Вячеславом. Тем, что он рядом с ней. Так близко: за угол заверни и наткнешься. Или во двор выйди.

Ее бы воля — везде ходила бы за ним «хвостиком», потому что все еще ощущала в душе отголоски того страха, что испытывала, пока он уезжал. Но Агния понимала, что это может показаться Вячеславу чрезмерным, и сдерживала себя. По большей части. Хотя он и сам вроде все так устраивал, что они вместе были: наконец-то обсмотрели весь дом, от подвала до крыши, Вячеслав ей экскурсию устроил. И немалый двор, который образовался из-за объединения нескольких участков, как поняла Агния. Где, кстати, к большому ее изумлению, обнаружилась еще одна постройка: небольшой кирпичный дом на три комнаты. Очевидно застройщики отводили ему роль «гостевого» домика. Вячеслав же решил, что здесь будет жить Вова, предупредив Агнию, что как бы там ни было, а без него самого, Федота, или Лысого ей пока никуда ездить не стоит. Как она поняла — это означало «нельзя». Агния не могла сказать, что ей были понятны причины такого распоряжения, но этот момент не показался ей удачным, чтобы спорить или уточнять. Было что-то такое во взгляде Вячеслава, что даже такой жестковатый и спорный приказ воспринимался скорее заботой о ней, нежели попыткой контроля с его стороны.

Ходили они и на речку, до которой от дома оказалось всего метров пятьсот-семьсот. А еще оказалось, что ей можно завести собаку. И кошку. И вообще, «чего там она только не захочет завести». В общем, Агния даже растерялась немного и не всегда понимала, шутит он или серьезно. Вообще, Вячеслав был теперь немного другим. Словно за эти дни изменил в себе что-то, или отпустил. Или еще что-то… Он вел себя свободней. Она не могла бы описать это словами, просто ощущала. И ее обнимал постоянно, совершенно не скрывая того, что между ними происходит. Хотя и таиться ни от кого особо причин не было — кроме Федота да Вовы рядом никто и не находился. А они уже и так все знали. И все же, что-то поменялось.

Конечно же, решал Вячеслав и какие-то свои дела, в которые ее не допускали. Мягко, нежно, но неоспариваемо. Он выбрал себе одну из трех комнат на первом этаже. Самую угловую. Не очень большую. Даже поинтересовался: не против ли Агния, если он тут «обоснуется»?

Она решила, что Вячек иронизирует — ей все еще не верилось, что он серьезно насчет дома в качестве подарка. И Агния даже попыталась возразить, настаивая, что не имеет никакого права тут распоряжаться, и «вообще». На что получила в ответ только снисходительное «Бусинка, Бусинка» и веселое покачивание головы.

В общем, ей пришлось как-то пытаться свыкаться с мыслью, что теперь они будут жить тут. Но она, кажется, не была против. Наоборот, Агнию переполняла эйфория и восторг. Потому, видимо, и хватало силы сдерживать себя и терпеть, когда Вячеслав все же закрывался в кабинете с Федотом, что-то решая. Или когда там же разговаривал с Вовой. Ясное дело, в содержание этих разговоров ее никто не посвящал.

Только раз, когда Вячеслав уехал куда-то в субботу вместе с Федотом (который, кстати, к облегчению Агнии, все-таки не собирался поселиться тут же с ними; они, конечно, нашли общий язык за последние дни. Но все же не так, чтобы постоянно находиться рядом) ее немного

просветили о части этих разговоров. Вова, оставшийся в качестве охраны вместе с ней, неловко и стараясь избегать прямого взгляда поинтересовался: «не обижал ли ее Боруцкий когда-нибудь? И может быть он может как-то ну, не то, чтобы… Но помочь? Или еще что-то?»

Агния искренне удивилась и рассмеялась, совершенно не понимая, с какой стати друг такое выдумал. А Вова, кажется, испытал облегчение от ее смеха и быстро замял тему.

Лишь спустя какое-то время, на неделе, немного отстранившись от своей эйфории и вновь погрузившись в напряженную и презрительную атмосферу взглядов и перешептываний в консерватории, она отчего-то вспомнила об этом. Агния подумала о причинах, заставивших парня такое спросить. И поразмыслив, оценила. В конце концов, это она знала, что Вячеслав ее любит, другие же, даже видя, похоже, не могли подобное допустить. Видно, куда проще было предположить, что Боруцкий силой заставил ее делать то, что ему хотелось. И то, что Вова искренне волновался о ней, лучше другого показало Агнии, что один настоящий друг у нее все же есть. Правда, и Стас тоже мог быть зачислен в эту категорию по большому счету. Даже странно, выходило, что все, кому Агния могла довериться или на чью помощь стала бы рассчитывать — были мужчины. Может и неудивительно, что большая часть однокурсниц ее не любили и в чем-то подозревали? Впрочем, у нее и без их холодной отстраненности хватало забот, потому Агния не то, чтобы не замечала, но старалась не обращать внимания. Ведь теперь только всего надо было сделать: например, обставить дом. Вот так удивительно, казалось бы — ей всего семнадцать лет, а уже есть дом. Ее, вроде бы. Нет. Их с Вячеком, скорее. Ну, кому еще из девушек приходилось уже обставлять дом? Агния сомневалась, что многим. В общем, не то, чтобы и она так стремилась или знала, что и как надо делать. Но у нее был Вячеслав, и с его помощью они как-то пытались с этим разобраться. Хотя Агния и сомневалась порой, можно ли опираться в таком на мнение человека, у которого раньше не было на кухне стола?

А кроме этого были еще и занятия в консерватории, и какие-то совсем новые дела Вячеслава, про которые он, удивляя Агнию, очень даже охотно ей рассказывал. Не только про текущие проблемы ресторана, клубов или идеи администраторов, это они и раньше обсуждали. А вот про то, что он теперь подался в депутаты местной власти, Агния узнала впервые. И как-то даже опешила. Разве это делается так? Ну, спонтанно как-то? Неужели его выберут? То есть, она в нем не сомневалась, и даже не думала…

Вячеслав долго смеялся над ее растерянностью и смущением. А еще над наивной верой в то, что выборы проходят так, как об этом в «Законе о выборах» написано. И заверил, что: делается именно так, и выберут его. Точно. Что он, зря такие деньги в это вбухал?

В общем, Агния так поняла, что он куда больше в этом разбирался. Как и во многом другом, если честно, и ей оставалось только поверить ему на слово.

А еще она была на втором прослушивании. Правда, в этот раз Агнии показалось, что испытывали и изучали не ее, а тех, кого пригласили для ее «продвижения». И у команды Михаила и Элины был очень реальный шанс «провалиться». И в этот раз Агния была почти согласна с Вячеславом. Потому как слабо себе представляла, что смогла бы выйти на любую сцену в том виде, в котором они пытались предложить. Нет, она понимала, что в данный момент эстрада была переполнена певицами, охотно раздевающимися или эпатирующими слушателей больше поведением, нежели вокальными данными. Но она же и не претендовала на звание «поп-исполнительницы». И уж тем более не хотела быстрого взлета в музыкальной карьере, если для этого придется надевать или делать *такое.*

То, что сказал по поводу предложения продюсера Вячеслав, Агния стеснялась даже в уме повторить. Правда, он достаточно быстро замолк, оглянулся на нее, и продолжил уже в коридоре,

куда вышел вместе с побледневшим Михаилом.

Что они там обсуждали и как, Агния не знала. Она осталась в студии вместе с испуганной Элей, старающейся убедить ее, что они хотели «как лучше». Агния верила, только ей такого «лучше» совсем не хотелось. И когда Вячеслав, несмотря на явную злость, прекрасно справляющийся с ролью отстраненного спонсора имеющего к ней слабое отношение, вернулся в студию с притихшим продюсером, Агния с Элей уже сумели выработать приемлемое для всех направление и ее будущий стиль.

Выслушав их первоначальное предложение, Агния не представляла, как будет справляться с тем объемом концертов, об участии в которых собирались договариваться ее продюсеры. Она вообще в этот момент усомнилась в том, что хочет участвовать в чем-то подобном. За те несколько месяцев, что она, по сути, жила с Вячеславом, Агния стала опасаться любой публичности, волнуясь, лишь бы ничем не выдать любимого. Да и просто, сама по себе комфортней чувствовала себя в узком круге людей, привыкнув к одиночеству. Такой же уровень открытости, который предполагал первоначальный вариант ее раскрутки, заставил Агнию ощутить дискомфорт, только от воображаемой картины. А Михаил с Элей, кажется, поняли, что в их же интересах прислушиваться к желаниям Агнии, если они хотят заниматься ее «проектом». Во всяком случае, было во взгляде Вячеслава что-то такое, что наталкивало на подобное умозаключение.

И, наверное, они действительно хотели. Возможно потому, что сами признавали большой потенциал и хорошие перспективы этой затеи.

Начать решили с того, что определятся с одной-двумя дебютными песнями, которые запишут для ротации на радиостанциях и по которым снимут видео-клипы. Михаил сказал, что у него есть на примете один неплохой композитор, который может написать песню-две в требуемом стиле и учитывая особенности голоса Агнии.

На этом и решили. И все закрутилось, начав развиваться по плану, пока как-то раз, дней через пять, Агния не поделилась некоторыми моментами этого прослушивания со Стасом. Спустя почти неделю она увидела много забавного в том, что поначалу ее почти шокировало. И когда друг поинтересовался ее успехами на музыкальном поприще, красочно описала, в чем именно ей предложили выходить на сцену и как советовали «проработать» некоторые части тела размера до третьего. Или хоть подумать об этом. Чтоб удачней «раскрутиться». Даже возмущение «своего крестного» описала. Правда без деталей и в свете своей религиозности, за которую вроде как ратовал Вячеслав Генрихович.

Стас искренне посмеялся, посочувствовал и с интересом выслушал то, что планировалось делать теперь. А на следующий день, бледный, какой-то взбудораженный и дерганный поймал ее на выходе у аудитории, где у курса Агнии только закончилась лекция. И полностью игнорируя повышенный интерес остальных студентов, принялся совать ей в руки измятый лист, все время повторяя:

— Ты не подумай… Я не настаиваю… И пойму, если что… Но ты глянь. Глянь только…

Честно говоря, за количеством исправлений, перечеркнутых слов и беспорядочно написанных строк, где от одной к другой фразе, разбросанных в полном хаосе, шли стрелки, Агнии не сразу удалось разобрать и сопоставить целостный текст песни. Но когда это вышло, да еще и Стас принялся напевать с мотивом, закрыв глаза и размахивая перед лицом пальцами:

— Это ты написал? — не сразу поверила она, зная, что друг планировал специализироваться, как композитор. Что он пишет и тексты, она не подозревала даже. — Когда? Как?

— Вчера. Ты сказала… Репертуар… Я ночь не спал, — и, кажется, выпил около трех литров кофе, судя по тому, насколько перевозбуждено Стас выглядел. — У меня задумки давно были. Еще

когда тебя на Новый год услышал. Ты такое вытянешь. Но все руки не доходили, а тут — как пошло… — Стас чуть ли не подпрыгивая, крутился вокруг Агнии. — Ну как? Что думаешь? Ты вытянешь, я сто процентов даю… Или не нравится? — Видя, что она молчит, он вдруг замер и посмотрел на Агнию так убито, что она только покачала головой.

— Пошли.

Схватив Стаса за руку, Агния потянула его прочь из консерватории, уже на ходу звоня Элине:

— У меня есть песня. Мы можем встретиться через минут тридцать-сорок, послушаете с Михаилом?

Эля без проблем согласилась, пообещав дозвониться и до Михаила. Только после этого Агния набрала номер Вячеслава. Не потому, что не хотела бы, чтобы он узнал первым. Очень хотела. Но она помнила еще, как он говорил, что парни с девушками не дружат. И Вячек явно не приветствовал то, что Стас продолжал «крутиться» около нее, судя по некоторым намекам Вовы. Тот вскользь оговаривался, что имеет четкие указания на случай, если этот «хрыч» перейдет границы. Но Стас пока не подводил ни саму Агнию, продолжающую причислять его к друзьям, ни себя, и повод Вове не давал.

Песня, которую написал Стас, была скорее балладой. Тягучей и глубокой, чем-то похожей на столь любимые Агнией романсы. И рассказывалось там о девушке, которая ждет своего любимого, и в этом ожидании одинока и полна тоски. Когда Агния, уже по третьему разу читая текст в машине, развернулась с переднего сиденья и уточнила у друга, почему именно такая тема, Стас немного смутился:

— Ну, не знаю. Говорю ж, у меня с вашего новогоднего концерта такая идея была. А ты тогда… Ну было в тебе что-то такое. — Стас неловко развел руками. Дернулся. Потер щеки. — Ты так все время в зал смотрела или на дверь. Даже когда тебе Зоя Михайловна стипендию ту вручала. Мне тогда сосед сказал, что ты сирота, и оно понятно стало. Ясно, что не пришел никто. А это сложно, я знаю. Особенно в первый раз, на первом концерте. Вот идея и появилась, — Стас казался смущенным, рассказывая это все.

Вова же, вроде следящий за дорогой, только насмешливо покачал головой. А Агния растерялась. И снова подумала, как прав был Вячеслав, что не пустил ее в ресторан. Конспираторша из нее, видимо, никакая. О чем не раз говорил и сам Вячек, пусть и старался сгладить правду, и Федот, уже куда откровенней и жестче. И мысленно постаралась собраться, понимая, что сейчас придется серьезней следить за собой в присутствии Вячеслава.

Тем более что любимый, вообще-то, действительно не казался особо восторженным, когда она, усадив Стаса в машину к Вове, позвонила, чтобы рассказать о песне. То есть, самому звонку он обрадовался, конечно. А вот личности автора… Не очень. Но сказала, что сейчас подъедет в студию, «глянет на этого стихоплета» и то, чего он там «накалякал». В общем, Агния подозревала, что все вряд ли пройдет гладко. Но уповала на присутствие посторонних. И, в общем-то, не прогадала.

Поначалу общение явно не заладилось: и Михаил с Элей, и Вячеслав смотрели на Стаса кто просто снисходительно и недоверчиво, а кто и откровенно уничижающе. Ну, то есть, это Агния понимала, что именно думает Вячеслав. Для остальных же, как она думала и надеялась, создавалось просто ощущение его пренебрежения.

Продюсеры не особо верили, что студент третьего курса мог написать что-то действительно стоящее, да еще и бесплатно предложить это подруге. Может быть, причина их недоверия крылась в требовании Вячеслава обеспечить самые лучшие и эффективные, беспроигрышные позиции для

Агнии, а первая серьезная проба никому не известного студент не казалась им таковой. А может быть, дело было еще в чем-то. Но все же, когда Стас, еще больше засмущавшийся от такого обилия не особо приветливого внимания, уселся за синтезатор и проиграл мелодию, и когда Агния, прослушав раз, на второй проигрыш стала петь — заинтересовались все. И в итоге, с поправками и замечаниями, но и явным одобрением, Михаил признал, что песня «очень даже». И они втроем, со Стасом и Элиной тут же активно принялись дорабатывать то, что казалось шероховатым.

Вячеслав, ничего не говоривший, пока Агния пела, только смотревший на весь этот ажиотаж, сейчас и вовсе вышел в коридор, плотно закрыв за собой двери. Агния подозревала, что он курит.

Она осмотрелась: все активно обсуждали мелодию и ноты, перебивали друг друга и спорили о том, не стоит ли изменить тональность. Агния сейчас здесь явно не была нужна. Да и мало что могла подсказать или поучаствовать. Вот что-что, а создание мелодий никогда ее не привлекало. Она очаровывалась музыкой, обожала ее, но как целостным образом. Препарировать же мелодии, разбирая и разбивая их на ноты, ей не нравилось даже тогда, когда она училась играть. Тихо развернувшись, чтобы не отвлекать увлеченных спором соратников, Агния выскользнула в коридор.

Вячеслава здесь не было. Не нашла она любимого и на лестничной площадке. Решив, что он мог выйти на улицу, она начала спускаться. Но остановилась, ощутив привкус сигаретного дыма. Вячек стоял в небольшом полутемном закоулке между двумя лестничными пролетами. Курил, точно как она и думала. И явно заметил ее раньше, чем сама Агния обнаружила любимого.

— Ты сердишься? — неуверенно уточнила она, направившись к нему и полностью игнорируя дым, хоть в горле и запершило.

Вячеслав молча покачал головой. Сжал сигарету пальцами и методично затушил ее в какой-то замызганной кофейной банке, похоже, исполняющей здесь роль пепельницы. Но при этом как-то так странно смотрел на Агнию. Чуть прищурившись.

— Что не так? Тебе не понравилась песня? — ничего пока не понимая, она остановилась совсем рядом, в каком-то шаге от него, неуверенно переплетя пальцы рук перед собой.

Вячек хмыкнул. Помолчал минуту. И покачал головой:

— Все путем, Бусинка. Ты из любого г… гадости, конфетку сделаешь. И тут шикарно спела, — протянув руку, он погрузил пальцы в ее волосы. Провел вниз. И снова набрал полную пригоршню прядей. Словно наслаждался их скольжением по своей коже.

— Ой, ты такое уже говорил. А в первый вечер, помнишь, сказал, что я лабуду всякую ору…

Вячеслав поджал губы:

— Блин, ну нельзя что-то нормальное было вспомнить, а? — Он даже нахмурился. А она совсем не хотела, чтобы ее замечание его задело. — И я никогда не говорил, что ты орешь. Я же не знал, кто ты такая. Пришла какая-то малявка. Че мне, всех детсадовцев к себе петь брать, что ли?

Агнии стало весело. Ну, вот он так обиженно на нее посмотрел.

— А кто я такая? — чуть лукаво уточнила она, встав еще ближе, чтоб ему удобней было гладить ее волосы.

Вячеслав криво усмехнулся:

— Кто-кто, — передернул он ее любопытство. — Кто надо, — Вячек сжал кулак, чуть натянув волосы Агнии, словно дразнил тем, что не отвечал.

— Но песня же хорошая, Вячек, — улыбнулась она, чуть поежившись от сладкой дрожи, заставившей волоски на коже встать дыбом. — Действительно, хорошая. И знаешь, он ее про меня написал. Стас был на нашем концерте. Том. Помнишь, перед Новым Годом? А я тебя так ждала, все время выглядывала. И он говорит, что мое одиночество было заметно. И что ему потом объяснили, что я сирота. Он думал, что я потому… А я тебя хотела увидеть, — Агния зажмурилась, так ей

было хорошо от теплого поглаживания его руки. Улыбнулась и чуть повернувшись, прижалась щекой к ладони Вячеслава. Коснулась губами грубоватой кожи на пальцах. — Вот он и написал, когда я вчера… — Агния открыла глаза и почему-то умолкла, всматриваясь в лицо любимого. — Вячек? — Голос почему-то охрип. — Ты все-таки сердишься? — Взгляд пробежался по напряженному подбородку и прорезавшимся складкам у уголков его рта, по хмурым бровям.

Вячеслав вновь покачал головой. И как-то так резко выдохнул. Сжал пальцы, притянув ее к себе ближе, и второй рукой обнял затылок:

— Стукнуть бы этого твоего композитора пару раз об стенку, чтоб не подкатывал к тому, кто не его, — хрипло и вроде как насмешливо заметил он.

Но Агния всем телом ощущала, что Вячеслав напряжен. И сердится. Только не на нее, похоже.

— Вячек… Не надо. Стас ничего такого, правда. И я. Ты же знаешь…

Вместо ответа он вдруг отпустил ее затылок и прижал губы Агнии пальцами. И так посмотрел на нее… Агнии уже не о чем думать и спрашивать не хотелось. Все понятно было. Понятно больше, чем любыми красивыми словами сказать можно. Понятно столько, что не весь смысл уместить в голове получалось, просто ощутить и принять осталось. И попробовать дать в ответ столько же.

— Раз говоришь, что нормальная, значит берем. Я что? Мое дело маленькое, деньги давать. В музыке вашей я ж мало чего секу. — Он хмыкнул, позволяя Агнии вдохнуть. — Сколько этот Стас за песню хочет?

Еще не совсем придя в себя, она моргнула:

— Ой. Я не знаю, Вячек, — честно призналась Агния. — Я даже не спрашивала. Не подумала…

— Бусинка. — В этот раз Вячеслав рассмеялся. Покачал головой и обнял ее так, что она щекой к его груди прижалась. — Ну, ты как всегда. Пошли выяснять, почем нынче «хорошие» песни. А то я так гляжу, они там до ночи готовы над каждой точкой спорить.

Он потянул ее из этого закутка.

— Надо, наверное, Вове сказать, чтоб поехал, поел, а то и правда, сколько еще ждать? — вдруг спохватилась Агния, только после замечания Вячеслава поняв, что они уже провели в студии три часа. А сколько еще просидят — неизвестно.

— Я его еще два часа назад отпустил. — Вячеслав подтолкнул ее немного, чтобы Агния шла впереди. — У парня и свои дела есть, — он так ухмыльнулся, что Агнии показалось, будто она догадывается, на что Вячеслав намекал. И даже смутилась немного. — Да и Федоту вечером помощь нужна, он там чего-то придумал. Так что Лысый уже дома будет, когда мы вернемся.

Не найдясь, что сказать, Агния только кивнула.

Стас от гонорара даже отказаться пытался, удивив Вячеслава. Агния видела, что любимого рассмешило заявление ее друга, что «он просто, ну, для Агнии, и все-такое». Михаил, наоборот, обрадовался. Сэкономить пытался, что ли? Но Боруцкий быстро пресек и радость второго, и смущение первого. И достаточно жестко настоял на том, что деньги они заплатят, «как положено».

Почему для него это так принципиально, Агния не поняла. Да и не допускали ее особо к дискуссии. Вручили лист бумаги с начисто переписанным текстом, когда она попыталась как-то вмешаться. Вроде как, напомнив, что в этом уже она «не секла». И ей не оставалось ничего другого, как отойти в сторону вместе с Элей и начать пробовать спеть это уже нормально, с музыкой и в окончательном варианте.

Агнию это немного задело. Она даже решила, из принципа, в итоге не спрашивать, на какой же сумме они остановились. Отправили ее петь? Вот она и пела. Только вот обида все больше уходила,

потому что она видела, что Вячеславу действительно нравится ее сейчас слышать. Так что был риск забыть о своем решении.

Правда, Эля гоняла ее столько, что когда в итоге они выбрались из студии, у нее уже просто ни сил, ни желания разговаривать не осталось. И песня порядком поднадоела. Всю дорогу домой она просто молча любовалась Вячеславом.

А вот когда они добрались до дому, пару удивленных возгласов из нее все же удалось выжать. Федоту. «Делами» которого, как выяснилось, теми, где ему понадобилась помощь Вовы, оказался настоящий бильярдный стол со всем комплектом инвентаря для игры. И эти двое умудрились уже кое-как все разместить в подвале.

Судя по чуть насмешливому, но в целом добродушному и даже довольному взгляду Вячеслава, он был в курсе этого заранее. А вот Агния еще удивленно рассматривала все и хлопала глазами, когда Федот впихнул ей в руки кий. Вот так, сходу, не слушая ее слабых возражений про усталость и ужин, которого не было.

— О, ну я так и знал, что бильярд — отмазка, тебе бы только по клубам шляться. Вот и придумала сказочку для дяди Федота… — Этот самый «дядя» с многозначительным видом вытянул из кармана пачку сигарет. — А мы тут с Лысым надрывались, сюр-р-приз для нее делали…

Он глянул на нее так насмешливо, что Агния против воли поддалась на подначку и пошла к столу. А Вячеслав, точно давясь смехом, сказал, что сейчас еды «подгонит» и чтоб они без него серьезно не играли. А то поубивают тут друг друга нафиг. А ему потом думай, куда прятать два трупа.

Глава 36

Агния так погрузилась в запись песен и обустройство их с Вячеславом дома, что последние месяцы первого учебного года в консерватории пролетели мимо нее. Да и Вячек, как и обычно, верный своему слову, все же посетил ректора, обсудив «более лояльные» условия обучения для «молодой певицы», талант которой он взялся поддерживать. Разумеется, ректорат пошел навстречу «молодому таланту». Как понимала Агния, не без помощи денежных вливаний. Если честно, ей даже стало уже неловко перед Вячеславом за то, сколько денег он на нее тратил и еще собирался. И она отчаянно убеждала любимого, что нет никакой необходимости так все решать. Агния была вполне в состоянии регулярно посещать занятия и репетиции, заниматься с Элиной и, вообще, со всем справляться. Ну и что, что она уставала? А как иначе? Зато ему не надо зря деньги тратить.

На что Вячеслав поинтересовался: на кой ляд он, по ее мнению, вообще тогда имеет деньги, если не для того, чтоб облегчить жизнь «своей малышке»? И сумма, что он потратил, мизерна в сравнении с возможностью спокойно проводить с ней столько времени, сколько хочется. Причем, без лишних заморочек для самой Агнии в виде отработок пропущенных лекций и семинаров. Да, даже одно утро, которое он может не выпускать ее из кровати, просто подольше вместе поспать, и в которое Агния не будет дергаться, что ей пора бежать — стоит всех этих бабок.

Ну что она на такое могла возразить? Да и кому не было бы приятно? Вот и она наслаждалась жизнью. Тем более что Вячеслав все так же продолжал ее баловать.

Семестр закончился, теплые дни весны сменились жарой лета. Две дебютных песни, обе из-под пера Стаса (и обе достойно оплаченные, несмотря на слабые попытки возражения) были отшлифованы, доведены до совершенства и записаны. После чего «улеглись» на полку, ждать своего часа. Как и видеоклип на первую, мысленно окрещенную Агнией балладой. Поскольку обе песни вышли достаточно глубокими и серьезными, явно не соответствующими легкомысленному летнему настроению, Михаил решил не выпускать их сейчас в ротацию, закономерно опасаясь нежелания аудитории перегружать свои эмоции, требующие полного и ленного расслабления. И запуск релиза назначили на первую декаду сентября.

Таким образом, Агния оказалась совершенно свободна и поначалу даже немного растерялась, искренне не зная, куда себя «приложить» и чем заняться. Нет, были, конечно, «уроки» игры в бильярд с Федотом, раз за разом служившие испытанием прочности их новообретенного понимания. Ну, или, хотя бы попыток это взаимопонимание найти. Правда, их вечные пикировки и противостояние так искренне веселило Вячеслава, что и Агния стала находить это скорее забавным. К тому же, Вячеслав с Федотом действительно сумели обучить ее игре. Ну, не настолько еще, чтоб она у них выигрывала. Но, по крайней мере, Агния уже не ощущала себя полной неудачницей и могла достойно продержаться на протяжении всей игры. А эти двое, решив, видно, расширять кругозор ее интересов, придумали еще и покеру Агнию обучить. И Вову привлекли, чтоб игроков было побольше.

В общем, как ни странно, в один из вечеров, когда они все сидели за картами, Агния вдруг осознала, что ощущает себя невероятно хорошо. Так, словно она снова не одна. Вновь имеет семью. И в тот же момент поняла, что так ведь и есть на самом деле. Эти люди заменили ей близких и стали настоящей семьей. Немного странной с позиции прошлого воспитания и родственных связей Агнии, это правда. Достаточно своеобразной семьей, со своими нюансами, о которых нельзя было забывать ради общей безопасности. Но все же, самым настоящим «близким кругом». Так, что даже вечные издевки Федота уже перестали ее задевать, а заставляли только веселиться. Причем, их

обоих.

Но, словно этого было мало, Вячеслав решил «порадовать» Агнию еще одним членом их необычной семьи. И не став ожидать, пока она сама определится, хочет ли иметь домашнее животное, в один из вечеров привез собаку. Сенбернара. Вроде бы щенка. Но уже достающего ей до середины голени. Что же будет через пару месяцев или, упаси Боже, через год, Агния опасалась предположить.

Вячеслав на эти ее опасения только ухмылялся (вообще, она не помнила его таким веселым ранее, за те два года, что знала Боруцкого), и замечал, что это она у него — совсем крохотная малышка, а не щенок гигантский. Нормальный у них сенбернар будет. Как положено. Четкий.

Правда, во всех этих объяснениях ее околдовала фраза «его крохотная малышка», сказанная Вячеком с таким чувством, что даже притащи он крокодила, она бы уже совсем не спорила и сама бы подкармливала рептилию мясом. Вообще, Вячеслав не отличался склонностью ежеминутно повторять о своих чувствах. Даже не раз в день. Собственно, после того, как он признался ей, что любит тем утром, она больше и не слышала от Вячеслава самих этих слов. Но его отношение так ощущалось в поступках, касаниях, взглядах. Даже в том, как он ее порой обнимал, что Агния ни разу не засомневалась. И безумно ценила каждый такой момент.

Следующие три дня вся мужская часть ее «семьи» советовалась и думала, как же назвать щенка? Агния же только с интересом наблюдала за этим процессом, поскольку ее непритязательного «Тошку» с ходу отвергли, снисходительно пояснив, что не подходит такая кличка для «серьезной собаки». И как-то так вышло, что пока мужчины думали-советовались, она стала звать щенка «Плюхом».

Ну, оно так само-собой у Агнии получилось. Просто она следующим утром вышла во двор, планируя полить цветы, которые взялась разводить, раз уж получила во владение такую территорию. А все хозяйки домов, в представлении Агнии, обязательно разводили цветы. Выпустила щенка из вольера, который на скорую руку соорудили Вячеслав с Вовой накануне вечером, а этот непоседа со всех ног кинулся к ведру с водой, которое она только-только набрала с помощью шланга. И с разгону туда плюхнулся, окатив все вокруг, и ее в том числе, волной холодных брызг. А потом носился вокруг нее, тряся головой и норовя то и дело лизнуть. Агнии было очень весело.

Но гораздо веселей, кажется, было Вячеславу и Вове, которые выскочили на улицу из-за ее визга, когда Агния намокла. Наверное, первоначально они решили, что что-то случилось. Зато теперь, один с крыльца, а другой уже добравшись из своей пристройки, со смехом наблюдали, как Плюх дергает Агнию, игриво кусая за босые пятки. И как гибнут под резвыми мохнатыми лапами Плюха те самые цветы, которые Агния так отчаянно пыталась вырастить. Данному факту Вячеслав обрадовался больше всего, она была уверена. Агния немного стыдилась, но, несмотря на свое желание, все равно иногда ленилась просто выйти, полить свой палисадник. И Вячеку приходилось за этим следить.

В общем, именно так их «реально четкая» собака получила совсем не серьезную кличку. И хоть Вячеслав еще пытался пару дней давить всех своим авторитетом и старался спасти Плюху репутацию, поражение оказалось неизбежным. И через три дня, когда сам трижды подозвал щенка именно так, Вячеслав признал провал.

А еще через два дня Агния заболела. Ангиной. Противное такое ощущение, валяться с температурой при летней жаре. Было ли виновато в ее болезни утреннее «купание» с Плюхом или килограмм фисташкового мороженного, съеденного Агнией накануне из-за той самой жары — Вячек не разбирался. Он «категорически и навсегда» запретил ей и первое, и второе. И вообще, вел

себя так, что еще неясно было, кто больше боялся и паниковал из-за такого риска для голоса Агнии. Очень скрупулезно пичкал всеми лекарствами, прописанными Алексеем Витальевичем. Врачом, с которым Вячеслав, похоже, дружил уже давно, и с которым теперь познакомилась и Агния по случаю своей болезни.

Врачом Алексей Витальевич оказался хорошим. А может, сыграла свою роль методичность Вячеслава в исполнении всех рекомендаций, который даже горло полоскать гонял Агнию каждые двадцать минут, но поправилась она быстро и без всяких осложнений. И уже через пять дней снова носилась во дворе с Плюхом по утрам, совершенно забыв про «категоричный и вечный» запрет.

Тогда Вячеслав, явно недовольный таким отношением к его распоряжениям, решил увезти Агнию на реабилитацию. И в течение пары дней каким-то образом организовал все так, что они провели следующие две недели в доме на самом берегу Черного моря, в двадцати километрах от Ялты. Плюха с собой в отпуск не взяли, несмотря на слезные просьбы Агнии и горестный вой щенка. Оставили на Федота, как и весь дом.

И все было просто волшебно: и море, и солнце, и сам этот отдых, полностью посвященный ими друг другу. Только вот на следующий день после возвращения домой, Агния снова заболела. В этот раз обычной простудой. И ни при чем оказался, ни Плюх, ни мороженное, которого ей уже никто не позволял есть.

Алексей Витальевич, вновь срочно вызванный Вячеславом, после осмотра и обследования, ради которого Агния даже ездила в больницу, решил, что дело в избытке солнца и частой смене климата за короткое время. Но ей вновь приписали почти постельный режим, что было довольно скучно. Нет, ясно, что Вячеслав старался оградить ее и обеспечить скорейшее выздоровление. И любое желание предугадать пытался. И Вову гонял, хотя друг и сам носился между городом и их поселком, покупая все новые фрукты и витамины. Даже Федот приехал проведать. Зашел в комнату, стал у двери и глянул так, точно чувствуя себя не на своем месте. Поинтересовался самочувствием. И, не дождавшись ответа Агнии, выглянул в коридор, проверяя, где Вячеслав, а потом снова к ней повернулся:

— Ты, того, малышка, раз уж влезла к нам, не вздумай навернуться, — таким тоном, будто действительно предупреждал, заметил ее визитер. — Мне этого геморроя, чокнутого Борова потом в чувство приводить, и задаром не надо. Ясно? Так что давай, поправляйся, — пожелал Федот после растерянного кивка Агнии.

Развернулся и вышел из комнаты.

А Агния еще какое-то время пыталась осмыслить это заявление. Зато отвлеклась.

— Леха, ты мне можешь толково донести, какого хрена она шестой раз за два месяца болеет?! — Вячеслав сам понимал, что давит на врача.

Но, блин, сдерживать злость и раздражение сил не хватало. Как тут можно сдержаться, когда его Бусинка из одной хвори в другую влазит, а он ничего сделать не может? И Леха не при делах, руками, вон, только разводит. Хоть и струхнул. Конкретно струхнул. В кресло свое вжался.

За больничным окном лил дождь, как и всю последнюю неделю. В конце сентября летняя жара наконец-то сдалась и уступила место осени.

— Слава, я стараюсь, — огрызнулся врач, нервно вертя в пальцах ручку. — Но у нее все нормально! Вот хочешь — верь, хочешь — нет, но все хорошо!

— Ты мне зубы не заговаривай, — раздраженно рыкнул Боров и с размаху сел на топчан, стоящий в углу кабинета Лехи. Древняя кушетка жалобно скрипнула от такого обращения. — Какое, на хер, хорошо, если она еле ходит уже от слабости из-за всех этих простуд? И разве болеют

столько, когда все хорошо?! — Он с силой хлопнул ладонью по подоконнику.

Леха нервно передернул плечами.

— Я не знаю, Слава. Как есть говорю. Я Агнию уже на все, что мог, проверил. Даже на ВИЧ и гепатиты. Ничего, девочка здорова.

— Какой ВИЧ? Ты мозги вруби! — Вячеславу даже смешно стало. — Это ж Бусинка. Откуда у нее такое, она ж нигде и никогда…

— А ты? — Леха, судя по виду, как-то стремался, но все же внимательно глянул на Вячеслава.

А его этот вопрос как-то осадил. По правде сказать, Борову и в голову такое никогда не приходило. Он типа и знал, что это все есть. Но где-то там, вне связи с ним. Да и какое это может иметь к нему отношение? Он же не гомик. И наркотой никогда не баловался.

Только, с другой стороны, вдруг вспомнились все те девки, что он у Гели заказывал. Вроде и проверенные, а все равно, справок то он не спрашивал. И никогда же не додумывался о тех же резинках подумать. Блин. У Борова аж в животе похолодело. Не за себя, главное, за малышку страшно стало.

— Погоди, — тяжело глянул он на Леху. — Если чисто у нее все, то тогда что? И почему ей плохо, если ты меня подозреваешь? Со мной-то ничего…

— Да не подозреваю я, Слав. Хоть проверится и не помешает, чтоб точно знать. Ты-то мужик большой, здоровый, бугай, можно сказать. У тебя могло и долго это все в скрытой форме быть. А Агния — пятьдесят кило не натянет, у нее по любому бы первее началось. Только, говорю ж, чистая она. — Леха развел руками. — Проверил ее на все, что можно только. Значит и ты, вероятней всего здоров, иначе уже что-то, да вылезло б. Хоть тут лучше и перебдеть.

Вячеслав как-то растерянно провел рукой по лбу, по волосам. Глянул в сторону двери, за которую десять минут назад Бусинка вышла, чтобы пройти очередное обследование. В голове вертелся один мат при мысли, что это он мог быть виноват в ее болезнях.

— Блин. Ладно, возьмешь у меня все, чего там надо. — Вячеслав вскочил на ноги так же резко, как недавно садился. — Но с ней что?

— Не имею понятия, — вздохнул Леха. — Слушай, Слав. Только не смейся, но может ты ее в церковь отвезешь, а? Так, на всякий случай.

Вячеслав уставился на друга, полностью утратив суть разговора.

— Так, стоп. Это тут при чем? — уточнил он нахмурившись.

Леха начал стучать ручкой по столу:

— Слушай, я врач, да. И вроде за науку. Но, вот хоть убей, иногда ничего не помогает, а в церковь человек сходит, свечку за здравие поставит, молитву там закажет — и все. Как рукой снимает все болячки, над которыми мы месяцами, а то и годами без результата бьемся. — Леха глянул на него исподлобья. — Может и тебе девочку свозить? Я вот ее песню сегодня утром по радио слышал: красивая. И поет хорошо. И добрая она у тебя. Слишком добрая, Слав. Открытая вся. Светится просто. Мало ли, может ей завидуют? Ну, те же однокурсники? Ты сам в курсе, что там у нее в консерватории делается? Сколько могут похвастаться тем, что их песни в семнадцать лет на радио и телевидении крутят? Да и все те, кто смотрит, слушает… Ты знаешь, что они чувствуют? Что думают?

Боруцкий даже головой потряс, допуская, что может чего-то не улавливать.

— Да она из церкви этой не вылазит, по два раза в неделю на поклон ходит, — снова разозлившись, буркнул он. — Ты мне конкретно скажи: как, что, когда делать. А не муть эту заливай…

Леха аж вскинулся:

— А я и говорю конкретно — нет у нее ничего по моей части! Медицина не может объяснить, почему она так часто болеет. Не веришь — вези к другим врачам и проверяй! Только и они тебе то же самое ответят. У Агнии нет ни одной реальной причины для такого ослабления иммунитета. Но это самое ослабление есть. Причем, анализы все в норме!

Леха тоже вскочил со своего кресла, и теперь они стояли друг напротив друга, разделенные столом. И с одинаковым раздражением мерили один другого взглядами.

— Вячеслав Генрихович?

Неуверенный голос Агнии с этим ее «вы» мигом снял напряжение, повисшее в кабинете. Обоих потянуло рассмеяться. Взглядом показав Лехе, чтоб помалкивал о своих «умных советах», Вячеслав обернулся и покачал головой, глядя на свою малышку, без особой уверенности топчущуюся на пороге кабинета и присматривающуюся к ним. За порогом, тоже присматриваясь к тому, что происходит в кабинете, маячил Лысый. Но парень тут же закрыл двери снаружи, когда Боров кивнул.

Фиг знает почему, но Бусинка отчего-то робела перед Лехой. И никак не могла перестроиться, хоть он и успокоил ее, что «свой» человек это. Агния продолжала выкать перед врачом. А сейчас еще и так внимательно смотрела. Даже нахмурилась немного. Точно заметила и почувствовала, что они тут спорили. И не может разобраться из-за чего, видно.

— Иди сюда, Бусинка, — улыбнувшись шире, он поманил ее к себе. — Нормально все.

Она подошла, неловко вертя в руках какие-то бумаги. Близко подошла. Чуть ли не прижалась боком. И снова стрельнула глазами в сторону Лехи. Причем так, что неясно было: то ли ей как-то боязно, то ли она наоборот считает, что врач на Вячеслава наезжает, и вроде как намекает, что он тут «не один» и нечего его трогать. Умора его малышка, конечно. Но, блин, приятно.

Увидел «наезд» в глазах Агнии и Леха, кажется. Уж больно подозрительно у друга щека задергалась, да и покашливать начал. Будто смех давил.

— Можно мне заключение? — все так же давясь, поинтересовался он у Бусинки, мотнув головой в сторону бумаг, что она мяла. Протянул руку.

Агния раздумывала пару секунд. Но все-таки отдала, наверное, решив, что так или иначе, а это доверить врачу можно. И еще плотнее подступила к нему.

Леха принялся читать заключение, все еще посмеиваясь. А Вячеслав обнял малышку и притянул совсем близко к себе. Может он и зря стремался, но порой ему казалось, что она так устает, что и стоит с трудом. Его б воля, она бы до сих пор в кровати валялась и никуда не ходила, пока совсем не поправится. Только что-то, несмотря на все витамины, которыми он ее пичкал, несмотря на все процедуры и лечение, эти долбанные простуды не прекращались.

— Все в норме, что я тебе и говорил, — закончив читать, резюмировал Леха.

И снова так глянул на Вячеслава. С намеком на все то, что рассказывал.

Вячеслав включил игнор. Фигня это все. Бусинка не от головы себе что-то выдумала или потому, что глянул на нее не так кто-то. У нее реальные болезни, че он, не видит? Он же сам градусник каждый раз проверяет, потому что малышка вечно норовит сказать, что все хорошо, и никакой-такой температуры у нее и в помине нет. Но, кстати, насчет консерватории он тоже узнает. И разберется, если кто-то ей там на мозги капает.

— И какие рекомендации? — уточнил он.

— Подумай о том, что я сказал, серьезно, Слав, — Леха на его игнор не повелся. — Это основное. А так, я бы пока рекомендовал избегать сильных эмоциональных и физических нагрузок, а так же по максимуму ограничил бы публичность. Покой, дом, только тесный круг. Пока мы не

разберемся, что же не так с нашими защитными механизмами, лучше не давать возможности прицепиться к нам еще какой-то новой заразе, — Леха глянул на Агнию и подмигнул малышке, не обращая внимания, что она смотрит на него с подозрением.

— Ладно, — Вячеслав кивнул и потянул Бусинку к двери, где все еще стоял Лысый. Кивнул парню, чтоб они шли на улицу, к машинам. Прикрыл двери и посмотрел на врача. — Ты только ей не вздумай советы свои давать, усек, Леха? Нечего ей еще больше этой чепухой голову забивать.

Алексей поднял ладони, показывая, что оставляет это на его, Борова усмотрение. Довольный и таким, Вячеслав пожал Лехе руку и сам пошел на стоянку.

— Вячек, а можно мы в церковь заедем? Не надолго. Всего на пол часика? — Бусинка пялилась на свои ладони, когда его об этом спрашивала.

Сидела на соседнем сидении, время от времени поглядывая на дорогу. Молчала. А это вдруг прорвало. Интересно, она че, таки успела как-то с Лехой побазарить? Или сама такая же умная?

— Ты же вчера там была, — не позволив, но и не отказав пока, заметил Вячеслав, косо глянув на Бусинку.

— Была, — она прикусила губу, рассматривая маленький прокол на своем безымянном пальце.

Четвертый. Блин. Он уже видеть не мог, как у нее кровь берут. Не важно: из пальца или вены. Все равно бесился. И сейчас глядеть на следы ему было не легче.

Сжав зубы так, что свело челюсть, он цокнул языком и, резко вывернув руль, перестроился через две полосы, не обратив никакого внимания на возмущение других водителей.

— Только недолго, тебе уже отдыхать пора, — проворчал он, и не оборачиваясь видя, что она рада.

Ладно, ради этого он мог и пойти на кое-какие уступки.

Обычно Бусинка торчала в церкви минут тридцать-сорок. Ну, иногда час. Он с ней не заходил, ждал на улице или в машине. И сегодня так же, стоял и курил. А потом-таки не выдержал. Вот что-то из того, что Леха сказал, зацепило его. А может быть страх того, что малышка от него какую-то гадость подцепить могла. Такое, с чем он справиться не сможет. А всякие мысли дурные и сглазы… Поп в этом должен был разбираться, разве не так? Значит подскажет, может такое быть или нет.

Вот он и поперся в церковь. И к своему удивлению тут же наткнулся на уже знакомого священника, который о чем-то разговаривал с хилой бабулькой у одного из окон. Осмотревшись и не заметив нигде Бусинки, Вячеслав уже направился в сторону основного зала, просто, чтобы глянуть на нее. Но тут поп его заметил, и быстро перекрестив бабульку, намылился в сторону Боруцкого.

Вячеслав остановился, так и так собираясь с ним побазарить.

— Она еще молится, — священник смотрел на него с некоторым опасением, словно не был точно уверен в то, что Вячеслав может вычудить.

Боруцкого такое отношение забавляло.

— А я сейчас с тобой переговорить хочу, — он хрустнул суставами пальцев, не совсем понимая, как такое вслух-то спросить, чтоб его полным идиотом не посчитали.

Это заявление, похоже, удивило священника еще больше.

Глава 37

— Со мной? — уточнил поп, словно Вячеслав сказал что-то невнятно. — Что ж, слушаю, — с некоторой растерянностью добавил он, видно заметив раздражение во взгляде Боруцкого.

— Она болеет. — Вячеслав мотнул головой в сторону основного зала, где, как он понимал, находилась сейчас Бусинка. — Врач говорит, что по его теме у нее ничего нет. И намекает на то, что ее, ну, типа, — он хмыкнул, — короче, сглазить могли, или чего-то в этом роде. Такое, вообще, реально? — таки ощущая себя долбанным придурком, поинтересовался Вячеслав. — Может ее отвезти куда-то, чего-то сделать?

Поп стал выглядеть совсем оторопевшим. Проморгался. Откашлялся. И снова моргнул.

Раздраженный от того, что в принципе о таком базарит, да еще и со священником, Боруцкий щелкнул пальцами у него перед носом:

— Эй, ты, вообще, меня слышишь?

— Слышу, — наконец, глубоко вдохнул священник. Уцепился за свой крест, болтающийся на груди. И настороженно посмотрел на Вячеслава. — Человека, верующего в Господа нашего, бережет сила этой веры. Молитва ежедневная и промысел Божий. И грех великий для любого верующего ходить по ведьмам и бабкам. Да и не помогут они Агнии. — Поп глянул на Боруцкого с некоторым превосходством и снисхождением. — Корень ее болезней и слабости в ином.

— И в чем? — хмыкнул Вячеслав, чувствуя, что раздражается все больше.

— Агния очень верующая девочка. И я ведь просил вас отпустить ее, — теперь во взгляде священника читалась настороженность и некоторое опасение. Но и укор, похоже. — Не для нее это. Вся та среда, где вы вынуждаете ее жить. Она так любит. Так искренне верит, что сумеет спасти вас своей верой. Что, как всякая… жена, может молиться и отмолить грехи своего мужа. Думаете, она за себя или за нас по три раза в неделю сюда приходит просить? — Священник криво улыбнулся. — Она все это только ради вас делает. Но вы, вероятней всего, и не крещены. Да и Агния, несмотря на все свое обожание и любовь к вам — никто. Ни перед людьми, ни перед Богом. И живет в грехе блуда, несмотря на всю свою веру.

У Вячеслава руки зачесались встряхнуть этого типа. Донести ему, кто именно такая его Бусинка. Да, плевать Боров хотел на людей и их законы, на все эти нравоучения и промывки мозгов священников. Агния была куда больше, куда конкретней и реальней любой жены любого «праведного» верующего, про которых ему сейчас этот поп распинался. Видно мало Вячеслав тогда ему вдолбил в мозг разъяснений. Хотя, насчет того, как священник хранил в тайне степень его отношения к Бусинке, у Вячеслава претензий не было. Он переговорил с ним тогда, когда стал привозить сюда Бусинку регулярно. И наглядно, с примерами пояснил этому Игорю, чего и как его ждет, если хоть кому-то слово скажет.

Но и вот то, что поп сейчас плел про его малышку, Борова выбешивало.

А Игорь, тем не менее, словно не замечая, что Боруцкий заводится, продолжал:

— Имеет ли она право молиться за вас? Имеет, Бог всякому дает свободу обращения к Нему. Только она же на все готова, и на себя все грехи ваши взять. А там, как я понимаю, искупать немало. И это не может не аукнуться. Я предупреждал ее. Об этом многие праведники, через которых Бог прощение и исцеление грешникам давал, упоминали в своих записях. Я специально изучил эту тему. Это ослабляет ее. Да и все эти разговоры в консерватории, Агния хоть и бравирует, но видно, что ей тяжело…

Вот как-то Вячеслав не въезжал. То ли злость разгоревшаяся мешала, то ли он просто не мог

уловить логики в том, что ему тут патякал этот поп. Типа Агния еще и сама виновата? И он ее еще обвиняет в том, что она Боруцкого любит? Ну, нормально, а?

— Че за разговоры? — прищурившись, процедил он сквозь зубы, пока отодвинув всю эту пургу про грехи.

— Сплетни эти все о проституции. О том, как она на жизнь и свою музыкальную карьеру зарабатывает…

— Проституции? — У него аж в затылке заломило.

И от самого смысла, потому что Вячеслав мог себе представить, как его Бусинка отреагировала бы на такие сплетни, и от того, что вот этот вот поп знал обо всем об этом, а он, Боруцкий, ни слухом не духом. Вообще не при делах типа и никакого к ней отношения не имеет.

— Так. Интер-р-ресно… Твою мать!

Отвернувшись от скривившегося священника, Вячеслав прямиком пошел к залу, собираясь забрать свою малышку и популярно, доступно ей объяснить, что и когда она должна ему рассказывать. Но забыл обо всем, если честно, когда увидел, как Агния стоит на коленях в одном из углов этого зала, на замызганном, грязном из-за слякотной погоды кафеле, и крестясь, то и дело кланяется, едва не касаясь лбом пола.

Его не то, что затрясло, заколотило всего.

В голову кровь бабахнула просто.

И захотелось тупо достать пушку и пристрелить того, кто втемячил ей в голову, что она должна нечто подобное делать.

Послав все на фиг, он в несколько шагов преодолел расстояние между ними, не затормозив даже тогда, когда малышка встрепенулась, видно услышав его грохочущие шаги. Схватил ее за плечи, поднял Бусинку на ноги. Аккуратно. Но встряхнув пару раз. Просто у него реально руки вибрировали. Все тело продолжало трястись от ярости, которая нахлынула.

А Бусинка на него такими глазами глянула… Короче, Вячеславу еще хреновей стало и колоть за грудиной начало:

— У тебя вчера тридцать девять температура фигачила, а ты сегодня на кафель уселась?! У тебя мозги есть, Бусинка? Или ты вообще своей головой не думаешь? Тупо делаешь, что они тебе скажут?! — он даже не кричал. Не мог. Шипел от того, насколько злость внутри бурлила. И тут же обнял ее, прижав к себе. Опять встряхнул. — Ты… Ты… Бл..! — Он резко развернулся и пошел к выходу, таща ее за собой. — Никогда больше ты сюда не придешь! Ясно?! Усекла?! Мне осточертело, что они тебе мозги промывают и…

Он вновь глянул на нее, на огромные глазища, смотрящие на него не испуганно даже, а с каким-то отчаянием. И на сжатые губы. Так, что только полоской казались. Упрямой чертой. И снова выругался. Дальше потянул, так глянув на рыпнувшегося было попа, чтоб ясно стало: лучше бы ему не дергаться.

— Никогда не придешь! — еще раз веско повторил он, уже выйдя из церкви и таща ее к машине под дождем.

— Вячеслав, подожди. Послушай…

— Цить! Вот лучше сейчас молчи! — рыкнул он, отчаянно ища свободной рукой сигареты. — Сядь! — велел Вячеслав, распахнув двери.

Не выдержал ее взгляда и дрожащих ресниц. Притянул малышку к себе, все еще злясь. Не на нее. На тех, кто голову Бусинки забил этой белибердой. Уткнулся на мгновение лицом в ее макушку, сдернув долбаный платок.

— Сядь в машину, — немного взяв под контроль всю эту злобу, так и клекочущую внутри,

опять велел он.

Практически сам усадил Бусинку на переднее сидение. Если малышка и хотела что-то сказать или убедить его в чем-то, он не собирался ее слушать.

Хватит. Ей пора реально глянуть на всех этих попов и то, что она с собой делает из-за них. До чего себя доводит.

Несколько раз щелкнул поджогом зажигалки, игнорируя дождь. Зло и раздраженно, отчего та никак не желала нормально работать. Наконец, добившись искры, прикурил, глубоко затянувшись, и даже задержал дыхание, не сразу выдохнув, стараясь хоть как-то усмирить эту злую бурю. Получить больше никотина.

— Вячек, — она проигнорировала его распоряжение и попыталась выйти из машины.

Ага, счас. Разбежалась. Он прижал дверь рукой, не дав малышке ее открыть.

— Ты зря так, — опустив стекло, тихо проговорила Бусинка и глянула на него все с тем же выражением в глазах. — Никто меня ничего не заставляет. Понимаешь, я просто хочу…

— Что ты хочешь?! — он все еще шипел, из-за этой ярости. И хорошо, а то разорался бы так, что птицы разлетелись бы, сто пудов. — Что?! Ты хоть знаешь, кем они тебя тут считают? Как в грязь втоптать пытаются?! Хрен им. Я тебя больше унижать не дам ни за какие коврижки. Ты этого не понимаешь, ладно. Ты сейчас, вообще, немного не в себе, на это спишем. Но, бл…! Сюда ты больше ни ногой.

Яростно затоптав окурок, он быстро обошел машину и сел на свое место.

— И да, — не глядя на малышку, боясь испугать ее своей злостью и бешенством, он резко и отрывисто дернул ключ, включая зажигание. — По поводу консерватории и сплетен, о которых ты почему-то отмалчиваешься. — Вячеслав на секунду прервался, чтобы вдохнуть, Уставился в стекло перед собой. — Мы тоже поговорим.

И закрыл глаза, радуясь, что еще не тронулся с места, когда она обхватила его плечи своим руками, коснулась пальчиками щеки.

— Вячек, это неважно, правда. Ну, глупости болтают, ну какая разница? Главное, что правду не знают, ведь так? — Губы Бусинки прижались к его подбородку. — Не сердись. Ты зря так. Просто не так понял…

— Все я понял так. И не дам такое с тобой делать и так… — Вячеслав прикусил язык, давя рвущийся мат. — Хрен ты сюда вернешься, малышка. И в этот раз я серьезно! — он дернул рычаг переключения скоростей, а потом ухватил ее ладошку, не позволил Бусинке забрать ее от своей щеки, и выехал с этого гребанного двора перед церковью.

Он четко держал свое слово, несмотря на печаль в ее серо-зеленых глазах. Тем более что за последние три недели, с тех пор как он вытащил ее из церкви, Агнии стало гораздо лучше. Не было больше температуры, не было непонятных ознобов и прочей чепухи. Слабость, правда, осталась. Но это и ясно. После двух месяцев хвори она и не уйдет от взмаха руки. Вячеслав следил за тем, чтобы его малышка нормально ела, заставлял гулять с Плюхом во дворе, даже если сама Бусинка не очень хотела (ясно, проверяя, нормально ли она одевалась для этого, октябрь как ни как на дворе, а малышка, что натуральное дите, все время норовила в шлепках выскочить).

Заезжал Боруцкий и в консерваторию. Правда, приняв доводы Бусинки, да и сам пораскинув мозгами, не мог не признать, что как бы его не злили все эти разговоры, пресечь их он не мог, сам настаивал, что девочка не должна светиться. Но, блин, и заставлять терпеть ее подобное, не собирался. Потому и договорился с ректоратом, что Агния будет переведена на заочное обучение, чтоб меньше терлась среди студентов. Тем более что состояние ее здоровья и начавшаяся карьера

позволяли ему сделать это все официально.

Хотя, с карьерой Вячеслав тоже немного решил притормозить и велел Михаилу пока не форсировать событий и обойтись без концертов и публичных выступлений, на которые тот собирался начать проталкивать малышку. Хватит пока и песен, которые они уже запустили. Да еще парочки новых. Работать в студии Вячеслав ей не запрещал.

Нельзя сказать, что она вот со всем была согласна. Да и добиваться своего малышка обычно умела, не пасуя даже перед его бешенством. Но сейчас Вячеслав был неумолим и твердо стоял на своих позициях. Ради ее здоровья и душевного равновесия он готов был и потерпеть все эти грустные, осуждающие взгляды и постоянные просьбы с увещеваниями. В конце концов, обдумав, она поймет, что он прав, Вячеслав в этом не сомневался.

Сегодня Бусинка должна была записывать новую песню. Лысого она с собой, ясное дело взяла, потому дом встретил его пустотой и тоскливым подвыванием Плюха.

Щенок страшно не любил оставаться один. Особенно не переносил, когда долго не было Бусинки. Что сказать? Вячеслав прекрасно понимал своего пса. Даже несмотря на эту дурацкую кличку, что ему в итоге дали.

Однако, обычно, даже тоскуя за хозяйкой, щенок с радостью довольствовался компанией самого Боруцкого, Лысого или Федота. Тут же пытался наскочить и втянуть людей в свои игры. Не сегодня почему-то. Встретив Вячеслава у ворот, щенок вяло тявкнул и поплелся следом еле переставляя ноги.

— Эй, ты часом от хозяйки не заразился? — Вячеслав присел на корточки перед псом и почесал ему морду, уши.

Проверил нос, но щенок казался здоровым. Только каким-то грустным, если собаки грустят. М-да, может и не хворью, но настроением Плюх точно от Бусинки заразился. Еще раз без охоты гавкнув, словно делая ему одолжение, щенок потрусил к дому пока сам Боров поднимался на ноги:

— Э, нет, животина, не наглей. В дом не пущу, — перехватив щенка, за ошейник оттащил подросшего пса от дверей.

Поднял со ступенек какую-то игрушку, и запустил подальше, отвлекая Плюха. С усмешкой проследил, как щенок помчался, все-таки отреагировав на приманку, как нормальная собака.

Но тут, отвлекая его от пса, запиликал мобильный.

— Леха? — звонка врача Боруцкий как-то не ждал, и совершенно не представлял чего ему надо.

— Слав, слушай, тут такое дело… — Леха был на стреме.

Боров это нутром чуял. Как и то, что боялся врач что-то ему сказать, потому что новость явно неприятная.

— Что? — напряженно прервал он друга, требуя сразу переходить к сути.

— Ты пойми, что это только предварительно и ничего еще не значит, и вообще, они шли долго, и это может быть ошибкой, понимаешь, так бывает, передержали образцы, или наоборот…

— Блин, Леха! Че случилось? — конкретно напрягся Вячеслав.

— Анализы Агнии, последние, пришли, — осторожно начал Леха.

Прискакал Плюх с игрушкой в зубах, но Вячеслав не обратил внимания на пса, уже весело повизгивающего и просящего еще поиграть.

— И? — он так и застыл на ступеньках крыльца.

— В общем, Слав, это вероятность. Только возможность… Но, у нее может быть рак крови, — выдал вдруг на одном дыхании Леха, как в воду сиганув. — Слав? — переспросил друг, когда он так и не ответил в течение минуты.

А Вячеслав молчал. Откинулся спиной на массивную входную дверь, ощущая, как через свитер в тело проникает холод металла. И молчал. Или это изнутри изморозью потянуло?

— Какова именно вероятность? В конкретных процентах? — наконец уточнил он сиплым голосом. Потянулся за сигаретами, пока Леха откашливался на том конце связи. — Леха?

— Мне надо еще несколько анализов уточняющих провести, — начал петлять врач, — я пока вообще не уверен, что это не ошибка…

— Леха, бл…! — эта гребанная зажигалка опять черти как работала.

Или у него проблемы с владением руками вдруг начались?

— Привози ее завтра, Слав. Я тебя понимаю, но… Мне нужны еще анализы. Другие, дублирующие. Без этого я ничего говорить не буду, — твердо заявил Леха. — Я просто не могу тебе ничего путем сказать, пойми, — Вячеславу вдруг послышалась в голосе друга опустошенность и опасение, похожее на его собственное.

Только, хрен вам. То, что сейчас ощущал он, Вячеслав и приблизительно описать не мог, даже матом. Так что вряд ли кто-то сумеет его сейчас понять.

— Ладно. Будем, — процедил он сквозь зубы, не выпуская изо рта дым, которым затянулся под завязку.

Нажал на отбой. И запрокинул голову, пытаясь из-под козырька навеса рассмотреть пасмурное небо. Еще раз затянулся, игнорируя притихшего у его ног Плюха. Сжал пальцы в кулак и прижал костяшки к зубам. А потом резко развернулся и рывком распахнув входные двери, вошел в дом, набирая на телефоне номер Лысого. Только сигарету затушил еще на крыльце. И без напоминаний еще ни разу не закурил в доме.

Лысый привез Агнию через час. Значит, выехал почти сразу, как он его набрал. Как объяснил сам парень, запись к тому времени уже вроде закончили.

— Вячек?! — Его Бусинка влетела в дом, на ходу расстегивая плащ и стягивая шарф с шеи.

Веселая, звонкая, даже слабости в ней не было заметно.

В двух шагах за ней маячил Лысый. Куда более серьезный и собранный, настороженно глянувший, когда Боров вышел из гостиной на звуки их появления. Вячеслав дал парню отмашку и тот спокойно ушел к себе.

— Вячек! — Увидев его, малышка улыбнулась совсем счастливо и тут же оказалась рядом. Приподнялась на носочки и с восторгом обхватила его руками за шею. — Что-то случилось? — наклонив свою светлую головку к плечу, посмотрела она на него с радостным любопытством. — Ты так срочно нас домой позвал, а мы слушали запись, что сегодня сделали…

— Ничего, — покачал он головой, стараясь не очень сипеть голосом, охрипшим от десяти сигарет, выкуренных почти подряд. Кажется, у него в голове пульс тарабанил, как у бешенного. — Ничего не случилось, — повторил он, стараясь как-то сдерживать руки, самовольно норовящие притиснуть ее к себе так, чтоб и продыху не было. — Соскучился. Гадко приходить в пустой дом. Вон, даже Плюх твой выл от одиночества.

Опустив лицо в ее волосы, пахнущие такой родной и бесценной для него сладостью, осенним дождем и вечерней свежестью, Боруцкий закрыл глаза.

— Ой, мы просто увлеклись очень, пытались с аранжировкой экспериментировать. Я больше так не буду задерживаться, — она завертелась в его руках, стараясь высвободить голову. — Зато, вот, смотри! — Бусинка что-то вытащила из сумки. Диск, как разобрал Вячеслав, после того, как прищурился. Слишком много никотина в организме. Даже глаза пекло и саднило. Про горло нечего и говорить. — Здесь песня, что мы сегодня записали. Я специально упросила Михаила дать мне

диск, чтобы ты послушал, раз не мог приехать.

Малышка принялась тыкать ему в руки диск, а он не мог заставить себя отпустить ее, прекратить обнимать. Только когда она со смехом возмутилась:

— Вячек! — все-таки отцепил одну ладонь, забрал диск и снова ее обнял.

Минуты через две ему все же пришлось дать малышке волю. Она потянула его на кухню. Начала что-то доставать из холодильника и разогревать, то и дело поглядывая на него. Пару раз уточнила: «точно ли все хорошо?», видно таки чуя, что он на надрыве. Но Вячеслав отмахивался от всех ее расспросов, стоял в двух шагах от Бусинки, чтоб помочь, типа. И смотрел на свою девочку, всматривался. Черт знает, что пытался увидеть, заметить, подтвердить неуверенные слова Лехи или, наоборот, найти им веское опровержение. И ничего не мог, только накручивал себя все больше.

Чуть ли не к самому ужину завалил Федот. Вячеслав уже и забыл, что друг обещался явиться, звонил днем. Глянул на Федота волком и с наездом поинтересовался: «какого хрена тот приперся?».

Впрочем, Федота таким было не испугать. А вот то, что с Боровом что-то не так, друг просек сразу. И только появление Бусинки, которая вышла в прихожую, где Вячеслав собрался выставить Федота вон, позволило избежать разговора, которого он сейчас не желал. Потому что не знал, что сказать и как объяснить все, что выворачивает и корежит изнутри от долбанной новости, которой его встряхнул Леха и от того, что толком врач ничего и не сказал. А значит, Боров и сделать сейчас ничего не может. Никаких конкретных действий.

Федот присматривался к нему весь вечер, и это несмотря на то, что ему пришлось взять на себя роль клоуна вечера. Андрюха весьма удачно веселил Бусинку, пока сам Вячеслав пасмурно стучал вилкой по столу и пытался заставить себя не так отчаянно пялиться на свою девочку. Агния же, казалось, лишь немного не понимала, отчего он такой задумчивый.

И устала. Быстро устала. Он видел, уловил тот момент, когда ей стало сложно сидеть дальше, хоть еще было и рано; когда она тайком зевать начала и прижимать глаза.

— Иди, ложись, — тихо велел он, поднявшись сам и поднимая ее с дивана в гостиной, куда они перебрались после ужина, чтобы попробовать поиграть в карты.

— Но играем же, — попыталась возразить малышка. Вяло и неубедительно.

Федот, сидящий в кресле напротив, откинулся и следил за ними исподлобья.

— Завтра доиграем, — оборвал Вячеслав ее возражения и потянул Бусинку к лестнице.

— А ты? — она с надеждой глянула на него сверху вниз, когда он подтолкнул ее на первую ступеньку. Бусинка не особо любила укладываться без него, Вячеслав знал об этом. Но сейчас не был готов спокойно лечь рядом. Слишком много в нем бушевало.

— Мы с Федотом еще посидим немного. И я песню еще хочу послушать, — придумал Боруцкий отмазку.

Агния довольно улыбнулась и послушно пошла в спальню. А Вячеслав вернулся в гостиную. Федота не было. Бусинка всех их вышколила курить только на улице. Быстро осмотревшись, Вячеслав обнаружил диск на столике под разбросанной колодой карт. Достал его, вставил в проигрыватель. Включил.

Песня была шикарной.

Боров, конечно, мало в опере сек. Но это и не было оперой. Композитор этот, пацан из консерватории, ухлестывающий за Бусинкой — таки умел сложить слова так, что даже Вячеслав понимал — людей торкнет. Правильно он все-таки его в оборот взял. И хорошо, что сразу условия

свои выставил. Теперь этот Стас от его Бусинки на нормальное расстояние отодвинут. Песни, ладно. Пусть пишет. Они стоят больших денег. Да и малышка радуется. Зато сам Стас, как оказалось, несмотря на явную увлеченность Бусинкой, а может и именно из-за этого, имел выраженную тягу к спиртному и любвеобильным и доступным девушкам. К алкоголю Боров его не толкал. Ему светлая голова композитора была нужна, хоть и не следил, ясное дело, на что пацан оплату за песни тратит. А вот девочек — это легко. Протекцию у Гели композитору они обеспечили, пусть пацан гуляет вволю и меньше смотрит туда, куда не надо.

— Че за запара, Славка? — Федот явился тогда, когда он песню второй раз на прокрутку поставил, почему-то жалея, что не явился на сегодняшнюю запись.

Вячеслав не ответил. Молча слушал до второго куплета. Даже глаза прикрыл, пытаясь представить и угадать, о чем думала Бусинка и как хмурились, когда это пела.

— Леха подозревает, что у нее рак, — все тем же, до хрипоты прокуренным голосом, заметил он во время проигрыша.

Спокойно так. Контролируя себя. Только коробка от диска почему-то в руках треснула. Китайцы, блин. Ничего толково сделать не могут.

Федот за его спиной витиевато высказался. Теми словами, которые давно перестал употреблять при Агнии.

— Он уверен?

— Бля! Нет! Я же внятно сказал! — вдруг сорвался Вячеслав, проскочил мимо Федота и с размаху сел на диван, саданув кулаком по столику. Да так, что тот подскочил и некоторые карты на пол слетели. — Он ни хрена не может мне точно сказать. Хочет еще анализы какие-то сделать. Снова будет из нее кровь цедить!

Вячеслав втянул воздух сквозь зубы и с силой надавил основаниями ладоней на глаза. Жестко прошелся пальцами по лицу, растирая кожу, стараясь вновь взять себя в руки, чтобы малышка, если че, ни фига не заметила и не просекла.

Федот молчал. И только песня, которую Боров поставил на постоянный повтор, играла в динамиках, нарушая тишину глубоким голосом Агнии.

Говорить о том, что его сводит с ума отсутствие каких-то точных данных — смысла не было. Федот знал его, как облупленного. Потому, сто пудов, понимал и то, что сам Вячеслав все еще пытался и осмыслить, и отодвинуть от своего сознания одновременно. Он не выдержит, если не сумеет добиться ее выздоровления. И фиг знает как именно ему башку сорвет.

Черт знает, сколько они просидели и сколько раз прослушали этот диск, когда Федот ни с того, ни с сего вдруг вскочил и цокнул языком:

— Слушай, у меня, вот, какая мысль. Я, конечно, не знаю, чего там Леха нашел. И что завтра он делать будет. Так что, ты сильно не грузись, может еще не так все? И потом, че мы, денег не найдем, чтоб девочку подлатать? Да с нашими возможностями, ее проще простого вытянуть из любой хвори. Сам башку включи и подумай, — выдал на одном выдохе Федот, глядя отчего-то себе на ботинки.

Вячеслав скривился. Ну, он был типа благодарен Федоту за эту попытку его успокоить.

А Федот продолжал пялиться на ботинки, еще и перекатываться с пятки на носки начал:

— И вот, еще. Может, Слав, зря ты так тогда? — Андрюха наконец-то посмотрел прямо на него. — Я, конечно, в этом вообще, ни в дуб ногой. Но может, сходил бы ты еще к тому попу, побазарил бы, а? Фиг знает, чего Он и как там, над нами. Я-то знаю, что ты веришь в Бога, Слав. Хрен с ними, с церковниками. Не в них же дело. А за нами с тобой, и правда, как не суди, много чего тянется… Не, я не мешаюсь. Тут я не особо помощник. Но, пока все равно ничего конкретного

от Лехи нет… чем без толку сидеть? Или как думаешь? — Андрюха покосился на него.

Вячеслав думал. Вот с момента звонка Лехи и думал, и судил, и гадал. И чего только он уже не передумал, и каких только вероятностей не допускал.

Ну, и может он точно перегнул палку? Не то, чтоб Вячеслав поверил попу. Да ни в жизнь. И Бусинку свою унижать не позволит. Но может он сильно ее прижал. Девочке сейчас и так непросто, а он ей все перекрыл, пережал, как в тиски взяв. Ну, пусть играется, пусть сходит на свои службы, от него че, убудет? Да и со священником…

Блин, Федот был прав. Вячеслав верил в то, что есть над ними Бог. Над всеми их жизнями и поступками. Может мать, которую он почти не помнил, ему это в голову вдолбила. Может еще кто. Точно не приют при совдеповском атеизме. И пусть саму церковь, как организацию Вячеслав скорее презирал, видя их закулисные игры с теми, кто как его Бусинка, искренне приходили, принося все, что в душе было. Но не Бога.

Оно вроде с попами и понятно, че он, сам лучше? Идиотов надо пользовать, раз позволяют. Но именно в церкви его это цепляло. Видно и тут остатки какого-то воспитания сказывались. Боров раньше просто старался в это не влазить.

— Ты бы переговорил с этим попом, — снова попер Федот толкать свою мысль. — Ну, мало ли. Мы с тобой в курсах, что и как делается. Может и тут что-то пробить можно, а, Слав? Ну, малышка вон, сколько ходила, за тебя просила. Верит же. Может и права в чем-то. От тебя ж не убудет? Пробей вопрос. Может надо им чего? А они пусть за нее помолятся, свечки там свои попалят, а? Ну кроме того, что Леха завтра скажет…

Федот смотрелся как-то неуверенно. А Вячеславу, несмотря на все паскудство ситуации, даже весело стало от всего этого. От речи. Блин. Не зря они с Федотом столько дружили. Даже мыслили в одну сторону. Где-то из тех побуждения и идей, о которых сейчас Федот говорил, он и предупредил Лысого, что тот завтра Бусинку с утра в больницу повезет, а Вячеслав их там встретит. Потому что собирался выехать раньше и таки заехать к попу. Ну, так, на всякий пожарный.

Глава 38

Когда он выехал, было еще темно.

Бусинка, поначалу просто не понимающая, зачем это делать, не особо охотно поднялась. И расстроилась. Особенно после того, как он сообщил ей об очередных анализах. Причин Вячеслав малышке не приводил, просто сказал, что «надо». Она не спорила, хоть и скривилась. А потом и вовсе скисла, поняв, что Вячеслав уезжает без нее.

И все это ему настроения никак не добавило, учитывая, что Вячеслав всю ночь бдел над нею, почему-то боясь упустить хоть один вдох малышки.

Он пообещал ей, что в больнице они встретятся. И больше не оттягивая, поехал в церковь. Умолчав и об этой детали перед Бусинкой, просто сказал, что еще должен уладить одно дело. Вячеслав смутно представлял себе, во сколько священник появляется на «рабочем месте», но все же рассчитывал застать попа.

В результате, он почти не прогадал: священник переодевался, видно только явился к заутрене, или чего там они утром служат. Сказать, что тот удивился — ничего бы не значило. Поп точно не ждал явления Боруцкого. И все же, достаточно быстро оклемался и, взяв себя в руки, настороженно поинтересовался причиной визита?

Прежде чем ответить, Вячеслав зашел внутрь комнатушки, закрыл за собой дверь, чтоб быть уверен, что «ни одна собака…», и только потом тяжело смерил попа взглядом:

— Врач говорит, что у нее может быть рак, — не уточняя и не называя имени Бусинки, выдавил из себя Боров.

Священник на пару секунд застыл, глядя на Боруцкого с оторопью. Откашлялся. И сел на стул:

— У Агнии? — на какой-то ляд переспросил он, будто и так было не понятно.

Вячеслав ответил на это злым взглядом и цокнул языком. Поп аж передернулся весь. Обхватил свой крест и тихо прошептал:

— Помилуй, Господи! — Вновь глянул на Вячеслава. — Но я-то вам зачем? — уточнил Игорь. — Что я могу, кроме искреннего сопереживания и молитвы за это дите?

Боруцкий сжал в кулаки руки, упрятанные в карманы:

— Да это, собственно, и нужно. Что там у вас и как делается? — он все с той же хмуростью смотрел на священника исподлобья. — Сколько вам денег дать, чтоб за нее молились? На церковь эту надо что-то? Или вам новую отгрохать? Мы оба знаем, как все решается, — Вячеслав хрустнул пальцами. — Что мне надо сделать, чтобы она выздоровела? Чтобы оказалось, что нет у нее ни фига? — с нажимом потребовал он ответа.

Священник посмотрел на него так… С тем выражением на лице, которое Вячеслав вообще ни у кого терпеть не мог, да и не терпел. Потому что никто не имел права смотреть на него с пренебрежением или чувством превосходства. И, тем не менее, этот поп смотрел на него сейчас именно так.

— Зачем вы пришли ко мне с таким вопросом? Невозможно купить милость Божию, Вячеслав Генрихович. Надо верить. И все. Это самое большее и единственное, что Бог ждет от нас. Ничего не дадут ваши деньги. Она свои носила, как пожертвование, а не в попытке купить что-то, отдавая последнее, что имела. Я и так буду молиться за Агнию. Но купить для нее здоровье… — священник покачал головой. — Нам неведомы замыслы и пути Господа нашего. Как и то, для чего даются нам испытания. Только вера помогает нам вынести все и пройти по пути, приготовленному для нас. Вера то, чего вам не хватает…

— Ты мне в башку со своими проповедями не лезь! — рыкнул Боров, позволив прорваться своему раздражению и злости, накопившейся от чувства безысходности за эту ночь. — Не твоего ума дела разбираться в том, во что я верю или не верю. Я тебе одно скажу, — он впритык подошел к священнику и навис над ним всем своим ростом. Опустил ладонь ему на плечо, чтоб не думал рыпаться. — Я за эту девочку на что хочешь пойду, удавлю кого угодно. Заплачу без разницы кому и сколько, сечешь? — Он с силой сжал плечо попа рукой. — Ты мне тут не чеши про то, чего мне хватает, а чего нет. Я тебе конкретный вопрос задал: как ее вылечить? Вот и отвечай конкретно.

Священник хоть и занервничал, не спасовал. Несмотря на все это Борову пришлось по душе.

— Нет конкретной инструкции, поймите же! Да и, — священник глубоко вздохнул. Но не попытался вырваться из захвата Вячеслава. — Вера ведет людей. Вера в силу и милость Божию. А вы во что верите? В себя? В свое эго и богатство? И чем это вам сейчас может помочь? Я не знаю, по какой причине и почему именно вам был дан на пути такой светлый человек, как эта девочка. Не представляю даже, за что она так беззаветно вас полюбила, что всю себя готова была за ваши грехи отдать. И мне неведомо, за что на нее такая напасть сейчас: за ее ли безоглядную любовь к вам; или наоборот, потому что вы не цените тот дар, который Бог дал вам, не смиряете себя и не признаете его милости. Возможно это вам урок, данный на то, чтобы было что-то осознанно, когда из-за своего… образа жизни вы теряете дорогого вам…

Все. Боруцкого начало телепать. Он сдерживался. До последнего сдерживался. Но его терпение и выдержка лопнули.

— Бл…! Она — моя! Моя! Ты можешь уразуметь это своими мозгами, отравленными вашим ладаном?! Она моя, вся! От кончика носа и до пяток! Никто не давал мне ее, только сама Агния решала, что хочет быть со мной. И не струхнула не из-за чего, что ты тут городишь! И если у вас тут все так по-долбанному. Если за то, что она нормально жила все это время, имела возможность есть по-человечески и была защищена от всего на свете, вы считаете ее в чем-то виноватой и грешной — вас тут всех поубивать мало! — Он снова встряхнул попа, кажись, немного оторопевшего от такого наезда. — Но, блин, хрен с вами, ладно! — Боруцкий с усилием, шумно втянул в себя воздух через сжатые зубы. — Если для того, чтобы вы все отцепились от нее, чтобы перестали обвинять в чем-то и переводить все стрелки на Бусинку… Ладно, хрен с вами. Ты нас обвенчаешь. Сегодня. Так она будет чиста и не виновата перед вашими правилами? — с реальной яростью потребовал он ответа у попа.

— Но… — по ходу, поп совсем ошалел. — Но… Подождите.

Священник даже выставил руки и отодвинулся от Вячеслава, чему он сейчас не мешал.

— Подождите. Так не делается. И ей еще восемнадцати нет. И нельзя сегодня. Вторник же, — поп даже головой потряс, видно, чтоб в той посветлело.

Только Боруцкий не собирался спрыгивать и давать ему послабление:

— Значит, завтра, — он хрустнул пальцами.

— Да, погодите же, — возмутился Игорь. — Мы даже не уверены, что вы крещены! И без регистрации! На это особое разрешение надо. И не венчаются лишь назло чему-то, или чтобы доказать что-то! Это великое таинство, между Богом и двум людьми, вступающими в отношения. Их душами…

— Ты в отношения наши и в души не лезь, — снова огрызнулся Боруцкий, ухватив теперь Игоря за перед рясы. — Это наше. И свое я никому не отдам, даже Ему, уразумел?! Не можешь повенчать сегодня, — он сжал губы. — Лады, тогда крести меня сегодня, и забудем про это. Регистрировать ни хрена не будем. Это ее же защитит, — он с тяжким намеком глянул на попа. — Сам понимаешь, чем меньше о Бусинке знают, тем в большей она безопасности. И тем мне легче

убрать тех, кто попробует кому-то что-то растрезвонить, — уже совсем «прозрачно», намекнул Вячеслав попу. Достал из кармана деньги, пока тот молча хлопал глазами и бросил пачку на подоконник. — Вот. Мне без разницы как, но достань разрешение. И чтоб без проволочек. Даю тебе три дня на то, чтоб ты все решил с венчанием. Скажешь, что это пожертвование от особо верующих. Или сам придумай что. Если мало будет, не боись, не зажмусь, дам еще, — Вячеслав раздраженно цокнул языком, видя, что поп все еще не до конца въехал. — Ладно, потом будешь догонять, — он снова ухватил Игоря за плечо. — Сейчас у меня времени мало. Пошли.

Боруцкий сам пошел к выходу и священника поволок за собой.

— Куда? — искренне удивился тот, все-таки идя следом.

— Ну, ты, блин, тупой. Крестить меня будешь! — раздраженно рявкнул Боруцкий. — Не хрена ей мои грехи на себя тянуть, пусть все на мне будут! А Бусинка должна быть здорова. Так что, давай, счас меня окрестишь, и начнешь за нее молитвы свои читать. А в течение трех дней — повенчаешь нас, — распорядился он, уже выходя в темный коридор.

А сам подумал, что парламентарий из него сегодня не ахти какой. Только и может, что орать на всех, из-за страха за свою малышку. Блин. Лучше бы Федота послал договариваться от своего имени. А то поп вон, вот-вот от страха и шока еще окочуриться.

Агния хотела спать и совсем не понимала, зачем ей снова сдавать кровь для новых анализов. Ведь все нормально и с прошлыми? По ее мнению Вячеслав перегибал палку в вопросе ее здоровья. Разумеется, она не хотела его бы обидеть таким мнением, потому и промолчала и послушно приехала в больницу, ничего не ев, как и положено. И, по правде сказать, торопилась она сюда, немного подгоняя Вову, только потому, что уже хотела увидеть любимого, куда-то уехавшего утром без нее.

Куда больше непонятных анализов Агнию волновали эти «дела», которые Вячеслав торопился уладить ни свет, ни заря. И то, что могло скрываться за столь «расплывчатым» определением.

Потому она безумно обрадовалась, увидев его внедорожник на парковке за одним из корпусов больницы, где они всегда оставляли машины, чтобы меньше «мелькать». Агния выскочила из машины чуть ли не до того, как сам Вова припарковался, зная, что Вячек сейчас начнет ворчать за ее «скачки на ходу», и все равно не хотела ждать. И тут же забралась к нему на заднее сидение. Потянулась к обернувшемуся Вячеславу, игнорируя именно то выражение на его лице, которого ожидала, и крепко обняла, надеясь переждать нотацию, уткнувшись носом ему в шею.

— Бусинка! — ожидаемо начал Вячеслав.

И тут, ни с того, ни с сего, умолк на полуслове. Сам зарылся лицом в ее волосы и так крепко обнял, что у Агнии ребра затрещали. Прижал ее к себе. Все еще молча и не рассказывая ей, что стоит дожидаться, пока Вова окончательно остановится автомобиль. Но Агнию даже не это удивило. А то, что от Вячеслава ощутимо пахло чем-то до боли знакомым, привычным и таким успокаивающим, что Агнии захотелось втянуть воздух в себя еще глубже.

Ладаном, вдруг осознала она. И еще всей той смесью запахов и ароматов, которые всегда пропитывали воздух в церкви.

Агния растерялась. Совсем.

Ничего не понимая, она запрокинула лицо и посмотрела на Вячеслава, пытаясь понять, зачем он ходил в церковь:

— Вячек? — неуверенно начала Агния. — С отцом Игорем все в порядке? — искренне опасаясь за священника после того, как Вячеслав вытащил ее из церкви несколько недель назад, уточнила она.

А он вдруг усмехнулся. Посмотрел на нее с легким изумлением. Покачал головой, продолжая улыбаться:

— Ишь ты, просекла. Умная стала, да? — Вячеслав поднял одну руку и погладил Агнию по щеке. — Не переживай. Путем все с твоим попом. Жив-здоров.

— А зачем ты ездил к нему? — все еще мало что поняв, попыталась выяснить она.

Вячек криво улыбнулся. Притянул ее лицо к своему, заставив Агнию привстать с сидения. И мягко коснулся губами ее волос, виска, скулы. Все так сдержанно, еле ощутимо. Прижался к губам и… Вдруг сорвался и поцеловал, серьезно, по-настоящему, жадно. Так, что Агния уже и забыла: о чем там спросила.

— Ты моя, так ведь, Бусинка? — чуть отодвинувшись, хрипло спросил ее Вячеслав, продолжая гладить щеки Агнии своими горячими ладонями. — Моя?! — с напором переспросил он, пока она пыталась отдышаться.

Агния кивнула, не в силах пока нормально что-то сказать. Удивляясь его странному настроению.

— Твоя, — наконец, сумел выдохнуть она.

Вячеслав снова притиснул ее к себе. Погладил по голове ладонью.

— И ты веришь мне, так ведь, малышка моя? — спросил он, прижимаясь подбородком к ее макушке.

— Вячек, я не понимаю…

— Не важно! — оборвал он ее попытку выяснить, что происходит. — Ты же мне доверяешь, Бусинка? — снова спросил Боруцкий.

— Конечно, — не задумываясь, кивнула Агния. И словно пытаясь его успокоить, прижала ладонь к его груди.

— Ну, вот и хорошо, — Вячеслав расслабился, словно б сомневался в ее ответе.

«Вот, странный», Агнии стало смешно.

Неужели Вячеслав не понимал, насколько сильно она его любит? Неужели сомневался и боялся чего-то?

Боруцкий?

Ей в это не верилось. И потому она еще больше запуталась в его странном настроении и поведении.

— Хорошо, — опять повторил Вячеслав, продолжающий все это время с нажимом гладить ее волосы. — Я все решу, малышка. Ты просто делай, что я скажу, лады? И не волнуйся, — он потянул за ее волосы, заглянув Агнии в глаза. — Не стремайся, все нормально будет. Все решим, обещаю, — заверил ее Вячеслав.

А Агния совсем уже не понимала, о чем он. Но кивнула, лишь бы любимый не волновался.

Она обнаружила это в бардачке его машины уже потом, на обратном пути из больницы. Когда полезла искать влажные салфетки, чтобы оттереть небольшое пятнышко крови на руке. Как-то сегодня неаккуратно медсестра брала анализы. Вон, капнуло. Хорошо, Вячеслав в это время разговаривал с Алексеем Витальевичем в соседнем кабинете. Иначе медсестре могло бы прилично попасть. Наорал бы на нее Вячеслав, сто процентов.

В общем, Агния осмотрела все боковые отделы на дверях и сидениях, но не нашла салфеток. Вот и забралась в бардачок. Вячеслав в этот момент как раз внимательно следил за движением, потому как они остановились на оживленном перекрестке. Вот он и смотрел на дорогу. А она открыла дверцу и с удивлением и оторопью подхватила выпавший оттуда крестик.

Простой совсем. Самый обычный. На длинной черной веревочке.

— Вячек? Это чей? — вообще ничего не подумав, уточнила она.

И подняла глаза на Вячеслава.

— Что? — не отвлекаясь от дороги, перепросил он.

— Крестик, — Агния подняла веревочку выше, чтоб ему было видно.

Вячеслав обернулся с нечитаемым выражением на лице. Глянул на этот крестик. Потом на Агнию. Сжал губы. И ничего не ответил.

Протянул руку и обхватил ее ладонь, заставив Агния стиснуть этот крестик в своем кулачке. И вновь повернулся к дороге.

А она вдруг поняла. И запах утренний вспомнила. И такое в голове вдруг сложилось, что даже страшно стало, сердце похолодело внутри:

— Вячек, ты чем-то болен? Что-то серьезное, да? В тех анализах, что ты в прошлый раз со мной сдавал, что-то было? — она не могла себе представить иной причины, чтобы он вдруг покрестился. — Ты потому сегодня меня притянул? Думаешь, что и я могла заразиться? — Агния протянула свободную ладонь и обхватила его руку, сжимающую рычаг переключения передач.

Любимый опять повернулся к ней и уставился на Агнию, только теперь с каким-то весельем и удивлением.

— Блин, Бусинка! — Вячеслав покачал головой, глянул на дорогу и снова повернулся к ней. — Ну, ты и даешь! Как придумаешь. — Он хмыкнул. — Нормально все. Я тебе говорю. Нормально. — С каким-то нажимом заверил Боруцкий ее.

Но Агнии почему-то не стало спокойней.

Следующие два дня она почти безвылазно провела в студии. Стас позвонил ей вечером того дня, когда Вячеслав возил ее на анализы, и немного путаясь, будучи явно навеселе, проорал в трубку, что написал для нее просто обалденную песню. Агния уже действительно волновалась о том, сколько друг пьет. С тех пор как у него появились приличные деньги, а Вячеслав не скупился на оплату песен, Стас гулял чуть ли не ежедневно. Но из-за своего пошатнувшегося здоровья, да и потому, что ее перевели на заочное обучение, они со Стасом виделись теперь куда меньше, и Агнии не удавалось нормально поговорить об этом со Стасом. Когда же она поделилась своими волнениями с Вячеславом, он лишь пожал плечами и заметил, что своего ума и понимания Агния никому передать не сможет. Если у пацана сорвало крышу от нежданных бабок — они тут мало чем помочь могут. Да и зря Агния «стремается», молодой пацан, нагуляется, попустит его. Че, мало таких? Да через одного пацаны так в молодости отрываются, уж Боруцкий стопудово знает. А у Стаса хоть деньги на нормальную выпивку есть, и он не травится паленой водкой. Перебесится. А если нет, тогда можно будет Федота попросить взяться за парня, он пацанов умеет от этого дела так отвадить, что никого потом в загул не тянет.

Почему-то Вячеслав так усмехнулся, когда рассказывал об умениях Федота, что Агния понадеялась на благоразумие самого Стаса и то, что помощь Федота тут не понадобится.

Но, как бы там ни было, и сколько бы Стас накануне не гулял, песню он действительно написал великолепную. Михаил, услышав ту, пришел в восторг и тут же потребовал, чтобы они начали над ней работать. Агния тоже была готова с радостью заняться этим, поскольку немного уставала просто сидеть дома, пусть и с Плюхом, и под охраной Вовы. Ведь Вячеславу все же приходилось часто уезжать, курировать свои многочисленные фирмы и объекты. И хоть сам Боруцкий не совсем благосклонно отнесся к идее, мотивируя свое ворчание тем, что Агния может снова заболеть, после нескольких часов уговоров ей все же удалось его убедить, что все обойдется. Разумеется, дав

клятвенное обещание, что она не будет переутомляться и напрягаться, и пошлет «на фиг» продюсеров, если те не будут давать ей передыху». Собственно, Вячеслав даже сам решил время от времени заглядывать в студию, чтобы контролировать процесс.

К репетициям и прослушиванию они приступили с самого утра. К обеду Агния немного устала, но честно продолжила петь, попросив лишь небольшой перерыв. Эля, вместе с ней севшая пить чай, посоветовала Агнии попить витамины, которые ей самой помогали во время осенних и весенних упадков сил. И очень интересовалась делами Стаса, отчего-то решив, что они с Агнией встречаются. Сама Агния ее не переубеждала, только невнятно улыбнулась и кивнула, передернув плечами. Согласилась с беспокойством о том, сколько Стас гуляет, но «пожаловалась», что мало на что может повлиять, так как парень ее вовсе сейчас не слушает в этом вопросе. Но совет про витамины взяла на заметку и даже купила вечером, попросив Вову остановиться у одной из аптек по пути.

При таком темпе работ к вечеру четверга они почти закончили подготовку и собирались начать запись в пятницу с самого утра. Михаил уже даже настроился запустить песню в ротацию на радиостанциях через неделю. В успехе и желании сотрудничать этих самых радиостанций он не сомневался, так как две предыдущие композиции Агнии пользовались в эфире популярностью слушателей. Но эти планы напрочь поломал Вячеслав.

Как и обещал, ее «крестный», приехал в четверг вечером в студию, «оценить» работу (он заглядывал и несколько раз в течение этих двух дней, действительно контролируя, чтобы Анию не заставляли «перерабатывать», хотя она сама забывала обо всем, когда пела). Он зашел в студию, когда она в последний раз исполняла уже отшлифованную версию песни, сел в самом углу, на том месте, которое отчего-то всегда выбирал. У него было какое-то странное настроение, Агния это сразу поняла, хоть и не смогла разобраться, в чем дело. И тут же внутри всколыхнулось беспокойство, которое так и не улеглось со вторника, страх о том, что Вячеслав скрывает что-то о своем здоровье от нее. Даже успела расстроиться, что не настояла, когда он так и всунул тот крестик ей, сказав, что Агния лучше понимает, чего с этим делать. И не захотел носить, хоть она и пыталась заметить, что это было бы лучше в любом случае. Свой крестик Агния никогда не снимала, вообще.

Но вроде бы это расстройство никак не сказалось на ее исполнении и Агнии удалось не выдать страх голосом. Да и Вячек без каких-либо замечаний дослушал песню до самого конца. А вот потом, когда Михаил поделился с главным спонсором своими планами, Боруцкий как-то иронично поджал губы и решительно отверг все планы продюсера, заявив, что раньше понедельника они продолжать не будут. Да и завтра у него на крестницу другие планы. И о здоровье ее следует помнить. Так что пусть готовятся к записи только в начале следующей недели.

Агния, не очень понимая, отчего он так категоричен, все-таки не вмешивалась в этот разговор, слишком занятая тем, чтобы разгадать настроение любимого и то, что за этим настроением может скрываться.

Из студии они с «Вячеславом Генриховичем» вышли по одному, но уже после двух перекрестков машина Боруцкого резко сбросила скорость и затормозила, вынудив и Вову остановить автомобиль. Без объяснений Агния поняла, что от нее требуется и быстро пересела.

Впрочем, нельзя сказать, что Вячеслав собирался ей что-то рассказывать или объяснять, почему именно на понедельник перенес запись песни. Поцеловав ее, едва Агния захлопнула за собой дверь пассажирского сидения, Вячеслав отвернулся к дороге. И хоть он все время удерживал в своей руке ее ладонь, даже переключая скорости, разговор вовсе не клеился. То ли ситуация на

дороге целиком поглотила внимание Вячеслава, то ли какие-то свои мысли, которые он не спешил открывать ей, но Агния ощущала себя как-то неловко и не к месту. Хотя знала, что Вячеслав не поймет и даже обидится, если она скажет что-то такое.

Агния пыталась заполнить пустоту салона замечаниями о погоде, которая становилась все хуже, рассказывала о разговоре с Элей, о том, что они исправили в первоначальном варианте песни. Но на любую из этих тем добивалась лишь невнятного «угуканья» в ответ. В какой-то момент это ее даже развеселило, и Агния, не меняя тон, начала рассказывать о предложении Михаила принять участие в одном из концертов, которые начинаются в связи с открытием сезона в филармонии. Не в классическом отделении, а в номерах современной интерпретации. Это позволило бы заявить о себе, как о певице, готовой выступать публично. И Агния очень хотела перейти на этот этап. Не из-за славы или общения со слушателями, как ни странно. Не для того, чтобы ее стали узнавать, не только как голос по радио. Агнии хотелось, чтобы Вячеслав наконец-то стал получать прибыль со всех тех денег, которые все это время в нее вкладывал.

Когда же в ответ и на просьбу об участии в этом концерте, она получила от Вячеслава «хорошо», причем он согласился, не отвлекаясь от дороги, Агния перестала веселиться и искренне заволновалась. За последние три месяца Вячеслав отвергал даже намеки о подобном.

— Вячек, все нормально? — после нескольких минут молчания, уточнила Агния. — У тебя какие-то проблемы? — тихо пробормотала она, опустив глаза на свои руки.

Честно говоря, на какую-то долю секунды ей стало страшно. Страшно, что она ему наскучила и стала полностью неинтересна. Что он тяготится ею. Бог знает, почему. Но ведь Агния по сути все еще оставалась неопытной девчонкой, которая совершенно не знала, как и на что смотреть, чтобы понять отношение любимого к себе. Как быть для него всегда самой любимой и нужной?

То ли ее вопрос, то ли тон, которым она это спросила, а может еще что-то в поведении Агнии все же заставило Вячеслава обернуться:

— Бусинка, ты чего? — обеспокоенно поинтересовался он, перестраиваясь к бровке. — Ты себя нормально чувствуешь? Или плохо снова? Блин! Говорил же, что нечего так пахать! — возмущенно заворчал он, заставляя ее поднять голову и глянуть на него. — Что такое? — опять спросил он, видно потому, что Агния так и продолжала молчать, не поднимая на него глаза.

— У тебя проблемы? — так же тихо, как и первый раз, спросила она, не желая казаться ему совсем дурочкой и озвучивать свои подсознательные страхи.

— С какой стати? — искренне удивился Вячеслав и непонимающе нахмурился.

— Ты только что разрешил мне принять участие в концерте через месяц, — заметила Агния, все еще уставившись на свои переплетенные пальцы. — А, учитывая, что раньше ты и слушать о таком не желал, я и подумала, что ты вряд ли слышал, с чем соглашался. А значит, думаешь о чем-то более важном. Вот, и подумала, что проблемы какие-то, — она неуверенно передернула плечами и с некоторой робостью подняла глаза.

Вячеслав хмурился:

— Какой концерт? Ты чего? Ты загнуться хочешь? Совсем обалдела? Нет! Даже не думай! — решительно заявил он. Даже по рулю хлопнул. — Никаких концертов, малышка. Вот еще. Ты мне живая и здоровая нужна. И нечего тратить свое здоровье на что попало! — продолжал ворчать Вячеслав, отъезжая от бордюра.

Ей стало проще и отпустило внутри.

— А почему ты запись перенес? — уже гораздо веселее уточнила Агния, даже не подумав спорить о концерте.

Если она ему нужна, то все остальное теряло свое значение. Успеется.

Вячеслав как-то напряженно застыл после ее вопроса. Косо глянул на Агнию через плечо. Провел большим пальцем по брови, что делал только тогда, когда что-то выводило его из равновесия. И снова глянул на Агнию:

— Нам с тобой завтра надо будет кое-куда подъехать, утрясти одно дело, — наконец, бросил он, вроде как о чем-то несущественном.

И больше она ничего не смогла от него добиться по этому поводу за весь вечер.

Утром Вячеслав снова разбудил ее достаточно рано и не позволил позавтракать. Даже воды выпить не дал. А на удивленный вопрос Агнии ответил только:

— Так надо, — и отвернулся, почему-то не глядя ей в глаза.

— Мне опять надо сдавать какие-то анализы? — почти обреченно уточнила Агния, тяжело опустившись на стул в кухне.

Она сама выбрала их такими, чтобы были похожи на кресло. И теперь, сев, не была уверена, что соберется с силами, чтоб подняться.

— Нет, — Вячеслав все-таки обернулся. Подошел к ее стулу и неожиданно опустился, присев на корточки перед Агнией. Взял ее ладони в свои руки. — Не будут тебя сегодня мучить, малышка, слово даю. Мы просто съездим кое-куда, недолго. Кое-что решим. И все, домой вернемся.

Это он думает, что успокоил ее или что-то объяснил?

Она понимала еще меньше, чем до этого. А уж когда увидела, как на кухню заходит Федот — вообще чуть не запаниковала. Слишком уж странное выражение лица было у друга Вячеслава. Даже страннее, чем у самого Боруцкого.

Федот вообще в последние три-четыре дня вел себя очень непривычно: как-то так поглядывал на нее, когда приезжал в гости: и не задумчиво, и не грустно, вроде. То ли напряженно, то ли просто думал о чем-то своем, а Агния зря это на свой счет записывала. И поддевать ее Федот перестал. То есть, издеваться он давно над ней бросил. Но никогда не упускал случая поддеть Агнию, больше чтоб повеселить и поднять настроение. А тут вообще, как отрезало. Даже цитировать свои любимые стихи не пытался. Ни разу за эти дни не вспомнил.

И, учитывая и так существующие у Агнии опасения по поводу здоровья Вячеслава, такое поведение Федота беспокоило еще больше.

Сейчас же его приход помешал Агнии уточнить у любимого, куда же именно и зачем они едут. Войдя в кухню, Федот молча осмотрел их, хмыкнул, засунул руки в карманы джинсов, смяв пиджак, который непонятно зачем натянул сегодня поверх привычной тенниски. И как-то так вдохнул, что лицо сморщилось из-за натяжения шрама:

— Готовы? — поинтересовался Федот.

Агния хотела спросить «к чему?», но Вячеслав ее перебил:

— Еще час в запасе, не опоздаем, — ее любимый поднялся с колен, одернув брюки.

Агния только сейчас обратила внимание, что и он одет совсем не в привычные джинсы и свитер, а в классические брюки от костюма и рубашку серо-стального цвета. К чему бы это? Или он на какую-то встречу собрался? И ее с собой тянет? Или это потом он по другим делам едет?

— Взял? — непонятно для нее, спросил Вячеслав у Федота.

Тот кивнул. А Вячек повернулся к Агнии и протянул руку:

— Давай, Бусинка, беги, одевайся, — велел он, помогая ей подняться. Еще и к лестнице подтолкнул.

Одевайся. Легко сказать. И что ей одевать, если посмотреть на мужскую половину ее семьи? Берут ли и ее туда, куда все так нарядились? Не то, чтобы она в последнее время одевалась как-то

не так, да и джинсов в ее гардеробе не было с тех пор, как Агния решила обновить образ. И все же.

Желая окончательно убедиться, Агния подошла к окну на площадке между первым и вторым этажами и выглянула во двор, туда, где обычно парковали машины: Вова стоял на дорожке, вычитывая за что-то Плюха, судя по жестам. И хоть он был одет не в костюм, но во что-то максимально приближенное к этому.

Честно говоря, Агния даже не представляла, куда же они могли поехать. Тем не менее, она решила не уточнять в очередной раз. Просто пошла в комнату и выбрала светло-зеленое атласное платье, с рукавом и подолом, спадающим чуть ниже колена мягкими волнами, которое на ее взгляд, выглядело и достаточно простым, и элегантным в тоже время. Чтобы оказаться к месту в любой ситуации. Волосы она не собирала.

Когда Агния спустилась на кухню, Вячеслав что-то прятал в карман, она не увидела, что именно, но отчего-то ей показалось, что кусок ткани. Но, поскольку Агния совершенно не понимала, зачем Вячеславу могла понадобиться белая ткань, то она решила, что ошиблась. Любимый повернулся к ней и так посмотрел, что Агния уже ни о чем и не задумывалась. За таким чувством, что было во взгляде Вячеслава, все остальное просто терялось и становилось несущественным.

— Поехали, — протянув ей руку, позвал Вячеслав.

Помог надеть плащ и потянул к выходу. И Агния послушно пошла за ним, заметив, что Федот уже вышел, только тогда, когда и они оказались на улице.

Вячеслав усадил ее в свою машину, и Агния, пристегнув ремень, наблюдала через окно, как выезжают со двора их автомобили:

— Вячек, тебе не кажется немного не честным то, что я одна, похоже, не понимаю, что происходит, и куда мы едем? — не поворачиваясь к нему, спросила она ровным голосом.

Вячеслав хрустнул суставами пальцев и крепче сжал руль:

— Ты же говорила, что доверяешь мне, — как-то мрачно заметил он тяжелым голосом.

Она слабо улыбнулась:

— Я доверяю, просто неловко себя как-то чувствую, — Агния переплела и сжала пальцы рук. — Все вы знаете, что происходит, а я совершено не представляю, куда мы едем. А все такие… необычные… — попыталась выразить она свои ощущения.

Вячеслав отвлекся от дороги и глянул на нее как-то напряженно. Глубоко вздохнул, втянув воздух через нос:

— Мы едем в церковь, — вдруг огорошил он Агнию.

Она даже не сразу нашлась с ответом. Пару мгновений смотрела на него. Потом на дорогу глянула, словно удостоверяясь, что они и правда едут знакомыми улицами по известному ей пути. И все-таки решила уточнить:

— В церковь? — переспросила Агния. Дождалась кивка Вячеслава. — Ты передумал? Мне опять можно ходить туда? — стараясь пока не очень радоваться, выясняла она.

Вячеслав помедлил какое-то мгновение. И все-таки опять кивнул, подтверждая ее предположение.

А Агния так обрадовалась, что все остальное на какое-то время отошло на второй план:

— Спасибо! — с искренним восторгом выдохнула она и прильнула к Вячеславу, обхватив его руками за пояс. Но стараясь при этом не мешать ему вести машину. — Спасибо, любимый!

Вячеслав, казалось, как-то расслабился. Даже улыбнулся, прижался подбородком к ее макушке и погладил Агнию по волосам.

— Сядь нормально, — наконец, попросил он, напоследок поцеловав ее в макушку.

Она послушно выпрямилась. Расправила ремень, который все это время немного давил ей на грудь. И потянулась к юбке платья, чтобы и ее поправить. И вдруг вспомнила об остальных странностях:

— А почему мы все такие… нарядные? — поинтересовалась она, заметив, что они уже заехали во двор знакомой церкви.

Вячек остановил машину. Заглушил двигатель. Снова глянул на нее. Протянул руку, погладив Агнию по щеке:

— В общем, малышка, — он цокнул языком. — Тут такое дело, — начал Вячеслав.

Но тут на пороге церкви показался отец Игорь. И Агния услышала, как начал сигналить в своей машине Федот, будто подгоняя их. Вячеслав хмуро осмотрелся и снова повернулся к ней:

— Пошли, Бусинка. Все будет хорошо, я тебе обещаю. Как положено.

И вот с этим объяснением он вышел из машины и, обойдя, открыл дверь с ее стороны, помогая выйти Агнии. Тут же вышли и Вова с Федотом. И все они пошли в сторону священника. Но Агния застыла, едва дойдя до ступеней, потянула Вячеслава за руку:

— Я же платок не взяла! — огорченно прошептала она, когда любимый удивленно глянул на нее.

Вячек улыбнулся уголками губ и, засунув руку в карман, вытащил… тот самый кусок белой ткани, который она мельком видела на кухне. Точнее, оказалось, что это не кусок белой ткани, а тонкий газовый платок, отделанный по краю невесомым кружевом. Встряхнул, расправляя его, и сам набросил Агнии на волосы. Взял ее за руку и переплел их пальцы.

— Спасибо, — так же тихо прошептала она, немного растерянная и тронутая.

Но и пораженная.

Ей очень понравился этот платок. Он был безумно красивым и наверняка дорогим. Только вот он еще и был таким… В общем, наталкивал на определенные мысли, которые могли бы показаться совсем дикими. И казались такими. Вплоть до того момента, как они все-таки переступили порог церкви. И пока Агния с удивлением осматривала совершенно пустое помещение, следя за тем, как отец Игорь, улыбнувшийся ей, закрывает двери изнутри на замок. И тут священник повернулся к Вячеславу со словами:

— У нас около часа. Я всех отпустил и отправил с поручениями. Кольца есть? Я должен их освятить.

Вот в этот момент она как-то даже вздрогнула, начав растерянно моргать, чтобы увидеть, как Федот достает из кармана своего многострадального пиджака коробочку и протягивает ее священнику.

— Вячек? — еле вытянув голос, попыталась привлечь она к себе внимание. — Это что? Мы что…? Мы венчаемся? — на последнем слове она почему-то споткнулась, просто не веря в реальность происходящего.

А вот Вячеслав глянул на нее с безумным напряжением. И видно ощущая дрожь, которую Агния просто не могла контролировать, притянул ее к себе, крепко обхватив за плечи:

— Ты не хочешь? — тихо спросил он сиплым голосом. И было видно, что размеренность тона дается ему с трудом.

Она не знала.

То есть, просто не думала даже. Раньше, конечно, даже не сомневалась, что рано или поздно будет венчаться со своим мужем. Но это было до того, как она узнала и так сильно полюбила своего Вячеслава Генриховича. А Боруцкий и венчание… Эти два понятия и явления казались ей несовместимыми, особенно в свете отношения Вячека к церкви. И для Агнии это стало

бессмысленным. Несущественным каким-то. Лишь бы быть с ним, пусть и осознавала она, что такое отношение откровенно греховно. Агния просто молилась и об этом, прося у Бога прощения и понимания.

Вячеслав напряженно ждал ее ответа, с каждой секундой мрачнея все больше, а Агния никак не могла подобрать слова, чтобы все ему объяснить, чтобы как-то выразить сумятицу, внезапно возникшую на душе. Она не замечала, что происходит вокруг, и что делают близкие им люди, оказавшиеся свидетелями ее растерянности и напряженного ожидания Вячеслава.

— Я даже не думала, что ты захочешь этого, — наконец, так же тихо, как и он, произнесла Агния, глядя на него снизу вверх.

Наклонила голову и прижалась щекой к груди любимого, чувствуя, как он еще сильнее обнимает ее, как прижимает к себе и утыкается лицом в ее волосы. Как пробирается под платок, больше напоминающий фату, хоть и сдержанную, такую… Она сама бы такую выбрала, наверное. И как зарывается своими пальцами в ее пряди.

— Я спросил — хочешь ли ты этого, Бусинка? — хрипло повторил Вячеслав, требовательным голосом.

— Я… Я не знаю, Господи! — Агния ощущала себя настолько неуверенно, что готова была расплакаться. — Я просто люблю тебя, и это для меня было самым главным. С обетами или без… Все равно, в душе я и так знаю, кто ты для меня. И так всегда будет. Бог это видит. Не думай, что я бы настаивала или требовала, Вячек! Я совершенно не…

— Малышка, — Вячеслав, кажется, улыбнулся ей в волосы. — Бусинка моя. Вечно ты за меня пытаешься придумать и расписаться.

Он протянул руку и пальцами вытер ее щеки. Похоже, она все-таки заплакала, хоть и сама не заметила, как слезы покатились.

— Ты мне ничего не сказал, — попыталась возразить она, словно напоминая, что и он не поинтересовался ее мнением. — Ты хоть знаешь, что это навсегда? Здесь развестись нельзя. Ну, некоторые думают, что можно. Но по-настоящему…

— Так ты хочешь или нет? — прервав Агнию, прошептал Вячеслав ей в самое ухо. — Блин, девочка, ты не думай, что это что-то изменит. — Вот, почти не верилось, но казалось, что Вячеслав не уверен. — Я тебя так и так не отпущу. Никогда. И я предупреждал об этом. Так что не думай, что если не повенчаешься со мной, то у тебя какие-то ходы для того, чтоб сдать назад останутся. Ни фига. Ты и так моя. Вся. Я тебя никому не отдам. Ни под каким предлогом. Не хрена на мою Бусинку зариться.

Она рассмеялась от такого заявления. Уткнулась носом в рубашку Вячеслава, застеснявшись, что смеется в церкви:

— Так никто же и не забирает, Вячек. И я никогда тебя не оставлю, разве ты не знаешь? Ну что мне еще в жизни надо?

Он мог бы назвать несколько вариантов, которые вполне сумели бы вызвать интерес у молодой девчонки. Блин, да она просто сейчас не понимает, что через пять, десять, двадцать лет на многое может посмотреть иначе. И быть связанной с мужчиной, старше ее на двадцатник, может перестать быть пределом мечтаний. Только и понимая это, Вячек не врал — он ее по-любому не отпустит. Не сумеет. Не захочет.

Поэтому ли тянул с откровением о том, зачем они сегодня сюда едут?

Не только.

Вячеслав не знал, как она отреагирует на такое сообщение. Не знал, не выдумает ли еще чего,

по типу его «серьезной» болезни.

Да и просто, блин, ну как надо сообщать о таком? Вот он как-то не в курсах оказался. Тем более что сам кричал, что больше ни за какие коврижки ее в церковь не пустит. А тут — не просто привел лично, а еще и венчаться хочет. Куму не станет интересно: с чего вдруг?

И не скажешь же, что ради любого шанса для ее здоровья готов не то, что в церковь, в Тибет к шаманам отправиться. Да и, вообще, он не собирался говорить Бусинке о своих страхах и подозрениях Лехи. Ни при каком раскладе. Не фиг еще и ей нервничать.

Федот и Лысый отошли, пока они тут начали свои разборки, и отвернулись, ну, не при делах, типа. А поп то и дело поглядывал, переминаясь на месте, словно не знал, куда себя приткнуть. И чему-то удивлялся, если по выражению морды судить. Ну и фиг ним. Не до священника.

— Так я не понял ответа? Ты че, против, малышка? — он оттянул ее голову от своей груди и заглянул в глаза своей Бусинки.

— А ты не пожалеешь потом? — чуть нахмурившись, спросила его малышка, закусив нижнюю губу. — Почему ты вдруг решил это сделать?

— Да мне, по факту, без разницы, Бусинка, что это меняет? Я тебе по себе все сказал, — подмигнул ей Вячеслав. — Только для тебя-то это не так. И важно, если этому попу верить, — он махнул головой в сторону священника. — Так что, прекращай мне рыдать, — распорядился Вячеслав. — Пошли уже? У нас не так и много времени. Да и Федот, вон, кайф не ловит. Он мне еще и крещения своего не спустил. А тут…

— Ты поэтому крестился? — Агния только сейчас связала эти факты, уже не в силах осознать, что и Федоту пришлось идти на такие «жертвы» по прихоти и идее Вячеслава. Ради того, что он захотел сделать для нее.

— Ну, без этого, типа, ничего не выйдет, разве не так? — снова улыбнулся Вячеслав.

Агния смогла только кивнуть, поняв, что не совсем понимала, насколько именно он ее любит и как беспокоится обо всем, что имеет для нее значение. А она вчера боялась, что уже надоела Вячеславу… Сейчас все эти страхи и сомнения показались такими глупыми и мелкими.

— Пошли, — кивнула она, соглашаясь с таким неординарным предложением.

— Вот и ладненько. Умница моя.

Вячеслав проговорил это с облегчением, будто и правда думал, что она может отказаться. Спрятав улыбку, Агния поправила платок, воспринимавшийся сейчас ею однозначно, и пошла вместе с ним в основной зал храма, куда уже ушел отец Игорь, чтобы освятить кольца.

«Свидетелем» с ее стороны, то есть «дружкой», оказался Вова. В общем, неожиданно, конечно. Хотя, как посмотреть. О роли Федота и сомневаться не приходилось. Разумеется, как и обычно, он всегда и во всем поддерживал Вячеслава, даже если не совсем был согласен с действиями друга. Правда сейчас Агния не видела в нем ни ехидства, ни насмешки. Наоборот, какую-то серьезность.

Она же была настолько поглощена самим фактом, всем этим событием, нежданно происходящим с ней, с ними, что просто смотрела на все, впитывала, оставив осмысление и осознание на потом. На то время, когда сможет сесть и неторопливо все вспомнить, обдумать, прокрутить в памяти мельчайшие подробности.

Огонек ее свечи немного дрожал из-за нетвердых рук, пока Агния слушала голос отца Игоря, казалось, наполнивший весь храм. И в какой-то момент она осознала, что боится смотреть на свечу Вячеслава, и молится о том, чтобы Бог отмерил им равный срок. Так, чтоб «в один день», и никак иначе, потому что не могла представить, что будет существовать без любимого.

И все же, как ни странно, голос ее не дрогнул, когда Агния подтверждала свое согласие. А когда Вячеслав решительно и громко подтвердил свое намерение, у нее в душе вдруг вспыхнул такой восторг, такое счастье, что захотелось петь. Громко. Не как в студии, а искренне, от всей души. В полный голос подхватить восхваляющие Господа псалмы, которые священник сейчас зачитывал в одиночестве, потому как постарался избежать нежеланных для них свидетелей.

И даже кольцо, которое Вячек надел на ее палец сейчас рассмотреть не могла, боясь оторваться от его лица, упустить хоть что-то. Решила, что это успеется. Зато то кольцо, что сама ему на палец надела, рассмотрела, потому как оно совсем на обручальное не походило. И это оказалось приятно. Проведя достаточно времени с этим мужчиной, она уже понимала, что раз он постарался выбрать неоднозначное кольцо, значит собирался носить его постоянно. Агния отчего-то восприняла это как факт принятия Вячеславом их венчания. Словно бы то, что происходило сейчас, значило для него куда больше, чем даже его крещение.

Глава 39

Всю дорогу домой она рассматривала свое кольцо: широкое и плоское, из какого-то белого металла по центру и с каймой отполированного золота по краям. На полосе белого металла одной линией располагались три камня. Поскольку они невероятно напоминали камни в ее кулоне, Агния не сомневалась, что и это бриллианты.

— Нравится?

Видимо Вячеслав, даже следя за дорогой, заметил ее интерес.

— Очень-очень, — совершенно искренне призналась Агния, одарив его счастливой улыбкой. И посмотрела на человека, который теперь перед Богом и людьми был ее мужем. — Только, наверное, я не смогу его носить постоянно, да? — с разочарованием она вновь глянула на безымянный палец своей правой руки, где сейчас это кольцо весело поблескивало камнями. — Это будет выглядеть подозрительно?

— Ты можешь носить его на другой руке, или на среднем пальце, — передернув плечами, заметил Вячеслав, — я так понимаю, что не это самое важное во всем этом вашем венчании.

— Ты свое будешь носить, да? — почему-то испытывая робость, спросила Агния, косо глянув на массивную золотую мужскую печатку, которая сейчас красовалась на пальце Вячека, куда Агния надевала ее дрожащей рукой всего час назад.

Вячеслав усмехнулся и протянул руку, обхватив ее щеку ладонью, мягко погладил, так, что Агния даже зажмурилась от удовольствия, и так глянул… В общем, и не сказал ничего, а она поняла, что была права — он это кольцо точно не снимет. Не по своей воле. Ведь оно в полной мере символизировало всю степень ее принадлежности ему.

— Голодная? — вместо этого спросил Вячек.

— Безумно, — улыбка Агнии стала шире. — Готова начать от тебя кусочки откусывать, — шутливо пригрозила она.

— Тпру, — Вячек вскинул руку, которой поглаживал ее щеку. — Лысый уже погнал в ресторан за праздничным обедом. Назад он короткой дорогой поедет. Лучше дождись, сто пудов, там будет что-то вкуснее, чем я, старый и потасканный…

Агния расхохоталась:

— Ты самый лучший! — она прижалась щекой к его плечу и обхватила любимого за пояс. А потом немного привстала на сиденье и коснулась губами его шеи в расстегнутом вороте сорочки. — И вкусный, — лукаво прищурившись, добавила она. — Все-таки, лучше я тебя съем…

— Спорим, я первый до тебя доберусь? — изогнув бровь, хмыкнул Вячеслав, обхватив ее затылок рукой, чтоб не дать отстраниться. И чуть наклонившись, хоть и продолжал смотреть на дорогу, так же шутя, как и она, легко прихватил зубами ее ухо. — Лучше дождись обеда, малышка. Там еще и Федот какой-то сюрприз для тебя приготовил. Человек так парился, не порть и ему праздник, а?

— Сюрприз? — тут же с любопытством переспросила Агния и уставилась на Вячеслава.

— Я не в курсе, — тут же открестился Вячеслав. — Мне от него ничего не светит, Андрей мне своего крещения еще не спустил, сказал, чтоб я до похорон больше от него никаких подарков не ждал. Так что это только тебе такая милость от него светит. И он от меня шифровался. Вот и жди до обеда, тогда все узнаем.

Агния, которая и так получила столько нежданных «подарков» и чудес сегодня, даже не представляла, чего еще ждать. Тем более от Федота.

Андрюха подарил Бусинке фотоаппарат. Не, ясно, что какой-то навороченный и крутой, суперсовременный, но Боров все равно чего-то не догонял:

— Блин, Андрюха, на кой ляд ей эта мыльница?! — поинтересовался Вячеслав, наблюдая, как смущенная малышка неуверенно вертит коробку в руках.

— Сам ты «мыльница», — огрызнулся Федот. — Тут три мегапикселя, ЖК-экран и зеркала. Мне под заказ привезли. Много ты понимаешь, — продолжал ворчать друг. Взял у Агнии коробку и, раскрыв, начал показывать какие-то кнопки. — Тебя, придурка, фотографировать будет малышка. Или, лучше, Плюха, он более благодарная скотина, — не паливно так намекнул Федот.

Боруцкий расхохотался, не поняв, что именно в этот момент Агния и начала практиковаться со своим «подарком». А малышка, тут же принявшись рассматривать его хохочущую физиономию на маленьком экране, заулыбалась во всю лукавую мордочку. И привстав на носочки, чмокнула Федота в щеку:

— Спасибо большое, — поблагодарила его малышка этого типа.

— Эй, я не понял, а ну отвалил от моей жены, — нахмурился Вячеслав типа в шутку и двинулся к этой парочке. — А то счас по башке получишь, — крепко обняв Бусинку, пригрозил он ухмыльнувшемуся другу поверх макушки малышки.

Эти умники, даже Лысый, рассмеялись. Да и сам Вячеслав не выдержал мины, ухмыльнулся в ответ, подумав, что как-то странно ее так называть — жена. Его Бусинка. Его малышка. Его жена. Странно. Но так, по-хорошему странно. Что внутри тепло и хорошо становится. И все правильно.

Кольцо Агния решила носить на среднем пальце правой руки, правда, для этого его пришлось немного «раскатать», как объяснил Вячек. Впрочем, ее муж это быстро уладил. А еще — купил какой-то специальный принтер, когда Агния захотела распечатать те фотографии, которыми уже успела заполнить карту памяти новенького фотоаппарата. И теперь она была занята тем, что придумывала, куда расставлять и развешивать снимки. Вот и сейчас, возвращаясь из студии, где они записывали сегодня песню, она попросила Вову заехать в магазин. И накупила огромное количество всевозможных рамок: деревянных и пластиковых, сдержанно-серебристого, коричневого и даже ярко-желтого цвета.

Полностью поглощенная мыслями о том, какое фото в какую рамку будет вставлять, она на «автомате» зашла в дом, совершенно не рассчитывая кого-то встретить. Да и тихо было так, что сложно было б предположить, что кто-то есть. Потому, свалив на диван свой груз, Агния заторопилась к лестнице, горя нетерпением принести со второго этажа стопку фотографий. И, честного говоря, прилично испугалась, заметив краем глаза какое-то движение за столом. Даже за сердце схватилась, охнув, совсем не ожидая застать сейчас на кухне Вячеслава, который утром говорил, что вернется поздно, и не перезванивал Агнии, чтобы порадовать быстрым возвращением.

Тем не менее, именно Вячек сидел сейчас на полу кухни, опираясь на одну из ножек стола. Около него стояла бутылка коньяка, определенно начатая, и полупустой бокал. В руках Вячеслав держал какие-то бумаги, которые видимо, читал до того, как появилась Агния. Увидев же ее, а может и всполошившись из-за ее вскрика, Вячеслав моментально оказался на ногах и через секунду уже подскочил впритык:

— Ты что, Бусинка? Что случилось? — обхватив руками ее плечи, Вячеслав наклонился, всматриваясь Агнии в лицо.

А она рассмеялась. Испуг сменился облегчением:

— Я совершенно не ждала никого дома застать, вот и испугалась, — объяснила Агния, крепко

обнимая мужа.

Вячек кривовато усмехнулся:

— Ну, прости, малышка. Не собирался. Думал, наоборот, сделаю сюрприз, — муж передернул плечами, притянув ее ближе.

— Сюрприз почти удался, — рассмеялась Агния и с удовольствием прижалась щекой к его груди, ощущая, как он целует ее в макушку. — А ты почему так рано? Что-то не так? — запрокинув голову, она заглянула в лицо мужа, пытаясь за блеском в глазах, явно вызванным выпитым коньяком, угадать настроение.

Вячеслав улыбнулся шире и покачал головой. Сильно-сильно обнял ее за плечи:

— Наоборот, Бусинка, — он погладил ее пальцами по векам, бровям, обхватил ладонью щеку. — Все просто шикарно. Теперь, все путем, — она зажмурилась, когда Вячек стал гладить ее по волосам. — Ты песню свою записала? — погрузив пальцы в ее пряди, поинтересовался он.

— Да, — Агния только улыбнулась, не желая шевелиться, чтобы не мешать ему, потому что от каждого движения любимого испытывала удовольствие. — Записали, диск я тебе привезла.

— Хорошо, — Вячеслав кивнул, с каким-то завороженно-задумчивым выражением глядя на то, как проскальзывают между его пальцев ее волосы. — И ты мне ее вживую споешь, лады?

— Хорошо, — с готовностью согласилась она. Помолчала. А потом решила, что лучше сама скажет, ей Вячеслав не будет грубить. — Вячек, там Михаил опять насчет того концерта говорил, он очень хочет, чтобы я начала выступать. Ты не сердись на него, когда он позвонит, хорошо? Я сказала, что ты не разрешил, но он хочет переубедить и…

— А ты сильно там спеть хочешь? — прервав ее торопливые объяснения, как-то так спросил Вячеслав, что она замолчала, уставившись на него. И вздохнул, но не начал сердиться, вроде.

Агния немного смущенно сжала губы, глянула на него из-под ресниц:

— Хочу, — тихо призналась она прерывающимся голосом. — Понимаешь…

— Тогда можешь сказать Михаилу, что я разрешил. Хотя, — остановился Вячеслав, когда Агния все еще ошарашенно смотрела на любимого. — Не надо, я сам скажу, и серьезно с ним побазарю, насчет всего этого. Но если ты хочешь — я не против, — опустив лицо между ее шеей и плечом, Вячеслав, кажется, прикрыл глаза.

Все еще ничего не сказав, Агния молча глянула на бутылку с коньяком: вроде Вячек и выпил мало, бутылка казалась только открытой. Может это вторая? С чего это он вдруг так кардинально изменил свое мнение?

— Вячек? — неуверенно переспросила Агния, чуть отклонившись. Протянула ладонь и погладила мужа по лбу, по щекам, на всякий случай проверяя нормальная ли у него температура. — Ты уверен, что все хорошо?

Он поднял голову и глянул на нее с немного насмешливым превосходством, надавил на ее затылок, заставив теперь Агнию устроиться на его плече:

— Если бы ты могла себе хоть представить, как я тебя люблю, — с нажимом проведя по ее волосам ладонью, вдруг тихо прошептал Вячеслав, целуя ее брови.

Так, что у Агнии мороз по коже прошел. И от признания, которого она не слышала все эти месяцы, хоть и не сомневалась в чувствах любимого. И от этого тона, от выражения глаз Вячека.

— И я тебя очень люблю, ты же знаешь, — почему-то, совсем смутившись, так же тихо ответила она.

— Знаю, малышка, — кивнул Вячеслав, еще раз погладив ее.

Но так улыбнулся… Со всей этой любовью, с нежностью, но будто и некоторым снисхождением. Словно его немного рассмешило сравнение их чувств.

Он не смог объяснить ей, почему сейчас на таком подрыве. И того, почему не может Бусинку из своих рук выпустить, Вячеслав не сумел бы донести. Раз не говорил о подозрениях насчет ее здоровья, то и своего облегчения от того, что все последние анализы были в норме — словами не выговорить. Впрочем, это совсем не мешало ему кайфовать. Собственно, Вячеслав, наверное, никогда не испытывал такого оголтелого подрыва, как тогда, когда Леха ему этим утром перезвонил и сообщил, что все нормально.

Блин, Боруцкому реально заорать от облегчения захотелось. И он даже не сердился, отмахнувшись, когда Леха начал извиняться. Хрен с ними, с непонятками этими. Кто знает? Может и не было ничего, действительно. А может не зря он и себе и Андрюхе на горло наступил, и все это дало свои результаты? Главное, что Бусинка в его руках — здоровая, веселая и невредимая. А со всем остальным он справится, витаминами ее напичкает просто.

— Ты куда так бежала? — еще немного хрипло из-за всего, что давило на грудину изнутри, поинтересовался Вячек, продолжая крепко обнимать свою малышку.

— Я рамки для фотографий купила, — Бусинка просто расплылась в счастливой улыбке. — Хочу посмотреть, какой снимок, в какую вставлять, и развесить на стенах.

— И как ты их развешивать собиралась? — вздернул бровь Вячеслав, слабо представляя себе свою малышку, прыгающую вокруг стен с молотком и гвоздями.

— Ну, я об этом не думала, если честно, — призналась она. — Сначала хотела разобраться с рамками. А потом… Вову попросила бы, наверное. Ты же поздно планировал вернуться.

— Ладно, чего Лысого дергать, пошли, будем разбираться с твоими рамками, раз уж я дома, — готовый сейчас хоть листы в нотной тетради ей переворачивать на радостях, Вячеслав потянул ее на второй этаж, куда Агния и бежала до этого.

Как ни странно, но за эту неделю Агния успела наклацать просто кипу фото, они занимались их размещением чуть ли не до вечера. И когда Вячек немного уже забодался махать молотком, но ясное дело ни слова об этом не сказав, не желая сбивать энтузиазм своей Бусинки, она наконец-то замерла посреди первого этажа. Так, чтоб и лестница просматривалась, и гостиная, и кухня. До его кабинета они со своими фото еще не добрались.

— Здорово, правда? — его малышка закружилась на месте, стараясь рассмотреть все снимки.

Вячек и сам огляделся:

— Стоп. Погоди. — Он нахмурился, повторив ее маневр. Прошелся вдоль стен, которые сам продырявил. И так же хмурясь, повернулся к Агнии. — Я не понял, а че так мало твоих фото?

Собственно, он даже преувеличил: на всех снимках был или сам Вячеслав, или Плюх, или они всей компанией, с Федотом и Лысым. Малышка же имелась лишь на одном снимке, который сделал Федот сразу после того, как подарил этот фотоаппарат, в день венчания. У Бусинки на этом фото еще даже платок на плечах лежал, тот, что Вячеслав безумно долго выбирал, почему-то боясь ее расстроить своим выбором. А сама малышка на этом снимке крепко обнимала Вячеслава за пояс. И он же настолько же сильно держал ее. Типа их свадебное фото.

— Так я же вас фотографировала, — рассмеялась Агния, отмахнувшись от его суровости. — Как бы я там была?

— Не, Бусинка, так дело не пойдет, — Вячеслав еще и губы поджал. — Давай, тащи сюда свою мыльницу, научишь и меня снимать. Чтоб и твоих фотографий было много.

Агния удивилась, но с радостью принялась объяснять ему эту нехитрую науку.

Он занялся коробками, которые привез с квартиры, уже ночью, когда Агния уснула. Почему-то хотелось все расставить и развесить чуть ли не так, как было у них в старом доме. Вот, чтоб малышка встала утром, осмотрелась и…

Но Вячеслав был достаточно умным, чтобы понимать — не вернуть того, что было. Дом не тот, и они уже другие. И пусть он сохранил все ее старые снимки, пусть забрал большую часть украшений и вещей Агнии до того, как спалил прошлый дом — как тогда, до этого года, уже не будет. И все-таки, Вячеславу хотелось как-то «освоить» строение. Чтоб утром малышка почувствовала себя больше дома, чем этим вечером.

За пару часов, на которые доверил охранять Агнию Федоту (кроме остальных охранников), он успел и все вещи перевезти, не так уж много у них пожитков осталось, и с журналистом встретиться. Завтра утром должна была появиться первая статья о Викторе. Хорошо, конечно. Старт дан.

Но даже не о мести думал сейчас Вячеслав. Доставая из коробок одну фотографию Бусинки за другой, он в который раз за эти месяцы, вспоминал каждый момент, каждый из этих дней, всю их жизнь. Но сегодня, возможно потому, что знал — Бусинка спокойно спит в соседней комнате, ему это давалось чуть легче. Было больно, да. Но, по крайней мере, сейчас он не так боялся сойти с ума от этой боли и отчаяния.

Здесь были и фото с выступлений Бусинки, не только домашние снимки. Федот снимал малышку во время каждого концерта, начиная с того, самого первого. Так уж как-то выходило, что атмосфера располагала. Отпустив тогда Агнию, в беседе с Михаилом Вячеслав четко поставил условия, что эта девочка слишком хороша, чтобы выступать у кого-то на разогреве или в пустую мучать свой голос ради оголтелой и пьяной молодежи на попсовых концертах. Михаил, кстати, имел такое же мнение. И тщательно подбирал те мероприятия, на которых Бусинка начинала свои публичные выступления. И публика, нормальная, адекватная публика, может, побольше самого Вячеслава разбирающаяся в одаренности его малышки, оценила молодую певицу. Как-то так повелось, что все концерты Агнии моментально относились в разряд «для ценителей». К тому же, малышка сумела стать индивидуальной, создать какой-то свой стиль, такую атмосферу на своих концертах, за которой люди шли. Даже тогда, когда Михаил через какое-то время нереально взвинтил цены на ее выступления.

Агния не зацикливалась только на тех песнях, которые написал для нее Стас. Она исполняла и известные романсы, и отрывки из опер, и даже некоторые из тех песен, которые пела в его ресторане. Но и откровенный шансон в ее исполнении звучал так, что слушатели аплодировали стоя. Потому что его девочка на каждом концерте выкладывалась на полную, всю душу обнажала в этих песнях.

А Вячеслав потом выхаживал ее по несколько месяцев, трясясь и оберегая, видя, как она утомляется после публичного пения. Заставлял отдыхать, ворчал, ругался, грозился, что больше не позволит… И все равно отпускал. Не мог отказать Бусинке, если она хотела. Да и сам тайком сидя на самых задних рядах во время этих концертов, смотрел на Бусинку, и понимал — это часть ее. И без такого его девочке будет уже не так…

А с того момента, как он выдернул ее с концерта в Киеве, Агния ни разу не пела…

Вячеслав не знал почему. И так же не знал, стоит ли ее просить об этом или заставлять.

Сейчас он просматривал фотографии, раздумывая, куда их стоить повесить. Не гвозди в стены

вколачивая, ясное дело, Бусинка же отдыхала. Возвращаясь сюда, он купил специальный двухсторонний скотч.

Предварительно распределив на столе эти снимки так, как собирался их размещать, Вячеслав достал из коробки другие фото: тот год, когда ему исполнилось сорок, а его малышке — двадцать. Год, когда он впервые задумался о том, сколько реально сможет защищать свою малышку от всего на свете. И как долго сумеет цепляться за жизнь, даже при самом благоприятном раскладе? Сколько потом его Бусинке придется одной встречать дни?

Эти мысли ни тогда, ни сейчас не доставляли ему радости или удовольствия. Не относились они и к тем, которые Вячеслав стал бы озвучивать при жене. Тогда, пять лет назад, он просто заталкивал их поглубже в своем мозге и старался получить максимум от каждого дня. Наверное, сейчас ему стоило поступать так же. И он пытался, рассматривая снимок, который вертел в руках: на фото малышка лежала прямо в огромном сугробе снега, нежданно выпавшего на его день рождения, в конце декабря. И так искренне хохотала, что даже просто глядя на ее смеющееся лицо, Вячек словно бы снова слышал этот смех.

Только вот теперь она так не смеялась. Вообще никак не смеялась. Хорошо, хоть улыбаться начала.

Отставив это фото, решив, что пока именно оно будет стоять у него на столе, Вячеслав сумрачно глянул на следующую коробку. Там было не так и много фото. Он точно это знал, хоть ни разу не раскрыл за этот год. Потому что именно сюда запрятал все снимки того времени, когда его жена была беременной.

И нельзя сказать, что Вячеслав так уж хотел ребенка. По правде сказать — и не задумывался. Его Бусинка была для него абсолютно всем, целым миром и вселенной. И она вроде бы ни слова не говорила о том, хочет ли детей. Они жили и жили. И все было просто шикарно. До одного дня.

Нет, и тогда ничего не стало плохо. Просто что-то изменилось. Раз и навсегда.

Он даже руку протянул, взяв эту коробку. Подвинул себе, решив, что надо прекращать отодвигать это в сторону и стоит вскрыть нарыв, чтобы легче стало и самому, и Бусинке. Его малышке надо будет отпустить и это. И он не сможет ей помочь, если сам не в состоянии хотя бы глянуть на карточки.

И все-таки не открыл. Чертыхнулся, резко развернулся и вышел на улицу через раздвижные стеклянные двери. Вытащил сигареты и глубоко затянулся, прикурив. Запрокинул голову, глянув на звезды. А потом зажмурился. Сильно-сильно. Но так и не смог выкинуть из головы картинку, вспоминая, как однажды Агния, напряженная и неуверенная, остановилась на пороге его кабинета в их старом доме.

Полтора года назад

Он только отправил Лысого восвояси, закончив разбирать приблизительный план дел и поездок Бусинки на неделю. Они уже давно старались просчитать это наперед, чтобы согласовать и график Боруцкого, хоть он и не особо часто заезжал в свой горсовет, куда переизбрался уже в который раз, а все равно время уходило. Да и бизнес тянул время. Но Вячеслав отдавал первенство времени, которое проводил с женой, потому и подстраивал их графики. В этом месяце у малышки ничего серьезного не планировалось, судя по списку Михаила. Да и Вячеслав не позволил ему протолкнуть ее на какой-то концерт, заметив, что Бусинка в последние дни стала как-то слишком уставать. Видно задергали ее всей этой кутерьмой. Он даже всерьез подумывал куда-нибудь отвезти

ее, чтоб на пару месяцев она вообще забыла про все свои песни, студии и прочую суматоху.

Во дворе, судя по гаму, носился Плюх, давно выросший в матерого пса, а продолжающий беситься, как тот щенок, что в первый же день устроил переполох во всем доме, окатив Агнию водой и подняв их с Вовкой на ноги из-за ее визга. Видно, прицепился сейчас к Лысому, заскучав гонять бездомных котов, что часто забредали на их участок. Вячеслав даже встал, собираясь выйти на крыльцо, глянуть, когда двери кабинета открылись без всякого стука, и на пороге замаячила Бусинка. Да еще с таким лицом, что у Боруцкого в голове зашумело и как-то холодно стало, хрен знает с чего.

— Привет, — слабо улыбнувшись, его жена неуверенно дошла до свободного стула и села на тот, не глядя Вячеславу в глаза. Глубоко вздохнула, почему-то нервно потирая ладони.

— Бусинка? Ты чего вскочила, рано ж еще, — ощущая растерянность, он почесал пальцем бровь. — Ты же устала вчера, вроде…

— Вячек…

Прервав его, Агния с какой-то дури вдруг подхватилась со своего стула. Подошла к нему впритык и крепко обняла, будто прячась лицом у него на шее. Крепко сжала его футболку в своих кулачках. И снова как-то прерывисто и нервно вздохнула.

У него в затылке чего-то дергаться начало. И за грудиной сжало. По правде сказать, за эти семь лет Вячеслав так и не избавился от привкуса того дикого и беспомощного страха, который испытал однажды, осознав, что может потерять свою Бусинку по совершенно независимым от него обстоятельствам. Каждый день он засыпал лишь после того, как несколько минут вглядывался в ее лицо, и убеждался, что все хорошо, и малышка не выглядит измученной или усталой. И каждое утро он первым делом присматривался к ней. Два раза в год Вячеслав заставлял ее проходить полное обследование, и каждый раз напряженно ждал результатов, хоть за эти годы больше ни единого раза в ее анализах не было каких-то отклонений. Она ворчала, смеялась и недоумевала, совершенно не понимая, почему он так жмет на это, а Вячеслав ничего не объяснял. Просто таскал ее на анализы и дарил потом подарки, благодаря за то, что жена терпит его «тараканов» довольствуясь невнятным: «лучше провериться».

Вот и сейчас его тряхануло, потому как держа ее в руках, он очень хорошо ощущал, что его Бусинку телепает.

— Эй? — он погладил ее по щеке, безуспешно пытаясь заглянуть жене в глаза. — Малышка, ты что? Тебе нехорошо? Может ты еще все-таки ляжешь, загонял тебя Мишка с этим диском. На ходу в последнее…

— Вячек, я беременная, — прервав его, выдохнула Бусинка ему в шею.

— …время засыпа… Чего? — он оторопело застыл. Даже моргнул пару раз и уставился на ее светлую макушку. По ходу Вячеслав вообще не врубился в то, что она сказала. Вон, чего послышалось. — Ты чего?! — Вячеслав приподнял малышку, чтобы наконец-то глянуть ей в лицо. — Это… Как это? — начал было он.

А она на него так глянула, короче, он сам не понял, то ли смущенно, то ли испуганно. То ли еще чего. И вспомнилось, что врач сказал его Бусинке перерыв в таблетках сделать. А у них резинок не было. А у него крышу от нее и сейчас срывало так же, как и раньше. Если не сильнее, потому что еще роднее, еще ближе Бусинка ему была. Часть его самого. И нет, он не сглупил, и следил, и вышел, несмотря на искус и ее недовольно сморщившуюся мордашку. Хотя сама малышка испытала оргазм, он обеспечил это в первую очередь. В общем, вроде все путем должно было бы быть, а по факту…

— Слушай, ты уверена? — глубоко вдохнув, Вячеслав снова глянул в глаза жене.

Она кивнула с какой-то потерянной улыбкой, притаившейся в уголках рта.

Он выдохнул:

— Блин. Так. Ты, главное, не переживай, Бусинка, — Вячеслав притянул ее к себе, позволив спрятать лицо на груди. — Мы решим, я тебе говорю. Все путем будет…

— Нет, Вячек, — она запрокинула голову и поймала своими ладошками его лицо, заставляя смотреть на нее. А сама глядела с каким-то отчаянием. — Послушай. Я знаю, что ты не думал, и не хотел… Но… Если уж Бог дал… Я хочу ребенка, — зажмурившись, словно прыгая в ледяную воду, выдохнула она.

Вячеслав в некотором отупении уставился на нее, ощущая себя тормозом.

— Чего? — ну точно, как дебил, переспросил он.

— Я люблю тебя, Вячек, правда И знаю, что ты, наверное, не хотел ребенка, и не хочешь… Только я не буду ничего делать, не сердись. Но я хочу…Очень хочу твоего ребенка. Маленького и… и просто, он же твой. Наш, — его девочка вновь прижалась лицом к его груди.

Как раз там, где сейчас лихорадочно бухало его сердце.

Вячеслав не то, что не хотел, он даже не думал о таком никогда. Ну, серьезно, у него была Бусинка. Его девочка, его жена, его любимая. Она была для него всем. Все мысли Вячеслава были о ней. О ее здоровье, благополучии. Он бы что угодно сделал и положил на то, чтоб с Бусинкой все нормально было. Дать готов был ей все на свете. А это… Блин, да она слабая у него такая. Он же постоянно следит за тем, нормально ли она питается и на воздух вытягивает. И просто, кутает, чтоб не простыла, не дай Бог.

А тут беременность. Да Бусинка же хрупкая такая. А это, небось, просто так для здоровья не пройдет. И вообще, ну нафига им еще кто-то? Еще и орущий, мокрый и внимания надо будет куча…

Но глядя на ее напряженное личико, Боруцкий просто не мог высказать это все вслух. Не мог даже попытаться настоять на чем-то. Блин, да он вообще ничего сказать не мог.

Еще раз резко выдохнув, он отпустил свою жену и уселся на край стола. Растер лицо руками, кожей ощущая, что она стоит и глядит на него в напряженном ожидании, и крестик свой теребит. Блин. Да. Навряд ли, чтоб Бусинка согласилась на то-то иное, кроме как на «родить». Хоть он, ну хоть стреляйте его, не мог пока представить, чего и как тут выйдет. И все же, Вячеслав нашел в себе силы поднять голову и глянуть на свою жену:

— Мы сначала посмотрим, чего врачи скажут, — наконец, как-то без особой уверенности, прохрипел он.

А Бусинка его чуть на стол не завалила, налетев с такой радостной мордашкой, что в кабинете посветлело, кажись. И так крепко обняла… М-да, и как тут откажешь?

Верный своему решению, Вячеслав потянул малышку в больницу чуть ли не сразу же. Возможно, лелея в душе надежду на то, что Леха или кто-нибудь из консультантов однозначно заявят, что им даже думать о ребенке нечего. Тогда это не было бы его решением. Потому что сам Вячеслав просто не мог отказать своей Бусинке ни в чем, хотя его конкретно нервировала мысль о вероятном появлении ребенка. Ну не так просто было с этим что-то, и все. Он не мог себе этого представить, при том, что вроде бы не страдал нехваткой мозгов или воображения.

Но всем его ожиданиям не суждено было сбыться. Врачи не то, что не запретили, а всеми руками поддержали готовность Бусинки рожать. И не видели причин запрещать ей вынашивать эту беременность. Единственное, сомневались, что она сама окажется в состоянии родить при своем изящном строении, но даже тут не торопились с окончательным заключением.

А Вячеслав, почему-то ощущая себя каким-то дебилом, никак не мог понять, когда же потерял контроль над происходящими событиями и почему сейчас не может ни во что «въехать»? Однако даже не пытался об этом заикнуться или во что-то вмешаться, потому что его Бусинка просто-таки светилась, отвечая на все вопросы врачей и сама выслушивая их советы и рекомендации. Вряд ли и у слепого остались бы сомнения в том, насколько она хотела этого ребенка. А он никак не мог сопоставить все: и это ее желание, и сам свершившийся факт. Смотрел на жену, которой сейчас на какой-то ляд делали УЗИ, в чем-то там удостоверяясь, а Бусинка то и дело пыталась приподняться и заглянуть на экран монитора, словно надеялась чего-то разобрать в этих черно-бело-серых пятнах. Чего, спрашивается? Вячеслав, вон, как идиот, во все глаза на этот монитор пялился, а все равно ничего различить не мог. Но смотрел. А видел малышку свою, как она к нему первый раз пришла: девчонка, которой «почти шестнадцать» исполнилось. И ту, немногим старше девочку, которая его на крыше целовала, а потом научить всему просила. Господи, да разве сейчас его Бусинка старше? Девчонка еще, ну куда ей ребенок?! Да что она видела? Что успела? Еще и половины того, о чем его малышка мечтала, они не успели сделать. И с карьерой этой ее — только три диска выпустили. И показать ей Вячеслав еще столько хотел.

А теперь что? Куда? Каким боком?!

И все-таки он молчал, потому что зародилось у него внутри стойкое подозрение, что, несмотря на то, что не заговаривала Бусинка об этом ни разу, даже не заикалась — но хотела его девочка дитенка. Капец, как хотела, судя по всему. Отчего ему не говорила? Фиг знает. Но кто, не желая ребенка, будет вот так в монитор непонятный заглядывать и улыбаться до ушей?

Видно и врач думал так же, и с благожелательной улыбкой чего-то там пытался объяснить, а малышка жадно слушала.

— Единственное, пол ребенка пока смотреть не будем. Лучше уже, чтоб не ошибиться, мы позже, на двадцатой-двадцать второй неделе глянем… — попытался было заикнуться врач.

Но Бусинка только отмахнулась:

— Ой, и не надо. Я точно знаю — это мальчик, — заявила она с той же непробиваемой уверенностью, с которой когда-то требовала место в его ресторане. — Даже имя придумала — Леня.

Вячеслав аж откашлялся, заставив малышку оглянуться на него.

Не то, чтоб он опешил. Нет. Офигел просто. Ну, то есть, он вроде и не думал, да и ребенка не хотел. Но «Леня»? Это че за имя такое? Ну, серьезно? Он че, Иванов какой-то? Или Шевченко? Ну кто, с фамилией «Боруцкий», будет сына «Леней» называть? Ну, не серьезно это как-то, совсем. И по фигу, что вырос Вячеслав тут, в этой стране, корни то польские у него из крови никуда не делись. А у него родители поляками были. Вячеслав даже последний год пытался найти какие-то концы и края в польских архивах, в слабой надежде на то, что может, отыщет каких-то родных. Не для себя, даже. Просто подспудно грызла его мысль о будущем. О том, где его малышка совсем одинокой оказаться может. У нее точно никого не осталось, даже из самой дальней родни, это он в первую очередь перепроверил.

Короче, не в том сейчас дело. Вроде и не отличался он национализмом, но блин, «Леня» … это как-то… ну, совсем ему не нравилось. И об этом им точно стоило поговорить, однозначно.

Бусинка закусила губу, видно заметив эту решимость в его взгляде. И Вячеслав бы развил тему, не зазвони у него мобильный. По монитору тут же пошли помехи, как по старому черно-белому телевизору.

— Здесь нельзя пользоваться телефоном, — с укором глянул на него врач. — На двери висит предупреждение.

Да плевать он хотел на эти предупреждения.

Вячеслав и отвечать не хотел, только от Федота ж не отвяжешься игнором. Потому тяжело глянув на умничающего доктора, он показал Бусинке, что будет в коридоре, и поднял трубку:

— Ну?

— Ну что, эти опять обнаглели. Шамалко прет, Мелешко прав был, он своих людей пхает, ни на что не глядя, ни границы, ни договоренности не уважает, — друг говорил отрывисто и раздраженно.

Вячеслав хрустнул пальцами, ругнулся:

— Ладно, ты знаешь, что делать. Мне сейчас, реально, не до этого, — раздосадовано отмахнулся Вячеслав, чуть толкнув двери. И зачем-то пялился через щель в двери все на тот же дурной монитор.

— А вы где, кстати? — Федот казался несколько раздраженно. — А то я приехал, а Лысый что-то мнется и ни фига мне толково сказать не может…

— В больнице. Я тебя потом наберу, — попытался отвязаться Вячеслав от назойливого интереса Федота, видя, что Бусинка начинает подниматься.

Федот молчал секунд тридцать. А потом напряженно откашлялся:

— Ты же ее только полтора месяца назад тягал на обследование, Слав. Что-то опять нашли?

О-па, он и не думал, что Андрюха такое решит. Вячеславу даже смешно стало, хоть сейчас, в принципе, юморного мало виделось в ситуации.

— Она беременна, — решив не юлить, с ходу бахнул он Федота «новостью».

В этот раз друг молчал минуты полторы. Прочистил горло. Даже выругался. А потом аккуратненько так спросил:

— И как малышка к этому относится? — явно намекая на то, о чем и Боруцкий в первый момент подумал, уточнил Федот.

— А она имя сыну выбирает, Андрюх, — прояснил он ситуацию.

— Ага… — Федот вновь помолчал. — Слушай, может, ты ей объяснишь… — начал было он. — А, блин, ты же все равно упрешься рогом, — сам себя прервал друг, видно поняв, что убеждать Вячеслава в том, насколько это и сейчас «не умно» — бесполезно.

— Бусинка хочет…

— Я понял, — оборвал его Федот. — Я все понял, — со смиренным вздохом признал он. — Ну, типа, поздравляю. И малышке передай от меня привет, — добавил друг. — Ну, вы, блин, и даете! Головой подумать не могли?! — вдруг возмутился Федот, напоследок видно, и разорвал звонок.

«Ага, дают».

Вячеслав спрятал телефон и растер переносицу ладонью.

В висках как-то подозрительно стучало. И вообще, все было не так. Особенно это имя. Леня. Не, ну никак оно ему не звучало. Однозначно надо это еще с малышкой обсудить и объяснить ей, что и как.

Глава 40

— Малышка, а ты думала, что с концертами твоими, с песнями всеми делать будешь? Ну, это ж, наверное, не так просто. И журналюги опять пристанут, они ж и так все еще крутятся, пытаются узнать, что у тебя в жизни и как. А тут такой повод…

Вячеслав искоса глянул на Бусинку, которая примостилась на пассажирском сидении.

Интерес к личности и жизни молодой певицы возник почти сразу, как только Агния начала выступать. Конечно, видно благодаря тому, что она не преследовала цель эпатировать народ и не особо прислушивалась к советам Михаила, чтоб резко повысить свой рейтинг, этот интерес пишущей братии был не особо выражен. И все же, чем больше проходило времени, чем больше песен Агнии звучало в эфире, тем более любопытными становилась пресса. Это доставляло массу неудобств и самой малышке, и Вячеславу с Федотом, которые прилагали все возможные усилия, чтобы сохранить в тайне то, чего ну никак нельзя было открывать. Пришлось даже потихоньку прижать кое-кого из старых контактов, пригрозить отдельным личностям, но, в конце концов, большая часть журналистов вроде бы смирилась с версией о том, что Агния Сотенко не желает выносить свою жизнь на публичное обсуждение. Да и существовало достаточно иных объектов интереса, которые куда чаще радовали прессу скандалами. Агния же не давала никакой пищи для журналистов, кроме как того, что полностью скрывала свою жизнь. Впрочем, может еще и потому, что его малышка изначально выбрала не попсовый формат своего творчества, ей это удавалось. Однако беременность могла всколыхнуть новую волну интереса к Агнии и ее личной жизни. И удастся ли в этот раз все замять, Вячеслав еще не знал.

Но он не говорил об этом раньше, с утра. Он молчал. Молчал, пока они шли по коридорам больницы, и она просто лучилась эйфорией. Молчал, когда Агния опять говорила с врачом. И даже когда они сели в машину, собираясь ехать домой, он ничего не говорил. А вот сейчас, проехав почти половину дороги, решил-таки выяснить. И не пытался переубедить, вроде. Просто интересовался.

Бусинка перестала вертеть в руках бумажки, которые ей дали в больнице, со всеми этими рекомендациями и заключениями, и посмотрела прямо на него. Прикусила губу, а потом так как-то улыбнулась, совсем непривычно для Вячеслава, будто бы она знала что-то об этом всем больше него самого. Протянула руку и обхватила его ладонь, удерживающую руль:

— Я думала об этом, Вячек, — малышка чуть подвинулась и прижалась лбом к его плечу. — Ты только не сердись на меня, пожалуйста, — она повернулась, заглядывая ему в лицо снизу вверх. — Хорошо? Я думала и…

Вячеслав поджал губы и хмыкнул. Юмористка, блин. Да когда он, вообще, мог на нее сердиться? Бусинка как придумает. Протянув одну руку, он погладил ее щеку. Малышка тут же вцепилась в его ладонь своими пальцами.

— Я больше не буду петь, Вячек, — вдруг огорошила его Агния.

— Чего?! — он не заорал. Нет. Просто немного повысил голос. Но что опешил — это точно. — Это как это?! Петь не будешь? Да ты же только это всегда и хотела?

— Неправда, — Бусинка улыбнулась, по ходу совсем не испугавшись его ора. — Только петь я хотела, пока тебя не знала, — лукаво улыбнулась его жена. А потом вздохнула и стала серьезной. — Правда, Вячек. Я думала об этом, и поняла, что вот этого: тебя, нашего ребенка, нас вместе — я хочу больше, чем даже петь. Это важнее, понимаешь? — она снова попыталась заглянуть ему в глаза. — Ты не сердись, я помню, сколько денег в это вложили, и сколько сил, работы, но…

— Блин, вот это меня меньше всего сейчас колышит! — ругнулся Вячеслав глядя на дорогу.

Нет, он косил взгляд на нее, ясное дело. Он всегда на свою Бусинку смотрел. Просто сейчас не мог сделать это прямо. Не был уверен, что малышка не разгадает его мысли.

Ребенок был чертовски большой проблемой. Капец, насколько большой. Вячеслав до сих пор девочку свою ото всех таил и прятал, хоть уже больше шести лет был типа «законопослушным и уважаемым» гражданином. Депутатом горсовета. Только сильно много хвостов из прошлого за ним тянулось. Дела, которые он не хотел и не видел толка бросать, пусть и свел свою роль к функции контроля. Потому и продолжал прятать ото всех жену. А тут дите… У него и Бусинка за себя не шибко постоять может, а ребенок, это полный абзац. Если кто-то узнает, кто именно ее муж и отец этого…

— Леня? — откашлявшись, хрипло поинтересовался Вячеслав, так и не глянув прямо малышке в глаза.

Все знал, все понимал. И то, что Федот имел в виду — сек. А все равно — не мог ей отказать. Если она и от пения своего отказаться готова была…

— Тебе не нравится? — Бусинка снова улыбнулась и попыталась спрятать эту улыбку.

— Как посмотреть, — издалека так начал Вячеслав. — Может, стоит еще подумать, малышка? Ну, чтоб варианты были. И девчачья имена, врач же сказал, что сейчас…

— Нет, Вячек, у нас мальчик, честно, я не знаю почему, но уверена в этом. — Ее ладошки накрыли живот Бусинки, пока она сама смотрела ему в глаза все с тем же знанием и весельем. — Просто, я когда поняла, что беременна — поняла и то, что мальчик. И что Леня. Я и не выбирала имя, если честно, оно само выбралось как-то.

Само выбралось. М-да, хрен редьки не слаще.

— Ну так, может, стоит поглядеть, книги там полистать, или по интернету пробить имена всякие? — осторожно «забросил» он пробный камень. — Это ж на всю жизнь, Бусинка…

— Тебе точно не понравилось, — рассмеялась она.

Он передернул плечами, не вдаваясь в подробности. Не хотелось ее расстраивать.

— Вячек, я смотрела значение, оно хорошее. Сильное. Подходит твоему сыну. Нашему, — малышка опять погладила его по руке на руле, будто решила, что он кипишует и его надо успокоить.

Ну, не то, чтоб Вячеслав был в совсем адекватном настроении, но и не настолько же выпал в осадок, чтоб его надо было успокаивать.

Или настолько? Как-то он не брался утверждать.

— Ну, не знаю, Бусинка, как-то оно так звучит, — все же не сдавал он своих позиций. — Нельзя в таком деле вот так сразу решать, надо еще подумать, — решительно, как он надеялся, заявил Вячеслав, свернув к их поселку.

Наше время (2011)

Она не сразу вспомнила, что они «переехали». Проснулась, села, неуверенно оглядываясь и моргая, чтобы прояснить расплывающееся зрение. И все-таки, уже не испугалась так, как пару недель назад: на кровати было знакомое ей постельное белье, которое она сама купила, когда немного пришла в себя и с каким-то отчаянием и горечью осознала, что Вячеслав вообще не задумывался о подобном. Все это время он спал так, не заботясь для себя даже о такой малости.

На краю кровати висела рубашка ее мужа, что так же позволяло Агнии сохранять покой.

И все-таки, сам Вячеслав был не здесь. Учитывая то, что он отчаянно старался перевезти все их вещи именно сегодня, организовав для этого все и всех. Возможно, он и сейчас что-то расставляет или разбирает, не доверяя тем, кого можно было бы нанять для этого. Проблема состояла в том, что как и раньше, Агния и во сне ощущала отсутствие любимого рядом.

Поднявшись, она взяла с постели легкий халат и, не завязывая, сжала полы рукой. Здесь, в отличие от их старой квартиры, имелись кондиционеры. И они работали, потому Агния чувствовала зябкость.

Осторожно, придерживаясь за стены, еще не ориентируясь в этом доме, она вышла из спальни. И легко улыбнулась, почему-то подумав, что это похоже на какой-то ритуал. Сколько раз она вот так бродила ночами по их старому дому, когда дела, в которые Вячеслав не желал ее посвящать, не давали мужу спокойно отдыхать около нее? Там она чуть ли не на ощупь знала каждую половицу. Видно, пора и тут все так изучать.

Свет горел в одной из комнат на первом этаже, видно, именно там Вячеслав и сидел. Однако, толкнув приоткрытую дверь, Агния с удивлением увидела, что мужа здесь нет. Впервые за это время в ее душе возникло беспокойство, но она очень постаралась не поддаться. И зашла в комнату, заметив, что стеклянная дверь прикрыта не до конца. Вероятно, Вячек вышел на улицу. Во всяком случае, она пыталась успокоить себя этими мыслями. Но на середине комнаты, так и не дойдя до двери, остановилась, увидев фотографии, разложенные на всей поверхности стола. И на диване. И на стульях. Все те фото, которыми были обвешаны стены ее спальни. Все те, что Вячек забрал из их старого дома.

Не уверенная, что знает, зачем это делает, Агния подошла к столу, рассматривая эти снимки. Казалось бы, все эти дни их видела, а как и с теми шрамами на теле Вячеслава — не разбирала, на что именно смотрит. Потому что не хотелось вспоминать. Слишком больно было. Слишком много того, что она не в состоянии была снова ощутить.

А сейчас — посмотрела. Так, что увидела все, даже то, чего на снимках не было, но она помнила, как лаял Плюх, догоняя ее на берегу этого ставка, куда Вячеслав и Федот выезжали, когда хотели поохотиться. И как они сидели на раскладных стульях на веранде небольшого деревянного дома, наблюдая за ее весельем, и сами улыбались. Уставшие, потому что весь предыдущий вечер, да и ночь, практически, бродили по лесу, выслеживая своего кабана. И ведь выследили. Правда, Агния не решилась посмотреть на их добычу. Она и когда они на уток охотились, нервничала, а уж тут. Зато теперь, была весела и счастлива, что они вернулись целыми и невредимыми. И сами — довольные до чертиков. Один Вова немного грустил оттого, что пропустил самое интересное, охраняя Агнию, пока остальные выслеживали дичь. На что Вячеслав пообещал парню, что сегодня вечером он сможет пойти с Федотом. Сам Вячеслав наохотился, лучше с Бусинкой посидит вечер. А в тот момент она так веселилась, носясь по самой кромке теплой воды, отпрыгивая и уклоняясь от заливающегося веселым лаем Плюха.

Или, вот, как кружили снежинки вот в этот день, в начале декабря, когда ей было девятнадцать. Настоящая метель. За несколько часов весь двор засыпало так, что ноги Агнии грузли по колено. Но это не помешало ей выскочить на улицу: почему-то дико, по-детски хотелось сделать снеговика. Да и Вячека дома не было, он еще утром уехал куда-то с Федотом, а Агния устала наблюдать за таким великолепием из окна. Вот и выбежала. И три часа провела на улице под добрые подшучивания Вовы, сделав не одного, а целый клан снеговиков, даже совсем крохотных. А потом она рухнула в снег, раскинув руки и ноги. Тут ее Вова и сфотографировал.

Только на снимке не было видно того, что случилось дальше: как навис над ней Вячеслав, почему-то оставивший машину снаружи. И как он орал на нее за то, что в снегу валяется, и что без

перчаток, и что столько в снегу возилась, что пальцы заледенели и побелели совсем. И как он ее из этого сугроба вытащил и в дом отнес, как матерился, крутя ручку термостата. И как потом, когда ее руки начали отогреваться, когда пальцы отекли и так безумно болели, и их кололо, чуть ли не жгло с такой силой, что она губы закусывала, Вячек держал ее ладони под холодной водой. И целовал щеки, собирая слезинки с ресниц. И пальцы эти целовал. И какао варил, потому что ей приспичило: Агния сидела на табурете, так и закутанная в одеяло, и рассказывала Вячеку, что и как делать. А он готовил. Никогда, наверное, какао не приправляли таким количеством мата. И шоколада. И никогда, как сейчас казалось Агнии, она не пила ничего вкуснее этого напитка.

Смаргивая слезы, она смотрела на другие снимки. Их было так много: десятки, а может и сотни. И везде она, одна она. Столько счастья, воспоминаний…

Тогда, пять, семь, десять лет назад все было проще. Да, и тогда она бывало, боялась. И тогда плакала и мучилась. И не знала, как завоевать любимого. Однако, все равно, было проще. Потому что груз последнего года давил, отравлял все то, что было между ними, всю их любовь. И Агния отчаянно захотела убрать эту горечь, вытравить, переступить через боль и жить дальше. Вздохнуть и отпустить то, что изменить уже ни один из них был не в силах.

На краю стола стояла какая-то коробка. Агния сняла крышку, подозревая, что и там снимки, а ей сейчас хотелось все вспомнить. Все-все. Как тот снег, который она только вспоминала. Как снежные комья, из которых она лепила снеговиков — каждый новый снимок рождал столько ассоциаций, впечатлений, даже запах и вкус. И хотелось еще больше, чтобы заполнить пустоту, прогнать все то горе и апатию, которого было так много.

В коробке и правда оказались снимки, Агния вытащила стопку и посмотрела на первый. Почему-то вначале она даже растерялась — этих снимков не было в квартире. И все-таки Агния их помнила. И все то, что было с этим связано — наверное, никогда не сможет забыть. Совсем недавние фото среди всех остальных. И немного, но…

Она перебирала их одно за другим. Здесь была не только Агния. На этих снимках ее обнимал Вячеслав. Осторожно так, безумно нежно. А его руки, может, даже без осознания самого мужчины, накрывали ее живот, который только-только начал проступать под легким платьем. На одном из снимков даже Вова на заднем плане стоял. И сознание Агнии, словно стремясь убежать от слишком невыносимой боли, рождаемой этими воспоминаниями, с радостью ухватилось за мысль, что у них осталось хоть одно фото друга. Он заслуживал большего за свою преданность и то время, что отдал ей, всем им.

Но все равно она не могла выдержать всего, что несли в себе эти снимки.

Глотая слезы и закусывая губу, Агния отложила их назад, в коробку, и чуть ли не выбежала на двор через стеклянные двери. И тут же увидела мужа — Вячеслав стоял, запрокинув лицо к темному небу, усыпанному звездами. Без рубашки, в одних брюках, босой. И курил. Стоило ей оказаться на улице, как он тут же повернулся:

— Агния? — Вячеслав выдернул изо рта сигарету, тлеющую красным огоньком в темноте и, бросив ту в пепельницу, стоящую на перилах веранды, быстро кинулся к ней. — Что такое, Бусинка? Ты почему вскочила? Не спится на новом месте?

Он обхватил ее руками, крепко прижав к себе. Попытался повернуть к свету, падающему через двери. Наверное, чтобы заглянуть в глаза. Но она уткнулась ему лицом в грудь, душа слезы. Обняла его так же сильно, как муж обнимал ее. И тайком глубоко вдохнула, чтобы голос звучал ровно:

— Все хорошо, Вячек, правда. Хотя, ты прав, на новом месте спится неспокойно, — она выдавила из себя улыбку. А потом еще раз вздохнула и подняла голову, прямо посмотрев на любимого. — Вячек, я очень люблю тебя. Безумно. И все то, что ты делаешь — это…, - Агния

сглотнула. — Это так безумно много…

Он собрался прервать ее. Нахмурился. Насупил свои брови. Но Агния прижала пальцы к его губам, мешая Вячеславу.

— Я стараюсь, любимый. Господи! Я очень стараюсь. Больше всего я хочу, чтобы у меня вышло оправдать все ожидания, чтобы опять все стало так, как было. Но думаю, что у меня одной не выйдет. — Она на секунду зажмурилась.

— Ты не одна, Бусинка, — хрипло зашептал Вячеслав, держа ее слишком крепко. — Не одна. Я…

— Вячек, — она сильнее прижала свои пальцы. — Мне нужна помощь. Профессионала. Того, кто действительно знает, как помочь мне пройти это все. Как перестать мучить тебя, и себя, и нас.

Психолога нашел Федот. Причем, как обычно, когда его никто не просил и не спрашивал. Друг решил в обычной своей манере помочь им с Агнией, для чего, видимо, и явился на следующее утро ни свет, ни заря.

Вячеслава разбудила звонком охрана. Ребята позвонили, чтобы уточнить, действительно ли внешняя охрана на въезде поселка может пропустить этого посетителя? Тут все обстояло гораздо серьезней с контролем. И хоть Федот вчера несколько раз приезжал и уезжал вместе с Вячеславом, необходимо было сформировать список посетителей, которым разрешен беспрепятственный въезд к чете Боруцких.

Никольский натренировал пацанов, ничего не скажешь. Охрану поселка обеспечивали ребята из агентства, которое он организовал для Соболева. Да и себе, личную охрану, чтобы обеспечить безопасность Агнии, Боруцкий нанял у них же, больше никому не доверяя. Подтвердив личность визитера, он отбросил трубку и опустил глаза, глядя на Бусинку, еще дремавшую на его плече, несмотря на звонок телефона и его разговор. Ее волосы, уже немного отросшие за это время, совсем чуть-чуть, растрепались вокруг личика и так забавно торчали, видно щекоча малышку, потому что иногда она морщила нос и пыталась стряхнуть, не просыпаясь при этом. Вячеслав пригладил ладонью эти непокорные и упрямые пряди, точно, как их хозяйка, когда что-то себе вобьет в голову. Провел тыльной стороной пальцев по щеке, наслаждаясь теплом своей девочки. Она же только вздохнула и сильнее вжалась в его плечо, словно пыталась зарыться в его кожу. Усмехнувшись, Вячеслав крепче обнял ее, прижавшись губами ко лбу Бусинки. Она каждую ночь спала так, часто еще и складывала на Вячеслава руки и ноги, порой почти полностью забираясь сверху. Точно, как раньше. А ему все равно было мало этого ощущения, он еще не насытился, не напитался тем чувством, как она прижата к нему крепко-крепко. И если честно, иногда сомневался, что после этого кошмарного года, ему хоть когда-то будет достаточно.

Но все-таки сейчас, с неохотой оторвав губы от ее лба, он попытался осторожно отодвинуться. Бусинка тут же нахмурилась и сонно глянула на него сквозь ресницы.

— Федот приперся. — Голос со сна хрипел, а может, виной тому были полпачки сигарет, выкуренных ночью, пока к нему не спустилась малышка. — Пойду, выясню, чего ему надо. Ты еще спи.

Агния, видно совсем не выспавшись, только согласно вздохнула и не особо охотно освободила его плечо. Но тут же устроилась щекой на его подушке, стоило Вячеславу сесть.

— Вам ничего не надо? — сонно поинтересовалась его малышка, зарываясь глубже в простыню.

Он усмехнулся:

— Мы взрослые мальчики, малышка, как-то разберемся, — еще раз поцеловав ее, теперь в

щеку, он укрыл ее плечи, помня, как Бусинка мерзнет теперь, хоть кондиционеры были выставлены вовсе не на холод.

И натянув штаны, пошел вниз.

Федот как раз заходил в кухню, таща какую-то коробку. Следом за ним шел один из охранников, тоже с коробкой, но поменьше.

— Ну, типа, с новосельем вас, — оглянулся Федот, заметив его. — Это вам, подарочек, — махнул он головой на коробки, уже принявшись распаковывать одну.

Охранник кивнул Вячеславу и быстро вышел.

Федот же, как и обычно чувствуя себя у них, как дома, уже вытаскивал на свет Божий какой-то агрегат. Вячеслав ухмыльнулся, увидев, что это кофе-машина. Ага, им подарки. Как же. Учитывая, что Вячеслав предпочитал чай, да и Бусинка, взрослея рядом с ним, не особо уважала кофе, пекся Федот в первую очередь о себе. Хотя, вот это, вторая коробка, судя по всему, и правда была для них. Вячеслав достал новенький электрочайник, пока Федот уже бодренько засыпал в контейнер кофемашины зерна кофе, которые тоже привез с собой.

Сполоснув чайник под краном, Вячеслав набрал воды и поставил на подошву, оглянулся, пытаясь вспомнить, куда засунул вчера заварку.

— Ты бы нанял кого-то, помогать малышке, сейчас-то уже, какой смысл таиться, — заметил Федот, вместе с ним осматривая бардак в кухне.

— Найму, — согласился Вячеслав, наконец-то обнаружив банку с заваркой.

— Парни говорят, вы тут вчера пушками махали, — словно невзначай так, заметил Федот, наблюдая, как льется кофе в чашку.

Вячеслав проморозился.

— Короче, я понимаю, что ты пытаешься ее уберечь, но мне надоело смотреть, как вы оба мучаетесь. Вот, — толкнул Федот речь, и сунул ему под нос какую-то бумажку. — Человека, конечно, проверить надо, кто, да че. Но его клинику Соболь спонсирует, между прочим, есть, у кого инфу пробить.

Вячеслав аж ухмыльнулся ненавязчивости друга. Хотя, после этой ночи, веселья в этой ухмылке было мало.

— Ну, давай, узнаем, пробьем, чего это за дядька, — решив не тянуть кота за хвост, Вячеслав вытянул мобильный, набирая Соболя.

Игнорируя временную разницу в восемь часов. Соболь поймет. Да и кроме психолога им было что обсудить.

Соболев поднял не сразу, но все-таки ответил до того, как вызов сбросился:

— Слушаю.

— Слышь, Соболь, а что за человек такой — Валентин Петрович, у которого ты в спонсорах клиники числишься? — не расшаркиваясь, поинтересовался Вячеслав.

Константин на том конце связи хмыкнул:

— Нормальный, вменяемый и понимающий, если ты для жены помощи ищешь. Только, Слав, пистолетом его можешь не пугать, он уже этим пуганный. Разве что и его похитить попробуешь, — поддел Соболев его старым делом, после которого уволил всю свою охрану и перетащил Никольского к себе. — Но, если серьезно, он и так все поймет. И лишний раз ничего говорить или упоминать нигде не будет. Понимает, что к чему.

— Лады, — удовлетворенный такой информацией, Боруцкий отхлебнул чая.

— Ты когда к нему собираешься?

— А, прям сегодня, через пару часов, — лицо Агнии, выражение ее глаз, с которым она на него сегодня ночью смотрела, не давали Вячеславу шанса на промедления. Хватит.

— Мой помощник сейчас свяжется с Валентином, предупредит, так что, думаю, у вас непонимания не возникнет, — еще раз хмыкнул Соболев. — А что там по нашему делу?

Боруцкий кратко обрисовал ситуацию с Шамалко, предложил отправить Соболю экземпляр сегодняшней газеты с информацией по Виктору. Но Константин отказался, сославшись на того же помощника, в чьи обязанности входило и обеспечение Соболева прессой.

К психологу они приехали через три часа после этого звонка. Вячеслав потащил Бусинку сюда, едва разбудил и уговорил позавтракать. И сейчас они шли по пустым коридорам клиники, в которой, определенно, еще велись отделочные работы. Потому, видимо, Валентин Петрович и предложил встретиться им здесь, без лишних свидетелей. Масштаб клиники планировался огромным, судя по тому, что можно было сейчас оценить. Но общая атмосфера помещений успокаивала и располагала. Это не он так решил, Вячеславу все эти краски и мазня на стенах были до фени. Это Бусинка поделилась с ним своими впечатлениями. А он был доволен всем, что радовало его малышку.

Валентин Петрович ждал их в кабинете на втором этаже. Такой себе, малоприметный дядька. Боруцкий таких не особо уважал. Щур был из той же породы — и захочешь, не уследишь в толпе. Но за этого поручился Соболев, так что причин не доверять психологу вроде не было. И все равно, этот дядька Вячеслава напрягал, потому что стоило им переступить порог кабинета, Бусинка вся словно закаменела и сжалась, как-то затравленно глядя то на этого психолога, то на самого Вячеслава. И все равно, стиснув зубы так, что на ее щечках желваки проступили, сжав его руку со всей силы своими пальчиками, Бусинка выше вскинула голову и уверенно заняла место перед психотерапевтом. Вячеслав сел рядом с ней.

Общение явно не завязывалось. Валентин смотрел на семейную пару перед собой и порой жалел, что утром не потерял где-то свой телефон. Или, вообще, когда-то познакомился с Константином Соболевым. Впрочем, что-то во взгляде сидящего напротив него мужчины, говорило ему о том, что Вячеслав Боруцкий и без Соболева достал бы его, если посчитал бы это необходимым.

Валентин перевел глаза на женщину, сидящую рядом с Боруцким. Он знал ее. Агния Сотенко. Молодая певица, талантливая и одаренная. Валентин даже посещал несколько ее концертов, покоренный тем, что несмотря на свою молодость, девушка не шла на поводу у современных тенденций в музыке и придерживалась своего стиля, раскрывающего ее талант. Однако Валентин даже не представлял, что эта молодая девушка, женщина — замужем. Тем более за этим мужчиной. Не то, чтобы он хорошо знал Вячеслава Боруцкого. Боже упаси. Но слухи доходили.

Довольно необычный союз, как ни посмотри.

В этом ли причина того, что никто из них так и не начал разговора? Или в чем-то другом?

В первый момент, увидев пару, у которой разница в возрасте, наверняка, составляла больше пятнадцати лет, зная, кто должен прийти, Валентин решил, что Агния боится своего спутника.

Но это предположение он отмел практически моментально. Сила чувств этой девушки, ее обожание сквозило в каждом жесте и взгляде. Боруцкий же пылинки сдувал с Агнии, надышаться на нее не мог, кажется. И Валентину потребовалось время, чтобы заметить и еще кое-что во взглядах этих двух. Вину. Они оба считали себя виноватыми друг перед другом.

И ему самому, похоже, надо было отталкиваться именно от этого, если Валентин надеялся хоть

на какой-то контакт. Но так как его вроде бы наняли для помощи Агнии, начинать стоило именно с этого конца:

— Я мог бы побеседовать с вашей женой наедине? — вопросительно глянув на Боруцкого, Валентин внимательно наблюдал за реакцией мужчины. Он не был самоубийцей, но надо же было как-то двигаться вперед, а не продолжать и дальше сидеть, обмениваясь ничего не значащими фразами.

В ответ на эту просьбу напряглись оба. Причем Агния, кажется, еще и испугалась. И все-таки, вызвав уважение у Валентина, женщина кивнула, соглашаясь, когда Боруцкий повернулся к ней. За этим обменом взглядами стояло куда больше, чем могло показаться. Валентин имел достаточно опыта, чтобы уловить, что эти двое словно бы успели без слов сказать что-то друг другу и прийти к какому-то решению. Так часто бывало у пар, многие годы проживших вместе. И Валентин это отметил для себя.

А потом Боруцкий поднялся и поманил Валентина за собой:

— Я подожду в коридоре, Бусинка, — проговорил он, повернувшись к жене, после чего вышел за двери вместе с Валентином. — Послушай меня, ты, — закрыв двери, Боруцкий глянул на него совсем другими глазами. Да и тон изменился. Глубоко в душе Валентин снова посокрушался об исправности своего телефона сегодняшним утром. — Если ты ее хоть словом обидишь, хоть пальцем…

— Послушайте, Вячеслав Генрихович, — Валентин прервал его, стараясь сохранить цивилизованные отношения. — Поверьте, я имею достаточный опыт работы. И никогда не причинил ни малейшего вреда, ни одному из своих пациентов. К тому же, Соболев меня предупредил, да и с ним я работал…

Боруцкий усмехнулся. И сделал это так, что Валентин как-то сам собой умолк.

— Соболь предупредил? Не смеши меня. Соболь у нас цивилизованный, культурный. Пристрелить, небось, тебя грозил, — Боруцкий прищелкнул языком. И глянул в сторону двери кабинета, которую держал прикрытой. — Я не такой, университетов не оканчивал и этикетов всяких не знаю, — намеренно грубовато, похоже, хмыкнул он. — Для меня ничего святого на свете, кроме этой девочки — нет. Так что, если ты ее хоть словом расстроишь, — Боруцкий глянул прямо в глаза Валентину, — я тебя живым выпотрошу и заставлю сожрать свои же кишки. И только потом возьмусь за пушку. Усек?

Как-то у Валентина стало сухо во рту. Не то, чтоб он не привык к постоянной угрозе, работая с Константином. Привык. Но, как верно ему только что напомнили, Соболев был разумным, хладнокровным и цивилизованным человеком. Более того, с ним можно было вести диалог. Стоящий же сейчас перед ним мужчина, определенно, был бешенным. Нет, Валентин не сомневался в здравости его ума. Просто реально оценивал темперамент. И то, что Боруцкий, определенно, не шутил. И все-таки, понимая это все, он сумел сглотнуть:

— А с тем, кто довел вашу жену до такого состояния, вы это сделали? — откуда-то нашел силы ровно поинтересоваться Валентин, продолжая оставаться психологом, несмотря ни на что. И желая помочь тем, кто пришел к нему за помощью.

У Боруцкого нерв задергался на виске и глаза потемнели. Он тяжело втянул воздух и так глянул на Валентина… И все же, еще раз клацнув языком, ответил:

— Именно это я сейчас с ним и делаю, можешь мне поверить.

Валентин поверил. Вот, ни на секунду не усомнился. Наверное, именно потому у него ослабели колени, когда он все-таки возвращался в кабинет, спиной ощущая буравящий его бешенный взгляд Боруцкого.

— Не уходите, мне потом еще с вами надо будет один на один поговорить, — уже с порога рискнул он обернуться и предупредить Вячеслава.

Боруцкий молча кивнул, глядя при этом на склоненную макушку Агнии через раскрытую дверь. Девушка же за это время, похоже, даже не пошевелилась.

Глава 41

Наше время (2011)

Когда Валентин сел на свое место, Агния все-таки подняла голову и какое-то мгновение смотрела прямо на него. После чего как-то невесело улыбнулась:

— Вы не думайте, Вячек очень хороший, просто он за меня волнуется, — очевидно, догадавшись о содержании их разговора в коридоре, произнесла девушка. — И виноватым себя считает, потому и старается теперь ничего не упустить. Может, чересчур, порой.

Валентин как-то сомневался, что кто-то еще в мире согласится с ее мнением о Боруцком. Даже Соболев, звоня сегодня, предостерегал его и рекомендовал не нарываться. Впрочем, наверняка, никто больше в мире и не обращается к этому мужчине «Вячек», так что, возможно, со своей позиции Агния не настолько уж не права. Просто смотрит она на своего мужа с иного угла, чем все остальные. Заметил Валентин и то, что Агния вновь уставилась на свои руки. Да и нельзя было сказать, что отсутствие мужа ее как-то раскрепостило или сделало атмосферу в кабинете более открытой.

— А он действительно виноват? — попытался он хоть как-то завязать общение и оценивая реакцию собеседницы.

Агния ответила не сразу. Подняла голову, посмотрела в окно за спиной Валентина, словно раздумывая над его словами. Вздохнула.

— Что такое вина? — наконец, уточнила она, глянув Валентину в глаза. — Я не уверена, что знаю ответ. Считает ли он себя виновным? Да. Считаю ли я его виновным? Нет. Вячеслав не всегда поступает так, как следовало бы, — тут она снова невесело улыбнулась. — Вы, наверняка, что-то слышали о нем, и можете не согласиться с моим мнением. Посчитать, что это явное преуменьшение. И да, он не раз, и не два шел вразрез с законом, как человеческим, так и Божьим. Но… — Агния снова перевела глаза на окно. — Как можно сказать, виновен ли кто-то в том, что случилось? Он ведь не один был все эти годы. А может, именно потому, что я когда-то прилипла к нему, доставала, заставила взять меня на работу, что влюбилась в него, сделала его уязвимым… Может это я виновата в том, что случилось? Мы оба сделали выбор когда-то. Очевидно, теперь отвечаем за последствия.

Она замолчала. А Валентин не мог не сделать вывод, что так и не разобрался, что собственно у них случилось, и зачем же они к нему приехали.

— Это было желанием вашего мужа, обратиться ко мне? — поинтересовался он, допуская, что этим может быть вызвана замкнутость собеседницы.

— Нет, — Агния покачала головой. — Вчера ночью я попросила его найти психолога для меня.

И опять замолчала.

Что ж, он мог заключить то, что желания жены, со всей очевидностью, первоочередные для Боруцкого, раз его разыскали так быстро.

— Я был на нескольких ваших концертах, — попробовал он зайти с другого бока и хоть как-то разговорить Агнию, может, задействовав ее тщеславие или профессиональную гордость. — У вас бесподобный голос.

— Большое спасибо. — Она улыбнулась чуть более искренно, да и только.

— Вы в последнее время не выступали, — заметил Валентин, предположив, что дело может быть в карьерных проблемах. — Что-то случилось?

— Полтора года назад я решила прекратить петь, — Агния казалась невозмутимой, но он заметил, как судорожно она сжала пальцы. — Впрочем, несколько концертов в течение этого года я была … вынуждена дать. — Он заметил заминку.

Вынуждена? Кто мог принудить к чему-то жену Боруцкого?

Но Валентин задал не этот вопрос:

— Прекратить петь? — удивился он. — Но разве можно прятать такой талант? Почему?

Агния тяжело сглотнула перед тем, как ответить. И Валентин не смог не оценить мужество этой девушки:

— Я забеременела. И это казалось мне более важным. Наш ребенок. Семья.

— Ваш муж думал так же? — нейтрально поинтересовался Валентин, ощущая, что они наконец-то дошли до чего-то.

— Вячеслав очень редко не поддерживал меня, — Агния улыбнулась. — Так что да, он принял мое решение и был согласен с этим, несмотря на некоторые сомнения.

Валентин смутно представлял себе Боруцкого и любого ребенка в непосредственной близости. Хотя, если посмотреть на его отношение к жене… Он мог допустить, что Вячеслав был готов удовлетворить любую ее просьбу.

— Что-то пошло не так, как вы планировали? — осторожно и с подобающим тактом уточнил Валентин, поскольку реакция Агнии на этот разговор не давала ему повода посчитать, что беременность разрешилась благополучно.

Она ни разу не упомянула ребенка, как родившегося. Агния нервничала, сжав руки в кулаки так, что костяшки побелели, и часто моргала, скрывая подёргивание век. Да и голос ее стал неровным.

Девушка глубоко вздохнула, отвернулась от окна. Казалось, она собирается с силами, чтобы взглянуть на Валентина и ответить. И когда Агния это все же сделала, ее улыбка почти ощутимо отдавала горечью:

— Чуть больше года назад, на моих глазах убили моего мужа, — шокировав Валентина, тихо проговорила она. — Во всяком случае, я была на тот момент в этом совершенно уверена. Убили нашего друга и охранника, который охранял меня с пятнадцати лет. Даже нашего пса. Всех. — Она перечисляла это глухо и отстраненно, словно убеждала себя, что говорит о чужих людях. — После чего, человек, заказавший это, изнасиловал и избил меня. Я потеряла ребенка и попыталась покончить с собой. Чтобы не позволить мне это, меня заставили принимать наркотики. — Агния замолчала и облизнула пересохшие губы. — Да, Валентин Петрович, можно сказать, что что-то пошло не так, как мы с Вячеславом планировали.

Она вновь улыбнулась той же убитой улыбкой.

Ему потребовалась несколько секунд, чтобы сориентироваться и отодвинуть собственные чувства, которые сейчас могли только помешать. Эти люди нуждались в помощи. И теперь он начал представлять, с какого бока за это браться.

Вячеслав заставлял себя сидеть в кресле под кабинетом. Хотя, время от времени, выдержка его все же подводила, и он вскакивал на ноги, принимаясь мерить пространство небольшой приемной. Вячеслав игнорировал то, что каждый раз в таком случае охранники вскидывались, то ли настораживаясь, то ли от него самого ожидая неприятностей. Он просто убеждал себя не лезть, позволить профессионалу помочь его Бусинке. И изжевывал сигарету, за сигаретой, зная, что если

закурит — малышка и через закрытые двери ощутит дым и начнет волноваться, что заставляет его нервничать. А еще он думал о том, как они ехали сюда, и как Агния, спросив, для чего она сортировал все те фото, попросила Вячеслава не вешать их снова на стены:

— Ты обещал мне новые, — глядя ему в глаза, проговорила его девочка, с трудом проталкивая слова подрагивающими губами. — А для этих давай купим альбомы и пока отставим на полку. Пожалуйста, Вячек? — она прижалась к его плечу и с такой тоской заглянула ему в глаза, что он не смог ответить. Кивнул, показав, что не против.

А сейчас пытался представить, где взять силы, чтобы все эти фото распихать по альбомам? Особенно те, о которых оба старались не говорить. Может, так и поставить в коробке, до лучших времен?

Он помнил, как проснулся как-то ночью, спустя, наверное, неделю, может полторы, после того дня, как Агния его огорошила этой новостью и своим решением сохранить беременность. Все это время Вячеслава напрягала идея появления ребенка, о чем он Бусинке, ясное дело, не говорил. Вот, а в ту ночь, черти чего, он проснулся, словно его по голове чем-то огрели, сел в кровати, глядя на спящую жену, и наконец-то в полной мере осознал, что же происходит на самом деле. У него будет ребенок. Сын, если верить Агнии. Хотя, не в том дело, в принципе. Ребенок. Его ребенок. Нечто запредельное и вообще непонятное. Не совместимое с его понятиями, представлениями и жизненными категориями почти настолько же, как когда-то казалось несовместимой любовь к настойчивой, упертой и такой застенчивой девчонке. Нечто, что в тот момент вызвало в нем едва ли не благоговение, потому как в глубине души, Вячеслав искренне сомневался, что заслуживает на нечто подобное. Его Бусинка, его малышка — носила его ребенка.

Вячеслав сидел и пялился на нее в темноте часа два, наверное, пока малышка, может ощутив его взгляд, а может и просто так — не проснулась и с удивлением не поинтересовалась, что с ним такое? А он не смог сказать ничего умнее, как только: «ты беременна».

Что, почему-то, вызвало у Агнии приступ почти гомерического хохота. Она смеялась и смеялась, серьезно, Вячеслав даже начал нервничать, и как-то неуверенно, совсем нехарактерно для себя, осторожно поинтересовался — не вредно ли ей так хохотать? Чем рассмешил жену еще больше.

Как же его клинить тогда начало — и смех, и грех. Он и раньше бдел над своей малышкой. Теперь же и говорить было не о чем. Вячеслав трясся над ней. Буквально. Его беспокоило все: ее режим, питание, настроение. И не потому, что ребенок его. Ну, хотя, и поэтому тоже, конечно. Но и Бусинка же его. Самая родная и близкая. И в те дни он еще больше осознал, как же дорожит ею, что готов сотворить ради ее здоровья и благополучия. Впрочем, нельзя сказать, что остальные отставали от него в этом. Федот и Лысый, то ли по примеру Вячеслава, то ли и сами прониклись ситуацией, но дрожали над малышкой не меньше. Так, что в конце концов не выдержав гиперопеки трех мужиков, Бусинка уболтала Федота поехать в отпуск, развеяться. Она бы и Лысого куда-то сплавила, Вячеслав в этом не сомневался. Только он категорически возмутился.

И сколько потом они оба: и он сам, и Федот, корили себя, что уступили ей.

Хотя, кто знает, что и как вышло бы? Может, просто не стоило отвечать на звонок того гребанного Стаса, который принялся всеми правдами и неправдами доставать Бусинку, когда узнал от Михаила, что она отказывается от пения. Этот пацан все названивал и названивал, теребя его малышку и капая ей на нервы, все уговаривал Бусинку не бросать петь. Тыкал ей какие-то новые песни. Так, что в итоге не выдержав, Агния решилась рассказать тому, кого считала все эти годы своим другом, о своем положении. Хотя сам Вячеслав был больше склонен с ним «поговорить», чтоб пацан все понял и отвалил…

Вячеслав вновь подскочил на ноги, не в силах усидеть спокойно, вспоминая это все. Глянул на время, пытаясь отстраниться и оставить прошлое в прошлом, как обещал утром жене. Агния торчала в кабинете уже полтора часа. Больше, чем он мог спокойно выдержать. Вячеслав уже собрался было вломиться в этот долбанный кабинет. Но до того как он успел подойти, двери распахнулись, и на пороге показалась Бусинка.

Вячеслав напряженно всмотрелся в лицо жены, пытаясь понять все то, что происходило без него. Малышка же улыбнулась, встретившись с ним глазами. И Вячеслав не мог не порадоваться этому, несмотря на то, что видел, каких усилий Агнии стоила эта улыбка. За спиной малышки маячил психотерапевт. И судя по взгляду, дядька намекал Вячеславу, что хочет теперь побазарить с ним.

На секунду обняв малышку, Вячеслав прижался губами к ее виску:

— Ты нормально? — тихо и хрипло уточнил он у жены.

— Терпимо, — чуть шире улыбнулась его Бусинка. — Справлюсь.

Она еще и успокаивала его. Блин.

Вячеслав снова жадно поцеловал ее кожу:

— Подожди меня, лады? — так, словно бы думал, что малышка может уйти, попросил Вячеслав.

Оглянулся, глазами приказав охранникам быть начеку. И пошел к психологу. Но двери кабинета прикрыл лишь наполовину, продолжая следить за обстановкой в холле.

— Ну? — не поворачиваясь к психологу, потребовал отчета Вячеслав.

Но тот, похоже, не торопился отвечать. Наоборот, сам принялся доставать Вячеслава:

— Ваша жена поет дома сейчас? После того, как вернулась?

Психолог не смотрел на Вячеслава, он специально обернулся, чтобы проверить, что тот имеет в виду. Дядька перебирал на столе какие-то бумажки.

— Нет, — Вячеслав снова отвернулся к двери, наблюдая за Агнией, напряженно замершей на самом краешке кресла. — Она ни разу не пела после того концерта, с которого я ее выдернул.

— А вы ее просили?

Вячеслав молча кивнул.

— Агния отказалась?

— Она сказала, что пока не хочет, — Боруцкий цокнул языком, не чувствуя себя свободно в этой непривычной ситуации.

Психолог задумчиво помолчал, вышел из-за стола и подошел ближе к Вячеславу:

— Очевидно, после всего случившегося, для нее пение — травмирующий фактор. Еще одно, к чему ее принуждали против ее воли и желания.

Вячеслав промолчал.

— Однако, ей необходимо какое-то занятие, которое позволит Агнии выразить себя. Дать выход всему, что она держит в себе. В какой-то мере заменит пение, пока Агния не считает для себя возможным петь. — Психолог помолчал минуту. Серьезно глянул на Вячеслава. — Правда, вы должны учитывать и то, что она может никогда не посчитать себя готовой вновь петь.

— Меня волнует только ее спокойствие, все остальное…, - Вячеслав раздраженно дернул головой.

Психолог обернулся и некоторое время его разглядывал. Вячеслав видел это изучение, но не реагировал.

— Она не считает вас виноватым, — ровным голосом без всяких эмоций, заметил Валентин.

Вячеслав сжал зубы:

— Это не значит, что я не виноват, — процедил он. — Бусинка чересчур добрая.

Психолог еще помолчал, может, раздумывая, стоит ли продолжать разговор. И все-таки заметил:

— Ваша жена очень… настроена на вас, если так можно выразиться. Ваше настроение, уверенность и сила помогают и ей находить силы для борьбы за себя и за ваши отношения. Вероятно потому, что она взрослела рядом с вами, если я все верно понял. — Валентин Петрович помедлил, видно дожидаясь какого-то подтверждения с его стороны. Вячеслав невнятно скривился. Психолога это устроило. — Но если вы не найдете мира с собой и не переступите все, что случилось, и Агния не сумеет этим справиться.

Вячеслав хрустнул пальцами. Этот дядька его бесил. Раздражал и злил своими комментариями. И все-таки, Вячеслав не был идиотом, и понимал, что этот Валентин Петрович дело говорит.

— Я с этим справлюсь, — отрезал он, не уточняя, что для этого ему еще надо заплатить по кое-каким счетам. Хотя, после их более раннего разговора в коридоре, психолог мог и сам до всего докумекать.

Психолог молча кивнул:

— Приезжайте вместе с ней завтра, — подобно самому Вячеславу, он наблюдал за Агнией. — И, знаете, купите ей что-то, — психолог задумался, — краски, возможно, или пластилин, глину, а может и бисер. Что угодно, что позволит ей занять себя и как-то выразить. Ваша жена человек творческий, и как бы она не отрицала этого, закрываясь от всего, ей это необходимо. Вероятно, она даже не сразу проявит к этому интерес. Но все же, что-то такое должно быть рядом, у нее под рукой, чтобы у Агнии была такая возможность.

Вячеслав кивнул и вышел из кабинета, не интересуясь, закончил ли психолог. Впрочем, исходя из этой встречи, он мог предположить, что если бы дядька хотел еще чего-то добавить, то нашел бы способ его остановить. В общем, он мог сказать, что Соболь не обманул. Толковый этот Валентин Петрович. И, несмотря на свою глухую злобу и неприязнь к мозгокопателям, Вячеслав надеялся, что малышке этот помочь сумеет. Для своей же пользы.

Агния не проявила никакого интереса к идее закупок всей той дребедени, что предложил психолог. И на какой-то момент Вячеслав даже засомневался, стоит ли на нее этим давить. Но все-таки решил перестараться. Правда, на ее участии не настаивал, разрешил малышке остаться в машине под присмотром охраны, а сам поперся в магазин. Однако, не особо разбираясь, чего же конкретно ему нужно, сгреб с полок чуть ли не все подряд, наплевав на недоуменные взгляды продавцов. Хрен с ними. Как Вячеслав мог объяснить им, что ищет, если сам толком этого не знал? Вот и набрал кучу всего. Даже формы для отливки статуэток из гипса.

Агния его покупки не комментировала. Собственно, она промолчала почти всю дорогу домой. И лишь под конец начала интересоваться, хочет ли он что-то добавлять в обстановке дома или все так и оставит? Вячеслав попытался перевести стрелки на саму малышку, заявив, что это ее подарок, а значит и думать ей. А он всегда готов выполнить любое ее желание. Чем вызвал улыбку у жены и признание, что она хочет кресло-качалку на веранду. И в кухне ее не все устраивает, и в гостиной на первом этаже. Да и в спальне хотелось бы кое-что добавить…

И пусть это все было высказано без особого энтузиазма, но с явным, так присущим малышке упорством.

Давя улыбку, Вячеслав набрал Федота и велел привезти человека, который бы помог им это уладить, дивясь про себя, когда малышка успела все проинспектировать. Но откровенно радуясь

этому.

Всю следующую неделю Агния занималась переделкой того, что ее не устраивалось. Он разыскал для нее фирму, которую они с Федотом когда-то курировали и прекрасно знал, да и контролировал ее владельцев. Ребята были свои и не раз проверенные. С дизайнерами из этой фирмы Агния и начала перестановки. Потребовала, чтобы заменили большую часть мебели и техники, особенно лютуя на кухне. Вячеслав не вмешивался, хоть порой и недоумевал ее активности. Но он так понял, что именно на это все Агния тратила ту самую потребность самореализации, о которой ему толковал психолог.

К Валентину Петровичу они, кстати, мотались теперь, как на работу. Иногда Вячеслав сидел в кабинете, чаще в холле, хоть они и перестали закрывать двери. Им обоим было нелегко снова воскрешать хоть мгновения прошлого, даже тем, что просто облекали воспоминания в слова, но, тем не менее — оба переступали через себя в этом. Оба старались.

Правда, Вячеслав сейчас не меньше следил и за тем, как развивался его план по расправе с Шамалко. Похоже, Виктор уже обнаружил то, что они с Соболем устроили еще пару месяцев назад. И теперь Шамалко столкнулся с весьма неприятной реальностью — никто из его прошлых партнеров не торопился его поддерживать. Даже соратники по партии. А из-за вынужденной изоляции, слухи, которые можно было замять и представить как провокацию конкурентов по предвыборной гонке, разрастались и приобретали все больший резонанс. И сейчас Шамалко отказывался комментировать все новые факты, ежедневно появляющиеся в прессе. Насколько Вячеслав знал, Виктор заперся в своей резиденции, лихорадочно разыскивая любого, кто предложит поддержку и помощь. Таких не находилось. Никому не хотелось быть утянутым на дно.

Время последнего пункта его плана приближалось.

Спустя недели две после того, как они впервые посетили Валентина Петровича, Вячеслав пытался найти свою жену. Может, было и не такой хорошей идеей покупать дом побольше предыдущего. Его уже подмывало просто заорать, чтобы заставить откликнуться Бусинку, потому как безрезультатное блуждание по комнатам раздражало. Однако вероятный переполох среди охраны и возможный испуг немолодой домработницы, которую наняла Агния себе в помощь, заставляли его пока помалкивать. Мало ли, вдруг малышка расстроится, если снова придется подыскивать себе помощницу?

Час назад, когда они только вернулись от мозгокопателя, Агния вышла во внутренний двор и уселась на самом солнцепеке, игнорируя его попытки чем-то прикрыть ее голову и уговоры Вячеслава перейти в тень. В какой-то момент Вячеслав даже решил, что она придумала опять разводить цветы, как когда-то. И уже даже смирился с мыслью, что ему придется два раза в день следить за поливом этого палисадника. Или придумать, как по-быстрому установить тут автоматический полив в достаточном количестве. Но жена, удивив его, принялась перекладывать с места на места какие-то камешки, которыми участок был «украшен» изначально. Понаблюдав за Агнией минут двадцать и таки заставив ее натянуть на голову шляпу, он все же ушел в кабинет. У Вячеслава еще были дела, которые следовало сегодня решить. В том числе и звонок одному человеку, наблюдающему за Шамалко по его указу. Это был тот самый парень, которого Вячеслав просил подстраховать Соболя в разборке с Картовым. Он давно его знал. Собственно, когда-то вытащил этого человека из крупной передряги в своем городе. После чего тот всегда охотно помогал самому Боруцкому, который, зная особенности характера этого человека, не злоупотреблял их «дружбой» и этой помощью. И все же, в некоторых аспектах этому парню не было равных.

А вот теперь, уладив все свои вопросы, он никак не мог разыскать Агнию. Она точно не покидала территорию, охрана сразу бы связалась с ним. Да и сама малышка не проявляла никакого желания выходить за пределы дома без Вячеслава, потому он не сомневался, что она где-то здесь. Вот только, где именно?

Наконец, спустя еще мнут пять, он все же нашел Бусинку. В одной из крайних комнат первого этажа, для которой они и применения еще толком не придумали. Именно здесь Вячеслав свалил в угол все приобретенные в магазине для рукоделия товары. И с тех пор, все эти дни, никто из них сюда даже не заглядывал.

Сейчас же Агния сидела на полу, скрестив ноги и подтянув их под себя. И вертела в руках какую-то банку.

— Ты чего, Бусинка? — зайдя в комнату и прикрыв за собой двери, Вячеслав приблизился к ней.

Малышка только задумчиво выпятила губки, даже не повернувшись в его сторону:

— А ты это для чего купил, Вячек? — поинтересовалась Бусинка, продолжая рассматривать банку.

Поскольку Вячеслав по большей части был вообще не в курсе, чего он тогда нагреб, он сел на пол рядом с женой и попытался увидеть, что она рассматривает. Походило на то, что это какая-то банка с краской. Кажется, розового цвета.

— Ну, этот твой Валентин Петрович, рекомендовал, чтобы у тебя были краски, если вдруг рисовать приспичит. Вот, я и купил, — напомнил ей Вячеслав о рекомендациях психолога.

Агния вдруг улыбнулась, совсем непонятно для него. Впрочем, это не уменьшило его радости. Она, вообще, в последние дни стала чаще улыбаться, и легче, что ли. И пусть это было пока единственным, в чем он видел заслугу психолога, Вячеслава и это радовало неимоверно. Малышка тем временем лукаво глянула на него и открутила крышку:

— Это краска для двухлетних детей, Вячек, — заговорила Бусинка, погрузив за каким-то лядом в эту розовую жижу два пальца. — Чтобы они руками рисовали, — все еще улыбаясь, она проследила за тем, как густые капли упали с ее пальцев обратно в банку.

Подняла лицо, осмотрелась, словно что-то разыскивая, Вячеслав правда не сразу понял, что именно. Пока малышка, видно не найдя бумаги, или чего там она искала, вдруг не начала придушенно хихикать. И, воспользовавшись тем, что он никак не ожидал от нее подобной подлости, вдруг не провела теми самыми пальцами, измазанными краской, по его белой футболке.

— Я не понял?! — возмутился Вячеслав, крепко ухватив ее за запястье, хотя, ясное дело, не сжимал сильно. Да его и самого уже на смех пробило. — И чего это ты делаешь, а, Бусинка? Совсем страх потеряла? Ты на кого это руку подняла?

— Я рисую, Вячек, — с выражением совершенной невинности, чуть подпорченной прорывающимся смехом, протянула она, продолжая водить пальцами по ткани. Ну не мог он ей что-то запретить. — Ты же говорил, что мне это надо делать, — она чуть прикусила свои подрагивающие от смеха губки.

Учитывая то, что бывали моменты, когда он уже сомневался в том, что его жена сможет опять так смеяться и заигрывать с ним, Вячеслав был больше чем просто доволен. Блин, у него реально перекрыло на какой-то миг горло от того, насколько светлым был взгляд его Бусинки. Вероятно, скоро в нем еще проступят уже привычные грустные тени. Но сейчас…

Не уверенный, что сможет в этот момент сказать что-то, не выдав эти чувства, он просто наклонился и прижался своим ртом к этим смеющимся губкам. И по фигу ему было, что малышка, высвободив руку из его захвата, обняла его за шею, по ходу, измазывая этой розовой краской и

затылок, и волосы, и щеки Вячеслава. На здоровье. Даже больше ее баловства, его обрадовало то, как легко она откликнулась на его движения, как потянулась к нему в ответ, буквально забравшись на колени Вячеслава. Отклонилась на секунду, вновь порадовав его своей улыбкой, и еще зачерпнула краски из банки. И снова провела по груди, только теперь вниз. А потом и вовсе забрал под футболку, похоже, «рисуя» уже по коже Вячеслава.

Хулиганка.

— Я, вообще-то, точно покупал и бумагу, — невозмутимо заметил он, надавив на плечи смеющейся малышке, заставляя ее опуститься на пол спиной. И сам навис сверху. — Где-то тут точно должны быть листы. — Он сделал вид, что осматривает кучу всякой дребедени.

— Обязательно поищем, — прошептала малышка, покрывая короткими и жадными поцелуями его шею, отчего сама измазывалась в эту же дурацкую краску. — Но потом, позже, — прищурившись, она заставила его вновь наклониться к ней, и стащила футболку Вячеслава.

Потом, так потом. Он точно был не против. Не мог же он мешать заниматься жене рисованием, коли это именно то, что ей «доктор прописал».

О том, что Федот приедет вечером они договорились еще днем, Боруцкий набрал Андрюху сразу после того, как связался со своим человеком, наблюдающим за Шамалко. Слишком хорошие тот сообщил новости, чтобы медлить. Но, сказать по правде, ко времени, на которое они договорились, он уже прилично отвлекся. Не забыл, но это все сильно отодвинулось.

И все-таки, Вячеслав заставил себя спуститься вниз, оставив задремавшую Бусинку в спальне, хотя больше всего ему хотелось бы лежать рядом, наблюдая за сном малышки. Но Федот-то был не в курсах об этих его желаниях и планах и приперся, как было договорено.

Спустившись на первый этаж, он велел все еще не освоившейся и явно остерегающейся его домработнице принести в кабинет кофе для Федота и чай себе. Махнул другу, как раз заходящему в двери и повернулся, направившись к своему кабинету.

Но Федот, вопреки ожиданию Вячеслава, не двинул сразу следом, а как-то сдавленно прыснул:

— «Вызывает антирес и такой ишо разрез:», слышь, Боров, чего это у тебя вся спина, как у поросенка недорезанного, розовая?

Вячеслав остановился, обернулся и нахмурился с некоторым недоумением: он был в душе, точно как и Агния. И, по правде сказать, от одной мысли о том, как ее ладошки скользили по его коже, спускаясь вниз, смывая мыльной пеной с него краску, как ее губы повторяли путь пальчиков, щекоча, дразня, испытывая выдержку. Так что, в конце концов, он и не выдержал и, распластав жену на кафеле, обоих отвлек от мытья.

У него даже сейчас горячая волна прошла по позвоночнику от этих воспоминаний. Что ж, они точно тогда увлеклись и вполне могли пропустить какие-то участки. Только ему это было по фигу, как и ехидство друга.

Главное, что его малышка сама потянулась к нему, и это после того, как считала себя чуть ли не недостойной Вячеслава.

Она, его Бусинка — и он… Сравнила, блин.

Пфф. У него до сих пор не укладывалось в мозгу, как Агния могла такое выдумать? И потому сейчас — Боруцкому было так хорошо, что все остальное вообще стало неважно. Ну, розовый у него затылок, и фиг с ним. Вячеслав просто усмехнулся в ответ на поддевку Федота:

— Малышка баловалась, — не вдаваясь в подробности, хмыкнул он.

— А-а… — глубокомысленно протянул Федот. И тоже кривовато усмехнулся.

Но за всей этой насмешкой Вячеслав разглядел, как Андрюха немного расслабился, видно,

начав успокаиваться насчет них.

— Какие новости? — идя следом за ним по коридору, уточнил Федот, оставив предыдущую тему разговора.

Вячеслав молчал, пока они не зашли в кабинет и плотно не закрыли двери. Здесь уже стоял чай и кофе.

— Я уеду через два дня. Ты останешься с Бусинкой, ну и охрана, само-собой. Думаю, я за пару дней управлюсь, — глотнув из своей чашки, скупо изложил он.

Федот покрутил чашку со своим кофе, шумно втянул воздух носом, а потом ругнулся:

— Паршиво.

Вячеслав согласно хмыкнул. Они достаточно хорошо знали друг друга, чтобы понимать мысли другого. И это замечание Федота относилось и к тому, что друг сожалел о невозможности прикрыть Вячеслава в этом деле; и к тому, что Бусинка, наверняка, не ахти как перенесет эти дни без него. Но и оба, так же, понимали, что никому другому Вячеслав жену не доверит.

— Ты уверен в Лютом? — все еще недовольно кривясь, уточнил Федот, словно ему кофе горчил, хоть дело явно было в другом.

— Я кроме тебя и Бусинки ни в ком не уверен, — криво усмехнулся Вячеслав, глядя на друга. — Ну, Соболь еще, наверное, ему просто смысла нас подставлять сейчас нет. Но Лютого мы уже не раз проверяли в деле, да и опять-таки, с какой стати ему идти против нас?

Федот еще раз шумно вдохнул, соглашаясь. Да и ясно было, что он просто бесится, а иного выхода-то не существовало. Так что они оставили эту тему и принялись обсуждать детали.

Глава 42

Возможно, именно благодаря тому, что он не ринулся в месть сломя голову, а потратил на обдумывание и организацию столько времени, несмотря на всю свою ярость и бешенство, все и прошло так, как они задумывали. Лишь однажды они с Лютым засомневались и допустили вероятность, что какой-то этап плана придется переиграть: когда Шамалко прямо во дворе своего дома принялся о чем-то спорить с начальником своей охраны. Бывшей охраны. Виктор дураком не был и понимал, что ему пора исчезать из страны. А в лишних свидетелях он не нуждался, потому охрану отпустил. Что послужило причиной конфликта — они не особо поняли, возможно, Виктор зажал на оплате, а может еще что. Но Шамалко смог это быстро уладить, Вячеслав только начал прикидывать, что стоит изменить в плане, когда охрана расселась по своим машинам и уехала. Судя по действиям, и сам Шамалко не собирался задерживаться. А так как бегство Виктора не входило в их планы, тут-то они его и взяли.

Лютый не просто так неделями наблюдал за резиденцией Виктора по просьбе Вячеслава, изучая распорядок, план дома, все входы и выходы. И нашел-таки лазейки. Может этот парень был и не особо разговорчив (по правде сказать, на фоне Лютого Вячеслав порой ощущал себя болтуном, парень часто откровенно смахивал на немого), зато находить просчеты и лазейки в охране других он умел, этого было у Лютого не отнять. А если таких лазеек не существовало, Лютый мастерски создавал их сам.

Многие из тех, кто шапочно знал этого парня, ошибочно предполагали, что свое прозвище он получил за бешенный характер. На самом же деле, Вячеслав мало знал настолько безэмоциональных и отстраненных людей, даже его неизменный администратор ресторана, Семен, проигрывал Лютому в умении себя контролировать. И Вячеслав склонялся к мысли, что тут больше аналогии с февралем [2], таким же холодным и сдержанным, как этот парень. Впрочем, его это никогда не интересовало настолько, чтобы спросить. Разве что Федот время от времени приставал со своими догадками, которые Боров по большей части игнорировал.

Мысли о друге потянули за собой другие, те, которые Вячеслав старался пока отодвинуть. О том, как там его девочка, наверняка, не на раз-два переносящая отсутствие Вячеслава. Эти мысли и раздумья не добавляли ему равновесия, необходимого для того, что Боруцкий задумал для Шамалко. Щелкнув зажигалкой, все той же, уже потертой и старой, с крышкой, которую давным-давно отремонтировал, он прикурил и глубоко затянулся, рассматривая Шамалко.

Виктор сидел на стуле, связанный так, что не получалось двинуться, как он ни старался. Щурился и периодически тряс головой, наверняка ощущая раскалывающую головную боль после удара, которым они его вырубили во дворе, чтобы беспрепятственно доставить сюда. Вячеслав хмыкнул: он планировал доставить Шамалко куда больше проблем со здоровьем.

Лютый сидел на подоконнике и без каких-либо эмоций наблюдал за обстановкой в комнате. Не выпуская при этом из рук пистолет. Вячеслав не планировал позволить ему применить это оружие к Шамалко. Такого просто пути эта падла не заслужила.

— А ты не зарвался ли, Боров? — все еще щурясь, наконец, заговорил Виктор. Он держался. Все-таки, достойный и опытный противник. Но они оба понимали, что Вячеслава не свернешь уже никакими угрозами. И как ни пытался Шамалко скрыть свой страх, тот было видно. — Тебе не спустят такого хамства…

Вячеслав хмыкнул, еще раз затянувшись. Он себя контролировал. Контролировал, несмотря на то, что знал все, что этот человек, творил с его Бусинкой. Оттолкнулся от стены, на которую

опирался до этого, и подошел ближе к Шамалко:

— А я не пру, нарушая договоренности и понятия, — скупо заметил Вячеслав, хотя меньше всего ему хотелось болтать с этой сукой. — Никто не будет возмущаться, все в курсе, со всеми все утрясли. И люди даже довольны. На тебя, сбежавшего, можно теперь столько навесить, что этим многие решили воспользоваться. Ты ведь не только мне дорогу перешел, — Вячеслав вытащил тлеющую сигарету изо рта и цокнул языком. — Так что, можешь не сомневаться, твою тачку найдут брошенной на стоянке какого-нибудь супермаркета в ближайшем городе соседней державы. Ясное дело, после этого шума тебя подадут в международный розыск. И долго будут искать. Но не найдут, — Вячеслав еще раз цокнул языком. Глянул на сигарету. Затянулся. — И да, тебе Соболев привет передавал, просил кое о чем напомнить, — Вячеслав прижал тлеющую сигарету к шее Шамалко.

Виктор начал материться, пытаясь отодвинуться. Но Вячеслав лишь сильнее вдавил сигарету в кожу.

— Да и у Соболя к тебе еще пара претензий, мы с тобой еще вернемся к этому, — удовлетворенный видом ожога, Боруцкий отбросил окурок на пол. — Но сейчас к моему счету…

Они не сказали ей, куда Вячеслав уехал. Точнее, ее мужчины пытались что-то смутно объяснить про бумаги, которые следует переоформить, про договоренности с Соболевым, которого Агния знала лишь понаслышке. Но, несмотря на все эти «пояснения», она на все сто процентов была уверена, что точно знает, куда поехал ее муж. Взгляд Вячеслава, который он так старательно от нее прятал…

Агния не знала, каким образом ей удается держать себя в руках. Хотя, разве ей это и правда удавалось? Вот уже несколько часов подряд она сидела в ванной их спальни, завернувшись в одеяло, несмотря на летнюю жару, и крепко держала в кулачке кольцо Вячеслава, которое так и осталось у нее.

Федот заходил несколько раз, пытался с ней о чем-то говорить. Звал играть в бильярд и заманивал обедом. Пока она, обвинив друга в том, что отпустил Вячеслава одного, не закрыла, наконец, двери на защелку.

На ее упреки Федот не ответил. Зато пригрозил выломать двери, если Агния немедленно не откроет. И ему по фигу, даже если она не одета. В голосе друга звучала настоящая угроза. А еще — страх. То чувство, которое Федот, наверняка, испытывал нечасто.

Агния была одета. Но что это меняло?

Она не ответила на ультиматум. Внешний мир сейчас не задевал ее. Но эта была и не та апатия, с которой Агния так долго боролась. Ох, сейчас она бы даже обрадовалась той отупляющей серости. Но неконтролируемый первобытный страх за самого родного и близкого человека не оставлял ей ни единого шанса.

Федот все бубнил и бубнил за дверью.

Агния продолжала сидеть на полу, лишь время от времени поднимаясь, чтоб засунуть замерзающие ладони под горячую воду и умыться, в жалкой попытке изгнать эту изморозь у себя изнутри.

Она знала, что Федот боится за нее. И да, он пытался помочь ей, отвлечь. Кажется, сидел под дверью с другой стороны и все еще о чем-то говорил, говорил, говорил, добиваясь какого-то ответа от нее, а она все равно не могла на этом сосредоточиться, испытывая дикий, неконтролируемый ужас от одной мысли, что может опять потерять мужа. И на все уговоры Федота отвечала только одно:

— Почему ты не поехал с ним?

— Блин, малышка, ну ты же понимаешь, что он тебя бы никому другому не доверил! — с какой-то беспомощной злостью, вдруг гаркнул Федот с той стороны двери после очередного раза. — Думаешь, я тут от радости торчу, что Боров сам поперся?! Только Славку хрен переспоришь! — судя по грохоту, он с размаху ударил по двери. Вслед за чем последовал поток мата, видно, выплескивавший все переживания самого Федота.

Агния верила. И знала. И понимала. Всех: и Федота, и даже Вячека. Она слишком хорошо знала своего любимого, чтобы решить, будто он сможет оставить все и жить дальше, не отомстив. Но это не помогало ей избавиться от своего внутреннего ада. Потому и не могла она сейчас выйти отсюда и с милой улыбкой заверить друга, что все хорошо, и лишь сильнее сжимала кольцо. Настолько, что грань металла уже начала продавливать кожу ладони.

Федот же, похоже, не собирался разбрасываться пустыми обещаниями. Продолжая материться, он снова и снова бил чем-то по двери, видимо, все же намереваясь ту выломать. И на фоне всего остального, это смогло задеть Агнию. Она так отчаянно старалась начать новую жизнь со своим любимым, так тщательно занималась этим домом и обстановкой. Ей вовсе не хотелось, чтобы хоть что-то здесь было сломано!

Ей даже удалось заставить себя встать, подбирая одеяло, чтобы не споткнуться и не упасть. Удалось сделать пару шагов ногами, занемевшими от долгого сидения в неудобной позе. А вот успеть дойти — не удалось. И хорошо, наверное, потому как защелка не выдержала всех этих ударов, в которых Федот выплескивал свое напряжение, и слетела. Дверь с грохотом хлопнулась об стену, распахнувшись едва ли не перед самой Агнией, и они с Федотом оказались нос к носу. Причем оба были взведены до предела.

— Ты! — Федот ткнул пальцем чуть ли ей не в лоб. — Сейчас выйдешь, поешь и сядешь где-то, где я смогу тебя видеть, ясно?! А лучше — ляжешь спать. Твою ж… — друг замолк, видно окончательно рассмотрев Агнию. — Бл…! Девочка, прекращай!

Федот вдруг взял и сделал то, чего она точно никогда не ожидала бы от него: крепко ухватив ее за плечи, он встряхнул Агнию. А потом как-то неловко и коротко обнял, погладив по растрепанным волосам.

Этот жест до того напомнил ей Вячеслава, отчего-то, что Агния позабыла и злость из-за поломанной двери, и все остальное. Тихо всхлипнув, она ссутулилась и закусила губу, чтобы не расплакаться. Слишком сильно боялась за любимого. Федот же, похоже, еще больше растерялся из-за ее реакции.

— Бусина, не реви. Ты же знаешь, он меня прибьет, как увидит, что ты плакала. А увидит же. У Борова на это чуйка такая, что ого-го, — Федот приподнял ее подбородок и подмигнул Агнии. — Фору даст любой собаке. Блин, малышка, — раздосадовано крякнул он, видя, что ей это не помогает успокоиться. — Да, нормально все будет, я тебе говорю. Славка так все просчитал, что компьютер обзавидуется. Все что только можно учел. И он не один. С ним надежный человек.

— Он к нему… к Шамалко поехал, да, Андрей? — заставляя себя говорить ровно, она встретила напряженный взгляд друга. — Я знаю, можешь даже не говорить, — хмыкнула Агния, когда Федот упрямо сжал губы. — Но есть я не хочу. И двери пусть починят.

Махнув головой в сторону отлетевшей задвижки, она обошла Федота. Аккуратно свернула и отложила одеяло, в которое все это время куталась. Подошла к широкому подоконнику, на котором лежала расческа, поскольку подходящего комода для этой комнаты Агния еще не нашла. Она старалась следить за каждым своим движением. Контролировала, обдумывала чуть ли каждый вздох. Чтобы не сорваться. Зная, что Федот внимательно следит за ней. Да и понимая, что все они

— заложники ситуации, которую невозможно разрешить истерикой или упреками.

— Бусина, тебе надо поесть, серьезно. — Федот следом за ней отошел от двери в ванную и сейчас откинулся на стену, наблюдая, как она расчесывается. — Ты последний раз ела еще вчера.

— Вчера? — Агния замерла. Опустила расческу и обернулась к нему. — Сколько времени прошло? — немного растерянно уточнила она, поняв, что совсем потерялась в часах.

До этого заявления Федота она была уверена, что обедала с Вячеславом всего лишь три-четыре часа назад. И проклинала время, тянущееся так вяло.

— Малышка, — Федот прищурился, внимательно вглядываясь в ее лицо. — На улице ночь. Ты больше двенадцати часов просидела в этой долбанной ванной. Я реально стрематься начал.

Агния моргнула. Обернулась в поисках часов, не нашла ничего, кроме своего мобильного. Схватила его и всмотрелась в дисплей. Три часа ночи. Ох. Нет, она видела, что стемнело. Но как-то не задумывалась, что уже столько времени.

— Когда он вернется? — испытывая просто невыносимое желание набрать номер Вячеслава и убедиться, что с ним все хорошо, поинтересовалась она у Федота.

— Я не знаю. — Друг напряженно хрустнул пальцами. — Но ты и сама в курсе, Славка наизнанку вывернется, чтобы управиться как можно скорее и к тебе приехать.

Отодвинув телефон в сторону, она зажмурилась, так и не позвонив. Слишком боялась подставить любимого, не представляя, что именно он сейчас может делать, если поверить Федоту.

— Я поем, — наконец, после нескольких минут молчания, со вздохом согласилась она. — А потом — отвезешь меня в церковь, пожалуйста?

— Малышка, ты не поняла, может? Три часа ночи! — с какой-то обреченностью воскликнул расслабившийся было Федот.

Агния с тоской посмотрела на него, а потом на кольцо Вячеслава, которое все еще сжимала в руке: на ладони уже проступил синяк, повторяющий форму массивной мужской печатки. Вячеслав расстроится, когда вернется и увидит это. Господи, пожалуйста! Пусть он вернется! Скорее…

— Андрей, пожалуйста, — тихо повторила Агния, больше не имея сил контролировать свой страх и отчаяние. — Мне очень надо.

— Да там же и попа нет, Бусина, — попытался образумить ее Федот.

— Так у меня есть телефон отца Игоря, — Агния не обратила ни малейшего внимания на его попытку. — Вот, — схватив мобильный, она быстро обнаружила контакт. — Он приедет, я сейчас позвоню. Правда, Андрей. Отвези меня, ну, пожалуйста.

— Твою мать, Бусина! — Федот в сердцах ударил ладонью по стене. — Ты кого угодно уболтаешь. Давай, иди, на кухне эта ваша Ивановна дежурит. Поешь. А я пока соберу охрану. — Продолжая ворчать сквозь зубы, он вышел, а Агния сжала ладонями голову, стараясь хоть немного собраться с мыслями.

После чего послушно пошла на кухню.

Вячеслав не знал, было ли этого достаточно, но и тратить больше времени уже не мог. Федот скинул сообщение, интересуясь — все ли нормально? Он достаточно хорошо знал друга, чтобы понять — это призыв о помощи. Кому больше нужна помощь: Федоту или Агнии — он не планировал разбираться. Даже «вспоминая» все Шамалко, может, как самая распоследняя тварь, испытывая холодное удовлетворение от того, что наконец-то за все отомстил, он ни на секунду не переставал думать о Бусинке. Искупили ли несколько часов мучений этого гада целый год ее страданий? Вячеслав не стал бы утверждать. Но и ухудшать состояние своей девочки, затягивая свое отсутствие, он не собирался.

Вячеслав глубоко вдохнул свежего воздуха, прогоняя привкус гари и тяжелого духа крематория, из которого они с Лютым только что вышли. Этот объект курировали люди Мелешко, потому им без проволочек и ненужных сложностей удалось избавиться от тела. Сторож, открывший двери, когда они приехали, просто «не заметил», что кто-то приходил. Вячеслав точно знал, что если кто-то и вздумает поинтересоваться ночными посетителями, этот дядька ничего «не вспомнит».

В какой-то степени та попытка наезда Виктора на него была справедлива, и серьезные люди действительно могли бы возмутиться. Потому и не мог добраться Вячеслав до него так долго, потому и выискивал пути. Но теперь, когда подключился Соболь, Мелешко; когда Шамалко задел слишком много интересов и они объединились — и другие вспомнили старые обиды. Потому Боруцкий был уверен в том, что реально Шамалко никто искать не собирается. Все уже были в курсе. За это отвечал Мелешко, получивший основой куш от дел Виктора и его основные сферы влияния.

Оба уже успели переодеться и даже быстро помыться. Сейчас им предстояло разъезжаться в разные стороны: Лютый переправит машину Шамалко через границу и создаст полную иллюзию, что тот убежал из страны. Вячеслав же поедет домой. Правда, до того, как он доберется до Бусинки, у него имелось еще одно дело, которое следовало обязательно решить.

Остановившись у автомобиля, Вячеслав посмотрел на Лютого. Оба ограничились сдержанным кивком. Вячеслав уже перевел деньги на счет, который держал этот парень для оплаты заказов, хоть тот и отказался от гонорара. Боруцкому так было спокойней. Тем не менее, он знал, что Лютый прикрывал его не из-за денег и ценил это. А тот знал, что рассчитался со своим долгом за давнее спасение.

— Если что, ты в курсе, как со мной связаться, — уже садясь за руль автомобиля Виктора, выдал Лютый самую длинную свою фразу за это время.

Вячеслав кивнул:

— Мы с Федотом тоже на связи, — гарантировал он в ответ свою готовность помочь в случае чего.

Больше ничего не добавив, они разъехались, покидая столицу в разных направлениях.

Рассвет застал Вячеслава в дороге. Он смотрел на солнце, медленно поднимающееся по небу впереди его машины, и очень надеялся, что этот рассвет значит куда больше, чем просто наступление очередного дня. Он заплатил по всем счетам. Шамалко оставался последним из тех, кто был повинен в муках его малышки.

Первым Вячеслав убил Щура. Достал сразу, как только смог более-менее самостоятельно передвигаться после того, как Леха подлатал его. Ясное дело, Федот поплелся следом. Но не встревал, позволив Вячеславу самому это уладить. Перед тем, как окончательно пристрелить Щура, они сумели-таки его расколоть.

Оказалось, столь оберегаемая ими тайна о слабом месте Боруцкого выплыла наружу из-за Стаса. Того самого композитора, которого Бусинка считала своим другом, и который достаточно неплохо жил в последние годы, став известным и обеспеченным именно благодаря своим песням, написанным для Агнии. Этот композитор так и не сумел изжить в себе остатки пацанячей влюбленности в Бусинку. И когда узнал, почему Агния отказывается продолжать петь — сорвался с катушек. Напивался. Бегал за ней, уговаривая не рубить свою карьеру, а по факту, как подозревал Вячеслав, наконец-то в полной мере осознав, что ни фига ему тут никогда не светит. И что он теряет свою последнюю связь с Агнией в виде песен. Так он однажды и добегался до того, что по

вине Стаса Агния чуть не упала. Когда, устав от глупых и пьяных бредней, возвращалась со встречи с ним в одном из кафе к машине, где ее ждал Вячеслав. Ясное дело, он успел свою малышку подхватить. Усадил ее в машину, а потом устроил такой втык этому парню, пусть и только на словах, что тот опешил. Но, видимо, наконец-то сложил два и два, осознав, что за все эти годы и не видел рядом с Агнией никакого другого мужчины. Может и обошлось бы, потому как Вячеслав собирался на следующий день (само-собой оставив Бусинку дома), уже серьезней поговорить с этим композитором о том, что и как тому стоит думать и говорить. Да только Стас не домой после этого пошел, а в бар, где часто гулял. Как и еще половина их музыкальной тусовки. И Щур, в том числе, все еще занимавшейся продюсированием молодых талантов.

В чем Вячеслав не сомневался, так это в том, что Щур и не ожидал, какой куш сорвет, когда подсаживался к Стасу, заливающему свою обиду и злость алкоголем. По словам самого Щура, просто надеялся переманить талант для своих подопечных.

И смех, и грех. И больно так, что продыху даже сейчас нет. Правду говорят — не утаить шила в мешке. Вот и всплыло все. Совпало. Сложилось так по-дурному.

Стас по пьяни пожаловался на Агнию, все эти годы «морочившую» ему голову и выскочившую замуж за своего крестного. Причем, парень ведь так и не знал, кто же такой Вячеслав.

Зато Щур это знал прекрасно. Как и то, что в городе как раз шли войны за территорию и дурь. И знал Щур то, кому эту информацию за хорошие бабки можно было толкнуть. А Шамалко предложил заработать еще больше и лично устранить Боруцкого. Щур не отказался. Даже деньги эти еще никуда потратить не успел, когда Вячеслав потом до него добрался. И чего стоило на одну только морду его посмотреть, когда Щур понял, что зря решил помучить Боруцкого сильнее, и не добил, оставив полуживым на растерзание голодной своры псов. Недооценил.

Покончив со Щуром, Боруцкий навестил и Стаса. Поздно, конечно. Но все же. Нет, этого он не убил. Наверное потому, что понимал — Бусинка расстроится. Да и тут дело в другом было. В огромной и непроходимой дурости, в непонимании того, что натворил своими пьяными словами. И все-таки, Стас тоже получил свое наказание. В понимании Вячеслава за ним имелась огромная доля вины. Может песни он и продолжает сочинять, но вот записывать их сможет только с чужой помощью. Да и, насколько он сейчас знал, парень сильно запил после того, как в полной мере осознал, на что обрек Агнию. Вячеслав его об этом подробно просветил, пока избивал. И плевать, что срывал злобу и бессилие от невозможности спасти жену. Последние полгода парень то и дело уходил в запой, если верить Федоту, который курировал этот вопрос.

А теперь — все. Полный расчет. Практически.

В свой город Вячеслав въехал около восьми утра, дороги оказались практически пустыми. Он хотел есть и безумно устал. Но, несмотря на это все и на дикое желание, почти потребность увидеть Бусинку, завернул на дорогу, ведущую к ее старому дому. Проехал эту пятиэтажку, знакомую ему, казалось, до последнего своего кирпича, преодолел еще три квартала и припарковал машину в пустом дворе у церкви. В самом храме, по счастью, так же не наблюдалось толкотни. Собственно, он не увидел никого, кроме продавщицы свечей. Купив несколько свечек, Вячеслав уточнил у женщины, куда именно надо ставить, чтоб «за здравие», поскольку, несмотря на регулярные посещения церкви Бусинкой, сам во все эти тонкости не вникал никогда. И с этой охапкой, снабженный информацией, пошел в зал, уверенный, что Игорь его сам скоро разыщет. Сейчас Вячеславу был нужен не священник, а несколько минут одиночества. У него имелся один разговор. Просьба, если так можно было сказать. А может сделка, хрен знает. Только он хотел прояснить один момент. С Богом. И не нуждался в свидетелях.

Поставив все свечи за здравие Агнии, Вячеслав медленно осмотрелся, ощущая себя не к месту и как-то неуютно. И все-таки, он не собирался отступать. Слишком хорошо Вячеслав помнил, как уламывал Игоря молиться за свою девочку, когда у нее подозревали рак. И совсем не хотел еще когда-то оказаться в подобной ситуации. Подойдя к центральным иконам и алтарю, Вячеслав криво усмехнулся, вспомнив, как стоял на этом самом месте, венчаясь со своей девочкой, и как за его спиной ворчливо гундосил Федот, у которого под конец церемонии онемели обе руки.

Время шло. Он словно наяву слышал, как щелкали секунды. В любой момент кто-то мог зайти. Тот же Игорь, наверняка, заинтересуется, чего это он сам приперся.

Вячеслав откашлялся и опять глянул на эту икону. Бусинка говорила ему, как она называлась, но он точно не помнил — то ли ужин какой-то секретный. То ли еще чего-то в этом духе.

— Короче, — ощущая себя придурком, потому как разговаривал в пустом помещении неясно с кем, тихо начал он, — это все, что было ночью — это мое все. Не надо на нее вешать. Бусинка тут не при делах, вообще. — Он прижал кулак к подбородку, вдруг поняв, что реально нервничает. И от ситуации. И потому, что не знает, как мысль свою донести. И как убедить, чтоб Бусинку его это все и краем не тронуло. Только тот старый страх не давал ни на секунду усомниться в том, что в этом мире есть и что-то за гранью его понимания. И от этого Бусинку тоже надо уберечь. — Я ж крещенный… Короче, если чего, пусть мне все будет. Все счета за это. Но ее трогать не надо. Блин.

Не выдержав, ощущая растерянность, Вячеслав присел на корточки, сцепив пальцы перед собой замком. Расцепил, взъерошил свои волосы. Тут же засомневался, можно ли тут такое делать, и снова вскочил на ноги, когда услышал удивленный оклик Игоря:

— Слав? С тобой все нормально?

Он в этом сомневался. Но с Игорем своими сомнениями делиться не планировал. Как и тем, чем он ночью занимался.

— Что у вас происходит? — до того, как он успел ответить, поинтересовался поп. — То Агния в четыре утра приезжает. Теперь, вот, ты…

Он глянул на него с беспокойством. Но Вячеслава другое интересовало:

— Бусинка ночью приезжала? — хрипло переспросил Вячеслав, повернувшись к попу лицом.

— А ты не знал? — еще больше нахмурился Игорь. — Она с тем вашим другом, Федором, что ли, была. Я думал, ты знаешь.

Вячеслав немного расслабился. Не особо, потому как это только больше показывало, как непросто его малышке далось его отсутствие. Но она хоть с охраной ездила.

— Слав, что у вас происходит?

Вячеслав не собирался этим делиться, вроде бы. Но в этот момент у него появилось искушение посоветоваться насчет всего этого, как сделать, чтоб точно на нем все осталось.

Глава 43

Он мог бы поклясться, что малышка выскочила на крыльцо, едва перед его машиной открылись ворота. Видно, у окна сидела, дежуря его возвращение. Бусинка, Бусинка. А все равно, не было сил сдерживать дурную ухмылку, так и лезущую на лицо. И все то облегчение, радость, которую он испытывал. Собственно, он и сам толком не заглушил машину, бросил ее посреди двора. Ясное дело, только потому, что малышка неслась к нему навстречу — не заставлять же Бусинку ждать, пока он вылезет. И уже через полминуты его девочка повисла на его шее, невнятно бормоча: «Вячек» и покрывая короткими, горячими поцелуями его щеки, подбородок, шею. А сам Вячеслав уткнулся в ее волосы, загреб полные пригоршни этих топорщащихся прядок, и искренне порадовался, что успел смыть с себя всю грязь и смрад того, чем занимался ночью. Блин, если копнуть этот вопрос глубже — Игорь его даже исповедоваться заставил. Нет, само собой, Вячеслав его поначалу подальше послал. На хрена ему такое кому-то рассказывать? Но поп настоял, убедив не озвучивать само деяние, которое пригнало Вячеслава в церковь с утра пораньше, а просто покаяться перед Господом, держа сам поступок только в своих мыслях. Ради Агнии, раз уж хочет уберечь ее.

Ради своей жены Вячеслав был готов и не на такое. А сейчас, обнимая ее; не то что жадно, с какой-то дикой алчностью вдыхая сладкий запах волос своей девочки, он был рад, что все же прислушался к совету Игоря.

— Не уезжай больше, пожалуйста, — еле слышно пробормотала Бусинка, прижавшись губами и всем лицом к углублению между шеей и плечом Вячеслава. — Не уезжай, — еще раз повторила она вымученным шепотом.

— Никогда больше, Бусинка, слово даю, — прижавшись губами к ее виску, твердо и совершенно искренне пообещал он, обнимая и даже немного покачивая, баюкая свою малышку. — Никогда.

— Я Федота совсем замучила, достала, наверное, — с виноватой улыбкой призналась Агния, выглядывая из своей нычки и глядя на него такими глазами…

Плакала. Сто пудов ревела. Блин.

Нет, он и не надеялся, что малышка не заметит его отсутствия. Но все равно, малейшая ее грусть, ее боль — ощущалась им, как ножом по кости, через всю плоть, до самого позвоночника.

— Ничего, он закаленный, не боись, — попытался с усмешкой проговорить Вячеслав, ощущая, что малышка едва на ногах стоит. — Поворчит, и уймется. Пошли в дом.

Продолжая обнимать жену за плечи, он потянул ее в сторону крыльца, на котором стоял тот самый Федот, лыбящийся так, что как только пасть не порвал. Друг дымил сигаретой, как паровоз, но весь его вид выдавал, что Федот чертовски рад его благополучному и своевременному возвращению. Проходя мимо него в двери, Вячеслав с благодарностью хлопнул друга по плечу свободной рукой. Получил в ответ похожий внушительный хлопок от Федота. И понял, что его совсем попустило — и сам лыбиться начал, и внутри так спокойно и тихо стало, как ни разу за последние месяцы. Даже когда Бусинку свою вытащил — не ощущал он внутри такого равновесия и покоя, как сейчас. После всего, что сделал.

Затащив Бусинку в свой кабинет и велев по пути принести чего-то поесть их домработнице, он с облегчением уселся на диван. Все-таки, он уже не пацан: и мышцы тянуло, и спать хотелось. Только по фигу. Усадил Агнию к себе на колени, наблюдая, как Федот с тяжким, но довольным вдохом рухнул на стул напротив. Тоже, по ходу, набегался за эти часы. Глотнув кофе, Федот

принялся отчитываться о том, чего и как тут у них было. Агния то прижималась лицом к его груди, то принималась гладить Вячеслава по щекам, волосам. Тихонечко тянула за руки, вроде стараясь сделать вид, что не хочет им мешать. Только как тут не помешаешь, когда у него от легких прикосновений ее губ к его пальцам и ладоням крышу срывало. Федот посмеивался, наблюдая за ними, но без вопросов повторял все по второму, а то и третьему разу. А Вячеслав все равно большую часть не слышал, так расслабился. И вдруг нахмурился, перехватив ручку своей Бусинки, не поняв, что увидел. И в раз напрягся, с претензией уставившись на синяк причудливой формы, «украшающий» эту ладошку:

— Я не понял, это что такое? — он через прищур глянул сначала на Федота, а потом на свою малышку.

Она смутилась и уставилась в район его груди:

— Это ничего, Вячек, так, просто. Мне плохо без тебя было, и я кольцо твое никак из рук выпустить не могла. Спокойней так себя чувствовала. Понимаешь? — Агния ухватилась за перстень, который так и таскала на цепочке, где раньше крестик ее висел.

Вячеслав со вздохом прижался губами к этому синяку, обхватив ее ладонь своими пальцами.

— Бусинка, — начал было, а потом только махнул рукой.

Потянулся и вовсе расстегнул эту ее цепочку, проигнорировав то, что жена попыталась помешать.

— Так, это мое, вообще-то, — хмыкнул он и с некоторым трудом надел печатку на средний палец правой руки.

То нелепо смотрелось рядом с обрубками. И давило.

Но Вячеслава ничего из этого не смущало и не заботило. Надо будет раскатать, только и всего. Вернув Агнию, он не сумел забрать у нее свое кольцо. Сам не мог сказать почему, но не считал себя в праве. Не был достоин всего того, что оно символизировало, ведь не уберег, не защитил малышку.

Но сегодня — что-то изменилось у Вячеслава внутри. Он оплатил свои счета и всему миру готов был показать, что он — ее муж. Прятаться больше смысла не было, то, что раз всплыло, уже не утаишь. Потому и показал он всем, что за свою жену — ни перед чем не остановится.

Наклонившись, он поцеловал Бусинку. Агния наблюдала за его действиями сначала немного настороженно, а потом в ее глазах вспыхнула радость, и малышка со всей своей силой обняла его и с восторгом откликнулась на поцелуй.

Федот, кажись, отпустил какой-то комментарий, но Вячеслав смысла слов друга вообще не уловил. Только краем глаза заметил, что Федот, махнув на них рукой, вышел на двор через стеклянную дверь веранды. Похоже, сомневался, что от них будет толк в ближайшее время.

Валентин не мог не отметить, что за последние несколько недель в состоянии Агнии наметился значительный прогресс. Впрочем, будучи умным и наблюдательным человеком, посвятившим своей профессии много лет, он не спешил приписывать этот результат целиком и полностью себе. Он не зря в самый первый их визит разговаривал с Боруцким и обращал внимание этого человека на то, насколько сильно с ним связана его жена морально и эмоционально. И сейчас только слепой не заметил бы, насколько Валентин был тогда прав.

Что бы там Боруцкий не сделал, но он решил свою проблему (честно сказать, помня угрозу Вячеслава в свой адрес, Валентин даже представлять не решался, что же получил в итоге тот, кто обидел Агнию). Но факт оставался фактом — Вячеслав успокоился. А следом за ним потянулась к равновесию и его жена. И это было хорошо. Потому как Боруцкий оказался доволен результатами их встреч, что не могло не радовать Валентина. Особенно с той точки зрения, что отводило угрозу

от него самого.

Он в принципе не был склонен рассматривать угрозы Боруцкого в качестве шутки, а уж после того, как Соболев, позвонив посоветоваться насчет Карины, со смехом поведал, что и его самого Боруцкий как-то похищал…

— Честно говоря, я-то был уверен, что у нас такого уже и нет, не девяностые, все-таки. А Славка, умелец, все мою охрану вокруг пальца обвел, меня вырубил. И это сам, хотя, подозреваю, что его верный Федот все же подстраховывал. Расписание мое Славка более-менее знал, у нас с ним давно много общих дел был, так что отследить он меня мог, — Константин хмыкнул, видно, посмеиваясь над событиями, о которых вспоминал. — В общем, пришел я в себя: на голове мешок, руки за спиной связаны, а в висок дуло упирается. И тут голос человека, которого я в полной уверенностью считал убитым, невзначай так интересуется: имею ли я дела с Шамалко? Сказать, что я удивился — это мало. Первые минут десять я просто понять не мог, чего Слава от меня хочет и как умудрился с того света выкарабкаться? А потом мы поговорили, и он в деталях изложил, чем мне выгодно сотрудничество с ним.

Соболев опять посмеивался в трубку, похоже.

— В общем, убедил меня Слава. Или я его в том, что непричастен к нападению. Но, вообще, шутки с ним лучше не шутить. Ему и моя-то помощь тогда была нужна только номинально, чтоб тыл прикрыть. А так… — Валентин не вмешивался во время пауз, которые случались в рассказе, стараясь получить как можно больше информации о своем непростом клиенте. — Заручившись моей поддержкой больше в финансовых и юридических, скажем так, вопросах. Он в одиночку (или, как я подозреваю, вдвоем все с тем же Федотом), взял под контроль весь наш местный криминал, устранив тех, кого сам после себя и оставлял. Переиграл все, вывел на главные позиции тех, на кого никто и не ставил среди братвы, шум такой устроил, что никто в стороне не остался, а потом заявил, что не собирается возвращаться и ничего, кроме того, что его было, ему и не надо. Гудели все, но он, черт знает, чем их прижал, волей, что ли, все свои старые объекты вернул. Так что шутить с ним точно не стоит, — подвел итог Соболев.

Валентин и не собирался, вроде бы. Да и после этих недель, когда чета Боруцких ходила к нему ежедневно, был целиком и полностью согласен с таким мнением Константина. Потому и радовался, что они оба прислушивались к его советам, что не всегда отличало подобных людей, и Агния шла на поправку.

Агнии не снились кошмары о том, что происходило с ней за последний год. Валентин Петрович несколько раз интересовался этим, и она всегда искренне отвечала — нет.

Вернее, бывало, конечно, но редко и обрывочно, смутно. Так что об этом и вспоминать не стоило. Может быть потому, что Шамалко почти сразу стал давать ей наркотики, но Агнии чаще снилось что-то хорошее о ее прошлом. И тем мучительнее было для нее пробуждение по утрам.

Однако сейчас она рывком села в кровати, ощущая, что задыхается. Сердце колотилось в груди, а на лбу выступила испарина.

— Что случилось, Бусинка? — Вячеслав подорвался следом за ней, спасибо, пистолет с тумбочки не схватил, но тут же через прищур начал всматриваться в лицо Агнии. — Приснилось что-то? Плохо?

Было видно, что муж еще сам не до конца проснулся, тем не менее, он тут же осмотрелся и постарался сориентироваться в обстановке и состоянии Агнии. Это заставило ее улыбнуться.

— Нормально. И правда, приснилось, просто… — ее голос затих, потому как она сама не знала, как описать то, что привиделось.

— Что приснилось? Кошмар?

Был ли этот сон кошмаром? Нет, вероятно, никто бы не назвал его так. Но с другой стороны, он причинил ей такую боль, что никаким другим определением и язык не повернулся бы этот сон назвать.

Ей снился дом. Тот. Старый дом. Она сидела в кресле на веранде, наблюдая за тем, как носится во дворе Плюх, оглашая окрестности басистым лаем. Вячеслав находился рядом с ней, сидел на покрывале, расстеленном на полу прямо у кресла. И с улыбкой внимательно следил за тем, как то и дело оглядываясь на них, заливаясь веселым смехом, ползком подбирался к ступеням толстощекий малыш с темными карими глазами. Словно проверял: видят ли родители, какую каверзу он задумал? Удастся ли ему сползти, добраться до веселящегося пса? Или родители перехватят его на первой же ступени, как и случилось предыдущие два раза…

Агния знала этого мальчугана. Их сына, которого так и не родила. И вроде бы смирилась. И даже приняла все, осознавая, что и так ей вернули немало. Но этот сон всколыхнул внутри столько всего, что дыхание и чувства никак не желали приходить в норму. Обернувшись так, чтоб видеть глаза Вячека, игнорируя темноту спальни, Агния заставила себя опуститься назад на матрас. Устроилась на своем прежнем месте в крепком кольце рук мужа. Протянула руку и провела пальцами по его щеке, обвела контур рта. Губы Вячеслава были напряжены и поджаты.

Они не обсуждали с ним вопрос детей после того, как он забрал ее из лап Шамалко. Но и не предохранялись. Ни разу. А будучи прекрасно осведомленной о том, как относится ее муж к этому вопросу — она и представить не могла, что Вячеслав надеялся на «авось». И, как казалось Агнии, она имела право предположить, что он совсем не против ее вероятной беременности и появления у них ребенка.

Агния не боялась новой беременности. Об этом ее психолог так же интересовался, похоже, допуская подобную вероятность. Но у Агнии и в мыслях не было такого. Единственное, что ее немного пугало, возможно, иррациональное и не поддающееся объяснению — это то, чтобы ей не пришлось выбирать между возможным ребенком и жизнью Вячеслава. Но отец Игорь, когда Агния озвучила ему свои опасения, заверил ее в неразумности таких страхов. Она старалась этим заверениям верить.

Правда, была и другая проблема: они не предохранялись четыре месяца. Да, были периоды, когда она лечилась от зависимости и, вероятно, даже замечательно, что Агния не забеременела тогда. И просто, времени прошло еще не так много. И все-таки, ей было страшно от того, что внутри жило сомнение — сможет ли она вообще забеременеть после того, что с ней сделал Шамалко? К тому же, Виктор далеко не сразу позволил своим людям отвезти ее в больницу после выкидыша. Врача пригласили только тогда, когда поняли, что кровотечение, по всей вероятности, само не прекратится.

Не желая вспоминать все это, Агния заставила себя сосредоточиться на лице мужа. Вячеслав продолжал внимательно смотреть на нее и не думая забывать о своем вопросе — все ли с ней в порядке?

— Мне Леня приснился, маленький совсем. Глупости, конечно, — Агния моргнула. — Он же так и не родился.

Судя по тому, как напряглись мышцы Вячека под ее ладонью, он прекрасно помнил, что так она хотела назвать их сына.

— Бусинка, — Вячеслав обнял ее еще крепче и прижал к себе так, что ее нос буквально вжался в его шею. — Девочка моя…

— Ты же не против, если у нас будут еще дети, правда, Вячек? — вдруг спросила она, откуда-

то взяв храбрость озвучить все свои тайные мечты и страхи этим вопросом. — Или после всего считаешь, что…

Вячеслав хмыкнул и коснулся губами ее лба, погладил по волосам:

— Ты же умная у меня, Бусинка. Сама знаешь — все будет, чего ты только не захочешь.

— А ты, Вячек? — нахмурилась она. — Ты хочешь ребенка?

Он ощутил, как малышка нахмурила свои бровки, как свела их к переносице. Ощущал, как затихала в ее теле дрожь, вызванная сном, о котором она ему так ничего толком и не сказала. Хотя, разве произнесенных слов мало?

— Че за вопросы, Бусинка? — хмыкнул Вячеслав, разглаживая пальцами ее лоб и переносицу. — Или ты все предыдущие разы не поняла, чего я хочу? Так мы сейчас предметно все обсудим, — весело «пригрозил» он, начав покрывать ее скулы и веки горячими поцелуями. Стараясь отвлечь. Вселить уверенность, забрать любые страхи.

А потом добрался до мочки уха и тихо прошептал, ненароком щекоча свою девочку дыханием:

— Хочу, малышка. Очень, — честно признал Вячеслав.

Многое изменилось в их жизнях за эти месяцы. Вячеслав на многое изменил точку зрения. Да и свыкся уже как-то с мыслью, что у него вполне может быть дитенок. Их ребенок, подаренный Вячеславу самой дорогой и бесценной для него девочкой. И потом, давно закончив безуспешные розыски возможной родни, он как-то подумал, что, не имея кому доверить свое сокровище тогда, когда его самого уже не будет рядом, он вполне может оставить Бусинке частичку себя. Их общее продолжение.

Однако принять это решение, озвучить его, несмотря на все страхи, оказалось куда проще, чем достигнуть желаемой цели. Возможно, если бы Агния знала, насколько оправданы ее опасения — то даже не вспоминала бы о новой беременности. Не заговаривала об этом с Вячеком и не стремилась бы так узнать, хочет ли и муж этого.

Первый же врач, к которому их направил Алексей, когда Агния озвучила доктору свои опасения, после осмотра тяжело вздохнул, покачал головой и задумчиво признал: «что беременность весьма сомнительна». И занялся перечислением всех обнаруженных проблем в ее здоровье…

Это он просто совсем ничего не знал о Вячеславе Боруцком, наверное. Но Агния, к счастью, успела ухватить и сжать руку мужа до того, как он бы начал красочно излагать свое мнение о словах врача. Вячек глянул на нее, игнорируя доктора, продолжающего разговаривать. Взглядом показал Агнии, что он думает по поводу всего этого. А потом поднялся, потянув и ее за собой, и так же молча покинул кабинет растерявшегося врача. Ясное дело, Агнии пришлось последовать за мужем, ограничившись извиняющимся взглядом в сторону гинеколога.

И, тем не менее, последующие консультации у многочисленных врачей были не особо оптимистичней. Хотя, возможно, предупрежденные Алексеем, другие консультанты не делали категоричных заявлений.

Впрочем, Вячеслава никакие намеки и предупреждения о маловероятном результате не останавливали. Наверное, без него Агнии и в голову не пришло бы спорить с врачами, практически убежденными в ее приобретенном бесплодии. Не с Вячеславом, однако. Каждый раз, когда на нее обрушивалось отчаяние и апатия, каждый раз, когда Агния готова была забиться в самый дальний угол и просто заплакать, жалея себя и оплакивая свои мечты — муж оставался ее незыблемой и твердой опорой. Нет, он не давил на Агнию и не пытался замаскировать проблему ложными

убеждениями или оптимизмом. Вячеслав просто на сто процентов был уверен, что они сумеют со всем этим справиться, и позволял Агнии черпать такую уверенность в нем. Независимо от того, сколько анализов ей назначали; несмотря на то, какие манипуляции и процедуры Агнии приходилось терпеть; игнорируя то, что они стали узнавать лица людей, сидящих в очереди под кабинетами в репродуктивном центре, который посещали — Вячеслав всегда был рядом. Ежеминутно. И при этом — он не позволял ей на этом зацикливаться. Так что у Агнии просто не оставалась оправданий для пораженческих мыслей.

А еще Вячеслав всегда умудрялся как-то предощутить те моменты, когда у Агнии начинали опускаться руки, и он с успехом делал все, чтобы ее отвлечь. С самого начала.

То уговаривал ее пропустить одно из посещений врача, а вместо этого вез Агнию в совершено неожиданное место — в цирк, к примеру, в котором она не бывала с глубокого детства. И потом с чуть покровительственной усмешкой следил за тем, как она проигрывает борьбу с самой собой и своей серьезностью, начиная улыбаться. Не столько даже из-за представления, а из-за моря смеющихся и радующихся мордашек детворы вокруг. Этими «наглядными демонстрациями» Вячеслав словно бы показывал ей, напоминал о том, что все их действия стоят того, что приходится делать.

Или он мог просто зайти в комнату, в которой Агния теперь проводила много времени с красками и холстами (а так же с еще тысячей всевозможных мелочей, из которых мастерила какие-то невероятные поделки), и предложить прогуляться. А в результате они оказывались в ресторане, потому что он приготовил ей сюрприз к годовщине венчания, о которой и не думал забывать. Вообще, они и раньше всегда праздновали эту дату. Правда, в своем тесном кругу: Вячек, Агния, Федот и Вова.

Теперь же отмечать поехали втроем. И Агния вдруг начала безумно нервничать, когда Вячеслав завел ее в зал такого знакомого и родного ресторана. Федот, да и сам Вячеслав, прятали усмешки, глядя на ее мандраж. А Агния справиться с собой не могла: так нахлынуло все — и все те чувства, которые она испытывала, когда на этой сцене когда-то пела. И то, чуть ли не в кровь впитавшееся убеждение, что она не имеет права даже жестом выдать своего любимого. А оттого еще невероятней казалось то, что сейчас он открыто привел ее сюда, как свою жену, ни от кого не тая и не пряча. Конечно, очень много людей из персонала давно поменялись. Но Семен остался, и Агния искренне обрадовалась, когда увидела, как он ей улыбнулся.

Осталась в ресторане и Светлана, как раз выступающая сейчас. У Агнии в душе не осталось обиды на эту певицу, тем более что та и не особо ее третировала в прошлом, если трезво оценивать. И ее выступление добавило приятных ноток в атмосферу вечера. Но сама Агния отрицательно покачала головой в ответ на предложение мужа выступить. Она так и не могла заставить себя петь, несмотря на общее улучшение самочувствия. И ни разу за те полгода, что прошли с ее возвращения не пела. Даже дома или наедине с самой собой.

Но совсем развеселилась Агния тогда, когда в конце их обеда Федот с видом фокусника открыл огромную коробку, все это время простоявшую на столике рядом. А там оказался торт с огромной надписью: «С восьмой годовщиной свадьбы!» и восемь церковных крестов, вылепленных из марципана. То ли как намек на венчание, то ли на эпизод с ее непонимание значения наколки Вячеслава, который ее мужчины до сих пор иногда со смехом вспоминали Агнии.

Правда, смеялась она не из-за торта, и даже не из-за этой шутки друга. К его экстравагантным поступкам она давно привыкла, и даже очень ценила их. А вот удивленное и пораженное лицо вечно невозмутимого Семена — оказалось тем, на что она не смогла смотреть без смеха. Администратор как раз подошел к ним, чтобы поинтересоваться о напитках. И только сейчас, судя

по всему, узнал, кем же она приходилась его начальнику все эти годы. Правда, Семену все же удалось с собой справиться под ироничным, полным намека взглядом Вячеслава. Но весь вечер то и дело бросал в их сторону ошеломленные взгляды, пока они, наконец, не уехали.

Ну как после таких поступков Вячеслава и Федота, после стольких стараний с их стороны она могла продолжать зацикливаться на каких-то неудачах? Временных, как продолжал убеждать ее муж.

И все же, постоянный подспудный страх поражения жил в ее сознании. И чем больше проходило месяцев, чем больше врачей и клиник они посещали — тем сильнее этот страх пускал свои ростки. Но она старалась не поддаваться, а еще — не показывать Вячеславу, что иногда все же с собой не справляется.

И боролась с этим новым способом: Агния увлеклась рисованием. Нет, она не считала, будто создает великие полотна и бессмертные шедевры. Вовсе нет. Все, что выплескивала из своей души на бумагу или холст, Агния делала лишь для своего удовольствия и облегчения напряженной, гнетущей тоски по пока не осуществляющейся мечте. Более того, Агния рисовала пальцами. Да, вот как начала баловаться с того первого раза, когда Вячеслав по ошибке купил краску для детей, так и увлеклась этим. И теперь ее «картины» постепенно занимали места на стенах их дома.

Они были совершенно разными по настроению и гамме. Отражали всевозможные сюжеты: иногда это были просто смешение цветовых «пятен», по словам Вячеслава, но Агния что-то видела в них, свою боль или, наоборот, нежданную радость от солнца за окном. Иногда она рисовала пейзажи: реки, холмы, усеянные маками. Эти цветы почему-то стали манить ее. Но не из-за связи с дурманом. Та тяга покинула ее. Нет, маки привлекали ее ярким, горячим, полным жизни цветом. Настолько мощным, что она будто подпитывалась от них надеждой, просто рисуя эти цветы.

Муж, несмотря на периодическое подтрунивание, радовался любой деятельности Агнии. И без всяких возражений развешивал эти картины вперемешку с новыми фотоснимками, которыми они заполняли свою жизнь. А Федот даже попросил у Агнии одну картину. Простоял перед ней минут сорок в первый же день, когда Агния попросила Вячеслава ту повесить в коридоре. А потом подошел и спросил: за сколько она ему ту продаст?

Агния сначала решила, что ослышалась. И так обиделась, просто жутко. Одарив Федота таким взглядом, каких он от нее лет восемь не получал, наверное, она подошла к стене, сдернула этот пейзаж и с такой яростью сунула в руки немного опешившего Федота, что только чудом не порвала холст. Не найдя слов, способных выразить ее возмущение, Агния с такой же злостью покрутила пальцем у виска, и под хохот Вячеслава демонстративно вышла на улицу, хлопнув дверью.

Правда, эффект от ее ухода был несколько подпорчен тем, что Вячеслав тут же выскочил за ней следом, и загнал Агнию назад в дом, уже ее обвиняя в глупости прогулок без куртки в декабре. Тогда Агния скрылась на кухне, все еще с возмущением фыркнув, когда проходила мимо ухмыляющегося Федота. Тот рассматривал картину и даже крикнул ей: «спасибо», когда Агния прошла рядом, громко топая ногами. Это, а еще какао, которое по просьбе Вячеслава тут же приготовила для нее их домработница, несколько улучшило настроении Агнии.

Глава 44

Вячеслав начал реально париться. Не то, чтоб он сомневался, вообще-то. Именно сейчас он был уверен в том, что выбрал идеальный подарок для своей девочки. Но, блин, Федот умел скривить такую мину, что кто хочешь стрематься начнет.

— Слав, ты мне вот что объясни, — этот умник с ехидным лицом обошел вокруг него. — Ты ж, вроде, решил малышке собаку купить?

— Ну? — Вячеслав с серьезным намеком глянул на этого умника.

— Не, собака — нормальный подарок. Я ж че и говорю, хороший подарок. И Бусине нашей, сто пудов понравилось бы. Это мы точно знаем.

— Ну? — снова зыркнул Боруцкий.

— Ну так нафига ты ей крысу купил, ты мне объяснить можешь?! — рассмеялся друг, тыкнув пальцем в повизгивающий «подарок», который Вячеслав все это время держал в охапке.

«Подарок» фыркнул, ощерился зубами на руку Федота и зашелся в звонком лае.

— Сам ты — крыса, — огрызнулся Вячеслав, почесав шерстку живности за ухом, чтоб успокоить растявкавшегося малыша. — Это — йоркширский терьер. Самая что ни на есть собака.

— Да крыса это, говорю тебе, — не унимался Федот. — На кой она Бусине? Че с нее толку? И не заметишь просто так, разве что когда наступишь.

— Так, — Вячеслава уже достали приколы друга. — Я твоего мнения не спрашивал. И потом, получше тебя знаю, что моей жене нужно, так что заткнись и помалкивай. Или сам добирайся, — развернувшись, он вместе с щенком пошел к своей машине.

— Ага, дудки, — Федот догнал его в два счета. — Думаешь, я пропущу то, как ты будешь малышке эту крысу под видом пса впаривать? — хмыкнув, этот умник быстро забрался на пассажирское сидение.

Вячеслав косо глянул на него. Прикинул, стоит ли доверить Федоту щенка, пока сам он будет вести машину? Не нашел для этого веских доводов (мало ли, вдруг этот остряк додумается щенка в окно выкинуть?), и оставил терьера сидеть у себя на коленях, придерживая одной рукой. Благо, места щенок занимал мало. Хотя, зрелище, сто пудов, было еще то. Не зря Федот тихо угорал от смеха, косясь в их сторону.

Вячеслав игнорировал друга. Все-таки нет, он не сомневался в правильности своего выбора, хоть сначала думал купить или сенбернара, похожего на того, что у них когда-то был, или еще какого-то крупного пса. Только, увидев это… ну, он не мог не согласиться, что на грызуна эта собака больше походила. Но не в том дело. Короче, увидев этого терьера, Вячеслав сразу понял, что это именно то, что ему надо для Бусинки.

На малышку в последние дни все чаще накатывала хандра. Ясно, конечно, все эти врачи ее просто замучили уже. Вячеславу порой казалось, что на руках и теле его малышки не осталось ни одного живого места. А прогнозы врачей оставались все такими же неутешительными и «маловероятными». Только он не собирался этому верить, и малышке руки опустить не позволит. А этот щенок ее точно развеселит и настроение поднимет. Чего уж там, даже Вячеслав не мог не улыбнуться (ясно, тайком от Федота), когда это чудо увидел. Так что его девочке эта живность точно настроение поднимет.

— Между прочим, не в пример некоторым, малышка к моим советам прислушивается, когда тебе подарки выбирает, — не паливно так намекнул Федот со своего места.

Вячеслав хмыкнул. Бусинка ему на день рождения три недели назад подарила охотничье

ружье. Ясное дело, без помощи Федота она бы то не выбрала.

— Малышка просто в оружие ни фига не разбирается, ясно, что спрашивала у тебя. Да и не надо оно ей. Ты и я есть для этого, — отмахнулся он от упрека друга, продолжая вести машину и почесывать щенка за ухом.

Собака уморно урчала, видно, балдея от этого, и подставляла голову, вертя ею из стороны в сторону.

Федот пробормотал что-то, точно не лестное об его особе. Но Вячеслав на это не повелся — они уже подъезжали к воротам их с Бусинкой дома.

Малышка обнаружилась в его кабинете, как ни странно. Сидела и пялилась в окно, изучая пасмурное небо. При этом на лице у нее было приблизительно такое же пасмурное настроение. Видно, снег надеялась высмотреть.

Вячеслав тут же вспомнил, как вчера его девочка хандрила. Даже рисовать не пыталась, что обычно помогало ей справиться с тоской и усталостью. А когда он попытался выяснить, из-за чего она так расстроилась — Бусинка обняла его и начала так целовать, забираясь при этом ладошками под свитер, что сложно было ее намерение толковать двузначно.

Вячеслав попытался мягко отодвинуться от жены и напомнить, что им стоит подождать пару дней, по советам врачей, так сказать «накопить запала и энергии» до того момента, когда у Агнии наступит самый подходящий день для зачатия.

И тут Бусинку просто прорвало — она так давно не плакала. Наверное, с того момента, как он ее из Киева привез. Аж взахлеб, растирая слезы по лицу и отворачиваясь от его рук, когда Вячеслав, кляня свой язык, пытался обнять жену, успокоить.

— Я устала, Вячек. Не могу так! — захлебываясь слезами, всхлипывала его малышка. — Я люблю тебя. Почему мы должны быть вместе по расписанию? Чем это поможет нам?! Я же…

Что «она», он уже не дал ей досказать, сил не было ее рыдания слушать. Поймав лицо малышки своими руками, Вячеслав прижался ртом к ее губам, глотая и эти рыдания, и ее отчаяние, и соленые слезы. Пытаясь успокоить. Блин. Можно подумать, что ему самому было в кайф терпеть и не распускать руки, не давать себе волю любить свою малышку. Но врачи ж, типа, говорили, что это может помочь. Правда, без особой уверенности.

— Хорошо, твои варианты? — поинтересовался он сиплым голосом, усадив Бусинку к себе на колени. — Что ты предлагаешь? — отвел волосы от ее щек, погладил кожу, вытирая слезы.

— Мне и так столько всего делают, Вячек, — уже смущенно, стесняясь своей истерики и слез, всхлипнула Бусинка. — Все эти гормоны, лекарства, процедуры. Думаю, ничего страшного не случиться, если мы не будем еще и наши отношения по графику выстраивать. Мне гораздо чаще хочется быть с тобой, чем эти врачи разрешают. И вообще, что они в нашей семье и чувствах понимают? — с вызовом, немного подпорченным новым всхлипом, уточнила она, глядя на него из-под своих бровок.

Ему стало весело:

— Точно, ни хрена не понимают, — так же хрипло согласился он, поглаживая, перебирая ее волосы. Крепко обнимая свою любимую второй рукой. И опять поцеловал, теперь уже сам показывая, что не собирается останавливаться.

Именно из-за этой ее вчерашней вспышки, он и решил раньше времени поторопиться с новогодним подарком. Потому и поехал сегодня выбирать собаку, когда сама Агния еще и не проснулась толком. Чтоб хоть немного свою девочку развеять.

Бусинка обернулась, как только они замаячили на пороге:

— Вячек! — подорвавшись с его кресла, на котором сидела у окна, она подлетела к нему. Счастья столько сразу в глазах появилось, что у него от сердца отлегло. — А ты куда делся с утра? Привет, Федот, — кивнула Агния другу, махнувшему ей рукой.

Но повиснуть у Вячеслава на шее не успела. Он выставил вперед ладони, на которых, испуганно притихнув, сидел щенок.

— Держи, Бусинка, — улыбнулся Вячеслав, наблюдая за реакцией жены. Следил и Федот. — С Новым годом.

Бусинка застыла секунд на тридцать, во все глаза уставилась на щенка. А того аж трясло, Вячеслав ощущал это. И вдруг терьер тявкнул и попытался спрыгнуть с его ладоней, явно стремясь добраться до Агнии.

Бусинка залилась таким радостным смехом, что у Вячеслав на все лицо расползлась улыбка. Выхватила из его рук это тявкающее недоразумение и закружилась по комнате:

— Это мне? Правда? Прелесть какая! Он просто чудесный! — подскочив к нему впритык, Агния поцеловала Вячеслав, продолжая держать щенка в руках.

А тому явно пришлась по вкусу хозяйка: щенок уже успел облизать ей все ладошки и подпрыгивая, старался достать до лица.

— Он такой…! — Агния снова захохотала, не сумев подобрать от восторга слова. — Спасибо, Вячек! Спасибо! — она с упоением гладила щенка.

Вячеслав поднял голову и одарил Федота взглядом, полным превосходства. Друг молча развел руками, признавая, что был неправ.

— А как его зовут? — Агния запрокинула лицо, заставляя Вячеслава снова переключить внимание на нее.

— Это твоя собака, ты и придумывай, — с усмешкой открестился Вячеслав, обнимая жену за талию.

Агния задумчиво нахмурилась. Вытянула щенка перед собой на руках, внимательно всматриваясь в мордочку.

— Он такой милый, — она состроила счастливую гримасу. — Просто… Просто чудесный монстрик! — Агния захохотала, когда щенок сумел достать языком ее щеку. — Давай, так и назовем, а? Монстр!

Вячеслав как-то опешил. Глянул на Федота, который по ходу тоже растерялся. Да уж, сложно было им понять, чем руководствовалась Агния, подбирая клички собакам. Огромного пса — Плюхом назвала. Эту игрушку — Монстром…

— Это, вроде, девочка, Бусинка, — откашлявшись, чтоб скрыть смех, попытался Вячеслав как-то повлиять на ее решение.

— Да? — Агния подняла щенка повыше. Смутилась. — Точно, — у малышки даже щеки покраснели. — Ну, тогда, давай, пусть будет — Моня!

То, что с подарком Вячеслав не прогадал — стало ясно почти сразу — Моня никому хандрить не давала. Этот двухкилограммовый комок энергии носился по всему дому с такой прытью, что попробуй еще догони. Хотя догонять как раз, нужды не было — носилась Моня исключительно за кем-то из них. Конечно, в основном, предпочтение отдавалось Агнии: хозяйку, не чающую в ней души, Моня обожала в ответ с не меньшей «страстью». Однако не оставался без своей порции «щенячьего восторга» и Вячеслав, на коленях которого Моня предпочитала устраиваться для послеобеденной сиесты. Чем вгоняла его в ступор: вроде и разбудить этот комочек жалко, но и

сидеть поленом, когда куча дел — дико и глупо. Федот же отводил душу, используя любой случай, чтобы из-за этого приколоться над другом. Правда, продолжалось это ровно до того момента, пока Вячеслав, зайдя как-то вечером на кухню, не застал Федота в вовсе нелестном для последнего положении: этот приколист сидел прямо на полу, рядом с мисками Мони, и поглаживал повизгивающую от удовольствия собаку, тихонько рассказывая, какая же она «чудная». Моня была от этих комплиментов в восторге, судя по виду. Вячеслав тоже, только больше от мины Федота, когда тот понял, что его застали «на месте преступления».

А вообще, Моня умудрилась стать неотъемлемой частью всех событий в их жизни. Она даже «приобщилась» к хобби Агнии, несколько раз влезая в банки с красками. И теперь у них на стене в коридоре имелся «холст» с ярко-зелеными следами Мони.

Даже охранники не остались без внимания собаки: несколько раз увязавшись за Вячеславом, когда тот по утрам согласовывал с ними расписание на день, Моня завела себе привычку регулярно «проверять» работу и бдительность парней, оббегая все посты и суя свой нос во все углы. В общем, независимо от результатов постоянных медицинских исследований Агнии, у них всегда находился повод для веселья.

Как только немного потеплело, Моня расширила территорию своего «патрулирования» и на улицу. Правда, только в компании Агнии (а лучше просто на ее руках) или следом за Вячеславом. Иногда Моня довольствовалась и сопровождением Федота, но тот все-таки еще стеснялся своей привязанности к этой «крысе», и редко рисковал показываться с ней на людях.

Именно благодаря потеплению и тяге Мони к совместным с хозяевами прогулкам, однажды и случилось то, за что Вячеслав (да и Федот, если говорить честно) готовы были расцеловать эту собачонку и прощать любой бедлам. Правда, вначале Вячеслав думал, что просто прибьет этого монстрика.

Дело было в середине марта: на улице ярко светило солнце, но еще было влажно и ветрено, да и прогрелся воздух не сильно. Вячеслав как раз заезжал во двор, возвращаясь из города. Федот, как чаще всего и бывало, увязался после всех дел за ним, чтобы поужинать «с семьей» и сейчас ждал, пока освободится проезд. Агния, наверное, увидев их машины из окон, выскочила на крыльцо, встречая. Как обычно, игнорируя его многочисленные просьбы не выходить на улицу не одевшись как следует. Вот и сейчас Бусинка торчала на крыльце, накинув только кофту поверх домашнего платья, в обычных тапках и с Моней на руках. Зато улыбалась так, что и солнца было не надо. Вячеслав четко помнил, что увидев жену на крыльце сам улыбнулся, радуясь тому, что у нее хорошее настроение.

Но в следующую минуту ему уже стало совсем не до этого. Со стороны улицы, с которой они только завернули во двор, раздался какой-то звук, и Моня, никогда до этого не отличающаяся подобным рвением, вдруг прыгнула с рук Бусинки, заливаясь звонким лаем. И рванула со двора с такой прытью, что никто сразу и не понял, куда она собралась. Но тут, видно сообразив, что ее любимица таки вознамерилась выбежать во «враждебный внешний мир», Агния бросилась следом за ней. Вячеслава и Федота на доли секунд задержало то, что они не успели к тому моменту еще выбраться из машин. Однако это не помешало им рвануть следом. Правда, в тот момент обоим было плевать на собаку: оба труханули из-за Агнии, которая за это время еще ни на секунду не оказывалась без присмотра хоть одного из них. В этом же направлении стартанули и охранники. Как раз один из них, тот, что стоял у самых ворот, когда машины въезжали, оказался к Бусинке ближе всех. И главное — ну глупая ситуация, ну что такого в этом: выскочила собака на улицу, хозяйка ее поймать старается, и все. А все с чего-то испугались. Особенно тогда, когда выскочив на улицу, увидели, что Моня несется прямо под колеса двигающийся мимо машины, а Агния, видно

надеясь вовремя поймать беглянку, бежит туда же следом.

— Стой! — диким голосом заорал Вячеслав, в тот момент почти ненавидя Моню. Чересчур волнуясь о своей жене. — Бусинка, не смей рыпаться дальше!

Агния послушно остановилась, хоть и было видно, что она-то как раз за свою любимицу очень боится. Однако приказ Вячеслава оказался важнее, видимо. А может — нежелание огорчать его. Плевать, по факту, главное, что уже через мгновение он обнимал ее, не позволяя никуда даже дернуться. И они оба наблюдали за тем, как с визгом затормозила машина, перед которой с какой-то придури замерла, продолжая тявкать, их полоумная собака.

Чего Вячеслав не ждал, так это того, что из остановившейся машины с пассажирской стороны, покажется Соболев. Константин с интересом осмотрел представшую его глазам картину: трех охранников, не считая Федота, за спиной Вячеслава и Агнии, перевел глаза на Боруцкого. Кивнул, здороваясь. С интересом глянул на его жену, с которой Вячеслав все не находил времени Соболева познакомить. А потом перевел взгляд на Моню, сидящую почти под самым капотом крупного внедорожника, который, наверное, и проехав над нею, не задел бы собаку. Моня продолжала тявкать.

— И что это у вас за волкодав, а, Слав? — с усмешкой поинтересовался Соболев. Обошел машину и помог выйти Карине, которая была за рулем.

Жена Соболева с таким же интересом рассматривала это все. А Вячеславу захотелось рассмеяться, попустило, едва он Агнию обнял.

— Да, вот, подарил на свою голову жене на Новый год, — хмыкнул он, и двинулся было в сторону Соболева.

И только сейчас вдруг понял, что Бусинка, которую он продолжал крепко обнимать, замерла. Застыла, будто каменная. И ни туда, ни сюда не желает двигаться. Не совсем поняв, что ее так напугало, Вячеслав наклонился и пристально глянул в лицо жене. Та же, не отрываясь, смотрела на Карину Соболеву. При этом Агния словно отключилась, даже взгляд стал каким-то, будто инеем припорошенным. А пальцы одной ее руки с такой силой вцепились в другую, что Вячеславу пришлось приложить усилие, чтобы расцепить ладошки Бусинки. И он с огорчением увидел на ее коже следы ногтей.

— Малышка, ты чего? Что такое? В порядке твой монстр, — проговорил он, пока один из охранников доставал Моню из-под машины, а Федот стоял рядом и приманивал недовольную собачонку, точно не понимающую, чего все так переполошились. — Бусинка, — чуть ли не встряхнув ее, Вячеслав попытался добиться от жены хоть какого-то ответа.

Агния моргнула, перевела глаза на Вячеслава. Улыбнулась бледным подобием своей недавней улыбки. Снова глянула на Карину и уткнулась Вячеславу в плечо.

Сама Карина так же внимательно смотрела на Агнию. Правда не холодным взглядом, а скорее каким-то…знающим, что ли. Хрен разберешь.

Вячеслав глянул на Соболя, рассчитывая, что тот, может, больше понимает, чего происходит? Тот, судя по всему, то ли сам просек что-то, то ли и правда был в курсе о чем-то, чего Вячеслав не знал. Погладив жену по плечу, Соболев что-то тихо сказал ей. Карина молча кивнула. Она пока, вообще, еще ни слова не проронила. Но не спорила, когда Константин направился к Боруцком, ведя и ее за собой.

— Ну что, Слав, познакомишь с женой? — спокойно спросил Константин, подойдя ближе. — А то уже больше полугода, как соседи, а все прячешь, — усмехнулся Соболев.

Карина только вежливо улыбнулась в его сторону, продолжая смотреть на Агнию.

— Меньше надо по Америкам мотаться, давно познакомились бы, — в тон ему ответил

Боруцкий, все еще пытаясь разобраться в том, что творится с его Бусинкой. — Поздравляю, кстати, с прибавлением, — пожал он Константину руку, а сам наклонился к самому ушку Агнии. — Малышка, ты что? — начиная серьезно волноваться, снова спросил Вячеслав.

Бусинка прерывисто вздохнула. Как-то так, чуть ли не вымученно, с трудом. Дернула головой, типа, чтоб он поверил, что с ней все хорошо. Ага, счас, как же. И заставила себя повернуться к Соболевым. Он всем своим нутром ощутил это ее усилие.

— Все нормально, за Моню перенервничала, — тихо озвучила она ему свою «отмазку». А потом через силу улыбнулась Константину и Карине. — Здравствуйте.

— Это Соболев, ты в курсе, что у нас с ним есть общие дела, — представил Вячеслав, но как-то мимоходом, все еще присматриваясь к Агнии. — И его жена — Карина. Она раньше в Киеве больше времени проводила…

— Да, — вдруг прервала его Агния, отрывисто кивнув. — Мы с ней встречались. На одном из концертов. — На секунду отвернувшись от Соболевых, она уставилась себе на ноги. — Очень приятно познакомиться, — вновь подняв глаза, вежливо улыбнулась его Бусинка Соболеву, пока сам Вячеслав разрывался между беспокойством о том, не продрогла ли жена окончательно в своих тапочках на босу ногу? И подозрением о том, что ее встреча с Кариной была вовсе не из разряда «приятных».

— И мне приятно, я много слышал о вас и вашем таланте и от своей жены, и от Вячеслава, — Константин кивнул, обняв Карину за талию. — Уже серьезно стал жалеть, что так и не попал ни на один концерт Агнии Сотенко…

— Боруцкая, — вдруг поправила его Агния. — Я поменяла фамилию несколько месяцев назад.

По поводу своего пения она ничего Константину не ответила. На несколько секунд воцарилась тишина, нарушаемая передвижением охранников, да лаем продолжающей возмущаться Мони. Собака сидела в надежной хватке Федота, не уходившего далеко, и старалась рассмотреть все, что тут происходит.

Константин глянул на Вячеслава. Он же только скривился, рассчитывая, что Соболь и сам не дурак, додумается, насколько это у них болезненная тема. Карина и Агния просто молчали. И друг на друга уже не смотрели, и в безмолвное общение мужей не вмешивались.

— Что ж, рады знакомству, — Константин кивнул, явно поняв, что стоит свернуть удочки. — Мы…

Но тут, прервав Соболева, из их машины донеслось хныканье и тихий детский плач. Карина тут же развернулась и, оставив мужа, быстро направилась к автомобилю, бросив:

— Это Соня, надо ее укачать, а то и Артема сейчас разбудит.

Все почему-то посмотрели ей вслед, наблюдая за тем, как из машины показалась женщина среднего возраста, видимо няня детей, и легко покачивая, с извиняющейся улыбкой, адресованной Карине, пыталась успокоить младенца, укутанного в теплый конверт бледно-розового цвета.

— Соня совсем не любит, когда машина стоит, — со смешком пояснил им Соболев, наблюдая, как его жена забирает ребенка у няни. — Сразу начинает плакать и будит брата. А если они оба заголосят — попробуй их успокоить, еще час нам покоя не дадут. Так что стараемся пресекать эти истерики на корню.

Вячеслав только кривовато улыбнулся, про себя костеря в уме и Соболева, и его жену, и их наследников. Потому как Бусинка в его руках совсем заледенела. И он подразумевал под этим не ее реакцию на весеннюю погоду. Малышка вцепилась руками в его свитер и тайком, кажется, даже не дыша, чуть привстав на носочки, следила за Кариной, словно впитывала в себя каждый жест,

каждое дыхание матери и малышки на ее руках. Федот, что подошел ближе едва Карина отошла, и тоже заметил, что с Агнией не все нормально с намеком глянул на Вячеслава, предлагая отвлечь Бусинку притихшей Моней.

— Наверное, мы поедем таки, чтоб и вас не держать на холоде, да и Софья что-то не успокаивается, — чуть нахмурившись, заметил Соболев.

Но Вячеслав не успел никак отреагировать ни на предложение друга, ни на замечание Кости: Бусинка, продолжающая наблюдать за Кариной, которой никак не удавалось упокоить дочку, вдруг отодвинулась и ничего не говоря, направилась в ее сторону. Дошла, пока они втроем пытались понять — стоит или нет ее остановить? И чуть улыбнулась Карине, будто извиняясь или спрашивая разрешения.

Вячеслав уже почти дернулся, чтоб вернуть свою девочку. Не то, чтоб он не доверял жене Соболева. Нет. Просто Карина была сделана совсем из другого теста, чем его Бусинка. Да и между ними точно наблюдалось какое-то напряжение. Меньше всего Вячеслав хотел бы, чтоб Агнию кто-то расстроил.

Но и к его, и к удивлению самого Соболева, все еще стоящего рядом, на лице Карины лишь промелькнула тень какого-то сомнения, а потом она немного отклонилась, словно позволяя и Агнии склониться над плачущим на ее руках ребенком.

— Ну что ты, маленькая, — вдруг заворковала его жена, легко поглаживая одеяло там где, наверное, была укутана ручка дочки Соболевых. — Не плачь, малышка. Ты зачем грустишь? Тебя все любить, заботиться будут, баловать девочку маленькую. Не плачь, не буди братика.

Вячеслав никогда не слышал, чтобы Бусинка с кем-то говорила таким тоном. Чтобы смотрела так. Он замер, впитывая всем телом каждую черточку ее лица и звук голоса своей жены.

Замерла, притихнув, и малышка, видно сбитая с толку незнакомым ей голосом.

А Агния, будто совсем решив выбить сегодня дух из Вячеслава, вдруг наклонилась еще немного ниже и тихо-тихо запела:

— «Гойда, гойда, гой, ніченька іде
Діточок малих спатоньки кладе.
Під вікном тремтить вишенька мала,
В хатку проситься, бо прийшла зима.…»

Вячеслав и захотел бы, сейчас не смог бы уже сдвинуться с места. Он понятия не имел, что там делала дочка Соболева, а сам Вячеслав просто слушал. Он не дышал, не видел и ничего больше не различал, кажется. Только слушал, как поет его жена, заставляя что-то внутри него надрываться от звуков этой тихой колыбельной. И в тоже время, возвращая Вячеславу ощущение какой-то правильности, целостности, которого он так старался достичь сам и дать ей все это время. Ему просто нереально не хватало ее пения, ее голоса. И в этот момент Боруцкий по-настоящему наслаждался, еще до конца даже не веря, что Агния действительно решилась на это.

За его спиной напряженно замер и Федот, так же знающий, какой проблемой для Агнии был вопрос пения. И только Соболев, определенно заметивший по ним, что не все обычно и нормально, кажется, не мог понять, что же именно заставило их напрячься.

Пока Бусинка пела свою колыбельную, Карина продолжала тихонько укачивать дочку, которая если и не заснула, то отвлеклась от плача точно. И даже принялась зевать, поддаваясь напеву Агнии и мерному качанию рук матери.

— Что ж, я не могу не признать, что Карина права — у твоей жены потрясающий голос. Надеюсь, ты пришлешь нам билеты на ее следующий концерт? — тихо, чтобы не мешать женщинам, заметил Соболев, глядя на своих: жену и дочь.

— Она не поет больше, — сипло прохрипел Вячеслав, смотря туда же, только на Агнию, казалось, и не заметившую, что переступила чрез блок в своем сознании.

— В смысле? — Константин с интересом перевел взгляд на него. — Не хочет еще пока выступать?

— Вообще не поет. Ни разу не пела с прошлого апреля, — не отрывая глаз от своей Бусинки, ответил Вячеслав. — Даже Петрович твой ничего не мог тут сделать.

Константин его понял. И вопросов больше не задавал, молча слушая и не отвлекая Вячеслава. Только сказал: «спасибо» уже самой Агнии, когда она, закончив петь, улыбнулась все больше зевающей малышке.

— Мы поехали, — добавил Соболев уже в сторону Вячеслава и помог своей жене сесть в машину, сам устроившись за рулем, пока Карина доубаюкивала дочь.

Агния не ответила, кивнула, то ли принимая благодарность, то ли прощаясь с Соболевыми. Тихо вернулась в объятия Вячеслава и прижалась щекой к его груди, словно припала к нему, израсходовав все силы и теперь нуждаясь в поддержке мужа. Он тоже ничего не сказал, не уверенный, что стоит обсуждать случившееся. Да и не зная, готов ли сейчас к этому.

Вместо этого Вячеслав потянул Бусинку в дом, подозревая, что малышка совсем околела. На улице, несмотря на солнце, температура вряд ли поднялась больше плюс десяти. Она не сопротивлялась: и чай послушно выпила, все четыре чашки, что он заставлял ее пить в течение вечера, и даже глотнула рюмку коньяка, который Федот посоветовал для профилактики всякой заразы, хоть и скривилась. И молчала. Да и они с Федотом не сильно рвались болтать. Так что ужин прошел тихо.

И только ночью уже, когда и Федот давно уехал к себе, и домработница улеглась, да, даже Моня уснула в своей корзине, и только они с Бусинкой сидели в его кабинете: он в кресле, а жена у него на руках, Вячеслав рискнул заговорить:

— У тебя были какие-то проблемы с Кариной? — тихо поинтересовался он, касаясь ее лба губами.

— Нет, — Бусинка вяло сморщила носик. — Мы с ней даже не говорили никогда до сегодня.

— Тогда почему ты так на нее отреагировала?

— Она красивая… Очень…

После этого заявления Агния молчала минуты три. Потом уткнулась носом, который все еще казался ему чересчур холодным, Вячеславу в шею. А он что-то не мог догнать, к чему это она предыдущее наблюдение высказала.

— Не понял? — требовательно уточнил Вячеслав, легонько сжав затылок жены пальцами, под отросшими волосами. — Вот уж не думал, что стоит опасаться конкуренции с такого бока, — Вячеслав приподнял уголок рта в усмешке.

Агния рассмеялась. Серьезно. И это было шикарно, как ему казалось.

— Просто, вспомнила, когда увидела ее впервые, — пальцы Агнии рисовали на его ладони какие-то круги. — Мне так больно было, Шамалко решил на мне свою злость согнать, хоть мне как раз выступать надо было. А тут какой-то его знакомый зашел, вместе с этой Кариной. Я, если честно, плохо понимала, что происходило, из-за наркотиков, наверное. Но почему-то так врезалось в сознание, что эта женщина очень красивая. И ее не столько даже испугало то, что она увидела, а словно насторожило… Не знаю, в общем. Просто сегодня, увидев ее, это все всколыхнулось. И все.

Агния пожала плечами.

Вячеслав промолчал, только сильнее прижался губами к ее волосам, целуя. Но если честно, выслушать это и не сойти с ума ему помогло только то, что он и сейчас хорошо помнил, как хрипел

и орал Виктор, когда Вячеслав методично ломал ему каждую кость в обеих руках, и в ногах. И горло… И как в глазах Шамалко появился уже не поддающийся никакому контролю или гордости панический страх, когда Вячеслав приступил к основной части: эта тварь визжала, умоляя его прекратить. Но Вячеслав и не думал сбавлять обороты. Сейчас же ему захотелось воскресить Шамалко и сбросить в печь крематория еще живым. Или, хотя бы засунуть в пилораму.

Не озвучив и толики своих мыслей, он просто крепче обнял Агнию:

— Мне тоже надо захныкать, чтобы ты мне спела? — как можно более ровным голосом поинтересовался Вячеслав вместо этого.

Бусинка запрокинула голову, моргнула и неожиданно так заливисто и открыто засмеялась, что Вячеслав не удержался от усмешки в ответ.

— Не надо, не думаю, что выдержу такое и не сойду с ума, — призналась Агния. Погладила его подбородок. — Я постараюсь, Вячек, правда, любимый. Для тебя, — она обхватила его за пояс руками и обняла так крепко, словно боялась упасть.

Если она постарается — это хорошо. Это куда больше, чем она могла сказать ему раньше. Совершенно довольный, Вячеслав кивнул.

Глава 45

Волосы отрастали до невозможного медленно. И это несмотря на то, что Агния делала все, что только можно: расчёсывала их регулярно, массируя кожу головы, принимала витамины, вроде бы предназначенные для стимуляции и улучшения роста. Перепробовала огромное количество шампуней и масок, не обращая внимания на цену, буквально отвоевывая каждый миллиметр. И ежедневно кляла то, что заставило ее когда-то зайти в салон в Киеве.

Правда Вячеслав, казалось, приходил в восторг, когда погружал руки в эти отросшие пряди, когда гладил их и перебирал чуть ли не каждый вечер, словно успокаиваясь или умиротворяясь этим «ритуалом». И его, вроде бы, ничуть не смущало то, что за этот год волосы Агнии отросли лишь ненамного ниже линии плеч.

Сейчас, стоя у зеркала в их спальне, она подняла руки и попробовала собрать волосы в пучок. Минуту придирчиво оценивала, вертя головой из стороны в сторону. А потом раздраженно выдернула шпильки и отбросила их на комод. Встряхнула головой, растрепывая и возвращая волосы к первоначальному состоянию — Вячеславу куда больше нравилось, когда ее волосы были распущенны.

Они собирались на очередной прием в центр репродукции. Честно говоря, ей уже начинало казаться, что они там прописались. Но что оставалось делать? Вячеслав спустился вниз, чтобы распределить, кто из охранников поедет с ними, а кто останется дома. Моня, поняв, что ее с собой сегодня не берут: сначала жалобно подвывала, спрятавшись под их кроватью, а потом с гордым и обиженным видом убежала вниз. Видно решила найти более впечатлительную «жертву», готовую поддаться на ее «горе».

Да и сама Агния уже собралась, в общем-то, но никак не могла заставить себя выйти из комнаты. Ничего не хотелось: ни ехать никуда, ни слушать очередные предположения врачей, ни терпеть очередные манипуляции. Но она не собиралась поддаваться этой лени или апатии, в конце концов: «путь осилит идущий», и Агния верила в это всем сердцем.

Однако уже через час она искренне жалела о том, что не осталась дома. И уже ее руку сжимал Вячеслав, словно удерживал, волнуясь, что жена закатит врачам скандал. Но нет, Агния не скандалила. Даже не спорила, хотя врачи в этот раз были гораздо более категоричны, чем когда-либо. И практически без вариантов, пусть и тактично, заявили, что они сомневаются в целесообразности дальнейшего лечения, поскольку ничего из уже опробованного — не оправдало себя. Нет, конечно, можно еще попытаться. Быть может, проконсультироваться в столице или у заграничных специалистов. Однако надежды на то, что это принесет семейной паре желанный результат, врачи не давали. И потому не видели смысла продолжать изнуряющие процедуры.

Агния выслушала их, поблагодарила врачей за их мнение и все то, что они делали, и попросила Вячеслава отвезти ее домой. Ее муж был зол на врачей, но промолчал, как подозревала Агния, только из-за нежелания расстраивать ее скандалом и выяснениями.

— Мы найдем нормальных врачей, малышка, — убежденным голосом заявил он ей, едва они вышли на улицу. — Не слушай этих придурков. Не знают ни фи… ничего, вот и говорят глупости. А мы вменяемых найдем. Специалистов, а не как эти. Соболь вон, вообще в Майями жену возил, консультировал, и все нормально, сама видела…

Агния улыбнулась и обняла его, заставив Вячеслава остановиться посреди стоянки. За ними остановились и охранники, но она уже давно привыкла не обращать на них внимания. На несколько

мгновений замерла, прижавшись лицом к груди мужа, слушая, как стучит его сердце. Наслаждаясь ощущением того, как он ее обнимает. Вздохнула, запрокинула лицо и посмотрела Вячеславу в глаза:

— Не надо, любимый, — Агния погладила его плечо и шею раскрытой ладонью. — Давай, мы не будем пока говорить об этом. Не прямо сейчас, пожалуйста?

Вячеслав сжал челюсти, но кивнул. Повернулся и поцеловал ее ладошку прямо в центр:

— Лады, Бусинка. Пока не будем. Чего ты сейчас хочешь? Точно домой? Будешь вымаливать прощения у своей Моньки? — усмехнулся он, но Агния видела выражение его потемневших глаз.

— Нет, — она покачала головой. — Давай покатаемся по городу? Просто. Мы давно не катались, правда?

Вячеслав вздохнул, но кивнул:

— Правда.

Он отвел ее к машине, усадил. Что-то сказал парням, видно сообщил об их намерении покататься. А Агния просто сидела на своем месте и смотрела в окно: на стоянку перед центром репродукции, на людей, которые заходили и выходили через автоматические двери. Смотрела на зеленую траву и голубое небо, немного блеклое из-за жары и перистых облаков. Смотрела на белый след самолета, которого уже не было видно. Смотрела и даже не думала ни о чем: не хотелось, а может сил для анализа не было. Или это ее сознание так решило защититься от неприятной новости. Только и боли, горя или расстройства она не ощущала. Просто какое-то отстраненное наблюдение за миром вокруг.

Вячеслав ни разу не пытался больше заговорить о решении врачей все то время, пока они катались по городу. Они просто молчали. Только однажды ее муж возмутился и даже повысил голос, когда Агния попросила его завернуть на дорогу, ведущую к поселку, где они раньше жили. Вячек не собирался ее туда везти. Ворчал, возмущался и категорично заявлял, что Агнии там нечего делать. А она только тихо сидела и смотрела на него, взглядом пытаясь показать, что действительно считает это необходимым. В конце концов, раздраженно выругавшись, хоть и старался всегда при ней следить за речью, он резко вывернул руль и завернул в проулок.

На том месте, где когда-то стоял их дом кто-то сейчас строил новый. Даже забор был совсем другим. Все не такое. Вот вокруг, вроде бы ничего не изменилось: те же улочки и дома, знакомые ворота соседских дворов. А их дома нет, и на его месте строится что-то совсем другое, незнакомое и непонятное для сознания Агнии.

Она даже из машины не вышла, просто несколько минут посмотрела из окна, когда Вячеслав притормозил по ее просьбе. После чего попросила мужа отвезти ее в церковь.

Она регулярно ту посещала, почти с такой же частотой, как и репродуктивный центр — три раза в неделю, как минимум. Иногда Агния молилась о своем желании иметь ребенка, иногда ставила свечи и молилась об умерших родных, к которым давно причислила и Вову. Просила о здравии для живых. Разговаривала с отцом Игорем, в беседах с которым черпала силу для того, чтобы не терять веру в свою способность стать матерью.

Вячеслав иногда заходил с ней, но чаще оставался в притворе и о чем-то беседовал со священником, пока Агния молилась. Или просто наблюдал за ней через двери.

Сегодня ей просто захотелось заехать в церковь, без какой-то особой цели. Там Агнии было легче ощутить себя полностью открытой перед Богом. И она хотела подумать обо всем том, что стоит или не стоит делать в связи со словами и вердиктом врачей.

Правда, осмысливание этих слов не закончилось в тот же день. Она думала над этим больше

месяца. Нет, не впадала в депрессию, не поддавалась хандре или апатии — жила, любя и обожая своего мужа, смеясь над шутками Федота и проказами Мони. Они даже были приглашены в гости к Соболевым, и приняли приглашение. Сложно сказать, что это встреча прошла совсем уж замечательно, но присутствие Карины уже не вызвало таких острых воспоминаний, а малыши и вовсе скрасили любое вероятное огорчение, так что и Агния, и Вячек были довольны вечером. Еще она рисовала и посещала Валентина Петровича. Но и с психологом, и с Вячеславом она отказывалась обсуждать перспективы своего дальнейшего лечения.

И только спустя почти шесть недель после этого дня, когда они снова приехали в церковь, Агния вернулась к этому вопросу.

Двор был пустым: заутреню давно отслужили, а никаких праздников пока не ожидалось. Потому во дворе было тихо, только летний ветер качал верхушки старых раскидистых тополей.

Агния посмотрела на мужа. Они сидели внутри машины и она не торопилась выходить. Не спешил и Вячеслав, хоть и поглядывал на нее настороженно, видно ощущая, что что-то изменилось в настроении жены.

— Вячек, — Агния посмотрела на свои руки, замечая, как немного подрагивают пальцы. — Я хочу тебя попросить помочь мне. Тебе не понравится эта просьба, — торопливо добавила она, стремясь быть полностью честной и откровенной. Муж прищурился, пока ничего не говоря. Но протянул руку и крепко обхватил ее ладони, прекращая подергивание пальцев. — Только я все равно это сделаю, любимый. Просто мне кажется, что с твоей помощью это будет правильней… — у нее никак не выходило перейти к сути.

— Короче, Бусинка, ты можешь уже толком сказать? — прервал ее рассуждения Вячеслав, похоже, уже серьезно беспокоясь.

Она зажмурилась и глубоко вздохнула:

— Я хочу, чтобы ты обрезал мне волосы, — выпалила она на одном дыхании. — Вот, — Агния вытащила из сумки ножницы, которые взяла у их домработницы, и протянула Вячеславу. Приоткрыла глаза и с опаской глянула на Вячеслава.

Наверное, впервые за всю их жизнь он смотрел на нее так, словно сомневался в наличии у Агнии разума.

— Ты в своем уме, Бусинка?! — рыкнул Вячек, подтверждая подозрения Агнии. — Ты… Ты… Вообще! Нет! Даже, не думай! И тебе я этот идиотизм делать не позволю!

Он с силой сжал руки в кулаки, будто старался сдержать себя.

— Вячек, пожалуйста, я прошу тебя, — стараясь сохранить ровный тон, повторила Агния. — Я знаю, ты пренебрежительно относишься ко всему этому, но… Не знаю, просто, понимаешь, может, я слишком много просила у Бога? Мне же вернули тебя. Я жива и здорова. Мы вместе. И наша жизнь… — Агни улыбнулась, глядя на мужа. — Я счастлива, Вячек, действительно счастлива. Так имею ли я право расстраиваться и грустить, уже получив так много? Понимаешь?

Вячеслав только что-то нечленораздельно рыкнул в ответ и саданул кулаком по приборной панели. Наверное, не понимал.

— Знаешь, я тогда обрезала волосы для тебя, ну, как жертву, что ли. Как те же свечи, что мы ставим в церкви за упокой. Чтоб тебя простили, чтоб дали мир, несмотря ни на что. Я же не знала, что ты жив. Чем больше мы жертвуем, тем это ценнее, и дело не в деньгах, — она облизнула губы, понимая, что серьезно нервничает от того, что муж не смотрит на нее. — А мне тебя вернули… Ну, я не знаю, как это объяснить?! — Она взмахнула руками. — Я долго думала, Вячек, и это кажется мне необходимым. Не для того, чтобы просить о чем-то. Нет. В благодарность за все, что мы имеем, несмотря ни на что. И если Богу угодно, чтобы у нас не было детей — я смирилась, любимый. Это в

Его руках. А нам уже столько дано.

— Нет.

Вячеслав чуть ли не выдавил это слово из себя. А потом резко дернул двери и выскочил на улицу. Тут же прикурил сигарету и глубоко затянулся. Отвернулся от нее.

Агния грустно улыбнулась, глядя на напряженную линию плеч мужа. Она так безумно и беззаветно любила его. И подозревала, что он именно так себя поведет. В конце концов, у нее было множество примеров того, как ревностно Вячеслав относился к каждой ее частичке. Но ее решение действительно казалось Агнии правильным.

Она и сама вышла из автомобиля и, обойдя его, остановилась рядом с Вячеславом:

— Я люблю тебя, — прошептала Агния, приподнялась на носочки и прижалась губами куда дотянулась, к затылку мужа. Он резко выдохнул облачко дыма, ничуть не расслабившись.

Агния отстранилась и еще секунду посмотрела на спину Вячеслава. Вздохнула, чуть поперхнувшись горьким дымом, и повернулась к церкви. Но уже через два шага тяжелая ладонь Вячеслава легла на ее плечо, мешая Агнии накинуть на волосы платок.

— Ни-фи-га, — по слогам прорычал ее муж. — Я не дам тебе сделать ничего подобного, Бусинка! И не надейся!

Она не вырывалась. Наоборот, подняла ладонь и переплела их пальцы, после чего повернулась и посмотрела Вячеславу в глаза:

— Я безумно боялась за тебя, Вячек. Я с ума сходила, хочешь, спроси у Федота, — она улыбнулась уголками губ. — Но я же ни слова не сказала тебе, потому что ты считал необходимым так поступить, чтобы дальше жить. Сейчас я делаю то, что необходимо мне.

Они никогда не обсуждали то отсутствие Вячеслава. И хоть Агния была уверена в том, что ее муж ездил, чтобы отомстить Шамалко, она никогда не спрашивала его ни о чем. И сейчас Вячеславу понадобилось секунды две, чтобы поверить — она действительно об этом знает, и об этом говорит. Агния по выражению глаз любимого видела, когда он это осознал и принял. На щеках у Вячеслава появились желваки, и он сжал кулаки аж до хруста.

Однако, хоть и не сразу, он все же отпустил ее плечо, и потянулся за новой сигаретой. Тихо выругался. Быстро наклонившись, Агния на мгновение прижалась к любимому, обнимая, благодаря за понимание. После чего все же накинула платок на голову и пошла в сторону дверей. Вячеслав дошел только до притвора, наверное, чтобы убедиться, что в церкви для нее безопасно.

Однако к алтарю Агни подошла одна. Она долго стояла, рассматривая иконы. Молилась, вспоминая все, что было в ее жизни, все, через что они прошли, и то, что имели сейчас. А потом опустилась на колени перед алтарем, сняла платок, собрала одной рукой волосы и поднесла к тем хозяйственные ножницы.

Это оказалось не так просто: неудобно было изворачиваться, чтобы удерживать руку, ничего не видно, да и волосы, собранные в жгут, не так уж охотно поддавались даже таким ножницам. И все-таки Агния упорно старалась довести до конца то, что начала, испытывая внутри себя твердую убежденность, что все делает правильно. Но как же это было неудобно и сложно!

С тяжким вздохом она опустила на секундочку руки, которые занемели, и с грустью глянула на собственные светлые пряди, сейчас рассыпанные на кафеле пола. Снова подняла руку с ножницами. Только не успела ее так вывернуть, чтобы пристроиться к волосам. За спиной раздались резкие шаги, и Вячеслав выдернул ножницы у нее из пальцев:

— Бл…! Это ж хватит ума так над собой издеваться! — тихо и зло пробормотал ее муж.

И тремя движениями ножниц обрезал все, до чего Агния не достала.

Она промолчала, почему-то тайком улыбнувшись. Перекрестилась и поднялась с колен.

Повернулась к мужу и тихо прошептала «спасибо». Но Вячеслав только угрюмо скривился и промолчал. А когда они отходили — оглянулся и зачем-то посмотрел на икону, изображающую «Тайную вечерю».

Вячеслав не разговаривал с ней до самого вечера. Это был впервые с той их первой ссоры, когда Агния так рвалась в Киев, а он не желал отвечать на ее звонки. Но она ни капли не обиделась. Агния слишком сильно любила и понимала мужа. И не сомневалась, что и он поймет ее, как это было всегда. Вечером, когда они сели ужинать, Вячеслав подошел к ней и с какой-то обреченностью провел обезображенной рукой по торчащим прядям, каждая из которых была разной длины.

— Они снова вырастут, Вячек, — напомнила Агния.

Обхватила его руку и прижалась губами к шрамам, уже не добавляя: «в отличие от твоих пальцев». Оба друг друга поняли и так. После чего все обиды и споры забыли.

Федот, приехавший к середине трапезы, одарил Агнию удивленным взглядом и настоятельно посоветовал сменить парикмахера. Или одолжить у самого Федота машинку для стрижки, если уж решила себя «под ноль» обкорнать.

О причинах, побудивших ее такое с собой сделать — он не спрашивал.

Через два дня, возвращаясь с очередного приема у Валентина Петровича, Агния вдруг обратила внимание на то, чего раньше не замечала: совсем недалеко, всего в двух кварталах от клиники, на первом этаже совершенно обычной многоэтажки, располагался центр детского творчества.

— Вячек, останови, пожалуйста, давай зайдем? — попросила Агния, сама не зная зачем, но испытав любопытство.

Муж со скепсисом глянул на вывеску, перевел глаза на Агнию, но все-таки остановил автомобиль, пусть и не очень понял, зачем ей это понадобилось.

Они зашли внутрь коридора, оставив охранников снаружи. Несмотря на яркий летний день, здесь царила полутьма, с трудом нарушаемая единственной лампочкой. В коридоре было прохладно. И тихо, наверное из-за каникул никакие кружки не работали. А еще, и это никакой сумрак не прятал, всюду было заметно запустение и обшарпанность. Центр, точно, не роскошествовал.

— Бусинка, ты что тут надеешься найти? — поинтересовался Вячеслав, внимательно осмотревшись.

— Не знаю, — с искренней улыбкой призналась Агния. — Просто, подумалось…

— Вы к кому? — прервав их разговор, вдруг раздался вопрос.

Они обернулись — в торце коридора, видно, выйдя из какой-то двери, стояла полная женщина среднего возраста.

— К директору, наверное, — весело ответила Агния, не дав мужу вставить ни слова.

— И что вас ко мне привело? — удивленно переспросила женщина. Даже прищурилась, словно пыталась понять — знакомы ли они.

— Скажите, а у вас есть кружок по вокалу? — поинтересовалась Агния, приблизившись.

Вячеслав за ее спиной кашлянул. Выразительно так, с намеком. Агнии стало совсем весело.

— Нет, — женщина покачала головой. — Вы ребенка хотели определить? У нас такого кружка нет, может, вы лучше в музыкальную школу…

— Нет, я хотела предложить вам такой кружок создать, — объяснила Агния, продолжая улыбаться. — Я бы с радостью такой кружок вела.

— Ох, но у нас это не предусмотрено, и денег нет, я могу сделать запрос в районо, но не

уверена, что это одобрят, и выделят рабочее место с оплатой.

Теперь Вячеславу стало весело, Агния обернулась и заметила, как он ухмыляется. Муж уже понял, что у нее на уме. Сама Агния рассмеялась:

— Нет, подождите, я не за зарплатой к вам пришла, — успокоила она директора центра. — Не уверена, что вы обо мне слышали, я давно не выступала — меня зовут, звали — Агния Сотенко. Я певица с классическим образованием, кроме того, в дипломе у меня значится и специализация преподавателя вокала. Мы бы с мужем с удовольствием взяли ваш центр под опеку, — совсем огорошила она растерявшегося директора.

Женщина помолчала, а потом откашлялась:

— Понимаете, мы зависим от государственных дотаций, и к нам в основном ходят дети из… не очень обеспеченных семей. Так что вы вряд ли сможете на этом что-то заработать. Никто из них не сможет платить за уроки такого класса…

— Нет, вы не понимаете, — Агния отмахнулась. — Занятия могут быть совершенно бесплатными, или за символическую цену, которую вы обычно берете. Мне деньги не нужны.

— Тогда, что вы хотите? — кажется, директор совсем ее не поняла.

Агния вздохнула, но не перестала улыбаться:

— Хотим сделать здесь ремонт, поддержать кружки, которые у вас уже есть, создать лучшие условия для детей. Создать новые кружки, в том числе и по вокалу. От вас это не требует платы, — тезисно изложила она свои мысли, которые так неожиданно пришли, когда Агния увидела этот центр. — Правда, Вячек? — обернулась она к мужу.

Он смотрел на нее с улыбкой, не обращая никакого внимания на директора. Наклонился к самому ее уху:

— Такие твои желания нравятся мне куда больше, — тихо заметил Вячеслав.

Выпрямился и уверенно кивнул с таким выражение лица, что вряд ли кто-то рискнул бы поспорить с его решением. Во всяком случае, директор к этому точно не была готова.

— Может быть, зайдем ко мне в кабинет и поговорим конкретней? — неуверенно предложила она, указав рукой на комнату, в дверях которой они стояли.

— С удовольствием, — кивнула Агния.

Эпилог

Впервые за тот год, что прошел с создания группы вокала в центре детского творчества, ей пришлось встать рано. Обычно занятия кружков проходили вечером, когда ребята возвращалась из школ. Были, конечно, и несколько кружков для дошкольников, но Агния с ними не занималась. Потому давным-давно позабыла свою юношескую привычку рано подниматься и подстроилась под режим мужа, предпочитавшего засиживаться допоздна.

Но тут такая ситуация, что надо — Агния сама предложила одной из своих учениц перенести занятие на утро, поскольку девочка уезжала вместе с родителями в двенадцать часов дня. А пропускать занятие ученица не хотела. И Агнию это радовало, если честно. Она долго уговаривала родителей этой девочки поверить в талант ребенка, и была просто счастлива, когда ей это удалось.

И все же, проснуться в шесть утра для нее оказалось испытанием. Тем более накануне они все чуть ли не до часу ночи играли в покер с Федотом. И как не пыталась она прекратить игру, напоминая, что ей рано подниматься, ее мужчины каждый раз уговаривали Агнию посидеть еще минутку. Зря поддалась на эти уговоры, тем более что в последнее время занятий было много, да и просто суматошно все как-то складывалось, и Агния ужасно уставала. Иногда даже засыпала в машине, когда Вячек забирал ее после всех занятий. Видно потому, что не выспалась, ей сейчас и было как-то нехорошо: немного подташнивало и голова кружилась.

Глубоко вдохнув, Агния осторожно поднялась с подушки, подумав, что попросит Татьяну Ивановну сегодня что-то легкое на завтрак. «А может, и вовсе йогуртом обойдется», решила она, ощутив, как от первого же движения тошнота усилилась.

Вячеслав, поднявший голову с подушки, как только она пошевелилась, с тяжелым, обреченным вздохом, видимо символизирующим его отношение к такому раннему пробуждению, откинулся назад. Если только ему не мешало что-то совсем уж важное, ее муж всегда старался сопровождать Агнию в центр и либо сидел в машине, либо располагался в одном из свободных кабинетов. И это не считая двух охранников, которые всегда дежурили в центре. Родители детей поначалу немного настороженно относились к этим внушительным и серьезным парням. Но директор быстро убедила всех, что это для охраны самих детей. Да так оно и было в самом деле — ее охранники всегда проверяли посетителей и зорко присматривали за всем, что происходило в коридорах.

Сами же коридоры и кабинеты изменились так, что их было не узнать: за первые полтора месяца каникул, пока не начались занятия, они успели сделать капитальный ремонт. Для украшения Агния нашла художника, который расписал стены сюжетами из сказок. А одну из стен — оставили для воспитанников художественного кружка, и детвора с восторгом присоединилась к украшению своего центра, проведя за этим занятием несколько недель.

— Слушай, может, ты все-таки уболтаешь эту девчонку встретиться попозже? — отвлекая Агнию от воспоминаний, Вячек неохотно приоткрыл один глаз, с надеждой глянув в ее сторону. — И вообще, ты ж раньше не устраивала индивидуальных занятий.

— Она не может позже, я же говорила, — улыбнулась Агния, зная, что муж просто не выспался так же, как она сама. — А у девочки действительно есть талант. Я очень надеюсь, что родители не забросят это и отведут ее еще и в музыкальную школу. Потому и сделала для Маши исключение, — объяснила она и поднялась.

Как только Агния выпрямилась, она осознала, что завтракать в принципе сегодня не будет. А может — и никогда. Ее замутило с такой силой, что не оставалось ничего другого, кроме как броситься в ванную. Вячеслав что-то обеспокоенно спросил, но Агнии в тот момент было совсем не

разговоров. Впрочем, муж оказался рядом с ней, согнувшейся над унитазом, уже через секунду. Обхватив ее за плечи, Вячеслав поддерживал Агнию, пока ее желудок выворачивался до пустых спазмов.

— Бусинка, ты что? Где болит? Что плохо? — обняв ее после того, как помог добраться до умывальника и умыться, начал выяснять он.

И нервничал. Она видела, как сильно Вячек беспокоился о ней.

— Не знаю, — искренне пожала она плечами, прижавшись лбом к его плечу. — Не болит ничего. Голова немного кружится. И тошнило. Сейчас уже легче, вроде бы. Может, отравилась чем-то вчера. Но я, вроде бы, ела все то же, что и вы. И все хорошее было, вкусное.

— Ну, у нас с Федотом желудки железные, — поглаживая ее по спине, усмехнулся Вячеслав. Только напряженность никуда не делась ни из его тела, ни из глаз. — Да и мы все обеззараживаем, — попытался развеселить он ее, намекая на коньяк и виски, который нередко сопровождал их игры в карты и бильярд. — Может ты еще что-то ела, малышка? Подумай?

Агнии не хотелось думать, она чувствовала себя сонной, уставшей и несчастной. А мысль о том, что ей вот-вот надо будет выезжать из дому — расстраивала окончательно. И все-таки она задумалась:

— Ела, — наконец, признала Агния. — У Вити, одного мальчика из последней вечерней группы, вчера был день рожденья. Он принес пирог, я съела кусочек с детворой за компанию.

Вячек глянул на нее так, что стало ясно — теперь она имеет право есть только то, что он лично проверит. Несмотря на ужасное самочувствие это заставило ее улыбнуться.

— Да, ладно, этот пирог еще двадцать детей ели, из всех кружков. Думаю, если бы с ним было что-то не так, мы бы уже знали. Это же дети…

— Ага, дудки. Ты у меня вон, какая хрупкая. Че, первый раз к тебе цепляется что-то, что никого вокруг не возьмет? — хмыкнул Вячеслав, и не думая с ней соглашаться. — В общем, так, — тоном, ясно утверждающим, что свое решение Вячек уже принял, добавил муж. — Я сейчас пойду, чай тебе сделаю и Ивановну попрошу, чтоб тебе сухарей сообразила, что ли. А ты, смотри — если полегчало, одевайся и спускайся. А то, может, все-таки пошлешь это занятие на фиг?

— Нет, не могу. Сейчас чаю попью, и мне станет легче. — Агния понимала, что муж в чем-то прав, но не могла подвести Машу.

Вячек хмыкнул, но больше не настаивал. Вышел из ванной и, судя по звукам, одевшись, пошел на первый этаж.

А ей и правда стало легче. Агния умылась, причесалась (странно, но в этот раз у нее не наблюдалось никаких проблем с отращиванием волос, почти без усилий с ее стороны они за этот год стали даже длиннее, чем до того, как она обрезала их в церкви), почистила зубы, одела сарафан и пошла следом за мужем. Но дошла только до лестницы — здесь ее накрыло новой волной слабости и головокружения, и Агния, не рискуя спускаться в таком состоянии, просто села на верхнюю ступеньку, держась за перила. Тут ее и нашел Федот спустя минуты три.

Друг вчера остался у них из-за позднего завершения игры, да и потому, что выпил порядком. Хотя у Федота давно имелась здесь своя комната, и даже неплохой запас кое-каких вещей на все случаи жизни. А вдруг им с Вячеславом приспичит ночью отправиться на утреннюю рыбалку или сорваться на охоту? И как минимум раз в неделю Федот оставался на ночь здесь, смущая домоправительницу своими подначками и веселя их всех за завтраком.

— Бусина, ты чего это тут расселась? — нахмурившись и напрягшись не меньше, чем Вячеслав десять минут назад, он быстро поднялся, перескакивая через ступени. Видно, как раз шел из комнаты за завтраком. — Где Слава? — друг осмотрелся.

— На кухню пошел, за чаем, — Агния подняла голову. — Доброе утро. Я, похоже, отравилась вчера. Во всяком случае, он в этом уверен. Голова кружится, да и плохо было, как встала. Вот и побоялась в таком состоянии спускаться, чтоб не упасть, — объяснила она.

— Ну ты, блин, даешь. Вот говорю я тебе, зря нос от вискаря воротишь, — хмыкнул Федот, немного расслабившись. Покачал головой и протянул ей руку. — Давай, хватайся, помогу.

Агния с благодарностью ухватилась за предложенную руку и, продолжая опираться второй на перила, медленно пошла, поддерживаемая Федотом. Они прошли ступеньки четыре, когда из кухни вышел Вячек. Оценив ситуацию, ее муж помрачнел еще больше:

— Еще хуже? — подхватил уже Вячеслав ее, когда Федот, кивнув другу, отступил. — Я тебя никуда не пущу, все.

— Да нет, Вячек, просто слабость и голова закружилась. Интоксикация, видимо, — тут же заторопилась с объяснениями Агния. — Но я же не пошла сама по лестнице, вот, дождалась помощи, — она широко улыбнулась мужчинам.

Федот иронично хмыкнул, явно забавляясь. А вот Вячеслав не поддался.

— Ты же со мной поедешь, — напомнила она. — Ну, Вячек, серьезно. Это же всего час. Сегодня больше нет занятий. Я хочу поехать. Сейчас выпью чая, мне станет совсем хорошо.

Муж поджал губы:

— Ладно, пошли за чаем, а там посмотрим.

После незамысловатого завтрака из чая, заваренного Вячеславом, и свежеприготовленных специально для нее сухарей, Агния почувствовала себя совсем хорошо. Вячеслав даже признал, что на ее щеки вернулся румянец. И потому, наверное, он поддался-таки на ее уговоры и они вместе поехали в центр.

Занятие прошло совершенно обычно. Все было хорошо, даже замечательно. И к концу Агния уже и позабыла об утреннем недомогании. Более того, проголодалась. К тому же так, что стоило ей усесться в машину — Агния принялась рыться в бардачке, разыскивая какую-нибудь шоколадку или хоть конфету. Она до сих пор обожала шоколад, и муж всегда с усмешкой баловал ее. Но тут, взяв в рот кусочек, Агния вдруг поняла, что хочет совсем другого:

— Вячек, я зефира хочу, — подняв голову, огорошила она любимого, который уже выворачивал на дорогу со стоянки. — Тут магазин недалеко, давай купим, а? — Агния с надеждой обернулась к Вячеку.

Он смотрел на нее с удивлением:

— Тебя выворачивало три часа назад, Бусинка. Какой зефир? Ты чего?

— Такой, бело-розовый, знаешь? Из двух половинок, — она даже руками изобразила эти половинки. И так отчетливо представила себе вкус зефира, что рот наполнился слюной, а в животе заурчало. — Ну пожалуйста, Вячек. Мне очень-очень хочется. Что плохого в зефире?

Вячеслав нахмурился, сжал губы. Помолчал секунд десять. А потом вздохнул:

— Понятия не имею, — честно признал Вячеслав. — Лады, давай за твоим зефиром.

— Только, давай, много купим? — чувствуя зверский аппетит, попросила она. Видно потому, что не завтракала. — Килограмма два? — с надеждой предложила Агния, заставив Вячека расхохотаться.

— Там посмотрим, — немого осадил ее энтузиазм муж.

К их общему счастью, в отделе сладостей небольшого районного магазинчика зефир обнаружился, и именно тот, который так хотелось Агнии. Она схватила из пакета одно пирожное еще до того, как Вячек достал деньги, чтобы расплатиться, чем вызвала улыбку и у продавщицы, и у мужа. Даже пожилая женщина, лет шестидесяти, занявшая за ними очередь, рассмеялась:

— Дочку ждешь, да? — добродушно спросила она, когда они с Вячеславом посторонились, уступая ей дорогу к кассе. — Я тоже, когда дочку ждала, сладкого наесться не могла, все время мужа в магазин гоняла то за кукурузными палочками, то за лимонадом, то за вафлями. А в магазинах в наше время не так уж легко было что-то найти именно тогда, когда хотелось. Тут геройство надо было проявить, — предалась воспоминаниям пенсионерка. — И главное, точно как ты — худющая была несмотря на это, даже живота до седьмого месяца не было, никто и не верил сразу, что беременная.

Женщина повернулась к продавщице, уже отвлекшись от них, а Агния и Вячеслав так и стояли посреди магазина оторопело глядя друг на друга. Правда, эта оторопь не помешала Агнии доесть зефир и достать из пакета новый.

— Да, нет, — тихо покачала Агния головой, стараясь спрятать от мужа тот факт, что у нее задрожали руки и ослабели ноги от неожиданно нахлынувшей надежды. — Быть не может, я бы заметила. У меня же ничего такого не было…

Тут она замолкла, вспомнив и утреннюю тошноту, и головокружение, и еще множество малозначимых мелочей, про которые так дотошно читала все, что только можно год назад, когда они так отчаянно лечились.

— Да нет… — все равно повторила она, так и держа зефир в руке.

Вячеслав же молчал и смотрел на нее: сначала в глаза, а потом на этот самый бело-розовый зефир. Ухватил ее за другую руку. Крепко-крепко, но очень бережно.

— А мы проверим, малышка, — сипло заявил ее муж, ведя Агнию к машине и одновременно звоня в клинику, в которой они так долго наблюдались.

Их врача, который лечил Агнию год назад, на месте не было, все-таки суббота. Но дежурный врач приветливо встретил их в холле, уже с историей болезни Агнии на руках. Он внимательно выслушал ее немного сбивчивый рассказ (Вячеслав все еще предпочитал молчать), поинтересовался — делали ли они тест, и когда прошла в последний раз смена цикла? Агния растерялась еще больше — о тесте, ясное дело, они и не подумали, а цикл у нее после выкидыша так и не стал регулярным, несмотря на все проводимое лечение, и она часто забывала следить за тем, когда и как у нее все проходит. Все равно не могла уловить закономерности. Врач покивал, сделал какие-то заметки, и с вежливой улыбкой, очень тактично заметил, что вероятность отравления домашним пирогом с кремом в летнее время очень вероятна. Но раз уж у пациентов есть сомнения — врач предложил Агнии осмотр. Конечно, она согласилась, хоть и начала испытывать неловкость из-за того, что все это могло оказаться глупостью.

Однако стоило врачу приступить к осмотру, как вежливая улыбка на его лице сменилась сначала недоумением, а потом и явными признаками волнения. Агния, буквально «прилипшая» глазами к нему, поняла, что ее затрясло от нарастающего напряжения. Заметил изменение в поведении врача и Вячеслав, стоявший за креслом.

— Ну? — ее муж потребовал у врача ответ таким тоном, какого Агния от него лет семь не слышала, словно в прошлое заглянула, вспомнив, как он своих «парней» в задней комнате ресторана вычитывал.

Заметил особенности тона и врач, который теперь нервничал не меньше их, кажется.

— Давайте, не будем торопиться с выводами, — немного заикаясь, заметил он, помогая ей подняться с кресла. — Давайте-ка мы перейдем на кушетку, и я проведу УЗИ…

Агния не знала, как там Вячеслав, а вот ей хотелось схватить врача за отвороты его белого халата и встряхнуть, несмотря на разницу весовых категорий. И потребовать немедленного ответа.

Однако она только сильнее вцепилась в напряженную руку мужа и послушно улеглась на кушетку, чуть поежившись, когда врач щедро плеснул ей на кожу холодного геля.

— Невероятно! — не успев включить аппарат, вдруг воскликнул врач, заставив Агнию вздрогнуть. — Никогда бы не поверил, если бы не видел сам, — он рассмеялся и посмотрел сначала на хмурого, все еще ничего не понимающего Вячеслава, а потом на нее. Агния затаила дыхание, не смея поверить той догадке, что все увереннее захватывала ее мозг, пока врач не скажет это. — Вы действительно беременны! Поздравляю! Причем, если верить размерам плода, — не замечая их шока и онемения, врач что-то покрутил на передней панели аппарата УЗИ. — Уже почти полных четыре месяца. Неужели вы ничего не замечали?! — врач вновь обернулся к Агнии. И тут, похоже, наконец-то заметил ее состояние. — Так, не волнуйтесь, главное, вам нельзя, — улыбнулся врач. — Вот, смотрите, — он повернул монитор к ней и включил звук.

Агния смотрела на монитор и ничего не понимала, если честно. Все было совсем не так, как в первый раз. Она не могла различить — где голова, а где ноги, хоть ребенок был уже гораздо больше. Просто не улавливала. Вообще ничего, как и Вячек, кажется.

Ее муж вообще как-то так тяжело сел на край кушетки, около ее ног. Продолжая держать Агнию за руку, Вячеслав вдруг опустил голову и прижался лбом к ее коленям, с силой выдохнув, так что у нее по коже дрожь прошла от его дыхания. Но тут же поднял голову и посмотрел на нее с такой силой, оптимизмом и радостью, что она вдруг рассмеялась от нахлынувшего счастья. И от этого звука — ударов сердца их ребенка, который казался ей совершенней любой музыки, когда-либо написанной человеком.

— У вас девочка, кстати, — вклинился врач в эту связь, протянувшуюся между их глазами и сердцами.

И вот тут рассмеялся Вячеслав. Настолько открыто и искренне, так свободно.

Потом приехал и их лечащий доктор, не поверивший по телефону коллеге. И даже Алексей, решивший после звонка Вячеслава, что им не помешает там присутствие понимающего человека, среди всех этих «ненормальных гинекологов». Федота удалось уговорить остаться дома и дождаться их возвращения после всех тестов и анализов. Как именно ее муж это сумел, Агния не знала — Вячек звонил в коридоре.

Ее же все это время врачи донимали вопросами: чем и где она лечилась? Что принимала? И никак не желали верить, что они с Вячеславом в принципе не занимались больше лечением.

— Может, вы за границу ездили? Там обследование проходили, какие-то процедуры? — доктор, который когда-то лечил ее, смотрел запись УЗИ, сделанного его коллегой, листал результаты анализов, которые уже успели провести, и все еще недоверчиво покачивал головой.

Агния улыбнулась:

— Мы ездили, конечно, но отдыхать, в отпуск, — тут же притушила она энтузиазм, вспыхнувший в глазах врача. — И никуда, кроме как на пляж и по старым городкам Италии мы не ходили. И на концерты еще, конечно, — чувствуя некоторую вину за то, что разочаровывает доктора, пояснила Агния. — Только это вряд ли бы как-то повлияло, как я понимаю.

Врачи кривовато улыбнулся, захлопнул ее историю болезни и кивнул:

— Да, я не совсем это имел в виду. Просто это достаточно невероятный случай, ваше заболевание не из тех, которые могут пройти самостоятельно, во всяком случае, я изучил в процессе вашего лечения всю доступную литературу, в том числе и публикации зарубежных коллег, и… — он развел руками.

Агния снова улыбнулась, если честно думая совсем о другом:

— Мы ничего не делали, — еще раз заверила она врача, — просто жили, работали, ходили в

церковь…

— Что ж, без чуда тут явно не обошлось, — усмехнулся врач, — может в этом все и дело.

Тут в кабинет все же вернулся Вячеслав и врач оставил эту тему. Зато Агния наконец-то получила возможность задать все свои вопросы: и как так вышло, что она ничего не заметила? Ведь в первый раз почти сразу ощутила, что что-то изменилось в ее теле. И почему ее фигура не меняется, ведь уже пора, хоть немного? И не навредила ли она ребенку тем, что все эти месяцы не наблюдалась у врача и не принимала никаких препаратов?

Однако врач ее успокоил:

— Судя по анализам, что мы успели провести, и по данным УЗИ — с ребенком все просто замечательно. Ваша девочка растет и развивается совершенно нормально. Мы, конечно, еще завтра несколько дополнительных анализов возьмем, но пока — могу с уверенностью сказать, что вам волноваться не о чем. А витамины и сейчас не поздно начать принимать. Что же касательно остального, — врач посмотрел на них с улыбкой, а потом глянул Агнии прямо в глаза. — Это не очень научно, но есть у нас такое наблюдение, что иногда беременность словно «невидно» до времени. Будто Бог прячет ребенка ото всех, даже от врачей и женщины, защищая и оберегая. Видно и с вами так. Так что думаю, скоро все у вас проявится.

Агнию эти слова врача почему-то совершенно успокоили. А вот Вячеслав, и так до сих пор не пришедший в себя, кажется, определенно напрягся. И всю дорогу до дома ворчал себе под нос о том, что не может доверять врачам, которые ни фига не могут сами разобраться ни в том, как их следовало лечить, ни в том, как беременность у его малышки протекает и развивается. Агнии было так смешно слушать это ворчание. Да и просто, в тот момент ей все вокруг казалось замечательным, веселым и самым прекрасным. Она преспокойно поедала зефир, игнорируя намеки мужа, что может не стоит все два килограмма за один присест уминать, так и плохо стать может от сахара. И пыталась убедить самого Вячеслава, что у них нормальные врачи. Просто и они с ним все правильно сделали. Вячеслав только криво улыбался на ее уговоры, но не спорил. И ни слова не возразил, когда Агния попросила его по дороге заехать в церковь — ей очень хотелось поставить свечи: за здравие, и как благодарность за это чудо, о котором она столько молилась, пусть и доверила вопрос Богу целиком и полностью.

Первой, кто встретил их на пороге дома, оказалась Моня. Собака вылетела из дверей, стоило Вячеславу те толкнуть, видно соскучившись по хозяевам за день. Но только Бусинка наклонилась, чтобы подхватить любимицу на руки, как в холле замаячил Федот:

— Даже не думай, Бусина! — прикрикнул друг, развеселив Вячеслава серьезной миной лица. — Я читал, что на животных куча всякой заразы находится, которая беременным и задаром не нужна, так что забудь о том, чтобы таскать эту крысу. И потом, тебе тяжести нельзя поднимать…

Вячеслав глянул на свою оторопевшую малышку, подозревая, что и сам сейчас смотрит с таким же изумлением, как и она. Потом глянул на серьезного друга — и расхохотался так, что не мог потом еще полчаса прекратить посмеиваться. Причем, черт знает, что его больше поразило, то ли то, что Андрюха, оказывается, сподобился еще что-то прочитать, кроме любимой сказки, то ли сама тема его литературных изысканий. То ли то, с какой серьезностью он вдруг взял на себя роль «мамочки» или, скорее, «папочки» Агнии. И чем дальше, тем больше это проявлялось, превращаясь у Федота в какую-то маничку. Видно вдруг нашелся выход для выплескивания всех его не реализованных родительских инстинктов: узнав, что Вячеслав позволил жене съесть столько зефира по дороге из клиники, Федот натурально переполошился и принялся читать им лекцию о том, как важно правильное питание для беременных. Бусинка выглядела так, словно никак не могла

понять — кто это такой перед ними, и куда делся Федот? А их домработница, Татьяна Ивановна, по секрету шепнула Вячеславу, что с той минуты, как он позвонил другу, чтобы сообщить радостную новость, тот засел за ноутбук и штудировал эти три часа все, что только смог найти по теме беременности.

Вячеслава так и подмывало напомнить другу, как скептично он был изначально настроен к Бусинке и их отношениям. Сколько третировал и малышку, и его самого. Уж больно смешно было наблюдать за таким преображением Федота. Но он сдержался, решив пару часов потерпеть.

Зря, как выяснилось позднее. Надо было Федота сразу осадить, потому как потом на него никакие намеки и даже открытые наезды уже не действовали. Андрюха так основательно вжился в роль «отца Бусины», что его из этой роли и под дулом пистолета не удавалось заставить выйти. Он пилил Вячеслава, что тот плохо заботится о девочке, поддаваясь на ее уговоры и позволяя есть или делать то, что совсем не подходит беременным. Вечно притаскивал овощи и фрукты, всевозможные витамины и какие-то добавки. Уговаривал ее записаться на подготовительные курсы и гимнастику для беременных.

Однако Агния относилась к этому со смехом, и даже стала подкалывать друга, называя его не иначе, как «папочка». Федот хмурился, но Вячеслав видел, что другу это даже нравится. Честно сказать, он просто угорал, наблюдая за ним. И даже был в чем-то благодарен Федоту, потому что этот заскок друга давал ему самому прекрасный повод отвлечься от страхов и опасений, накинувшихся на Вячеслава с новой силой, как только он узнал о беременности своей малышки.

И по фигу, что он рассчитался со своими врагами. Не со всеми же покончил, в конце концов. И вообще, мало ли, чего случиться может, он давно перестал доверять случаю и жизни в том, что касалось его девочки. Потому, намекнув Федоту, что если тот будет перегибать палку в своей опеке и оспаривать поступки и решения самого Вячеслава, то он скажет охране его и на порог не пускать, Вячеслав плотно занялся вопросом организацией полной безопасности своей малышки от всего на свете.

А Агния, кажется, искренне забавлялась, следя за их «старческими» заскоками и наслаждалась каждым днем своей беременности. Тем более что через пару недель она ощутила первый слабый толчок ребенка и убедилась, что все протекает нормально.

Вячеслав же, напротив, с каждым днем все больше напрягался. По ночам, обнимая свою Бусинку и ощущая ладонями, как безобразничает внутри нее их дочь, он обливался холодным потом, беспокоясь о том, выдержит ли его хрупкая малышка возросшую на ее организм нагрузку и такое испытание, как роды. Не больно ли ей терпеть все эти ворочания и толкания растущего ребенка? Но Бусинка, казалось, вообще ничего не замечала и спокойно спала, тогда, как он изводил себя этими вопросами. И чем больше становился срок беременности, тем меньше уверенности оставалось у Вячеслава в том, что все пройдет хорошо, несмотря на попытки Бусинки и врачей успокоить его и заверить, что «миллионы женщин по всему миру ежедневно рожают». Его малышка не была из этих миллионов. Она была уязвимой и хрупкой. Да, сильной волей и такой упертой, что хрен сдвинешь, если она что-то решила, но ведь такой уязвимой физически…

Дошло до того, что после очередной консультации у врачей, на которую Вячеслав привез жену месяце на шестом, он вывел малышку из кабинета, усадил в машину и, попросив подождать, вернулся, чтобы популярно объяснить, как врачам важно сделать все, чтобы с его Бусинкой ничего не приключилось. Они прониклись.

И, быть может, не в последнюю очередь благодаря этому «объяснению», решили, что для Агнии (и для них самих) более безопасно будет кесарево сечение, чем естественное ведение родов. Тут принялась спорить сама Бусинка — она отчаянно хотела рожать самостоятельно. Но чем ближе

оказывался день родов, тем больше врачи убеждали ее, что ребенок слишком крупный для этого. И тут не во влиянии Боруцкого было дело — на восьмом месяце беременности вес их дочки врачи определяли в три килограмма двести грамм, что было чересчур для таза Агнии. Вячеслав винил себя и в этом, убежденный, что ребенок вымахал в него таким крупным, а Бусинке еще и приходится его каждый день таскать. Тем более что и Федот не отказывал себе в удовольствии по сто раз на день бухтеть о том, как это малышку угораздило выбрать себе в мужья такого «бугая». Несколько раз Вячеслав был серьезно близок к тому, чтобы расслабиться, хорошенько врезав другу по морде. Но Бусинка со смехом вовремя спасала их дружбу и психику самого Вячеслава, убеждая, что никакого другого мужа ей не надо и никогда не было нужно.

В общем, к дню, на который Бусинке назначили операцию — дом напоминал пороховую бочку с подпаленным фитилем. И, пожалуй, они все вздохнули с облегчением (хоть и по разным причинам), когда выехали из двора в направлении клиники.

Имя для их дочери выбирала Агния. Вячеслав в этот раз даже не порывался что-то сказать, заявив, что примет любой вариант, который Бусинка озвучит, ему без разницы, только бы с ними обеими все хорошо было. Малышка думала месяца три, отвергая варианты один за одним. Дошло до того, что однажды ночью она ему с печалью призналась — что ей вообще ни одно женское имя не нравится, и она не может определиться. Вячеслав, честно не зная, чем тут помочь, предложил назвать дочь в честь матери Бусинки. Но малышка покачала головой, сознавшись, что уже думала об этом, но боится называть дочь в честь трагически погибшей бабушки. Она вообще стала несколько суеверной, хоть и старалась от этого избавиться и даже несколько раз исповедовалась в этом грехе отцу Игорю. Но у них в доме все равно еще не было ничего, что напоминало бы о скором появлении ребенка — Бусинка не позволяла купить даже пеленку. В общем, этот вариант с именем Агния отвергла. И тут, когда Вячеслав уже почти уснул, спустя минут сорок, жена начала буквально трясти его плечо:

— Вячек, а давай назовем ее Алиной? Как Алину Дмитриевну, помнишь, мою соседку? Она столько мне помогала, почти, как бабушка была.

Поскольку Вячеслав обещал не спорить и чересчур хотел спать в полчетвертого утра, он охотно согласился, все равно не имея других вариантов. На этом и остановились.

Когда началась операция, Вячеслав сосредоточился только на том, чтоб не двинуться умом от страха за свою жену. И искренне радовался, что она была в сознании, благодаря эпидуральной анестезии. Если бы Бусинка с ним не разговаривала, он не знал, как бы вынес то знание, что в семидесяти сантиметрах от него ее режут. Правда, когда ему в руки всучили заоравший теплый комок, уже в шапочки и пеленке, Вячеслав забыл обо всем на свете. Не потому, что в момент осознал, что это его дочь. А потому что тут же поднес дочку к лицу Бусинки — и счастье в ее глазах, на ее лице — было для него самым желанным зрелищем в мире.

В уход за новым членом семьи все погрузились с головой. Причем, Вячеслав даже со смехом замечал Бусинке, что няня им не нужна — Федот моментально и закономерно перестроился из роли «отца» Агнии в роль заботливого «дедушки» Алины Вячеславовны, не чающего души в своей «внучке». И так самозабвенно предавался этому, что Агния решила — другого крестного для дочки им и искать глупо. А вот с ролью крестной они долго не могли определиться — не было у Агнии подруг. И в итоге, наверное, даже исходя больше из тактических соображений, сам Федот предложил Боруцким пригласить на эту роль Карину Соболеву. Общие дела — хорошо, но кумовство посильнее будет, и Алине дополнительная поддержка в виде семьи Соболевых не

помешает. Вячеслав как-то сомневался, но в конце концов признал разумность такого выбора.

А вообще на него обрушился такой ворох дел и суматохи: столько надо было всего купить, обеспечить и организовать, позаботиться о Бусинке, что он поначалу даже не особо проникся самим понимание того, что у него родилась дочка. И обрушилось это понимание на него недели через две, наверное, буквально стукнув по темечку: Вячеслав шел по коридору, воспользовавшись редким сейчас тихим моментом, собираясь покурить на веранде. Федота в кои-то веки не было, Вячеслав отправил его проверить дела в магазинах и ресторане, потому как у него на это времени пока не хватало. Дочка, наверное, спала. Во всяком случае, ее не было слышно, как и Бусинки, обычно ворковавшей над дочкой, когда та бодрствовала. Вроде и момент, когда можно спокойно отдохнуть. Но Вячеслав решил все-таки заглянуть в детскую, обставленную в соседней комнате с их спальней, ну просто, на всякий пожарный проверить. Убедиться, что все нормально. Тихо открыл двери, да так и замер на пороге, оглушенный зрелищем: Бусинка сидела в кресле качалке, держа дочь у груди. Но Алина уже не ела. Похоже, обе его девочки спали: Алина — наевшись, а Бусинка — утомленная всеми этими хлопотами. Его жена была сейчас такой расслабленной, спокойной и красивой, такой умиротворенной, что у Вячеслава сдавило горло и что-то стало колом за грудиной, так, что сглотнуть пришлось, проталкивая воздух внутрь себя. И малышка на руках Бусинки, такое крохотное существо. Он до сих пор ощущал какую-то неловкость и неуклюжесть, когда брал ее на руки, боясь чересчур сильно сжать и что-то повредить своей дочери.

Вот тут его и приложило осознанием.

Такие хрупкие девочки. Его красавицы. Его малышки. Целиком и полностью. Идиотом он был. Не сумеет он их никому доверить или оставить. В этот момент Вячеслав вдруг понял, что все что угодно сделает, лишь бы как можно дольше быть с ними. Чтобы увидеть, как его дочь первый шаг сделает, и слово скажет. И как в школу пойдет. Он ее стрелять научит. Тайком от Бусинки, само собой, зачем любимой волноваться попусту? А его дочка кому угодно должна будет уметь дать отпор, мало ли, пацаны сейчас такие хамы. Нет, он, Вячеслав, конечно, ее от всех защитит и будет присматривать. Но мало ли? И как в университет его дочь поступит, он хотел увидеть. А она обязательно поступит. Наверняка, такая же умная, как ее мать будет. А может — и голосистая такая же, судя по тому, как по ночам орет, когда проголодается. И Вячеслав все-все это вместе со своей Бусинкой увидеть хотел.

Он все свои силы приложит. Руками, ногтями, зубами за жизнь держаться будет, не впервой. Но сделает все, чтобы девочек своих защитить и уберечь. Чтобы любить их и баловать так, как никто на свете.

Сжав пачку сигарет, которую держал в кулаке, он сунул ее в карман и зашел в комнату, послав подальше желание закурить. Осторожно забрал из рук Бусинки спящую дочку, так, что ни одна из них не проснулась. Уложил дочку в кроватку. А потом так же осторожно поднял на руки жену, которая умудрилась вообще не набрать веса за время беременности, хоть ела, как не в себя. И крепко прижимая к себе вздохнувшую во сне жену, понес ее в их спальню, уверенный, что там ей будет гораздо удобней. А тут поддался искушению и так и улегся вместе с Бусинкой на руках. И сам уснул, уткнувшись носом в распущенные волосы жены.

---

notes

Примечания

1

Падает снег -
Этим вечером ты не придешь.
Падает снег –
И сердце моё окутал траур.
Tombe la neige — SALVATORE ADAMO

2

Лютий (укр., читается через "ы") — февраль (рус.)